

БОГДАН БЕЛЬСКИЙ

?-1611

БЕЛЬСКИЙ

Геннадий Ананьев

ОПРИЧНИК

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН**

ас
АСТРЕЛЬ
Астрель
Москва
2003

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 64

Оформление
В. И. Харламова

Ананьев Г. А.
А 64 Вельский: Опричник: Ист. роман / Г. А. Ананьев. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 506, [6] с.: ил. — (Сподвижники и фавориты).

ISBN 5-17-018460-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-06232-5 (ООО «Издательство Астрель»)

О жизни одного из ближайших сподвижников царя Ивана Грозного, видного государственного деятеля XVI-XVII вв. В. Я. Бельского рассказывает новый роман писателя-историка Г. Ананьева.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать 30.02.2003. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,29.
Тираж 7 000 экз. Заказ № 1232.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002

ISBN 5-17-018460-3
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-06232-5
(ООО «Издательство Астрель»)

© Ананьев Г. А., 2003
© ООО «Издательство Астрель», 2003

ISBN 5-17-018460-3

9 785170 184606

Отечественная история. М., 1994 г., т.1

ВЕЛЬСКИЙ Богдан Яковлевич (? — 7.3.1611, Казань), государственный деятель. Из дворян, служивших в середине XVI в. в г. Белый и его уезде. Племянник Г. Л. (Малюты) Скуратова-Бельского. Выдвинулся в период опричнины. В 1575–76 влиятельнейший член особого двора; по мнению Дж. Горсея, «главный любимец царя». Видный воевода в Ливонской войне 1558–83 (походы 1570-х гг.). В 1573 в чине стольника получал 250 руб. в год. В 1577 думный дворянин, с января 1578 оружничий. С конца 1570-х гг. постоянный участник дипломатических переговоров, на которых именовался боярином и наместником ржевским. В 1580 «дружка» на свадьбе царя Ивана IV с Марией Нагой и до смерти царя — его фаворит. В конце 1583 — начале 1584 вел переговоры с английским послом о женитьбе Ивана IV на королеве Елизавете. Владел вотчинами и поместьями в Московском, Ярославском, Переяславском, Зубцовском, Вяземском и др. уездах. Хранил свою казну в Иосифо-Волоколамском монастыре, куда давал богатейшие вклады. После смерти Ивана IV (1584) выступал за сохранение особого двора и опричных порядков, предприняв, по-видимому, попытку дворцового переворота. Сослан воеводой в Нижний Новгород с конфискацией части поместий, но сохранением чина. В Боярском списке 1588–89 значился оружничим с пометой «в деревне». Летом 1591 участвовал в военных действиях против Крымского хана (был награжден золотом, шубой в 50 руб. и кубком). Во время русско-шведской войны 1590–93 в походе под г. Выборг (декабрь 1591)

командовал артиллерией. После смерти царя Федора Ивановича (1598) выступал претендентом на трон. В сентябре 1598 пожалован в окольничие, участвовал в серпуховском походе Бориса Годунова. В 1599 возглавил военно-градо-строительную экспедицию на Северский Донец и поставил близ Азова крепость Царев-Борисов. В ноябре 1601 года вместе с боярином кн. В.Б. Черкасским руководил одним из Судных приказов в Москве. В начале 1602 подвергся опале с конфискацией имущества и был сослан: по одним сведениям, в Сибирь (К. Буссов), по другим — «на Низ» («Новый летописец»). В Боярском списке 1602–03 выборный нижегородец В.Б. Онучин записан как «пристав у Богдана Бельского». После смерти царя Бориса Годунова В. возвратился из ссылки в Москву; принимал участие в восстании 1605 против Годуновых и активно поддерживал Лжедмитрия I, который пожаловал ему боярство. В 1606 воевода в Великом Новгороде. С 1606 и до конца жизни воевода в Казани. Убит казанцами (сброшен «с роскату»).

Геннадий Ананьев

A decorative border made of stylized floral and scrollwork elements, framing the title and author information.

ОПРИЧНИК

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

релище потрясающее: кровавый пир стремительной силы. Едва табунок быстrokрылых чирков¹ вылетел из-за изгиба Москвы-реки на простор Щукинской поймы, тут же пущенные наперехват соколы принялись выбивать из плотного табунка намеченные жертвы — табунок потерял стройность, и тут наступило полное раздолье соколам: они не успокоились, пока не сбили последней утки.

А с островков, какие словно цепочкой отгородили пойму от стржня, плыли собаки к подбитым чиркам, чтобы, ловив жертву, донести ее до ног своего хозяина.

Но особая кровожадность виделась в налете соколов на лебедей. Величавыми парами тянули они по руслу реки, не предчувствуя беды и — стремительный удар сокола, непременно в лебедку и точно в шею, та комом падает, лебедь же, ее верный супруг, не ускоряет полет, чтобы уйти от опасности, а начинает снижаться, делая круг за кругом в надежде помочь своей подруге, вдруг попавшей в беду, а сокол, набрав в это время высоту, падает молниеносно на неотрывающего взгляда от распластавшейся безжизненными крыльями на воде и потому не предвидящего опасности. С переломанной шеей лебедь тоже падает на воду.

А тут — собаки. Если кто из подбитых лебедей еще жив, острые зубы докончат начатое соколом.

Казалось бы, подобного не может быть в природе, сбив добычу, особенно крупную, сокол довольствуется ею и спешит насытиться, но человек, в угоду себе, натренировал его бить и бить, упиваться своим превосходством над беззащитными жертвами. И каждый соколятник с гордостью смотрел на своих питомцев, предвкушая похвалу сокольниковского боярина или даже самого царя, который неотрывно смотрел на все, что творится в воздухе, восседая на белом в яблоках аргамаке². Царь Иван Грозный любил соколиную охоту не только потому, что она радовала его и бредила душу, но более оттого, что он, наблюдая за ловкостью, за безжалостностью соколов, видел в них себя, бьющего твердой рукой врагов своих, далеко, правда, не беззащитных, как лебеди или журавли, а лукавых, плетущих нити заговоров против него, Богом благословенного править Русью, быть ее полноправным хозяином.

В нескольких саженьях за спиной Ивана Грозного любовались охотой Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, который под именем Малюты Скуратова встал во главе опричнины, и его родственник Богдан Вольский, которого Малюта исподволь приближал к трону с того самого времени, когда царь, по его, Малюты, совету покинул Кремль, чтобы осесть в Александровской слободе, откуда объявить свою волю об изменениях в управлении державой. Малюта опекал Богдана, хотел, чтобы тот стал правой рукой, и при каждом удобном случае раскрывал ему свой взгляд на дворцовую службу.

Но теперь они молчали, ибо любое их слово могло быть услышано царем, а для чего ему знать истинные мысли своих слуг? Да и ловкость соколов их тоже восхищала.

Издалека, от речки Сходни, донесся нестройный лай. Он приближался, и создавалось впечатление, будто свора гонит либо волка, либо лису. Хотя что в это время возьмешь с лисы: облезлая она, линючая. Наверняка псарь остановили бы свору. Да и с волками не время возжаться. Время охоты на них — зима.

Но вот гон остановился, а лай собак стал злобней. Похоже, медведя окольцевали. Сейчас завизжит не в меру ретивый пес, не рассчитавший броска и получивший когтистую затрепину.

Точно. Пронзительный визг покалеченной псины. Теперь никакого сомнения нет — медведя травят.

Царь оборачивается к Малюте и Богдану:

— Полубоюемся.

Нет, не спросил совета, а так, бросил похода и, подобрав поводья, прижал шенкеля к бокам коня своего борзого — конь, послушно крутнувшись, взял сразу же в галоп.

Пришпорили коней и Малюта с Богданом, а следом за ними и опричники царской охраны. Вороньим крылом расправились, стремясь в то же время не отставать от своего государя.

А Иван Грозный дал волю своему скакуну, ибо предвкушал волнующее зрелище: вертится медведь, отшвыривая лапищами своими бросающихся на него остервенелых псов, которых не останавливают потери в их рядах, тем более что их подстегивают криками псарь. Долго идет неравная схватка, пока одна из собак не изловчится и не вцепится медведю в загривок. И вот тогда наступит самое волнующее: медведь, чтобы раздавить вцепившегося клыкастой пастью пса, упадет на спину, и это станет началом его конца. Облепят медведя псы и начнут терзать, пока не испустит он дух.

Царь Иван Грозный прищипывал коня, чтобы не опоздать на злобный пир его псарни и чтобы вместе с псарами понукать собак и без того вошедших в раж — конь послушно пластал, и не только стража, но даже Богдан Бельский все более отставал; лишь Малюта Скуратов висел на хвосте царя аргамака, ибо его вороной был не хуже, чем конь Ивана Грозного.

Перелесок. Обочь тропы — густой ельник. Не свернуть ни вправо, ни влево. Опричники еще более отстали, вынужденные вытягиваться в цепочку, Иван же, чуя по лаю, что до главного еще не дошло, все же шпорил коня, боясь припоздниться. Сам же прильнул к луке, чтобы не хлестнула по лицу какая-либо еловая лапа, которые довольно вольно раскрылились над тропой.

За перелеском — пойменная поляна. Рукой подать до Сходни, откуда все явственней злобный лай. Уже расступаются ели, расталкиваемые белоствольными березами. Видна уже в прогалах и сама поляна. Вот и конец узкой тропе. Но что это?! Всадники?! Не на вороных конях, как все опричники, на разномастных.

Тревожные вопросы, однако, не остановили Ивана Грозного — конь вынес его на поляну, и оказался он лицом к лицу с полусотней всадников в кольчугах, с мечами на поясах, с притороченными к седлам сагайдаками и полными стрел колчанами.

Осадил Грозный коня своего, и тот послушно встал как вкопанный. Не напрасно же учил он своего любимца останавливаться на попоне с полного галопа. Малюта едва не наткнулся на белого в яблоках, но изловчился все же отвернуть и встал между полусотней и царем, загородив его собой. Ладонь на рукоятке меча, а мысли вихрем:

«Сейчас! Сейчас!..»

Да, он вполне понимал, что все решает миг: рванет полусотня, порубит и его, и царя, ибо на него засада.

Вот — Богдан рядом. Уже легче. Крикнуть бы царю, чтобы скакал обратно, к приотставшей охране своей, но разве сделаешь это: не любит Грозный, когда ему повелевают. Опалит непременно, когда угроза минует.

Стоят двое Бельских против полусотни и ждут напряженно, что предпримут непрошенные в царские охоты гости.

Царь, наконец, крутнул коня и — в перелесок. А оттуда выпластывают опричники на своих вороных и окружают полусотню. А те в недоумении, отчего такой переполох?

Малюта Скуратов Бельскому:

— Разоружить и — в Кремль. В пыточную. Допрос я учиню сам.

И поскакал вдогонку за царем Иваном, взяв с собой лишь полусотню опричников.

Царь не останавливался до самого Кремля, не задержался и в нем. Взяв с собой весь свой полк, отбыл в Александровскую слободу. Малюте Скуратову повелел:

— Дознайся, по чьей крамоле на меня покушение?!

Развязаны руки и Малюте. Выходит, ни о чем ином не подумал царь, кроме как о заговоре. Более того, считает, должно быть, что крамола в Москве. Оттого поспешает в Слободу, укрыться за крепкими стенами. Тут нужно подумывать, как угодить властелину.

Задержанных отконвоировали в Кремль затемно. Богдан Бельский сообщает Малюте, о чем узнал от них дорогой.

— Новгородцы они. С челобитной к царю.

— Отчего же словно к сече изготовились?

— Дорога, мол, длинная, не попасть бы впросак. Да и погони опасались. Важное у них слово. К царю самоличное.

— Ишь ты — самоличное... Ты, Богдан, вот что. Безъязыкие которые, в пыточную зови. А потом этих вот, — кивок в сторону уже спешившихся и понуро ожидавших своей участи новгородцев, — поодиночке станем пытаться. Дьяков тоже не нужно. Запомним сами. А доложим, что найдем стоящим.

Ясней ясного Богдану: задумал что-то тайное Малюта. Представил, как станут корчиться в муках, вполне возможно, и в самом деле безвинные челобитчики, но ни слова поперек не молвил. Такое он позволял себе прежде, в первые недели службы в Александровской слободе, когда Малюта поручал ему привозить на пытку и казнь князей, бояр, жен и детей их, возможно, действительно виновных в крамоле против царя, но и слуг верных, без всякого сомнения, совершенно безвинных, если только не считать их преданности своим господам, за что не казнить нужно, но миловать. Малюта тогда всякий раз отчитывал его, несмышлениша, как он говорил, внушая, вопреки расправам с верными слугами опальными необходимость безоговорочно и преданно служить царю, помазаннику Божьему. А один раз даже бросил в сердцах: «Сам, что ли, на дыбу захотел?!»

Нет, у него не было никакого желания бесславно закончить едва начавшуюся службу при дворе, поэтому он больше не возникал со своим мудрствованием, а Малюта стал приглашать его в подземелье, где привезенных им, Богданом, пытали. И подгадывал так, чтобы в это время находился в пыточной сам царь.

Жуть охватывала Богдана, едва сдерживался, чтобы не выскочить вон, а ночью виделись ему изодранные, изжаренные тела, слышались вопли истязуемых, от чего просыпался в холодном поту, и ему редко удавалось заснуть в этот остаток ночи. Так и лежал, вперив взор в темный потолок до самого рассвета. Но раз за разом отступала жуткость, перестала подкатывать к горлу тошнота и, что удивляло более всего, его начало тянуть в пыточную, чтобы там, в подземельном полумраке поглядеть на мучение крамольника, привезенного им и его подручными на расправу.

Подошел и тот день, когда он не отказался от забавы с дочерью опального князя, а затем отдал ее рядовым опричникам на потеху и на лютую смерть после позора.

Сейчас он лишь согласно кивнул, молвив спокойно:

— Все устрою, как велишь.

До самого до утра без устали работали безъязыкие палачи. Рвали тела вздернутых на дыбу зубастыми клещами, выжигали кресты на спинах, загоняли под ногти иглы, но все твердили, словно сговорились стоять насмерть, одно и то же, едва шевеля запекшимися губами:

— С челобитной к царю шли.

— С какой?!

— Ему самоличное слово.

Вскипал тогда гневом Малюта, кричал не сдерживаясь:

— Кончай!

Палач знал, что следует делать, услышав это слово. Выхватывал из горна раскаленный до бела прут и пронзал им грудь обреченного, прожигая сердце насквозь.

И так — с каждым. Один за другим выносили истерзанные трупы тайным выходом к Москве-реке в крапивных мешках и швыряли в воду. Остался один. Верховода челобитчиков.

— Иной способ применим, — поделился Малюта своими соображениями с Богданом Вельским. — Пытать не станем.

Ввели рослого детину. Тоже раздетого до исподнего. В плечах — косая сажень. Руки не за спиной связаны, а спереди. Глянешь на кулаки — оторопь возьмет, что тебе шестоперы пудовые. А лицо доброе, если бы не борода, можно было бы сказать — женское. Лишь окладистая черная борода придавала ему суровость.

— Садись, — не повелел, а попросил Малюта и указал на скамью, с которой обычно начинался допрос. Только не просили на нее садиться, а прикручивали к ней и принимались стегать плетью с крючкатым концом, а если упрямылся отвечать на вопросы, выжигали на спине кресты. Оттого скамья вся в запекшейся крови.

Посмотрел на нее богатырь новгородский, хмыкнул, но все же сел. Малюта — с вопросом:

— Все, кого ты вел в Москву, в один голос сказали, что важное слово имеете к царю...

— Где они?

— О них — позже. Тебя одного повезу к царю Ивану Васильевичу. Но примет ли он тебя, вот в чем загвоздка. Мы, окольные, обязаны знать, чего ради домогаетесь личной встречи с ним. Иначе нельзя. Не получится иначе. И тебя велит казнить, заподозрив в крамоле, да и нас вон с ним, — кивок на Богдана Вельского, — заодно.

Умолк. Вроде бы определяя, что сказать еще. Затем вновь заговорил:

— Что поведаешь здесь, останется навечно тайной. Стены молчат. Вон те, — кивок в сторону тройки палачей, ожидавших своего часа со сложенными на животах ручищами, — лишены языков под самый под корень, а грамоте не учены, царь же не останется все одно с тобой глаз в глаз, непременно нас позовет. Понял теперь, отчего я любопытствую? В добрых ваших намерениях я убедился, но чтобы ехать с тобой к царю, а он подался в Александровскую слободу еще вчера, опасаясь измены в Кремле и увидев в вас исполнителей воли изменников, я хочу знать, чем порадовать царя Ивана Васильевича, когда буду молвить слово за вас, челобитчиков новгородских.

— Ладно, коль так. В Софийском Соборе, за иконой Божьей Матери, письмо, посадниками и боярами писанное. Под Литву они намерены лечь. Заводилами — посадник степенный и посадники бывшие. Митрополит с ними заодно. Похоже, воеводы царицы и наместник его тоже не в сторонке стоят.

— Великую крамолу развели вы. Без поклона царю не обойтись. Пока же, — Малюта глянул в сторону стоявших у горна палачей и повелел им. — За вами слово!

Будто пилом в зады их откормленные ткнули — рывок, и распластан обреченный на скамье, еще миг, и прожог его сердце раскаленный добела прут.

Вышли Малюта Скуратов и Богдан Вельский на свежий воздух. Дыши полной грудью, наслаждаясь пригожестью. А красота и в самом деле неопишная. Солнце будто играет с куполами церквей и храмов, и те весело искрятся разудалым смехом; величаво приосанились и сами белокаменные церкви, будто беспредельно гордятся золотым высокоголовьем своим, обласканным солнцем; и даже могучие кремлевские

стены, хмурые в ненастье, глядятся в это безоблачное утро какими-то уютными – все располагало к возвышенным чувствам и приятным мыслям, и Малюта Скуратов расправил грудь.

– Славно потрудились, Богдан. Славно!

Богдан Бельский, однако же, не разделил приподнятого настроения опекуна своего. Пожав плечами, упрекнул со вздохом:

– Они ради великого скакали в Москву.

– Опять за старое?! Иль непонятно я тебе растолковывал о службе царевой?

– Понятно, но...

– Никаких «но» не должно быть даже близко! – сердито отрубил Малюта, затем смягчился: – Ладно, послушай еще раз. Говорить новгородцы могли одно, а что у них на уме, они так и не открылись. Только старшой будто бы клюнул на наживку. Но ты можешь положить голову на плаху, ручаясь в искренности его? То-то. Новгороду извечно хочется да колетса, только мать не велит. Киеву противился, но куда ему деваться было без него. Владимир стольный не хотел признавать, но мог ли жить он без Низовских земель. Без хлеба Низовского, без торгового через Низ. Теперь вот на Москву косится, даже к Литве морду воротит. Но посуди, резонно ли ему ложиться под Литву? Нет и нет. Ремесленный люд не допустит этого. Житьи люди и купцы тоже поддержат их. И, считаешь, не ведомо это боярам да посадникам? Еще как! Вот и прикинь, какой может случиться расклад: Ивана Васильевича посекли, а в Новгороде воеводствуют и наместничают Шуйские. Они, сами готовя измену, сами же раскрывают ее, приведя люд новгородский к присяге новому царю из Шуйских, понятное дело, кого сами определяют сесть на трон. Что тогда с нами будет? Самое лучшее – Белоозеро или Соловки. После, понятное дело, пыточной, в которой мы сегодня ночь провели. А мы с тобой – Бельские! Гедиминовичи³ мы! Столь же достойные трона, как и Шуйские! К тому же, кровь наша царствующего рода. Иль запямятовал это?!

Как такое забудешь! Гордость рода. Еще при Иване Великом Иван Федорович Бельский, от корня которого и они с Малютой, женился на племяннице государя Елене. Не

меньше, выходит, они имеют права на трон, чем Шуйские. Может, даже больше.

А Малюта продолжал внушать:

– Служить не на побегушках, какая у тебя нынче участь, а стать по меньшей мере окольничим, не так-то просто. Головой думать нужно, а не тем местом, которым на полавочнике сидишь. Я не устраивался этим самым местом на две лавки. Иль тебе пример Адашева не в пример? Он и царя подлизывал, и к боярам тянулся. Я тебе говорил об этом, да и ты вряд ли запямятовал, как свозили в Слободу остатки гнезда Адашевского на допросы.

И это помнил Богдан. Нет, во время того переполоха Богдан не был еще при дворе, но Малюта так красочно обо всем рассказал, что он словно воочию представил, что тогда происходило в Кремле. Занемог молодой царь. Либо в самом деле, а возможно, чтобы выяснить, кто есть кто. Схитрил, должно быть. И что же оказалось? Только князь Михаил Воротынский и дьяк Иван Висковатый не скриводушили. Они буквально принудили многих бояр и князей присягнуть сыну Ивана Васильевича Дмитрию, хотя и ребенку, но законному наследнику. Остальные встали на сторону Владимира Андреевича, двоюродного брата царя, ссылаясь на прошлые уклады. Адашев тоже встал на их сторону. Вот и поплатился сам, через года, конечно, и подвел всех своих друзей и родных.

А вот Григорий Яковлевич Скуратов-Бельский разобрался во всем правильно, показал свою деятельную натуру в полной красе: он приводил к присяге Дмитрию дьяков и подьячих, иной весь дворцовый служивый люд. Вот и взлетел ввысь, стал окольничим при царе, а теперь – глава всей опричнины. Гроза для всех крамольников.

– Не бери в голову, – продолжал Малюта, – что простил царь Иван Васильевич брата своего Владимира Андреевича. Придет срок, расправится он и с ним. Скорее всего, нашими руками. И мы не должны дрогнуть, если стремимся к своей цели. Если же дрогнем или не рассчитаем верный путь, круто может расправиться ныне жалующий нас царь. Мало ли верных своих слуг самолично убивал он лишь за поперечное ему слово? Вот и решай, либо прямой путь, либо возвращаясь в свое имение и сиди там тише мышки. Пойми, жалостливость твоя и недоумения, раскинь умом своим, может по-

ставить под удар и меня. А мне это совершенно ни к чему. Поэтому решай. Вот сейчас же. Без проволочек.

— Останусь при дворе.

— Тогда так: берешь с собой сотню с сотником во главе и — в Новгород Великий. В Софийский кафедральный собор. Поспешай. Но не только на уши коня паяль глаза, не только прикидывай, на каком погосте или в каком Яме менять коней да самим часок-другой передохнуть, а осмысли все, что от меня слышал и прежде, и вот теперь. Что наставники твои в детстве и отрочестве с грамотой вместе о междоусобьях и прочем ином вдабливали в твою голову, что старшие Бельские о корнях своего рода рассказывали, о возвышении Даниловичей в пику Ярославичам. Дорога долгая, вот и определи окончательно свою линию, поняв окончательно расстановку сил и особенно действие царя всей Руси. И знай, не всю же жизнь я в поводьях у тебя буду. Вырос ты из коротких штанишек телом, выгребайся и умом. Уразумел?

— Да.

— Вот и ладно. Слушай, что от тебя требуется в Новгороде. Ни с кем не общайся. Сразу, без промедления, в Софийский храм, к иконе Божьей Матери. Если письмо лежит там, сразу шли вестника. В Слободу. Вернее, до Клина. Если же не встретит нас там, пусть скачет в Дмитров. Если и там нас не будет — Сергиев Посад. В Лавру. Сам же упрячь под запор всех служителей храма. Ни одна чтоб душа не выскользнула и не оповестила Торговую сторону. Особливо бди за митрополитом. Хитер, бестия. Ой, хитер. Поставь на дорогах в пятины Водьскую, Обонежскую, на Шелонь и Деревя, в Заволочье и на Терский берег заставы. Пусть досматривают всех, кто въезжает и, особенно, выезжает. Посадника особенно и посадников бывших, тысяцкого, кончанских старост, сотников ни в коем разе не выпускать. Начнут ерепениться — под замок. Без стеснения останавливать воевод царских и слуг ихних. Словом царским останавливать. Как поступать при приближении нашем, я пошлю к тебе вестника со словом моим. Выезжать завтра с рассветом. Я же сегодня поскачу с докладом к царю Ивану Васильевичу.

— Может, и мне сегодня?

— Нет. Отобрать сотню людей верных время нужно. Ты поспешай, но не сломя голову. Заруби себе это на носу.

Еще один щелчок по носу. Ну да ладно, не во вред и он. Дня и вправду едва хватило. Пришлось даже послеобеденный сон укоротить. Едва-едва успели все сладить, что необходимо было для долгой дороги и для исполнения задуманного в Новгороде. С легким сердцем приказал Богдан сотнику:

— Выезд едва забрезжит рассвет.

— Не лучше ли затемно? Ночи-то уже не коротышки, — посоветовал сотник? — Да и зевак поменее сбежится.

— Давай затемно.

Хмурое предутрие, хотя и довольно зябкое, не бодрило. Неуютно Богдану в седле. От мысли о предстоящем. Там любое может ждать его. Даже смерть, если у новгородской знати далеко зашло, и они готовы будут к отпору. Сомнут сотню ни за понюх табака. А если письмо изымет и сделает все, как предсказал Малюта, тогда тоже не легче: великой расправе подвергнется Новгород, его же имя, как первого царева посланца, будет у всех на устах. Он представлял себе кровь и стоны мучимых, однако его фантазия, как покажет время, лишь цветочки, до ягодок не дотягивала. Вольнолюбивый город потеряет не только тысячи своих граждан, но и все свое лицо. Навечно. Подняться до прежних вольностей и прежней зажиточности он уже никогда не сможет. Но не только это волновало его: никак не налаживалась стройность в мыслях о прощальных словах Малюты Скуратова, который, по сути дела, благословил его на самостоятельный путь, путь без подсказок, без поводья. Это тоже не фунт изюму.

Но постепенно он брал себя в руки, обретая внешнюю бодрость, а вместе с ней и успокоенность. Путь еще далек, успеется все разложить по полочкам. К рассвету Богдан чувствовал себя уже молодцом.

«До самого обеда стану лишь смотреть на уши коня и на дорогу. Пока не втянусь в ритм езды», — приказал Богдан себе и любые мысли вышвыривал решительно.

Когда же подошло определенное им самим время для неспешных раздумий, оказалось, что ничего сложного нет. Все, как говорится, на ладонке. Если особенно не пытаться развязывать прошлые узлы, так хитроумно затянутые потомками Владимира Первого, а сразу перекинуться на обретение власти в общем-то побочной, младшей ветви Влади-

мировичей. Началось о того, что сводные братья Андрея Боголюбского не по праву захватили великокняжеский стол в граде Владимире, устроив засаду на новгородской дороге, по которой спешил занять великокняжеский стол законный наследник — сын Боголюбского, княживший в Новгороде при жизни отца. Узнав о засаде, бежал тот к аланам⁴, к родственникам своим, затем подался в Грузию, где стал мужем великой царицы Тамары, пытался сколотить рать для похода на дядей своих, но сложил буйную голову на Северном Кавказе. А сводные братья Андрея Боголюбского уже не упустили своего. Особенно расстарались потомки Всеволода Большое Гнездо. Они одерживали одну за другой победы в междоусобье с Ярославичами, все более притесняя их.

Даже татарское иго повернули в свою пользу; так устроили, что руками татарских ханов рубили тугие узлы распрей.

И Иван Данилович, сын Даниила Александровича, оказался дальновидней и хитрей всех. Добившись права от Ордынских ханов собирать дань с российских княжеств, он зажал в кулак всех, начал диктовать свою волю. Настоял, чтобы перевести резиденцию русского митрополита из Владимира в Москву, чем и определил окончательно верховенство Москвы.

Не менее потрудился и Дмитрий, возвеличенный именем Донской, который объединял земли то призывным словом, а то и демонстрацией силы на борьбу с татарским игом. Даниловичи при нем еще крепче захватили трон, и уже Иван Третий, Великий, полностью избавившись от дани иговой, осмелился называть себя царем Московским и всей Руси. Всех же остальных Владимировичей он определил в князья служивые, а не вотчинные.

Не обошел он вниманием и Гедиминовичей. С одной стороны, породнился с Бельскими, приблизив их к трону, с другой — видел в них тоже служивых, верных этому трону.

Сын Ивана Великого Василий Иванович еще выше взмывал косою, еще упорней подгрэбал вотчины удельных князей, каждый из которых мнил царем Руси именно себя. Они злобились, но бессильно. Крепко пустил корни царский трон в Москве.

И вот — малолетний царь Иван Васильевич. Под опекой матери своей, Елены Глинской, по случаю оказавшейся ца-

рицей великой державы и боярского совета. Елене недосуд было заниматься сыном, все ее время поглощала сердечная связь с любовником, князем Иваном Федоровичем Овчиной-Телепневым-Оболенским, юным годами, но с великими устремлениями мужа, которому, по большому счету, не ласки царицы были нужны, но сам трон. Вот и боялся Ивана царь-ребенок, ожидая от него в любой момент смертельного удара.

Казалось бы, совет боярский должен был оберегать отрока, коим поручен он был на опеку, пестовать его, но на деле выходило иное: бояре грызлись меж собой тоже за право царствовать, хотя вроде бы сообща добивались возвращения им прав вольных вотчинников, удельных князей, какие имели они прежде. Многие века имели. Но бояре, грызаясь между собой и подминая малолетнего царя под себя, с ненавистью смотрели на любовника царицы, и только она покинула грешный мир, тут же с ним расправились.

Успех еще более вдохновил княжеско-боярские кланы, и они с полным пренебрежением стали относиться к малолетнему царю. И вот в это-то самое время Григорий Скуратов-Бельский принялся исподволь готовить Ивана Васильевича к самодержавству. Если боярский совет управлял страной по своей воле, с царем же забавлялись потешными играми с неперемной кровью на них (пусть знает, чем пахнет смерть, пусть видит и свой конец, если не будет послушным их воле), то Малюта-Бельский внушал ему божественность его власти, мечтая получить при нем почетное место. Он и его сотоварищи победили, оказавшись в огромном выигрыше. Более того, все Вельские получили при дворе больший вес, чем Шуйские и иже с ними.

Иван Васильевич мстит за обиды детские, за попытку отнять у него единовластие, с таким трудом добытое предками, вот в чем главное. Стало быть, следует помогать ему в этом, одновременно возвышая Гедиминовичей. Продумывать ради этой цели каждый шаг, чтобы не попасть в опп. Для себя же лично иметь в виду чин окольничего, а то и слуги ближнего.

Он даже поразился, отчего так ясно не представлял себе всего этого, а довольствовался лишь подсказками Малюты? Теперь-то сам сможет определять свои поступки. Определять без опекуна и наставника.

Вот и теперь нужно все взвесить, чтобы достойно выполнить ему порученное: пройдет все удачно, заметит его царь Иван Васильевич, приблизит к себе как надежного слугу и сподвижника.

Всю оставшуюся дорогу Богдан Бельский продумывал до мелочей каждый будущий шаг, отмечая принятое только что, находя новые решения, но так и не смог найти лучший вариант, в котором не было бы изъяна. Когда подъезжали к главным Новгородским воротам, плюнул на все.

«Видно будет по ходу дела...»

Воротники⁵, увидевши собачьи головы и метлы на луках, расступились пугливо, и вороная сотня, на рысях прошла надвратную башню и так же на рысях миновала торговые ряды, где было уже немногочленно, затем вечерую площадь, совершенно пустынную (хорошо бы осталась она такой до самого приезда царя Ивана Грозного) и вылетела на Волховский мост, нагоняя страх на редких прохожих — новгородцы прижимались к перилам моста поспешно, иные даже кланялись, чтобы не дай Бог не осердить своей непочтительностью черных гостей, слава о которых расползлась по всей Руси. В большинстве городов опричники успели знатно наследить, и люди понимали, что появление их здесь не предвещает ничего доброго.

А Богдан спешил. Опасался, не дадут ли сигнал воротники страже детинца⁶ (а сигнальная связь непременно отработана) и не решатся ли стражники затворить ворота? Туго тогда придется — штурм. Но что сделаешь сотней. Тут тысячи нужны. К тому же, окажется, у архиепископа достаточно времени, чтобы избавиться от улики, и это непременно навлечет на него, Богдана, царскую немилость. По меньшей мере отдалит от себя, а если разгневается, то неизвестно, чем все окончится.

Нет, ворота открыты. Выходит, заговор, если он имеет место, еще не спустился до ратного низа.

«Если так, привлеку ратников к заставам на дорогах к пятинам».

Разумная мысль. Сотни две добрых мечебитцев — не шуточки. Если, конечно, они согласятся подчиниться, минуя воеводу новгородского. Ему, хотя и царем он поставлен, доверять не следует. Вдруг под Шуйскими он. Заодно с ними. Потому — ни слова ему.

Коней осадили у соборной паперти. Богдан — сотнику:

— Оставаться в седлах. Со мной троих определи. Еще по десятку к каждому воротам. Не выпускать ни души.

Спрыгнул с коня и — в храм. Отмахнулся от служки, который испуганно попенял:

— В шапке-то не гоже.

— Гоже! Осквернен он давно! Изменой осквернен!

Засеменил служка к началству своему, а Богдан решительно подошел к иконостасу. Руку за икону Божьей Матери и — есть. Вот оно — письмо. Забарабанило сердце торжествующе. Но не изменил суровости лица своего. Повелевал су-
хо одному из опричников:

— Передай сотнику: всех служителей собора — под замок. Не медля ни минуты. И еще передай, пусть на внешней стороне детинца конные наряды выставит. Скажи еще, чтобы всю стражу собрал бы в гридну для моего к ним слова. Я в палату к архиепископу.

Архиепископ Пимен встретил Вельского в дверях, хотел осенить его крестным знаменем, но Богдан остановил его:

— Не приму благословения от змеи подколотной! От двоедушника! Заходи в свои палаты, ваще благочиние. Садись и читай!

С насмешкой повеличал архиепископа Богдан, и было видно, что с Пимена медленно, но верно сползает величественное благодушие, а испуг накладывает печать на привычное для него высокомерие.

— Читай! Я бы мог сам это сделать, но лучше ты — сам. — И вопрос: — Не под твою ли диктовку писано?!

Архиепископ прочитал первые строчки и воскликнул с ужасом:

— О, Господи!

Бельский сразу понял, что архиепископ слыхом не слышал о письме, но не отступать же.

— Читай-читай!

Еще строчка — и вновь стон ужаса.

— О, Господи! Кому это с Литвой попутней, чем с Россией?!

Вырвал письмо Богдан из рук архиепископа от греха подалее и приказал без скидки на высокий его сан:

— Палаты не покидай без моего позволения! Посчитаешь возможным послушаться, испытаешь меч!

Уверенно пошагал на выход и в дверях громко, чтобы Пимен слышал, приказал опричнику:

— Стоять здесь до смены. На помощь пришлю еще одного. Архиепископа ни в коем случае не выпускать. Если что не так, секите мечами. Грех беру на себя.

«Удачно все началось. Очень удачно. Ну, а дальше что?

Теперь же слать вестника Малюте. Лучше не одного, а парно. Для верности. А утром вторую пару. Чтоб без осечки...»

Сам наставил вестников, велел повторить дважды все, что надлежало им сказать Скуратову, и те, сев на свежих коней из конюшни архиепископа, да еще взяв по паре заводных⁷, поспешили за ворота города. В сопровождении до ворот, на всякий случай, десятка опричников.

Когда десятка воротилась с докладом, что все обошлось как нельзя лучше, Богдан отправился к ожидавшим его в смирении стражникам, ибо не уразумели они, чего ради их разоружили, согнали, словно овец, в гридни и вот теперь держат под стражей.

Бельский вошел и — сразу, что называется, быка за рога:

— Мое слово такое: кто по доброй воле, без оповещения воеводы, готов под мою руку, отходи ошуюю⁸.

— Растолкуй, чего ради от воеводы таиться?

— Не поясню. Не могу. Одно скажу: дело серьезное, всей державы касаемое. Оттого и предлагаю по доброй воле, — по временив немного, добавил: — Неволить не стану, но предупреждаю: кто согласится — двоедушия не потерплю. Кто определит себе на двух скамейках уместиться, конец один — меч карающий!

Отказалось всего пятеро, и тогда Бельский повелел сотнику:

— В кельи их. Со всеми храмовыми служками, — сам же с сожалением подумал: «Несчастные. Отныне жизнь ваша не стоит ломаного гроша».

Следующий шаг — городские ворота. Не менять воротников, на это силенок маловато, но по паре опричников к каждому воротам в самый раз будет. Для контроля.

После чего и до застав дело дошло. По пятку из опричников, по десятку из стражников детинца. Тоже высылать, не дожидаясь рассвета. В стремительности — залог успеха. Расслабиться можно будет лишь после того, как все уладится,

все будут расставлены по своим местам. Да и то, не вовсе рассупониваться, соснуть часика два-три и — ладно будет. Не мешает лично проверить, как правится служба, бдят ли опричники на своих местах.

К тому же нужно подготовить лазутчиков, дабы знать, о чем говорит люд новгородский и не имеет ли намерения посадник с тысяцким возмутить народ. А этого допустить нельзя, хотя и опричников по городским улицам пустить дозорить тоже опрометчиво. Нужно ли будоражить народ, а затем жить в тревоге пару, а то и тройку недель, пока царь Иван Васильевич не войдет в город.

Да, по расчету Богдана царь должен подойти никак не раньше двух недель, а скорее всего, еще позже, и все это время не нужно, по его мнению, делать резких движений. Не настораживать и без того взволнованных горожан.

Богдан ошибался. Вестники встретили передовой отряд царского опричного полка сразу же за Клином, и Грозный, по совету Малюты, отправил в помощь Вельскому пять отборных сотен, и те уже через неделю вошли в город. Под начало его, Богдана Вельского, которому Малюта Скуратов определил, что делать до прибытия Ивана Васильевича.

Пару дней бездействия. Чтобы и ратники передохнули и, это более важно, чтобы хоть немного пришли в себя верхи новгородские и даже чуточку успокоились, не увидев от опричников никакого зла. Вот после этого можно будет начинать.

Неожиданность всегда ошеломляет и лишает возможности быстро организовать сопротивление. Хотя кому сопротивляться?

Еще задолго до рассвета рванули полусотни опричников к дому степенного посадника и тысяцкого, а к домам кончанских старост, сотских и уличских — по десятку. Дома эти взяли под охрану, чтобы никто не имел бы ни с кем сношений. На торговую площадь тоже была послана полусотня, которой Бельский повелел опечатать все лавки, объявив их владельцам, что любой торг прекращается до прибытия в Новгород царя Московского и всея Руси. За ослушание — смерть лютая.

Еще одну предосторожность предусмотрели Бельский с командиром полутысячной опричной рати: направили послов к воеводе и наместнику царевым с повелением от име-

ни Грозного не вмешиваться в дела опричников, держать стрельцов в гриднях и ждать царского слова.

Брать их под стражу не стали, но на всякий непредвиденный случай держали наготове сотню опричников вблизи Ярославова двора.

Присмирел настороженно город в ожидании грозного царя, хотя и не понимал причины нашествия опричников с собачьими мордами и метлами на седельных луках. И только ремесленники не тушили своих горнов, считая, что им-то опасаться нечего, если даже отцы города в чем-то провинились. Они честно трудились, ни в какие свары не вмешиваясь. Да их и не звали для совета с тех пор, как Иван Третий увез в Москву вечевого колокол.

Блажен, кто верует в торжество справедливости.

А Иван Васильевич не слишком-то торопился в Новгород. Он безжалостно расправлялся с заговорщиками по всему пути в мятежный город. И подвинул царя к этому Малюта Скуратов. Излагая все, что узнал он во время пыток новгородцев, он как бы между прочим высказал свое сомнение:

— Гложет меня, раба твоего, одна мысль: как могли проехать посланные покуситься на твою жизнь невидимо Валдай, Волочок, Тверь и Клин? Отчего не остановили полусотню вооруженных, не осведомились, куда и ради какой цели ее путь? Ротозеили воеводы твои? Или иное что? Во всяком случае они должны были оповестить Москву о едущих в ее сторону ратниках без путной грамоты. Если, конечно, все по углу бы. Не пленные ли ляхи и ливонцы воду мутят?

— Как всегда твой ум, Малюта, что стрела каленая, метко пущенная. И мои думки об этом были.

— Может, тогда в Москву не станем заезжать, а напрямиком в Клин?

Не сказал Малюта Скуратов, что он давно определил этот путь, даже Богдану велел слать вестника в Клин, а не встретивши рати, спешить в Дмитров, в Сергиеву Лавру. Но зачем знать об этом царю Ивану Васильевичу?

До Клина борзо шел царь со своим любезным полком. Словно на пожар торопился, когда же встретился им посланник Богдана Бельского и отправлена была полутысяча в Новгород, тоже спешно, движение значительно замедлилось, а в Клину, по замыслу Малютой Скуратовым, и

вовсе остановилось более чем на неделю: пытали заподозренных в измене, не давая выскользнуть из города ни одной душе. А если кого хватили — тоже на дыбу. Даже до Твери не доползли слухи о расправе Ивана Грозного над Клином.

А он там поднял на дыбу всех, на кого хоть бы чуточку пало подозрение. Начал с пленных литовцев. Изошренно пытал, выясняя, кто поддался их уговорам решиться на измену. Несчастные не знали ни о чем подобном, ничего такого в голове не держали, но Малюта Скуратов и подручные его умели выбивать именно то слово, какое уместно было преподнести рассерженному царю.

Начались казни, а следом и погромы. Опричникам только дай коготком зацепиться, тогда их когтистую лапу не оттолкнешь: разорялись и сжигались не только дома казненных, скорее всего напрасно, но и вовсе безвинных. Вернее будет сказать, виновных лишь в том, что они вели знакомство с казненными или служили у них.

Уходил из Клина царев опричный полк, оставив после себя полуразрушенный и почти начисто разграбленный город.

Тверь же встретила царя за полверсты от главных ворот крестным ходом. Епископ впереди с большим серебряным крестом с позолотой и дорогими камнями. За ним — настоятели всех церквей, за их же спинами — наместник, воевода, бояре и гости знаменитые. Епископ поднял крест, дабы благословить великого гостя, царя всей Руси, но Иван Грозный остановил его.

— Погоди. Отчего не вижу среди вас Филиппа? От него хочу иметь благословение.

— Отрешенный от митрополитчьего сана тобой старец Филипп в затворничестве, великий государь. Молится о смягчении сердца твоего. Без усталости молится.

— Твоего благословения, епископ, не приму! Смертью не покараю, но и милости не жди. По заслуге и честь. Как в писании: да воздается каждому по делам его. А вас всех, — обратился Грозный к толпившимся за спинами священнослужителей отцам города, — в пыточную! Пока не откроете мне, по чьей воле пропустили через город вооруженных новгородцев для покушения на меня! Бог прикрыл десницей своей, помазанника своего, я же, верный раб Господа нашего, исполню его завет: око за око.

Подождал, пока церковный клир оттрусит от обреченных и — слугам безропотным:

— За вами слово.

Как вороны на желанную добычу, кинулись черные исполнители, скрутили всем руки в мгновение ока, заломив их за спины, и поволокли к городским воротам, а оттуда в детинец, где имелись глухие подземельные камеры.

Проводил Иван Грозный конвой суровым взором своим и к Малюте Скуратову:

— Скажи в Отроча-монастырь, в келию Филиппа. Испроси благословения на месть мою заговорщикам, кто готовится растащить Россию по своим вотчинам, по уделам своим.

— Будет исполнено.

Хмыкнул Грозный. Знал он упрямство иерарха церкви российской, не поменявшего честь на вольготную жизнь, предвидел потому, чем закончится поездка Малюты.

«Словно читает он мои мысли и делает все, что мне желательно».

Дорога в Отроча-монастырь не очень далекая, Малюта Скуратов знал ее, ибо сам отвозил под конвоем опального митрополита в тот монастырь, но тогда, имея при себе добрую полусотню, он не заметил, сколь глуха она. Сейчас же, когда легкомысленно взял он с собой десяток опричников, костил себя за непредусмотрительность: в этой непролазной чащобе вполне может быть устроена засада, и если не теперь, то на обратном пути — он же не с молитвой в монастырь спешит, а со злым умыслом. Вполне могут верные Филиппу монахи совместно со стражей монастырской ответить злом на зло. И так скоронят трупы, что всем опричным полком не сыщешь.

«Ладно, Бог не выдаст, свинья не съест», — пытался он успокоить себя, но это ему не удавалось до тех пор, пока не нашел он верного, по его мнению, решения: так повернуть в монастыре дело, будто сам по себе Филипп покинул мир грешный. А если будет возможность, что куда как предпочтительней, то в его смерти обвинить самих монахов.

«Изловчусь. Монахи же пусть думают, что хотят, но придраться не смогут».

В монастырь Малюта Скуратов не посмел въехать верхом. На коне, значит, с мечом. Он спешился и смиренно, как богомолец, направился в келью Филиппа. Один. Без со-

провождения я, стало быть, без свидетелей. Перекрестился, переступив порог, поклонился распятию Христа и Божьей Матери, под которыми теплилась лампадка. Затем, так же боголепно, поклонился старцу. И заговорил почтительно:

— От царя нашего великого с просьбой к тебе, великому богомольцу. Благослови его на истребление крамолы в державе его...

Сверкнули гневом потускневшие от времени глаза старца, но тут же взгляд его стал вновь безразличным, отрешенным от мира сего. Ответ его, однако, прозвучал твердо и решительно:

— Я всегда благословлял только добрых на доброе. И ни за что не изменю стези своей. Я давно готовлюсь отдать Богу душу — твори зло, ради которого прислан ты ко мне.

Малюта, не став разглагольствовать, сдвинул тощую старческую шею своими лапищами, пока не успокоилось вовсе тщедушное тело затворника. Подняв старца и усадив его на лавку, притулил к стене и рванул из кельи. Хватя за грудки настоятеля Отроча-монастыря.

— Ты уморил утаром святого старца?! Чтобы, значит, не благословил он царя нашего на борьбу с заговорщиками?!

— Господи! Не грешен я, боярин. По недогляду чернеца, может, — скороговоркой оправдывался настоятель, пугливо крестясь мелким крестом. — Видит Бог, безгрешен я:

— Учিনি допрос и оповестишь меня лично в Твери ли, либо дальше где! — гневно бросил Малюта, потом смягчился: — Похороните хотя бы с честью, святость его почитая. Я с вами вместе провожу его в последний путь.

Вот так повернул в свою пользу случившееся Малюта Скуратов, оставив в виновных настоятеля и чернеца, о котором предстояло дознаться. После этого он мог уже не ждать от монахов и стражи монастырской лиха. Пока придут в себя от страха, пока убедятся окончательно в безвинности своей, он уже доскачет до Твери с доброй для царя вестью.

И все же предохранялся на обратном пути. Вперед пустил два парных дозора на полверсты один за другим, одну пару за собой оставил, сам же — в центре. С четверкой лучших мечебитцев.

Без происшествий доскакал и — в ноги царю Ивану Васильевичу:

— Не исполнил я, раб твой, воли твоей. В келью я, а Филипп стылый уже, на скамеечке сидючи. При мне схоронили его монахи. Я от тебя и от себя по щепотке земли кинул в могилу.

— Воля Господня, — с притворным вздохом рек Иван Васильевич. — Мир праху его. Велю в поминальник навечно внести святое имя его.

Перекрестился троекратно, шепча молитву, и — Малюте:

— Сегодня пируем, а завтра — засучивай рукава. Рви в ключья крамольников. Сам я тоже не останусь в стороне.

Более недели свирепствовали опричники в Твери, пока Иван Васильевич не посчитал достаточным наказание. И вообще, похоже было, что он начал успокаиваться, утомив кровожадность свою. В Медном уже не так лютовал. А Торжку, казалось, вовсе самая малость достанется.

Богатейший город Торжок. От торгового крупного его богатства. Тверда многоводная давала путь кораблям от земель низовских к новгородским пятинам, вот и тянулись по его берегу, примыкающему к городу, причалы и лабазы на добрую версту. Велик здесь и детинец. Не менее новгородского. За его мощными каменными стенами могли укрыться в случае нужды все жители посада. Запасов в Кремле хранилось тоже изобильно. На долгую осаду хватит. Но удивительно, никто даже не помыслил затвориться в крепости от злодейства Иванова, хотя до горожан дошли слухи, как в Клину, Твери и Медном рушили опричники все, что им хотелось, как упивались они кровью мучеников. Лишь шептали с надеждой, моля Господа:

— Боже Всевышний, спаси и помилуй нас, грешных.

Молились, уничижались, не ведая в чем грешны.

Вполне возможно, услышал бы молящихся Всевышний, ибо полусотня новгородская вполне могла и не заехать в Торжок, а миновать его, проехав по прямой дороге от Вышнего Волочка на Клин, так судил Иван Грозный, и намеревался он попытать только воротниковую стражу, не въезжали ли в город крамольники, и уж исходя из их признаний творить суд над городом или миловать его, но все вышло иначе: Малюта донес царю, что в двух башнях детинца — пленные, и посоветовал ему:

— Не с них ли начать?

— Посещу их сам. Пару-тройку попытаем.

В первой от ворот угловой башне литовцы пали перед царем Московским на колени и умоляли его отпустить домой, клянясь, что никогда сами не ополчатся против русских славян-братьев и всем родным и близким закажут — Иван Васильевич вовсе смягчился, пообещал милость свою и направился к дальней угловой башне.

И вот в ней-то и случилось то, отчего зашелся город в стенах мученических, запылали лабазы, разграблены были стоявшие у причалов торговые суда, команды же их перебиты: пленные крымцы, а именно они были заточены в дальней башне, не с почтением встретили русского царя — дикими кошками бросились крымцы на вошедших к ним, вырвали из ножен у опеших опричников мечи и начали сечь ихним же оружием.

Царю бы в первую голову несдобровать, не окажись и на этот раз расторопного Малюты Скуратова. Он, схватив за шиворот Грозного, буквально отшвырнул его к двери, где царя подхватили телохранители, а сам же Малюта оказался лицом к лицу с двумя свирепого вида крымцами, успевшими вооружиться мечами опричников-ротозеев и даже посечь нескольких из них.

Молниеносно обнажен меч — один из врагов с рассеченной головой, но второй успел ударить мечом Малюту.

Спас от гибели палача шелом, к тому же замешательство среди опричников миновало, неприятелей начали сечь беспощадно, и когда покончили с последним, вынесли на воздух раненых.

Крепкая рука у крымца. Хотя шелом и бармица⁹ защитили голову, но меч, скользя по ним, ударил в плечо, и если бы не кольчуга доброго плетения, врубился бы глубоко в тело — отделался Малюта лишь переломом ключицы, да нестерпимой головной болью.

Царь Иван Васильевич склонился над своим спасителем.

— Бог послал тебя ко мне. Какой раз закрываешь ты меня своим телом. Никогда не оторву тебя от сердца своего! — распрямился и гневно бросил воеводе стражников детинца. — Отчего не уведомил, что в башне дикие крымцы?!

— Сказывал. Мимо ушей твоих, видимо, государь, прошло...

— Что-о-о! В пыточную! Смерть городу за раны спасителя моего!

Вот так. Все мольбы горожан ко Всевышнему, чтобы оградил он их, безвинных, от лиха, козе под хвост. Горел и умирал в муках богатый город до тех самых пор, пока лекарь царев Бомелиус не заключил, что Малюта Скуратов может сесть в седло.

Когда царь Иван Грозный отправился со своим полком к Вышнему Волочку, зима уже заявила о себе основательно. По Тверце шла шуга¹⁰, появились и забереги, в малых же притоках Тверцы, особенно на омутах и затонах, лед встал твердо. Пора бы поспешить в Новгород, где есть место разместиться полку в теплых домах посадских, но кто мог повлиять на Ивана Грозного? Исполняй его волю, если не желаешь лишиться жизни или, в лучшем случае, быть изгнанным с позором из опричнины.

А Иван Васильевич специально медлил. Он не опасался повторения того, что случилось с его дедом Иваном Великим, когда Новгород собрал большую рать и встретил полки московские на Шелони. Нет нынче в Новгороде вечего колокола, нет Марфы Борещой и отца ее, посадника бывшего. Нет и того мятежного духа, какой был тогда у новгородцев. Не осмелятся они сегодня открыто бросить вызов царю всей Руси, их удел — тайные подметные письма.

Впрочем, в самом ли деле виновны архиепископ, посадники, тысяцкий и иные именитые новгородцы в подготовке письма, упрятанного за иконой Божьей Матери? Иван Васильевич даже не удосужился серьезно подумать об этом, порассуждать здраво. Спросить бы ему у самого себя, чего ради подготовленное письмо не отправлено сразу же к королю, а спрятано в Софийском соборе? Что им мешало сделать это, не упуская зряшного времени? Не собирались же они обсуждать его всенародно? Вече нет давным-давно, да и поддержит ли ремесленный люд и купечество подобную измену? И не хитроумная ли игра, задуманная Шуйскими, за крамолу которых стоит ли наказывать тех, кто в этой крамоле не участвовал, кто слыхом о ней не слыхивал.

Подозрительность и гнев, подпитываемые услужливостью Малюты Скуратова, Грязнова и иже с ними, затмевали здравый смысл, и царь думал злорадно:

«Пусть трясутся изменники!»

Неделя января миновала, и вот, наконец, царев вестник к Бельскому с повелением:

— Завтра царь всей Руси въезжает в Новгород. Он не против торжественной встречи его, лишь бы без угрозы покушения.

— Вот и все. А как эту самую угрозу отвести, думай сам.

Быручил архиепископ Пимен, узнавший о завтрашнем въезде царя. К Бельскому он с поклоном:

— Дозволь крестным ходом встретить помазанника Божьего?

Хотел Богдан резко отказать, но — осенило.

— Хорошо. Не обессудь только, святой отец, если мы тебя и всех, кого с собой определишь, обыщем. Не дай Бог, меч кто под рясой упрячет?

Нахмурился архиепископ: подобного еще никогда не бывало — кощунственно не верить священнослужителям, но совладав с собой, согласился. А что еще ему оставалось делать?

В день Рождества Христова подошел Иван Грозный к Новгороду. Оставив свой полк в двух верстах от стен его, со свитой и малой охраной въехал в город через Московские ворота; ему навстречу — крестный ход. Архиепископ Пимен во главе. За ним, немного приотстав, клир церковный с чудотворными иконами и животворящими крестами всех церквей новгородских. За священниками, как и в Твери, именитые горожане.

Не принял святительского благословения царь. Пронзил злым взглядом архиепископа и рек грозно:

— Злочестивец ты, а не пастырь рабов моих! В раках твоих не крест животворящий, но меч крамольный, нацеленный в сердце наше! Ведаю о злом умысле твоём и всех гнусных новгородцев продаться Сигизмунду Августу! Ты — враг православной церкви, волк хищный, ненавистник венца Мономахова.

Тихо-тихо стало на месте встречи. Закрой глаза и покажется, что нет вокруг ни души. Все с замиранием сердца ждут, что крикнет Грозный: «Взять их!» — и закрутят всем руки за спины.

Царь долго наслаждался страхом встречавших, а удовлетворив свое торжество, повелел:

— Веди, отступник, в палаты свои. Устрой пир для нас, прибывших в гости, и клира своего.

Отцов города, наместника и воеводу не позвал, и те в недоумении и страхе (подобное отношение к ним царя не предвещало ничего хорошего) расползлись по домам. И не понятно им пока что, минует ли лихо, либо наступил уже их час.

Не настал. Грозный определил карать отдельно: первыми — служителей церкви, затем уж — всех остальных, частных, как он считал, к измене.

Перед трапезой — литургия в храме Софийском. Сам архиепископ служит, и царь смиренно крестится, бьет поклоны и шепчет молитвы. Кажется, смягчилось его сердце под сводами храма Божьего. Пимен даже взбодрился, предвкушая милость царскую, смягчение гнева его.

Не слышал он, как после литургии царь вполголоса повелел боярину Салтыкову:

— Приведи в детинец сотни две. Остальным скажи, чтобы готовы были действовать по моему слову без промедления.

Не заметил архиепископ и того, как знатный боярин откололся от всех остальных — Пимен едва сдерживал радость от того, что царь решил пировать именно в его палатах. Гость может ли сделать зло хлебосольному хозяину? Да и осмелится ли православный осквернить храм Божий?

Поначалу все так и вышло. Чинно. По обычаю. Все блюда подносили к столу царя, а тот, взяв себе приглянувшееся, рассылал остальное своим боярам по чину, но лучшие куски велел нести архиепископу и иным священнослужителям, тоже по сану их. Рассылал царь и кубки с медом и вином фряжским¹¹, разламывал хлебы — неспешность привычная, ничем не нарушающая вековых укладов. Благодушия за столом тоже не занимать. Не умолкали и славичи, возглашавшие мудрость царя Ивана Грозного, его человеколюбие и великое умение управлять державою, которое затмило делами своими всех царствующих предшественников — начальники опричные, князья и бояре состязались в велеречиях истово, и видно было, сколь доволен был грозный царь. Вот и осмелел архиепископ Пимен, когда царь послал ему ломоть хлеба и кубок вина.

— Сие тело Христово, сия кровь Христова послана мне,

царь всего мира православного, тобой по велению сердца твоего...

— Замолчи! — рявкнул Иван Васильевич. Именно рявкнул, иного слова не подобрать. — Замолкни, иуда!

Он пылал гневом, а взор его торжествовал, ибо видел, как дрожали, словно осиновые листья, сановные священнослужители, привыкшие к величанию и угодливости. Их с боязливостью воспринимал каждый христианин, а вот теперь — они перепуганы насмерть.

— Стража!

Ворвались черные опричники, скрутили перво-наперво архиепископа, следом и остальных из клира церковного, уволокли всех их в кельи для охраны зоркой до слова царского. А тут и князь Салтыков с подмогой. Всех церковных служек, всех чернецов, собранных из многих монастырей в услужение боярам московским и опричной рати, тоже повязали, заполнив ими самую церковь.

Лев Салтыков — к царю:

— Что повелишь рабу твоему дальше? Прежний урок исполнен.

Иван Васильевич хмыкнул:

— Не урок, а начало урока, — и духовнику своему Евстафию: — Тебе оголять храм Софийский! Чтоб до нитки все! Затем к Малоте: — Бери Богдана Бельского в подручные, он знатно потрудился в городе до приезда нашего, пусть отблагодарит себя, и оголяйте все церкви и монастыри в городе и окрест его. Монахов и настоятелей свозить сюда. Каждому установить откупные в двадцать рублей. Кто не уплатит, на правеж.

Да, вот это всем урокам урок. На добрую неделю неусыпного труда, итог которого — великое богатство.

На городище, в стане опричного полка, как грибы росли новые шатры, в которые укладывали после старательной переписи дьяками и подьячими привозимое на пароконках: иконы в дорогих окладах, кресты бесценные, утварь церковную, золотую и серебряную, а также и деньги, полученные от свезенных в детинец монахов.

Великий грабеж. Полное разорение обитателей Господних.

Не счесть было трупов служителей Божьих. Правеж — улыбочное слово. Кто не мог внести двадцати рублей, а таких было большинство, забивали палками до смерти, упла-

тившие же мзду едва успевали развозить трупы собратьев своих по монастырям и предавать их земле.

Лишь к концу второй недели закончилась эта кровавая карусель и подоспело время для замерших в ожидании своей участи горожан. Они хотели надеяться, что авось их минует чаша гнева, столь свирепо излитая на церковников и монахов, но надежды те были очень зыбкими. Даже ремесленный люд сложил инструменты в долгий ящик.

Началась вторая часть казней тоже с пира в архиепископских палатах, на который званы были посадники, и степенные, и бывшие, тысяцкий, царев воевода и царев наместник с его боярами. Попотчевав гостей именитых и выслушав их низкопоклонные здравницы в свою честь, Грозный объявил со злобещим спокойствием:

— Завтра начну суд чинить. С корнем стану корчевать измены. С вас первый опрос. Не без вас же письмо писано. Но даже если мимо вас прошло, все одно вы в ответе. Ферязи¹² алые носить ловко, не блюдя интересы державные, интересы государя вашего, и повысив голос: — Поскидаю я с вас камку¹³ и бархат золотом и жемчугом шитые!

Но удивительно, под стражу не взял никого. Отпустил по домам. Когда же гости разъехались, позвал в опочивальню свою всех советников. Не обошел вниманием даже Бельского, что весьма порадовало и самого Богдана, и наставника его, Малюту Скуратова: увидел, значит, Иван Васильевич в нем преданного и ловкого в исполнении трудного урока слугу.

— Что скажете, слуги мои верные, где вершить суд? Здесь ли, в детинце, или на том месте, где Рюрик Вадима казнил, а потом собиралось вече?

— Позволь, государь мой, слово молвить? — с поклоном спросил Малюта Скуратов.

— Говори.

— Бога мы, государь, не прогневили, наказав знатно церковников и монахов на виду храма Святой Софии, по делам и честь им. А вот крамольников не священного ряда можно ли будет лишать жизни здесь, у подножия соборного храма?

— Значит, у Ярослава двора?

— И там нет резона. Не лучше ли на зажитье, в стане полка твоего? Возмущать горожан стоит ли лишний раз? Повели Богдану Вельскому, кто доказал свою умелость, достав-

лять на суд изменников по сотне или по две каждый день. Осужденных после пыток на казнь сбрасывать в Волхов.

— Но новгородцы не увидят в назидание себе и потомкам своим, как царь карает за измену?

— В страхе пару недель проживут, на дома крамольников разрушенные поглядят, вразумеют обязательно.

Иван Грозный долго молчал, затем вскинул голову, осененную какой-то задорной мыслью, и молвил окончательное слово свое:

— Так и поступим, верный мой советник. Но прежде архиепископа повозим по городу. Верхом на старой кобыле. В худой одежонке, с бубном и волынкой в руках, аки скомороха. Я сам и вы, слуги мои, пеше за ним последуем. Да чтоб народ весь глазел! Плетью выгонять, если кто по доброй воле не покинет дом свой.

— Эта забота на мне, — покоренный выдумкой царя Грозного воскликнул Малюта Скуратов. — И на Богдане.

Когда же Иван Васильевич отпустил советников своих, Малюта посоветовал любимцу:

— С архиепископом не выпаливайся. Бди лишь, чтоб на царя не покусились. А когда станешь на суд доставлять, расстарайся. С выдумкой чтоб. Пораскинь умом, как ловчее угодить Ивану Васильевичу. Я же приготовлю все для пыток и казней. Ублажим царя-батюшку.

То ли душевность прозвучала в последних словах Малюты, то ли насмешка — Богдан не очень-то понял, и все же инными глазами посмотрел на опекуна своего.

«Вот тебе и служи во дворце, воспринимая это как дар Божий?!»

Выходит, Малюта не кукла скоморошная, на пальцы нетая, а со своими одежками, со своими мыслями, которые никому не открывает, даже ему, Богдану, которого опекает и наставляет. Случайно, видимо, это «царь-батюшка» вырвалось. А может, это очередной урок, как вести себя вблизи царя, где каждый завидует каждому и любой промах дорого обходится.

Сразу же после заутрени, которую царь отстоял со скорбным ликом кающегося грешника, шутовская процессия выползла из детинца и поплелась по улицам Славенского конца. Впереди — белая кляча с архиепископом-скоморохом, в

ветхом армяке и на драном седле; следом, с телохранителями по бокам — царь всей Руси в парче и бархате, самоцветами унизанными; за ним — бояре московские. Тоже в пышных одеждах, словно вырядились по случаю великого праздника. Вышагивают следом за клячей гордо, будто нет по бокам улиц насупившихся новгородцев, по большей части выгнанных из домов упорной силой.

Им бы ликовать, смягчая тем самым сердце грозного царя, они же безмолвствуют, еще больше гнева его.

Перешли на Торговую сторону через мост, но и там никакого изменения: молча взирают горожане на несчастного своего архиепископа, которого уважали все, и знать городская, и простолюдины.

Улицы Гончарного конца молчат. Улицы Неревского — тоже. На них глядя, и улицы Загородского. Ни одного восклицания. Ни горестного, ни одобрительного. Это окончательно разгневило Ивана Грозного, и если прежде он намеревался предать мучительной смерти отцов города и их ближних слуг, коих всех без разбору относил к изменникам, то теперь угроза нависла над всеми горожанами. Царь так и повелел Бельскому:

— Первоочередно всех, вплоть до кончанских старост и уличских, а как с ними покончим, с каждой улицы по паре сотен. На твое усмотрение.

Вот таким оказался окончательный приговор, который с иезуитской выдумкой начал воплощать в жизнь Богдан. Он ловко все придумал: к домам посадников и тысяцкого (а их брали первоявно) подавались биндюхи¹⁴, на них грузили золотую и серебряную посуду, ковры, дорогие одежды, самих же обреченных раздевали до исподнего, надевали на них хомуты и припрягали к последней извозной телеге. За хозяином шли дворовые слуги его, а уж после них — жена и дети. Малолетних детей матери несли на руках. Никому из слуг этого делать не позволялось.

Вот такие обозы, с привязанными к ним несчастными, потянулись один за другим к зажитью.

Зрелище угрюмое, но Иван Грозный доволен выдумкой Бельского. Доволен он и Малютой, который так быстро и так ловко устроил самую настоящую пыточную под открытым небом. И пока разгружали биндюхи, стаскивая добро во вновь

поставленные шатры-хранилища, людей пытали и затем, еще живых, волокли, привязав арканами к луке седельной, чтобы сбросить в Волхов, в ледяную воду. Большинство обессиленных, истерзанных сразу же шло ко дну, тех же, кто пытался выбраться на берег, опричники, сидевшие на нескольких лодках, кололи пиками, били кистенями по головам.

А биндюхи тем временем трогались за следующими жертвами. Шесть недель Грозный злобствовал в Новгороде, разорив его до нитки и основательно обезлюдив. Но не всех ждал конец в студеньих струях Волхова, очень многих увезли в Александровскую слободу, где намеревались основательно пытать их, дабы узнать московских потатчиков крамоле. Лишь после этого государь собрал с каждой улицы по одному жильцу по выбору Бельского, в основном из ремесленников, и объявил им свою милость.

— Мужики новгородские, молитесь Господа о нашем благочестивом царском державстве и о христоролюбивом воинстве, да побеждает оно всех врагов видимых и невидимых. Суди Бог изменника архиепископа Пимена и его злых советников, на коих взыщется кровь здесь излитая. Да умолкнут плач и стенания, да утешатся скорбь и горечь. Живите и благоденствуйте в сем городе.

А как благоденствовать, если все разграблено: лавки и лавазы пусты, хоть шаром в них покати, дома очищены, все свезено в царские шатры на городище, а оттуда в Москву или в другие какие места, где сооружены хранилища для царской казны. Но разве разинешь рот, жалуясь на нищету грядущую, не оказавшись после этого на дыбе или в Волхове?

Иван Васильевич продолжал свою речь:

— Наместником своим оставляю боярина и воеводу князя Петра Даниловича Пронского. Не дерзайте против его воли. А теперь идите в дома свои с миром. А кто из Москвы вас соблазнял, о чем выведал я на пытках, с ними у меня иной разговор.

И на том спасибо. Худосочное житье все же лучше лютой смерти. Москвичам же, попавшим под подозрение, ох как не позавидуешь.

Но не в стольный град путь Ивана Грозного, а в Псков. Но ладно бы, если просто посетить крупный пограничный город, проверив его способность и возможности противостоять

ворогам, иная цель у царя грозного: наказать и его, как Новгород. Не может же, по мнению Ивана Васильевича, Псков, тесно связанный с Новгородом, стоять в стороне от крамолы.

Нет, не собирался царь и на сей раз поразмышлять без подозрительности. А стоило бы. Да, Псков и Новгород возникли в одно и то же время и от одной славянской ветви — венедов, не сумевших удержать Янтарный берег и Волынь. Оставили они обжитые изобильные земли под нажимом готов. Да, с тех седых времен жили эти города как родные братья, имея единый образ правления, дольше всех старейших российских городов сохранив вечевые колокола. Да, вместе они отбивали шведскую рать, объединяя свои силы, вместе противостояли крестоносцам, вместе прибыльно торговали с немецкой Ганзой¹⁵. Но когда новгородские именитые горожане возмутили, играя на вольнолюбстве народном, всех горожан, чтобы отделиться от Москвы, как повел себя Псков? Он не стал союзничать с новгородцами, не послал своей рати им в помощь, что значительно облегчило победу войску Ивана Великого, деда Ивана Грозного.

И разве не знал Грозный знаменитого письма отцу его, царю Василию Ивановичу, инока Псковского монастыря Филофея, кто вряд ли высказал только свои мысли, а не мысли общие псковитян, особенно городской знати? Уж куда благолепней могут быть слова о том, что все христианские царства в одном его, Василия Ивановича, царстве, что во всей поднебесной один он православный государь и что Москва — третий и последний Рим.

Не с того ли времени идея божественной власти царей Московских и всей Руси победила окончательно и бесповоротно.

А теперь Псков не поддержал бы новгородцев, захоти они и в самом деле переметнуться к ливонцам. А он вообще ни о чем таком не слышал. Однако важно ли все это, если самодержец решил для острастки пустить немного крови своим холопам и пополнить заодно свою казну богатством живущих в достатке псковичей.

В субботу второй недели Великого поста царь разбил лагерь близ монастыря Святого Николая, на Любатове, со стен которого был виден Псков. Сам Иван Васильевич определил себе и ближним своим боярам ночлег в монастыре, где ста-

раниями братии вскоре была приготовлена пышная трапеза. Мыслил ли он повторить расправу, подобную свершенной в трапезной Софийского храма, это так и осталось тайной за семью печатями, но как судили опричные бояре и дворяне, они ждали царева слова с минуты на минуту и были готовы приступить к бойне.

Увы, все изменилось, можно сказать, мгновенно: в трапезную с визгом влетел юродивый Силос, почитаемый как великий прорицатель и отшельник. В руке, именно в руке, как на блюде, держал кусок свежего, еще кровоточащего мяса.

— Великий царь! Вот к столу твоему. Не сытен постный стол?

подавив гнев, Иван Васильевич (юродивые на всей Русской земле неприкасаемые) ответил довольно спокойно:

— Пост нынче, Силос.

— Тебе ли блюсти пост? Забывший Бога разве думает о посте?

— Вон его! — гневно прошипел царь, и тройка опричников подхватила было под руки юродивого, но он отмахнулся от них.

— Божий человек сам уйдет, если его гонят. Но только тогда, когда скажет все, о чем знает через видение от Всевышнего полученное. Я, Иван, смерти не страшусь. Как Бог судит, но не ты. Сам бойся смерти. Придет срок, и ты пожнешь полной мерой, что нынче сеешь. А мясо-то возьми. Насыться сегодня, чтоб не алкал завтра, и опричникам: — Ухожу. Не злобствуйте против Божьего человека, не берите смертного греха на душу.

Сейчас стукнет грозный царь кулаком по столу и крикнет опричникам: «В пыточную!» Изольет бессильную злобу свою на настоятеле и чернецах, но...

Встал Иван Васильевич и, бросив: «Трапезуйте», пошел из палат настоятеля монастыря во двор. Малюта — за ним. Повелев Богдану:

— Не отставай.

Настоятель тоже поспешил за ними.

Во дворе, постояв немного в задумчивости, Грозный решительно направился к главным воротам, вызвав тем самым недоумение и у Малюты с Богданом, и у настоятеля мо-

настыря. Но не станешь же интересоваться, какая блажь случилась у царя. Идут следом. Готовы к любым неожиданностям.

А Грозный уже поднимается по каменным ступеням узкой изгибистой лестницы в надвратную церковь, но в ней лишь приостановился, чтобы крестным знаменем осенить себя и поклониться иконостасу, затем снова – вверх по ступеням. На колокольню.

По привычке называли верхнюю площадку колокольней. Она огорожена кирпичной стеной в рост человека, с бойницами для стрельбы из пищалей и помостами, тоже кирпичными, для затинных пушек, на которых они и покоились, прикрытые козырьками от непогоды.

Колокол же всего один – набатный.

Воротниковый стражник, который исполнял урок наблюдателя, склонился в низком поклоне, затем, по жесту Малюты Скуратова, скользнул вниз, к своим товарищам, а Иван Грозный, даже не обратив внимания на воротника, пошел к бойнице и устремил взор свой на город, который, похоже было, купался в ласковом лунном свете.

Минута, вторая и вдруг – благовест. Колокольни всех псковских церквей одновременно наполнили воздух тугим перезвоном. Торжественно он повис над городом. Иван Грозный перекрестился.

Засветились окна домов, вспыхнули на улицах факелы, замерцали свечи, слышна стала даже речь, хотя и неразборчивая по дальности своей. И тут настоятель с задухевшим словом:

– Молить Господа о здравии твоём, единодержце Русской земли, станут холопы твои до самого входа твоего в город. Псков почитает тебя, чадолюбивый царь, владетелем своим, неподсудным властелином земли своей, державы своей.

Теплят душу такие вот признания, вроде бы ненароком выплеснувшиеся. Особенно, что не просто он царствующий правитель, но хозяин полновластный, вольный миловать, но вольный и судить холопов своих. Конечно, он давно уже понял, что государь – не вотчинник, что блюсти интересы державы, всех его народов и всех сословий нельзя в одиночку, без таких пособников, как Боярская дума, как Государев Двор, но еще и тех, кто следит, чтобы воля царя, Думы и Дво-

ра не оставались без исполнения, не становились бы лишь благими пожеланиями, оттого он создал несколько приказов, назначив в них грамотных и исполнительных людишек дьяками и подъячими, но в душе он продолжал оставаться вотчинником, удельным князем, полным и, главное, единовластным хозяином и земли, и живущих на ней – вот почему слова умного, зреющего проникать в души людские настоятеля монастыря так легли на душу Ивана Васильевича.

Вздохнул царь Грозный и, обернувшись к Малюте Скуратову, молвил умиротворенно:

– Иступим мечи о камни. В город я въеду лишь с полусотней телохранителей принять поклон наместника моего, князя Юрия Токмакова, и благословение епископа Псковского.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Никто в Александровской слободе не решался начать допрашивать привезенных из Новгорода архиепископа Пимена, именитых бояр, дьяков и подъячих Новгородской приказной избы, должных являть государево око в сем граде, но допустивших то ли недогляд по безделию своему, то ли по злему умыслу – ждали либо самого царя, либо посланца с его словом.

Палачи потирали руки, предвкушая предстоящее раздолье, и почти каждодневно спускались в подземелье поглядеть на своих будущих жертв, закованных в ржавые железные цепи, липкие от крови прежних страдальцев.

Не было среди окованных лишь архиепископа Пимена. Князь Афанасий Вяземский, оставленный за главного в Александровской слободе, не осмелился надеть оковы на новгородского святителя и посадить его в подземелье – запер его в церковном приделе, нарядив пяток опричников для охраны.

Шли дни, палачи начали уже тосковать. Им не терпелось приняться за дело, ибо оно не только привычно-возбуждающее, но еще и доходное: царь за ночное старание вознаграждает щедро. Иногда свои мысли кто-то из неопытных высказывал даже вслух:

– А что если надумает Иван Васильевич напрямиком в Москву? Сколько тогда ждать придется?

— Да, неисповедимы пути государевы. Не о нас, людишках, забота его. Что ему мы?

— Нишкните! — остановил опрометчивых палачей из детей боярских еще юных годами, пожилой их товарищ. — Мыслимое ли глаголите?!

— Да, мы что? Мы лишь, что без дела скукотища смертная.

— И все одно — нишкни! Авось кто донесет.

— Кому доносить, коль трое всего нас.

— Здесь у стен уши есть.

И в самом деле, в Александровской слободе есть у всех стен уши. В том смысле, что крамольные речи могут быть приписаны любому, если появилось у кого-либо желание сделать это. Любые наветы не берутся под сомнение, никогда еще не назначались дознания.

Многие этим пользовались, но особенно Малюта, верный подручный Грозного, глава тайного сыска и всей опричнины. На него возложил царь всю заботу о безопасности своей, отвел ему главную роль в борьбе с крамольниками и ни разу не оставил без внимания его доносное слово. А Малюта, не будь промахом, займел множество своих наушников, которых тоже никогда не перепроверял. Подумаешь, если кто безвинно пострадает — велика ли беда?

Царь, конечно же, знал об этом, оттого еще больше доверял Малюте. Вот и теперь, намереваясь потешить себя охотой в Валдайских дебрях, далее ехать в Москву и там дожидаться вестей от Малюты Скуратова, поручил ему душевные, как он назвал, беседы с изменниками.

— Дознайся, кто из думных, кто из Государева Двора причастен к измене. За месяц управишься?

— Да. Отпусти в помощники мне Богдана Вельского.

— Но я хотел на охоте иметь его возле себя.

— Воля твоя, государь. Только нелишне Вельскому в сыском деле обретать навык. А что он верный холоп твой, смышлен и ловок, Новгород показал.

— Дело советуешь, — подумавши немного, согласился Иван Васильевич. — Бери его с собой. Еще сотню из полка моего для пути дам.

Не мешкая, поспешил от царя Малюта к Богдану. И, не сдерживая радостного возбуждения, оповестил:

— Нам с тобой дознаваться в Слободе об изменниках в Москве. Расстараться предстоит. Чтобы всю подноготную... Впрочем, время будет для душевных бесед, сейчас же — сборы.

В тот же день, сразу после обеда, покинули они стан. Спешили оттого, чтобы еще раз выказать свое прилежание. Да и дорогой не медлили, по шестидесяти-семидесяти верст огоревали, благо весенние дни подлиннее зимних уже намного, светлого времени хватает.

Лишь в Лавре сделали остановку, дав отдых коням и себе. Имели они еще цель прикоснуться к гробу Святого Сергия. Дело-то нелегкое ждет их, как его без благословения начинать?

И вновь — вперед. В застенки подземельные Слободы, где изнуряться денно и ночью.

Они уже не единожды говорили меж собой, когда были уверены, что их никто не сможет услышать, о тех, кто может быть замешан в заговоре, а кому приписать его участие, пользуясь представившимся случаем, находя все новые и новые имена, в основном из гнезд удельных князей Владимиро-Суздальских, Ростовских, Ярославских, Стародубских, Оболенских. Малюта в тех беседах был на удивление откровенен.

— Нас, Гедиминовичей, сколько? По пальцам перечесть можно. Верно, сыны достойные, особенно Бельские. Знатны Бельские и родовыми корнями, и делами нынешними во славу Отечества. Но недругов наших у трона — не счесть. Суздальских почти полтора десятка, Ростовских при дворе и в уездах более полусотни, а Ярославских и того больше — за полторы сотни перевалит. Вот и проредить их стоит. Да не обойти вниманием Захарьиных, Шереметевых, Морозовых, хотя и не титулованных бояр Московских, но наглых до неприличия.

— Не слишком верен твой счет. Скажи, сколько княжат да бояр по слову твоему отправлено на Казань, в Свияжск и Чебоксары. Под две сотни. Уделов своих все они лишены, получив взамен поместья. У многих поместья те ломаного гроша не стоят. Заказан им теперь путь в Думу и Государев Двор. А те, кто остался, грызутся, аки псы, за места ближе к трону.

— А Вельские что? Единая кучка? Мы вот с тобой — не раз-

лей вода, а заступи ты мне дорогу или соберись потеснить меня, в один миг сомну или отпихну не без боли. Приглядишься к себе: расталкиваешь, пока еще не очень умеючи, но уже споро, не только Владимировичей, но Гедеминовичей тоже. Верю я и в то, что придет для тебя твой срок, когда силу наберешь и начнешь упорней протискиваться к трону, не слишком-то разбираясь, кто есть кто. Но будет об этом. Сейчас станем молить Господа, чтоб зацепку он нам дал. Тогда уж...

Не стал пояснять, что тогда произойдет, и без того Богдану понятно, а если не понятно в сей миг, оценит, когда события повернутся их руками в нужную сторону, окажутся весьма для них полезными.

В Слободе ожидала их удача, о которой они молили Господа. Она словно сама прыгнула в руки. И не зацепка малая, а, можно сказать, неоспоримая крамола. И со стороны кого? Князя Афанасия Вяземского, которого Иван Грозный любил не меньше, а, быть может, больше Малюты Скуратова. Но если Малюте он давал самые тайные задания, Вяземский барствовал в безделии, лишь ублажая царя скоморошеством на пирах, как в Кремле, так особенно здесь, в Слободе. Не в пыточной он проводил дни и ночи, а забавлял, хитрован, царя. Это он придумал устроить жизнь в Александровской слободе на манер монастырской, только со скоморошеством. И устав монастырский потешный составил, чем весьма потрафил Ивану Васильевичу. Можно сказать, покорил его буйное сердце.

— Все! Отскоморошился! Конец виден! — со злорадством воскликнул Малюта Скуратов. — Самолично повывергаю ему бороду в пыточной!

— Вяземскому?!

— А кому же?

— Поверит ли царь Иван Васильевич? Не оступиться бы.

— Не трусь, не прячься зайцем под еловую ветку. Афанасий Вяземский сам себе надел петлю на шею, сердобольствуя Пимену. Наша роль теперь проще простой: добиться нужного слова от Пимена.

— Можно ли пытаться архиепископа?!

— Ты вновь за старое. Еще раз слюняйничать станешь, прогоню от глаз своих. Кукуй тогда в своем уделе!

Бельский молча склонил голову.

— Вот так-то получше будет. Твое дело исполнять все, что скажу. Если же придет что толковое в голову, говори, не стесняйся.

— Пимена нужно оковать и спровадить в подземелье. Да в одиночке оставить.

— Эка, умно-разумно. Я в путном твоим слове нуждаюсь.

— Понял.

Действительно, понял. Сказал Богдан о том, что придумал, после вечерней трапезы, перед тем, как разойтись по своим опочивальням.

— Не прогуляться ли перед сном? Слово имею.

Тихо окрест. Лишь изредка переругиваются вороны, оспаривая лучшее место на ветке, и снова — тихо. Спят мелкие пичужки, укрывшись в своих гнездах, носа не высовывают, чтобы не выследил их зоркий глаз филина. Днем они навешиваются до изнеможения, оповещая о владении своем над кусочком леса или ветки развесистого дерева. Могут даже попутать друг друга, распушив перья. Только кого это испугает?

— Что намерен сказать?

— Да вот по поводу князя Афанасия. Если сам Пимен признается о сговоре с ним, что намеревались они, свергнув Ивана, посадить на трон Владимира Андреевича, то Вяземского тоже нужно будет оковывать...

— Погоди-погоди. Значит, Новгород и Псков — Литве, на Московский же трон — Владимира. Ну, утешил. Великое твое слово! Великое!

— Не скажи во всю прыть, я еще не все сказал. Дано ли нам право самим оковывать царского любимца? Сомневаюсь. Не лучше ли отправить его в Москву? В Кремль. Пусть сам царь решает, как с ним поступить, когда узнает о сговоре.

— И это — великолепно? — воскликнул Малюта. — К Вяземскому можно пристегнуть Басманова, чтоб под ногами не путался, не заступал нам дорогу, казначея Фуникова, печатника Ивана Висковатого... Подумать нужно, кто еще подбирается к трону, отталкивая нас. Ну, это уж мое дело. Ты еще не во всем разбираешься, кто кого поедом ест. Теперь же — спать. Утром опускаем Пимена под землю. Да так, чтобы как можно больше людишек это видело. Даже можно новые кандалы выковать.

Чуть свет Малюта послал за кузнецами и повелел им сладить оковы для архиепископа. Потоптались те, почесали за тылки, но слова поперек не осмелились молвить. Знали, как крут Малюта, и если он что сказал, нишкни. В срок и со всем старанием исполняй, иначе сам в кандалах окажешься.

Часа через три оковы были готовы, и Малюта Скуратов, позвав десятка два опричников для конвоя, хотя путь от придела до входа в подземелье был пустяшный, хватило бы и пары конвоиров, но Малюте нужна была впечатляющая процессия. Он сам возглавил опричную стражу, да еще позвал с собой Вяземского с Вельским. И получилось так, что решительные действия Малюты Скуратова видели очень многие. Иные даже пожимали плечами, удивляясь, чего ради такая строгость к священнику высокого сана. Он же не боярин, не князь, а служитель Божий. Повинен в чем-либо — удали в монастырь. На суд Божий. А тут — на цепи!

Так мыслили даже некоторые опричники, конвоирующие Пимена.

Малюта знает о чувствах глубоко верующих в Христа опричников, но доволен: любой подтвердит его решительность в отношении изменника в сутане, и тут уж Вяземскому и иже с ним не отвертеться. Хотя главное еще впереди: вдруг князь Афанасий Вяземский не клонет на наживку.

В подземелье с Пименом спустились только Скуратов, Вяземский, Бельский с кузнецом, которому предстояло приклепать кандалы к железному кольцу, торчавшему в стене каменной. Управился он с этим споро, и опричные бояре остались одни.

Малюта Скуратов с шутовским поклоном к Пимену.

— Благослови, святитель, князя Афанасия Вяземского пытать тебя, дознаваясь, кто из московских холопов царевых подвигнул тебя писать поклонное письмо Сигизмунду-Августу.

— Господь с тобой, Малюта. Не ведаю, как оно в Софию попало. Я уже сказывал боярину Бельскому.

— Скажешь теперь князю Вяземскому. Всю правду скажешь, — и к Афанасию Вяземскому. — Как? Допытаешься?

Отмолчался князь, и только когда вышли они на воздух, заговорил наступательно. Вроде бы даже повелевая, как ославленный царем в Александровской слободе за главного.

— Ты на меня не жми. На мне по воле Ивана Васильевича Слобода. Не до пыток мне, за всем глаз мой должен углядеть.

— Государь мне, холопу его, дал наказ дознаться истины о заговоре. О тебе он ни слова не сказал. Не любо если что, поезжай к Ивану Васильевичу со своей обидой. Как он определит, так оно и станет. Пока же так: если не желаешь помогать мне добраться до корней заговора новгородского, то не мешай мне.

— И то подумать: в одной берлоге двум медведям тесно.

— Не стану с этим спорить.

В тот же день передавали в Слободе друг другу под большим секретом, самым тихим шепотом, будто отказался князь Вяземский дознаваться у архиепископа Пимена истины оттого, что у самого рыльце в пушку. И даже Малюта Скуратов удивился подобного пересуду, узнавши о нем от наушников своих. Не самовольно ли пополз такой слух, роковой для Афанасия Вяземского? Решил дознаться. Первый разговор с Богданом Бельским.

— Не твоих ли рук дело? — без обиняков спросил у него.

— А что? Опрометчивый шаг?

— Не сказал бы, — поразмыслив же, добавил. — Далеко пойдешь, если по пути голову не своротишь.

Не мог Малюта не похвалить ловкость Богданову, хотя увидел в ней великую рискованность. Одно успокаивало: среди путных слуг князя Вяземского обязательно окажется наушник Тайного приказа, и Грозному станет известно об отказе любимца засучить рукава ради раскрытия всего заговорищного логова, и воспримет царь его, Малюты, слова с большей верой, что позволит с успехом свершить задуманное.

За две недели пыток мучимые оговорили более двух сотен думных, дворовых бояр и приказных дьяков с подьячими: Малюта умел выбивать на пытках нужное слово не только истязаниями, но и надеждой на милость, намеками давая понять, какое чистосердечное признание хочет услышать дьяк, записывающий все слова истязуемого. Когда же все допросные листы зафиксировали именно то, чего домогался Скуратов, он повелел соратнику:

— Тебе везти все это царю. Выделю я тебе знатную охрану, ибо тайна великая будет с тобой. Когда подашь царю допросные листы, дай от себя совет, чтоб не в Слободе казнить нов-

городских изменников, а соединить их с московскими. Люд московский пусть поглазеет и зарубит себе на носу, к чему приводит крамола на царя и державу его. Особо посоветуй не казнить Пимена всенародно, архиепископ, мол, все же, но сослать его прямо из Слободы в самый отдаленный монастырь. А уж в том монастыре – как Бог рассудит. По Вяземскому тоже свое слово скажи: сам, мол, слышал признание Пимена. О Басманове тоже, мол, слышал, о Семене Яковлеве, о Никите Туликове, об Иване Висковатом. Одна, мол, это свора злобных псов, ласкающихся к Владимиру Андреевичу. Его, мол, видят на троне Московском и всей Руси.

– Понял. Каждое слово взвешу, чтоб в ощи не угодить.

– Не угодишь. Ума тебе не занимать, а допросные листы – тоже не шуточки. Познакомят царя с ними, никакого сомнения не возникнет. А ты лишний раз Ивану Васильевичу о себе напомним.

Да, именно это в первую очередь имел в виду Малюта Скуратов, направляя Богдана в Кремль. Подобные доклады царю многого стоят, если, конечно, окажутся ему в угод. Ну, а если что не так, тогда – что Богу будет угодно. От судьбы не уйдешь никуда. Ее не перехитришь.

Получилось все в лучшем виде. Иван Васильевич принял все за чистую монету. Хотел послать Вельского в Александровскую слободу с ласковым словом к Малюте, уже даже начал давать ему наказ, как вдруг передумал.

– Нет. Пошлю иного кого к Малюте. Ты мне здесь нужнее.

«Отлично! Приблизит!» – ликовал Бельский, ибо он, что греха таить, весьма беспокоился о том, как воспримет Грозный весть об участии любимца его в заговоре. Теперь он мог дышать полной грудью, готовый исполнять любой приказ царя, любое государево поручение.

Первое из них последовало на следующий же день. Приискал вестник с подседланным конем в поводу и напрямиком к Вельскому, минуя слуг.

– Не теряя ни минуты – к царю. В опочивальне он ждет тебя.

Крикнул Богдан слугам, чтобы ферязь выходную подали, и – в седло. Радостно колотится сердце: для беседы с глазу на глаз приглашает государь! Мало кому такое доступно. О многом это говорит.

Сам он еще ни разу не бывал в этом недостижимом даже для бояр Государева Двора и большинства из бояр Думы месте. Малюта рассказывал, что именно после приглашения в комнату для тайных бесед, так он назвал ее, началось его быстрое приближение к трону.

Крутая дубовая лестница, тесная даже для одного человека, если он отмечен дородством, привела Вельского в небольшую комнату, где находилась четверка опричников в полном вооружении. Они почтительно поклонились Богдану, а один из них проворно отворил дверь в следующую, ту самую тайную комнату.

В красном углу, над лампадкой – Дева Мария с младенцем Иисусом на руках. Ошуюю и одесную¹⁶ от нее – образы князей русских, потомков Владимира, великого князя Киевского. Которые из них канонизированы в святые, с нимбом золотым над головой, иные все в шеломах с бармицами до плеч. Сама комната, можно сказать, пустая. Лишь две лавки у противоположных стен, покрытые мягкими узорчатыми полавочниками. Небольшое резное окно не впускало много света в комнату, оттого она воспринималась насупленной, нелюдимой. И даже две резные с золотой инкрустацией двери, одна в опочивальню, другая в домашнюю церковь, не веселили глаз.

Богдан встал в двух шагах от входной двери, которую плотно притворил за ним опричник, и не решался шагнуть дальше. Ждал с замиранием сердца выхода царя.

Вот, наконец, и сам Иван Грозный. Не из опочивальни вышел, а из церкви.

– Молился я, грешный раб Божий, чтобы дал Всевышний силы побороть гадюку-крамолу. Благословения Божьего просил, – буднично, будто говорил он с близким другом, которому можно без всякой опаски раскрывать душу, молвил Грозный и указал на одну из лавок. – Садись.

Сам сел на лавку напротив. Сложил руки на коленях и молчит. Долго. Какую-то свою тягучую думку думает в гробовой тишине.

Провел, наконец, ладонью по бороде и заговорил. Жестко, словно откалывая топором каждое слово:

– Афоньку Вяземского я покличу на обеденную трапезу. Ты с опричниками наведайся в его дом. Побей всех слуг его.

До одного. Не вели женам убирать тела их. Пусть узрит холоп неблагодарный участь свою. А там поглядим, как поведет он себя. Со смирением ли примет первую кару Божью. — Перекрестившись, прошептал: — Господи, прости мою душу грешную. Державы ради лью кровь холопов своих. — И продолжил наставлять Богдана: — Завершив этот урок, готовь все для вселюдной казни изменников, собиравшихся извести меня. Жестокую казнь готовь!

— Исполню, государь. О чем сам не догадаюсь, палачи из пыточных подскажут.

— И то верно. Сообща и выдумка краше.

Вот она — красная нить: как можно больше выдумки. Стало быть, чем ужасней, тем угодней Грозному.

Придирчиво отбирал Богдан полусотню дюжих опричников, кому не нужно было растолковывать что к чему, а лишь сказать, какая работа предстоит, затем сам, не доверившись никому, стал караулить въезд в Кремль князя Афанасия Вяземского, чтобы, переждав малое время, увести его стрелянных в пыточную, на их же место определить опричников. Ну, а дальше — к дому княжескому галопом, чтоб налететь вихрем, ошеломить неожиданностью.

Все исполнил Богдан, о чем просил его Грозный, когда же воротился в Кремль, вновь остался сторожить появление князя Вяземского, ибо не выходили из головы слова царя: «А там поглядим, со смирением воспримет первую кару Божью?» Но не ради доклада об этом царю ждал Богдан князя Вяземского, он вполне понимал тайный смысл сказанного и готов был принять упреждающие меры, если любимец царев поведет себя не смиренно. Ударит челом Ивану Васильевичу и, вполне может статься, снимет с себя все подозрения. Такого допустить нельзя. Придется, если что не так, силком спровадить князя из Кремля, затем припугнуть, чтоб не усугублял свое положение объяснением с государем, не приведет, дескать, подобное ни к чему хорошему, наоборот, ускорит расправу, смирение же может привести к милости царской.

Правда, самовольство, если оно станет известно царю, нарушение не шуточное, но куда как страшней, если Вяземский вновь обретет доверие Грозного.

Пронесло, слава Богу, и на этот раз. Когда Вяземский собрался уезжать, ему подвели коня новые стремянные. В

черной одежде, что говорило о принадлежности их к опричной рати. Князь было возмущился:

— Где мои стремянные?!

— Не гневайся, князь, — смиренно, как ему было велено, молвил стремянный-опричник. — Увели твоих слуг.

— Куда?!

— Не ведаю в точности, только думка у меня такая: в пыточную.

Словно ушат холодной воды на голову. Обмякнув, еле-еле князь взгромоздился в седло и унылым шагом удалился из Кремля.

«Все! Сам себя приговорил. Смирится если, значит, знает за собой вину».

Еще более Богдан убедился в победе, когда прискакал оставленный для наблюдения за княжеским домом опричник и сообщил:

— С покорностью принял кару цареву.

Вот теперь, известив обо всем этом царя, со спокойной душой можно готовить место для казней. Лучше всего — Лобное место. Иван Грозный обязательно, по обычаю своему, будет держать речь перед московским людом.

Опричники перво-наперво с облюбованного места разогнали лотошников, дабы распланировать, где что соорудить, где держать приговоренных (а их, по расчетам Бельского, наберется более трех сотен), где место царской страже — к вечеру вроде бы подручные Богдана все измерили, все предусмотрели, можно с раннего утра начинать плотничьи работы, но утром, ранее плотников площадь вновь заполнилась лотошниками, которые многоголосно расхваливали пирожки с пылу с жару, расстегаи, квашения, соленья, мелкие поделки для нужд домашнего хозяйства — обычная толкотня воцарилась на облюбованном опричниками для казни месте и чтобы что-то делать, нужно было вновь разгонять лотошников.

А завтра они снова заполнят площадь, вновь оживет толкучка, и что — ежедневно разгонять? Не гоже такое, и Богдан повелел своим подручным:

— Пугните как следует!

— Один момент, — весело пообещал разбитной опричник, гораздый на всякие выдумки.

Спешившись, он направил свои стопы в самую гущу толкучки, и о — чудо, лотошники ноги в руки и в разные стороны. Всего ничего минуло времени — площадь опустела.

— Что ты им сказал? — поинтересовался Бельский.

— Пугнул, как ты велел, — с невинной улыбкой ответил опричник. — Ласково пугнул.

Лишь через несколько дней Богдан узнал о тех ласковых словах, которые словно ветром сдули мелкий торговый люд с площади: предупреждение, что здесь Иван Грозный станет казнить непослушных москвичей. Тех, кто простых просьб не понимает, того — на дыбу. Не повиновался холопам царевым — на виселицу или на кол. Юродство опричника настолько было принято за истину, что на площади не появлялось ни единого зеваки поглядеть на работу плотников, посудачить о их мастерстве, но особенно об ошибках, главное же выяснить, какие предполагаются казни. Вот и сооружалось все без помех, без пригляду так называемых знатоков, считавших себя вправе судить обо всем на свете, совать во все носы.

Через несколько дней стояли рядом виселицы, не только с петлями, а и с крюками для подвешивания трупа, как на бойнях для их разделки. Чуть в сторонке от них — огромный казан на треноге, возле которого тоже виселица, но с большущей петлей, словно собирались здесь вешать за подмышки. За ней — пара воротов для колесования, а дальше — узкие помосты с приставленными пятью плахами для четвертования. Ошуюю и одесную всех этих сооружений торчали довольно высокие колы, очень тщательно заточенные. Тонкие подспинные штыри свежейковки зловецке поблескивали на солнце. Теперь всему этому бесчеловечному творению стоять под неусыпной охраной опричников до тех пор, пока не приконвоируют изменников из Александровской слободы и не арестуют всех тех москвичей, каких оговорили не выдержавшие пыток.

Только через неделю въехал обоз с новгородскими узниками в Кремль, чтобы и дальше подвергаться мучениям в пыточных до дня казни.

И вот, наконец, наступило утро казни. Страшной, какой Москва не видывала отродясь.

Увы, площадь пуста. Ласковое слово шутника-опричника так напугало обывателей, что они заперлись в своих до-

мах. Над Бельским нависла угроза царском опалы, ибо желание Грозного о множестве народа на площади не исполнилось. Хорошо, что пришел на площадь Малюта: сам лично с несколькими глашатаями проехал по Китай-городу, призывая спешить на площадь, чтобы не сердить царя Ивана Васильевича, пожелавшего прилюдно казнить изменников державы своей.

— Никакой обиды люду московскому не будет! — извещали глашатаи, и это же подтверждал Малюта Скуратов. — Спешите к Лобному месту! Не гневите царя своего!

Потянулись к месту казни люди Китая-города, а Малюта уже по Белому городу гарцует впереди глашатаев, поторапливает отпирать дома и спешить на площадь у Лобного — слушаются его белгородские обыватели, вываливаются на улицы целыми семьями, и площадь у Лобного места все плотней и плотней. Уже и на паперти Покровского собора яблоку негде упасть. И на гульбище, что вокруг собора, теснота. Бельский рад-радешенек.

«Поклонюсь Малюте поясню. Выручил какой уж раз!»

Из Фроловских ворот вылетела воронья стая и начала раздвигать толпу, образуя проход для царя к Лобному месту. Когда же справились с этим нелегким делом, пуская в ход даже нагайки, замерли в седлах, удерживая в смирении коней своих.

Ударили в колокола все кремлевские соборы, все церкви, что на Кулишках, Покровский собор, церкви Китая и Белого — величава панихида повисла над местом казни, куда величаво шагал Иван Грозный, разодетый как на прием иноземного посольства. За ним белоснежные рынды с топориками на плечах, следом — черные царевы телохранители опричной сотни, а уж за всем этим шествием — едва передвигают ноги изможденные, истерзанные узники, обреченные на смерть. Целых три сотни.

Поднимается царь на помост, специально устроенный лучшими плотниками Москвы на Лобном месте, крестится размашисто и начинает свое слово к московскому разночинью.

— Они, — указывает царь на толпу обреченных, — изменили державе нашей! Одним из них люб Сигизмунд-Август, король польский, другие на крымского хана-разбойника носы поворачивают. Волей Господа я вершу сегодня суд над

изменниками! Но и ты, московский люд, ответствуй, праведен ли суд мой?

Площадь вначале робко, а затем все дружнее и дружнее изъясляла поддержку, и вот уже единогласно:

— Гибель изменникам!

— Здравствуй, государи!

И это было искренне, без тени лукавства, ибо видели люди среди приговоренных к лютой смерти тех, кто наводил на москвичей ужас беспредельным чванством и великим злобством, оттого многие выкрикивали свои злорадные мысли во все глотки:

— Пусть отольются им наши слезы.

— Правда восторжествует! Отмщение безвинной крови сынов наших!

Первым кромешники подвели к царю Ивану Васильевичу Ивана Висковатого, и думный дьяк громко начал читать обвинение:

— Ты, тайный советник государев, служил несправедно его царскому величеству и писал к королю Сигизмунду, желая предать ему Новгород. Се — первая твоя вина. Вторая столь же великая: ты, изменник неблагодарный, писал султану турецкому, чтобы он взял Астрахань и Казань.

Как бы ставя точку приговору, дьяк ударил Висковатого кулаком по лбу.

Иван Михайлович Висковатый начал было клясться, что верен он царю, что по навету страшному окован, но кромешники заткнули ему рот кляпом, отволокли к виселице и повесили за ноги. Затем, обнажив, разрубили на части, как скотину.

Малюта Скуратов отрезал у казненного ухо.

Вторая жертва — Фуников-Карцев. Огласив обвинение в измене, его тоже повесили вниз головой на виселице у котла, под которым уже ярко горел костер.

Фуникова, как и Висковатого, оголили, а дальше началось неопишемое: подвешенного то окатывали кипятком, то холодной водой, он выл благим матом, извивался, кожа сползала с него пластами, а палачи со сладострастием переменяли кипяток с холодной водой, возбуждающиеся полной своей властью над незащитным и злорадным гулом толпы.

Когда казнимый испустил дух, Богдан Бельский, подражая своему великому дяде, отрезал у Фуникова облезлое ухо.

Более четырех часов лилась кровь на площади. Одновременно и колесовали, и четвертовали, просто секли головы и сажали на колы — утробный вой мучеников перекрывал звон колоколов, он как бы препятствовал проникновению торжественного звона на площадь; толпа все более и более возбуждалась от запаха крови и воя мучимых. Сожалений не было, ибо умирали в муках одни лишь сановитые, а народ всегда их недолюбливал, а иных даже ненавидел. И не всегда за дела несправедные, а из зависти к их богатству.

— Все! — вдруг остановил казнь царь Иван Васильевич. — Остальным дарую жизнь.

Толпа должна бы возликовать, восхвалив милосердие царя, но площадь опешила. Отрешенно восприняли милость Грозного и ожидавшие своей очереди на мучительную смерть — они настолько устали содрогаться творившимся пред их глазами, моля Бога, чтобы послал он им более легкую казнь, но о таком чуде они даже помыслить не могли. До них никак не доходило, что они свободны, и они стояли все так же молча, с понурыми головами, пока опричники не принялись стегать их плетьюми, повелевая:

— В ноги государю, олухи! В ноги человеколюбивому!

В ноги так в ноги. Лишь бы не передумал мучитель.

Ивану Грозному подвели коня, стремянные пособили ему сесть в седло, и он поскакал, не оглядываясь на сотворенное им, к Фроловским воротам.

Долго приходила в себя Москва, а ее гости развозили ужасные слухи по другим городам и весям, и было в них столько же правды, сколько выдумки. Все зависело от расказчика, от его умения навевать ужасы. Бояре осуждали жестокость, хотя и с великой опаской, боясь доносов, холопы же ихние, даже боевые, напротив, восхваляли борьбу Ивана Грозного с изменниками. Но все это разномыслие длилось лишь до тех пор, пока на Россию не обрушился мор. Тогда зазвучали иные слова во всех сословиях:

— Гнев Божий за грехи наши!

Никто не осмеливался сказать, что за грехи царя и верных его псов-опричников, ибо страшно; понимали, однако, глубинный смысл именно так.

Сам государь тоже закручинился. Он лишь спасал Москву от мора. Два опричных полка из пяти подтянул к стольному граду и окольцевал его. Кремль же был взят словно в осаду. А чтобы исключить любое проникновение мора в Москву в помощь опричникам выделил еще и стрелецкий полк да посохи изрядно, чтобы жгли бы они безостановочно костры обочь больших дорог, ведущих в Москву. Приободрился царь лишь тогда, когда мор пошел на убыль, выкосив по городам и весям изрядно людишек, и постепенно вовсе сошел на нет. Раскрыл тогда царь свою богатую казну для сирот и вдов, щедро их одаривая по всей Русской земле. И еще — молился истово.

Все, казалось, начало входить в обычное русло, но тут купцы, торговавшие с Полем, привезли весьма тревожную весть: крымский хан намерен идти походом на Москву. Большим походом. Людишек, мол, поубавилось в Русской земле, рать большую царь Иван собрать не сможет, поэтому легче будет покорить его, вновь принудить к даннической покорности. Послал якобы Девлет-Гирей послов к турецкому султану Селиму, и тот поддержал ханский замысел, пообещав ему в достатке поставить стенобитные орудия. Побывали послы ханские в Самарканде и у тех ногаев, которые воротят морды от русского царя. Они тоже согласились идти в поход. На следующую весну все тумены соберутся в низовьях Дона на большую охоту, стало быть, через год после нее готовься заступать путь великому нашествию врагов.

Царь собрал Боярскую Думу, позвав на нее даже дворян и всех дьяков Разрядного и Посольского приказов.

— Поведай нам обо всем, что удалось узнать, — повелел Грозный дьяку Посольского приказа, — да скажи, что думает по этому поводу ваш приказ.

Посольский дьяк не скрыл ничего, весьма всех озаболив своим докладом. Закончил же его ободряюще:

— А мыслит Посольский приказ так: исподволь готовить полки на Оку обычным порядком и обычным числом. Большая охота — не сбор в поход, а смотр готовности туменов. Не пойдет Девлет-Гирей следующей весной. Нет у него осадных пушек, а без них не решится.

И тут поднялся князь Михаил Воротынский и — с поклоном:

— Дозволь слово молвить?

— Говори, слуга мой ближний. Если к месту твое слово, поразмыслим над ним.

— Я предлагаю Окскую рать основательно усилить. Береженного Бог бережет. Но Разрядному приказу и воеводе Окской рати князю Ивану Бельскому и тебе, государь, виднее. Я иное хочу предложить: украины твои, государь, время оградить от Поля цепью застав и крепостями, как делал это прежде твой, государь, предок Владимир Великий Киевский. Сейчас как устроено: каждый удел сам отбивается по силам своим от разбойных сакм, а лазутит только в своих интересах, но, если единую государеву службу наладить, куда как ладней дело пойдет. Порубежники из детей боярских и казаков, которым с земли нести службу, и сакмам дружно пути заступят, и лазутить станут с большей пользой для твоей, царь, державы. Если же углядят в Поле силы великие, дымом дадут моментально весть воеводам в крепостях, а те, изготовившись, притормозят ход налетчиков, дав время главной рати принять нужные по обстоятельствам меры.

— Как рассудите, бояре? — спросил государь, не высказав ни одобрения предложенному князем Воротынским, ни отрицания. Вот и пошла разнобойность. Никто не высказался против, но у каждого находились сомнения, особенно по поводу возможностей для столь великого строительства, по поводу размеров наделов для детей боярских и казаков, хватит ли сторожам свободной земли и не придется ли урезать ради них княжеские и боярские уделы (это больше всего волновало тех, чьи вотчины были как раз на границе с Полем), не уменьшится ли вообще пахотной земли в связи с засечными линиями — все, вроде бы, по делу, если, однако, прислушаться повнимательней, сразу станет понятным пустословие.

Долго царь не мешал разглагольствованию, когда же бояре начали горячиться, отстаивая всяк свое мнение, но более всего свои интересы, царь поднял руку и все в один миг закрыли рты.

— Месяц даю тебе, князь. Думай вместе с Разрядным приказом. Через месяц я самолично послушаю тебя.

Сразу же после думского собрания Малюта Скуратов разыскал племянника своего, не прося об этом даже слуг, а самолично. Попросил его настойчиво:

— Ты вот что, вечером ко мне в гости. Предстоит разговор. Не стал пояснять, что за разговор. Не время и не место для этого. Пусть предполагает, что хочет.

Действительно, Богдан до самого до вечера пытался разгадать; чего ради дядя зовет к себе в гости в будний день, передумал он о многом, но то, что услышал от Малюты, для него стало полным откровением. Подробно обсказав обо всем, что происходило в Думе, хотя и не вправе был этого делать, Малюта заговорил, наконец, о главном:

— Царь Иван Васильевич без всякого сомнения поддержал князя Михаила Воротынского и, как я считаю, поставит его главой порубежной стражи. Теперь прикинь: ближний слуга, главный порубежный воевода, не слишком? Считаю, осадить его не станет лишним.

— Хорошо бы, не мешая затеянному им.

— Конечно. Великое дело — наладить надежную охрану украинских земель от набегов. Я о другом. Нужно, чтобы Грозный не с полным доверием относился к ближнему слуге, не стал бы держать его у правой руки.

— Ты прав, перевернуть трензеля не помешает. Над этим серьезно стоит подумать.

— Что верно, то верно. Такие дела наскоком не одолеть, но первый шаг я продумал. Ты с князем Михаилом в добрых отношениях. Теперь сойди еще ближе, добиваясь уважения к себе советами и поддержкой, но не боярином к нему ладыся, а только в добрые советники, как равный равному. А цель иметь такую: не упустить из виду, когда князь начнет плотить вокруг себя помощников. Вот тогда на одного из них положи свой глаз. И тогда мы поступим так: я посоветую заверстать избранных Воротынским в боярство, а назначенного тобой мы извлечем из списка в последний момент. Он посчитает, что князь его обошел, а мы тут со своим словом — будешь нам служить, будет тебе боярство с хорошим прикладом. И не только слово об этом скажем, но и покажем подписанную царем жалованную грамоту.

— Ловко. Царь бы не воспротивился.

— Не воспротивится. Напомню ему, что еще царица Елена, матушка его, оковывала Воротынского. Да и сам он держал его в ссылке. О письме польского короля, приглашавшего князя к измене, напомню. Прямо скажу ему: главу по-

рубежной стражи нельзя оставлять без глаза. Подпишет жалованную грамоту. Обязательно подпишет. Ну, а после этого мы не упустим ни единой возможности, чтобы отеснить его от трона.

Не предполагали они, к каким ужасным последствиям приведет их заговор, а если бы дано было им знать, вполне возможно, хоть чуточку бы остепенлись. Или... Впрочем, нужно ли гадать? Главное в том, что задуманное удалось им с первого шага.

Началось с того, что князь Михаил Воротынский с великой благодарностью принял совет Бельского нагрузить большей долей при сооружении засечной линии северные и восточные земли.

— До них сакмы никогда не добегают, они живут не трогаемые ими, вот пусть и отплатят тем, кто своей грудью встречает врагов чуть ли не ежегодно.

— Спасибо. Я тоже так считаю. Только вот как Дума?

— Пособлю. С Малютой потолкую. С иными думными. Бельские все будут за. И не только они. Расстараюсь я ради великого дела.

Благодарен князь Воротынский за обещанную подмогу. Знает, сколь велико влияние Малюты Скуратова на царя, а если племянник попросит, откажет ли дядя замолвить слово Ивану Васильевичу. Ну, а если государь поддержит, кто из думских осмелится встать на дыбы. Разглагольствовать станут, но лбом не упрутся.

И когда бояр к себе в помощники Михаил Воротынский определял, Бельский тоже не обошел его своим советом и обещанием помощи.

— Не троих, как мыслит Разрядный приказ, проси, но — четверых. С Божьей помощью Дума утвердит. Ты кого наметил?

— Никифора Двужила, воеводу умного и храброго. Я у него уроки воеводства брал. На Фрола Фролова глаз положил я. Он охранял меня в Кирилло-Белозерском. Там и приглянулся мне услужливостью и смекалкой. Ловок он и неутомим.

«Вот кто послужит вам!» — определил Бельский, обрадованный тем, что не нужно теперь навязывать наушника, ибо Фрол — опричник что надо.

Ничем, однако, не выдал Богдан душевного состояния, тайных мыслей, спросил лишь буднично:

— Еще кто?

— Николку Селезня. Из детей боярских. Очень он мне люб. Давно с ним бок о бок.

— А ты о сыне Двужила, Косме Никифоровиче, не думал? Наслышан я, что не уступает отцу в смысленности и храбрости. А потом, если отец рядом, разве он не пособит?

— Разумно. Приму твой совет.

Когда роспись по устройству охраны и обороны окраин земли Русской с юга была готова, царь, выслушав Воротынского, определил назвать роспись «Боярским приговором о станичной и сторожевой службе» и назначил сбор Думы накануне дня Святого Ильи Муромца, легендарного порубежника времен Владимира Первого Великого.

— Читать же приговор дьяку Разрядного приказа Логинову.

Дума боярская прознала о полном согласии царя с предложенным князем Воротынским, поэтому согласилась со всем, и лишь вышло, как посчитал князь Воротынский, недоразумение с утверждением бояр — не попал отчего-то в списки Фрол Фролов.

«По недогляду подьячего, должно быть».

И еще одна неожиданность: Разрядный приказ без его, княжеского ведома, предложил ему в помощники князя Михаила Тюфякина и дьяка Ржевского, для свидетельства и назначения сторож со стороны Крымской, а воеводу Юрия Булгакова — с ногайской стороны.

Не возразишь: ратники славные, Поле хорошо знают. Не один год на порубежье провели. Их можно без лишних проволочек посылать к тайным казачьим ватагам для набора их в порубежники, а уж после того пусть определяют, согласно чертежу, где какой стороже стоять, где головам станичным быть, где крепости строить. А чтоб ускорить дело, послать на окраины цареви и в Поле новоиспеченных своих бояр. Они тоже не подведут.

Фрола же решил оставить при себе. Ближним слугой. А при первой же встрече с царем испросить и ему боярство, объяснив о случившемся пропуске по недогляду какого-либо переписчика из Разрядного приказа.

«Получит Фрол боярство, еще надежней станет служить».

Намеревался Михаил Воротынский попытаться еще раз убедить Грозного в необходимости усилить Окскую рать и поспешить с ее выходом на летние станы. Он предполагал, что не останутся равнодушными ни Крым, ни Турция, разведав о сооружении засечной линии. Увы, встреча с царем оказалась почти пустопорожней. На предложение Воротынского усилить Окскую рать, Грозный ответил резко:

— Главные силы мне в Ливонии нужней. Хан нынче не пойдет, раз охоту наметил. Пусть охотится. Кто ж ему запретит? Да и к царю турецкому отправил я посольство. На него тоже уповаю. Новосельцев, посол мой, — муж умный и ловкий. Он убедит Селима, что я не враг вере магометанской. У меня сколько тех, что славят Магомета: Шах-Али, Саип-Булат Касимов, Кайбула-царевич. Князья ногайские, приказные — все своего бога славят. Известие от Новосельцева я получил. Он сообщает: Селим совсем в другую сторону глядит — просит у Сигизмунда Киев, чтобы, дескать, Россию сподручней воевать. Я же разумею, он не только для этого к Киеву руки тянет, и Сигизмунд это вполне понимает. Он станет с Селимом играть как кошка с мышкой. Во-лынка та год да другой продлится. Так что не стоит этим летом, а тем более весной, ждать крымцев. На следующее, если что. Тесть мой, Темрюк, к тому же беспокоить Давлетку станет. А в угодность Селиму и Давлетке согласился я поручить новые крепости в Кабарде.

— Все так, но у меня иная мысль: прознает хан крымский, что берешь ты под свою руку казаков низовских, поведет тумены, для охоты собранные, на Москву.

— Иван Бельский заступит путь. Сам я тоже в Коломне буду. С сыном. И с полком своим. И в Серпухове тоже.

— Еще челом бью, государь: Фрола Фролова Разрядный приказ обошел чином боярским, по недогляду, думаю. Дай ему чин своей волей.

— Не известно мне, отчего Разрядный приказ не согласился с тобой, князь. Дознаюсь. Если недогляд, повелю исправить.

Выходит, отказ. Но почему? Если, как говорил в свое время воевода Казенного двора, служит Фрол и Богу и дьяволу, тогда его никак бы не обошли вниманием. Но что тог-

да иное? Возможно, отказался стать соглядатаем от опричной своры? Оттого самовластец и недоволен. Скорее всего, именно так.

Знал бы Воротынский, что жалованная грамота на боярство Фрола Фролова уже подписана, иное бы мыслил князь-воевода и определил бы настороженно вести себя с двуличным. Не обелял бы он его, но проклинал, а себя костил бы за доверчивость.

Прошел ледоход по Москве-реке, сбежали талые воды. Пора Окской рати выдвигаться к своим летним станам. Иван Грозный тоже покинул Кремль, взяв с собой весь свой опричный полк. Малюта и Богдан как стало обычным, тоже с ним. Но перед выездом Бельский повстречался с Фролом Фроловым, дабы напомнить ему, что от него требуется.

— Каждый шаг запоминай, не провеявая своим ветром. Мы тут сами разберемся, где зерно, где полова. И еще... Если двуличить начнешь, то не боярство тебе будет — головы на плечах неносишь. Понял?

— Как не понять, боярин. Мы два дня спустя едем в Тулу, оттуда до Почепы, затем до Калуги. Определять места сторожам и крепостцам. После всего этого — Тверь. Ей, как, боярин, тебе известно, расписано пособлять Почепу и Калуге строить засечную линию.

Ох, и хитер Фрол. Знает, что Бельский не очинен боярством, все же величает, теща самолюбие своего тайного хозяина. Не убудет от этого, а жалованная грамота побыстрее окажется в его руках.

Впрочем, в куклу, на пальцы Вельского надетую, Фрол тоже не собирался превращаться — он сможет сам отделить зерно от плевел, и донесет только то, что посчитает важным и нужным.

«А подловить я его подловлю. Узнает князь, как обходить вниманием Фрола Фролова!»

Закончился тот тайный разговор благословением Богдана:

— С Богом. Если что срочное, шли с вестью того, кому веришь как себе.

— Хорошо, боярин.

Шли дни. Грозный, посетив Коломну, двинулся в Серпухов, проверяя по пути, все ли переправы под оком, не обращая внимания на малочисленность засадных отрядов. Все

тихо, никаких вестей нет со стороны Поля, чего и мельтепнуть. На всякий случай можно посидеть в Серпухове малое время и — в Александровскую слободу. Там покойней всего. И безопасней.

Беспечность царя, вполне понятно, перекинулась и на воевод Окской рати. Большой полк,левой и Правой руки не выделили от себя в помощь Сторожевому полку, который разбросан был по всем переправам, ни по одной сотне, сами же шли к станам своим неспешно, проводя учебные маневры, впрочем, не слишком обременительные, хотя и долгие по времени. И вот эта беспечность, как показало время, привела к страшным последствиям, ибо уже быстрым ходом двинулись тумены Девлет-Гирея из глубины Поля, чтобы нанести Москве неожиданный удар.

В общем-то Девлет-Гирей не собирался в эту весну идти походом на Москву. Царь, оценивая обстановку, не ошибался, но произошло то, что могло произойти: что предвидел князь Михаил Воротынский.

Охота, начатая ханом как смотр своих сил, началась обычным порядком: тумены окольцевали огромный участок степи в низовьях Дона и ждали урочного часа, чтобы начать сжимать круг, но удивило и насторожило темников и даже некоторых тысяцких, отчего казаки не убегают, как бывало прежде во время охот, за Дон и к Волге, лишь укрываются в своих крепостях. Доносили об этом Девлет-Гирею все темники, добавляя при этом, что видны на крепостных стенах пищаи, прислуга которых из стрельцов московских.

— Закончим охоту, доучим казаков, — сказал свое ханское слово Девлет-Гирей, и никто не посмел посоветовать ему что-либо иное, зная о его крутом нраве, и только советник его, Дивей-мурза, мечтавший стать при хане таким же необходимым, как Субодай-богатур при Батые, посмел испросить для себя слова.

— Аллах да благословит ваши, могущественный хан, деяния, — начал вкрадчиво Дивей-мурза, — если повелите мне захватить у казаков языка! Вам, да продлит Аллах годы вашего владычества, хорошо известно, что ничего просто так не бывает.

Нахмурился Девлет-Гирей, но тут же потеплел его взгляд.

— Ты прав, верный мой слуга. Посылай за языком.

Еще не успели согнать диких зверей в плотный круг, скорее на бойню, а не для охоты на них, сотня Дивей-мурзы уже захватила языка. Даже не из казаков, а поважнее: углядели крымцы растянувшийся по степи обоз, который вез в одну из казачьих ватаг пищаля, рушницы, зелье огненное и дробь, собрались было налететь на охрану обоза, но обнаружили одну подводу, довольно далеко отставшую от самого обоза, вот и решили взять ее.

Стрельцы и ездовой отчаянно сопротивлялись, побили много крымцев, но все же были заарканены и вместе с повозкой доставлены своему хозяину.

Удача великая, однако Дивей-мурза не поспешил с докладом к Девлет-Гирею. Доздался ханского пира после конца охоты.

Пир после охоты — не на один час, а едва ли не до утра. И вот когда ночь перевалила за свою половину и хан, изрядно захмелевший, с великим удовольствием слушал хвалу себе, безмерно расточаемую придворными льстецами, Дивей-мурза определил, что и ему пора сказать свое слово.

— Ваши нойоны¹⁷, великий хан, верно говорят: пожелай вы, и многие земли лягут под копыта вашего иноходца. Первой такой землей должна стать земля гяуров, вечных данников Золотой Орды, единственным продолжателем славных дел которой являетесь вы, могущественный хан, да продлит Аллах годы вашего царствования. Князь Московский Иван склонит свою спину под вашу камчу¹⁸, и накажете вы его за его коварство и непослушание.

Дивей-мурза махнул рукой, и в полусотне метров от ханского дастархана занялось десятка два факелов, когда же они набрали силу, стала видна пароконка с впряженными в нее стрельцами — камчи со свистом хлестнули по спинам израненных и истерзанных стрельцов, тяжелая телега надрывно тронулась и медленно стала приближаться к пирующим вельможам.

Даже в неярком свете факелов было видно, как вспыхнули завистью очи не только темников, но и назначенного возглавить будущий поход лашкаркаши. Он понял, что лишится власти над ханским войском не сегодня, так завтра: умен и хитер этот нойон, рвущийся к боку Девлет-Гирея.

А Дивей-мурза, гордый собою, ждал, когда пленные стрельцы подтянут повозку поближе, затем взмахом руки остановив ее, низко склонился перед ханом.

— Вы сами, мой повелитель, сможете убедиться, что посылает раб ваш, коварный князь Иван, донским казакам.

Девлет-Гирей не поспешил. Отхлебнув бузы и закусив куском сайгачины, с трудом поднялся и, пьяно покачиваясь, пошагал к пароконке. Нукеры поспешно откинули холстину, и пьяные глаза хана налились кровью.

— О! Коварный! Хотевший называться братом! Мы заста-вим тебя, паршивый князь Иван, слизывать пыль с наших сапог!

— Повелите, светлый хан, своим туменам направить морды коней на Москву сразу же, как окончится пир, — вкрадчиво впел свой совет Дивей-мурза в гневный восклик ханский. — Успех вам обеспечен. Вы, мой могущественный повелитель, переправитесь через Оку так быстро, что русские полки не успеют встать на вашем пути. Мы налетим стремительно и сделаем то, что сделали в свое время Мухаммед-Гирей и брат его Сагиб-Гирей, надолго подрубив крылья князьям Московским. Аллах благословит нас на священную войну против гяуров, и мы вашей крепкой рукой разрушим Москву, взяв большие богатства и захватив пленных. Князь Иван признает себя, мой повелитель, вашим рабом.

— Да будет так! Такова моя воля! Такова воля Аллаха!

Поход стремительный. Без тяжелого вооружения, даже без обоза. Да и караваны верблюдов и вьючных лошадей своей неторопливостью не станут мешать туменам, а пойдут позже войска лишь под небольшой охраной. В стремительности — успех.

Однако результаты налета могли быть совершенно иными, не окажи крымцам услуги предатели Русин и Тишков. Они, мстя за гибель братьев своих от руки Ивана Грозного, звали Девлет-Гирея захватить Серпухов, в котором сидит сам царь лишь со своим полком. Они также указали те переправы, которые охранялись малыми силами Сторожевого полка. Хан воспользовался полученными от перебежчиков данными, быстро переправился через Оку, но на Серпухов идти не решился, не имея с собой стенобитных орудий. Он, обойдя Серпухов, стремительно повел тумены на Москву.

Тут бы самому царю заступить путь врагам: как-никак, а в его руках целый полк опричных ратников, они могут выстоять некоторое время, пока подтянутся основные силы, но царь не пошел на жертвенный шаг, он бежал в Александровскую слободу вместе со своим полком, но и там не задержался, а подался в Вологду, поближе к своей казне, к кораблям, которые там строились для него лично, чтобы в случае чего он мог бы уплыть в Англию.

Князь Иван Бельский, главный воевода Окской рати, не нашел ничего лучшего, как поспешить с полками к стольному граду, чтобы там встретить врагов. Но его ошибка была в том, что он решил дать бой не перед городом на выгодных для себя холмах, а в самой Москве, наспех огородив китайями на манер Гуляй-города весь посад, так называемый Скородом.

Он был вполне уверен, что царь совсем скоро пришлет подкрепление, которое ударит крымцам в тыл и с флангов, до этого можно будет удерживать крымцев перед китайями, благо огненного боя вполне достаточно, зелья и дроба с изытком. Но если даже крымцам удастся прорваться через китайи, уличные бои окажутся явно не в их пользу.

Послал Иван Бельский гонца и к князю Михаилу Воротынскому с повелением спешить в Москву, рассчитывая, что и он приведет приличную рать, а ума у знатного воеводы достанет, чтобы ловко прошить крымцам бок их.

Вроде бы все верно продумано, не учтено только Иваном Бельским, что царь не подумает даже о посылке рати к Москве из опасения самому остаться без защиты. Он лишь послал одну тысячу из своего полка перекрыть дорогу на Сергиев Посад, и если крымцы прорвутся сквозь заслон, немедленно слать гонца с вестью об этом. Над тысяцким Грозный поставил воеводить еще Богдана Вельского. Точнее, для пригляду за тысяцким.

Еще не учел князь Иван Бельский того, что Михаил Воротынский просто не мог собрать крупную ратную силу, ибо сам он ездил от города к городу лишь с дюжиной путных слуг-дружинников. Оголять же Стародуб, Брянск, Серпейск, Воротынский, Одоев он не решится, не имея на то воли самого самодержца. Впрочем, Воротынский, понявший из рассказов гонца главного воеводы Окской рати то, что русская рать просто-напросто заперта в Москве, рискнул на са-

мовольство: взял со всех городов по половине их гарнизонов, набрав тем самым до полка ратников, и быстрым ходом двинулся на помощь осажденным, разбивая наголову разбойные отряды крымцев, попадавшие на пути.

Увы, как ни торопился Михаил Воротынский, он опоздал. С Москвой случилось страшное, и виной тому был еще один просчет Ивана Бельского, не принявшего во внимание, что не только Скородом, но и Белый город, и даже добрая половина Китай-города были деревянными: и что не менее существенно — у Девлет-Гирея появился умный и хитрый советник Дивей-мурза. Когда Девлет-Гирей уже собрался пустить на штурм китайев свои тумены, Дивей-мурза тут как тут со своим словом:

— Главный город гяуров, мой повелитель, ляжет под копыта вашего иноходца с очень малыми потерями, если вы пошлете две или три сотни сильноруких джигитов с огненными стрелами. Вам, мой хан, останется только смотреть из царского охотничьего дворца в Воробьеве, как гибнут в огне непослушные ваши рабы. Тогда, светлый хан, вы сможете послать многие тысячи карать огнем гяуров вправо и влево. Вокруг Москвы много богатых селений и городов. Особенно, говорят, Сергиев Посад, где собраны великие богатства всех русских церквей.

— Ты дал мне разумный совет.

Москва вскоре загорелась. Огненное зелье, в изобилии приготовленное для обороны города, начало взрываться, усиливая пожар, народ и ратники кинулись спасаться в Яузе, в Москве-реке, давили друг друга, а вскоре запрудили их своими телами. А крымцы в это время грабили Подмоковье, не встречая никакого сопротивления. Только потери: дороге, по которой спешил к Москве Воротынский, они попали в засады и погибли.

Не смогли враги прорваться и на дорогу к Лавре. Князь Владимир Воротынский и воевода Татев, оборонявшие участок на Таганском лугу против Крутил, попытались от нападающего на них тумена, но соединившись с опричниками, остановились намертво. И не только оборонялись под защитой Гуляй-города, но и наносили великий урон крымцам, смелыми вылазками охлаждая их пыл.

Вполне возможно, недруги, получив подмогу, одолели

бы сводную земско-опричную рать, но вдруг, вроде бы без всякой на то причины, враги отступили. И что удивительно, не тайно, ночью, а средь бела дня.

Богдан Бельский предлагает:

— Идем вдогон! Посечем изрядно!

— Нет! — сразу же возразил опричный тысяцкий. — Превдиму обман. Выманят из Гуляй-города, как было с киевской княжеской дружиной при первом налете монголов, и посекут безжалостно. Путь на Лавру откроется, а там — государь наш.

Они не знали, что Грозный уже давно в Вологде, не знали и о повелении Девлет-Гирея, вновь по совету того же Дивеймурзы, спешно уходить всем туменам за Оку в Поле, чтобы сохранить силы для следующего похода, более подготовленного для окончательного покорения Руси, с установлением столицы возрожденной Золотой Орды в Москве. Задача этого налета выполнена полностью, урок гяурам преподан, далее развивать успех без стенобитных орудий не имело смысла, да и невозможно. Вот, по незнанию своему, никто не посмел возразить тысяцкому, ибо слова его прозвучали весомо, и противиться им опасно — могут последовать обвинения в крамоле. Не посмели воеводы проявить инициативу.

А вот князь Михаил Воротынский начал действовать на свой страх и риск. Когда перестали встречаться ему крымские разбойные отряды, он понял, что враги, испугавшись чего-то, уходят в свое логово, и он повернул сводный полк на Боровск, надеясь вклиниться в ряды отступавших и, воспользовавшись паникой, посечь изрядное число крымцев. Если же это сделать не удастся, то хотя бы отбить у разбойников какую-то часть обоза и освободить угоняемых в рабство.

Немногое удалось князю Михаилу Воротынскому, ибо его маневр оказался все же запоздалым. Сводный полк посекал лишь сотни две неприятелей, которые гнали по старой Калужской дороге до пары тысяч плененных в рабство, разгромил еще пару замыкающих отрядов и, вырвавшись к одной из переправ, навел там панику, но не долгую, ибо вынужден был спешно отступить, чтобы не оказаться в плотном кольце.

Затаившись в лесу, Воротынский неожиданными вылазками клевал переправлявшихся крымцев, но на большее у

него просто не хватало сил. Он ждал, надеялся, что вот-вот из Москвы подойдут полки Окской рати и тогда можно будет, добив не успевших еще переправиться ворогов, догонять отступавших, отбивая у них обозы; но миновал день, миновал второй, тумены крымские заканчивали переправу, о русской же рати ни слуху ни духу.

Очередная вылазка перед тем, как выполняя приказ главного воеводы князя Ивана Вельского, идти на Москву удачная, как и все прежние. Более того, захвачена большая группа крымцев в нарядных одеждах, стало быть, не простых воинов.

Воевода, возглавлявший вылазку, докладывает князю Воротынскому:

— Бают, послы, дескать. Вот этот за главного себя выдает, — ткнул воевода рукоятью нагайки чуть ли не в брезгливо-надменную морду узкоглазого татарина, который и впрямь отличался от других более дорогими доспехами и богатым убранством прекрасной стати коня.

Надменный враг в новгородской кольчуге, украшенной на груди позолоченной чешуей, глядел на князя Воротынского вызывающе, хотя в его взгляде угадывался тщательно скрываемый страх. И не без основания: сейчас русский воевода потребует письмо ханское к князю Ивану (он сам, ной-он, так бы и поступил) и, прочтя его, тут же в гневе повелит порубить все посольство.

Вообще-то, так и следовало бы поступить князю Михаилу Воротынскому, тем более, что это посоветовал даже Фрол Фролов:

— Раскинь умом, князь. Поруби спесивцев. Никакие они не послы, но лазутчики, оставленные наблюдать за нашей ратью.

Фрол жалел князя. За уважение его искреннее. Он не помыкал им, Фролом, не считал его лишь боевым холопом, а держал у правой руки, как доброго советника, почти как равного. Даже за трапезой место ему у правой руки князя. И вот теперь ему грозит великая опасность. За то, что самовольно изменил свой путь, может проститься, но то, что встретился с послами — это уже подозрительно. Он-то, Фрол, знал, как тайные его хозяева Богдан Бельский и Малюта Скуратов преподнесут в удобном для них свете го-

сударю. С вопросиком вкрадчивым: не крамолой ли попахивает?

— Вели-посечь лазутчиков, — еще раз, уже более настойчиво, посоветовал Фрол Фролов. — А письмо, если есть оно для отвода глаз, можно сжечь, как подложное. Думаю, добрых слов ханских к нашему царю в письме нет. Если же государь, прочитав его, разгневается, не тебе ли, князь, в ущерб?

Понимал князь-воевода справедливость предостережения доброго слуги, но не смог преодолеть себя, не хотел бесчестного действия: раз государю посольство направлено, пусть он и решает, как с ним поступать. Ответил Фролу:

— Хотя и верен твой совет, но без чести он.

— Поставь меня к ним приставом с парой дюжины охраны. До Коломны их доставлю, там слова государева обожду.

Надеялся еще пособить князю: обвинив в попытке к бегству мнимых послов, в действительности лазутчиков, посечь их, а письмо, если оно есть, самолично сжечь. Без свидетелей. Увы, не удалось Фролу и это. Князь возразил:

— Ты поскачешь гонцом к государю Ивану Васильевичу. Приставом к послам достанет десятника, который перехватит их.

Видимо, так угодно судьбе, ибо прежде чем предстать перед государем, Фрол должен был свидеться с Богданом Бельским, разыскав его где бы тот ни находился. Иначе не то что боярство выскользнет из рук навсегда, но и сама жизнь окажется не стоящей ломаного гроша.

Фролову повезло: Бельский с опричной тысячей и с полком Владимира Воротынского хоронил в братских могилах погибших в огне и запрудивших своими телами Москву-реку, Язу и иные малые речки. Завидевши Фрола, уединился с ним. Спросил строго:

— Отчего сам?! А не посланец твой?!

— Так вышло. Князь Михаил Воротынский нарушил приказ главного воеводы Ивана Вельского и свернул на Калужскую дорогу.

— Понятно. Дальше.

— На переправе захватил послов. Князь отправил их в Калугу, а меня — к царю. Думаю, письмо не медовое у ханских послов. Не с просьбой о мире и дружбе.

— Верно думаешь. Хорошо и то, что не обошел меня.

— Как же можно? Уговор дороже денег.

Понял Богдан намек Фролова, но повел себя так, будто ничего не услышал: рано еще вручать жалованную грамоту — вдруг не опалит Грозный Михаила Воротынского, а Фрол, получив боярство, перестанет ревностно служить ему, Вельскому, тогда что, нового соглядатая подсовывать князю под руку. Но получится ли так ловко, как с Фролом?

— Поступим так: ты скачешь обратно к Михаилу Воротынскому, поторопить его к Москве, — ухмыльнулся в бороду. — Отлынил от сечи, пусть хоронит погибших. А вестью твоей я распоряжусь сам. О тебе тоже замолвлю слово царю.

Не очень-то устраивало это Фрола, но разве вправе был он перечить тайному господину своему, у кого в руках жалованная грамота на боярство?

Бельский же, взяв лишь дюжину путных слуг из опричников, в тот же день поскакал, загоня коней, в Вологду. Но прежде чем ударить челом царю, пересказал все Малюте, и тот потер даже руки от удовольствия.

— Пошли. Я сам представлю тебя царю Ивану Васильевичу.

Очень надеялись дядя с племянником, что царь, услышав вопросительное: не специально ли князь Воротынский ослушался главного воеводу Окской рати, чтобы встретить послов ханских и взять их под свое крыло, ибо могли бы их в горячке посечь, попадись они в руки иных ратников, ударит посохом о пол и повелит гневно Малюте: «Дознайся!» Увы, Грозный лишь вздохнул.

Конечно же, услышанного было вполне достаточно, чтобы обвинить слугу ближнего в крамоле, но еще очень был нужен князь Михаил Воротынский, храбрый и мыслящий воевода, каких у него почти не осталось. Князь Иван Бельский задохнулся в погребе своего дома вместо того, чтобы сложить голову в смелой сече. Бог его наказал, что не на холмах у Москвы встретил крымцев, а укрылся за китаями. Нет ему сегодня более подходящей замены, кроме Воротынского, встречать Девлет-Гирея, если тот пойдет великим походом, а не набегом. А что пойдет он, Грозный больше не сомневался. Вот и оставил он вроде бы без внимания весть, полученную от Богдана Бельского.

«Бог даст, придет время и для Михаила Воротынского».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Богдан не находил себе места: что творит главный воевода Михаил Воротынский, чем встречает тумены Девлет-Гирея на переправах?! Слезы, а не засады! Даже ни одной пушки. Лишь самострелы. Стрельцов хотя бы с ружьями выставил. По сотне бы на переправу. Так нет, большой огненный наряд и Гуляй-город с воеводами Коркодиновым и Сугорским где-то в лесу упрятан. А пушек-то немало успели отлить. На него, Воротынского, работали Алатырь, Васильсурск, Серпухов, Тула, Вятка, да и сама Москва. Все пушки на колесах. Перевозить с одного на другое место куда как ладно бы. Они же стоят без дела, в чащобе затаившись.

Одна поддержка засадам на переправах — корабли. Но и у них нет ружниц. Самострелы только. Конечно, речная рать топит крымцев изрядно, но установи на их палубах пищали, дай ратникам корабельным ружницы, то ли они смогли бы натворить? Да если бы полки, которые тоже стоят в бездействии, в лесах укрывшись, выставить на переправы, разве одолел бы такую силу Девлет-Гирей?! Неужели князь воевода не знает, как поступил Иван Великий на Угре? Встал на переправах и не пустил на свою землю Ахмет-Гирея. С тех самых пор Русь не платит татарам дани. Неужели князь Михаил Воротынский нацелился нынче вернуть прошлое иго?!

Чесались у Богдана руки, и если бы не Хованский был первым воеводой опричного полка, а он, Бельский, поднял бы полк и выставил бы его в помощь Засадному полку. Ни один татарин не ступил бы на русский берег.

Молодо-зелено. Сколько вел с собой Ахмет-Гирей? Двадцать тысяч, не более. У Ивана III под рукой было тоже не меньше. Можно было стоять лоб в лоб. К тому же Иван Великий послал вниз по Волге речную рать громить аулы татарские и ногайские, чем вынудил Ахмет-Гирея бежать в Поле ради спасения своей земли от разгрома. А сколько ведет с собой Девлет-Гирей? Сто двадцать тысяч с великим огненным снарядом в придачу. Да и цель его иная: захватив Москву, сделать ее столицей Великой Орды. Не просто набег, подобный прошлогоднему, не просто грабеж или даже принуждение стать вновь данницей татар, но полный захват Руси.

Для каждого русского города везет Девлет-Гирей с собой наместников своих. Вот такая сила. Вот такой замысел.

А чем встречает Русь великое нашествие? Ратью менее чем шестьдесят тысяч. И не во главе с царем, судьба державы которого решается, а лишь со слугой его ближним. В его ли власти повторить маневр Ивана Великого, хотя теперь сделать это можно было бы гораздо проще, ибо Астрахань — российская. И пустить оттуда рать к Перекопу да по ногайским степям, ханы которых примкнули к крымцам, значительно легче. Не вправе он и привести рать большую под свою руку, собрав ее из северных городов. Что царь дал, на том и успокойся. Вот и приходится воеводе хитрить, чтобы одолеть вдвое превосходящие силы.

А хитрость, она только тогда хитрость, когда о ней знают лишь те, кому по чину положено знать.

В опричном полку знал ее полностью первый воевода Андрей Хованский и частично — второй воевода Хворостинин. Оттого они вели себя спокойно, чем тоже удивляли Богдана Бельского. Он, даже не вытерпев, спросил Хованского:

— Что мы прохлаждаемся? Прорвется Девлетка к Москве, как в прошлом году, что тогда?!

— Хватит и нам рати, как время подоспеет. Успеем показать себя.

Не в бровь, а в глаз. Не ради ли того, чтобы отличиться в сече, он, Бельский, здесь? Не слишком-то ему хотелось ехать с полком под руку князя Михаила Воротынского, куда как спокойней под боком у царя Ивана Васильевича хоть в Кремле, хоть в Слободе, но слово о нем, Богдане, замолвил Малюта Скуратов, а понявши не великую радость его, упрекнул:

— Я тебе сказывал: вылезай из детской рубашонки. Иль тебе не хочется стать умным боярином, а ходить всю жизнь в окольных? Не проявив же себя в рати, многого не добьешься — вот тебе мой сказ! Но помни одно: в любой час на рожон не лезь, только в нужное время выпяли себя, и этого вполне достанет.

— Но я же не пропустил крымцев в Лавру. Разве это не в зачет?

— В зачет. Но не в столь великий. В засаде одно, а на поле брани — иное.

— Но там и голову сложить можно.

— Верно. Если голова дырявая. Как у князя Ивана Бельского. Сам по своему недомыслию в капкане оказался, вот и задохнулся в дыму в своем же подвале. И с Москвой что стало? Позор на всех Вельских! Благо государя мы на Воротынского поворотили, на него основную вину свалили. Вот об этом тоже стоит думать: голова-головой, но если терять ее, то с честью. Чтоб славная о тебе молва пошла. Как о герое молва.

— А сейчас не тот самый момент, когда можно выказать себя: встать на переправе стеной и не позволить Девлетке одолеть Оку?

— Увы, выше себя, как говорится, не прыгнешь. Не первый же он воевода, чтоб за опричный полк решать.

Смирися:

«В самом деле, успеется еще показать себя».

И все же трудно оставаться равнодушным, не понимая, что же на самом деле происходит вокруг: полк стоит в полном безделии, а тумены переправляются и переправляются, теперь уже беспрепятственно, окончательно сбив заслоны Сторожевого полка с переправ. Впрочем, как понимал Бельский, заслоны с переправ, похоже, отступили по приказу, а не под нестерпимым нажимом крымцев. Чего ради? Чтоб сохранить силы? А для чего? Удивлялся Богдан, и — возмущался.

Но не менее удивляло Бельского и поведение крымцев. Они не спешили к Москве по Калужской дороге, не рвались к ней и через Боровск. Словно замерли тумены в ожидании полной переправы огненного своего наряда и даже всего обоза, но скорее всего в недоумении — отчего нет русской рати? Если в прошлом году отсутствие русских полков на Оке было вполне объяснимо, то теперь виделась татарам в этом какая-то хитрость. Так думалось Бельскому, и он не ошибался.

Девлет-Гирей зовет в свой шатер лашкаркаши и вопрошает его, руководителя похода:

— Что скажешь?

— Как доносят мои лазутчики, и Серпуховская, и Боровская дороги на Москву пусты. В Серпухове гарнизон равен половине русского полка. Думаю, укрылись пока в лесах и ждут, когда мы, растопырив пальцы, пойдем на Москву сра-

зу по всем дорогам. Но мы, мой хан, волей вашей, не сделаем этого. Если вы, могучий хан, повелите, на Боровск я пошлю только один тумен с малым числом стенобитных пушек, все остальные тумены пойдут по Калужской дороге. В едином кулаке. Взять нас в мешок воевода Воротынский не сможет — у него мало сил. Мы возьмем Москву.

— А как с Серпуховым? Как с Коломной?

— Серпухов не станем штурмовать. Возьмем только в осаду. Чтоб не ударили гяуры нам в спину. Коломну же вообще оставим в стороне. Буду иметь под своей рукой резерв на всякий случай, если оттуда появится рать русская. Но, как я-предвижу, там ее нет.

— Наша воля по твоему слову. Действуй.

Да, раскусил Дивей-мурза замысел Воротынского, но, слава Богу, не весь. И если прикинуть как следует, то движение не по нескольким дорогам, а по одной, даже лучше. В основе своей план не придется менять: щипать растянувшиеся колонны справа и слева, особенно выпалывать турецких янычаров, приставленных к стенобитным пушкам, сами же пушки до времени не трогая, ибо они не позволяют ускорять движение. А чтобы передовые отряды все же не прорвались ненароком к Москве, на всех переправах через речки ставить заслоны, чтоб держали переправы по два-три дня. Поручить это городской рати, собранной со всех приокских крепостей. Сторожевому же полку, который сохранил себя не слишком большим упорством на переправах через Оку, спешить за стены Даниловского, Новоспасского и Симоновского монастырей, чтобы оттуда делать вылазки, если крымская рать доползет туда. Благословение первосвященника для этого загодя получено.

Расчет такой: Девлет-Гирей не начнет штурм Москвы, не вытащив такие занозы из своих боков. Вот тогда и ударить по загривку во всю силушку. Пусть тогда Дивей-мурза свое умение выказывает. Маневр туменов будет скован основательно. Непременно он постарается сбросить с загривка русские полки, а они — за Гуляй-городом, где к тому же великий огненный наряд.

Пусть напирают, сколько у них настырности хватит. Когда же поредеют тумены, можно и в рукопашную сойтись.

Затихли бои на переправах через Оку, лишь речная рать под командой дьяка Логинова продолжала челночить, топя в основном переправляющиеся пушки с прислугой, а опричный полк все так же — ни с места. Богдан Бельский начал подумывать, уж не в самом ли деле князь Михаил Воротынский ведет двойную игру, верно ли они с Малютой поступили, пристегнув к нему лишь одного Фрола, а не кого-либо еще. Вместе с тем Богдан удивлялся и тому, как спокойны первый и второй воеводы опричного полка, невольно оттого еще одна мысль возникала: не в одной ли связке с Воротынским и они?

Не может такого быть. Не может? Но где же тогда истина?

Она известна стала Бельскому через пару дней, когда в полк прискакал гонец от Михаила Воротынского. Слушать приказ главного воеводы позвали и его, Вельского.

— Замысел не меняется. На всех переправах до самой Десны встанет городовая рать, собранная со всех Приокских городов. Но к ним будет добавка, чтобы Дивей-мурза не заподозрил хитрость, увидев не слишком-то умелых ратников: вам и полку Правой руки выделить в заслоны по трети полков. Остальными силами щипать колонну, усиливая щипки ближе к Десне. Но не прозевать момента, когда Девлет-Гирей повернет свои тумыни на Гуляй-город, который встанет на холмах близ деревни Молоди. Там от речки Рожай до холмов — долина знатная. Лазутить крымцев станут порубежники с казаками Черкашенина атамана, но и вы своих лазутчиков имейте. И вот еще что велел главный воевода: вашему полку так повести дело, чтобы узнал Девлетка о Гуляй-городе.

— Все понятно. Передай князю Михаилу: все исполним. В полк Правой руки к боярину Федору Шереметеву сам пошлю от себя для связи и взаимодействия.

Бельский задел за живое: выходит Хованский знал обо всем, но молчал. Не доверяет?! И почему принял он так смиренно приказ главного воеводы полку в прятки играть по лесным тропам, а не грудью встречать врага? Едва дождался Богдан, когда гонец главного воеводы покинет стан. И — с напором:

— Мы — передовой полк! Нам ли по чащобам таиться?!

Улыбнулся Хованский. Снисходительно. Прощая недомыслие начинающему воеводе.

— Я примерно то же самое говорил князю Михаилу Воротынскому, но он мне преподавал урок. Тебе тоже он не лишним станет. Не о том нынче думка наша должна быть, кто перед кем нос выше задерет, а о державе нашей многострадальной. Ее судьба нынче решается. У Девлетки сто двадцать тысяч ловких в деле ратников. Добавь еще таких зубров, как Дивей-мурза и Теребердей — глава ногайских тумынов. Их перстом не перешибешь. Да и перст наш не слишком толст — вполтину меньше у нас рати. Но мы просто обязаны победить, ибо Девлет-Гирей хочет сделать Кремль своим дворцом, а Москву стольным градом своего магометанского царства. Как Мамай в свое время.

— Мамай — не чингизид¹⁹. Он Ордой не мог править, а властолюбцем был великим. Девлетка же — чингизид. Иль ему Орды мало? Ему пограбить и — восвосяси. Живи потом, в ус не дуй несколько годков.

— Верно, чингизид. Только Орды-то нет. Вся она кончилась. Крым один остался. А Девлетка возомнил себя восставителем былого могущества татарского. Прошлогодний удачный налет ему окончательно голову вскружил. Вот и прикинь: может ли всяк по своему разумению действовать, как бывало с князьями, отчего кровь православная лилась ручьями, но без пользы — монголы покорили великую Русь. Сколько веков измывались над ней! Победить можно только при единстве действий, беспрекословно исполняя приказы главного воеводы, которые исходят из его замысла.

— Мог бы прежде сказать об этом.

— Хитрость — тогда хитрость, когда она неожиданная. Он свой замысел рассказал в полном мере только мне одному, а я дал ему клятву умолчания. Не обессудь. Так нужно было до поры до времени. А теперь вот — выбирай, на переправах ж стоять, щипать ли будешь, выводя их, будто повезло им, лазутчиков крымских на Гуляй-город? Подумай часок-другой.

Действительно, есть над чем поразмышлять. Оборона переправ — дело видное, но довольно бесхитростное: враг напирает, ты бьешь его. Никакого маневра, где бы могла быть показана воеводская смекалка. Стой стеной, не боясь смерти. Когда же неведомогу станет, отходи к следующей речке. А их до Десны несколько: Нара, Лопасня, Рожая, Пахра — это крупные. Переплюек же не перечсть. Но тоже — рубеж.

Тоже можно на денек-другой задержать крымцев. Славно, конечно, но все же грудь в грудь, и жив ли останешься, Богу одному известно. А что говорил мудрый дядя Малюта, наставляя в последний перед походом вечер:

«Не уподобься князю Ивану Вельскому. Не зарывайся в норы. Если сложить голову судьба, то со славою сложи ее. А лучше будет, если со славою и со щитом...»

Даже не вспомнилось Богдану, о чем размышлял он, когда полк бездействовал в лесу под Окой. Сейчас он выбирал, взвешивая все на ладони.

«Да и не буду я главным на переправах. Опричники — как подмога. А слава всегда на голову старшего опускается».

Истина неоспоримая. Это когда неладно что, тогда непременно находят виновные из второрядных. Сподручно ли на такое по доброй воле идти?

Иное дело — набег стремительные: выскочил из леса (а ему, Бельскому, какой интерес впереди скакать), посек потерявшихся — и снова в чащобу. Если погоня случится, в лесу сподручней с ней сразиться, а то и рассыпаться, коль силенок не хватит для рукопашной. Тем более что под его рукой будут и сотники бывалые, и тысяцких не без головы. Они все сами знают, как поступать в тех или иных случаях.

Уже через четверть часа Богдан сказал о своем решении Хованскому.

— Я готов щипать.

— Вот и ладно. Даю две тысячи под твою руку. С лучшими тысяцкими во главе. А мое слово тебе такое: без совета с ними — ни шагу. Не мни себя пупом земли. Ищи с ними дружеский язык, не осуждая за резкость. Не с боязнью бы они к тебе, как к племяннику Малюты, но с открытой душой. Тогда и успех сам в твои руки поплывет. А с ним — и слава.

Неоспоримая правильность в словах первого воеводы, но сам-то он, похоже, не забывает чей он, Бельский, племянник: тысяцких лучших отдает, да и рати не кот наплакал — целых две тысячи. С ними можно развернуться и показать себя.

— Принимаю твое слово с благодарностью.

А через полчаса — совет. С малым числом. Хованский с Хворостининым, Бельский с двумя тысяцкими, ему подчиненными. Четко определяет он урок каждому: одна тысяча

встречает засадами передовые дозоры врагов, но в рубку невязывается. Побьет сколько успеет и — в лес.

— Береги ратников своих. Они ой как нужны будут в решительной сече, — наказывает Хованский тысяцкому и добавляет: — Это касается всех. Клынул побольнее и отступил. Выжди нового момента.

Второй тысяче, похоже, самая сложная задача: сечь пушкарей турецких и до возможности портить сами стенобитные пушки. Кроме того, нападать на ту часть змеи ползучей, в которой едут нойоны, отобранные в правители русских городов.

— Чем меньше их останется, тем славней. Пусть могилы себе найдут, а не города им подъяремные!

Спросил в заключение: ясно ли всем.

— Да. Один лишь вопрос: где будет полк?

— Не гони вскачь. Как я могу об этом не сказать? — И обратился уже к Богдану: — Тебе, воевода, и твоим тысяцким особый урок. Вам бить наотмашь. Злить и злить, вызывая погони. Особенно когда последние вражки полки крымцев переправятся через Рожаю. Я не забываю о главном: погони встречая засадами, одну или две вывести к полю перед Молодами. Пусть узрят, что там ставится Гуляй-город. Когда подвезут гуляи и огненный снаряд, я дам тебе, воевода, знать. Ясно?

— Да.

— Теперь о самом полку. Из леса он выйдет только по приказу князя Воротынского. Ежедневно от меня к вам будут гонцы. Через них стану принимать и доклады от вас. Главное же для вас — полная ваша самостоятельность. Без помощи ходите. Действуйте, сообразуясь с обстановкой, вовсе не надеясь на помощь. Не будет ее от меня. Я должен сохранить полк, чтобы привести его к Гуляю. Самое же главное — ни слова ратникам о Гуляй-городе. Даже сотники не должны об этом знать, пока не наступит нужное время.

Самостоятельность — и хорошо, и плохо. Если удача, то полностью твоя, если же просчет — виновных кроме тебя тоже никого нет. Козлом отпущения не прикроешься, как завесой. Прав поэтому Хованский: без совета с тысяцкими не делать ни шага.

Подготовку первого налета Богдан начал с разговора не только с тысяцкими, но и с сотниками. Общими усилиями оп-

ределили устроить засаду в ернике, подступающем к дороге. Без рушниц. Дабы без лишнего шума. Только с самострелами и обычными луками. По полусотне посадить в ерниках и справа, и слева от дороги, а чтобы боковые дозоры не обнаружили ее прежде времени, им на пути – тоже засады. Многочисленные. Чтобы ни один всадник вражеский не вырвался.

Мысль хорошая. Сотнику, ее предложившему, Богдан поручил и место выбрать, и самую засаду устроить. Остальным всем сотням этой тысячи обеспечивать охраны от дозорных.

Вторая тысяча – в резерве. В нужный момент, когда смешается в панике замыкающий отряд крымцев, взять его в мечи и шестоперы.

Вроде бы все по углу, но когда сотники покинули шатер Бельского, тысяцкий, выделенный для резерва, посчитал нужным сказать свое слово:

– При сотниках я не стал возражать тебе, воевода, теперь вот послушай. Из леса не выводи нас. Зачем зря в рукопашки бросать, теряя людей. А их сохранить нужно для главного боя, пропалывая ряды вражи. Их самих нужно заманивать в лес. Там им и карачун. Важно и другое: не выказывать свои силы татарве – пусть считают, как им хочется. У страха, сам знаешь, глаза велики.

Такое откровенное назидание задевает самолюбие, но верность совета заставляет унять недовольству.

– Пожалуй, ты прав. Не станем без нужды втягиваться в рубку. Даже в лесу. Болтами самострельными сечь, укрываться в подлеске.

– Вот это уже – слово мудрого воеводы. Но я еще хочу посоветовать. Перед ерником, где засада укроется, триболи разбросать. Как можно гуще. Поворотят татары коней на ерники, кони их вмиг обезножат. Вот и секи тогда кучу-малу. Останется время и исчезнуть, свершив свое в полной мере.

Верно и это. Триболь – прекрасная штука. Вроде звездочки с тремя острыми пальцами, но как ни кинь эту звездочку, один шип обязательно вверх торчит. Непременно вопьется он в копыто, если конь наступит на триболу. А тут по опешившему – болт. Куда как славно.

– Трибол даже в нашем обозе достаточно. Еще можно в обозе посохами разжиться.

– Что ж, так и поступим. – И к тысяцкому, чьим сотням засадить: – Пошли за триболами. К сроку чтоб доставлены были.

Двинулись опричные тысячи на быстроногих вороных конях своих по глухим лесным тропам в обгон ползущего татарского войска. Быстро обогнали замыкающий тумен и определили место для засады. И что радовало, беспечно шли крымцы, не имея по лесу боковых дозоров. Это весьма облегчало действовать скрытно.

Вот прошла голова ногайского тумена. Вот ядро его – мимо. Последняя тысяча. Одна ее сотня миновала, вторая, третья, четвертая. Теперь – в самый раз.

Сигнал, по уговору, – выстрел из рушницы. Но чтобы не попусту дробь сыпать, в подарок сотнику.

Выстрел этот в лесной тишине словно гром с ясного неба. К тому же сотник, не успев ойкнуть, ткнулся головой в конскую гриву. Миг растерянности. Однако всадники тут же схватились за луки, выхватывая их из саадаков. Еще миг, и полетели бы смертельные стрелы влево, откуда громыхнул выстрел, но... болты каленые из самострелов засвистели с противоположной стороны дороги из такого же густого ерника – тяжелые железные стрелы, вытолкнутые тугой пружиной, легко пробивали татарские латы из толстой воловьей кожи, прорезая сотню.

В ответ, опомнившись, крымцы пустили дождь стрел в ерник, но тут – второй выстрел, а следом за ним засвистели болты уже слева какие-то минуты, и от сотни всадников остались жалкие крохи. Но идущая за ней следующая сотня с криком: «Ур! Ур!» понеслась на ерник, вот тут и оказались весьма кстати трибола: одни кони падали, другие спотыкались о них, образовалась куча, ерники огрызнулись еще парами залпов из самострелов и опустели.

Лес насторожился, ожидая, что предпримет командир ногайской тысячи, теперь разрезанной как бы на две половины выпавшей из середины сотней. Не может же он вот так, не ответив на укус, повести ратников своих дальше, оставляя за собой неведомую угрозу; тем более, что не свойственно татаро-монголам и ногайцам признавать себя побежденными. Да и кара за трусость у них одна – смерть с переломленной спиной.

Чего ждали опричники, то и вышло: рассыпались сотни на десятки и, как саранча, — в лес. Он же вблизи дороги — пустой. Разумно бы, конечно, татарве покинуть его, воротившись на дорогу, но упрямство и злобность не сродни разуму. Все глубже и глубже десятки крымских конников втягиваются в лес, не чуя своей смерти в чащобе, и едва какая-либо из них оказывается на лесной поляне, со всех сторон обрушивается на нее ливень стрел, как железных, так и обычных. Куда от них денешься?

А то, что не звучали выстрелы из рушниц, было очень здорово: десятки гибли один за другим, а не попавшие еще в тенеты, не ведали об этом и не оказывали помощь.

Лес молча расправился с ногойской тысячей. Лишь немногие вырвались из него и догнали своих соплеменников со страшной вестью.

Темник в гневе:

— Переломите хребты трусливым зайцам!

Дело привычное. Хрясть. Хрясть. И — на обочины. Пусть скулят в назидание другим до прихода смерти.

На расправу у темника ума хватило, а вот что делать дальше, не может он решить. Сам поскакал к главе ногойской рати хану Теребердею, боясь его гнева и в то же время не имея возможности скрыть гибели тысячи.

Темникам, конечно, спины не ломают: с него иной спрос — вон из тумена. А это страшной смерти. Но на сей раз пронесло. Теребердей вместе с ним — к Дивей-мурзе. Чтобы обсудить происшествие и определить серьезные меры безопасности. Девлет-Гирею они решили не сообщать.

Богдан тоже держит совет с тысяцкими, радуясь успеху. Всего двое раненных случайными стрелами. Лучшего желать нельзя.

— Добрый ход нашли. Повторять и повторять его! Разить и разить калеными стрелами!

— Теребердей, считаешь, не примет ответных мер? Он воевода башковитый, ума ему взаймы не брать. Думаю, теперь все ерники, какие встретятся обочь дороги, поначалу стрелами прошпилят, тогда только — вперед. Еще можно полагать, лесными дорогами пустит крупные отряды. И лазутчики шнырять станут любо-дорого.

— Поступим и мы иначе: не станем загода укрываться в

ерниках, и лишь после того, как их обстреляют, выползем, — предложил Бельский.

— Можно будет, — согласился тысяцкий, — еще разок таким манером пощипать.

— Главное же, лазутчиков из леса не выпускать, пока не получим иное слово от князя Андрея Хованского. Самые ловкие десятки специально против лазутчиков наготовим. Много десятков.

Удалась и вторая засада. Меньше, правда, постреляно, всего сотни две, но тут сотня-вторая, там сотня-другая, все, как говорится, детишкам на молочишко. Поменее их останется, когда дело до главной сечи дойдет. Важнее, однако же, другое: крымцы теперь станут, как пуганные вороны, каждого куста бояться. Ведь не только опричный полк щипает в трех местах, но и весь полк Правой руки, все казаки атамана Черкашенина, которые присоединились к полкам то ли по приказу царя Ивана Васильевича, то ли по доброй воле.

Казаки, знамо дело, не только секут крымцев, но и грабят их обозы, но разве это помеха столь важному делу?

На Наре сводные заслоны из городской рати остановили тумены Девлет-Гирея на пару дней — опричники Богдана в эти дни бездействовали. А те тысячи, что впереди, продолжали щипать. Но как только вражья рать двинулась, переправившись через Нару, Бельский сразу же приказывает обнажить мечи. Даже налет свершили опричники на тех, кто замыкал переправу.

Весьма успешно и этот налет окончился. Потери опричников — всего десятка полтора, крымцев же полегло более пары сотен. Они уже, видя черных всадников на вороных конях, сопротивлялись весьма вяло. Вроде бы нечистая сила на них нападала.

За этот налет благодарное слово пришло не только от первого воеводы опричного полка, но и от самого князя Михаила Воротынского.

Дальше тоже все шло ладом. Опричные тысячи меняли тактику, и Теребердей не успевал с надежной защитой. Опричники даже аукать стали, сперва ради озорства, потом же, познав выгоду, зааукивали крымцев в топкие болота, и те тонули в них вместе с конями. Бесследно исчезали.

Рожая миновала крымская рать. И если на Лопасне держали ее более трех суток, то на Рожая почти не случилось большой задержки. Но тумены Девлет-Гирея основательно растянулись. Замыкающие сотни только-только отходили от Рожая, а передовые уже схлестнулись с заслонами на Пахре. Теперь, по замыслу князя Воротынского и заслонам предстояло стоять упорно, и налеты свершать с боков основательней. И тогда большая нагрузка ложилась на опричный полк, ибо полк Правой руки должен был выделить добрую половину от себя на переправы через Пахру. Подтянули к Пахре даже десяток пушек. Пусть Девлет-Гирей почешет свою реденькую бородку, предвидя все большее сопротивление русской рати. Вот тогда он не отмахнется, побоявшись оказаться в клещах, от дерзких налетов на свои тылы, явно почувствовав в них большую угрозу. А чтобы не возникало у него по поводу серьезности угрозы сомнений, опричный полк и оставшаяся часть полка Правой руки должны были, объединив усилия, навалиться на тылы ханского войска. Подгадать к тому времени удар, когда крымцы, сбив заслоны на Пахре, начнут переправу через нее. Только опричникам Богдана не ввязываться в ту стычку — им задача иная: продолжая щипать бока Девлет-Гирею, вывести, а это самое главное, его лазутчиков на Гуляй-город.

Лазутчиков же, как предполагали все воеводы, станет после удара в спину вражеской рати, что муравьев: Дивей-мурза не успокоится, пока не выяснит, какие силы русских у него за спиной.

К Богдану Вельскому гонца прислал сам главный воевода, князь Воротынский, ибо от действия опричных тысяч Бельского во многом зависел ход дальнейших событий. Богдан, гордясь важностью роли своей в общем замысле главного воеводы, наставляет самолично всех сотников:

— Не больше двух лазутных групп пропустить к Гуляй-городу, но и тех на возвратном пути основательно проредить. Пусть лишь двое или трое доскачут до своих с важной вестью. Со страху-то наговорят, будто весь лес запружен войсками нашими.

Это он сам добавлял к приказу главного воеводы, логично рассуждая, что страх — не вдохновитель победы.

Сказано — сделано. Все лазутчики, переправлявшиеся

через Рожая, попадали под зоркое око опричников Вельского. Пропускали их поглубже в лес и скашивали из самострелов. Но вот одних подпустили к холмам. Оказавшись на опушке перед большим полем, они разинули рты от изумления: великий Гуляй-город, способный вместить несколько десятков тысяч ратников, грозно поглядывал на них жерлами пушек. Десятник приказывает:

— Рассыпаемся парами. Ящерицами ползти, но об увиденном весть донести.

Сам же пустил коня вскачь прямо по дороге. Не таясь.

Вот его опричники и решили одарить жизнью. Одного. За решительность, за смелость, за понимание важности увиденного.

Сотник, прискакавшего на взмыленном коне командира десятки лазутчиков, сразу же повез к Теребердею, а тот без промедления — к самому Дивей-мурзе. Тот с великим вниманием отнесся к сообщению десятника, прося еще и еще раз повторить рассказ. Потом спросил:

— Где остальные из твоей десятки?

— Они, если им удастся, воротятся лесом. Я же поскакал дорогой. В лесу гяуров много, на дороге же никого. Но я боялся, если вся десятка со мной поскачет, привлечет внимание.

— Ты достоин стать сотником. Пока же — иди.

Долго два военачальника обсуждали тревожную новость.

— Не может быть у Воротынского большой рати. В прошлом году все полки, что обороняли Оку, погибли, — рассуждал Дивей-мурза, — а по городам прошел мор. Великий мор. С Ливонией не замирились, значит, и оттуда полки не могли прибыть. Думаю, туменом одним, твоим Теребердей, разнести можно будет Гуляй-город.

— Я тоже так думаю. Но нужно еще и еще посылать разведчиков, чтобы подтвердить слова десятника.

— Сотника.

— Да, сотника. Я верю ему, но один глаз не два глаза. По-временам, не получив еще одного подтверждения и более подробного осмотра местности.

— Наши мысли совпадают. Хану Девлет-Гирею я пока ничего не скажу. Движение к Москве не остановлю. А сотника предупреди, пусть язык держит за зубами про увиденное.

– Исполню.

У Богдана свой по этому поводу разговор с подчиненными. Недовольный.

– Как же можно позволить одному только воротиться?! Одному никогда не будет полного доверия. Жди теперь, полезут лазутчики еще нахрапистей.

– Встретим, – в один голос заверили сотники. – А если нужно, еще парочку пропустим, воротиться же дозволим из каждой десятки по паре, а то и по тройке конников.

– Но не давайте слишком долго глазеть на Гуляй-город. Кто попытается объехать его или слишком приблизится, сбивайте любознательных стрелами. Все!

Когда сотники разошлись к своим подчиненным, тысяцкий посоветовал Богдану слать гонцов и к первому воеводе опричного полка, и к самому князю Михаилу Воротынскому. Бельский, подумавши, не принял совета.

– Через голову не гоже. Да и горячку пороть нет смысла. Вот появится гонец от нашего воеводы, с ним и передадим весть.

Он верно рассудил: не им судить об их удаче, пусть судят те, кому по чину положено. Главное теперь во второй раз не опростоволоситься.

Получилось удачно. Не только пятерым крымцам позволили вернуться, но еще взяли языка. Мало что он знал, однако, получили от него сведения, которые давали повод срочно слать гонцов к Хованскому и Воротынскому. Слышал якобы плененный десятник, как Теребердей говорил с тысяцким (десятник охранял тогда юрту Теребердея), чтобы, значит, готовились идти на Гуляй-город, если лазутчики еще раз подтвердят о его существовании. Всем туменом, мол, пойдут.

Один тумен – не такая уж великая сила. Если загода подготвиться к встрече, получат ногойцы по зубам. Как следует получают. Богдан надеялся, что и его вместе с двумя тысячами позовут в Гуляй, но никаких новых указаний не получал. Велено как и прежде, только с еще большей настойчивостью, щипать тылы и уничтожать лазутчиков.

Целых два дня в неведении и вот, наконец, приказ:

– Срочно идти на соединение со своим полком. Ногойский тумен потерпел поражение, теперь жди самого Девлет-Гирея со всем войском.

Своевременная команда. Девлет-Гирей и в самом деле, узнав о поражении ногойцев, повернул все войско на Гуляй-город, оставив на Десне лишь один тумен, дабы обеспечивал он безопасность тыла. Хан, устами Дивей-мурзы, правильно рассудил: если смести с лица земли Гуляй-город, никакой помехи для захвата Москвы не останется. В Москве не может быть большого войска.

Богдану приказ первого воеводы лег на душу. Даже возликовал он:

«Сеча! Игра судьбы. Если Бог даст, с головой и со славой выйду из нее», – думал Богдан, уверенный, что их полк войдет в Гуляй и станет отбивать штурмующих. Увы, полк вновь остался в чащобе.

Весь следующий день с тревогой прислушивались они к пушечной стрельбе, к стрельбе из ружниц, к барабанному бою татарских сигнальщиков и даже к их воинственным воплям: «Ур! Ур!» – боясь, как бы не захлебнулась стрельба, не ворвались бы в Гуляй-город татарские тумены. Даже Хованский, не говоривший обычно лишнего слова, не выдержал:

– Не ошибается ли князь Михаил? Что в Гуляе? Большой полк, полк Левой руки, немцы-наемники командира Фаренсбаха, казаки атамана Черкашенина и огненный наряд. Тысяч тридцать пять, если учесть еще княжескую дружину. Девлетка бросит на штурм больше вдвое. У него оставлен тумен на Боровской дороге, еще один – на Десне. Но ему два тумена держать в запасе легче, чем нашему воеводе два полка.

– День, почитай, выстояли. Бог даст успеха и в завтрашний день, – довольно спокойно говорил второй воевода Хворостинин. – Что-то же задумал князь, коль нас в запасе держит. Подождем своего часа.

Богдан счел нужным не говорить свое слово, не делиться своим подозрением. Может, они заодно с Воротынским. Вроде бы хотят побить Девлетку, а сговор иной имеют.

Что ни говори, а влияние дяди, возглавляющего сыскное ведомство и по долгу службы подозревающего всех и каждого, оставляет заметный след.

Не раскроешь, однако, всю свою душу тем, кого подозреваешь.

Начало темнеть. Протрубили татарские карнаи отход, ухнуло еще несколько пушек, и все затихло.

— Ну, вот — жди гонца.

Ночь меж тем входила в свои права, но никто в полк не прискакал. И вдруг: великий крик радости донесся от Гуляй-города. Даже началась стрельба из рушниц. Беспорядочная и, как казалось, радостная. В недоумении воеводы опричного полка:

— Что случилось?

— Явно не худое.

Действительно, не худое. Наоборот, очень радостное. Казачий разъезд из порубежников, возвращавшийся в Гуляй-город от Боровска с вестью, что татарский тумен остается бездвижным, столкнулся под самой стеной Гуляя с татарской десяткой, и казаки оказались преворней в той короткой схлестке: пятерых посекли, пятерых, скрутив, приволокли к ногам главного воеводы. И как оказалось, среди захваченных в плен был сам Дивей-мурза. Сам решил разведать все перед завтрашним штурмом.

Как тут не радоваться?!

Для князя же Воротынского эта удача диктовала действовать решительней, ускорить претворение в жизнь задуманного. До этого он намеревался еще один день продержаться за стенами Гуляй-города, а уж после того действовать активно, но пленение лашкаркаши наверняка взбесит Девлет-Гирея, и тумены его в страхе, что будут наказаны за трусость, полезут на штурм сломя голову. По трупам своих братьев.

— Всех первых воевод, начальника наемников и атамана казаков ко мне срочно, — велел он Фролу Фролову. — Одна нога здесь, другая там.

Совещание тоже короткое, чтобы не потерять зря драгоценное время. Казаки, немцы-наемники и огненный наряд остаются в Гуляй-городе. Еще по тысяче от каждого полка. Всем остальным — в лес.

— Ударим, когда крымцы полезут, забыв о тылах своих, предвкушая скорую свою победу. Главная задача, чтобы не прознали татары о нашем выходе из Гуляй-города, поэтому окольцуйте всяк свой полк густыми засадами от лазутчиков.

— Не привлечь ли посоху к стенам. Чтоб не слишком бро-

салось в глаза малолюдство, — предложил князь Шереметев. — Топорами они ловко работают. У них у всех кроме плотницких есть и боевые топоры. Мечи тоже у них есть. Даже шестоперы.

— Толково. За главного воеводу оставляю Юргена Фаренсбаха. Ему решать, когда дым пускать, — увидев, как нахмурился атаман Черкашенин, усмехнулся и спокойно так, примирительно: — Не супсья, храбрый атаман. Не самолюбство нужно нам сейчас, но думки о судьбе Руси. О судьбе домов своих.

Через час после того совета в Гуляй-городе прискакал гонец и в опричный полк. Долго о чем-то говорил с глазу на глаз с Хованским, а когда ускакал, первый воевода тут же позвал Хворостинина с Бельским.

— По дыму из Гуляй-города налетаем на крымцев. Тремя клиньями. Ты, воевода Бельский, возьмешь под свою руку свои две тысячи и те, что впереди тебя щипали. Встанешь справа от меня. Твоя задача: по берегу Рожая с полверсты галопом, потом — налетать на спины татарские. Без барабанного боя, без рожков. Молча. Черной тучей. Будто кара Божья на басурманские головы. Я — в центре. Хворостинин — слева. Мы так рассчитаем, чтобы нам вклиниться в тылы штурмующих одновременно. А дальше своими тысячами каждый управляет сам. Смотря по обстановке. Если нет вопросов — по своим местам. Впрочем, окольничий Бельский, повремени чуток.

Еще Хворостинин не успел опустить за собой полог шатра, Хованский задает вопрос:

— Ты в настоящей сече бывал?

— В серьезной — нет.

— Послушай тогда совета: ищи золотую середину. Стоять в стороне на облюбованном бугорке не стоит, наблюдая лишь за действиями тысяч своих. Тысяцкие они — сами с усами. Но и рубиться, забыв обо всем, не надо. Время от времени выходи из рукопашки, дабы осмотреться. А холопов своих боевых от себя ни на шаг не отпускай. Это твоя защита.

— Отборные у меня боевые холопы, знают свое дело.

— Может быть. Только советую: голову дружинную пошли ко мне, я с ним потолкую. Имей в виду, мне за твою голову перед Малютой ответ держать.

— Иль грозил за недогляд? Не может такого быть. Сеча, она и есть сеча.

— Малюта никогда никому не грозит. Он делатель, а не пустомеля.

Точная оценка. Дядя Богдана никогда лишнего слова не скажет. Даже с ним, племянником, не часто откровенничает. А что за смерть племянника может отомстить, такое не исключено.

— Непременно учту это, памятуя о заботе твоей обо мне. Однако зайцу, под елочкой спрятавшемуся, не уподоблюсь.

— Условились.

К рассвету, когда Богдан вывел свои тысячи на исходное, откуда удобен рывок по берегу Рожая, и полки свои густо опоясал засадами против возможных лазутчиков, к нему подъехала четверка могучих опричников. Глянул на них Богдан — оторопь взяла. До жути суровы их лица. А руки, что твои кувалды.

— Первый воевода к тебе послал. Стремянными.

— Добро. Соединяйтесь с боевыми холопами.

— Нет. Мы сами по себе. Наш глаз — особый.

— Хорошо. Не поперечу воле первого воеводы.

Может, еще бы о чем-либо поговорили Богдан и прибывшие к нему телохранители, но предутреннюю тишину разорвал гулкий бой главного татарского барабана, его подхватили дробные туменов, тысяч, сотен, а следом словно повисли над предрассветным полем утробные звуки карнаев; и вот уже вздрогнул лес от великого многоголосья:

— Ур!

— Ур!

— Ур!

Первый залп пушек и рассыпчатая дробь рушниц. Еще залп и дробь, еще и еще. Штурм набирал силу, тем более опасную, что малым числом отбивался Гуляй-город, а все полки терпеливо ждали, когда взметнется черный дым из смоляного костра. И у всех одна думка: не запоздали бы с дымом. Если ворвутся в Гуляй татары, трудно будет их оттуда выковырнуть. Очень трудно. Далее, если честно, то совершенно невозможно.

Томительно тянется время. Очень томительно. Тем более, когда ты в полном безделии. Татары настолько увлек-

лись штурмом, что вовсе забыли об охране тылов, о разведке в окрестных лесах, подступающих к пойменному полю, поэтому даже засады дремали в ерниках.

Без Дивей-мурзы, который всегда предусматривал все мелочи, некому было умно подсказать Девлет-Гирею, он же сам пылал гневом, повелевая одно и то же:

— Снесите Гуляй-город, трусливые бараны! Смерть гяурам!

Ему, правда, доносили, что русских почему-то в Гуляй-городе меньше, чем вчера, и большинство из защитников с топорами, а не с мечами, но хан не придавал этим докладам никакого значения. Он считал, что князь Иван не мог выставить против него добрую, хорошо обученную и хорошо вооруженную рать. Пушек вот только успели наготовить много, но это даже к лучшему: стоит их только захватить, как сопротивление гяуров будет сломлено, а пушки усилят его, хана, тумены.

Татары и ногайцы во многих местах уже под самыми китаями. Уже рукопашка, почитай, не прекращается, вспыхивая то там, то здесь. Их отбивали, они вновь лезли узко новыми силами, на стену. Опасные моменты, а Фаренсбах не велит запаливать дым. Черкашенин было начал наседать на него, но тот обрубил резко:

— Я знаю время! Я не забыл ничего!

— Не велишь ты, чего я?

— Я застрелю тебя, — очень спокойно предупредил Фаренсбах и добавил: — Я знаю время!

Он ждал, пока крымцы, которые то накатываются на стены, то вновь отступают под ударами топоров, мечей и шестоперов, встречаемые еще и залпами пушек, частыми выстрелами рушниц, основательно изматывают свои силы; и лишь когда вражеские конники, подлетая, начали набрасывать крючья с крепкими арканами, а потом пытались расцепить бревна, Фаренсбах бросил коротко своему телохранителю:

— Беги. Пусть дают дым.

Уже через минуту он взметнулся черным столбом, и лес ожил. Но татары ничего этого не замечали, лезли и лезли, довольные своей выдумкой с крюками. Вот им в одном месте удалось разорвать пару китаев, вот еще в одном — полезли они в эти прогалы, напирая друг на друга, и хотя им засту-

пили путь немцы-наемники, упорные и ловкие в ратной сече, татары вполне могли их одолеть числом, но в это самое время со всех сторон на поле вырвались конники, а следом за ними и пешие.

Особенно впечатляюще пластали воронье опричные тысячи.

Богдан, забыв о советах первого воеводы Андрея Хованского, скакал впереди своих тысяч, лишь подковно охваченный боевыми холопами и приставами Хованского. Первым и врубился в плотные ряды крымцев.

Любо-дорого сечь растерявшихся, видя, как они падают под ударами меча. Нет, не держат их кожаные латы новгородскую острую сталь. Кишка тонка. Машет и машет мечом Богдан, не замечая времени, забыв обо всем, будто не воевода он, а простой мечебитец. И тут грубый такой, можно сказать приказной голос:

— Охолонь, воевода. Выйди из сечи, оглядись.

Бельский ругнул себя и развернул коня. Боевые холопы и приставы первого воеводы прикрыли его спину.

В полусотне сажений — взгорок. Должно быть, довольно удобный для командного стана. Точно. Одним взором можно охватить все поле боя. Только вот для чего это, пока Вельскому невдомек.

Подскакали тысяцкие со своими стремянными. Тоже охватить взором происходящее и получить какое-либо уточнение из уст воеводы, над ними поставленного.

— Похоже, пришли в себя татары, — со вздохом определил один из тысяцких. — Тягучая сеча пошла. Не побежали вороги, на что князь Воротынский, похоже, расчет имел. Теперь неясно, чем все закончится. Их намного больше, чем нас.

В самом деле, рубка шла по всему полю. У русских только одно преимущество: из Гуляй-города продолжают палить из пушек, рушниц и самострелов, прорежая крымские ряды, вот и оттягивают они часть сил на штурм перевозной крепости, но их нажим не так велик, разорванные китاي уже скреплены, укрыться же от разищей дробы и каленых болтов просто невозможно: враги стиснуты со всех сторон, и выход у них один — рубиться до конца или рвануться на прорыв.

Похоже, не предвидел князь Воротынский такого поворота событий, когда неприятель поставлен в безвыходное

положение, оттого дерется с удвоенной силой. Нужно было, возможно, оставить проход между полками, чтобы дать коридор для бегства. Теперь это видели даже тысяцкие и рады были сказать свое мудрое слово.

— Не все учел князь Воротынский, — со вздохом поддержал своего товарища второй тысяцкий. — Потому, как одной головой думал, а мог бы большой совет собрать. Теперь вот в три руки биться нужно, иначе...

Он не договорил, увидев, как из леса выплстала дружина князя Воротынского с его стягом. Впереди — знатный воевода Никифор Двужил.

— Ого! Князь резерв имеет?

Но не в гущу сечи несется дружина, а держит путь свой к ставке Девлет-Гирея, которая в полуверсте от Гуляй-города на высоком холме. Со взгорка, на котором восседает на коне своим Богдан, ее хорошо видно. Да и расстояние до ханского стяга не так уж и велико.

Первые ряды обороняющих ханскую ставку дружина смела играючи, но чем ближе к хану, тем яростней сопротивление. Да и как иначе, если добрая половина тумена отборных ратников оберегает драгоценную его жизнь.

— Замедляется движение княжеской дружины, вот-вот остановится она, завязнув в тягучей сече.

«Пособить бы?» — мелькнула мысль у Богдана. Окинул он поле сечи взглядом: напрямую прорубаться сквозь татарские тумены долго. А если обочь поля. По берегу до леса, а там — по нему, вблизи опушки. И ударить сбоку.

Взыграла кровь. Объявил своим тысяцким:

— Поможем дружине славного воеводы нашего! Сигнальте выход из сечи и — за мной!

— Риск великий, наполовину оголим свой участок, однако, стоящий риск. Дело задумал ты, воевода.

А Бельский со своими боевыми холопами и приставами от Хованского уже скачет по берегу Рожай, не замечая даже, что в иных местах татары поджигают русских ратников очень близко к берегу; но вот его начали догонять воронье опричные сотни — все больше и больше их. Чувствует это Бельский по топоту несущихся за ним и торопит коня — тот рвется из-под седла, понявши намерение хозяина.

Вот она, гряда холмов. Пора выскакивать из леса. Осадил коня Бельский, чтобы подтянулось как можно больше своих. Пока не так много, тысячи не наберется, выходит, не всех вывели из сечи, побоявшись полностью оголить участок.

«Ослушались!»

Но не время возмущаться. Нет нужды и остальных, кто еще не подоспел, ждать. Тем более, может, правы тысяцкие. Нигде нельзя давать простора татарам, иначе, почувствовав слабину, еще пуще ободрятся они.

Обернулся на скучившихся опричников и — громко:

— Кто порубит ханский стяг, обещаю боярство! За мной! Момент решительный. Должна дрогнуть ханская гвардия, увидя боковой удар. На это уповал Бельский, пластая на своем вороном впереди вороньей стаи. Забыл наказы и Малюты, и Хованского не действовать сломя голову. Напрочь забыл.

Увы, гвардейцы ханские не дрогнули. Без страха встретили они черных опричников кривыми саблями. Пошла рубка. Не пятились татары, и только по их трупам продвигались вперед опричники, сами тоже не так уж мало теряя из своих рядов. У Бельского сомнение, не зря ли предпринята им атака, не сложит ли он здесь свою разгоряченную голову?

Но вот — ура! Дрогнул хан. Он видел, как упрямо пробились с одной стороны княжеская дружина со стягом главного воеводы, с другой, не менее упрямо, черные опричники, к которым продолжала прибывать из леса подмога. Вышло совершенно случайно, что Бельский поступил правильно, не став дожидаться полного сбора ратников, — именно выскакивающие одна за другой из леса десятки более всего напугали Девлет-Гирея, ибо он посчитал, что не будет конца этим черным ратникам. Хан махнул рукой сотне телохранителей, которая пока еще не вступала в бой, и поскакал в обход Гуляй-города на большую дорогу. За ним, не теряя ни минуты, понеслись нойоны, тоже со своими телохранителями — защитников холма сразу же заметно поубавилось, да и боевой дух их моментально упал. Через четверть часа сотник Ивашка Силин подрубил княжеский стяг.

Упавший стяг — сигнал великого бедствия. Правда, еще какое-то время сеча не утихала, но вот наиболее разумные тысяцкие или наиболее трусливые, повели своих подчинен-

ных на прорыв, русские же ратники, понявшие, что близок миг полной победы, не слишком-то препятствовали желающим улепетнуть. Пусть несутся в панике. Сподручней сечь их, догоняя, у каждой речки, но особенно на Оке. Если еще мудрый их воевода загодя определил Серпуховскому гарнизону тормозить переправы вылазками.

Тех, кто сдавался, не трогали: будет кому хоронить нечистых басурман, да и работники из татар со временем получатся неплохие, а руки рабочие земле обезлюдевшей от мора и рати ой как нужны.

Богдан гоголем восседал на коне, взирая с восторгом на происходившее вокруг. Удобное место выбрал Девлет-Гирей, чтобы все видеть, увы, толку из этого он никакого не извлек. Теперь вот он, Бельский, на его месте. Гордый тем, что не дружинники княжеские порушили ханский стяг, а опричники, ему подчиненные. Он ждал, когда к нему подъедут первый и второй воеводы опричного полка и признают его важный вклад в победу над крымцами.

Переоценка своей роли? Еще какая! Его смелый маневр не более, чем родничок в Окских струях в проделанной огромной подготовительной работе князя Воротынского и его соратников. Причем, случайный родничок. Но разве мог Богдан трезво об этом думать, считавший, что именно его умный и смелый маневр принес столь великую победу, в корне изменив картину боя.

Нет, он не спустится с холма, пока не подъедут к нему его начальники и не пожмут храбрую руку героя.

Никифор Двужил уже сказал о нем свое слово:

— Молодцом, воевода. Завяз бы я со своей дружиной, слишком отчаянная ханская охрана, да и больше их намного.

— Увидел я, что туго вам, вот и решил.

— В самое время решил. Ладно, оставайся здесь, а я — к князю своему. Вдруг пособить есть нужда.

Но не Хворостинин с Хованским приехали первыми к бывшей ханской ставке, а сам князь Михаил Воротынский. Гордый великой победой, но старающийся сохранить радость, ибо на поле сечи да и в Гуляй-городе сложили свои головы многие сотни.

— Низкий поклон тебе, опричный воевода Бельский. Побил знатно. Как бывалый воевода действовал. Стяг хан-

ский тебе к ногам Ивана Васильевича, царя нашего, бросать. Заслужил. А теперь... Чешутся, небось, руки. В догонку кинуться хочется?

— Да.

— Веди свои тысячи. Я всем полкам велел сечь безжалостно наглых захватчиков. И тебе это же велю.

Поспешил Богдан со своими опричниками и уже на Лопасне догнал улепетывающих в панике татар. Они почти не сопротивлялись, и он пленял их сотнями, заявляя на них свое право. Его вотчинам и поместьям в Московском, Ярославском, Переяславском, Зубцовском, Вяземском, Нижегородском уездах и в Белом рабочие руки лишними не будут. Можно, кроме того, приглядевшись, отобрать из татар храбрых, готовых исполнять любые его поручения. И даже еще более возвысить при усердном служении.

Угодили в руки Богдана и те, кого Девлет-Гирей прочил в наместники в города русские. За них можно будет получить хороший выкуп, и пополнится его казна, которая хранится в Иосифо-Волоколамском монастыре.

Когда насытился окончательно, решил, что можно уже присоединяться к своему полку, под руку воеводы Хованского, выказывая ретивость. Он достиг того, чего желал: отличился в сече настолько, что даже недруги не смогут этого отрицать. И уж Малюта сможет преподнести царю Ивану Грозному его значительную роль в победе над Девлеткой, князя же Воротынского унижить или даже обвинить в нерешительности, за которой можно увидеть, если приглядеться внимательно, двойную игру со злым умыслом.

Пособит в этом и Фрол Фролов.

Жалкие остатки еще вчера огромного татарского войска решили переправиться через Оку, но и там оказались не в безопасности: казаки атамана Черкашенина разгулялись во всю молодецкую удаль. Не остались в стороне и курени донских казаков. Убивали всех, кого могли, захватывали все, что еще осталось мало-мальски ценного, конями же изрядно пополнили табуны. Основная же рать, оставив казакам добивать и дограблывать крымцев, вернулась к Молодям, где главный воевода князь Воротынский определил большой сбор. После того, как похоронит русских ратников, а пленные татары — своих нехристей.

Неделя прошла в разделе добычи, причем треть ее предназначалась семьям погибших и покалеченных, а только после этого велено было полкам построиться на месте бранного поля, потоптанная трава на котором уже начала выправляться.

Священники отслужили молебен по погибшим, дабы упокоились их души в раю, ибо гибель их во благо Руси, во благо христианского мира, над которым нависла такая страшная угроза; затем вознесли здравицу оставшимся в живых героям-победителям; и вот еще один торжественный момент: главный воевода князь Воротынский на белом коне объезжает полки. Один. Без свиты. Лишь с парой стремяных и первыми воеводами полков. Перед каждым полком спешивается и низко кланяется, снимая золотой шлем с узорчатой бармицей.

— Низкий поклон вам, отстоявшим Русь от басурманского порабощения. Хан крымский, пожелавший воцариться в Москве, разбит. Мы доказали, что мы не рабы! Мы свободны!

Крики восторга заглушали последние слова князя Воротынского.

А он вновь в седле. Огнем горит золотой шлем на гордой голове его, искрится в солнечных лучах золотая чешуя, украшая могучую грудь ратника поверх новгородской кольчуги; конь белый под красной попоной рысит лебедем, словно понимая и важность момента, и величие хозяина, на нем восседающего.

Когда окончился благодарственный объезд главного воеводы, глашатаи разнесли по полкам последние его слова:

— Все полки идут в Москву. Оттуда — по домам. Тех же, кто пожелает верстаться в порубежную стражу, будет принят по его желанию либо с оклада царева, либо с земли пахотной и перелога²⁰. По установленной росписи.

Безмятежно двинулись полки, имея лишь дозоры на всякий случай: вдруг кто из крымцев остался пограбить?

Никого. Все тихо. Лишь люди не только тех сел, расположенных у дороги, встречали победителей крынками молока, подовыми пирогами и низкими поклонами, но и поспешавшие целыми семьями даже из далеких деревень.

Вот и Москва. Разноголосье колокольное висит над стольным градом, но не в честь победителей тот праздни-

ный звон, а ради великого поклонения Пресвятой Богородице в день ее Рождества. Не оповестил Михаил Воротынский Москву о дне своего возвращения, лишь дал знать о победе славной Государеву Двору и Боярской Думе. О том же, что поведет в Москву всю свою рать даже не намекнул. И вот в то самое время, когда князь-победитель въезжал на белом коне впереди героической рати на улицы Скородома, в храмах и церквях как раз начиналось праздничное богослужение в честь Пресвятой Богородицы, однако же весть о возвращении ратников с Оки со щитом моментально понеслась по Москве, и люди, покидая церкви, устремились навстречу дорогим воинам-защитникам.

Город ликовал. Несдерживаемо. Михаила Воротынского встречали даже торжественней, чем в свое время юного царя Ивана Васильевича, возвращавшегося в стольный город после покорения Казани. Под копыта княжеского коня бабы расстилали шелковые узорчатые платы свои, сами же, не стесняясь греха, оставались простоволосыми. Цветы летели и на него, князя, и на его храбрую дружину, и на всех конных и пеших ратников — весь разночинный люд от знатных до черных и гулящих низко кланялись победителям.

Священнослужители, не осерчавшие на покинувших храмы Господни в разгар службы, не велели прекращать колокольного звона и тоже вышли на улицы с крестами и кадилами, дабы благословить спасших русскую землю от покорения неверными.

Горд храбрый и мудрый воевода за себя, за дружину свою, за всех работников, и даже не возникало у него мысли, что вот эта стихийная встреча обернется ему страшными мучениями и жестокой смертью.

И поводом к тому станет не только она, но несколько иных событий.

Начавшийся в Москве колокольный звон в честь победителей девлет-гиреевских туменов покатылся волнами по русской земле, как от брошенного в воду камня круги, от края до края, а в церквях возносили хвалу Господу за дарованную им победу над неверными, славя не только царя всей Руси, но и князя-воеводу Михаила Воротынского. А это гневало Ивана Грозного, ибо по доносу царских угодни-

ков, в церквях, будто бы, имя царева ближнего слуги возглашается более торжественно, чем имя самого царя.

Еще один предлог: высокомерие якобы воеводы. Не послал самолично он весть о победе, не посчитал это нужным, не прислал и трофеи — знак победы. Сделали это за него князья Токмаков с Долгоруким и Разрядный приказ.

Без вины виноватым и здесь оказался воевода-победитель. Еще гнали татар до Оки, а Михаил Воротынский послал к царю Косьму Двужила, сына славного воеводы Никифора, чином боярина. Посылая боярина гонцом, Воротынский имел две цели: царь на радостях пожалует Косьму более высоким чином, чего он, безусловно, заслуживал; главное же, посылая своего самого близкого соратника, князь как бы осведомлял царя, что считает победу над крымцами не столько своей заслугой, сколько заслугой самого царя. Он же, воевода, холоп царев, лишь его волю исполняющий.

А что получилось? Косьяна Двужила перехватили в Москве князья Юрий Токмаков и Тимофей Долгорукий, кого царь оставил оборонять стольный град, и они не хотели остаться в стороне от победы, не прочь были погреть руки у чужого костра, вот и отрядили в Новгород, куда Иван Грозный переехал из Вологды, князя Ногтева и дьяка Разрядного приказа Давыдова. Им передали два саадака и две сабли Девлет-Гирея, которые вез Косьма как личный подарок князя Михаила Воротынского царю. Токмаков и Долгорукий научили посланцев своих, какими словами вручить саадаки и сабли.

— Разрядный, де, приказ челом бьет да холопы царевы Токмаков с Долгоруким.

Не знал ничего этого Михаил Воротынский, оттого и не предвидел беды.

Гроза же надвигалась еще с одной стороны. Возвращавшегося в Москву царя Ивана Грозного не встречали торжественно в городах и селах: ну, возвращается царь в Кремль, пусть себе едет. Пути царь сам себе избирает. И можно представить, как воспринимал это невнимание к своей особе самодержец. Неважно, что не возглавлял рать, но он царь, стало быть, вся слава ему, а не холопам его.

Не смягчился Иван Грозный даже после того, как сановники Государева двора и даже думные бояре самолично организовали торжественную встречу царского поезда в Тушино, а

затем и в самой Москве, тем более, ничего толкового у них из этой затеи не получилось: народа для ликования выгнали на улицы вполне достаточно, но глотки драли в основном служилые люди.

Какое ликование может быть подневольно?

Настроение царя хорошо уловил Малюта и тут же принялся распускать слухи через тайных людей своих, будто не будь опричного полка, не добиться бы Воротынскому победы, а в самом опричном полку особо отличился Богдан Бельский, самолично захвативший ханский стяг. Когда же молва эта набрала силу, Малюта Скуратов донес о ней Ивану Грозному, добавив:

— Сам князь Воротынский велел Богдану Бельскому, холопу твоему верному, стяг ханский бросить к твоим ногам. Когда и где, твое, государь, слово.

— На почестном пире в честь моей победы над Девлеткой!

С этого и началось пиршество. Расселись званые гости по своим местам по знатности рода их, воссел царь за свой стол — все как обычно, только отчего-то по правую руку от царя — стул пустой. Для кого?

Недолго томились в неведении бояре и дворяне, двери трапезной распахнулись, и в сопровождении десятки вооруженных опричников вошел в зал Богдан, волоча за собой стяг хана Девлет-Гирея, как половую тряпку.

Вот это — выдумка!

Приблизился Бельский к царскому столу и швырнул к трону цареву изрядно испачканное знамя.

— Тебе, царь-победитель Девлетки, стяг его, в навозе конском вывалянный.

Царь указал Бельскому место рядом с собой.

И пошло после этого, поехало. На пиру Грозный словом не обмолвился о князе Воротынском, ибо его не было на почестном пиру, он мотался по порубежью со своими соратниками, организуя начало работ по возведению крепостей и застав, а раз нет его, чего ради говорить о нем. Честил царь лишь своих любимцев, вовсе непричастных к сражению под Молодами, а из воевод славил Хованского, Хворостинина, Юргена Фаренсбаха, особым словом отмечая мужество и находчивость Богдана — славил только тех воевод, кого сам определил в Окскую рать.

После нечестного пира Скуратов имел тайный разговор с племянником своим.

— Молодцом ты себя показал в рати, а еще лучше со стягом ханским. Теперь путь тебе открыт более вольный. Если, к тому же, довершим начатое нами.

— Пора, стало быть, Фрола подключать посмелее?

— Да. Самое время. Князь Воротынский занялся засечной линией, сейчас ему не до себя, вот и воспользуйся.

— Жаль, нет его под рукой. Он с князем в отъезде.

— Посылай к нему тайного дьяка. Не меньше. Но чтоб не прознал князь Михаил. Пусть Фрол шлет отписки каждую неделю. Особенно когда по куреням они поедут верстать казакон на порубежную государеву службу. Очень близко это от Крыма. Там вполне могут быть у князя тайные встречи с басурманами. А к возвращению князя Михаила должен быть готов донос о таких встречах. От Фрола. Согласится дать его, тут же вручай ему жалованную грамоту, не согласится — не выпускай на волю. Я сам с ним займусь.

— Постараюсь сделать все ладом.

— Да уж постарайся. Не для меня — для себя.

На следующий день тайный дьяк выехал из Москвы лишь с одним путным слугой в одежде мелкого торговца. Как коробейник, а уже через неделю он передал Фролу слово Бельского.

— Исполнишь все, что он велит тебе, боярство в твоих руках.

Очередное обещание. Из них шубу соболью не сошьешь. Но что делать? Не выскользнешь из цепких рук Бельских, не потеряв головы. Придется, как бы ни проникся уважением к князю Воротынскому, все же посылать на него наветы.

Правда, ничего серьезного тайный дьяк не получал от Фролова, и это не устраивало Малюту с Богданом, тогда они решили принудить Фрола после возвращения сделать донос под их диктовку либо по доброй воле, либо в пыточной. И вот очередная тайная отписка: Михаил Воротынский определил ехать в Москву не прямоезжей дорогой, а через Новосиль и Воротынский.

— Вот она, зацепка! — Невольно воскликнул Бельский, прочитав отписку. — Вполне можно ухватиться!

В тот же вечер он повидался с Малютой и высказал ему свое соображение.

— Отчего не напрямки в Москву, а через свои вотчины? Не подозрительно ли?

Малюта сразу же ухватил мысль племянника и загорелся.

— Завтра же буду у царя. А ты, хочу тебе сказать, становишься мужем!

Еще не было случая, чтобы царь не согласился на тайный разговор с главой сыскной службы, когда тот просил царя об этом. На сей раз он тоже встретился с Малютой в комнате для тайных бесед сразу же после полуденного сна.

— С какой вестью? Распознал крамолу?

— Не совсем, но — есть подозрение. Окольный Богдан Бельский, как помнишь ты, государь, имеет своего человека при князе Воротынском. Ты тому тайному агенту Бельского подписал жалованную грамоту на боярство. Так вот, соглядатай Бельского прислал тайную отписку о намерении князя Михаила ехать от донских казаков не прямым шляхом на Серпухов и Москву, а через Новосиль и Воротынский. Имеет к тому же Фрол Фролов подозрение, что Воротынский встречался с кем-то из крымцев. Будто бы даже кого-то из казаков к хану посылал.

— Не заблуждается ли Фрол о встречах и посылки к хану?

— Приедет, все в точности и узнаю. Сейчас же меня беспокоит, что он в свои вотчины путь держит.

— Проведать вотчины — худое ли дело?

— Если бы проводить только. Иные мысли, как я предполагаю, у князя: доследовать примеру Андрея Курбского, изменника низкого, примеру Дмитрия Вишневецкого, который делал вид, будто служит тебе, государь, честно, сам же польскому королю лазутил. Не возомнил ли Воротынский службу тебе, государь всей Руси, ущербной для себя? Вернее сказать, не опасается ли, что распознаешь его тайные замыслы, а хвост его замаранный станет виден. Слишком много подозрительного в его сношениях с крымцами. О послахах одних вспомни, государь. Какому унижению ты подвергся, читая дерзкое письмо Девлетки. Вот и посчитай: спешится с Сигизмундом и — ноги в руки.

Долго молчал самодержец. Он понимал, что Малюта чрезмерно усердствует, но вместе с тем видел в его доносе свою выгоду: слишком вознес себя холоп, возомнил о себе Бог весть что. Даже гонца самолично не послал ему, царю, с

вестью о победе. Разрядный приказ расстарался, да Токмаков с Долгоруким, и если прикинуть, то больше не нужен ему Воротынский, который и в самом деле может либо к польскому королю податься, либо, что еще хуже, переметнуться к Владимиру Старицкому, рвущемуся к престолу. Начатое же им, Воротынским, укрепление порубежья, продолжают другие. Возможно, не так рьяно и разумно, но теперь это не так уж и важно. Надолго отбита охота крымцам ходить на русскую землю походами. Ногайцам тоже досталось на бобы. Долго загривки чесать станут да зарекутся совать нос куда не следует.

— Оковывай всех ближних слуг Воротынского и — в пыточную.

— У князя две дружины. Новая — в Новосиле и старая — в Воротынске. Воевода Шика ее возглавляет. На нее особенно может опереться Михаил Воротынский.

— Всю дружину — в Сибирь. Промышлять соболя. И чтоб без возврата оттуда. Самого же князя, холопа неблагодарного, оковать до Новосила, и в Москву. Тоже в пыточную.

Ну вот — слава Богу. Теперь вполне может царь сделать его, Малюту Скуратова-Бельского, своим слугой ближним.

«Сыскную службу передам Богдану!»

Гопнул Малюта, не перепрыгнувши. С князем Михаилом Воротынским Грозный расправился нещадно. Малюта же и Богдан остались при своих интересах. Бельский даже боярства не получил. Не перевел его государь из окольных Государева Двора в бояре думные.

Что же, поступки царя неисповедимы. Можно лишь затанить обиду. Не более того. И ждать подходящего момента.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Смеркалось. Богдан целую неделю не покидавший дома из-за недуга, крепко подкосившего его здоровье, испив снадобье, присланное из Кремля по указанию самого царя, собрался было почивать, как вдруг в опочивальню вошел его ближний слуга.

— Боярин, тебя кличет спешно Малюта.

Боярин — привычно звучит. Лести ради слуги его так величают, и он не противится, а вот с приглашением, странное.

«Вчера наведывался. Спокоен был. Уверенный в себе. Чего это вдруг? Знает и о хворобе моей. Мог бы и сам, если что стряслось...»

Меж тем приказывает постельничему:

— Вели нести одежду на выезд. Да пусть запрягут пролетку. Верхом недужен я еще. Полость медвежью не забыли бы положить. Не зима на дворе, но хворому остудиться вполне можно.

Ехать всего ничего, но слуги укутали барина своего основательно, чтоб не дай Бог не продуло бы его, не усилился бы недуг. Кучер тоже не гикнул на тройку, чтоб понеслась она лихо — не нужен барину встречный ветер. Когда же въехал во двор Малюты, не остановил пролетку на обычном для экипажей месте, а подкатил вплотную к переднему крыльцу под самый под навес.

Племянника ждали. И хотя он был здесь частым гостем и хорошо знал дом, ему услужливо подсказали:

— В дальней комнате они.

Почему «они» и почему в дальней, крохотной, можно сказать. Он, Бельский, был в ней всего пару раз — копия царской комнаты для тайных бесед. Выходит, серьезный на этот раз ждет его разговор. Тайный, ибо подальше от слуг. И все же, почему — «они»? И сколько их?

Всего один гость. Борис Годунов. Зять Малюты. Муж Марии, двоюродной сестры Богдана.

Впорхнула в душу ревность, а с ней и неприязнь. Конечно, знал Богдан, что дядя подтягивает к трону и своего зятя Бориса, и тот уже был дружкой на свадьбе Ивана Васильевича с Марфой Собакиной. Такой почет не часто достается даже князьям именитым, боярством очиненным. И то сказать, великолепен юный Борис, одарен природой щедро. Что осанка, что вид сановитый, что манера держаться — явно он нравился царю. Даже несмотря на то, что, как поговаривали, он всегда уваливает от участия как в оргиях, так и в кровавых расправах.

Должно бы, не нравится царю Грозному, но надо же — вроде бы не замечает ничего. Значит, лестью берет да хитростью.

Даже Малюта однажды высказался о нем откровенно:

— Далеко пойдет. Ты с ним, племяш, ухо востро держи. Лишний раз рта не открывай.

И вдруг они вместе. Наверняка, чтобы говорить друг с другом при полном доверии и совершенно откровенно. Что же изменилось?

— Вот и слава Богу, — заговорил Малюта Скуратов, указывая племяннику на лавку с мягким полавочником. — Не вредя, племяш, хворать. Царя-батюшку снова блажь одолела.

Вот это — да. Даже не та скрытая усмешка, какая однажды сорвалась с дядиных уст, а прямая крамола. Значит, не опасается он своего зятя.

«А меня предупреждал рта не раскрывать лишний раз».

Просек Малюта, о чем мысли племянника, и успокоил его:

— Сегодня не коситься нужно нам друг на друга, а плечи подставив, сообща идти к единой цели. Цель же — готовиться к самому худшему.

Помолчал немного, собираясь с мыслью, и продолжил с грустным вздохом.

— Письмо царское Василию Грязнову мне дали почитать. Вы ведаете, что израненный, пленен он Девлеткой. Слишком увлекся преследованием за Окой, вот и оказался в руках татарских. Девлетка предложил обменять Грязнова на Дивей-мурзу. Василий Грязнов от себя прислал просьбу уважить Девлетки. И что ответил Иван Васильевич, царь наш? Ишь, мол, чего захотел: кто Дивей-мурза и кто ты? Не забывай, мол, кто отец твой и дед. Дивей-мурза из знатных, а тебе чего, дескать, в знатные нос совать. Ты, дескать, низкий раб, гож лишь скоморошествовать на наших пирах. Так и назвал: низкий раб.

Вновь молчание. На сей раз довольно долгое. Снова вздох.

— Ни ты, Богдан, ни ты, Борис, не из первых княжеских родов. Стало быть — рабы. Низкие. Я тоже не из первых среди Вельских, хотя и очинен в думные бояре. Вас же выше окольных не жалует. Скажете, наступит, мол, и ваше время. Может быть. Но вот в чем загвоздка: завтра же Боярской Думе царь намерен объявить о конце опричнины. Не станет больше отдельно опричнины, отдельно — земщины — Русь снова станет единой. Не мне судить, хорошо или плохо это для Руси, а для нас — худо. Очень даже худо. Не при деле мы окажемся. Если даже минует опалы. Пока я

знаю, кого опалит Иван: иерарха Филиппа, епископа Рязанского Филофея, дьяка Стефана Кабылина и еще нескольких видных опричников. Казней не предвидится. Всех ждет лишь ссылка. Удалить собирается царь большинство из тех, кто был спутником его по опричнине, от руки своей. И кто из вас скажет, что и с нами подобное со временем не случится. Тем более, что опричные полки, где у нас есть какая-никакая опора, заменяются стрелецкими полками. Даже при себе Грозный создает царев стрелецкий полк. Вот я и позвал вас, чтобы сообща решить, станем ли ждать рока, будем ли сами о себе иметь думку и действовать согласно этой думки?

Не успел еще Богдан в полной мере оценить услышанное, как Борис заговорил уверенно, как о давно выношенном:

— У Ивана два сына: Иван и Федор. Иван столь же умен и хитер, как отец. Не менее его и жесток. Федор же — блаженный. Вот его и следует на трон возводить. Он станет царем всей Руси, править же будем мы.

— А брат Грозного, Владимир Старицкий?

— Не помеха, если умело действовать.

— Выходит, извести Ивана, сына его, и брата Владимира? — решился на откровенный вопрос Богдан. — Не в пыточную прямой путь, если дознаются?

— А сейчас ты от сумы и от тюрьмы можешь заречься?

— Все так. И все же нужно ловко и тайно.

— Есть ход. Вполне надежный.

Вот и весь ответ. Разве это откровенность? Хотел было упрекнуть Годунова, но сдержался, поразмыслив. В самом деле, есть ли нужда раскрываться во всем, не лучше ли, имея одну цель, делать каждому свое дело тайно. Так меньше опасности провалиться, если что-либо изменится.

В общем, многочасовой разговор закончился твердым уговором идти сообща к единой цели, не подстегивая друг друга, действуя размеренно и очень осторожно, даже не раскрываясь полностью друг перед другом.

— Главное, — подытожил Малюта, — не выпячивать на людях нашей дружбы. Жить как все: при Государевом Дворе друзей нет, есть только интересы каждого. Лучше даже, если мы, помогая друг другу исподтишка, прилюдно станем иной раз даже противоречить друг другу.

— Принимается! — горячо поддержал Борис.

Так порывисто, так несдержанно, что у Богдана закралось подозрение:

«Угодно, видать, будет ему двучичить. Себе на уме...»

Когда показалось, что обо всем тайном было обговорено, хозяин предложил:

— Перейдем в трапезную. Там поведаю вам еще одну новость. Чтоб для ушей слуг моих. И не разевайте рты от услышанного, а делайте вид, будто мы продолжаем разговор.

Но как не изумишься, услышав совершенно ошеломляющее.

— Так вот, как я уже сказал вам, Сигизмунд Второй приказал долго жить, о чем царя нашего Ивана Васильевича известила посол от польского сейма и литовской знати.

Чуть не поперхнулся Борис Годунов сладким вином за морским, а Богдан опустил очи долу, чтобы скрыть свое изумление.

— Вот и прошу вас, как верных холопов царя нашего, подумать, стоит ли соглашаться Ивану Васильевичу на королевскую корону самому или венчание на королевство Польское своего сына? Сподручно ли это для нашей державы? Я же, холоп Ивана Васильевича, донесу до него ваше слово.

Пока еще ничего не понятно. Неужели ляхи, считающие свою нацию достойнейшей из всех ветвей в общем славянском древе и кичатся этим, — неужели они прибыли предложить королевскую корону князю Московскому, как они в своих кругах величают Ивана Грозного, либо его наследницу? Что-то невероятное. Без задней мысли они на такое не пойдут.

А Малюта ведет так разговор, словно об этом самом в подробности уже говорилось в беседе до начала трапезы. Видимо, знает, что есть среди слуг его доносчик царский.

Впрочем, не долго им пришлось разгадывать загадки: утром в Кремле они обо всем узнали в подробностях как из разговоров с дворовыми, так и думными. Кремль гудел расстроенным ульем. Кому-то виделось предложение польско-литовской делегации манной небесной (объединение двух могучих славянских народов — великая сила); кто-то, наоборот, считал, что раздоры за ливонско-литовскую Прибалтику не утихнут никогда, а царь русский на польском престоле нужен ляхам лишь ради своей выгоды: подоят

Русь, устроят крепкое войско, не устоять тогда Москве против Варшавы.

Дело доходило до кулаков.

Впрочем, пустозвонство все это. Никто не знал, о чем думает сам Грозный, как он относится к предложенному сеймом. Знали лишь одно: вторую встречу с коронными вельможами и литовскими посланцами царь наметил через неделю, где скажет главе делегации Гарабурде свое слово. Совета же царь ни с кем не держал, поэтому думай сколько заблагорассудится, думки твои так и останутся при тебе. Так же как и споры.

Но несмотря ни на что, Малюта не отступился от Годунова с Богданом и принудил их высказать свое мнение. Малюта очень надеялся на то, что Грозный все же позовет его в комнату для тайных бесед.

Предчувствие не подвело тайного советника, царь самостоятельно сказал ему:

— Завтра заутреню отстоим в моей церкви, а помолясь, побеседуем.

Такого еще не бывало, чтобы царь не один молился в своей домашней церкви. Выходит, серьезно задумался самодержец Российский, получивший возможность добавить к своим титулам еще и королевский. Поэтому Малюте нужно было все ох как взвесить, чтобы не попасть в опп.

Еще и еще раз Скуратов выслушивал мнения разных чинов как из дворовых, так и из думных, обобщая их, выбирая разумное, и все же самыми приемлемыми показались ему размышления Бориса Годунова: не отказываться от приглашения, но поставить такие условия, чтобы никакие выгоды не последовали для Польши и Литвы после избрания русского царя на их престолы.

А вот Богдан не показал ума государственного. Ничем он не отличился от десятков других дворовых. Отрицая в основе своей саму возможность принять просьбу польского сейма, ничего толкового о том, как это сделать, не сказал. Лишь одно разумное вырвалось у него:

— Избранный на сейме — не самодержец. Он будет связан по рукам и ногам.

Вот это — лыко в строку. При разговоре с царем необходимо, чтобы выиграло его властолюбие. Да так подвести, будто сказано между делом, не как о главном.

Еще одну важную мысль вынес Малюта из бесед с дворовыми, даже не очень влиятельными, но умными: шведов нужно гнать из Прибалтики взащей, иначе они перекроют в конце концов всю нашу торговлю по Балтийскому морю. А если шведов победить, то и Польша иной станет. Не будет нахально звать нашего царя в сейм на выборы, а по доброй воле сама войдет в состав Русского государства. Вот тогда образуется действительно могучая держава, перед которой все остальные, и славянские, и неславянские страны Европы преклонят колена.

Сам же Малюта намеревался напомнить Ивану Васильевичу о королеве английской Елизавете, ибо дружба с Англией во много раз выгодней для Руси, чем вассальность лукавой и лживой Польши, готовой доить Русь без всякого стеснения.

В назначенный час Малюту встретил духовник царев и повел его в домашнюю церковь, вход в которую через комнату для тайных бесед. Грозный уже молился, отбивая поклоны и размашисто крестясь. Малюта встал рядом с ним и тоже зашептал славицу Господу. Молить же его о чем, он не знал. О том, чтобы вразумил царя Ивана Васильевича поступить на пользу Руси, а не своему интересу? Но где грань между интересом царской династии и державой? Вот Малюта и крестился, шепча машинально: «Отче наш иже еси на небеси. Да славится имя твое, да придет царство Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земле...»

Вот, наконец, благословясь у царева духовника, они вышли из церкви и, усевшись друг против друга на лавках, смиренно сложили руки на коленях, как бы продолжая духовный разговор с Господом.

Скуратов терпеливо ждал первого слова Ивана Васильевича, первого его вопроса, но тот, казалось, не решался его задать. Но время все же настало:

— Как ты, верный советник мой, рассудишь о сватовстве меня или сына Федора на королевство Польское?

— Какие их условия? В точности мне пока они не ведомы. Не осмелился я без твоего слова, государь, приставить к ним своего соглядатая. Посчитал осудительным.

Он явно лукавил. Он не был бы Малютой, если бы не имел тайных агентов повсюду. В польской делегации он уже

успел подкупить двоих, близких к главе их, пану Гарабурде, но зачем царю знать об этом? Пусть сам расскажет.

Грозный хмыкнул, не поверив главе Тайного сыска, но все же начал исповедоваться.

Малюта — весь внимание. Будто все для него внове. Когда же царь закончил пересказ условий «сватов», Малюта с просьбой:

— Дозволь, государь, уточнить непонятное?

— Затем и позвал, чтоб совет иметь, а какой совет, если не все ясно советчику.

— Посольский приказ тебе поведал или сами ляхские вельможи, что не тебя одного или сына твоего Федора представят на выбор короля в сейм? Это, думаю, важно.

— Глава посольства Гарабурда.

— Вот и прикинь, государь: тебя станут выбирать, как цыган лошадь на базаре. Кто лучше: ты, либо сын твой, или Эрнест, сын императора Максимилиана, брат ли Карла Де-вятого, герцог Анжу. Угодно ли такое самодержцу великой Руси?! И еще поразмысли... Ну, изберут тебя, или сына твоего, предпочтут род твой другим династиям, так ты что, власть над ними будешь иметь? Они станут властвовать над тобой, пугая переизбранием. Вот если бы они под твою руку отдались, тогда иное дело. Никто бы не посмел на столь великую державу даже косо поглядеть.

— Об этом я тоже думал. Но у них свой уклад, своя воля.

— Пусть. Порядки можно не менять, в православие тоже не принуждать, но власть должна быть одна, как и надлежит в едином государстве. Вот такое мое твердое слово. И не только мое. Твой Двор, государь, в большинстве тоже так думает. Только бояре — в разногласии. Но как я рассуждаю, они хотят на ляхский манер ясновельможными именовать и царя выбирать на польский манер из своих родов. Особенно Шуйские и иные из Владимировичей. Но нужно ли тебе, государь, подобное? Да и наследникам твоим не во вред ли? Потерять можно Богом данное царство, уплыть оно в руки алчных. С Федором тоже великий вопрос. Избрать соизволят, если он с приданным придет. Рот у них широко раскрыт: Смоленск, Полоцк, Усвят, Озерище — Литве, Польше ж того больше — изрядно древних русских земель. А какая уверенность, что завтра не спровадят Федора с коро-

левского престола, плакали тогда, считай, извечные наши города, наши плодородные земли. Не ловкачи ли? Вот если бы признали право наследования престола, тогда можно еще поразмышлять над согласием. А на их условиях — ни за какие коврижки. Вот мое и в этом твердое слово, холопа твоего верного, государь. А то, что плачутся ляхи о неустойстве своем без королевской власти, наплевать на это и растереть. Сами себе такие порядки установили, вот пусть сами и расхлебывают.

— Пожалуй, соглашусь с тобой. Только считаю, обижать вельмож до вражды не стоит.

— Конечно. Однако не обидно ли тебе, государь, что делегацию возглавил не ясновельможный пан? Вот и отвечай тем же. И не мне, холопу твоему, подсказывать, как вести с послами разговор. Велеречивость твоя всем в пример. Одно скажу, с ласковым словом отвергни все их притязания на земли твои, государь. Свои же условия ставь непомерные. Вот они сами и откажутся. Тогда ты сможешь прилюдно свою обиду на них иметь.

— Завтра приглашу посольство.

— Проводив же ляхов и литовцев, готовь поход на шведов. Шажок за шажком они захватывают Эстонию, да еще Карелу смущают. Как мне доносят, чужд²¹ побережная начала голову поднимать, шведами соблазняемая. Их бы тоже не мешало погладить плетьюми, а то и мечами пощекотать. Никак не будет лишним.

— Мне об этом и Посольский приказ, и Разрядный сказывали. Я уже велел готовить поход. Сам поеду, взяв с собой сыновей своих. Готовься и ты. При мне будешь. Богдану Бельскому идти воеводой в Карелы. Одного полка, считаю, ему вполне хватит.

Посольство вельмож польских и литовских покинуло Москву на следующий же день после встречи главы их с Грозным. Не по нраву пришлась им жесткость русского царя, не оценившего их благородного порыва пристегнуть к себе соседку, не нарушая условленного мира. Раскусил, выходит, русский царь их хитроумный план, главной приманкой которого — королевская корона. А раз так, давай опасную грамоту, чтоб в дороге не случалось задержек и — восво-яси. Несолоно хлебавши.

Что ж, скатертью дорога. Теперь можно и самому царю поторапливаться с походом.

Первый путь в Новгород, где уже собрана крупная рать. Даже татары позваны ради того, чтобы безжалостней жечь и грабить Эстонию, которая соблазнилась на ласки шведского короля. Татары ловки в грабежах и неудержимы, а именно это нужно было Грозному, чтобы нагнать страху на непослушных эстонцев.

Правда, некоторые воеводы пытались подсказать государю, что осень — не лучшее время для похода, вернее будет, если подождать весны, но царь послушал одного Малюту, рассудив к тому же, что до зимы он устроит окончательно войско свое и ударит неожиданно, ибо кто будет ждать нападения зимой.

Первым вышел из Великого Новгорода Богдан со своим полком, по совету дяди изучив прежде по новгородским древним чертежам, где есть какие города и поселения на Ладоге, по берегу Невы, на Охте, Ижоре, Сестре и на островах. Но не только сам все изучил детально, но и велел сделать это тысяцким, сотникам и даже десятникам. Проводники — проводниками, а самим тоже не следует уподобляться слепым котяткам. Особое же внимание Бельский обратил на земли северней Невы, где издревле обитала народность ижора, более финско-угорского корня, чем венедского. Вот ихто и соблазняли шведы, хотя с невеликим успехом, но все же не безрезультатно.

Еще в Новгороде Бельский, проведя совет с тысяцкими и сотниками, указал кому где сосредотачиваться перед началом наступательной операции. Для себя он наметил крепость Невское Устье, остальным же места указал так: Васильевский остров в усадьбах бывших новгородских посадников Василия Казимира, Василия Селезня и Василия Ананьина; Фомин остров, где тоже не одно боярское поместье, а так же в селах по северному берегу Котлина озера. Отдельно останвиться паре сотен в поселке Клетки, что на Ижоре.

— Никому без моего слова, — наставлял Богдан тысяцких и сотников, — ничего не предпринимать. Сидеть смирно. Наказывать только тех, кто осмелится поднять меч.

Бельский рассуждал так: лучше попытаться успокоить ижору и карелу бескровно, не устрашая, а соблазняя, как

это делают шведы. Все поселки, особенно погосты, привести к присяге царю Ивану Васильевичу. Но не только ижору, карелу, водь, но и всех русских. Казнить только тех, кто отрез откажется присягать самодержцу российскому. Казнить прилюдно, как изменников. Он понимал, что такими мерами не слишком-то угодит Ивану Васильевичу, для кого главное — держать всех в страхе; он даже представлял себе, какие ужасы испытает эстонская земля, но понимая, что самовольничает, и предвидя не слишком лестное слово Грозного, все же твердо решил не размахивать мечами, не жечь и не грабить, справедливо полагая, что добровольная присяга куда как прочней подневольной. К этому он готовился основательно, обзаводясь надежными помощниками.

Не считаясь со временем, Бельский встречался со знатными гостями новгородскими, какие имели здесь заметное влияние благодаря крупному торгу, боярами и дворянами, с воеводами крепостей Ладоги, Канцев, Невского Устья, обсуждая с ними, как ловчее приводить к присяге села и погосты. Не все вот так, сразу, становились на его сторону, иные требовали меча, но Бельский шаг за шагом добивался своего, да к тому же, на его радость, в Невское Устье потянулись делегации от ижоры, карелы и води с просьбой принять от них присягу на верность русскому царю. Дошли, видимо, и до них слухи о намерении воеводы, который испытывает трудности в осуществлении своего плана.

Это и в самом деле очень пришлось кстати, и сторонники меча поутихли. Настало время приступать к задуманному.

Одного, однако, не учел Бельский и его сторонники — бунта священнослужителей. Канцы и Невское Устье, как и Ладога — не в счет, здесь почти все горожане православные и им — крест целовать. А как быть с поселками, где в основном карелы, ижора и водь, а чужь — они и есть чужь; никак она не хочет расставаться со своими богами. Кое-чего, правда, церковники добились, прирастали приходы за счет многобожников, а предстоящее крестоцелование для них, что манна небесная. Вольно или невольно, но приобщатся язычники к православному таинству, и для многих из чужди это может стать началом прозрения. Особенно настойчивым оказался настоятель церкви Спаса в довольно крупном селе, переименованном недавно по настоящему отца Никона в Спасское. Из

чуди настоятель церкви многих приобщил к христианству, и теперь он никак не желал отпяться хотя бы на пажок.

Однако Богдан Бельский переупрямил всех, чтобы присягали кто на кресте, в присутствии пастырей, а кто под Священным Дубом Правосудного бога Прова, под приглядом ратных чинов.

Он, конечно же, не уходил мыслями в далекое будущее, просто он считал, чего ради проливать кровь, если люди сами по доброй воле намерены присягнуть самодержцу русскому, на самом же деле его действия будут иметь очень далекие последствия. Когда шведам удастся захватить земли исконно принадлежавшей Новгороду Водьской пятины, и по Столбовскому мирному договору 1617 года земли эти останутся за Швецией, то не только русские, но карела, ижора и водь, покинув свои насиженные места, сбегут все до единого в среднюю полосу Руси: под Тверь, под Москву и даже более южнее — под Тамбов и Курск, где обоснуются на века. На службе у шведов останутся только несколько дворян: Рубцов, Бутурлин, Аполлов, Аминов, Пересветов.

Что же касается самого Богдана, то его придворная карьера чуть было не приказала долго жить — архиепископ Новгородский, уведомленный об антицерковных делах Вельского, бил челом Грозному, и только гибель Малюты Скуратова спасла Богдана от опалы, а может, даже от пыточной.

Погиб же Скуратов по нелепому героизму. Царь с внушительной ратью вошел в Эстонию в самый разгар святок. Праздник стародавний, любимый славянами, который, как ни старалась одолеть церковь, ибо он приходился как раз на Великий пост, так и не смогла. Лишь в одном преуспела: оттеснила святки немного вперед, чтоб до поста оканчивались языческие празднества и по возможности наинула и на них свою сутану, внушая исподволь, что святки тоже церковные, они во славу Иисуса. Но память народа упряма и долговечна: праздновали святки шумно и очень весело (пирры, разухабистая музыка, пляски, катание с горок), и церковь, хотела она этого или нет, однако, смирилась.

Никто не ждал лиха. Никто не готовил оборону городов, никто не покидал домов своих, чтобы своевременно укрыться за крепостными стенами — ни вельможи, ни хлебопашцы, ни скотоводы, ни люд ремесленный, мастеровой: и в одно-

часье вместо смеха и музыка — плач великий, ибо Грозный велел никого не жалеть, ни женщин, ни детей, ни стариков. Вот и запылали дома, полилась кровь, хотя чего бы злобствовать, коли никто даже не пытался сопротивляться, никто ни единого русского ратника пальцем не тронул.

Особенно буйствовали татарские конные отряды под водительством Саин-Булата. Они оставляли за собой кроваво-пепельную пустыню, усеянную трупами мужей и изнасилованных жен.

Весть о жестокости русской рати все же опередила наступающих. Все чаще и чаще стали попадаться ратникам безлюдные хутора и даже целые поселки — насмерть перепуганные люди бежали к крепости Виттенштейн, чтобы не только укрыться за ее мощными стенами, но и дать отпор беснующейся рати.

Гарнизон крепости был смехотворно мал, всего пятьдесят рыцарей из шведов и немцев. Мечей и доспехов в арсенале тоже кот наплакал, зато решимости отстоять крепость, а с нею и свои жизни было хоть отбавляй.

Грозный знал о малом гарнизоне в крепости, поэтому решил штурмовать Виттенштейн с ходу, не устраивая осады, не производя обстрела из пушек, только лишь заготовить как можно больше лестниц. Смысл в этом, конечно же, большой: задержка со штурмом на несколько дней не на пользу наступающей рати, а наоборот, к выгоде обороняющихся — приготовят они смолу, кипятки, натаскают на стену валунов, а не станут сидеть, сложа руки, ожидая у моря погоды.

И вот ударил набат, его подхватили барабаны тысяцких и сотников, следом рогам заголосили волынки, сопелки, и самопальники тройной шеренгой подступили к крепостной стене. Залп первой шеренги и отступление за спины товарищей, чтобы зарядить рушницы, в это время стреляет вторая шеренга, тоже залпом. За ней, третья. И началось круговращение с непрерывными залпами, а под прикрытием этих залпов посоха несет лестницы, за которыми важно вышагивают мечебитцы — их работа впереди: вверх по лестницам и сеча на стене, от их ловкости и настроенности зависит успех штурма. Вот и вышагивают они, готовя себя к смертельной схватке.

Защитники крепости ждут их. До поры до времени они укрываются от пуль за зубцами, венчающими стену, поэтому ничто пока что не мешает мечебитцам карабкаться вверх, даже не прикрываясь щитами, но вот настал момент замолчать самопальникам, чтобы не побить своих, и тут стена ожила. Кто с мечами, кто с топорами, кто с вилами, а у кого в руках заостренные колья. Рубят, колют, бьют, скидывают вниз с таким остервенением, что оторопь берет.

Заминка. И что самое неприятное, лихости у мечебитцев заметно поубавилось. Вроде бы лестницы не пустовали, но видна была у штурмующих явная вялость.

Малюта с поклоном к Грозному:

— Дай мне, государь, пару сотен стрельцов из своего полка и позволь лично повести их на штурм.

— Стоит ли? И так одолеется. Ратников на стенах почти не видать, а сброд остальной недолго поупрямится.

— Ой, ли? Вон как упрямо спихивают наших да секут их. А если у мечебитцев совсем угаснет пыл, захлебнется тогда штурм. Стыд головушке. Каплю река не проглотила. Сейчас важно пример показать.

— Ладно. С Богом.

Малюта к посохе, что продолжала ладить лестницы. Более десятка готовых. Он приказывает:

— На плечи и — к стенам.

Увидя подмогу, штурмующие взбодрились. Посмелей и прытче полезли вверх. Рожки, гудки и волынки заиграли веселей, как бы подстегивая вялых и неспешных.

Приставлена новая лестница, и Малюта первым полез по ней вверх. Оттуда уже камни начали лететь. Похоже, женщины пособляют, подносят камни на стены. Малюта, однако, крепко держит над головой щит и упрямо переступает одну за другой ступени.

Вот и верх. Выхвачен меч и — прыжок на стену. Отскочил чутко в сторонку, чтобы дать место телохранителю, который не отставал от него, успел, отбив выпад шведа, рубануть его с плеча, тот рухнул, но на его месте уже трое с рогатинами. Как на медведя.

Рубанул Малюта мечом по одной рогатине — напололам, взмах мечом, чтобы отбить вторую, но в спину получил удар топором. Мощный, хотя и не пробивший добротной кольчу-

ги, но чуть не сбивший с ног. Миг замутненного сознания и — все. Одна из рогатин угодила в кадык.

Опоздал защитить своей грудью хозяина телохранитель и осталось ему одно: мстить за любезного хозяина своего, мстить люто, не боясь смерти.

Он тоже погиб, но в этом месте на стену уже успели взобраться несколько мечебитцев царева полка, ловких и храбрых. Теперь их уже не остановишь, теперь прорыв свершен.

Через два часа крепость пала. Кого в горячке посекали, тот оказался поистине счастливым, ибо тех, кто оказался в плену, подвели к царю, и тот, пылая гневом, повелел:

— Всех на костры! Жечь медленным огнем. Пусть знатной станет тризна по Малюте Скуратову, верному моему холопу, моему любимцу!

Поистине достойная тризна для жившего душегубством.

Уже на следующее утро в Невское Устье поскакал гонец от Грозного к Богдану Бельскому, чтобы тот передал полк в руки второго воеводы, а сам спешил в Новгород, откуда повезет дядю своего в монастырь Святого Иосифа Волоцкого — достойно схоронить его рядом с могилами отца и матери.

Провожал своего любимца в последний путь Грозный более версты, затем долго стоял с непокрытой головой, пока основательно удалился санный обоз с телом покойного в сопровождении сотни стрельцов из царева полка и дюжины розвальней, на которых по воле царя погружена треть казны, захваченной в крепости, как вклад в Иосифо-Волоколамский монастырь на помин души великого опричника.

Для Богдана и весть о гибели родного дяди и опекуна, и повеление царя спешить в Новгород, чтобы там, встретив траурный поезд, сопровождать тело героически погибшего до монастыря, что удар по темечку. Все. Теперь один как перст. Никто не подставит заботливое плечо, такое надежное и крепкое, а главное — своевременное. Да и не просто один, а в пристежку с Борисом, с которым так нехотели свел их Малюта тайным замыслом. Теперь предстоит не только думать о своей голове, но и за Борисом зорко следить, чтобы не навредил бы он, ловкач и прыга.

«Что же, значит — судьба. Куда от нее денешься?»

Не лучше и то, что отправляет его государь от себя под предлогом проводов дяди. Стало быть, не пожалеет место

Малюты. Другое передаст, а это пострашней потери опекуна-родственника. Он-то, Богдан, знает, как устраивается пыточная тому, кто мешает. Предлогом же вполне может послужить самовольство в бескровной присяге царю, к тому же не только крестоцелованием.

«Схоронив дядю, отойду от Государева Двора на какое-то время. Оглянусь, тогда видно будет».

Это решение немного успокоило. Пройдет время, и церковники забудут, что он перечил им, утихомят гнев за потакание язычникам, и царь забудет о доносе на него, Богдана, священнослужителей – все и обойдется.

Знал бы он, что готовит ему день завтрашний, не просто бы успокоился, но возликовал. Но это «завтра» еще впереди, сейчас же нужно исполнять государеву волю и долг племянника – достойно проводить тело Малюты до Иосифо-Волоколамского монастыря и упокоить прах рядом с его родителями.

Предусмотрительным оказался царь, послав с траурным поездом внушительную охрану, ибо несколько раз на постоялых дворах пытались выкрасть тело Малюты. Поразмыслив, Богдан сделал вывод, что это козни тех бояр, кто пострадал от похода Грозного на Новгород. Понимали они, кто был закоперщиком невиданной по жестокости расправы. Теперь вот хотят надругаться хотя бы над покойником, бросить его где-либо в глухой чащобе на съедение стервятникам, чтобы душа его не упокоилась, а вечно мучилась бы неприкаянно. А поняв это, решил повернуть на Псковскую дорогу, чтобы стороной обойти и Вышний Волочок, и Торжок, и Тверь, взяв правее, ехать на Великие Луки, оттуда – на Нелидов, Ржев и Волоколамск. Дольше путь на добрую неделю, но куда спешить? Морозы хорошие, тело Малюты сохранится без порчи, а для него теперь не столь важно, где коротать никчемные дни свои.

Этот отходный путь для Богдана был предпочтительней не только потому, что здесь обиженных Малютой и желающих отомстить ему даже мертвому, не так уж много, а более потому, что у самого племянника на этой дороге стояли усадьбы хороших приятелей, и можно останавливаться на дневки не только в постоялых дворах, но даже в дворянских и боярских усадьбах, где отдых вольготней и покойней.

Вблизи же Волоколамска, в глубине лесной приютилась на берегу большого и чудесного озера и его, Богдана, скромная усадьба, мало кому известная и весьма удобная для отшельнической жизни.

Несколько первых погостов по Псковской дороге проехали молча, не привлекая к себе внимания, но вот сотник, возглавлявший охрану траурного поезда, подступил к Богдану:

– Что же это делается? Любимца царева везем, великого опричника и словно в рот воды набрали. Иль боишься чего-то? Любо ли будет царю нашему Ивану Васильевичу? Он же велел достойно проводить своего любимца в последний путь. Больше версты за ним пеше шел. Простоволосый.

– Я тоже об этом думал, – будто и в самом деле что-то подобное возникало в голове его, ответил Бельский. – Хорошо бы во всех погостах с молитвами встречали, с молитвами и провожали. В городах же, службы поминальные в соборных храмах, – дал простор воображению Богдан. – И колокольный звон.

– Гроб с телом на ночевках ставить в церкви.

– И это угодно, – согласился Бельский. – Посылай впереди нас вестника с наказом, как встречать царева любимца. Не мыслю даже, чтобы кто-то воспротивился.

Да кто посмеет. Гроза при жизни, Малюта остался грозой и после смерти, тем более, что за ним виделся грозный царь, скорый на расправу, вот и стали встречать траурный поезд колокольным звоном, устраивать долгие панихидные службы, и это весьма замедлило движение.

Впрочем, никого из сопровождавших покойника это не огорчало, ибо с посмертными почестями Скуратову не обходили вниманием ни людей, ни даже коней. Каждый город старался отличиться.

Но всех превзошли городской голова и воевода городской рати Великих Лук, которых Малюта еще при жизни облагодетельствовал. Служба началась в соборной церкви, битком набитой прихожанами, на следующий день гроб стали переносить из церкви в церковь, затем – в монастырь, что в десяти верстах от Великих Лук, где монахи истово молились за упокой души геройски погибшего в сече, а в то время настоятель в трапезной угощал Богдана, сотника и десятников обильными яствами и заморскими винами.

Лишь третий день траурный поезд тронулся на Нелидово. Вроде бы до Волоколамска — рукой подать, но еще целую неделю поезд проскребался сквозь поминальные службы, сквозь обильные трапезы, что весьма утомляло Бельского, ибо видел он во всем этом великую фальшь: не от души все, а ради показухи. Вот, мол, какие мы послушные царской воле. Неуют был еще и в том, что некому было открыть душу в дружеской беседе, высказав все наболевшее. Один он как перст.

Вот и Волоколамск. Богатый город. Точнее даже — крепость. Торговлей богатый. Как и Торжок, стоит он на весьма удобном месте. Через него из Низовских земель идут товары не только в Псков, но и в Новгород. В этом Волоколамск и Торжок — непримиримые соперники. А теперь, когда Торжок разорен, Волоколамску стало дышать намного легче.

Высокая стена из стволов столетних дубов то карабкается на взгорки, то отпускаяется к самому берегу Ламы, а от нее вновь лезет вверх — неприступна стена. Ворота же с надвратными церквями, исполняющих одновременно роль сторожевых башен, кованые, никаким тараном не прошибешь. За крепостной стеной виднелись золоченые купола церквей, увенчанные золотыми крестами.

— Может, обойдем крепость и сразу — в монастырь Святого Иосифа Волоцкого? — вроде бы спросил самого себя Богдан, но сотник понял Богдана правильно и горячо возразил:

— Как же можно?! Я же вестника посылал. Город ждет.

И словно в подтверждение этих слов ухнул большой колокол соборного храма, следом ударили большие колокола на приходских церквях, и над городом повис глухой стон. Тяжелый. Бесперывный.

— Вот видишь боярин, а ты предлагаешь — мимо.

Что ж, еще на пару дней задержка. Ну, да ладно. Как Богу угодно.

Пришлось, однако, провести в Волоколамске целых три дня. Священники, но особенно воевода, похоже было, из кожи лезли, чтобы показать, сколь огорчены они смертью Малюты, доброго покровителя, имевшего здесь свои лабазы и оттого заинтересованного в процветании торгового дела, а значит, и самого города. Ни разу карающая рука Грозного не дотягивалась до Волоколамска, а вот Торжку досталось основа-

тельно; и как здесь все понимали, не без слова царева любимца.

Заметил Богдан, что ему тоже старались угодить во всем, будто и он имеет такой же вес при дворе Ивана Васильевича и продолжит покровительствовать городу в память о дяде. Это коробило Богдана, ибо он предвидел опалу, а не милость Грозного, который уже, можно сказать, отдалил его от себя, найдя удобный предлог — проводы Малюты в последний путь.

Не передал же гонец царского слова, куда ему ехать после похорон. Выходит — вольная птица. И это даже хорошо. Не подземелье в кандалах. Ибо за самовольство в Водьской пятине можно и живота лишиться. Церковники наверняка постарались приукрасить, когда челом били царю-батюшке, Божьему помазаннику. И теперь он нацелился не ко Двору и даже не в Москву, где ждала его семья, а в свою Приозерную, как он ее называл, усадьбу.

Три дня почета, напоминающего ежечасно о конце его придворной карьеры, — это поистине ужасно. Три дня душевного неспокою, ловко скрываемого — это весьма утомительно. И вздохнул он облегченно, когда траурный поезд выехал за ворота чрезмерно гостеприимного города на дорогу к Иосифо-Волоколамскому монастырю. Там тоже ждут и траурные молебны, где выпатится горечь утраты одного из крупных вкладчиков в обитель, не миновать там и почестей ему, Богдану, но те почести не просто с надеждой на будущее, а заслуженные, ибо и он, Богдан, прилагал руку к тому, чтобы настоятель монастыря получил исключительный сан архиепископа. Здесь он, Богдан, хранил свою казну, а это тоже для монастыря не без выгоды. Не скупился и складами в святую монастырскую обитель, милостиво разрешил рыбные ловы в озерах немалой своей земли и даже в том озере, на берегу которого стояла полутайная его усадьба.

Двадцать верст от Волоколамска до монастыря одолели без остановок, но день еще короток, поэтому начало смеркаться, когда впереди, на холме, увиделись мощные крепостные стены с забралами, под которыми устроены гнезда для пищалей затинных — все это неудивительно, ибо сюда могут подступить вороги и с юга, и с запада, а защищать монастырю есть что: его собственная казна далеко не пустая, да еще в

подвалах под охраной амбарных замков хранится казна нескольких очень богатых бояр и дворян, близких к царю.

Когда осталось до монастыря с полверсты, ударил колокол на надвратной церкви, и тут же словно вздрогнул колокол Успенского собора, даже в сумерках поблескивающий золотым куполом и мощным, тоже золотым крестом – ворота настезь, и сам архиепископ с крестом в руках вышагал из монастыря навстречу траурному поезду, а за ним – вся братия. С иконами в руках. И лишь дюжина чернецов не имела в руках ни икон, ни крестов.

Еще немного сближения, и братия затянула заупокойную молитву, да так слаженно, с такой тоскливостью, что невольно наворачиваются на глаза слезы. Даже у видевших виды и зачерствевших душой суровых мечебитцев.

Уперлись друг в друга крестный ход и траурный поезд, шапки и шеломы долой; голоса ратников и ездовых впились в монашеский хор, внося корявость и суровость в поминальный мотив, но это никого не покорило, ибо все поддалось святости момента.

Пение псалмов окончено. Дюжина монахов-чернецов подошла к розвальням, на которых везли гроб, двое из них взяли на плечи крышку, а остальные подняли сам гроб, и под возродившееся пение братии процессия двинулась, неспешным шагом в монастырь, чтобы положить покойного в Успенский храм. Там, сменяя друг друга, станут читать молитвы над усопшим, а утром отпоют его и опустят грешное тело в грешную землю.

И вот тогда это случится, когда не очень аккуратный холмик из смерзшейся земли поднимется над могилой и когда воткнут будет временный деревянный крест с дощечкой: «Раб Божий Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский упокоился в 1573 году от Рождества Христова», – Богдан с огненной остротой почувствует себя совершенно одиноким, неприкаянным, потерявшим в расцвете сил нить жизни.

Чуть-чуть взбодрился он лишь после второго поминального кубка фряжского вина, хандра, однако же, никак не желала вовсе отступать, не позволяя думать ни о чем, кроме своего горя-несчастья, и сразу же после поминок он ушел в свою келью, как официально назывался специально для него построенный терем в глубине двора. Терем не велик: опо-

чивальня, гостиная, трапезная, сени для путных слуг и теремная церковь-придел. Уютно в ней, маленькой церкви с богатым иконостасом и не потухающей никогда лампадкой под распятием Иисуса Христа. Уединился надолго.

Но не молился. Решал, как жить дальше. И вот – искушение: забрать с собой казну, что в этом монастыре, и податься в Белый. Да, он не из перворядных Вельских, но и у него есть в том уезде вотчина. Довольно приличная. А на случай чего, есть там пара дюжин боевых холопов, а если еще с собой возьмет полусотню, будет возможность отбиться от приехавших по царскому указу оковать его, Вельского, и переметнуться в Польшу. Благо, до нее рукой подать. С удовольствием примут его там, как приняли Курбского, Вишневецкого и многих других. Тем более, что не с пустыми руками появится.

Мысль на первый взгляд стоящая, но как в конце концов определил Бельский после долгих раздумий, скороспелая. Лучше повременить.

И вот – окончательное решение: отпускает прибывшую с ним охрану траурного поезда, сам остается якобы в монастыре замаливать грехи и справлять поминки по схороненному дяде до сорокового дня; на самом же деле укроется в своей Приозерной усадьбе, о чем будет знать только настоятель монастыря, который должен будет оповестить загодя в случае опасности. А к бегству оттуда по лесным дорогам подготовиться заранее.

«Возьму пару височных подвесок и пару монист для дев своих и завтра в дорогу».

Не думал он в тот час о юной жене, о ее судьбе ни вдовы, ни мужней жены, когда он переметнется в Польшу; перед вожденным взором представляли в полной красе пригожие холопки, одна из которых предназначена тереть барину спину в бане, а другая согревать в постели.

Вышел из теремной церкви обновленным, сбросившим с себя непомерный груз тоски и велел звать к себе начальника охраны траурного поезда. Повел твердо:

– Завтра – в обратный путь. Обо мне скажете первому воеводе, а если спросит царь Иван Васильевич, то и ему, что остался я молиться за упокой души дяди своего и поминать до сорокового дня. Все. Собирайтесь в дорогу.

Подождал, не воспротивится ли сотник, имея какое-либо тайное поручение, не получил ли наказ непременно доставить его, Вельского, пред очи царские. С напряжением ждал. И вот — гора с плеч.

— Воля твоя, барин. С рассветом — в седла. Архиепископ одарил нас щедро из царского вклада на помин души Малюты Скуратова.

Понял Богдан намек.

— От меня тоже по золотому. Тебе, сотник, два.

Предлог побывать в подземной клети, где хранится казна. Давно не заглядывал туда. Даже не представляет, сколь много там золота и серебра, мехов дорогих, оружия и доспехов парадных, одежд золототканых. Много он отсылал в монастырь всего, частью, как вклад в обитель, частью на хранение. В честности монахов он нисколько не сомневался, получая всякий раз отчет, что все принято и надежно сохраняется.

Повел в казнохранилище Богдана великосхимник Симеон, имевший послушание держать под отчетом своим кладовые с казной. В руках его — факел. Богдану же дал в руки толстую свечу.

Десять ступеней вниз. Окованная дверь с амбарным замком, но не ржавым от сырости, как полагал Бельский — удивительно сухо в подземелье. Да и воздух чистый, вроде бы проветрено здесь.

Без скрипа открылся замок (смазан, значит), и вот — комната подземная. Просторная. Стены кирпичной кладки на извести.

«Оттого и сырости нет», — оценил Бельский.

Вдоль левой стены — стойки с крючками, на которых висят глухие льняные мешки с туго стянутыми горловинами. Вдоль остальных стен — дубовые кадушки и кованые сундуки.

— Изволишь, боярин, на меха взглянуть, — указал рукой великосхимник на ряд стоек, — порадовать глаз?

— Нет. Давай отсчитаем для сотни по золотой деньге, а я возьму по паре височных подвесок и ожерелий речного жемчуга.

Прошли к кадушкам, в которых хранились золотые и серебряные деньги. Много кадушек. Все с забитыми крышка-

ми. Но вот — последняя. Лишь прикрытая крышкой. Она не заполнена до отказа.

— Вот отсюда и возьмем.

Великосхимник отсчитал сто два рубля для ратников, еще дюжину для возничих, и перешли они к сундукам.

— Жемчуг вот в этом, — указал великосхимник на один из сундуков и отпер его массивным ключом.

Красота неопишуемая. Даже у самого Богдана, привыкшего к украшениям и своей жены, и иных знатных жен, когда они обносили чарками гостей, глаза разбежались. Едва сумел выбрать он именно то, что ему было нужно.

Заперт этот сундук. Отперт второй, с украшениями из золота и драгоценных камней. И тут глаза разбежались: какие из подвесок взять?

— Возьми вот эту и вот эту, — подал подвески монах. — Угодишь подарками капризным.

Богдан хмыкнул. Любым будут несказанно рады холопки.

На следующий же день после отъезда ратников покинул монастырь и Бельский с путными слугами и боевыми холопами, определив все положенные поминки по покойному дяде справлять у себя в усадьбе. В монастыре же оставил двух верных холопов, чтобы архиепископ имел их под рукой и мог послать с вестью в любой час.

Всего верст тридцать от монастыря до деревни, которая стояла возле усадьбы Богдана, но дорога малоизъезженная, поэтому путь оказался и утомительным, и долгим. Вроде бы, бесконечный. Устали и кони, и люди, но когда повстречались с управляющим, который с дюжиной боевых холопов выехал встречать хозяина, все приободрились. Стало быть, скоро конец глубокоснежной дороге, хотя все знали, что до усадьбы оставалось еще добрый пяток верст.

Вот, наконец, и деревня. Стар и млад перед околицей встречают низким поклоном боярина (здесь иначе его не называли), и Бельский, спешившись, поклонился холопам своим ответно.

— Здравствуйте, кормильцы мои. Мир вам и покой.

Ушанку соболью, правда, не снял. И без того почтил знатно. Теперь о том, что сам боярин кланялся им, станут судачить все оставшиеся зимние вечера, до самой весенней страды.

Впрочем, он подобным манером поступал во всякий свой приезд. И в ворота усадьбы, укрытой за высоким дубовым оплотом, никогда не въезжал верхом. Всегда перед ними спешивался. Не изменил своему правилу и теперь, а дворне, которая столпилась перед теремным крыльцом словно на смотрины, поклонился ниже обычного — в его положении нужно было выказывать знаки внимания слугам и холопам, чтобы иметь от них ответную доброжелательность и искреннюю заботливость.

И вообще, с дворней и боевыми холопами он — ласковый хозяин. Такова его жизненная установка, поэтому и встречают его во всех его имениях с радостью и безбоязненно, а более с надеждой быть одаренными барской милостью.

Здесь он тоже намеревался завтра же выслушать челобитников, если таковые будут, и исполнить все их просьбы. Не забывал, однако, и о себе. В тот же вечер наказал управляющему держать в тайне его приезд.

— Постарайся не наряжать в город никого. Особенно в первые пару недель. Если же такая нужда возникает, предупреди, чтобы языки в городе не распускали. А еще лучше: отправляй под приглядом.

Впрочем, и это не вновь. Боярин в каждый свой приезд заботился о скрытности.

Дальше все пошло по-проторенному: баня с девой, которую называл не иначе, как Ладушкой, пир до полуночи, опочивальня, где тоже ждала истомившаяся Любаша, а утром — рыбалка: вытаскивание сети, битком набитой рыбой, через окна во льду.

Знала дворня, как любил боярин, засучив рукава, тащить, словно обычный холоп, сеть, но особенно выпутывать из нее трепыхавшихся рыб, теплых, хватающих в отчаянии ртом морозный воздух, смертоносный для них.

Бурлила жизнь в усадьбе, и только в положенные для поминания дни она затихала в траурном благочинии и молитвах. На сороковой же день (счет вели от похорон) с самого утра звучал надрывно церковный колокол, нагоняя тоску. На поминальную службу сошлись и деревенские, и дворовые, столы тоже накрыли единые для всех в церковном дворе — поминки знатные, о чем позаботился сам хозяин, и был весьма доволен ладностью за время пребывания в Приозерной усадь-

бе, вновь задумался о собственной неустроенности и завтрашним днем. Тоска и сомнения снова навалились на душу. А твердого решения так и не находилось. И не знал, что еще накануне сорокового дня в Иосифо-Волоколамский монастырь прибыл гонец от Грозного, чтобы позвать Бельского в Москву, и то, что Бельского не оказалось в монастыре, его весьма озадачило: он не мог вернуться в Кремль без Богдана, ибо знал, чем может для него обернуться неисполнение царской воли.

Понявший решительность гонца, решил не играть с огнем и настоятель монастыря. Ради чего ему лишаться столь высокого сана, а то и быть сосланным либо на Соловки, либо на Белоозеро? Успокоил гонца:

— Дам тебе проводников до усадьбы Бельского. Туда он уехал на поминки дяди.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ничто вроде бы не говорило о том, что в Москве ждет его пыточная: дворянин, посланный за ним, не из захудалых, ведет себя почтительно, признавая превосходство его, Богдана, не отказывался ни от бани, ни от трапезы, и все же Бельский никак не мог подавить гнев на архиепископа, настоятеля монастыря, нарушившего уговор — разве нельзя было послать в усадьбу оставленных для оповещения холопов, а не определять их в проводники? Знал же, как оберегает он свою Приозерную усадьбу от лишнего глаза.

Богдан был настолько недоволен поведением владыки, действовавшего лишь в собственных интересах, что решил не заезжать в монастырь за благословением. Пусть подумает и поймет, что так нельзя наплевательски относиться к благодетелю своему. И еще Бельский дал обет: если все обойдется и Грозный приблизит к себе, непременно сместить настоятеля, сослав его в какой-нибудь отдаленный монастырь, а на его место посадить более надежного и благодарного Божьего слугу.

Впрочем, заезжать в монастырь или нет, не совсем зависело только от его желания. Что скажет пристав? Спросил:

— Не лучше ли миновать монастырь, экономя время?

— Будет лучше. Царь наказал и мне поспешить, и тебя по-торопить.

— Исполним волю царскую, холопы его.

После таких слов ничего не оставалось, как показывать пример устремленности и неутомимости, ночевать лишь в постоялых дворах, весь день не слезать с седла, останавливаясь на малый отдых только для того, чтобы немного перекусить да накормить коней, надев им торбы с овсом.

Увы, как оказалось, спешка эта была, похоже, ни к чему, ибо Грозный пару дней назад покинул Москву, причем спешно, без большого поезда и без оглашения пути. Об этом Богдан узнал при подъезде к Москве, поэтому не стал заезжать в Кремль, а направился сразу же к себе домой, отрядив лишь ближнего слугу к дьяку тайного сыска, не ведает ли тот, как поступать ему дальше.

Радость встречи с любящей женой, покойная расслабленность — полное блаженство, увы, не долгое: слуга из Кремля, принес странный ответ.

— Дьяк молвил, не ведает ничего. Уехал, де, царь с сыновьями. Куда, никому ни слова. Сам он считает, что в Александровскую слободу.

Вот так вот. Полная неопределенность. Впрочем, когда по подсказке Малюты, Басманова, Грязнова, Грозный затеял разломить Россию на опричнину и земщину, тоже покинул Кремль, никому не сказав своего пути. Выходило, что и теперь он что-то задумал. И не пустяшное.

И сыновей не просто так взял с собой.

«Ладно. Завтра поутру поеду в Кремль, там все и выясню. Непременно кого-то оповестил царь, иного не может быть».

Но ждать завтрашнего дня Богдану не пришлось. Перед самой вечерней трапезой пожаловал в гости Борис Годунов, и после первой же чарки, которую подала гостю хозяйка дома, подчеркивая тем самым его желанность, сообщил:

— Нежиться, Богдан, долго тебе не придется. Всего одна ночь. Утром завтра едем к нашему царю-батюшке. Он специально оставил меня, чтобы тебя встретить.

Хозяин почувствовал в голосе Бориса умело скрываемую зависть и удивился этому: неужели царь определил ему место выше Борисова, о чем тот уже знает?

Открылось многое, когда после трапезы уединились они для беседы с глазу на глаз.

— Тебя ждала опала за самовольство твое, но я замолвил слово, — похвалился Годунов, — и смягчил его гнев. Мое слово было такое: более надежного слуги ему не сыскать. Думаю, поручит что-либо ответственное. После чего еще больше приблизит.

И снова не смог одолеть своей зависти Борис. Не странно ли, если сам защищал перед царем, сам же и завидует? Не очень понятно. Хитрит, похоже, родственничек, ни слова, видимо, не говорил Грозному, царь все сам решил. Ну, что же, не покажем сомнений своих и подозрений.

— Крепкой дружбой отплачу тебе, великой поддержкой.

— И еще тем, что станешь держать крепко слово, данное друг другу при покойном Малюте, тесте моем и твоим дяде.

— Клянусь!

— И я клянусь. К этой клятве еще добавлю: я уже начал задуманное.

Богдан надеялся услышать, в чем суть этого начала, но Борис не считал нужным распространяться. И хотя это не вполне устраивало Бельского, он не стал спрашивать ни о чем.

Пусть скрытничает. Может, это даже и лучше.

Однако мнение его изменилось, когда жена буквально ошарашила невероятной новостью:

— Ты обратил внимание, Борис будто бы завидует тебе, только не пойму я отчего? Он намерился сестру свою выдать замуж за сына Ивана Васильевича, Федора, и, похоже, ему это удастся.

— Загребуший! — невольно вырвалось у Богдана. — Все готов подгрести под себя! А сам клянется в дружбе!

— Ты не поддавайся на уловки его. Будь осторожен.

То же предупреждение, какое делал покойный дядя Малюта, только иными словами. А если они исходят из женских уст, двойное к ним внимание.

«Что же, приглядимся. Выждем время и — наотмашь!»

Утром, как и уговаривались, встретились Богдан и Борис у заставы на Ярославской дороге. И у того, и у другого всего по четверке путных слуг: Грозный не одобрял, когда в Александровскую слободу бояре и дворяне наезжали со своими свитами, с бывальными холопами, это знали все и неукоснительно исполняли.

— Помолимся в Лавре, прикоснемся к мощам Святого Сергия, оттуда — в Слободу. Думаю, тебе предстоит очень важное дело.

Говоря такое, Годунов почти наверняка знал, какой урок задаст Богдану государь, ибо по его ловкости все происходило, но ему не хотелось раньше времени говорить о предстоящем, как о знакомом, поэтому он принялся гадать, анализируя обстановку.

— Побита наша рать в Эстонии, как ее покинул государь, — рассуждал Годунов. — Хочешь или нет, а пошлешь к шведскому королю посольство. Не тебе ли его возглавлять?

— Отчего мне? Есть же дьяки Посольского приказа, есть бояре думные. Не окольников же ехать послом.

— Может, не послом, а для пригляду?

— Это — иное дело.

— Но вполне другое ждет тебя: посольство в Польшу.

— В монастыре мне сказывали, что там королем поставлен какой-то венгр безродный именем Баторий.

— Да. Неожиданно. Царь Иван Васильевич нашими усилиями, — он сделал нажим на слово нашими, — отпал. С остальными тоже не сладилось. Тут и появился откуда ни возьмись венгр. Вовсе не знатный, не величественный даже, но, сказывают, умен и хитер. Еще, говорят, будто обещал сейму вытеснить Русь из Ливонии. Русь и Швецию. Вот и непонятно, начнется ли война, продолжится ли мир? Оттого, думаю, пошлет наш царь посольство к Баторию.

— Ой, ли? Скорее государь сам станет ждать послов из Польши, а не унижится первым посольством.

— Я иного мнения.

Вот так, рассуждая можно сказать пустозвонно, когда переводили коней на шаг, коротали они дорогу. Когда же надоедало гадание, пускали коней рысью. Но не все же время рысать, нужно непременно давать коням передышку. Тогда снова начиналось домысливание.

Одно из них показалось им самым верным: поход на Астрахань.

— При мне дьяк Разрядного приказа докладывал, будто несколько ногайских князей замечены в непослушании. Рать они собирают для большого похода, посылая сакмы да-

зутить и грабить украинные царевы земли. Царю об этом сказано тут же, как вернулся он из Эстонии. Он при мне велел готовить рать. В Нижнем Новгороде устраивать полки.

— Не велико у меня умение воеводское, чтобы такую рать доверил бы мне Иван Васильевич. Полком воеводить — иное дело.

Этот вариант они и перемалывали в дальнейшем. Более того, начали даже обсуждать, что бы следовало сделать для более надежной охраны и обороны окраинных земель, всего порубежья, да и Москвы тоже, и Борис снова показал свое умение зорко видеть завтрашний день.

— Поле нынче, почитай, пустое. Ничего нет, кроме редких казачьих куреней да их крепостиц. Если мы не заполним пустоту, ногаи и татары никогда не утихомируются. Нужно нам в Поле крепости возводить, заселять землю, обегая новоселов заставами. Вплоть до Дона. А затем, переждав немного, чтобы Крым и Турция, смирившись, привыкли к этому, еще дальше шагнуть. Тмутаракань вернуть Руси, а там, глядишь, и Тавриду.

— Помнится, Михаил Воротынский, земля ему пухом, вот это же предлагал Грозному. Отмахнулся тот, как от назойливой осенней мухи.

— Может и сейчас отмахнуться, но все равно нужда заставит калачи есть.

Не думали они во время этого разговора, что именно им самим предстоит воплощать в жизнь часть весьма мудрого плана, а для полного его исполнения потребуется без малого го двести лет.

Через пару дней предстали они пред царские очи, и тот начал с предупреждения Богдану:

— Еще раз допустишь самовольство, пеняй на себя. Теперь же милую и очиняю тебя оружничим.

Ого! Аптекарский приказ под руку. И сыск. Вот причина зависти Годунова. Он сам рвался к этому посту и надеялся получить его. Еще тогда, когда покойный Малюта свел их для тайного сговора. Оттого он так уверенно заявлял, что исполнимо извести и самого царя, и сына его, Ивана Ивановича. Сорвалось, выходит.

«Что же, придется мне заменить Бориса в этом щекотливом деле».

А государь продолжал:

— Начнешь пригляд за тайным сыском и Аптекарским приказом не вот так, сразу. Вначале исполнишь два моих важных поручения, за которые Бог простит тебя, да и меня тоже, ибо вынуждает меня к этому сам рвущийся к престолу.

Поняли оба, о ком идет речь. У Богдана защемило сердце, а Борис великим усилием сдержал торжество.

Грозный, не заметив ничего в поведении дворовых слуг, продолжал:

— Знать мне дали, что брат мой коварный, кому я простил попытку захватить трон, торопя смерть мою, дал доброе место в Кремле для постройки терема, отдал ему Боровск, Дмитров, Звенигород, взяв взамен лишь Старицу, не утихомирился. Волхвов и колдунов собрал в Дмитрове и даже в Кремль их звал, чтоб порчу на меня и на сына моего наслать. Могу ли я такое простить?

Ловок Борис. Ох и ловок. Перевалил все свои каверзы на князя Владимира, а сам потирает руки от удовольствия. Похоже, знал он, чего ради спешно звал к себе царь его, Богдана Вельского.

«Посольство! Воеводство! — возмущался Бельский, ловко скрывая ярость. — Да, родственничек! Ничего, теперь я оружничий!»

— Не знал я ничего этого без Малюты, ока моего любезного, всевидящего, что крамола голову подняла, а дознаться некому, — со вздохом продолжал Грозный исповедь. — Вот и не зная ничего, решил я доверить коварному брату рать, которую велел ополчать в Нижнем Новгороде и по воде спускаться в Астрахань, чтоб наказать непослушных ногаев. Получив же весть о замысле против меня и наследников моих, передумал волю свою. Вдруг, получив в руки рать великую, Владимир не к Астрахани ее поведет, а на Москву. Или объявит себя великим князем Поволжья и Сибири. В Костроме, где он сейчас речной флот готовит, его величают царскими почестями. Смущает меня и то, для чего он взял с собой всю семью, которую отправил вначале в Дмитров, а вот теперь перевез в Кострому. Не иначе, как с умыслом тайным.

— Скажи, государь, тайно ли казнить намерился, либо принародно?

Замешкался с ответом Грозный, вот тут и поспешил со своим словом Борис:

— Позови, государь, его к себе. Вроде бы на совет по новой вести, полученной, якобы, из Астрахани.

— Оно так-то лучше бы, только не заподозрит ли коварный брат мой неладное? Улепетнет, чего доброго, в Нижний Новгород. Ледоход прошел, вода чистая. Ладно ли такое?

— Мы с Богданом подумаем, как избежать подобного.

— Думайте, только недолго. Завтра чтобы — в путь.

«Вот присасывается пиявкой! — негодовал, можно сказать, Бельский. — Неужто без него не смогу сделать все, как требуется?»

Пыхти, однако, не пыхти, а слово царем сказано, его не изменишь. Придется совет держать и вдвоем докладывать о замыслах своих. Если удача, то царская милость на двоих, а просчет — Бельскому головой отвечать.

«Ладно! Сочтемся!»

Уже через полчаса обмена мнениями готов был план. Ниже Костромы, в Караваеве, а для надежности и в Наволоках посадить засады для осмотра всех судов, какие станут спускаться вниз по Волге. В Ярославль тоже послать пару сотен из царева полка. В Кострому ехать Бельскому с малой охраной и путными слугами. Как гонцу царскому ехать. Но тайно под рукой держать до полутысячи мечебитцев конных. Да так укромно, чтобы не прознал бы о ней князь Владимир. Но обмозговав все, Богдан и Борис не поспешили к царю, решили повременить до вечера. Пусть не считает, что плевое задание он им дал.

Иван Васильевич одобрил план без всяких поправок. Высказал лишь одно пожелание.

— Семью его тоже надо привести.

— Приглашу, государь, и ее, — пообещал Бельский. — От твоего имени. Погостить, мол, у царя, пока решаются ратные дела. В крайнем случае, принуждением привезу.

— Согласен. Но без принуждения лучше.

И снова Годунов с советом:

— Не оставишь же ты, государь, без внимания тех, кто встречал в Костроме крамольного князя с крестами и хлебом с солью и великою честью?

— Не оставлю. Всех в Москве или здесь, в Слободе, казню. Но после, когда рассчитаюсь с коварным Владимиром.

«Выходит, и это — мне», — подумал Богдан и не ошибся. До самого конца доводить расправу Грозного с князем Владимиром. Даже с его матерью. Но к этому время еще подойдет. Сейчас же нужно споро готовить в поход тайную полутысячу, рассылать засады по берегу Волги, слать сотни стрельцов в Ярославль и готовиться к отъезду самому, ибо любая задержка может вызвать не только недовольство Грозного, но испортить все дело: кто поручится, что нет в Александровской слободе тайного сторонника князя Владимира, который успеет предупредить Кострому, а она возьмет и оштетинится.

Неясно и то, как поведет себя Борис. Его тайные мысли не раскусишь.

Отправлены засады, ушла и полутысяча, воевода которой с Вельским до мелочей обговорили, как станут взаимодействовать; пора в дорогу и самому Богдану. Но как предстать пред князем Владимиром? В парадных доспехах или в охабени²² с собольим воротником-кобенякой поверх камзола и в собольей же шапке? Выбрал второе, ибо доспехи могут насторожить.

Ни к чему все эти мудрствования. Либо князь Владимир ловко притворяется, либо и в самом деле не имеет крамольных намерений, свyksя о том, что престола ему не видать. Принял он посла Ивана Васильевича со всеми почестями и, посчитав его посланным узнать, как идет подготовка речной флотилии к походу на Астрахань, сразу же поехал с ним к затону, где уже были спущены на воду не только ладьи и раньшины²³, но и юмы для перевозки большого огневого наряда.

— Сразу же, как прошел ледоход, все построенные каравелами суда спустили на воду, чтоб не рассыхались. Через неделю придут корабли и плоты из Ярославля и тогда спускаюсь в Нижний.

— Все увиденное обскажу царю Ивану Васильевичу, но вернее меня ты, князь, обо всем поведаешь царю сам.

— Как? Ты, стало быть, не для смотрин?

— И да, и нет. Поглядеть велено, но главное, звать тебя в Александровскую слободу на совет. Новые вести пришли из Астрахани, вот что-то придется менять. Звал Иван Васильевич и семью твою погостить. Когда ты в Нижний подашься,

он ее с собой возьмет в Кремль. Не везти же тебе в поход жену и юных сыновей?

— Вестимо, нет. На днях думал отправить их в Дмитров. Но если царь зовет в гости, как не уважить?

Вот так все и уладилось. За пару дней составили поезд с крытыми повозками для женщин и детей. И даже для дорожного скарба, сам же князь Владимир, как и его путные слуги — верхами. Выехали на рассвете, и будто природа выведала о последнем пути обреченных, полила на них свои слезы.

Не гроза весенняя разыгралась, а пошел нудный окладный дождь, более свойственный осени; уже к обеду дорога раскисла основательно, пришлось останавливаться в первом постоялом дворе, переждать непогоду. И тут свершилось похожее на чудо: почти сразу же потянулись на поклон к князю Владимиру поначалу простолюдины, следом дворяне, а там и бояре из ближних усадеб. Ударили колокола на погостовской церкви, созывая на торжественный молебен. Князь же Владимир не радовался этому почету, а хмурился. Он-то знал, с какой ревностью воспринимает Грозный чужой успех. Он помнил многих, сложивших за это головы. Людей честных, прямодушных, заслуживших славу своими достоинствами. Один князь Воротынский — ярчайший тому пример.

Однако князь Владимир не запротестовал, не предложил всем разойтись и разъехаться по домам, а смиренно принял славословие. Не воспротивился он и торжественному молебну, напротив, вошел в церковь с женой и детьми и встал на почетное место. И если до этого Богдан сомневался, действительно ли князь Владимир помышляет о троне (покушение на царскую семью он отметал, так как был твердо уверен, что этот навет состряпан Годуновым, чтобы прикрыть какую-нибудь свою оплошность), ибо видел, с какой покорностью князь Владимир переносил долгие годы царскую опалу, теперь же мнение его заметно изменилось, и он послал вестника Грозному с доносом, велел тому пересказать обо всем увиденном даже с приукрашением.

Дождь прекратился только к полуночи, решено было переждать денек, чтобы проветрились дороги, и весь день князя Владимира одолевали челобитчики, а он и от них не отмахивался, обещая каждому замолвить слово в соответствующую

щем приказе либо самому царю. Напрямую кощунствовал, беря на себя большую лишку.

Об этом Богдан тоже должен был донести, и он определил сделать это завтра же, послав гонца со следующей ночевки.

Как ни медленно двигался поезд, но Александровская слобода неумолимо приближалась. Богдан уже получил царское повеление остановиться в деревне Слотне, дабы оттуда князь Владимир послал бы к государю весть о себе и ждал бы его ответного слова, а в это время подтянуть тайную полутысячу кремлевских стрельцов как можно ближе к деревне, и как только он, царь, минует околицу, тут же обхватить деревню плотным обручем.

Сказать напрямую о воле Грозного, чтобы до его, царского, слова поезд оставался бы в деревне, Бельский не хотел, ибо видел в этом возможное осложнение, поэтому поступил вроде бы как добрый советчик.

— Предупредил бы ты, князь Владимир, государя нашего о том, что на подъезде. Чтоб изготовился тот к встрече. В Слотне, в нескольких верстах от Слободы, и подожди ответного его слова.

Впервые Богдан прочел недоумение в глазах князя Владимира. Не посол же он иностранной державы, чтобы ждать ответного слова царского. Послать действительно вестника нужно, об этом он и сам уже думал, но ради чего ждать?

Но недоумение отразилось в глазах лишь на самую малость времени. Снова добродушно-доверчивый взгляд и смиренный ответ:

— Разумен твой совет. Теперь же пошлю вестника.

— А не лучше ли, когда Слотни достигнем?

Богдану такой вариант сподручней. Станет у него больше времени подтянуть полутысячу к самой опушке леса, который подступает вплотную к сельскому выпасу. Оттуда можно на полном скаку окружить в считанные минуты деревню. Вот он и ждал удобного для него ответа.

— Можно и так поступить, — согласился князь Владимир, но в голосе его уже заметно прозвучали тревожные нотки.

Да, непокой с этого времени одолевал князя неотступно, хотя он всеми силами пытался отделаться от тревожных предчувствий, и ему это в какой-то мере удалось, но в дерев-

не Слотне тревога его возродилась с новой силой от вопроса жены, княгини Евдокии:

— Чего это мы встали?

— Ивану Васильевичу весть пошлю о нашем прибытии.

— Посылай, ради Бога. Я спрашиваю: остановились для чего?

— Подождем ответного слова его.

— Иль не родные вы? Чего ради такая морока?

И в самом деле, если раскинуть умом, то действительно — морока. Но Иван, царь-самодержец, просто так шагу не сделает. Хитер и коварен. Делать, однако, нечего. Прежде нужно было предвидеть.

«Обереги нас, Господи. Особенно сынов моих и супругу любимую...»

Но рок определял иное, а его предначертания изменить непосильно даже самому Богу.

На дороге из Александровской слободы показался царь с малой свитой. Шла на рысях. Вроде бы покойно. Отлегло на малое время у князя Владимира от сердца. Вот царь миновал околицу, перейдя на шаг, и тут из леса, что слева подступал к выпасам, выпластал многосотенный отряд конных стрельцов в полных боевых доспехах, словно неслись они к неминуемой кровавой сече — всадники по полному скаку начали обтекать деревню справа и слева.

Княгиня Евдокия в страхе прижалась к мужу.

— Конец наш пришел! Конец!

Она женским сердцем почувствовала беду не только для мужа, но для себя и детей своих; знала, как расправляется Грозный с опальными. Никого из родных не щадит.

Мамки и няньки подвели к князю и княгине их детей, и княгиня обхватила их, прижав к себе. Хотела было подбодрить их, но не решилась лукавить в последний час их жизни.

— Сыны мои, вы такие же Владимировичи, как и тиран царствующий, который приближается к нам. Не жмитесь покорно, не кланяйтесь раболепно. Не позорьте рода своего. Помните, честь превыше всего!

Мамки и няньки залились слезами, слушая княгиню, но она построжилась:

— Не время еще оплакивать. Поостерегитесь, однако и вы, укройтесь в доме.

— Мы не отойдем от вас, — настаивали на своем мамки, а им вторили скучившиеся вокруг господ боярыни и служанки княгини да слуги путные. Безоружные, ибо охрану поезда взял на себя Богдан, посоветовав оставить малую дружину в Костроме, наказав ей сплотиться в Нижний Новгород с речным флотом и ждать там князя Владимира.

«Зря послушал, — упрекнул себя князь и хмыкнул. — Не все ли равно. Разве плетью обуха перешибешь?»

Однако погибнуть в сече не краше ли смерти от топора палача или яда?

С приближением царя Евдокия более настойчиво потребовала от всех слуг, чтобы укрылись они по домам, оставив их одних, но никто не пошевелился. А Грозный уже совсем близко, а Бельский сычом глядит, запоминая, кто не просто служит князю по обязанности, а предан ему душой и сердцем, чтобы сказать самодержцу о них слово, приговорив тем самым к смерти.

Князь Владимир поднял руку.

— Мы кланяемся вам низко за верную службу вашу, но теперь послушайте княгиню, разойдитесь по домам, оставьте нас одних.

Воля князя непререкаема. Пошли, понутив головы, словно на казнь.

— А мы, — обратился он к жене и сыновьям, — войдем в церковь и станем в молитве восхвалять Господа Бога нашего...

— Исповедоваться бы не грех.

— И то верно.

Но только они вступили на паперть, как все церковнослужители, не только поп, но и пономарь, чтец, иподиакон выскользнули из церкви через задние двери. Они службу правили вблизи Александровской слободы и были весьма наслышаны о гневе царя не только на мирян, но и священнослужителей.

Тишина в церкви замогильная. Ни души.

— О, Господи! — вырвался стон у княгини. — Даже слуги божьи бегут! Что же ты, царь-изверг, сотворил с Россией?! Какой же ты помазанник Божий?!

— Не гневись душой, не вскипай сердцем, — успокоил жену князь Владимир. — Давай помолимся с покаянием, дабы простил Всевышний грехи наши вольные и невольные.

Не успела она опуститься на колени, как в церковь вошел Грозный. По правую руку — наследник престола — сын Иван, по левую — Федор. На полшага отстав, шли достойный преемник Малюты Скуратова Богдан Бельский и Борис Годунов. За их спинами — чашники с четырьмя кубками вина в руках.

Получается, никого из семьи не намерен щадить. Даже детей, чистых душой.

С низким поклоном и иезуитской ухмылкой на лице государь предлагает:

— Выпьем за здоровье наше, дорогие гости мои.

Ему подали кубок с вином. Ясное дело, с неотравленным. Поднесли ядовитые кубки князю Владимиру, княгине Евдокии и юным княжатам. Но те не спешили их брать. Тогда Грозный вновь с язвительной ухмылкой:

— Сдвинем кубки за здравие.

— Не в храме же Божьем творить лихо? — вполне спокойно ответил князь Владимир, отводя руку подающего ему кубок. — Не в церкви же свершать смертельный грех, умерщвляя детей неповинных и женщину.

— Тебе ли говорить о смертном грехе, кто намерился умертвить и меня, и всю мою семью, самому же сесть на престол, завещанный мне самим Господом Богом?! Не по твоей ли тайной воле гибли мои жены от яда?! Не ты ли ускорила смерть моего первенца? Пей теперь сам, чем желал напоить меня!

— Нет! Не грешен я! Да, было искушение в дни твоей болезни, но не себя ради алкал я, а державы для. Твое малолетство дорого стоило Руси, семибоярщина загнала ее в угол. Малолетство Дмитрия, первенца твоего, совсем бы подорвало державу. Не хотел ни я, ни многие бояре и дворяне, тебе душой преданные, отдавать власть на откуп Шуйским и иным таким же, кому не держава дорога, а живот свой. Но былое быльем поросло. Я давно служу тебе праведно...

— Не гневи Бога! С твоей подачи травили моих жен. И теперь вот замыслил на меня. Господь уберет своего помазанника, потом он простит мой вынужденный грех. Пей!

— Нет! Я не хочу быть похороненным без покаяния, как самоубийца! Не желаю!

Прильнула к нему княгиня Евдокия и заговорила, словно горлица:

— С покаянием ли схоронят после топора палача? Судьбу не переиначишь. Смирись. Твоему примеру последуем и мы. А покаяние? Не мы же себя отравим, а мучитель наш. Всевышний рассудит и даст каждому по заслугам его.

Князь поцеловал жену и молвил облегченно:

— Ты права.

Благословил сыновей, попросив у них прощения, что не смог уберечь их от ранней смерти, чем подсек корень рода древнейшего, а сыновья поклонились ему и почти в один голос:

— Не на тебе, отец, вина.

— Ишь ты, малы-малы, а смышлены. Все верно понимают.

— Да, Бог рассудит. Выпьем яд и станем молиться.

Он взял кубок.

— За здоровье твое, государь.

Слова княгини Евдокии совсем иные:

— Будь ты проклят, изверг. Желая от всего сердца и тебе безвременной лютой смерти. И твоим сыновьям. И вот этим, кто родится!

Сыновья князя Владимира осушили кубки молча и величественно возвратили их слугам. Затем все четверо пали на колена и начали молиться, прося у Бога принять их души грешные и без покаяния, а своей волей покарать царя-злодея.

Началась агония. Грозный с наслаждением взирал на терзания отравленных. Он, было видно, упивался мстью, и Богдан, глядя на царя, думал:

«Неужели и впрямь считает, будто князь Владимир замышлял его отравить?»

Похоже, так и было. Он не покинул церкви, пока не окончились муки несчастных, после чего велел привести всех их слуг. Когда же они, уверенные в скорой над ними расправе, предстали пред очи самодержца, Грозный, указав перстом на трупы, заговорил торжествующе:

— Вот они, злодейски умышлявшие на меня! Вы служили им, потому и для вас подобная кара, — но вздохнув, продолжил еще более торжествующе. — Но я милую вас. Вы свободны.

Мужчины молча поклонились и понуро пошагали из церкви, боярыни же и сенные девушки даже не шелохнулись.

— А вы чего ждете?

Выступила на полшага ближняя боярыня княгини Евдокии, плюнула на Ивана Грозного и заговорила решительно:

— Мы гнушаемся твоей милости, кровожадный Псиголовец! Волкодав! Растерзай и нас! Гнушаясь тобой, презираем жизнь и муки!

И еще раз плюнула.

Страшно было даже смотреть на царя, не то, чтобы почувствовать, что ждет женщин. Казалось, Грозный сам кинется на оскорбительницу и вцепится ей в горло как всамделишный волкодав, упиваясь кровью и обрастая шерстью, но он все же сдержал себя. Принялся распоряжаться со зловецким спокойствием:

— Тебе, сын мой, — взгляд в сторону наследника престола князя Ивана, — и тебе, оружничий, раздеть этих донага и умертвить стрелами. Да не сразу чтоб. Наказать лучникам, чтоб в сердце и шею не целились бы. А тебе, сын мой Федор, и тебе, Борис, ехать в Слободу и молиться за упокой души дурных и злых баб.

Грозный еще продолжал распоряжаться, а некоторые из наиболее отчаянных сенных дев принялись скидывать сарафаны, преодолев в ненависти своей к царю-мучителю стыд девичий. Их примеру последовали и боярыни — через несколько минут женщины сбросили с себя все одежды, оставшись в чем мать родила. Избавили палачей от труда раздевать их.

— За мной! — прикрикнул князь Иван и пошагал к изгороди, отделявшей кладбище от церковного двора.

Богдан крикнул своих путных слуг, велел им присупонивать приговоренных к казни боярынь и сенных служанок к следам, сам тем временем направился отобрать десятка два лучников, кто по доброй воле готов стать исполнителем царского приказа.

Вызвалась лишь дюжина. Маловато, но — ничего. Управятся, потратив лишь больше времени. Впрочем, это даже хорошо. Будет более в угоду царю-батюшке.

Стоят жены и девы озябшие на прохладном ветерке, пупырышками покрытые, аки гусыни обципанные, но они, гордые решительностью своей, великой чести поступкам, не обращают внимания на подобную мелочь, даже не берут во внимание стыд — глядят гордо на царского сына, на ко-

варного Бельского и на дюжину лучников, обсуждающих, с какого расстояния лучше всего пускать стрелы, чтобы впились они в жертвы на излете, не принося им моментальной смерти.

— Саженой с дюжину и — довольно будет, — советует один из лучников, но князь Иван так на него зыркнул, что тот прикусил язык.

— Два десятка саженой. Не меньше, — твердо установил князь Иван, и все молча склонили головы.

Кто же станет спорить с наследником престола, таким же скорым на расправу, как и отец, таким же гневливым. Начали отмерять шагами. И никто, ни девы и жены, прекрасные в наготе своей, ни те, кто готовился истязать их, вроде бы не слышали, как заливался в пышной зелени деревьев церковного кладбища соловей, а в его трель вплетала плаксивое «фюи, фюи» иволга, словно сгоняет ее кто-то с гнезда или уносит детисек малых; столь же тревожно многоголосили иные птицы, а над ними как бы господствовало воронье карканье, утверждавшее свое господство над гнездом или веткой, а над всей кладбищенской рощей: птичий мир жил своими заботами, люди — своими. Одни готовились с достоинством встретить истязания и смерть, другие — истязать до смерти. Что же, такова жизнь. По законам ли она природы или вопреки им, но она такая, какая есть.

Вот выравнивались лучники на определенном месте. Князь Иван наказывает:

— В перси их пышные. В руки лебединые. В ноги соблазняющие. В бедра округлые. Да не слишком натягивайте тетивы... Чтоб лишь поклевки были. Давай.

Полетели стрелы с мягким шелестом, впинаясь в перси, ноги, бедра, руки. Совсем неглубоко. И все же три пригожих девы повисли на путях с пронзенными сердцами. В ответ князь Иван вскипел гневом:

— Вы что?! На их место хотите?! Сказано, как стрелять, так и стреляйте. Еще хоть одна стрела в сердце угодит, всех вас по привяжу рядом с упрямыми и неблагодарными холопками!

Кому хочется быть привязанным к кладбищенской изгороди, да еще нагим? Больше не сердобольничали.

Когда выпустили по десятку стрел, князь Иван приказывает Бельскому:

— Приведи новиков. Пусть поупражняются в стрельбе. Много молодых стрельцов. Почти полусотня. И когда Богдан собирал их, несчастные боярыни и сенные девы медленно истекали кровью, а вместе с ней улетучивалась у них и гордость собой — они все более и более теряли бодрость духа, их головы свисали на груди, словно безжизненные, к тому же отягощенные косами, которые тоже свисали никчемными плетями. Без былой красоты своей.

Подошли новики, скованные робостью. А Богдан вопрошает с грозным видом:

— Вы кто?! Мужики ратные или слюнтяи?! Если маменькины сынки, скидавай доспехи и надевай сарафаны. А коль в царев полк взят, показывай удаль свою, крепость руки и точность глаза. Не жены и девы пригожие перед вами, а враги царские, кому вы присягнули служить верой и правдой животом своим.

— Верные слова, — положил руку на плечо Богдана князь Иван.

— Или служи, или — вон!

После такого напутствия новики из кожи лезли, выказывая уместность и старание.

Когда колчаны пустыли, новики шли, вырывали стрелы из тел окровавленных и вновь возвращались на прежнее место, чтобы снова пускать стрелы в истекающих кровью боярынь и сенных дев, уже безразличных ко всему, потерявших чувство времени и боли.

Только к вечеру закончился разгул кровожадности, и тогда, собрав деревенских мужиков, Бельский велел им выкопать общую могилу за оградой церковного двора и без покаяния свалить казненных в эту общую яму. Бутра не велел поднимать.

— Равняйте с землей. Чтоб заросло травой и не привлекало взора.

— Не по-христиански-то без креста и отпевания, — сказал седовласый ружанин. — Может, хоть над могилкой попанихидил бы наш поп?

— Нишкни! — замахали руками мужики на собрата своего. — Иль спешка есть и нам в могилу?

Закончив урок, пошли по домам, дорогой договорившись меж собой, что на сороковой день заставят попа отслужить

поминальную службу по убиенным, оградку поставят и крест водрузят.

— Небось, завтра же позабудет царь-батюшка о содеянном.

— И то... У него сколько князей позади, да сколько их впереди. О всех помнить — голова вспухнет.

А Грозный в это время уже пировал в трапезной своего дворца, устроенного на монастырский манер. Скоморохи веселили его, сам он тоже скоморошничал, изображая князя Владимира, восседающего на царском троне, — угодники гоготали дружно, изображая вместе с тем слуг коварного, захватившего якобы престол.

И тут кто-то из угодников, видя распаленность государя, у кого выиграла жадность к крови, предложил заговорщицки:

— А не потешить ли себя, государь, медвежьими забавами?

— Кто в подземелье? — вспыхнул огнем взор Ивана Грозного. — Есть ли достойные?

— Как не быть. И смельчаки есть, и труссы.

— Вели готовить.

Предложивший медвежью травлю боярин засеменил, тряся пухлым животом, вон из трапезной, гордый тем, что царь самолично поручил ему столь почетное дело.

«Сумею хорошо потешить царя-батюшку, шубой, может, одарит или чин пожалует».

Свита царская всей пьяной гурьбой отправилась к месту медвежьих игрищ. Это была небольшая поляна с очень густой, сочной травой (на крови росла), которая с одной стороны примыкала к приземистым, крепкой рубки клетям с узенькими, словно щелочки, продушинами; в каждой из клетей жило по одному медведю. Крупных, специально выпестованных. И голодных. Чтобы, значит, злее были. Питались они только человеческим мясом. Не слишком часто, зато до одури. Однако никто это мясо на тарелке не подносил, его нужно было добыть.

Поляна кровавая, как ни странно, не была огорожена, и те, кто собирался на медвежью (а царь зорко следил, чтобы никто не отлынивал) могли неожиданно-негаданно оказаться сами жертвами голодного, разъяренного зверя. Одна защита у них — редкая цепочка стрельцов с копьями в руках по всему краю поляны. Только для Грозного был сработан не-

большой сруб на пару аршин в поперечнике и по подбородок в вышиину. Клеть эту окружала дюжина суровых телохранителей с толстыми копьями и рогатинами.

Себя Грозный заботливо оберегал от всяких случайностей.

Три травли наметили. Двух чернецов, подозреваемых в том, что именно они по воле князя Владимира собирали по Поморью волхвов и колдуний, которые должны были навести порчу на царя и всю его семью и изготовить, кроме того, ядовитые снадобья. Они, конечно же, полностью отрицали обвинения, их пытали, но пока безрезультатно, вот палачи и решили избавиться от них, видя бесплодность своих усилий. Но не отпускать же их с миром после того, что они натерпелись и видели в пыточных застенках?

Третьим был боевой холоп покойного князя Вяземского, ускользнувший прежде от кары, но недавно словленный. Его еще не пытали. С ним даже не знали, как поступить. Опального хозяина давно нет, выяснять, пытая, крамольные его намерения, бесполезно и, главное, поздно, вот и держали в оковах именно как жертву для медвежьей потехи.

Вывели в центр поляны первого чернеца. Еле на ногах держится, бедняга. Кажется, дунет чуточку посильней ветерок, свалит наземь. Лицо в кровоподтеках и следах прижиганий. Волосы и борода повyrваны клоками, и только ряса цела и невредима. Она укрывает истерзанное тело обреченного, как святым покровом.

Массивный засов на крепкой, обитой с двух сторон железом двери, сдвинут, и медвежий смотритель стремглав прячется за клеть. А для медведя скрип отодвигаемого засова — сигнал; он бьет лапой по двери, она распаивается с шумом, и вот косолапый великан на воле. Потянул носом, окинул голыми глазами расфуфыренную толпу зевак, перед которой стоят люди в кольчугах с копьями наперевес; туда, стало быть, не стоит соваться, ибо не единожды доставались от одетых в кольчуги мужей добрые тачки острыми копьями, остается тот, кто одиноко стоит посредине поляны. Это его добыча. Ее всегда вот так выставляют, чтобы насытился он.

Возревел, кровожадно вперея взор в одинокого человека в черном, поднялся на задние лапы и неуклюже поковылял к своему предстоящему пиршеству. И — чудо: чернеца словно

подменили, словно окропили живой водой и даже дали испить глоток-другой этой самой воды. Подхватив полы черной рясы своей, монах стремительно кинулся прямо на копыеносцев, надеясь, видимо, вырваться из круга, но его встретили угрожающие копыя, и тогда чернец запетлял по поляне, увертываясь от медвежьих лап.

Всяко называют медведей в народе: косолапый, неуклюжий, увалень, считая его неповоротливым зверем, увы – великая ошибка; медведь ловок и быстр, он так же спор на поворотах, как и обезумевшая жертва. К тому же – хитер.

Минуту-другую гонялся медведь за чернцем по пятам бесполезно, но вот изменил манеру погони. Чернец несется по кругу, медведь – наперерез ему; чернец поворачивается, чтобы избежать неминуемой гибели, медведь вновь наперерез. Пару таких разворотов, и прижат чернец к копыеносцам. Либо на них кинуться грудью, либо отдаться на волю Господу.

Всего секунда замешательства, и для медведя она вполне достаточна, чтобы завершить охоту. Когтистая лапа опустилась на голову жертвы – и снесена половина черепа.

Добившись своего, медведь отступил, словно затаился в ожидании, когда жертва упадет. Все так стремительно, все так захватывающе, что толпа бояр и дворян не вдруг возликовала. Но вот крики восторга. А Грозный потрясает посохом.

А чернец все еще жил. Он стоял. Он еще слышал беснующуюся толпу. Он еще мыслил. Он даже поднял руку, чтобы пощупать, что с его головой, но его ладонь опустилась на теплую, вздрагивающую мелкой дрожью мякоть, что вызвало новый взрыв восторга, и только тогда упал.

Медведь, хотя и голодный донельзя, не накинудся на жертву, чтобы терзать ее и насыщаться, он сгреб чернца, еще живого, и, встав на задние лапы, понес добычу в свою клеть, сопровождаемый ревом и гоготом пьяных зевак.

Добыча должна отлежаться, и только тогда может быть съедена, иначе медведь не поступит, даже если будет умирать с голода.

Второй чернец, вторая медвежья клеть. Все прошло как-то необычно бесцветно. Чернец, увидев выпущенного медведя, перекрестившись, опустился на колени и, продолжая осенять себя крестным знаменем, начал бить поклоны, шеп-

ча молитву. Медведь приблизился к жертве, постоял в недоумении, затем сграбастал чернца в охапку, сдал его так, что у того ребра затрещали, и он даже взвыл от боли, но сразу же замолк. Либо Богу душу отдал, либо силой воли одолел боль.

Медведь, не разжав лап своих, заволок в свою клеть старца. Живого или мертвого, никто толком не мог бы ответить на этот вопрос.

Очередь за боевым холопом по имени Хлопко. Он служил воеводой у покойного князя Вяземского, опаленного царем. Вывели Хлопка в кандалах, и только в центре поляны кузнец принялся сбивать заклепки с кандалных обручей, во все не заботясь об осторожности. Лупит он молотком по зубилу почем зря, отчего железные браслеты кровянят, сдирая кожу, ноги и руки, но ни один мускул не дрогнул на лице могучего мужа.

Взвалил кузнец на плечи сбитые оковы и – наутек, боясь замешкаться на поляне, когда выпустят медведя. Богатырь же, проводив его презрительным взглядом, крикнул ухмылисто:

– Не убегай далеко. Вновь придется тебе меня оковывать.

Распахнута дверь третьей клетки. С ревом вываливается медведь-людоед, какой-то взъерошенный, косматый. Покрутил мордой, увидел привычный круг, оцетинившийся копыями, рывкнул, чем-то недовольный, и, поднявшись во весь свой рост, покосолапил к стоявшей в центре поляны жертве.

К жертве ли?

Муж могучий повел себя необычно: не стал ждать медведя, не стал и пятиться от него, а пошел ему навстречу. Смело пошagal, хотя ростом пониже медведя, но шаг его казался даже тверже. Вроде бы земля вздрагивала от его поступи.

Медведь ускоряет шаг, Хлопко шагает все так же неспешно и твердо. Вот-вот сблизятся, и обхватит медведь могучими лапищами свою жертву, свой обед изобильный...

Но что это?! Хлопко шмыгнул под растопыренные медвежьи лапы и сзади захватил медвежье горло замком – медведь тоже не промах: бух на спину, чтобы раздавить своей тяжестью наглеца, но это оказалось бесполезным. Ребра действительно затрещали у мужа ратного, помutilось его

сознание, но не настолько, чтобы разжались руки, сдавливающие горло зверя. Сучит ногами великан, пытается хотя бы одной лапой опереться о землю и, вывернувшись, сбросить с себя человека, но тот широко расставил свои ноги, не дает вольности задним ногам медведя, руками же продолжает все сильнее и сильнее сдавливать медвежье горло.

Все тише звериный храп. Все судорожной движением лап, и вот — затих огромный зверюга, но Хлопка, лежавший под ним, все еще не расцепляет рук, словно не верит в смерть кровожадного зверя и свою победу. А боярско-дворянский пьяный круг молчит, пораженный столь совершенно неожиданным окончанием травли: здесь еще ни разу никто не спасался от медвежьих когтей.

Но еще и потому молчали, что с тревогой поглядывали на самодержца. Все ждали его слова. Его решения.

Не спешили и стражники бежать в круг. Растерянно стоял и кузнец, так и не скинувший с плеча кандалы.

«Неужто и впрямь снова оковывать? Жаль богатыря...»

Жалей или нет, но поступишь все равно по царскому слову. Если, конечно, сам не захочешь быть окованным.

Грозный тоже молча стоит в своей клетке. Долго помалкивает. Вот, наконец, выходит наружу и решительно шагает к центру поляны. Телохранители подковой за ним. Даже мечи обнажили.

— Отбросьте недотепу, — словно сердая, повелевает Иван Васильевич, когда же телохранители с трудом оттащили зверя, расцепив руки Хлопка с медвежьей шеи, Грозный заговорил совершенно иным тоном, отечески-добрым, обращаясь к застонавшему от боли молодцу: — Мой лекарь исцелит тебя, муж доблестный. И если захочешь, станешь при мне служить. От холопского заклада освобождаю.

С трудом, кряхтя от боли в груди, поднялся Хлопка. Склонил голову.

— Низко бы поклонился тебе, государь, да ребра, помятые медведем, не дают. Весьма благодарен тебе за милость твою и не погневись на мою просьбу. Челом тебе бью: отпусти меня к жене моей, извелась, должно быть, бедная, к сыновьям моим. От хлебопашества ушел в холопы деньги ради, в хлебопашество хочу вернуться. Надежней оно и спокойней.

— Из какой губернии?

— Ярославский я.

— Что же, воля вольная. Ступай с Богом. Гривна тебе от меня, — и повернувшись к дохлому медведю, ткнул ему в бок острым посохом. — Эко, зверюга непутевая.

Навстречу Грозному шагали его сын Иван и Бельский. Они подошли к поляне в самый критический момент единоборства, видели удал-молодца; как и все, они тоже не решились нарушить раздумья царя, а вот теперь спешили с докладом, но услышав царскую щедрость, решили не оставаться в стороне.

— И от меня гривна, — посулил наследник престола.

— От меня тоже, — сказал свое слово и Богдан.

Бояре и дворяне наперебой принялись раздавать свои обещания, вовсе не намереваясь их исполнять, лишь пуская царю пыль в глаза, а Грозный вроде бы уже забыл о помилованном холопе, пошагал с сыном своим и Бельским обратно в трапезную, пригласив всех остальных:

— Продолжим пиршество.

Победитель медведя остался один аки перст. Никому до него не стало дела. А из всего обещанного только царская гривна в руке, да гривны наследника с Бельским.

«Уносить нужно отсюда ноги. Чем черт не шутит, пока Бог спит».

Его мысль словно подслушал Богдан, сразу же, как только закончилось пиршество, имел он разговор со своим ближним слугой.

— Узнай, какой дорогой покинул Слободу помилованный царем, а утром спозаранку догони. Пригласи его в мою Ярославскую усадьбу. Не боевым холопом, а ближним слугой. Провожажущего выдели с повелением моим, чтоб терем ему срубили в самой усадьбе.

— А если заупрямится?

— Ни в коем разе не насильничай. Уговори.

— Ясно.

Богдан пошел в опочивальню. Что ни говори, а день был и долог, и напряжен. Утомился донельзя. А слуга ближний, передав хозяина постельничему, позвал к себе двух смысленных мужей из боевых холопов.

— Боярин велел утром догнать помилованного Хлопка, но

утра ждать я не решаюсь: далеко может отъехать, если попутное что подвернется. Теперь же скачите по Ярославской дороге, увидев его, не упускайте из поля зрения. А если уже остановился на ночлег, скажите, что я хочу с ним говорить. Тогда один из вас — ко мне. И помните, не для любопытных ваша встреча. Пару изо рта не выпускайте с кем иным.

Посланцы Вельского нашли Хлопка быстро. В постоялом дворе первого же погоста, куда доехал он на попутной телеге и остановился, чтобы подлечиться мазями и снадобьями у местной знахарки. На встречу же со слугой Вельского едва-едва согласился. Долго отнекивался, но все же сдался:

— Ладно. Пусть едет. Все одно я не спешу. А разговор душевный — не оглобля по спине.

Но начался тот разговор не с душевности. С ершистости начался. Хлопка наотрез отказывался от предложения поступить на службу к Богдану.

— Иль не ясно царь наш батюшка определил? Вольная от холопства. На заклад себя в холопы не пойду больше ни за какие коврижки. Крестьянствовать стану, и все тут.

— С твоей ли силушкой за сохой ходить? Меч в богатырскую руку куда как ладнее, чем рога сохи. И не холопом предлагает тебе наш хозяин, оружничий царский, а воеводой дружины не очень великой, но молодецкой.

— Иль князь он, чтоб дружину иметь?

— Не князь, но в каждой вотчине, в каждом имении у него по полусотне боевых холопов. Вотчин же и поместий у него к дюжине подбирается. От Белого до Нижнего Новгорода. По всей, почитай, Руси. Что в наследство получил, что прикупил, служа верой и правдой царю нашему. Вот тебе над полусотней в Ярославском поместье и быть воеводой. Терем тебе рядом с хоромами боярина срубят, вези семью свою и — властвуй над ратниками. А добрей Вельского вряд ли отыщется иной какой барин.

— Наслышался я о его доброте, когда у князя Вяземского холопствовал. Не приведи Господи. Что Малюта, дядя его, таков и он — племянш его. Вот и теперь мед с твоих уст до той поры, пока уговариваешь. Когда же откажусь, не миновать мне оков или лютой смерти. Только, думаю, если станете насильничать, многим из вас тоже придется расстаться с душами.

— Не о том речи ведешь. Оружничий не лют от природы. Он лютует, служа верой и правдой царю, оберегая его от крамолы. Иль, скажешь, твой князь Вяземский был без крови на руках? Крови грешной, вражеской самодержцу. Небось и ты не в сторонке от этого стоял. Когда же сам с крамольниками якшаться начал, тут ему и расплата...

— Навет. Не крамольничал он.

— Не наше с тобой дело судить-рядить, кто супротив царя, кто у его руки. Послушай о Бельском от слуги его честный сказ: нет добрей его во всей русской земле. Не только он сам никогда не велит пороть провинившихся, если узнает, что управляющий руки распускает — взашей его. С мужиков две шкуры не дерет; помочь всегда готов, коль кого одолеет нужда. Девочек не портит. Имеет в тех усадьбах, куда жену не возит, по паре дев для утех, но не силком приневолил их, а по доброй воле. Одаривает их так, что иная боярыня позавидует. Не для красного словца говорю тебе, не соблазнительства ради — хозяин мой доволен будет, если ты примешь его предложение, он и меня отблагодарит, если же не исполню я его поручения, зла мне он не сделает. А тебе — тем более. Скажу одно: счастье тебе подвалило, а ты упираешься рогами, словно баран, хотя видно, что разумен. В общем, решай сам. Я все выложил, как на исповеди.

— Дай покумекать. Завтра отвечу.

— Мне недосуг оставаться здесь до завтра. Оружничему, по моему расчету, царь завтра определит знатный урок, а я у него — правая рука. Я здесь оставлю одного из боевых холопов, если надумаешь, он проводит тебя до поместья Бельского с наказом к управляющему. Если откажешься, отпустишь его.

Едва успел ближний слуга Вельского с возвращением. Начал он было пересказывать беседу с Хлопком, как от царя посланец:

— Зовет царь Иван Васильевич к себе. Велел не мешкать.

— Хорошо. Сейчас иду.

Пока переодевался, дослушал ближнего слугу. Остался доволен. Но тот под конец озадачил:

— Воротники бы не донесли царю, что мы взад-вперед ша- стали конно. Опередил бы, боярин, вопрос царский.

— Улучу минутку.

Действительно, в Слободе все под неусыпным контролем, доносят Грозному лично, кто выезжает и кто въезжает. Осмотрен он донельзя. И очень подозрителен. А повода для недоверия Богдану нельзя давать.

«Нужно найти уместную лазейку в разговоре».

Вышло же так, что лазейка не только нашлась сразу же, но и оказалась весьма уместной.

— Предстоит тебе, оружничий, довершить расчеты со сторонниками коварного князя. Одному. Даже никого из сынов своих тебе не оставляю. На полную твою волю. Тем более, что ты воочию убедился, кто льнул к князю Владимиру. Мне же в Москву нужно поспешать. От Батория послов встречать.

— Я предвидел твою волю, государь. Посылал слуг своих проводить, не собираются ли те из дворян и бояр, кто славил крамольника на погостах, в бега?

— Ну, и как?

— Пока тихо. Но, думаю, стоит поспешить. Сгрести их всех сюда.

— Не вози в Слободу. Лучше в Кострому.

— Тогда уж — никуда. А в поместьях и вотчинах. Если на то, государь, будет твоя воля.

— И то верно. Попытав, нет ли еще какого злого умысла, сечь головы или ядом травить. Поголовно всех. Чтoб наследников не оставалось.

— А как с церковниками, что в колокола звонили и торжественные службы правили?

— В Ярославль их отправляй. Оттуда я их на Соловки сошлю. Всех до одного. Твоя забота — под надежной стражей в Ярославль их доставить. Но не самому, а выделив сотню с добрым сотником, не зевакой. Да предупреди, церковный клир, мол, хитер и коварен, вокруг пальца могут обвести.

— Сам наказ дам сотнику.

— Верно. После чего твой путь в женский монастырь, что близ Кирилла-Белозерского. Заберешь оттуда инокиню Ефросинию. Она была главной соблазнительницей князя Владимира, толкая его на захват трона. Уверен, не без ее посочинства колдуний и нынче собирали.

— До Москвы не довозить ее?

— Верно уяснил.

Прямо скажем, задание не из легких. То, что в усадьбах и вотчинах можно ожидать сопротивления, Богдана не очень беспокоило: тысяча мечебитцев царева полка — не шуточки. Палачи тоже отобранны знатные. Сложней с Костромой. Вдруг город затворит ворота. Конечно, никуда он от наказания не денется, но любые осложнения, а тем более кровавые, при необходимости штурмовать и звать для этого дополнительную рать не на руку начинающему оружничему и главе Тайного сыска. Поэтому лучше семь раз отмерить, прежде чем рубануть. Вот и позвал Бельский на совет не только тысяцко-го, но и сотников. По опыту он знал, что толк от этого велик.

На сей раз он тоже не ошибся. Первое же предложение отмело главное сомнение.

— Половину тысячи, воевода, шли сразу же в Кострому. Княжескую дружину, если она не сплыла в Нижний, и городовую дружину запереть в гриднях. Да порознь, а все ворота взять под свою руку. Кто тогда пикнет?

— Хорошее слово. Тебе и вести полутысячу.

Честь великая сотнику, так легко доставшаяся. За один только совет. Богдан, однако, поступил верно: сотник расстарается вовсю и все сделает лучше лучшего.

Так оно и вышло. Недели две Богдан шел по кровавому пути до Костромы, и в эти недели город жил в страхе. Вначале побежали было бояре и дворяне, видя неминуемую гибель свою, но их всех до одного перехватили и оковали. Пытать, верно, не стали, ждали оружничего, но даже сам факт арестов утихомирив остальных.

В город Богдан въехал только с путными слугами и парой десятков мечебитцев. Остальная рать разбила стан в версте от городских стен на высоком берегу Волги, чтобы сподручно было сбрасывать в воду казненных, ибо решил Бельский казнить тех, кто славил князя Владимира аки царя-самодержца, не на городской площади, как прежде предполагал поступить ради устрашения всего народа, а на манер новгородской расправы — в воинском стане, приготовив там и виселицы, и плахи, и кострища.

Вполне возможно сам он, будь его полная воля, не стал бы изгальтаться, порубил бы головы обвиняемых, кончив на этом дело, но Грозному каждый его шаг станет известен, потому он и выдумывал изощренности.

В одном он отступил с опасностью для себя: из слуг бояр и дворян пытал и казнил только самых близких, а из простолудинов вообще никого не тронул. Зато привел к присяге царю всех горожан и даже городскую рать, пострадав после этого, что каждого, кто отступится от клятвы на верность царю Ивану Васильевичу, ждет лютая смерть без всякой пощады.

Не тронул Бельский никого и из княжеской дружины. Даже воеводу. Велел им разоружиться и присягнуть государю. После этого под конвоем отправил в Нижний Новгород, чтобы оттуда сослали бы их в Сибирь на пушной промысел. Без права возвращения. Сделал он это от имени Грозного, хотя такого слова от него не получал. Случись челобитная от сосланных, не отвертись.

Ссылка, однако, куда как лучше смерти, и верно рассудил Богдан, что челобитчиков не найдется среди дружинников.

Лето набирало силу, когда оружничий, отправив рать в Слободу, а себе оставив только сотню, выехал из города через Северные ворота. Путь его — к Белоозеру. К инокине Ефросинии, теперь уже не честолюбивой, а смиренно молившей о спасении души.

Она давно была не опасна для Грозного, ибо царь лишил ее возможности встречаться не только с сыном, но и со всеми дальними и ближними родственниками. Не имели возможности они и переписываться. За это отвечала настоятельница монастыря. И как ей не исполнять волю царя, когда она знала, чем кончается доброхотство по отношению к опальной — всех их казнили. А нужно ли подобное настоятельнице? Ей жизнь дорога. Тем более, что не худая жизнь.

Знал Бельский и то, как уважаема Ефросинья в монастыре и за знатность родовую, и за вклад великий, и за доброе отношение ко всем сестрам-монахиням, даже к тем, кто имеет самое неуважаемое послушание, поэтому решил схитрить и на этот раз. Рассудил так: слух о гибели князя Владимира до Белоозера не дойдет ранее его приезда, тем более, что опальных церковников повезут через Ярославль, а если дойдет, то выдать гибель сына не как месть Грозного, а как самоубийство. А звать именем царя, сожалеющего о смерти брата, в Новодевичий монастырь. Как подтверждение того, что не дер-

жит он больше на нее зла. Если же слух еще не доползет, тогда все проще. Царь, мол, зовет в гости. Сын тоже ждет.

Вот такой план. И не вопрос, честен он или нет.

Еще выбор пути. Прямоезжей дороги от Костромы до Вологды нет, можно плыть по Соте-реке вверх, но это долго — все время на веслах против течения; решил поэтому ехать посуху по пойме, взяв проводника, чтобы тот помог срезать огибь и выехать напрямую на село Пречистое, что у прямоезжей Ярославской дороги. А дальше все знакомое. Путь до Вологды хоть и не близок, но ровен и не петлист. За Вологдой же и того приятней: по речке Вологде до Сухоны, а уж по ней сбегать до самого Кирилло-Белозерского монастыря. Вожак, знающий Вологду и Сухону, найдется. Тем более, для посланца царева.

Не близок путь, и если брать с собой провизию, нужен обоз, а он обузен. Вот и определил Богдан закупать в селах хлеб, квас и медовуху, мясо же добывать охотой. Не очень-то подходящее время, самки еще кормят детенышей молоком, но простит Бог, ибо не наживы ради охота, а для прокорма. К тому же не великий случится урон, если лишнего не брать и стараться стрелять только рогачей, а не комолых самок.

На первых сотнях верст от Костромы пойма Соти многолюдна. Шалаши косарей, словно пупырышки за озябшем теле, а копны духмяного сена — на каждом шагу, то и дело приходится отворачивать от них, чтобы не повредить. С молодыми и женами, которые сгребают или ворошат подсыхающую траву, ратникам можно даже позубоскалить, благо ни сотник, ни оружничий не одергивают. Более того, на ночлег они выбирают место такое, чтобы поблизости оказались две или три артели косарей и ворошильщиц. Закрывают они глаза и на то, если кто отлучится. Строгость только в одном: на рассвете чтобы они были подседланы без спешки, с полной заботой о конской спине, и носом бы не клевали в пути.

Особенно же хорошо, когда дневка. Выбрана стоянка, тоже меж артелями косарей, отряжены в лес самые меткие и ловкие в охоте лучники, с которыми едет сам Богдан, любитель гонять зверя. Вот они углубляются в лес, а уже через малое время везут на вьюках добычу. Лося, как правило, и в придачу пару косуль. Спешит теперь с вертелами, да разводит огонь.

Пир начинается не вдруг, ждут ратники, когда окончат работу косари и жены с девами, да потянутся к их стану. Не с пустыми руками. Несут они с собой туеса медовухи и кваса. Вот тогда начинается настоящее веселье чуть не до зари. А иным из ратников, кому благоволил Лель, шаловливый сын Лады, даже рассвет встретить в густых прибрежных зарослях. И не спешить в стан, ибо весь день — день безделия. Только и забота, чтобы коня обиходить.

Предел этому раздолью души и тела наступил, когда отряд углубился в лес, срезая огибь. Сыро и хмуро. Лишь редкие полянки ласкают глаз. На одной из таких полян остановились на ночлег, подстрелив сохатого.

Еще один день хмурого пути и вот — Пречистое. Проводника можно отпустить, дальше путь от погоста к погосту, где есть и стол, и кров для царских ратников и для столь знаменитого опричника.

Забот путевых поубавилось. Теперь можно без помех обдумать еще раз во всех деталях, как ловчее исполнить волю царскую, чтобы княгиня, в иночестве Ефросиния, померла в дороге от болезни, либо случилось бы с ней недолга, ставшая причиной смерти.

Ищущий находит, если ищет усердно. Если ехать посуху, то предстоит переправа через Сухону. Вот на ней все и можно свершить, оставив для этого верного слугу, который найдет исполнителя среди бродников. И лодку подготовит нужную, и гребца наймет за добрую плату для переправы знатной инокини.

Решение найдено окончательное, теперь — полное спокойствие. Огоривая версты от погоста к погосту до самой до Вологды, а там повремени денька два-три, пока наместник царев и воевода подготовят ладьи для сплава, и катись безостановочно вниз.

Славно бежать по воде, помогая еще ей веслами. Плынут лесистые берега мимо, сменяясь зеленотравными плесами или клыкастыми лбами; покойно на душе, мысли безмятежные, и только время от времени всколыхнется неприязнь к предстоящему злодейству, но она легко одолевается, ибо не по своей воле едет, чтобы умертвить Ефросинию, а по воле самодержца, и он один отвечает перед Богом. Его дело

холопское. Ему никак нельзя ослушаться. Кара за взбрыкивание одна — лютая смерть.

Ему сейчас об одном думать нужно, как убедить не только самою мать князя, что звана она Грозным в Москву по милости его, но и наставницу монастыря, всех монашек. Чтоб не возникло у них никаких подозрений. Потом пусть думают, что им за благорассудится. Прямо обвинить в злодействе не смогут. Тайно, вполне может быть. Но это их личное мнение, которое вслух вряд ли кто посмеет сказать. Мыслям тайным удержу нет, главное, чтобы слова звучали нужные.

В общем, до приезда в монастырь Богдан, как ему казалось, все продумал, но одного все же не учел: согласится ли сама Ефросиния менять отдаленный монастырь на Новодевичий, что под боком у Кремля? Вот едва все не сорвалось. Еще бы немного, ему бы пришлось принуждать Ефросинию. Спасла положение настоятельница. Умная и, как показалось Богдану Вельскому, все понявшая.

— Передай царю-батюшке, — твердила Ефросиния, — не сменю я тихой обители на суетность московскую.

— Но разве в Новодевичьем мирская суета?

— Вроде бы и нет, на самом же деле — искушение великое. Мне же о душе одной думать нужно, грехи замаливать, а не суетиться.

И так и эдак Богдан, Ефросиния стоит на своем:

— Не хочу менять обитель. Передай мой поклон царю Ивану Васильевичу и — будет с него.

Либо понимала, что не нужна она в Москве, либо и в самом деле не хотела менять нынешнее спокойное житье на суетное. У Богдана уже на кончике языка слова: «Не поедешь добром, силком увезу, ратников кликнув», — да тут грубоватым баритоном, но удивительно певуче, заговорила настоятельница:

— Ты, сестра Ефросиния, истово молила Господа о прощении грехов от гордыни твоей, он услышал тебя, смягчил сердце помазанника своего на Русской земле, ты же не жалеешь со смиренной радостью принять дар Божий. Откинь гордыню и прими мое благословение в добрый путь.

Сдалась упрямица, склонила голову перед настоятельницей.

— Благослови, матушка. И еще благослови взять с собой инокиню Александру, родненькую мою.

— А звал ли и ее царь-батюшка?

— Он не молвит противного слова, — нашелся Богдан, хотя об Александре речи никакой не было. Но откажи в просьбе матери князя Владимира, вновь она может заупрявиться. Одна или две жертвы — какая разница?

«Простит Бог грех невольный».

Инокниг провожали всем монастырем. Со слезами, в которых смешались и грусть от расставания, и радость за великую княгиню, с которой наконец-то снята опала царская. Ефросиния тоже прослезилась и, поклонившись низким поклоном любезным сестрам, взобралась в возок, усталый медвежьей полостью. За ней, вся в слезах, последовала Александра.

Богдан Бельский, тоже благословясь у настоятельницы, — ногу в стремя.

— Трогай.

К полудню прибыли они в Кирилло-Белозерский монастырь, где к малому поезду присоединилась сотня в парадных доспехах, как почетная путная охрана важной персоны.

Заночевали на берегу Шексны, где загодя был разбит великолепный шатер, застланный толстой кошмой и ковром поверх нее. Постель приготовлена тоже теплая и мягкая: перина лебяжьего пуха и такое же одеяло. Только инокине Александре пришлось довольствоваться более скромным ложем, ибо готовили шатер лишь для одной Ефросинии, а для неожиданной спутницы досталось то, что сумели спешно раздобыть.

Ну, да — ничего. Не отлежит и она бока.

Богдан самолично проводив инокиню на покой, приободрил их обещанием:

— Последняя ночь в неудобье. После переправы — погосты. Там лучший уют.

И самому стало противно от этих лживых слов. Что ночь для инокини последняя, в этом сущая правда, а вот об уюте после нее кто может сказать что-либо определенное — какой он тот, потусторонний мир, да и уготован инокиням рай или ад? Отворит ли утопленницам, хотя и невольным, Господь Бог врата рая?

На рассвете густой туман лег на Шексню и ее берега, хотели было переждать его, но он не улечивался, лишь немного осел, уплотнившись до толстого одеяла. Если и дальше ждать у моря погоды, не успеешь засветло к переправе, а это не предусмотрено, поэтому Богдан скомандовал отъезд. Странная получилась картина: кони цугом, скрытые по самую грудь, прорезали туман, а возок весь утонул в бездвижном молоке, инокини же плывут по этому молоку лебедушками.

Коня почетной стражи стрельцов — тоже по грудь в молоке.

Добрых полчаса вот такой езды ощупью, с надеждой лишь на добрых и умных лошадей, если которых не дергать вожжами, не сойдутся с дороги, и вот туман начал рассеиваться, теперь можно переходить на рысь. Времени и так упущено достаточно, придется его наверстывать.

К переправе подъехали, когда солнце повисло над дальним лесом и, казалось, высматривает удобное место для ночного отдохновения. Сейчас прицелится, найдя где не уколится, и нырнет вниз. Вот Богдан поторапливает стрельцов грузиться на паром.

— Не время чесать загривки. Шустрей, шустрей.

Сам же провожает инокиню в лодку, специально для них подготовленную: на полах ковер пушистый, сухо ногам, на сиденьях мягкие полавочки. Гребец — дюжий малый из переправщиков. Отталкивает весельник лодку от берега самолично.

— С Богом.

Несколько взмахов веслами и — что это? Лодка начала быстро наполняться водой, словно не дно у нее, а решето. Гребцу бы веслами тормознуть, да к берегу править, но он словно не замечает столь бурной течи, рвет веслами, взбурливая воду.

— Господи! — восклицает Ефросиния, ибо поняла она в этот миг, что опутана коварной ложью и ждет ее неминуемая смерть. — Будь ты проклят, царь Иван. И ты, кровавый сатрап его, будь проклят! Пошли Бог и тебе лютую смерть!

Богдан Бельский вроде бы не слышит проклятия, кричит:

— Коня мне!

Несется до переката, что в полуверсте вниз от паромной переправы. Там отмель до половины реки. Спрыгивает там с седла и — в воду. Видит, все идет как надо. Лодка перевернута, гребец тянет, пытаюсь изо всех сил спасти захлебывающихся инокинь, к отмели, сам едва не захлебываясь.

Богдан ему наперерез, чтобы пособить. Крепко уперся ногами в дно, сопротивляясь быстрой воде. Есть. Перехватил. Вдвоем стало легче. Выволокли, но поздно — бездыханные инокини. И тогда Богдан требует от стремянного своего: — Дай меч твой.

Не спросил тот, для чего. Подал, обнажив. Богдан же шагнул к гребцу-броднику, который склонился над более молодой инокиней и, набрав полную грудь воздуха, припал к ее губам, чтобы вдохнуть ей живительный воздух, но услышал:

— Встать!

Он повиновался, не понимая, чем недоволен боярин. Он, бродник, сделал все по уговору, отработал гривны сполна. Хотел даже спросить об этом, но...

Удар меча, и голова оказалась на мягкой прибрежной траве.

— Достойная смерть не сумевшему перевезти знатную гостью царя нашего Ивана Васильевича.

Лишняя фраза. Лишь на всякий случай. Стремянный не утаит ее, и станет она известна многим, обеляя его, Бельского.

На обратную дорогу в монастырь взяли у паромщика на время бричку, возок же оставили ему насовсем, в уплату за пользование бричкой. Уложив покойниц на медвежью полость, покрыли их сукманиной, и траурный поезд тронулся медленным шагом. Богдан, слуги его путные, стрелецкая сотня ехали без шапок и шоломов с понурыми головами, будто в великом горе.

Вперед поскакал вестник и в Кирилло-Белозерский мужской монастырь, и в женский, дабы подготовились по-христиански отпеть покойниц. Однако настоятели и мужского, и женского монастырей поняли слово вестника правильно — встречи прошли далеко не торжественно.

Бельский будто всерьез упрекнул настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря, но тот ответил недоуменным вопросом:

— Вправе ли мы нарушать заповеди Господни, отпевая утопленниц и справляя по ним сорокоуст?

Он-то приспособился вести себя подобающе с опальными. Сколько их здесь перебивало, и не всем доводилось покончить святую обитель в здравии.

В женском монастыре схоронили инокинь Ефросинию и Александру с молитвами, хотя и скромными. Монахини плакали, иные даже навзрыд, но настоятельница пожурела их.

— Не гневите Господа нашего, а радуйтесь, что он не пожелал отпустить от нас сестер, нами уважаемых. Они обрели здесь в молитвах к Господу покой душевный и теперь, по его всевышней воле, упокоются здесь навечно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Как и велено было государем, Богдан поехал напрямик в Кремль, домой отправив лишь путных слуг с вестью о себе. Царь оказался не один, в окружении нескольких думных бояр, поэтому Бельский подумал, что царь не станет слушать его доклад сейчас, а определит иное время для встречи наедине, но Грозный спросил, словно и впрямь ему не терпелось узнать о результатах поездки.

— Во здравии ли доставил инокиню Ефросинию в Новодевичий?

У Богдана дух перехватило: неужели он что-то не так понял и не то сделал?! Но только на миг. Поняв игру царя, склонился в поклоне.

— Казни меня, государь, но случилось непоправимое: утопла Ефросиния в Шексне.

— Как это — утопла?!

— Не доглядел. Лодочника, виновного в той беде, я казнил на месте. Казни и меня, государь, холопа твоего нерадивого.

Грозный стукнул посохом о пол, вроде бы собираясь изречь свое обычное: «В пыточную!», сказал же иное:

— Завтра, после заутрени, обскажешь все. Тогда я определю вину твою. Решу после этого, как поступить с тобой.

Значит, беседа в тайной комнате один на один. Глядишь, боярством пожалует. И, тогда не лести ради станут слуги его в вотчинах и усадьбах именовать боярином, а заслуженно.

Дома, попарившись в бане и легко перекусив, времени с вечерней трапезой, ожидая Бориса Годунова. Увы, трапезовать ему пришлось в одиночестве, недоумевая, отчего тайный друг не пожаловал, хотя знал о его прибытии.

«Странно. Или знатно преуспел, или что-то затеял и боится проговориться».

Богдану хотелось услышать все о подноготной жизни двора, чтобы быть готовым к разговору с Грозным, собрался даже послать к Годунову слугу с приглашением, но передумал, посчитав это унижительным.

Не послал он и за дьяком Тайного сыска, хотя желание тоже было. Поостерегся. Вдруг царь переиначил что-то в своем Дворе, иного кого поставил на сыск, а решения царя непредсказуемы и скоры, тогда его встреча с тайным дьяком не в Кремле может быть истолкована двояко.

«Нет. Пока не повидаясь с Грозным, не стану мельтешишь».

В общем, в комнату для тайных бесед Богдан вошел слепым котенком. Прохаживался, ожидая, когда государь окончит свою утреннюю молитву в домашней церкви, и пытаясь ни о чем не думать, ничего не предполагать, только оттачивая краткость, нужную направленность своего доклада; но нет-нет, да и защекочет в душе приятная надежда услышать от царя долгожданное: «Жалую тебя боярством».

А известно, чем страстней надежда, тем страшней разочарование, если надежда окажется зряшной.

Наконец Грозный окончил свою долгую утреннюю молитву. Бельский встретил его низким поклоном и поспешно по указующему жесту сел на лавку.

— Ну, рассказывай, — буднично спросил Иван Васильевич, тоже усаживаясь на лавку напротив Бельского. — Все ли по уму исполнено?

Вот это — вопрос. Совершенно неожиданный. Стало быть, кто-то успел шепнуть царю какую-то нелепицу для него, Бельского, нелестную. А это уже не совсем ладно. Оправдываться, однако, не стоит. Рассказ нужно повести с будничным спокойствием, поддерживая тон, заданный самим царем. Даже с гордостью за умело исполненное тайное желание царя.

Похоже, удалось. Постный лик Грозного оживился, ког-

да Богдан рассказал, в какой момент отсек голову лодочнику, готовому было оживить инокиню-утопленницу. К тому же он был один, кто знал о проделанных в днище плоскодонки пробоинах. Только с ним одним был тот тайный уговор.

— Самолично с ним говорил, строго-настрого предупредив, чтобы язык держал за зубами. Но поопасался я, что со временем не удержится и расскажет о тайном. А нет человека, нет и свидетельства. Сам факт казни под горячую руку тоже говорит о многом.

— Разумный поступок.

Совсем же преобразился Грозный, когда услышал пересказ слов настоятеля мужского монастыря, но особенно настоятельницы женского. Даже воскликнул:

— Истинно — воля Божья!

И все. Ни тебе спасибо, ни тебе милость за усердие. Молчание долгое и, наконец, слова о предстоящем:

— Баторий, безродный выскочка, наглость выказывает. Плевать бы на это, но тайный дьяк говорит мне, что ляхи совращают дворян и бояр к измене. Вот и засучивай рукава, оружничий. Не допусти крамолы в державе моей. Всех выводи на чистую воду, на чины не оглядываясь.

Не густо. Однако же, если ты глава Тайного сыска, то не тебе царь должен подносить вести о делах в Кремле и в Руси на блюде, а ты ему. На подносе.

Поклонился поясно царю Ивану Васильевичу и вышел из комнаты с довольным видом, но с душой, полной досады.

«Ну, царь-батюшка. Такая будет служба моя тебе, какая от тебя благодарность».

Прямым ходом в Тайный сыск. Для первого разговора с дьяком, от которого зависит очень многое. Начал его Богдан поэтому не с начальственного тона, не со своих условий, каким бы он хотел видеть подчиненного дьяка, а наоборот, с просьбы.

— Мой дядя, Малюта Скуратов, не единожды сказывал, что у вас сложилось полное доверие друг к другу. Он не начальствовал над тобой, ты же не чувствовал себя безгласным подчиненным. Рука об руку работали. Мне бы тоже хотелось обрести доверие твое, тем более, внове для меня Тайный сыск, ты же зубы на нем съел.

Польстил Бельский тайному дьяку. Зело польстил. И тот с видимой охотой начал рассказывать о всех своих соглядатаях и во Дворе, и в имениях знатных бояр. Даже не скрыл, кто соглядатай среди его, Вельского, слуг.

— Не отдаляй его от себя, будто ничего не знаешь, — посоветовал Бельскому дьяк. — Так ловчее будет для нас с тобой.

Тогда, когда Малюта собрал вместе Бориса Годунова и его, Вельского, для тайного сговора, Богдан недоумевал, чего ради скоморошествовать за трапезным столом, сейчас же оценил ту осторожность со всей ясностью:

«Малюта знал о соглядатае и играл с ним».

А тайный дьяк продолжал назидательно:

— Но не только не отдаляй, а никакого вида даже не показывай, что осведомлен о его двоедушии. В нашей работе это самое главное: ты знаешь, но никто об этом даже не догадывается. В этом великое наше мастерство.

Коробит Бельского, что дьяк говорит с ним, как с сосунком, но терпит, ибо сам напросился на такое вот к нему отношение. Дает себе слово ничего до времени не менять, пока сам не раскинет свою невидимую паутину, в которой окажется и вот этот дьяк, даже не подозревая об этом.

— Я буду внимательным к твоим советам. Буду примерным твоим учеником.

Эта лесть тоже легла на душу тайного дьяка, и он без утайки принялся рассказывать обо всем, что происходит в сей день не только в Кремле, но далеко за пределами Фроловских ворот. Даже за пределами Русской земли. А известно тайному дьяку все. Как теперь уже знал Бельский, соглядатаи Тайного сыска имелись во всех приказах. Они внедрялись во все посольства, они находились среди думных бояр, то есть были везде и обо всем уведомляли сыскных подьячих или же самого тайного дьяка, имея от сыска мзду немалую.

— За то время, какое отдалили тебя, оружничий, от двора под предлогом проводов дяди в последний путь, свершилось многое, для тебя неизвестное. Недосуг тебе было и после того, как позван был обратно. Почитай, лето миновало и воды утекло более, чем достаточно. Слушай поэтому, запоминай и осмысливай. Начну с главного: Баторий присылал послов, как и ожидал Грозный, только прибыли те не с ожидаемым

словом. Он, дерзкий воевода семиградский, подданный венгерского короля, именовал в послании Ивана Васильевича не царем Земли Русской, но братом. Не признал Баторий за нашим царем и титулов князя Смоленского и князя Полоцкого. Себя же повеличал королем Польским и Литовским. Послов проводили без почестей, дав лишь в дорогу опасную грамоту. После этого Иван Васильевич двинул рать в Ливонию. В несколько дней взяты города Мариенгаузен, Лунцов, Розоттен, Дюнебург, Крейцбург, Лаудок, Таубе и еще несколько. Но воеводы князя Иван Шуйский, Василий Сицкий, Федор Мстиславский и боярин Никита Захарьин, начавши блестяще, похоже, кончат худо: сели в городах и благодушничают, упоая на многочисленность своих полков. Шведы же и немцы не сидят сложа руки.

— Дал ли об этом знать Ивану Васильевичу?

— Как умолчать? Сказывал.

— И что?

— Да ничего. Отмахнулся. Кто, мол, посмеет голову поднять, не убоявшись великой нашей рати? Малюта был бы жив, тот смог бы настрополить царя, указав ему верный путь. Теперь вот — некому.

— Выходит, мне необходимо вмешаться.

— Только скажу тебе так: прежде, чем царь станет слушать твое слово, тебе еще много придется потрудиться. Сейчас, думаю, не одолеешь. Хотя сказать непременно нужно. Потом, когда сбудется то, о чем нынче предупредишь, царь станет внимательней к тебе. Так вот, исподволь, и завоюешь право первого советника. Пусть даже без чина право. Но даже в этом — великая сила.

— А сам Баторий не идет в Ливонию?

— О Баторие чуток позже. Сейчас о посольствах, ибо не ратью одной действует царь наш батюшка, но и хитростью. Увы, пока не очень удачно. Вернее, совсем неудачно. В Вену послан был послом боярин Ждан Квашнин со словом к императору Рудольфу, который принял корону после скончавшегося императора Максимилиана. Квашнину надлежало заключить договор о любви и братстве и склонить цесаря к войне со Стефаном, чтобы разделить меж собой Польшу. Квашнину способствовал воевода Албрехт Ласко, который еще при дяде твоём имел тайные сношения с Кремлем. Но и

это не помогло. Квашнин воротился с пустыми руками. Рудольф только пообещал прислать в Москву в скором времени кого-либо из первых вельмож для переговоров.

— Не одобряет, должно быть, наши победы в Ливонии.

— Верно мыслишь. В послании Рудольф действительно укорял Ивана Васильевича за разорение Ливонии. Не по-братски, дескать, это, не по человеколюбию.

— Эка, человеколюбие?! А шведы и немцы нас щадят?!

— Так-то оно так, только они рассуждают иначе: сами они несут свет, мы же — тьму. А ради света все допустимо, все во благо. Ну, да Бог с ними. Слушай дальше.

Вздыхнул, словно вновь ему предстояло говорить нерадостное, желания к тому не имея. Но что делать? Продолжил:

— Слал Иван Васильевич посольство в Данию. Король датский Фредерик будто бы в мире со Швецией, на самом деле весьма ее опасается. Вот наш царь и предложил Фредерику заключить союз против шведов и ляхов. Как раз в то время, как ты ездил на Белоозеро, прибыли послы от Фредерика Яков Ульфелд и Григорий Ульстамф с таким словом: Дания готова на союз с Россией против Польши и Швеции, если Россия вернет ей захваченные в Ливонии датские владения: Габель, Леоль, Лоде. Чтобы не уступить, коль в союзники стремишься, увы, упрямые думные бояре уперлись рогами, аки козлы своенравные. А что в итоге получилось? Перемирие на пятнадцать лет, обещание не помогать ни деньгами, ни людьми Баторию, да свобода торговли для купцов. Пшиком, выходит, и здесь все окончилось.

— Что же Грозный не приструнил бояр?

— По моему разумению, его самого гордыня цепко за бороду держит. Очень цепко.

И умолк, испугавшись столь вольного слова о царе-башке, за которое можно лишиться живота своего.

Но Богдан даже бровью не повел, и это ободрило тайного дьяка.

— Пшиком закончилось и заигрывание с Магмет-Гиреем, заступившем вместо умершего отца Девлет-Гирея. Послом к нему Иван Васильевич направил князя Мосальского с богатыми дарами и обещаниями даров ежегодных, если он согласится на союз против Батория. Дары хан принял с охотой, ответил, однако же, так: вернуть Крыму Астрахань,

свести казаков с Дона и Днепра. Еще просил четыре тысячи рублей. Условия неприемлемые, и все же государь послал Магмет-Гирею тысячу рублей, еще щедрые подарки для жен ханских и детей его. Бесцельно только и это оказалось. Баторий заплатил больше, и разбойный хан отдал ему свое дружелюбие. Только, как я понимаю, нас он тревожить не станет крупным походом. Урок, преподанный его родителю Девлет-Гирею, не выветрился еще из памяти разбойников.

— Выходит, на нас он не пойдет, но и Баторию нечего бояться Крыма?

— Да. Он обезопасил себя с юга. А ему это очень важно. Рать под его рукой не слишком большая, около двадцати тысяч. Польский отряд, пять тысяч венгерской пехоты, несколько тысяч литовских конников, остальные наемники. Огненного снаряда — кот наплакал. Пушек семьдесят или восемьдесят всего.

— Наших, должно, вдвое больше?

— Не вдвое, а втрое. Разрядный приказ, сняв изрядно рати с Оки, собрал без малого шестьдесят тысяч пехоты и конницы, да мощный огневой заряд. Все бы хорошо, только стоит войско не там, где бы оно полезней оказалось. В Ливонии в основном все полки. А Баторий туда не пойдет. Он хитрит. Мне донесли, что король сейму обещал прилепить Россию к польской короне, тогда Ливония сама признает владичество Польши. Цель Батория, сделать польское королевство главенствующим над всем славянским миром. Устремления, как видишь, великие.

— А не подавится ли?

— Может быть. Но он идет на риск, вполне понимая, либо Польше быть главою северо-востока, либо Руси. А если так, то Польша неминуемо подпадет под русскую корону. Далеко вперед глядит, и в этом ему не откажешь. Не откажешь и в разумности ратной. Он вроде бы за Ливонию спорит с Грозным, сам же вострит копье, по моим сведениям, на Полоцк. На Свири он собирает свою рать в кулак, делая это весьма осторожно, без лишней огласки.

— Извещал ли ты об этом Ивана Васильевича?

— Не единожды. Только он почему-то оставляет мои доклады без внимания. Ни слова Разрядному приказу о перемещении рати из Ливонии на путь Стефану Баторию. Тай-

ные вести, мною полученные, я вручу тебе. Подкрепишь ими свое слово. Глядишь, послушает тебя.

— Попытаюсь.

— Теперь о другом. О тайне, какую не знают даже думские бояре. Государь послал одного из любимцев английских гостей, Горсея, за свинцом, серой, медью, порохом и селитрой. Думаю, еще до ледостава доставят они груз на кораблях в порт Святого Николая. По моему разумению, царь пошлет тебя встречать Горсея и переправлять привезенное им в Вологду.

— Отчего такое твое разумение?

— А кому больше поручать тайное, как не главе Тайного сыска?

— Увидим. Давай дальше.

— погоди подгонять. Послушай прежде полезный совет. Горсея Грозный зря ли послал тайно от всех? Прежде в Англию он посылал Дани или Сильвестра за тем же самым. Тот воротился с письмом от королевы, но его будто бы убило молнией. Она к тому же сожгла дом, в котором он остановился. Сгорело и послание королевы английской. Думка у меня такая, не Батория ли люди расстарались, чтобы мы не получили от Англии нужное нам? Потому совет мой тебе: в Холмогорах остановись у воеводы городской рати, но особенно осторожничай в Архангельске, квартируй только у начальника порта. У него и трапезуй. Больше ни у кого. Горсея тоже оберегай как зеницу ока.

Замолк, чтобы не сваливать в одну кучу все новости, а разделить их по полочкам:

— Вот теперь можно и дальше. И чем дальше, тем увлекательней. Жена или сожительница, как ее именовать, не берусь разгадывать, Наталья Коростова бесследно исчезла. Даже я, тайный дьяк, не могу узнать, где она.

— Но он же страстно ее домогался. Дядю ее, новгородского архиепископа Леонида, кто противился этому союзу, одев в медвежью шкуру, затравил собаками. А прошло с тех пор совсем немного. Несколько месяцев.

— То-то и оно. Теперь он положил глаз на дочь опального боярина Федора Нагоя Марию. Красоту Марии, а она действительно велелепна, расписал Ивану Васильевичу князь Одоевский. Он же устроил так, чтобы царь лицезрел красавицу.

Вот так все и решилось. В самое скорое время быть свадьбе. Все бы ладно, но мне не совсем понятно одно: царь, готовясь взять в жены Марию Нагую, имеет мысль ожениться с королевой английской.

— Это и впрямь тайна из тайн. Кого царь послал сватом?

— Никого. Горсею поручил сватовство.

— Уверен, не согласится Елизавета.

— Не могу ничего определенного сказать. Тут я бессилен. В тайны женщин разве проникнешь? А вот факт сватовства к одной и свадьбы с другой меня удивляет. Но более всего удивляет другое: государь наш основательно занемог. И царевич Иван тоже. До свадеб ли ему?

Новость для Богдана очень важная. Значит, не сидит сложа руки Борис Годунов. Но ловко ли ведет свое дело? Спросил:

— От естества болезнь или?..

— В том-то и дело, что — или.

— Чьих рук дело?

— Боюсь оговорить. И еще одна у меня опаска, чья рука видна, того не вдруг схватишь за эту руку. Он свою сестру Ирину отдает замуж за царевича Федора.

Даже здесь, в Тайном сыске, где подслушивание вряд ли возможно, тайный дьяк не осмелился назвать имя Бориса. Для оружничего это о многом сказало. Вот теперь он понял, отчего вчера Борис не поспешил в его дом, хотя не мог не знать о его возвращении. И еще понял, что умолчать об услышанном от дьяка не сможет без риска лишиться живота своего, предварительно покорчившись в пыточной. Но понял и то, что имя Годунова не должен называть самолично.

— Кто в подручных?

— Кто же, кроме Бомелея.

— Завтра же извещу об этом Ивана Васильевича.

— Разумно. Только извещать тоже следует весьма разумно.

Да, читает, похоже, тайный дьяк его мысли. Или дает лишь разумный совет?

Грозный без проволочек согласился на беседу с оружничим, что весьма добрый знак. Выходит, поверил, как верил всегда Малюте, когда тот говорил, что дорог не только день, но и час. И это была сущая правда, ибо Бомелей оказался предупрежденным (кем, предстояло выяснять) и ночью бежал из Москвы.

Оставшись наедине, Иван Васильевич спросил вполне серьезно:

— Чем порадуешь или озадачишь, слуга мой верный?

— Радости мало, а заботы вдосталь. В свое время посол твой, Савин, привез из Лондона Елисея Бомелиуса. Ты взял того Бомелея к себе, как доброго аптекаря, получившего знания в Кембриджском университете. Но либо Савина в Лондоне обманули, либо Савин не сказал тебе, государь, всей правды: Бомелей сидел в лондонской тюрьме по обвинению лондонского архиепископа в чародействе и колдовстве. Бомелея освободили лишь потому, что он согласился поехать на Русь. С тайной целью. Ты доверился ему, не ведая всей правды, и он многое для тебя делал, по твоей воле готовя яды и всякое иное зелье. Но, как я выяснил, служа тебе будто бы честно, на самом деле исполнял чью-то волю, готовя отравное зелье для тебя, государь, и сына твоего — царевича Ивана. Оттого ты и сын твой начали недомогать. Яд действует не вдруг, а медленно разрушает тело, подрывая здоровье. Кончина наступит не сразу, а спустя многие месяцы.

— В пыточную его! — стукнул Грозный посохом о пол. — Узнай непременно, по чьей воле он покусился на мою жизнь и жизнь наследника моего?!

— Бомелей нынче ночью бежал из Москвы. Проведал, что мне стало известно о его злодействе. Известить его мог только кто-то из близких к твоей семье. Я постараюсь узнать. Теперь же вели слать погоню.

— Немедленно.

— Я предусмотрел твою волю. Погоня готова скакать сию же минуту.

Однако Богдан не поспешил передать волю Ивана Грозного подготовленным для погони ратникам, ибо не сказал еще одного, не менее, — пожалуй, главного — о намерении Батория и его хитрости.

— Похоже, ты еще не все сказал?

— Да, государь. Вот тайная отписка, переданная мне дьяком сыска. Баторий намерен по Десне идти на Полоцк, наводя наплавные мосты через Свирь и Десну. Доверять поплававшему весте вполне можно.

— Можно-то — можно, но не слишком. С Баторием разногласица у меня из-за Ливонии. Он туда и двинет войско свое

маломощное. А Свирь — обманный маневр, оттого трогать свои полки я не стану. Он хочет выманить меня на битву в поле, но я не собираюсь идти у него на поводу. Пусть осаждает крепости, не имея достаточно стенобитных орудий. Пусть изматывает свои силы. А я погожу. Когда увижу, что пора — ударю наотмашь. Но об этом — держи язык за зубами.

Бельскому бы, как это делал Малюта, не склонять молча голову, а настаивать на своем, дабы усилил царь гарнизоны Полоцка и вообще часть полков перебросил из Ливонии на путь движения основных сил Батория в Русскую землю, но он не посмел больше ничего советовать, помня слова тайного дьяка: «Прежде, чем царь станет слушать твое слово, тебе еще много придется потрудиться».

А зря оробел. Грозный, не терпевший противного слова прилюдно, уважал тех, кто в личных с ним беседах твердо отстаивал свое мнение. Со временем Богдан Бельский поймет это и станет пользоваться в своих интересах; сейчас же он не перечил царю, не желая его гневить, ибо надеялся, что за Бомелея будет очинен боярством. Если не вот теперь, то после пытки крамольника и его признания под пытками обязательно.

Бомелея догнали довольно быстро, хотя он спешил и по возможности тайлся, но его подвела жадность: капитал он сколотил в Руси основательный на темных делишках своих и не решился его бросить, поэтому не мог, имея с собой несколько бричек, двигаться тайными лесными дорогами, а вынужден был держаться наезженных, от погоста к погосту. А на них как укроешься, если появился царский указ схватить беглеца?

Какую-то часть захваченной у Бомелея казны Богдан раздал хорошо исполнившим волю царя стрельцам, что-то передал в царскую казну, но себя нисколько не обидел. Бомелея же — в пыточную. И осталось Бельскому потирать руки, предвкушая новое торжество, основанное на показаниях допрашиваемого, но вышло не по-задуманному — Бомелей не назвал ни одного имени, хотя пытали его старательно.

Разгневанный Грозный повелел:

— На вертеле поджарить.

Он самолично присутствовал при столь жестокой казни и даже ткнул крамольника острым своим посохом в бок.

— Желал моей смерти?! Получай ее сам!

А на следующий день среди бояр и дворян поползли слухи, будто Бомелей, сам немец, исполнял волю Немецкой слободы, которая была недовольна привилегиями, какие имели английские купцы. Со смертью царя, доброхотствующему английскому двору, все, как они считали, изменится. Бельскому хотелось бы умолчать, ибо он понимал, откуда растут ноги, что подтвердил еще и тайный дьяк, сказавший без обиняков: «Сваливает с больной головы на здоровую», но разве мог он допустить подобное: дойдут до царя слухи прежде его, Бельского, доклада, может умолчание его обернуться бедой. Рыкнет Грозный, и никто не станет уточнять, на самом ли деле Бомелей немец.

Опречь души, но Богдан все же рассказал о слухах, которые появились среди царевых слуг, дворян и бояр, сделав, правда, упор, что это всего-навсего слух, а верен ли он, нужно еще проверить, но царь не обратил внимания на существенную оговорку. Бросил гневно:

— Гнездо папистов-латынян. Я дал им право торговать крепким хмельным, они наполнили богатством свои дома, из нищих превратились в вельмож, высоко задирающих нос. Но вместо благодарности платят злом! Наказание им такое: полное опустошение всех домов и позор прилюдный. Позор перед москвичами, коих они обирали в своих монопольных кабаках.

Взыграла душа Богдана Бельского в предвкушении доброй добычи. Если не получил боярства за столь важную услугу, как раскрытие покушения на царскую семью, то богатства основательно добавится.

Позже, в беседах с Горсеем, Богдан поймет, почему Грозный не велел дознаться истины, на самом ли деле Бомелей связан был с Немецкой слободой и с кем конкретно, а сразу велел карать всех поголовно. За этим повелением стояло желание царя угодить английским купцам, которые по ряду причин начали терять те привилегии, какими давно пользовались. Уповав на помощь Англии в борьбе с Баторием, Иван постарался выказать свое отношение к конкурентам английских купцов — немцам. Это была хитрая и дальновидная игра, жертвами которой стали многие совершенно не повинные люди.

Оценил тогда еще раз Бельский, сколь умен и прозорлив Годунов, уловивший желания царя и сумевший направить их в нужное ему, Борису, русло. Хитро он отвел от себя малейшие подозрения.

Впрочем, если Богдан сразу бы понял все это: и хитрый ход Бориса, и истинную цель Грозного, он все равно поступил бы так же. Взяв с собой добрый отряд стрельцов и составив обоз, в котором с десяток пароконюгов были его собственными, он окружил Немецкую слободу. Не велел стрельцам ни пытаться, ни насиловать, а применять силу лишь к тем, кто станет скрывать, где хранится его казна, очистить все дома до нитки, самих же жильцов, как мужчин, так и женщин, даже детей и стариков, раздевать донага и выгонять на улицу на позор.

Ограбление великое, но без жертв. И то слава Богу.

Государь доволен Богданом, ловко исполнившим его волю. Объявляет ему свою милость:

— Быть тебе посаженным отцом на свадьбе сына моего Федора с Ириной Годуновой. Позвал бы посаженным отцом или дружкой на свою свадьбу, но уже объявил дружками со своей стороны князя Василия Шуйского, со стороны невесты Марии Нагой — Бориса Годунова. А посаженным отцом — сына своего Федора.

— Благодарю за честь, — склонил голову Богдан.

Хотя, если рассудить, какая это честь? Быть на свадьбе самого царя у руки его, вот это честь, но у сестры Бориса — скорее унижение.

Остается, однако, одно: упрятать глубоко обиду и делать все так, будто и впрямь польщен милостью. Подошел день царской свадьбы. Грозный не просил благословения на венчание с девятой женой у митрополита, а велел ему венчать столь торжественно, словно первый раз царь идет под венец. Он, помазанник Божий на Русской земле и, стало быть, отвечает сам перед Богом за свои грехи. Патриарх не посмел перечить, отстаивая чистоту христианского права. Не хотел, понятное дело, быть облаченным в медвежью шкуру и затравленным собаками, как совсем недавно расправился Иван Васильевич с новгородским архиепископом.

Даже первая свадьба юного царя Ивана с Анастасией Захарьиной не была столь пышной и торжественной. Вышед-

ших после венчания в Успенском соборе молодых встречали толпы москвичей, битком набившихся в Кремль. Под ноги были расстелены персидские ковры до самого до Царского крыльца. Неисчислимо цветов, в которых даже путаются ноги, а на головы молодоженов горстями сыплются отборная пшеница, веянный овес и просо. Церковный хор и хор Чудова монастыря поет «Многие лета» во все свои иерихонские глотки, но ликующее многоголосье заглушает громогласную величальную.

За что любили простолюдины Грозного, понять трудно. При нем жизнь их не стала лучше. При нем на долю Руси выпало поистине неисчислимо страшных испытаний, однако, царю все прощалось. Необъяснимо, но народ горячо любил самодержца: он понимал это и принимал любовь к себе с достоинством, даже с гордостью. Вот и сейчас идет самодержец в одежде, шитой золотом и жемчугом, величаво, вроде бы даже не замечая, что творится вокруг, лишь иногда поглядывая с нежностью на идущую рядом молодую царицу, с пылающим от непривычного почета лицом, отчего это изумительной ладности лицо буквально завораживало прелестной красотой.

Внимательный взгляд, однако, мог вполне разглядеть в глазах юной царицы не только смущение, но и скрытую тоску от предчувствия не безмятежного будущего: царь стар и хвор, к тому же избалован донельзя, отдалил от себя уже восемь жен, не окажется ли и она в монастыре, когда стареющий страстолюбец натешится юной красотой? Подневольно, что ни говори, пошла под венец, не смея отказать царевым сватам, ибо знала: отказ приведет к печальному исходу не только для нее, но и для всей родни.

Но вряд ли кому приходило в голову вникать в истинные чувства юной царицы, великолепной лицом и изумительным станом. Все любовались ею, бросали ей под ноги цветы, обсыпали зерном, чтобы нарожала она как можно больше детей.

Покоряло москвичей и то, как смущена царственная красавица столь великим вниманием.

Отпировав установленное вековой обрядностью и даже сверх того, сразу же принялись готовиться к следующей свадьбе — царевича Федора и Ирины Годуновой. Не до по-

сольств, не до переговоров царю и его приближенным, хотя Баторий как раз в это время уже подступал к Полоцку, ловко зайдя к нему с подбрюшья. Обо всем забыли в Кремле, кроме того, как угодить царю, готовя свадьбу его младшего сына. Даже Богдан, получивший от тайного дьяка весьма тревожные сведения, не осмелился говорить о них царю-батюшке. Не понял бы тот попытки приостановить торжество посаженным отцом.

Дня за три до свадьбы Борис приехал в гости к Богдану. Снизолел. Пока готовилось угощение и накрывался стол, они вели уединенную беседу. Она шла не совсем ладно. Годунов взял сразу же покровительственный тон, а Бельский не принял его.

— Дьяк Тайного сыска слишком много о себе думает, — говорил Годунов. — Тебе надобно убрать его. Заменить своим. Он едва не подвел меня под пыточную. Хорошо, что я сообщил переложить вину на немцев. Если не уберешь его, вполне можем оказаться на вертеле, как Бомелей.

— Я не царь, чтобы по своей воле менять дьяков. Тем более — тайных. Тебе самому стоит действовать осторожней и продуманней. Не я, не сносить бы тебе головы. Тайный дьяк мне откровенно указал на тебя. Будто бы Бомелей твою волю исполнял.

— Ошибся он. С Бомелеем я не якшался. И все равно, зачем тебе было о нем говорить царю? Смолчал бы.

— Подставлять свою голову взамен твоей? Ты наследил, а мне ответ держать? Я к такому не готов. Да и уговора тако-го не было. И потом, раз ты не через Бомелея подносил царю зелье, не Бомелей готовил его, чего тебе тревожиться. А вот что меня тревожит. Тайный дьяк, думаю, знал все, знает и о нашей уговоренности. Если не точно, то догадывается. Рассудил я так оттого, что именно дьяк надоумил меня на Бомелея все свалить. Похоже, он его сам и предупредил о грозе над ним, посоветовав бежать из Москвы. Вот из этого мы с тобой должны исходить и действовать куда как осторожней. И еще я бы хотел, чтобы ты не говорил со мной тоном повелителя.

— Но я спас тебя от опалы за выкрутасы твои в Вольской земле. И еще не забывай, теперь я вошел в царскую семью. Не слуга я теперь, а член семьи.

— Все так. Только и тебе не стоит забывать, что я спас тебя от вертела. Квиты мы с тобой, действуя по тайному нашему уговору помогать друг другу в беде. Скажу тебе так, либо мы равные в делах наших условленных, либо всяк по себе. Только думаю я, печально окончится для нас наш разнытик. Для тебя же — в первую голову. Вошел ты в царскую семью долгими усилиями, а вылетит аки пробка из бочки с сыченной брагой. Не забывай, я — оружничий. Не только Тайный сыск в моих руках, но и аптекари с лекарями тоже.

Не ждал подобного отпора Борис. Он уже считал, что схватил Бога за бороду и можно теперь подминать под себя всех и вся, а — нет. Не по зубам Богдан. Время, видимо, еще не подошло. Оно придет. Если, конечно, не ломиться в открытую дверь. Пока стоит, если есть нужда, повременить, приостановиться у порога. Или даже отпяться. Протянул руку Богдану.

— Извини, если ненароком высокомерил. Друзьями мы были, ими и останемся.

— Принимаю. И вот совет тебе: зельем в малых дозах не пои ни того, ни другого. Еще покойный Малюта мне говорил: привыкнет организм к малому, устоит против большого.

— К моему зелью не привыкнут. Оно медленно разрушает тело, но неотвратимо. Когда же все привыкнут, что царь и царевич хворые, кончина их поочередная не вызовет криво толков.

— Осторожней действуй. Я, конечно же, всячески стану оберегать тебя, но я — не царь.

За Богданом последнее слово. Надолго ли?

Услышав приближающиеся к двери шаги, они враз сменили тему. Заговорили о предстоящей свадьбе, словно ради этого и уединились.

— Нет, не ловко венчаться в Успенском соборе, где только что венчался наш государь, — будто бы продолжал с жаром отстаивать свою точку зрения Борис Годунов.

— Не нам решать, — вроде бы стоял на своем Богдан. — Как Иван Васильевич определит, так мы, холопы его, и поступим.

Слуга постучал в дверь и, приоткрыв ее, доложил:

— Стол накрыт. Боярыня самолично готова потчевать гос-тя кубком фряжского вина.

— Что же, пойдем, — пригласил гостя хозяин. — За трапезой продолжим разговор.

Он не случайно сказал эту фразу: кравчий, звавший их к столу, как раз и был согладатеом тайного дьяка, вот и нужно было сбить его с толку.

За столом они беседовали только о предстоящей свадьбе. Борис фантазировал, Богдан всякий раз отвечал смиренно:

— Как определит государь наш. Все пойдет по его слову.

Никто не остался доволен этой вечерней встречей. Согладатаем тайного дьяка досадовал, что не мог уловить хотя бы кончик главного разговора хозяина с гостем (а он был уверен, что не ради свадьбы они встретились) и теперь не получит от дьяка ни гроша; Годунов болезненно переживал, что не удалось поставить себя выше Богдана, а наоборот, пришлось уступить первенство ему; Бельский же, оценивая поведение Борисово, обдумывал, как и впредь держать властолюбца в узде, не позволяя ему уросить, а тем более закусывать удила.

«Не должен я пропускать его вперед себя. Не пропущу!»

Самонадеянность. Уже через три дня, во время венчания Федора с Ириной, он станет всего лишь посаженным отцом, а Борис, на правах брата царевны, сядет за стол по правую руку царевича, а царевич Федор, было видно, с любовью взирал на шурина, как не только на нового родственника, но как на близкого друга.

«Сумел влезть в душу слабоумного. Скорее всего, советными молитвами».

А через несколько дней после свадьбы сбылось пророчество тайного дьяка: царь позвал Богдана Вельского в комнату для личных бесед. И — сразу:

— Собирайся в Архангельск. Встречать Горсея. Знаешь ли, о чем я его просил?

— Да, — решил не лукавить оружничий. — О припасах для рушниц и огненного снаряда. И еще одно, не менее важное, посватать за тебя английскую королеву.

— Ишь ты, не зря, выходит, очинил я тебя оружничим. За малый срок проник в самые тайны.

— Обязанность моя такая. Не дело с повязкой на глазах. Не могу.

— И не моги. Для тебя не должно быть никаких тайн.

Помолчал немного, затем заговорил повелительно:

— Встретив Горсея, не говори с ним о сватовстве. Об этом у меня с ним отдельный разговор. Твой урок — проводить груз до Вологды. Посуху ли, водой ли, решать тебе. В Вологде примет груз подъячий Разрядного приказа. Он знает, что с ним дальше делать. Тебе же везти Горсея в Москву. Но прежде непременно покажи корабли, которые я строю. Их уже, должно быть, сорок. Да так сделай, чтобы не ударить в грязь лицом.

— Понятно. Все исполню, как надо.

— Поспешай. Тебе еще насады²⁴ и учаны²⁵ ладить предстоит. Лучше всего в Холмогорах. Оттуда плевое дело скатиться в Архангельский порт. Рукой подать.

— А если англичан принять в Холмогорах?

— На парусах вверх? Не на галерах же груз прибудет.

И в самом деле ляпнул не подумавши. На парусах вверх по течению можно плыть только при сильном попутном ветре, да и то медленнее черепахи. Ладно, урок на будущее: не раскрывай рта, не знаючи нужного слова.

Грозный смотрит с ухмылкой и советует:

— Ты не тычься в соски слепцом, не кажись пустомелей-всезнайкой, больше слушай поморов и на ус мотай. Тогда все ладом пойдет.

Какой раз ему дают дельные советы, но проходит время, и он забывает о них. Не гоже такое. Особенно когда столкнешься с новым делом.

Определил Богдан для себя такой порядок: в Вологде остановиться на пару дней, побывать у судостроительных мастеров, все самому оглядеть, обо всем порасспросить, что не совсем понятно, дабы с Горсеем речи вести знающие; а в Холмогорах не указывать, какие суда ладить, лишь про груз рассказать и что тем судам с грузом путь в Вологду.

Так и сделал. О многом сам узнал, но, главное, выбрал тех, кто станет знакомить английского гостя с построенными кораблями. Чтобы, значит, с гордостью за свою работу, а не с заискиванием перед иноземцами, которые любят хвалить только себя, а русское оплевывать, относясь к Руси с пренебрежением.

В Холмогорах задержался дольше. Послал слуг своих, дабы своевременно они известили, когда причалят в Архан-

гельском порту английские суда, сам же гостевал у воеводы городской стражи. Но не в безделии время проводил: то встречался с вожжами, знающими речной путь до Вологды, отбирал из них самых уверенных в себе, гордых своей работой, своим авторитетом у поморов, к тому же не лазающих в карман за словом; то проводил весь день в артелях судостроителей, которых определили ладить учаны: груза они берут много, а осадку имеют малую. А чтобы ненароком не подмочить груз, вода для которого губительна, решили послы делать повыше, но даже на низ все же грузить вначале свинец и медь, а уж поверх них все, что боится воды.

— Если осмолим основательно днище, груз не попортится. Голову наотрез даем, — утверждали мастера. — Не опасайся, боярин. Мы же понимаем, сколь важен груз из Англии.

Богдан верил мастерам, но каждый опущенный на воду корабль проверял не единожды, сухо ли в трюмах, не потеют ли борта. Артельные обижались на дотошность оружничего, но он, сходя на берег, всякий раз жаловал им добавку к договорной цене, и обида исчезала.

И все же, несмотря ни на что, выкроил Богдан денек для охоты на уток, гусей и лебедей. Молодняк уже встал на крыло, можно без зазрения совести пострелять.

Воевода расстарался. Не только подготовил уйму каленых стрел для самострелов, но и запаса на всякий случай рушницами. Вдруг гость захочет по сидячим жакнуть дробью. А на место охоты загоня выслал пару ловких в охоте ратников, чтобы выставили бы они чучела да подновили скрадки.

Выехали затемно. Миновали ворота, рысью прошли выпасы и сенокосные луга, еще пару верст до Даниловки и за этой деревней — в лес. Вековой. С густым подлеском. Темно, хоть глаз коли, хотя заря уже высветила восток, когда они сворачивали к лесу. В два счета можно заблудиться даже хорошо знающему его, но проводник вел охотников уверенно, иной раз даже пуская коня рысью, и к лесному озеру они выехали как раз к тому времени, когда оно начало просыпаться.

Светлело быстро, и озеро раскрывало свою изумительную красоту. Вода нежной голубизны еще бездвигжна. Лишь прибрежный тростник нарушает предутреннюю тишину

всплесками, хотя еще полусонными. Спросонок и незлобная перебранка крикух, приглушенный говорок гусей, да все чаще и чаще всплески вышедших на тропу охоты щук и окуней — тростник жил своей предутренней жизнью по извечному природному укладу.

Вот первая пара лебедей скользит по воде из тростниковой прогалины, величаво изогнуты их шеи и, будто не глядя друг на друга, ведут о чем-то своим утреннюю беседу, едва задевая мягкими боками сонные лилии, пока еще не распустившие нежно-восковые цветы.

Вот еще одна пара, вот еще. Следом — гуси. Эти не парами, а крупными стаями. Озерная гладь сразу же всколыхнута рябью, а то и волнами, если сразу два или три гуся начинают разминать от ночного безделья разленившиеся крылья.

Вот время и для уток. Крикухи попарно, чирки стайками, красногрудые и крохали табунками, как и гуси. Раздолье для стрельбы. Выбирай любую приглянувшуюся птицу, стрела непременно достанет, спусти только крюк, выцелив. Но охотники не берут в руки самострелы: грешно бить сидячую дичь. Вот когда поднимется она на крыло, чтобы лететь на поля для кормежки, вот тогда — самый раз проверить меткость глаза своего и ловкость. И пусть не на воду шлепнется подсеченная каленой стрелой дичь, а в прибрежный тростник или даже в лесной ерник, что за спиной охотников, собаки разыщут добычу и поднесут к ногам воеводы. У воеводы их, натасканных и на водоплавающую и на боровую дичь, целых полдюжины. И все они здесь. Терпеливо ждут команды.

По мере того как гуси, утки и даже лебеди все чаще помахивали крыльями, сгоняя ночную дремотность, Богдана все более и более охватывал азарт. Несчетно он вот так встречал рассветы на озерах в ожидании, когда дичь поднимется с воды, но обрести спокойствия так и не сумел. Более того, первые табунки, какие, поднявшись с воды, потянутся на поля, вызывают у него такую суетливость, что стрелы его летят мимо, как у начинающего неумехи. Он злился на себя, пытался сжать себя в ежовый кулак, но ничего не помогает. Успокаивается лишь тогда, когда лет пойдет массовый, а успокоившись, выказывает и меткость глаза и точность расче-

та. Но если в его усадьбах слуги и домочадцы знали эту слабость, если знали даже те, кто готовил царскую охоту, то здесь он новичок, и суетливость его наверняка станет предметом пересуда и завтра же, и даже после отъезда — Бельский, понимая это, ничего не мог поделать с собой: он сгорал от нетерпения, руки судорожно сжимавшие самострел, предательски подрагивали.

Первой зашлепала по воде стайка чирков. Взмыла вверх и, описав над озером дугу, полетела на поле как раз над головами охотников, сидевших в скрадках. Не очень это ловко, лучше, когда утка летит чуть в сторонке, тогда удобнее рассчитывать, куда целиться, но не охотник выбирает путь табунку, а табунок летит там, где считает более удобным.

Пять каленых болтов взмыли наперерез чиркам, и четыре из них угодили в цель. Только болт Богдана пролетел впустую и затерялся где-то в ернике.

Вторая стайка чирков, и вновь болт оружейного улетел в ерник. Лишь когда на скрадки потянула четвертая стайка, на сей раз красногрудок, Богдан выцелил головного селезня и сбил его к своему великому удовольствию — по головным стреляют очень уверенные в себе охотники. Ну, а после этого, он показал всем, каков он стрелок. Ни одного промаха, что никому из напарников не удавалось.

Отлет на кормежку окончился. Теперь ждать часа три, пока птицы кормятся на полях, где после уборки хлебов, гречи и проса много осталось и для перелетных птиц. Мужики даже специально оставляли на межах необмолоченные снопы, а то и разбрасывали их, рассупонив, чтобы птице было удобнее клевать. Делалось это и сердобольства ради, но и с выгодой: есть где стае покормиться перед дальней дорогой, там она переждет недельку-другую, и охота будет отменной.

Первый табунок прошелестел крыльями над головами охотников, но никто из них не пустил стрелы вдогонку. На чучела надежда, расставленные на якорьках вдоль берега близ скрачков. Утка не разбирается, ловушка ли для них, или в самом деле сородичи спокойно отдыхают на воде, а значит здесь безопасно.

Вот табунок, развернувшись над озером, идет на посадку к чучелам. Теперь не зевай.

Выбита из табунка четверка. На сей раз промазал сам во-евода. Он даже крикнул от досады. Остальные красногрудки, рассыпавшись в панике, улетели в дальний угол озера. Это не очень хорошо, ибо теперь не все возвращающиеся с кормежки утки, гуси и лебеди попадутся на обман, часть их сразу полетит в компанию красногрудок.

Ничего не сделаешь. Теперь — что Бог даст.

Бог дал хорошую охоту и на возвратном лете. Когда лет утих, пустили в воду собак, и те зачелночили, принося к ногам хозяина настрелянную дичь. Даже в тростнике вылавливали всех подранков. А вот за чучелами пришлось пускать лодку: собаки проплывали мимо чучел, либо вовсе не обращая на них внимания, либо презрительно фыркая.

Охота окончена. Теперь можно и пображничать. Чуть поодаль от скрадок, на уютной полянке у берега звонкого ручейка, сбегавшего в озеро, развели костер, когда же нагорело достаточно углей, закопали в них на каждого охотника по чирку, тщательно обмазанных глиной, чтобы ни одно перышко не выглядывало, иначе мясо пропахнет горелым пером; в ожидании же, пока чирки поспеют, принялись закусывать медовуху и фряжское вино привезенной из домов снедью.

Лепота. Отдохновение полное. Время несется вскачь. Спихватились, когда солнце собралось нырнуть в свой ночной уют.

Вернулись домой охотники довольно поздно, но дворян еще не спала, дожидаясь хозяина. Вместе с дворней ждал своего господина и слуга Вельского, прискакавший из Архангельска. И сразу же с докладом:

— Как пальнули из пушек англичане, давши знать о своем прибытии, я — в седло. Вожа для проводки кораблей по стреженю я попросил высылать без спешки. Не раньше завтрашнего обеда он приведет корабли в порт.

— Спасибо за весть. Завтра, Бог даст, скатятся по Двине к порту насады. Нам же с тобой — посуху. Коней приготовь к рассвету.

Дорога от Холмогор до Архангельска торная, кони ходкие, и вышло так, что Богдан слез с седла на пристани в самый раз: первый английский корабль подходил к причалу. На его палубе, скрестив руки на груди, как великий мыслитель, стоял Горсей.

Джером Горсей и Богдан Бельский хорошо знали друг друга, но не выказывать же свое доброе отношение прилюдно. Не простолодины они, да и не на посиделки съехались, чтобы махать друг другу руками или скинутыми шапками, а тем более раскланиваться преждевременно, не по протоколу, определяющему поведение посла английского и встречающего его пристава. Так они и поступят, ни пяди не отступив от протокола, и лишь потом, за трапезой в каюте ли капитана корабля, в доме ли начальника порта, где он определил остановиться по совету тайного дьяка, они смогут поговорить откровенно по душам.

Расчет, однако же, оказался не при деле. Не получилась беседа душевная. Какой-то ершистой она оказалась. Неожиданно, можно сказать. После традиционных приветствий и осмотра прибывшего корабля, где капитан угостил оружейного чаем. Там же, в каюте капитана, Горсей коротко доложил, чего и сколько привезено, предложил даже осмотреть груз на первом корабле, а затем на остальных по мере их подхода, но начальник порта воспротивился:

— С осмотром груза и приемкой успеется. В лес он не убежит. Теперь пошли ко мне в дом. На обед по-поморски.

Дом начальника порта срублен из мачтовых сосен сажень по двенадцати. Суров вроде бы, без всяких излишеств, но так ловко подогнаны бревно к бревну, что диву даешься мастерству плотников. Будто краснодеревщики поднимали дом. Горсей даже пощупал, когда поднялись они на гульбище, стыки меж бревен и покачал головой, восхищенный. А начальник порта Никанор Хомков пояснил, как бы между прочим, не похвальбы ради, лишь для сведения гостям:

— Без единого гвоздя дом. И без мха даже.

Не понял Горсей, отчего без мха и вообще для чего мох нужен в стенах дома, его место на болотах, но расспросами не унизил себя, хозяин же посчитал сказанное вполне достаточным и радушным жестом пригласил в дом, двери которого были гостеприимно отворены.

В сенях — половик домотканой работы, узорчатый, любо поглядеть, а к ноге мягок, словно по мшистой низинке ступаешь. Дверь в просторную комнату для праздничных обедов тоже открыта настежь. Хозяйка встречает гостей низким поклоном и ласковым приглашением:

— Проходите за воронец, дорогие гостюшки.

Не только Горсей, но и Богдан не поняли, за какой такой воронец проходить. На полу мягкая узорчатая полость, по стенам — лавки, застланные полавочниками, тоже узорчатыми, между лавками — горки с посудой, местной и заморской; в центре комнаты — стол из карельской березы, не покрытый скатертью, чтобы не скрывать красы Богом данной и ловкими руками краснодеревщика выглажен до приятно-го блеска; у стола тоже лавки с мягкими полавочниками — где же воронец?

Он над дверью. Во всю стену тянется широченной доской. У поморов извечно установлено так: переступить порог дома может каждый, но дальше — ни шагу. Стой под воронцом до тех пор, пока хозяева не пригласят.

Об этом Богдан узнает после трапезы, порасспросив хозяйина, пока же, подчиняясь приглашающему жесту хозяйки, прошел вместе с Горсеем к столу.

— Садитесь, где кому удобно, — предложила хозяйка, говоря этим, что все чины остались за порогом, за столом же все равны.

Конечно, стол не имел такого разнообразия, как, к примеру, у московского боярина, но и здесь обильность и основательность блюд покорила. Особенно аппетитно гляделись ловко нарезанная семга, будто вспотевшая каждым ломтиком серебряными капельками, и янтарный от умелого копчения морской окунь; даже лебедь на огромном подносе, словно плывущий по морошковой полянке не так привлекал взор своим величием, как семга-царица, как окунь-янтарь, как зажаренные до приятной коричневости крутобокие хариусы, с которыми соседствовали белые грибы, а как завораживали взгляд подовый хлеб, шаньги, хворост, обсыпанный сахарным песком, пузатые пирожки с различной начинкой, рассчитанной на самого капризного гостя — Джером Горсей даже крикнул от удовольствия, будто оставил под воронцом свою расфуфыренную чванливость и словно по мановению волшебной палочки превратился в обыкновенного человека. Увы, на малое время.

— Что ж, начнем, благословясь? — мягким спросом прозвучало приглашение хозяина. — Чарка крепкой медовухи либо кубок фряжского вина, думаю, не станут лишними по-

сле утомительного пути, что морем, что посуху навстречу друг другу.

Кто ж от добра откажется? Это тебе не стакан чая вприглядку, хотя с серебряным подстаканником.

Все началось по-домашнему ладно. Хвалили ловкие руки хозяйки, говорили о щедрой обильности поморской земли, и вдруг все изменилось: Горсей, подняв чарку с крепкой медовухой, окинул гордым взором и стол, и сидевших за столом, помолчал многозначительно, продолжая держать высоко поднятую руку с чаркой, как бы подчеркивая этим всю важность предлагаемого тоста, и вот заговорил с величавой торжественностью:

— Я предлагаю выпить за нас, англичан, кто открыл для вас, русских, такое прекрасное место для порта. Если бы не мы, стоял бы здесь густой лес, полный медведей и волков, и не сидели бы мы вот за этим столом. Выпьем за мореходов-англичан, чьи корабли плавают по всем безбрежным морям и океанам, открывая все новые и новые земли, на которых с нашей помощью начинается новая жизнь...

Гость явно не закончил свое словесное излияние, но хозяин довольно резко осадил его:

— Тебе, хотя ты и гость, пить одному. Не обессудь. Или вдвоем с приставом твоим. Я же повременю.

— Я не хотел никого обидеть. Я только говорю правду.

— Правду? — хмыкнул Никанор. — А ты ее знаешь?

— Как мне не знать правду о своих мореходах, о своем предприимчивом народе? И разве не правда, что корабль королевы английской Елизаветы первым вошел в устье Северной Двины, после чего ваш царь повелел строить здесь порт.

— Верно, до вас в устье Двины порта не было, но только потому, что он не слишком, как мы считали, удобен. Так считали и наши деды, наши пращуры. Ветрено здесь. В Холмогорах уютней. А глубины вполне позволяют морским судам туда заходить. Впрочем, сюда, как и в Холмогоры, вы ни в жизнь бы не вошли, не повели царь Иван Васильевич: встречать вас проводниками-вожами. Сколько рукавов в устье Двины? Не посчитал? То-то. Все они приглядные, а сунься незнаючи, тут же на банке окажешься. Иль тебе неизвестно, гостюшка заморский, как вы наше море Студеное нашли? Поморам оно, да и Батюшка ледовый издревле изве-

стны. Промышляли мы испокон веку на Груманте, на Новой Земле, на иных заледенелых островах, что месяц иль два пути на Восток. Мой род идет от Хомковых, знаменитых тем, что братья-промышленники со товарищи четыре года огоревали на Груманте. Вернулись живыми и вполне здоровыми. Детишек нарожали. У каждого вожа — чертежи заливов и губ спокойных, носов и банок. Делились вожи ими, но и свои секреты имели. Потому на совете вожей решили свести все в единый чертеж и поднести его царю-батюшке, не ломал бы он копыя за Балтийское море мелководное, а устремил свой взор на моря вроде бы не очень приветливые, но по ним можно ходить до Китая и Индии, в Америку. Поморы в эту самую Америку хаживали много сотен лет. Промыслы там отменные. Так вот, свели мы все чертежи в единый, отправили в стольный град, но вышел из этого не просто пшик, а худо вышло: запрет получили мы царский ходить морем на Восток. Слух до нас дошел, что украдена та наша карта. Не к вам ли она попала? Не по ней ли вы вошли в Студеное море через горло его? Войти-то — вошли, только укусить локоть не смогли, пока мы от царя указ не получили вас пускать. Иль тебе неведомо, гость благородный, как порешили вы жизни рыбака нашего Гурия Гагарку, который не согласился повести вас в устье Двины по верному стреженю? Так и не укусили вы тогда локтя, хотя вот он, под боком, почти у рта. Иль Ивана Рябова, кормщика нашего, из головы вон? Захватили его ваши горе-мореходы, велели вести в устье Двины. Он повел вроде бы. Но посадил на банку как раз супротив Новодвинской крепости, а сам — в воду. Он доплыл, а ваш корабль чем встретили? Ядрами, мил человек. Ядрами. А не поленьями из глухого леса.

— Погоди-погоди, — остановил начальника порта Богдан. — Не о нем ли воевода Новодвинской крепости доносил как об изменнике? Покойный Малюта мне сказывал о нем, об Иване Рябове.

— Его бы героем величать, а вместо того, в подземелье с кандалами. Слава Богу, нашлись рассудительные дьяки в Москве, выпросили бедолаге царскую милость. Выпустили его и позволили дальше вожить. Но не об этом мое слово, а вот ему, гостю заморскому, на его похвальбу.

Слушал Бельский хозяина гостеприимного дома, узна-

вая для себя много нового о жизни и плаваниях поморов аж до самой до Америки, удивляясь одновременно, как изменился Никанор Химков, став вдруг не гостеприимным добряком, а грубияном, не стесняющимся обидеть гостя, — такое может произойти с человеком, если его заденут за живое, унижат донельзя, оплюют святая-святых; удивляло Богдана и то, как сник Горсей — знал, выходит, что не они открыли место для Усть-Двинского порта, пришли на готовенькое и лишь добились у царя его строительства и монопольного права вести через этот порт единоличный торг.

Но если знал, чего же куражился?

«Поделом чванливцу. Урок знатный. Спеси поубавится».

Ошибался Богдан. Отповедь Никанора Химкова не пошла на пользу Горсею. Он еще не единожды получит по носу и во время плавания до Вологды, и в самой Вологде.

Перегружали привезенное Горсеем из трюмов английских кораблей в трюмы насадов добрую неделю. Вожи потопрапливали артели грузчиков, ибо знали, что вот-вот вода спадет, и как только уйдут они с Двины, намыкаются на перекатах. Грузчики не волюнили, работали с рассвета до полной темноты, падая с ног от усталости. Иные даже засыпали в трюмах на мешках, и все одно основательно опередить время не смогли. Когда пошли на веслах вверх по Двине, кормщик учана сокрушенно вздохнул:

— Намаемся. Как пить дать — намаемся. Даже Богдану, не знавшему речных повадок, было ясно, что Двина обмелела. Определил он это по заметно оголившимся берегам. Он даже подумал, не послать ли в Вологду гонца, чтобы готовили там обоз для груза, но прежде все же решил посоветоваться с вожами, и те успокоили его.

— Прорвемся. Не впервой. Двину нашу Северную пройдем легко. Меньше воды — легче грести. По Сухоне аж до устья Лузы тоже пройдем, должно, без помех. Проскочим, Бог даст, и до Нюксеницы, а то до самой до Тотьмы, дальше вот — дальше видно будет. Все одно, оттуда слать за обозом сподручней будет. Наш совет: прежде времени не стоит кричать караул. Холсты парусные мы прихватили с собой для запруд. Станем поднимать воду на перекатах.

Не совсем понятен ответ вожа. Вернее сказать, совсем непонятен. Если бы по воде шли, тогда ясно: перегородил ре-

ку, дождался подъема воды до нужного уровня, отпустил парус-запруду и — скатывайся по волне до новой глубины, но они же идут против воды. Однако Богдан не стал переспрашивать, боясь показаться бестолковым. Он справедливо заключил: придет время — увижу своими глазами.

Разумно поступил: поморы с презрением относятся к тем, кто не знает, как испокон века славянорусы одолевали перекааты на своих судах. Тут же они лепили кличку, самая мягкая из которых — чистоплюй.

Медленно, но без остановок полз по Двине караван-наседов с учаном во главе. Его построили специально для Горсея и Бельского с их слугами. Даже соорудили палубную надстройку из двух кают. По мнению корабелов, они были очень уютными и вполне приличными для временного жилья. Иное, однако, мнение оказалось у Джерома Горсея. Только он переступил порог отведенной ему каюты, как не сдержался:

— В Англии стояла для скаковых просторней.

Вож, провожавший гостей, насутился, но смолчал. Сделал вид, будто ничего не услышал, и Богдан. Он-то оценил заботу поморов о заморском госте, заодно и о его приставе — на учанах, как и на насадах, как на лодьях надстройка только для вахтенного рулевого и вожя, да и та полуоткрытая. Спят же матросы и вож в одном кубрике под палубой. Под палубой готовится пища, под палубой и трапезуют. Но это не от неприязнительности к быту, это вынужденная неприязнительность, приспособленность к суровому российскому климату. Особенно северных земель. Горсей же сопел-сопел, наконец прорвало его:

— Вы, русские, не любите себя. У вас нет гордости. Капитан спит рядом с матросом в тесном кубрике! Где это видно?! А вот эта каюта для меня, посланца царя вашего?! Разве в ней можно жить?!

— Гроза налетит, узнаешь, можно или не можно жить. А северок, не дай Бог, потянет, враз вниз спуститься. Даже сруб поставь на палубе, не помеха он большая для северка — моментально зачоченеешь, без печки если.

Не убедил ответ вожя Горсея, он продолжал разглагольствовать об уважении к себе, об особом положении капитана на судне, вож терпел-терпел, да и не вытерпел:

— Ты, мил человек, на свой аршин поморов не меряй. Мы — единая семья. Особенно, когда на воде. Чванливость у нас осудительна. Задерешь нос, из вожен — под зад коленом. Это вы там, в Англии своей, расфуфыренными ходите, с простолюдинов три шкуры дерете, у нас тоже такие есть, но не среди поморов, а в низовских землях. Но нам они пока не указ, мы живем, как пращурьы наши жили.

— Не горячись, — попытался остепенить вожя Богдан Бельский, но вызвал еще больший запал в отстаивании правды-матки.

— Мы — не бояре. Нам царский гнев не страшен. Да он не достанет нас. Без нас держава не проживет, если мастеровых начнут казнить. На нас, трудовом люде, земля наша русская стоит. Ты вот, боярин, рассуди, кто из нас хамничает? Он только что говорил об особом положении капитана на корабле, сам плюет мне, вожу, в лицо. Вот я и говорю: не мерь на свой аршин. Мы-то, вожь, нагледелись на порядки у англичан, немцев, голландцев. Только у норвежцев почти так же, как у нас. Дружно. У остальных же команды с миру по сосенке, а не мореходцы. Их в узде держать нужно, оттого капитаны у них в отдельной каюте и при оружии. Бояться, кабы в море не скинули. А у нас команды не бесятся. Никогда такого не было. Вожу поперек никто слова не молвит. Посоветовать — посоветуют, но приказам вожя не прекословят.

— Даже если вож ошибается?

— И тогда. Вот когда вернешься домой, тогда судись. Собирай совет вожей и говори свою правду. Совет рассудит. Виноват вож — вон его, не прав обвинитель — ему тоже моря не видать. На год отлучат, а то и на целых пять.

Горсей внимательно прислушивался к диалогу вожя с приставом и не мог понять, отчего оружнический терпит грубый разговор с собой. На их, английский корабле, за такое вздернули бы наглеца незамедлительно или, в лучшем случае, прополоסקали бы в море на лине несколько часов.

Бельский же, согласившись с правдой вожя, думал о другом: насколько обижен Горсей зуботычинами словесными и не доложит ли он Грозному о плохой заботе о нем пристава, что весьма и весьма нежелательно. Оттого он все же попросил вожя настойчиво:

— Учитывая особенность заморского гостя, мирись с его

капризами. Он царев посланник, сделавший многое для пользы Руси. Переиначить же себя он не сможет, как ты ему ни выговаривай.

— Ладно. Что уж там...

Вож и в самом деле стал вежливей в обращении с гостем, но и Горсей тоже заметно изменился. Пошла, видимо, на пользу взбучка. В общем восстановился мир и покой, беседы велись дружелюбные, но более всего Горсей любил, когда позволяла погода, смотреть на берега, медленно уползающие за корму, а вож часто, когда позволял стрежень, подходил к нему и с увлечением рассказывал о поморском житье-бытье, о многого-дичных плаваниях промышленников к ледовым островам, о терпеливом ожидании их на берегу, о празднествах после их удачного возвращения — Горсей слушал внимательно, хотя вряд ли мог оценить в полной мере такое откровение, проникнуться душой — он просто не представлял себе всей неуместности поморской, их жадных поисков чего-то нового, неизведанного. Они для него были тайной за семью печатями, ибо сам он ни разу не ходил в море даже на несколько месяцев, к тому же он вырос в Англии, где совсем иные условия жизни, иной климат, вырос в аристократической среде, изнеженным, лишенным заботы о хлебе насущном, хотя, впрочем, он тоже был по-своему непоседа. Для него все, что он слышал, было, конечно же, интересно, сопереживать же он просто не мог по причине совершенно не известного для него мира.

Северная Двина меж тем день ото дня сужалась, течение ее слабело, и вот вож объявляет:

— Через пару дней войдем в Сухону. В ней встречная струя легче, пойдем спорей. Неделю пути, если не запряжаты перекаты, и мы — в Вологде.

Не зря оговорился вож. Как он прежде предполагал, помех не встретилось до Лузы никаких, а вот до Тотьмы пару вынужденных остановок случилось: чуть-чуть не удержали руля на третьем насаде и сел тот на мель. Дно вроде бы мягкое, илистое, но захватило киль будто клещами. Без лебедки не обошлось. Почти полдня потеряли, пока караван вновь пополз вверх.

Но все трудности, как оказалось, ждали их еще впереди, когда миновали Шуйское и до Вологды оставалось всего ничего. Учан вгребся в затон, плоский песчаный правый берег

переходил отлого в заливной луг, левый же — сплошная стена с гнездами-дырками стрижей, которые порхали беспрестанно над корабельными мачтами, вспугнутые редким чудищем. Вода под обрывом иссиние-черная, стало быть, приличной глубины омут.

— Вот здесь бросим якорь, — сообщил вож. — Оглядимся. Пощупаем перекат, пустит ли насады.

Караван как шел гуськом, так и встал, подчиняясь поднятому на учане стояночному сигналу, с учана спустили шлюпку, на которой встал самолично вож с глубокомером в руке. Прошли немного и воротились.

— Будем прудить, — сообщил Богдану вож. — Не менее полудня для проводки через этот перекат, а там, должно быть, еще пара или даже тройка. Тебе, оружничий, слать бы гонца за конями да ехать посуху в Вологду. О грузе не сомневайся, доставим в лучшем виде.

— Верю. Только если что случится, головы мне не сносить.

— Если суждено случиться, разве ты огородишь от лиха? Твое дело глядеть в безделии.

— И то верно. Вели спустить лодку для гонца.

Вскоре лодка погребла вверх, и тут началось самое главное и самое интересное для Вельского, но более для англичанина. Поначалу тот не понимал, что речники собираются предпринять, чтобы преодолеть мелкое место на реке; он даже пожимал недоуменно плечами, видя, как матросы грузят длинную парусину на несколько лодок, установившихся гуськом, а погрузив, угребают с ней вниз по воде. Еще на двух лодках повезли туда же канатные бухты. Горсей даже спросил с ухмылкой:

— Не перегораживать ли реку собрались?

— Хотим, — совершенно обыденно ответил вож и добавил: — Увидишь своими глазами.

А они у англичанина на лоб полезли, когда сразу же за последним насадом одни матросы начали нанизывать на канаты парусиновую полость, которая имела кольца и по низу и по верху, другие — собирать камни поершистей и поувести-стей, а пара молодцов принялась забивать длинный железный клин у самого берега, а забивши его, переправилась на другой берег и вбила такой же клин и там.

Когда парусиновая полость была нанизана, конец нижнего каната закрепили на клине, верхний же, более длинный, завели за столетний дуб, вольно раскинувшийся саженьях в двадцати от берега. Две лодки, захватив концы канатов, потянули полость на противоположный берег, остальные матросы ловко крепили на нижний канат камни-грузила. С каждым метром ход лодок становился все трудней, но все же они догребли до противоположного берега.

Теперь — проще. Натянув посылно нижний трос, закрепи его за железный клин, верхний же заводи за стволы нескольких сосен из опаски, что одна сосна, даже матерая, не выдюжит напора воды, ибо корни сосны неглубоки и их может выворотить.

Заключительное действие — натяжение верхнего каната, чтобы поднять парусину, образовав из нее запруду. По дюжине матросов с каждого конца, а на берегу звонкоголосый:

— Раз-два — взяли! Еще раз — взяли!

С великим трудом, но натянут струнно верхний канат, парус надулся, словно под напором шального ветра, канат подрагивает лихорадочно, но держит напор воды, которая начала быстро подниматься.

Вож учана стоит на носу своего судна и глядит на воду. Вроде бы ему страшно интересно, как бежит ее все более и более утихомиривается, струи, натыкаясь на силком остановленную воду, крутят мягкие водовороты. Кажется, кроме любования рукотворными водоворотами вож больше ничего не занимает — не спускает он с них взора. И вдруг, ни с того, ни с сего — команда:

— Весла на воду! Якорь поднять! Сигнал на мачту: «Следуй за мной!»

По каким признакам вож определил, что пора грести вперед, для Бельского так и осталось загадкой.

Запенилась вода под взмахами весел, ходко пошел учан, ибо вода в реке не встречная, словно в настоящем пруду, а вожу все мало. Поторапливает зычно:

— Навались!

Насады тоже, подняв якоря, идут следом, как и прежде гуськом, лишь основательно сократили меж собой расстояния. Почти упираются носами в корму идущего впереди.

Далеко от переката учан увел караван, пора бы и остановиться, чтобы забрать парус-запруду, но вож все подбадривает гребцов:

— Навались!

Лишь когда версты на две от переката отгреб последний насад, вож скомандовал сушить весла, и вскоре несколько лодок погребли к запруде.

Освободить парус-запруду проще: отвязал концы верхнего каната и бросил его, вода сама придавит помеху к самому дну и устремит свой вольный бег, выравниваясь до привычной своей ровности.

Даже здесь, далеко от запруды, почувствовался устремленный бег воды, якорные канаты струнно натянулись, но удержать корабли удержали. Понял теперь, отчего вож так далеко увел свой караван от переката: случись такое, что не удержит якорь, есть время вновь зацепиться, не сев на мель.

— Слава Богу, — перекрестился вож. — Еще пару перекаатов и — у причалов в Вологде.

Для Богдана, увлеченного необычностью происходящего, время пронеслось галопом, и он удивился, увидев на берегу дюжину вооруженных всадников, своего слугу и пару коней в прекрасной сбруе.

— Послезавтра жди нас в Вологде, — пообещал вож учана, и они распрощались.

«Что ж, проведем не в безделии два вольных дня. Посетим верфи, — решил оружничий, — а как груз сдам, сразу же в Москву».

Все так и сложилось. Встретили Горсея наместник вологодский и воевода целым поездом. Пересадили английского посланника из седла в коляску, другую предложили Вельскому, но он отказался.

— В седле привычной. Не старик же я.

— И то верно. Коляски для жен и старцев расслабленных. — И тут же вопрос: — Банька изготовлена, но угодна ли она англичанину? Согласится ли? Да и сдюжить ли сможет?

— Сдюжит, куда денется. Я сам его похлещу веничком. Пусть узнает, как мы косточки усталые разминаем.

Потеха вышла с Горсеем в баню. Вроде бы несколько лет жил он в Москве и мог бы уже познать русскую баню, даже оценить ее благодать, но иностранцы, как англичане, так и

немцы, никак не могли отступить от своего привычного уклада, имели свои мыльни, а если у кого ее не было, предпочитали лохань русской бани. Горсей сразу же заупрямился.

— Не пойду в вашу баню. В ней можно угореть. Можно даже обгореть. Не пойду.

— Иль много ты видел в Руси угорелых и обгорелых? — насмешливо спросил воевода. — Глянь на меня, что у меня обгорело, а я каждую неделю банюсь. Или на наместника царева погляди, а у него баня парней моей.

Богдан успокоил:

— Не ляжет на душу пар, обмоешься, не входя в парилку, и — вольному воля.

— Отпустишь сразу?

— Отпущу-отпущу. Не сомневайся.

Бельский и в самом деле не намеревался насильничать, хотя обещал воеводе, что сам похлестет гостя веничком, но он знал предел, ибо одно недовольное слово, сказанное царю-батюшке о приставе, может обернуться лихом, вот и приходилось Богдану прежде чем шагнуть, пощупать, твердо ли под ногой.

В предбаннике дух свежего лугового сена. Оно настлано на полу толстой периной, а поверх сена — мягкая полость. Горсей вдохнул полной грудью духмяного воздуха и приободрился. Выходит, не на казнь привели в адскую жару. Все здесь очень даже мило.

Богдан увидел перемену в настроении Горсея и еще более подбодрил его:

— Все ляжет тебе на душу и дальше.

В мыльне тоже приятная чистота и свежесть теплого воздуха. На лавках — дубовые шайки. Новые, похоже, специально принесенные для важных гостей. Шайки уже наполнены водой, а банщик с ковшом уже готов по вкусу каждого добавить либо горячей, либо холодной воды.

Для начала ополоснулись, и Богдан предлагает:

— Попаримся?

— Очень парно?

— Не так чтобы. Терпимо, в общем. Не понравится, как и условились, выйдешь.

Нахлобучили Горсею на голову войлочную ушанку, и она словно придавила его, миг назад гордого собой за сме-

лость, — Горсей вновь скукислся, но все же дошагал в парилку, хотя с явной опаской.

Но что это? Действительно, терпимо. А Бельский командует:

— Взбирайся на полоч. Садись. Сперва погреемся, а уж потом ты ляжешь, банщик поддаст пару по твоему терпежу, а я веничком похлестаю.

— Как розгами?

— Нет, — засмеялся Бельский. — Нежно. Как ласковым вентерком, — а сам банщику: — Ты по капелюшке поддавай. Не гони вскачь.

— Понял, — с хитровой улыбкой ответил банщик. — Уж расстаюсь.

Банщик и в самом деле сумел угодить. Плескал на каменку словно из ладошки и с перерывами, поэтому парилка наполнялась сухим жаром исподволь, почти не заметно, и вот когда Горсей вспотел основательно, Богдан повелел:

— Ложись на живот.

Повел по потной спине, едва прикасаясь веником, затем начал навевать ветерок — англичанин блаженно вздохнул.

— Лепота, как вы говорите.

— Теперь поддавай проворней, — советует банщику Богдан и начинает охаживать, пока еще не хлестко, вениками нежные телеса заморского вельможи — спина и бока враз порозовели, словно раки в закипающей воде.

Вот уже Горсей застонал, Богдан же продолжал хлестать все ярденей, приговаривая:

— Терпи. Еще чуток. Еще. Потом спасибо скажешь. Вот теперь — все. Кати в предбанник. Отдышись.

Горсей пулей вылетел из парилки, а в предбаннике плюхнулся в изнеможении на узорчатую полость. Ему подали хлебного кваса, в меру холодного, и он с жадностью осушил целый ковш.

Через четверть часа вывалился в предбанник Богдан Бельский. Его охаживал сам воевода. За Богданом — воевода, которого парил наместник. А уж после всех — наместник. Его, как обычно, парил специальный слуга, умевший угодить капризному хозяину.

Когда Богдан отдохнул, в шутку спросил Горсея:

— Джером, не хочешь ли на второй заход?

— Хочу, — неожиданно согласился тот. — Пусть будет второй заход.

— Вот так англичанин! — воскликнул наместник. — Душа-то русская!

Очень неуклюжая похвала, но на нее, слава Богу, никто не обратил внимания. Горсей сам напаялил на свою голову войлочную ушанку и позвал Богдана решительно:

— Пошли.

Часа три парились в бане и, разомлевшие и обессиленные, уселись за стол, чтобы начать пир. Неспешный. С уютной беседой, которую на сей раз Горсей не увел на обочину.

Зато утром он напросился на щелчок по носу.

Позавтракав, они поехали к рукотворному затону, на берегу которого были верфи, где по царскому указу строилась крупная морская флотилия. Непонятно только было, для какой цели. О ней можно было лишь догадываться по тому факту, что почти вся царская казна перевезена в специально построенные хранилища совсем рядом с затоном. Погрузил ее на корабли и — в путь. В Студеное море, а по нему либо в Соловки, либо, что наиболее вероятно, в Англию, с которой он явно заигрывал.

Хотя, если поразмыслить, чего ради бежать Грозному из Руси? Строптивых бояр он, похоже, приструнил основательно. Претендента на престол, князя Владимира, отравил. И не только его, но сыновей его тоже. Чего ему теперь бояться?

Мысли и поступки самодержца, однако же, холопам его не ведомы и не обсуждаемы. Раз велено строить корабли, догоняя числом королевский английский флот, стало быть, так нужно. По Сухоне на покой воде за милую душу скатятся корабли в Двину, а там глубины, особенно весной, более чем достаточны.

К верфям поехали так: Горсей в коляске, запряженной шестеркой цугом, Бельский, наместник и воевода со стрелянными и слугами — верхами. Дорога торная, ухоженная. Вроде бы в тайне строились корабли, но вся Вологда знала о них, и горожане любили в праздничные дни посещать верфи, кто пеше, кто в экипажах, кто верхом. Получалось вроде гуляния на берегу затона. С толпой праздных зевак смешивались, бывало и такое, иностранные лазутчики, приез-

жающие в Вологду под видом купцов. Грозному об этом доносили, но он в ответ лукаво усмехался.

Вот и верфи. Пять кораблей на стапелях и более трех десятков покоятся на воде. Красавцы. Двух- и даже трехмачтовые. И что особенно поразило оружничего, каждый корабль отличался от остальных. И не только потому, что на них не было обычных для русских кораблей носов, схожих с лебединой грудью, а сам корабль подстать гордому лебедю, здесь все иначе: если на носу львиная голова, искусно вырезанная да еще позолоченная, то и сам корабль похож на изготовившегося к прыжку льва.

Драконы, единороги, слоны, орлы, тигры — каких только раззолоченных и посеребренных голов не было у кораблей, дремавших в безделии на сонной воде затона, и каждый корпус являлся как бы продолжением своей головы, должны бы, по замыслу заказчика, пугать хищным видом, на самом же деле привораживающих взгляд изяществом форм и мастерством исполнения.

Гостей встретили артельные головы, работа же на верфи продолжалась: пилили, строгали, крепя доски друг к другу не гвоздями, а деревянными клепами.

Артельные головы с достоинством приветствовали вельможу зарубежного и своих высших чинов, не переломились в унижительном поклоне до земли, а лишь почтительно склонили головы. Они высоко держали марку, гордились содеянным и справедливо ожидали уважительности от гостей, которым, по их мнению, понравится великое мастерство исполнителей царского заказа.

— Знатная работа! — вдохновенно заговорил Богдан. — Попадаю об увиденном царю-батюшке! Предвижу милость его!

— Благодарствуем, — ответил за всех самый, пожалуй, молодой артельный голова, разбитной малый, с острым взглядом голубых глаз. — Мы и так не обижены его милостью и рады трудиться в угоду ему и на пользу Руси.

И вот тут плеснул свою ложку дегтя Джером Горсей:

— Я в свое время оставил царю вашему макет корабля, какие строят на моей родине в Англии, владычице морей. Я подал самый подробный чертеж корабля, где указал самые точные размеры, но, как я вижу, вы все делаете на свой лад.

— Глядели мы на макет, — ответил вновь за всех голубо-

глазый артельный голова. — Разглядывали и чертежи, и вот наше мнение: на макет можно любоваться в праздное время, чертежом же твоим, дорогой иноземец, задницу подтереть...

Горсей от грубости этой начал задыхаться в гневе, а Бельский к артельному голове со строгостью:

— Как звать тебя?!

— Ивашко.

— Ты вот что, Ивашка, говори, да не заговаривайся! Перед тобой посланец царя, а ты как с родней своей!

— А что я такого сказал? — недоуменно пожав плечами, простодушно ответил Ивашка. — Я правду сказал. И чего на нее обижаться аж до гнева?

— Думай, что говоришь! — продолжил строжиться оружничий. — Не ровен час, попадешь под опалу царскую по слову посла!

— И-и-и, боярин, кто же за правду опалит? И еще скажу: мы — мастеровые, на нас вся Русь держится. Начни нас на коды сажать, как бояр крамольных и своенравных, кто соиздать станет? А ты, боярин, прежде чем стращать меня, разберись, послушав слово мое. Русские, что дом, что терем, что ладью строят по всемеру. От длины все идет. И ширина, и высота. Если выдержан всемер, то глазу утешно, не боязно тогда, что покоситься может. А для кораблей еще нужна устойчивость на крутой волне и при покосном ветре. Тут свой всемер. Но и он по длине. Англичане и голландцы красивые, слов нет, но даже в ласковых морях при добром ветре нередко киль задирают. Для наших морей такие корабли не подойдут. Если только на гибель матросов слать? Вот мы по своему всемеру и ладим корабли, чтоб, значит, ходкость добрую имели, а на крутой волне устойчивыми были. Скажу одно, придет время, по нашему всемеру все корабли будут строить. Слижут у нас. Да пусть их, мы не жадные. Для людей же все. Немцы ли они, испанцы ли — все одно люди.

— Не слишком ли высоко берете?

— Не слишком. Испытаны веками поморские суда по Батюшке Ледовитому. До самых теплых морей хаживали на промыслы и на торги выгодные. Пока царский запрет не вышел. В Мангазею, что к соседу на чай ходили. Вот и посуди: раз на наших морях ходко, разве худо станет на ласковых?

Горсей слушал артельного голову Ивашку внимательней Вельского, забывши про обиду. Он даже начал выяснять, что такое всемер, и не только Ивашка, а и другие артельные головы старательно объясняли английскому гостю суть прямой зависимости ширины и высоты от длины, но Горсей, похоже, никак не мог взять в толк, для чего нужны такие жесткие пропорции.

Неудивительно. Уже многие века ищут крупнейшие проектировщики закономерность пропорций. Вплотную подошел к открытию этих закономерностей зодчий Фибоначчи, предложивший систему пропорционирования; еще дальше шагнул Корбюзье, разработавший модулер; но ни единственный ряд Фибоначчи, ни модуль Корбюзье не достигли такой универсальности, каким был древнерусский «всемер», но он отчего-то не был взят великими зодчими на вооружение, либо от неведения о его существовании, что вероятней всего, либо от мнения, что русские ничего стоящего изобрести не могут.

Бельский слушает артельных голов вполуха. Ему не до всемера. Он рад, что прошла обида у Горсея.

«Что ж, еще одна взбучка пошла на пользу, — удовлетворенно думал Богдан. — Не станет жаловаться Грозному».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Чем ближе подъезжал поезд Джерома Горсея к Москве, тем все более пристав его понимал, что в Москве произошло кое-то из ряда вон выходящее событие. Если Бельский где-то появлялся неожиданно, говорившие меж собой тут же умолкали и только по обрывкам фраз, которые все же ему удавалось услышать, он мог сделать вывод: в Александровской слободе свершилось страшное убийство. Не казнь, а именно убийство. На его вопрос: «О чем речи ведете?» только что делившиеся тревожными новостями с явно показным спокойствием отвечали:

— О житье своем, боярин. О чем же еще?

Не похоже, судя по взволнованным лицам и горящим глазам.

«Ладно, в Ярославле все разужнаю».

Увы, и там с кем бы ни начинал разговор оружничий, толкового объяснения не получал. Либо городская знать не

была осведомлена о подробностях произошедшего в Слободе, либо опасалась его. Тайный сыск всегда страшен, а новый его глава прошел школу своего дяди Скуратова, который умел из ничего сделать что угодно. Из мухи у него без всякой осечки всегда получался слон. Не такой ли и племянник? Пока еще мало времени прошло, чтобы разглядеть его лицо, но на всякий случай поостеречься не помешает.

Сам же Богдан не знал, кто в Ярославле соглядатай Тайного сыска — дьяк рассказал ему лишь о своих московских людях, да еще подсадных к думным боярам и иным, имеющим вес при Государевом Дворе.

Ему очень хотелось вот сейчас же подыскать себе собственного соглядатая, но он пока что не решился на это: вдруг наткнешься на царского тайного агента, тогда начавшаяся почетная служба при царе может сразу же окончиться.

«Не стоит спешить. Всему свое время».

Ясность внес Джером Горсей. Он встречался со своими соплеменниками-купцами, и те сказали ему, что царевич Иван скончался и тело его везут в Москву, где похоронят, отпев в Успенском соборе.

— Они утверждают, что царь самолично забил до смерти своего сына-наследника.

Да, известие. О таком и в самом деле опасно не то, чтобы говорить, но даже думать. Для иностранцев, понятное дело, русский царь — не их царь. У них языки развязаны. А вот подданным Грозного нужно ждать царского слова, которое принесет гонец из Кремля. Вот оно и станет предметом пересудов, да и то очень осторожных. И действовать по воле царя. Велено будет справлять сорокоуст согласно всем канонам, начнутся поминальные службы в соборной и приходских церквях, велено будет внести лишь заупокойный поминальник, стало быть, так нужно — никто не проявит самовольства без риска лишиться живота.

Без дела царь не убьет родного сына.

У Богдана мысли в раскоряку: спешить ли в Москву, все бросив, ждать ли здесь царского вестника и решать, как поступить, лично с ним переговорив. А если в самом деле царевич убит, тогда, возможно, вообще не торопиться в Кремль. Пусть схоронят наследника и пройдет после этого недельки две или даже три, пока страсти улягутся. Наверняка Иван

Васильевич не станет сразу после похорон заниматься государственными делами, устраивать приемы послов. Заставит ждать даже такого важного, как Джером Горсей. И не лучше ли уберечь от такого унижительного ожидания Горсея, потянув время в пути?

До самой полуночи не мог уснуть Бельский, но так и не нашел ответа на то, что лучше, что хуже.

Спозаранок же в еще запертые городские ворота постучал царев гонец.

— Отворяй не мешкая. Весть от царя Ивана Васильевича наместнику и воеводе.

Воротники решили было подняться на колокольню надвратной церкви, чтобы убедиться, на самом ли деле ранний гость не лукавит, но в ворота постучали еще более настойчиво и уже с угрозой:

— Отворяй живей! Если не хочешь батогах по пяткам!

Теперь уж без сомнения — гонец. Действительно, нужно поспешить с засовами.

Гонец, едва появилась возможность просунуться в ворота с конем, пустил его галопом. Путные слуги и стремянные, при доспехах, тоже не мешкая пронеслись за ним вскачь. Ко дворцу наместника.

Сменив коней и наскоро перекусив, царский вестник со стремянными и путными слугами поскакал дальше. Его путь через Вологду до самого Архангельска, наместник же послал своих слуг за воеводой и оружничим.

Они приехали быстро. Но пришлось ждать писаря. Ему читать письмо, чтобы все чин-чином.

Вот и он, явно недовольный ранним вызовом, даже не пытается скрыть своей хмурости, даже специально выпячивает ее.

— Ты не сопи! — ругнул его наместник. — Иль думаешь, кроме тебя грамотеев в Ярославле нет?! Еще раз заставишь себя ждать — взащей!

— Да я что? Я всегда готовый.

— То-то же. Читай вот.

Из послания дьяка Государева Двора ясно лишь одно: Иван Грозный убил своего сына. За что и как, непонятно. Но вот дьяк прочел хитроумное пояснение: отец хотел наказать сына за неуступчивость, но оплошал.

Слово-то какое ловкое. Ни с какой стороны к нему не приладишься, чтоб хоть чуточку представить, какая ссора произошла между отцом и сыном, окончившаяся смертельными боями.

«Узнаю у тайного дьяка, если Годунов тоже станет вилять, — успокоил себя Бельский, — а вот ехать или перегодить, тут поломаешь голову».

У наместника тоже, видно, такая же беспокойная мысль, ибо не с бухты-барухты он посоветовал:

— Тебе, оружничий, не следует спешить. На поминальных службах нужно побывать? Нужно. Лучше всего в путь после того, как девятый день помянем. Сороковой как раз в Москве помянешь. С царем нашим, Иваном Васильевичем.

— Да, так сподручней, — сразу же согласился Богдан. — Думаю, Горсей тоже согласится не спешить.

— На пару деньков в Сергиевой Лавре удержишься. Помогись за упокой души царевича и за здравие царя. Оттуда гонца можно слать с вестью о Горсее.

Это уже лишнее. Не наместнику диктовать, как поступать оружничему. Не дитя же он малое, неразумное.

— Поступлю по обстоятельству, — сухо ответил Богдан, отбив охоту наместнику и дальше назидать.

Впрочем, тот сделал вид, будто не заметил недовольства оружничего, хотя сразу же перешел к тому, как организовать в самом Ярославле и в уездах поминки по царевичу, постоянно спрашивая советов у воеводы, но более у Богдана.

К Горсею в специально выделенный для него прекрасный теремной дворец Бельский приехал в обычное для него время для совместного завтрака. На нем и рассказал о вестнике из Кремля, затем и о предложении наместника повременить с отъездом из Ярославля. Не от себя предложил, а именно от наместника, посчитав это более весомым.

Горсей не стал раздумывать слишком долго. Он-то наторен в вопросах этики и оценил решение Бельского достойно. Ответил согласием, но уклончиво:

— Приставу видней. Пристав от самого царя, стало быть, он поступает в интересах своего государя.

Ну, что ж, и на том спасибо.

Службы поминальные, следом за которыми обязательны поминальные трапезы, длинные и скучные — все это надоело

до чертиков, и когда закончилась длинная служба на девятый день, Бельский вздохнул с облегчением: конец фальши. Дело-то в том, что почти все бояре и дворяне в душе были рады смерти царевича, ибо тот по жестокости и вспыльчивости пошел весь в отца, который с самого малолетства внушал сыну, что бояр и дворян следует держать в ежовых рукавицах. Ребенком брал Грозный сына на казни, водил в пыточные. Ребенком даже поощрял к насилению вдов и дочерей опальных князей, воевод и бояр. К Ивану Ивановичу лыко в строку народная мудрость: яблоко от яблони далеко не катится. Однако, радуясь в душе, все имели постные до отвращения лица, истово крестились, даже временами смахивали слезы.

Впрочем, Богдан, хотя и тяготился фальшью, сам мало чем отличался от других и то лишь мыслями. Их тайный сговор воплощается в жизнь неуклонно. Нет князя Владимира и его сыновей, теперь нет и наследника престола со свойствами отца, стало быть, открывается весьма заманчивое будущее: править державой при богомольном Федоре, к тому же с расслабленным умом. А там, глядишь... Дух захватывает от одной только мысли.

Помехой может стать Борис, теперь шурин Федора-царевича, но и он тоже смертен.

Все так, пока же стоит продолжить игру, не выделяясь из общей толпы, переживающей смерть царевича как собственную горе. Вместе со всеми выстаивать многие часы в церкви, после чего за трапезный стол. Последняя, на девятый день, такая трапеза у самого архиепископа. На нее пригласили даже Горсея, не взяв во внимание, что он не из православных.

Джером Горсей не отказался, и там, за трапезным столом (а их с Богданом посадили рядом по левую руку архиепископа) они условились выехать из Ярославля через пару дней.

Конечно, два дня на сбор явно маловато, но слуги упрямились, проявив расторопность, к тому же имея всяческую поддержку наместника и воеводы, поэтому в назначенный час тронулись в путь, сопровождаемые несколько верст почти всей Ярославской знатью. На прощанье сделали малый привал, пошлок на дорожку, и вот теперь можно без дневки ехать до самого до Сергиева Посада. Если Бог даст, то и без помех.

Четыре ночевки на постоянных дворах, и вот она — Лавра. Золотоглавая, обнесенная мощной каменной стеной. Отсюда слать гонца к царю и ждать его ответного слова. Сколько долго? Все теперь зависит от воли самодержца, от его настроения. Еще от глубины его горя. Скорее всего, пока не минует сорок дней, Горсея в Москву не позовут и, стало быть, торчать здесь, в Сергиевом Посаде, вместе с Горсеем и Богдану. А ему бы сейчас быть в Москве, разобраться во всем, что произошло и определиться. Возможно, даже начать противодействовать Годунову, настраивая против него и самого Грозного, и царевича Федора, которому теперь достанется царский венец — шапка Мономаха.

Теперьшнее отсутствие его в Москве может дорого ему стоить. Каждый день Борис использует в своих интересах, приближаясь почти вплотную к трону.

Богдан понимал его, досадовал, однако, продолжал лелеять мысль оттеснить Годунова от трона, освободив для себя место.

«Оттеснить от трона — главное. А еще лучше, сослать бы его. Или казнить».

Сладость мечты. А вот сбыточна ли она? Годунов — хитрый лис. Он продумывает каждый свой шаг, каждый жест, не говоря уже о словах. Ни одного лишнего слова. Каждое к месту, каждое в угоду. Серьезный супротивник, как считал Вельский. Очень серьезный. Но и себя он считал не ниже Годунова. Его лоб, как он определял, тоже перстом не перешибешь.

Как часто люди заблуждаются, оценивая свои возможности, и это всегда приводит не к выгоде, а к печальному концу. Человеку, однако, не дано знать свою судьбу, и он даже не представляет, что и заблуждение его тоже определено судьбой. Рок ведет человека по жизни.

Впрочем, Богдану на этот раз вроде бы судьба улыбнулась: ответного царского слова ждать долго не пришлось. Гонец вскорости прискакал в Лавру и передал волю царя: выезжать немедленно, в пути поспешать. В Мытищах ждать встречающего поезда.

Гонец остался при Горсее, чтобы при подъезде к Мытищам ускакать в Кремль с докладом Грозному о приближении посланца королевы английской к условленному месту для торжественной встречи.

Как понимал Богдан, царю не терпится узнать, как отнеслась Елизавета Английская к его сватовству, и это оказалось сильнее горя по утрате сына.

В Мытищах им не пришлось ожидать встречного поезда, наоборот, встречный поезд ожидал их, что удивило даже Горсея. Обычно даже посольства тех стран, с которыми ищут дружбу, выдерживают в Подмоскovie не менее двух-трех дней, а тут — вот она, раззолоченная коляска с шестеркой белых красавцев цугом. Еще одна коляска, тоже с шестеркой цугом, только не белых лошадей, а буланых, для Богдана. Выходит, с этой минуты он не пристав, а почтенный царедворец.

В приставах — пара знатных дворян. Они в парадной одежде. С ними сотня стрельцов на вороных конях. Тоже при параде.

— Царь Иван Васильевич, самодержец Российский, велел доставить вас к нему для уединенной беседы. И тебя, посланец английской королевы, — низкий поклон Горсею, — и тебя, оружничий, — такой же низкий поклон.

На высоте блаженства Вельский: только любимцев своих вот так привечает Грозный. Выходит, приблизил к себе, как прежде держал у сердца Малюту.

«Вот теперь уж точно очинит боярством».

Вновь неоправданные надежды. Хотя доверие со стороны Грозного оказано полнейшее, к нему отнеслись не так, как обычно бывает с приставами: привез подопечного к царю — свободен. А тут обоих к себе. О многом это говорит.

Иван Васильевич встретил Горсея и Богдана дружелюбно, пригласил садиться, и Вельский подумал, что при нем царь выслушает англичанина, какого товара и сколько он привез, какова оплата за доставленный по заказу груз, затем его попросят оставить их одних, однако, вышло не так. Горсей назвал сумму — Грозный заявил:

— Покончим когда со всем, пойдем в казнохранилище, где сразу же получишь полный расчет. А теперь давай о главном: каков ответ Елизаветы?

Вельскому не указали на дверь, и он воссиял душой.

«Такое доверие! Приближен к трону вплотную!»

— Королева моя, — Горсей встал при этих словах, встал Вельский, привстал даже царь, — дай ей Господь здоровья,

не против сближения через семейные узы, но она предлагает в жены тебе, государь великий, юную красавицу королевской крови, двоюродную свою племянницу Мери Гастингс.

— Какова она собой?

— Я же сказал: красавица. Стройна. С великолепными манерами, лицом пригожа. Красотой она затмевает многих придворных дам, а при дворе Елизаветы собран цвет женщин Англии. Вот и суди, какова будущая твоя жена, если сговор состоится. Вскорости после меня из Лондона, тоже на кораблях, выедет посол Ее Величества Елизаветы сэр Уильям Россел из очень знатного рода. Ему, как я осведомлен, поручается вести переговоры о государственных делах и, как изволила выразиться моя королева, о делах тайных. Он уполномочен окончательно решить все дела на благо Англии и Руси. При нем, как и об этом мне стало известно, будет два письма лично от королевы. Я позволю дать тебе совет, государь всей Руси, пошли теперь же встречать посла в Архангельске.

«Сейчас повелит мне ехать. Для того и зван сюда», — с неудовольствием подумал оружничий, но услышал иное, к своей радости.

— Пошлю непременно, — и к Вельскому: — Передай мое повеление дьяку Посольского приказа, пусть готовит приставов. Не менее двух. Из знатных родов. О них доложишь мне самолично, и если мне будет угодно, я соглашусь. Теперь же — в казнохранилище.

Ничего подобного прежде Богдан не видел. Нет, не о количестве золота, драгоценностей, мехов и одежд дорогих, доспехов парадных — у него у самого казна довольно внушительная. Конечно, с царской ей не сравниться, но все же она у него даже не из средних среди боярских. Покруче будет замес. Поразило Бельского изменение в настроении Грозного, когда они спустились в хранилище: он буквально преобразился, глаза вспыхнули жадным блеском, и он стал похожим на орла, готового к смертельному броску, ради спасения своего гнездовья. Казалось, вот-вот он заклепочет и, сложив крылья, стремительно понесется на врага.

Но кто враг?

И вдруг, совсем неожиданно и моментально лицо государя стало задумчивым и, можно сказать, лицом мудреца.

Он прошел к висевшей на стене цепочке из намагниченных иголок и заговорил, вроде бы забывши, чего ради он привел Горсея в хранилище. Впрочем, не без хитрости же: пусть поглядит на богатство русского самодержца. Пусть и послушает.

— Известно, в магните великая тайна. Вот эти иглы сцеплены невидимой силой, не прикрепленные ничем иным друг к дружке. Магнит имеет такую силу, что держит в воздухе железный гроб пророка Магомета в его гробнице. Вот и я мечтаю, чтоб и для меня была сооружена такая же гробница. Пока у меня нет много магнита, то что имею, не удержит в воздухе мой гроб. Вот соберу скоро достаточно, обязательно пошлю в Персию за мастерами, знающими тайну чудесной силы.

Грозный пошагал к дальней стене просторного помещения, и хранитель казны предусмотрительно открыл дубовый ларь. Значит, царь не первый раз приводил сюда гостей, и его пояснения были однообразны, к чему хранитель уже приспособился.

— Поглядите вот на этот коралл. И вот на эту бирюзу. Возьмите их в руки. Видите, никаких изменений. Значит, вы совершенно здоровы. Теперь положите их на мою руку. Смотрите, как бледнеет бирюза. Я отравлен, и смерть моя не за горами. — И к Богдану: — Тебе, оружничий, любезный мой слуга, узнать, кто покушается на мою жизнь. Отныне это для тебя — главное из главных. Вместе с тайным дьяком примите все меры, но разоблачите злодея! Ради этого поκληчь даже волхвов и колдунов!

«Выходит, пока еще нет явного врага. Нет даже подозреваемого. Но враг должен быть. И он будет!»

Грозный, перебирая драгоценные камни, пояснял их свойства в мельчайших подробностях, хорошо знал, как оценивают их целебные или разрушительные качества колдуны и волхвы. Особенно он принялся расхваливать рубин:

— О! Как этот камень оживляет человеку сердце и мозг, дает ему бодрость, очищает застоявшуюся испорченную кровь, — затем взял изумруд. — А этот камень радужной породы — враг всякой нечистоты. Он лопається, если мужчина и женщина живут распутно друг с другом, злоупотребляя природой, а камень при них.

«Отчего же не полопались все изумруды в царском хранилище? — спросил себя Богдан. — Не ты ли, царь-батюшка, более всех злоупотребляешь природой?»

Царь взял в руки оникс.

— Удивительный дар Божий. Он покровитель милосердия и добродетели и враг порока, — но не положил оникс на свое место, а продолжал держать на ладони, словно испытывая на себе волшебную силу камня.

И чудо! Грозный начал меняться на глазах, слабея с каждой минутой. Наконец, уже в полном изнеможении, положил оникс на место и велел казначею:

— Выдай золотом все, что причитается Горсею. А ты, — обратился царь к Бельскому, — уведи меня в мою домашнюю церковь.

Просьба не каприза ради: царь действительно не мог без посторонней помощи сделать ни шага, и Бельский, молодой и крепкий телом, не просто поддерживал Ивана Васильевича, особенно когда поднимались по лестнице, где располагались дверь в опочивальню, комната для тайных бесед и домашняя церковь, а обхвативши за талию, волок, словно пьяного в стельку.

Стрельцы-стражники низко кланялись государю, не выражая ни малейшего удивления. Величайшая вышколежность. Но, вполне возможно, картина для них не новая. Вполне возможно, кто-то уже водил Ивана Грозного в его церковь, чтобы в молитвах обрел он бодрость духа?

Но кто? Не Борис ли Годунов?

Но эти вопросы не слишком долго мучали Богдана. Он поразился, в полном смысле этого слова, тем, что произошло дальше. Грозный не вошел в домашнюю церковь, велел ему, Богдану, быть свободным — царь сел на лавку в комнате для тайных бесед и указал оружнику место напротив себя.

— Садись.

Почти четверть часа сидели они молча: царь в полном отрешении от земного, Богдан в недоумении, боясь даже громко вздохнуть. Лишь постепенно лицо Грозного обретало осмысленное выражение, взор становился привычно-пронизывающим, и вот царь заговорил. Словно на исповеди перед своим духовником.

— Отчего так расслабляет меня оникс? Выходит, я — порочен. Но в чем мой порок? Разве я казнил крамольных бояр не ради величия державы? Только в единовластии сила государства. Никогда не будет лада и благоденствия в стране, где правят многие сразу. В одночасье страна потеряет силу, народ обнищает, рать превратится в бородавку на теле державы.

Умолк государь, но на сей раз не в отрешенности, а в явной задумчивости. Видимо, пытался оценить беспристрастно свои поступки. Но чего ради вот такая откровенность? Очиститься душой? Этот порыв, однако, может для оружничего оказаться веригами, а то и камнем на шее. Разве нужен самодержцу слуга, который знает о нем больше того, что дозволено ему знать, поэтому не радовался Бельский, что удостоен исповедальной беседы, а смущался. Ждет с тревогой, что еще о себе скажет царь-батюшка.

— Молва осуждает меня за убийство князя Владимира, но разве я поступил вопреки державным интересам? Разве нужна нынче Руси прежняя междоусобица? Нам ли забывать, к чему привела борьба князей за великокняжеский стол? Более двух веков платили мы дань Орде. Дань крови! И теперь, ослабни мы, крымский хан воцарится в Москве и что станет тогда с русским православным людом?

Вновь пауза. На сей раз очень короткая. Заговорил Грозный уже более окрепшим голосом. Решительно:

— Не порочность моя стала виной смерти сына Ивана, а необходимость поставить его на место. Ты, по моей воле, наказал Немецкую слободу, гнездо алчной наживы. Пользуясь моей добротой, немчура обирала мой народ, спаивая его. Мог ли я это терпеть? Нет! А сын мой, кровиночка моя, наследник престола охал вместе со злопыхателями из бояр и иноземцев. Хотел считаться у алчных хорошеньким, в ущерб державы нашей. Не в противность ли это царскому единовластию, не в противность ли интересам Руси? Мало того, самолично подписал подорожную дворянину своему до самого до порубежья ляшского. Что, посол от него? Оставил я то посольство, не став пытаться, куда и зачем направлялись, решил только внушить сыну, что рано еще считать себя венценосцем. Видит Бог, не имел я желания побить его так сильно, лишь чуточку поколотить хотел, как строгий

отец неслуха-сына, а он возьми и занеждоуж. Думаю, не от побоев лихорадка. Он и до этого хворал.

— Не зелье ли какое? — вкрадчиво вставил Богдан. — Кто-то, вошедший в вашу семью, злобствует. Если будет на то воля твоя, дознаюсь...

— Не нужно. Да и не об этом разговор.

Не получилось с первого раза кинуть тень на Годунова, а получив согласие, спровадить его через несколько дней в пыточную. Что ж, придется ждать другого случая.

Царь же продолжал:

— Я о своей порочности. В чем она? Думаю, в одном — в нарушении церковных запретов на венчания. Нельзя, грешно более трех раз венчаться, а Мария Нагая — девятая жена. Нет, восьмая. С Наталией Коростовой я не венчался.

У оружничего чуть не вырвалось: «Где она?», но быстро спохватился, иначе исповедь в одно мгновение сменилась бы разносом.

— Мария Нагая — хорошая жена. Пригожа — слов нет. И все же я никак не могу забыть своей первой — Анастасии. Скромна, тиха, но тверда в нравах и убеждениях. Не я виновен в ее смерти, ее отравили бояре-крамольники. Дядя твой, Малюта, кого я ценил выше всех, вел розыск. Казнил я виновных, но Анастасию не вернешь.

Можно было бы поспорить с царем-батюшкой, сказать ему, что не все, о чем доносил Малюта, истина. Он жил не по праву, а в угоду своему государю. Возникло у царя подозрение, будто отравили Анастасию, он сам определит виновных (кто у него под ногами или поперек дороги) и преподнесет на блюде допросные листы.

Посчитал Грозный, что и вторая жена Мария Темрюк отравлена, виновные назначены и даже признались. Пусть и в самом деле двух первых жен извели недруги, а отчего так легко расставался со следующими женами? Не их смерть разлучала, а самолично избавлялся от них. И счастлива та, которая оказывалась в монастыре. В этом смысле не повезло третьей жене, Марии Долгорукой. А в чем она провинилась, никто не знает. Даже Малюта ничего не мог сказать племяннику своему. Не ведал.

Пышная свадьба после венчания, а на второй день — выезд в Александровскую слободу, и там загнали молодую в

санях в Царский пруд с еще не окрепшим льдом. Мало того, схватили ее брата Петра Долгорукого, обвинив в лиходеястве: он, видите ли, утопил царицу.

Обо всем этом, однако же, можно думать, даже можно мысленно возражать Ивану Грозному, только ни в коем случае не давая возможности прочитать твои мысли на лице.

Иван Васильевич продолжал вспоминать о всех женах, винил себя за то, что отсылал их в монастыри (о Долгорукой почему-то не вспомнил), и только в смерти Василисы Мелентьевой не упрекал себя.

— Не знатную взял за себя, а она, негодница, пустилась прелюбодействовать. Я самолично застал у нее сокольничего Ивана Колычева, прикончил его посохом, а на другой день соединили прелюбодейку и прелюбодея навечно в едином гробу.

Не сказал, что Василису Мелентьеву положили в гроб живой.

Умолк надолго государь. Поглаживал в задумчивости бороду, осмысливая что-то его волнующее, и вот, наконец, спросил:

— Думаю я, верно ли поступаю, сговариваясь о свадьбе с Марией Гастингс? Скажи мне, как на духу.

Если «как на духу», то одно слово — наверно. Но царь-батюшка ждет иного ответа. А раз так, получай желаемое:

— Самодержец женится не столько по любви, сколько в интересах своих холопов. Союз с Англией, подкрепленный семейной близостью, к великой пользе державы твоей, государь.

— Ты говоришь от себя или знаешь, как судят-рядят остальные?

— И от себя, и от большинства, которые одобряют твоё сватовство. Но знай, есть и противники. Осуждают те, кому не интересна сила державная. Им чем хуже, тем лучше. Но если будет на то воля твоя, я пообрезаю языки у крамольников.

— Такая воля будет. После того, как покончим дело с послом королевы английской, сестры моей.

— А как с Марией Нагой?

— Пригожая она. Люба мне. Думаю, не в монастырь ее, а в вотчину. Углич ей отдам. Охрану. Слуг. Пусть здравствует.

Это что-то новое. Сердобольное. Богдан мысленно одобрил замысел Грозного, готового поступить по-людски.

Не знал он в тот момент, что Мария Нагая носит под сердцем дитя. Возможно, наследника престола. Иные у него возникли бы мысли, иначе бы он оценил благородство царя-батьюшки. Возможно, что даже возразил бы, отсоветовал жениться на англичанке. Увы, он ничего еще не знал, долго отсутствуя в Кремле, поэтому сказал то, что сказал, и исповедальная беседа продолжалась. Закончилась она царским поручением:

— Переговоры с английским послом вести тебе. Помощников я определю позже.

— А как насчет волхвов и колдунов?

— Известно же тебе: я слов на ветер не бросаю, — с нотками недовольства ответил Грозный. — Но не самолично же ехать за ними. Иль слуг у тебя мало? Или нет подъячих в Сыском приказе?

— Все ясно. Позволь, государь, идти исполнять твою волю?

— С Богом.

Прямой путь от царя к тайному дьяку. Разговор с ним получился весьма тревожным. Дьяк сразу же предупредил о необходимости быть предельно осмотрительным.

— Тебе известны успехи Баториевы, и это подвигло некоторых из бояр и дворян на измену. Но не в этом беда. Она в том, что я не сумел упредить побег, не известил загодя о возможной измене. И это бы ничего, но вот недолга: один из сбежавших — Давид Бельский. Когда я докладывал о его побеге царю, тот разгневался. Ну, думаю, сейчас повелит окоротить меня и в пыточную спровадить, однако, обошлось. Лишь о тебе, оружничий, спросил, не заодно ли ты с Давидом Бельским, если молчал до времени, когда станет поздно. Я ответил, что ты же в отъезде давно и добавил: оружничего нужно держать при себе, тогда можно с него и спросить.

— Понятно, — неопределенно протянул Бельский. — Понятно...

Хотя ему вдруг стало еще более непонятно, чем до приезда в Кремль. К тому же сомнение взяло: не двоедушничает ли тайный дьяк? Не мог царь, имея подозрения, распахивать перед ним душу, исповедоваться в грехах.

«Поглядим, поглядим. Поспрашиваем...»

— Что известно тебе в точности о смерти царевича Ивана?

— Причин ссоры несколько. Главная, как я считаю, вот в чем: Иван Васильевич объявил на Думе посольство к Баторию, чтобы просить мира или, на худой конец, перемирия, царевич же Иван начал перечить отцу при всех боярах, не попросил, а потребовал дать ему полки стрелецкие, встав во главе которых он изгонит всех врагов из Русской земли. Грозный ответил резким отказом. Дума поддержала не царевича, а царя. В тот вечер и случилась у них семейная ссора. Царевича будто бы защитил Борис Годунов, ему тоже, как он сам сказывал, досталось, он тоже занемог, и все же имел силы самолично лечить царевича. Не отходил, как мне доносили, от кровати царевича ни на час. В общем, не выпустил его из горячки.

Вот это — словцо. Не выпустил. Не просто так оно слетело с уст тайного дьяка, не случайная это оговорка. Но отчего сам не донес царю о докладах своих соглядатаев? Почему, наконец, ему, его прямому начальнику, не выкладывает все, о чем осведомлен, а лишь намекает хитрым словечком?

«Ладно. Поговорю с Борисом, тогда определюсь».

Однако твердо решил не привлекать дьяка к поиску и доставке в Москву волхвов и колдунов. Определил сегодня же слать гонца за Хлопком.

«Два-три дня, — не великая задержка».

Дальше шел разговор об обстановке в Кремле, о великой милости царя к Нагиму, родственникам царицы Марии, хотя не отталкивал царь и прежних своих советников, старейших бояр Мстиславских, Шуйских, Трубецких, Голицыных, Юрьевых, Сабуровых.

«С Нагими постараюсь сблизиться, не теряя отношений с Романовыми и Воротынскими, — заключил в конце беседы для себя Богдан. — У старейших бояр заимею своих соглядатаев, тайному дьяку неизвестных».

И все же, чтобы окончательно определиться, нужно встретиться с Борисом, послушать его. Но как сделать это ловчее? Ждать, когда сам пожелает поздравить с приездом? Но дождешься ли? Может, послать слугу с приглашением на ужин, а возможно, самому посетить его дом? После некоторых раздумий определил поехать к нему.

«Не убудет от чести».

Известив через слугу о своем желании погостевать у него, Бельский поехал к Борису Годунову на экипаже. Парадным поездом. Борис встретил его на крыльце и, казалось, был искренне рад гостю. Настолько рад, что сразу же повел в трапезную, но, как понял оружничий, Борис пригласил к столу, чтобы избежать беседы наедине. Вельскому ничего не оставалось делать, как повести разговор о семейном скандале за столом. В присутствии кравчего, который был соглядатаем тайного дьяка.

«Что же, пусть доносит».

После первых тостов за здоровье всех, в первую очередь, конечно же, царя Ивана Васильевича, кубки за упокой души безвременно почившего в бозе царевича Ивана. Осушили кубки, не чокаясь, и Богдан с уместным вопросом:

— Расскажи, Борис, как все случилось? Ты, рассказывают, тоже получил на орехи?

— Да. И довольно изрядно. Ты знал же, что жена царевича Елена Шереметева была на сносях, вот и застал ее свекор, войдя в покои сына по какой-то надобности, в одной сорочке да еще и без пояса. Грех великий. Принялся Грозный отчитывать Елену Ивановну, даже замахнулся на нее, но сын перехватил руку с посохом...

Богдан представил себе воочию всю дальнейшую картину, какую намеревался нарисовать Борис. Более того, даже услышал, словно наяву, вкрадчивый шепот Бориса: «Как ты терпишь, царевич, такое унижение?» Хотя вряд ли вообще подобная сцена была на самом деле. Никто, кроме самого Грозного, его невестки и вот этого хитреца, ничего толком не знает. Царь же молчит, помалкивает и Елена Ивановна, Годунов же все, похоже, выдумывает.

— Само собой понятно, как разгневался царь, — продолжал Годунов. — Огрел он посохом сына. Тут я попытался остепенить Ивана Васильевича, защищая царевича и Елену, но он и на меня с посохом. Обоим нам досталось сполна. Иван Иванович упал, вот тогда только спохватился отец, लेकर крикнул, велел лечить сына. А мне гневно так: «Заступился, лечи теперь!» Вот я, сам недужный, старался.

Все. Больше ни слова о страшном сыноубийстве. Вроде бы обычная семейная размолвка, не заслуживающая особого внимания. Поинтересовался гость, его любознательность

удовлетворена, о чем больше говорить? Но вполне возможно, что Борис, подозревая или даже зная о соглядатайстве кравчего, играл, поэтому Богдан Бельский ожидал, что после трапезы продолжится более откровенный разговор в уединении, но Годунов явно не желал оставаться с гостем один на один и не скрывал этого.

Расстались они тепло. Но с сей минуты оба поняли, что стали врагами. Врагами, повязанными узами тайного сговора.

Утром, чуть свет, как это и положено у царских слуг, — в Кремль. Дело не в дело, а будь. У оружничего есть забота. Ему, как главе Сыска, не доверяющему теперь тайному дьяку, нужно обзаводиться своими людьми во всех приказах, во всех службах — он твердо решил, принимая доклады тайного дьяка, перепроверять их и окончательно понял после встречи с Борисом, что тайный дьяк ведет двойную игру, в которой он, его начальник, является подсадной уткой. Сказал к примеру, что виновен в смерти царевича Годунов, но не прямо, а лишь намеком, теперь попробуй не сообщи об этом Грозному. Промолчишь — окажешься на крючке у дьяка, положишь царю, не ясно, как он это воспримет. Могут потянуть дьяка в пыточную, а он упрется рогами, мол, поклеп на него, ничего такого не говорил. Сказал лишь правду, что не одолел Годунов горячки у царевича, как ни старался.

Кому тогда ответ держать? Ему, Бельскому. Когда же будет донос своего соглядатая, иное тогда дело. Вот он, знакомься, государь, и делай вывод.

И еще. Как можно настойчивей нужно развивать дружеские отношения с Нагими. Это очень важно, ибо они нынче в силе.

Встречи, разговоры, вроде бы пустопорожние, но с глубоким смыслом; и вдруг по Кремлю тревога: царь недоволен, что оружничий не оказался у его постели при пробуждении.

Зависть у многих — моментальная. И в самом деле, великая честь. Можно ходить гоголем. Однако Богдан не очень-то возликовал, хотя в опочивальню припустился чуть не бегом, досадуя меж тем:

«Боярином бы очинил, вот это — честь».

Грозный встретил Вельского упреком:

— Не гоже царю ждать своего слугу, хотя и любимого. Запомни, отныне ты у руки моей неотступно. Под твоим гла-

зом постельничьи, но особенно доктора и аптекари, под твоим глазом стольники и повара с поварятами.

Так и просилось возражение: посильно ли одному человеку за всем этим углядеть, ответил же смиренно:

— Велика честь, государь. Исполню все по воле твоей, только позволь иметь своих людей в поварне, среди постельничих и среди аптекарей. Тогда уверен буду в делах, тобой порученных.

— Разве я когда пеленал Сыскной приказ. Имей, кто ж тебе запрещает.

— Но, государь, я говорю о своих людях, о собственных соглядатаях, а не Сыскного приказа.

— Отчего так?

— Сомневаюсь я в дьяке.

— С чего бы это? Малюта, и тот верил ему.

— Малюту он, может, не водил за нос, а вот со мной... Дозволь спросить? Не сообщил тебе, государь, о доносах на Бориса Годунова?

— Нет. А что?

— Борис распустил слух, будто ты, государь, побил его сильнее сына своего, и будто он даже занемог знатней царевича. На самом же деле ни на час не отходил от постели Ивана Ивановича. Дьяк и мне не сказал о доносе открыто, а хитренько так намекнул: Годунов не выпустил из горячки царевича. Вот и думаю: отчего не доложил он тебе, государь, а дождался, когда я ворочусь. И почему не прямо, как начальнику своему, а так: вроде бы, сказал, а вроде бы и — нет?

— Скажу тебе одно: ты — молодец. За один день в такие детали вникнуть, нужно уметь. За вот такое умение быстро улавливать главное, любил я Малюту покойного, земля ему пухом, за это же люблю тебя. Ты еще раз оправдал мою любовь. И еще скажу: двуличие Годунова мне известно. Не от Тайного сыска. Я сам вижу. Но как я его порешу, если сын, теперь мой наследник, весь в нем? Души не чает. Поэтому погодим.

— Не станет ли поздно, государь?

— Как Бог положит. Ты послал ли за волхвами и колдунами?

— Да, — взял грех на душу Бельский. — Но не через тайного дьяка, а своих слуг.

— Пусть будет без дьяка. А когда доставят их в Москву?

— Месяца через полтора.

— Хорошо. Зови одеваться.

День заколготился, и Богдан едва выкроил часа полтора для встречи с Хлопком, о приезде которого ему сообщили слуги. Звать Хлопка в Кремль он остерегался, поэтому нужно было обязательно побывать дома. Но предлога для отлучки не нашлось, и только когда царь отправился почивать после обеда, Бельский улизнул.

Хлопко встретил его низким поклоном, но хозяин сразу же попенял ему:

— Ты не простой боевой холоп, ты — воевода. Вот и ведай себя достойно. Для тебя поясной поклон и то чрезмерен.

— Уяснил, боярин.

— Если понял, хорошо. Теперь садись. Разговор короткий, к тому же тайный. Ни одна душа о нем не должна знать. Но прежде ответь: сможешь ли ты месяца за полтора привезти в Москву волхвов и колдунов из дебрей Вологодских и Холмогорских?

— Смогу. За месяц.

— Тогда слушай. Возьми с собой в путные слуги и для охраны волхвов только тех, кому доверяешь как самому себе. Даже больше, чем себе. С ними — в путь. Облюбуй глухую деревню, туда и свози всех, действуй царским именем. В Москву вези тоже тайно. Загодя оповести о своем приближении, я пошлю вестника со своим словом. Он проводит вас. Сам не маячь. Охрана будет царская, ей передаст тобой привезенных слуга мой. Тебе тут же — в дом мой. Все понятно?

— Да.

— Тогда, с Богом.

Ухмыльнулся Хлопко: к колдунам и волхвам да — и с Богом? Но махнул рукой.

— С Богом, так — с Богом.

Теперь еще один, в какой-то мере рискованный разговор. С кравчим своим Тимофеем. Богдан его недолюбливал еще до того, как узнал от тайного дьяка, что он его соглядатай. За лоск недолюбливал, за слащавую зализанность, однако, как кравчим был весьма доволен: ни разу Тимофей не ошибся, ни разу не сделал ничего неуклюжего, вот и не отдалил его от себя, хотя и претил ему постоянный полупоклон кравчего.

— Садись, — указал на лавку напротив хозяин, когда Тимофей, переступив порог, остановился у самой двери со своим вечным полупоклоном и выражением готовности исполнить любую волю, но услышав приглашение садиться, растерялся: господин баловал его вниманием менее других слуг и если приглашает к разговору, значит, неспроста.

— Садись, — повторил Богдан. — И слушай.

Подождал, пока кравчий сядет, и даже улыбнулся, видя, как тот примостился уголком на лавке, так и оставшись в своем полупоклоне.

— Ты — соглядатай тайного дьяка, — жестко начал оружничий. Тимофей даже вскочил от неожиданности, и Богдан потребовал так же жестко: — Сиди и слушай! Так вот, если хочешь жить и продолжать служить у меня, выполнять тебе только мое слово. Каждый донос, а их продолжай давать так же аккуратно, я должен знать. Нарушишь мое требование, тебя ждет неминуемая кара: дыба в пыточной, затем казнь. Устраивает?

— Да, — выдавил из себя перепуганный Тимофей, лихорадочно соображая, как хозяин мог прознать о его соглядатайстве, но почувствовал непосильность разгадки и, видя недовольство господина столь подневольным ответом, повторил с присущей ему подобострастностью:

— Да-да.

— Так-то лучше. Первое тебе задание. Донести дьяку наш разговор с Годуновым, выпятив похвальбу его, будто остепенил он Грозного и был побит царем более, чем царевич.

— Будет сделано.

— Запомни, — еще раз повторил Бельский, — если слухаешь хотя бы единожды, а мне это станет известно непременно, кара неминуема. И еще... С кем из кравчих в семьях боярских ты водишь знакомство?

Тимофей начал перечислять. Вышла целая дюжина. Стало быть, он не просто сам соглядатай, но доверенный тайного дьяка, имеющий свою сеть. Скрыл это дьяк-хитрован. Не зря скрыл.

— Теперь все вести, какие от них станешь получать, докладывать в первую очередь мне. Вместе будем решать, что из узанного доносить в Сыск.

— Ясно.

— И последнее: попытайся завести дружбу с кравчим Бориса Годунова. Очень это нужно.

— Это же велел мне и тайный дьяк. Пока не получается.

— Расстарайся.

Доволен разговором с Тимофеем Богдан. Напуган кравчий до безумия и будет верно исполнять его волю. И не подумал, надолго ли тот испуг? Не оправится ли он от него, а затем жестоко отомстит за испытанное унижение? Трусливые, двоедушные людишки могут мстить. Очень даже.

Но Бельского сейчас занимало другое — предстоящий разговор с отцом Марии Нагой Федором Федоровичем. Разговор весьма опасный, но без которого обойтись не было возможности. Причем, в ближайшее время, лучше сегодня же или, в крайнем случае — завтра.

Встреча состоялась в тот же день. Очень удачно все сложилось, хотя поначалу Федор Нагой не выказывал желания идти на откровенность, опасаясь подвоха (так облаканный царем может ли пойти против него?), боясь оказаться в мышеловке. Тогда оружничий пошел на крайние меры, рассказал, открывая цареву тайну, о скором прибытии сэра Россе-ла, посла королевы английской, на племяннице которой Грозный собирается жениться, и тут Федор Нагой не сдержался:

— Как так! Мария носит под сердцем его ребенка!

— Потому я и озабочен, — слукавил Богдан, ибо о беременности Марии он не был осведомлен. — Можно ли оставаться безразличным к подобному? Вот я и предлагаю помешать сватовству. Одному мне будет весьма трудно, сообща одолею исподволь. Во всяком случае, сговора не должно состояться, пока не родится у Марии дитя. И если Бог даст сына, тогда больше возможности все порушить.

— Заговор?

— Хотя горшком назови, только в печку не сажай. Я долго не решался на разговор с тобой, Федор Федорович, ибо он смертельно опасен, но я знаю порядочность вашего рода, особенно твою, сановник. Еще и потому решился, что тебе не выгодно доносить обо мне царю-батюшке. Меня казнят, но это не помешает браку Грозного с Марией Гастингс. Тогда дочь твоя получит в удел Углич, если царь не передумает поступить так милостиво и не сошлет Марию в монастырь.

Если же мы соединим усилия, вполне возможно, сорвем помолвку. Царь назначил меня на переговоры с Росселом, вот я и сделаю все, чтобы произошел разнотык, ты же постарайся настроить приставов, пусть они поддразнивают посла, гнева его. По рукам?

— По рукам.

— Действуем мы всяк от своего имени. Только меж собой согласовывать действия. Ни одного третьего лица. Даже сына своего, Афанасия, не посвящай во все.

— Вполне согласен и с этим.

Им повезло. Их усилия сорвать переговоры не бросились в глаза, ибо скандал начался еще в Архангельске сам по себе. Приставы, как им было велено, едва причалил корабль и установили сходни, сразу же поспешили на корабль и с поклоном приветствовали посла:

— От имени царя всей Руси поздравляем тебя, сэр Уильям Россел...

Однако же вместо того, чтобы при этих словах посол, обнажив голову, поклонился, тот круто развернулся и скрылся за дверью надстройки, оставив опешивших приставов. Капитан корабля, весьма удивленный капризным поведением англичанина, пояснил:

— Посол не сэр Уильям Россел, а сэр Джером Боус.

— Не ведали мы этого. Так чего же коники выбрасывать? Поправил бы и — дело с концом. Неуж, не извинились бы мы?

Несколько часов прождали приставы сэра Боуса, но тот так и не вышел на палубу. Тогда они так рассудили меж собой:

— Эка, гусь лапчатый! Иль уедет, не посетив Москвы? Голову-то за каприз отсекут непременно. Встречать теперь будем на пристани. Захочет, спустится по сходням.

О своем твердом решении они известили капитана, прося передать условия английскому послу.

— Скажи ему, Россия не данница Англии, а великая держава, глумиться над нашим единодержцем, помазанником Божиим мы не позволим.

Приставы переупрямили. Встреча, хотя и через несколько дней, состоялась на пристани. Все вроде бы чин-чином, однако, всю дорогу до самой Москвы лада не установилось, о чем приставы доложили Грозному, а тот, не став разби-

раться в сути конфликта, прогнал приставов от себя, а Богдану повелел отправить их в пыточную.

Хорошо, что не сразу на казнь. Оружничий арестовать арестовал приставов, но отправил на казенный двор, наказав не слишком строжиться к ним. Придет время, он добьется их освобождения и приблизит к себе, тогда они станут верными его товарищами.

Скандал, случившийся в Архангельске, обернулся на пользу Вельскому и Федору Нагому, теперь проще будет, поняв, что за самовольный тип Боус, допекать его, дразня по мелочам.

Грозный назначил скорую аудиенцию послу, дав отдохнуть с дороги Боусу всего пару дней. В урочный час стрельцы в парадных доспехах были расставлены по всему пути следования посла английской королевы от выделенного ему особняка до Царского крыльца, ведущего в тронный зал. В приставы царь определил князя Сицкого, чтоб не обидеть посла приставом из не слишком знатного рода. Но и тут — скандал: сэру Джерому Боусу показалось, будто жеребец под князем лучше статью и богаче сбруей, чем тот, какого подвели ему, послу самой королевы великой Англии, и Боус пошел пешком ко дворцу царя.

Зевакам, неведь откуда набежавшим поглазеть на впечатляющее зрелище, сразу же стало известно о выходе посла, и они тут же начали высмеивать странную процессию — коней ведут под уздцы, сами все идут пешие. Как тут не позубоскалить?

— Ишь, гусь лапчатый. Пуп земли.

— Не гусь, карлуха.

Очень меткая поправка. Боус и в самом деле длинноногостью своей весьма напоминал журавля.

— А подарки-то — подарки? По одной посудине в руках у каждого прислужника посольского. Гляди, мол, народ честной, на щедрость аглицкую.

— То-то, щедрость? Серебро одно. Аки нищему подавание несут!

Оружничий тут же спешит обо всем этом известить государя, который уже гневается: какой-то сэр заставляет самодержца великой державы, помазанника Божьего себя ждать.

Бельский же дополняет свой доклад:

— Послал я к нему напомнить, что не гоже, дескать, выкаблучиваться перед великим государем, он же в ответ: иду, мол, как могу. Как приду, так и приду. Подождет ваш царь.

Все, кто присутствовал в тронном зале и слушал доклад Бельского (а он говорил специально громко, для всех), ожидали великого скандала, ибо посол опаздывал уже на добрых полчаса. Грозный сидел на троне нахохлившийся, бояре, устроившиеся на лавках вдоль стен, насупленно молчали, выпячивая и свою оскорбленность, только белоснежные рынды, стоявшие при царском троне, оставались торжественно-величавыми.

Скандал не случился. Царь, спросив о здоровье сестры Елизаветы Английской и выслушав стоя ответ, велел принять подарки и письма от королевы, затем указал место послу, специально для него приготовленное, рядом с тронном, и больше не проронил ни слова. На сэра Боуса он даже не взглянул. Ни разу. А вскоре встал и покинул тронный зал. Растерявшегося, но еще более обиженного Боуса проводили в отведенный ему особняк тем же порядком и еще под более острые реплики зевак.

Переговоры начать с послом Грозный повелел лишь через несколько дней, назвав со товарищами Бельского боярина Никиту Юрьева и дьяка Андрея Шелкалова. Но предупредил Богдана:

— Вместе ведете переговоры о государственном союзе с Англией. О сватовстве с Марией Гастингс поведешь речи ты один. После того, как обговорены будут условия союза и договор мною подписан.

— Все понятно. Исполню в точности.

Переговоры, однако, не заладились. Сэр Боус, обидевшийся, что не обласкан царем Иваном Грозным, даже не зван к обеду с ним, вносил поправки даже в те условия, какие были определены в письме королевы английской, дьяк Шелкалов пытался находить согласные варианты, но ни Богдан, ни боярин Никита Юрьев не пособляли ему, отстаивая положения письма, а потом и сами принимались вносить поправки, угодные лишь одной Руси. Летели недели, а вот так и не мог сдвинуться с места.

В ежедневных докладах царю оружничий во всем винил

английского посла, слишком заносчивого, требующего выгодных условий лишь для Англии и подтверждал свои слова примерами. Бельского поддерживал Юрьев, Шелкалов же либо отмалчивался, либо говорил о своих предложениях, которые не принял Боус, чем тоже невольно добавлял свою струю в общую воду на мельничное колесо. А царь с каждой неделей все более охладевал и к переговорам о союзе с Англией и, особенно, к сватовству. Из тех слов, какие говорил самодержец в личных беседах с Богданом Бельским, тот понимал, что Грозного начали мучить угрызения совести, ибо он не мог не понимать, каково состояние души беременной жены, наверняка знающей о сватовстве, и как трудно придется ей, когда будет она изгнана из дома с малолетним ребенком, который вот-вот должен родиться.

Наконец — свершилось. Подошел срок, и родился сын. В Кремле в один голос стали его именовать наследником престола. Все знали слабость ума Федора, кому не великой державой управлять, а лишь молиться Богу, прося для Руси блага. Но, как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. Только крепкая рука удержит страну от пагубных распрей, только крепкий кулак отобьет алчных врагов. Вот и судили так: в отца ли пойдет ребенок (его в крещении назвали Дмитрием, как первенца Грозного, скончавшегося в зряшной дороге) — крепости станет не занимать; в мать ли пойдет — Нагие тоже тверды в деле, крепко за себя стоят. Не лыком Нагие шиты.

Что оставалось делать Бельскому, коль идут разговоры подобные в Кремле? Одно — доносить царю о всех пересудах как в самом Кремле, так и в своих вотчинах и поместьях. И всякий раз он добавлял:

— Если раздуматься, не крамольничают. Правы они, государь. Тем более, ты Федора еще не назвал наследником.

Броде бы исподволь действовал, но и поголовное мнение знати, и целенаправленность слов верного слуги давали свои плоды. Грозный сказал, наконец, достойное:

— Заканчивай все переговоры с английским капризником. Без воли их королевы он не стал бы себя так вести. Пусть поживет чуток в безделии, потом решим, спровадить ли его или казнить.

— Изгнать рассудительней.

— Не к ладу с Англией, что изгоним, что казним. Поглядим. Марию же я оставляю. Дмитрия объявлю наследником.

Стоило бы Бельскому посоветовать Ивану держать свое решение в строжайшей тайне, переговоры с Боусом продолжать, как ни в чем не бывало, пока не будет объявлено при всем честном народе о наследнике, но он посчитал, что Иван Грозный и сам все понимает. К тому же, радость захлестнула оружничего:

«Опекуном назначит! Иное не может быть!»

Он не думал даже, что царь может еще долго жить, Борис Годунов исполнит задуманное, не останавливаясь ни перед чем. Вот тогда, на смертном одре, раскроет государю глаза на коварство вторгшегося в их семью, и тот отдаст в его, Богдана, руки судьбу малолетнего царя Дмитрия.

Не строить бы воздушные замки, а вдуматься в услышанное и насторожить Грозного, но он не сделал этого и ошибся. Кому-то еще проговорился царь, ибо об этом решении стало известно Годунову и тот поспешил удостовериться, встретившись с Богданом.

Теперь настало время темнить оружничему.

— Переговоры? Нет, не окончены. Прерваны на малое время. Вот прибудут волхвы и колдуны, предскажут судьбу царя-батюшки, вот тогда будет его последнее слово.

— Они должны предсказать одно. Иного не может быть.

— У них свои боги, каким они служат. Мы с тобой им не указ.

— А что с Нагой и царевичем Дмитрием?

— В раздумьях царь. И так прикидывал, и эдак, но пока ничего определенного не сказал.

— Но я слышал...

— От кого? Верить можно только словам самого. Вот когда скажет он, тогда не слух, а правда.

— Не поздно ли будет тогда?

Уехал Борис от Вельского осерчавший, хотя всячески пытался притвориться удовлетворенным беседой, но Богдан понял, что ничто не остановит коварного стяжателя. Своего добьется.

«Посмотрим. Я тоже не стану дремать. Постараюсь вырвать маховые перья из крыльев».

Только не получалось это. Как повиыдержашь, если Грозный ухом не ведет, слушая доносы оружничего.

— Государь, Борис Годунов часто видится с твоим духовником Федосеем Вяткой. Очень часто. Беседуют часами. Дозволь дознаться?

— Пусть его.

Иной доклад:

— Твой лекарь Иоганн Эйлоф и Борис Годунов часто и по долгу шушукуются, так мне доносит тайный дьяк. Всегда наедине. Дьяк никак не может узнать, о чем их долгие разговоры.

— Ну, и не нужно. Пусть шушукуются.

А когда Хлопок привез в Москву волхвов и колдунов, Борис сразу же узнал об этом и уже на второй день посетил их. Раньше самого Богдана. Вот тогда, пытаюсь понять, откуда Годунову стало известно о волхвах, заподозрил Бельский своего кравчего. Однако не уверился в этом окончательно. Подумал:

«Может, все же не он, а тайный дьяк?»

Остановился на том, что скорее всего это дело рук тайного дьяка, хотя сомнения по поводу Тимофея остались, поэтому определил впредь вести себя с ним более осторожно.

О посещении колдунов и волхвов Годуновым Бельский тоже доложил царю, надеясь получить позволение для сыска.

— Тайно я их доставил, а он узнал.

— Стало быть, не совсем тайно. Оплотка у тебя случилась.

Вот это — под девятое ребро. Не приказ дознаться, откуда утекает тайна, а прямое обвинение его, оружничего. Худо дело.

А царь с вопросом:

— Ты лучше доложи, что предсказали волхвы и колдуны?

— Попросили пару дней. Со своими богами посоветуются, положение звезд изучат, к магии обратятся.

Он сказал правду. Осанистый муж средних лет, одетый просторно, со множеством волнистых складок, в каждой из которой — мудрость Правосудного бога, с золотой цепью на груди, как символом единения всех мыслей в одно целое, назвал себя хранителем бога Прова, правосудного и неподкупного, и определил срок так:

— Каждый из волхвов обратится к своему богу, хранителем какого он есть, колдуны поведут дело по своему разумению, по магиям своим, затем время нужно — свести все мнения в единое. Это право бога Прова. Без двух дней, боярин, не обойтись. И чтобы никто нам не мешал. Ни единая нога не ступала бы через порог. Ни еды, ни питья нам не нужно приносить. Пусть лишь сурьи в избытке поставят. Сегодня же.

Сурья — та же медовуха, только еще на солнце выдержанная какое-то время. Оттого, видимо, предки славянорусов, а затем и сами славянорусы почитали ее божественным напитком, да и называли этот напиток именем бога Солнца — Сурьи. Но Богдан имел лишь туманное представление о сурье, поэтому расспросил о ней хранителя бога Прова, как она готовится, а узнавши, повелел вкатить волхвам и колдунам целую бочку, поддержав ее остаток дня на солнце. Пусть пьют во славу своих богов и готовят ответ, что ждет царя в будущем.

Об ответе Бельский не беспокоился. Что ему скажут, то он и передаст.

В условленный день пошел в особняк, выделенный гостям почти рядом с Чудовым монастырем, потешаясь, как и в первый свой поход над тем, что единобожники и многобожники живут чуть не бок о бок, а земля не разверзлась. И в самом деле — потешно.

В один миг, однако же, его настроение изменилось и, казалось, земля уходит из-под ног.

Встретил Богдана в светелке один лишь хранитель бога Прова, заявив, что уполномочен говорить от имени всех своих собратьев. Встретил с достоинством, как и подобает хранителю правосудного бога, наделенного правом определить золотую середину, если возникают меж богами разногласия. Он, в прежние времена, ко всему прочему, имел право судить поступки князей и иных власть имущих, одобряя их или осуждая. И не было случая, чтобы кто-либо из правителей поступил не по воле бога Прова.

Хранитель Правосудного указал перстом на лавку.

— Садись. В ногах правды нет.

Будто сам Грозный в комнате для тайных бесед повелевал сесть и слушать.

— Рассудишь, оружничий, угодно ли царю моему мое

слово или нет. Я говорю о предсказании судьбы. Так вот, царь Иван Васильевич — последний из рода Владимира Киевского, кто правит Русью. На нем пресечется окончательно род великого князя Киевского и всей Руси, ибо проклят был и сам князь, и его потомство на Священной горе, когда надругался над кумиром всемогущего бога Перуна. Проклят был хранителем бога Перуна и хранителем главной кумирни Русской земли. Великому князю предсказано было, что почит он в бозе по вине сына своего. Так и произошло. В проклятии сказано было, что весь род его пресечется, и вот подошел тому срок. Многие десятилетия потомки Владимира истребляли друг друга, неся одновременно и кару народу, кто без упорной борьбы отдал себя под пяту алчных церковников; князья даже не успокоились, когда боги покарали Русь татарским игом — междоусобица продолжалась без остановки. Последний из Владимировичей тоже не оставался в стороне: истреблял князей крови проклятой безжалостно по воле Рока, даже лишил жизни сына своего. Остался один — царевич Федор, он сядет на трон, но не будет царствовать. Царствовать станет его именем властолюбец. Кто? Мы не можем пока предсказать. Еще родится сын у Грозного, он тоже сядет на трон, но на малое время. Так определил бог Суд. Сам Грозный, истребив остатки своих сородичей, погибнет от рук ближних своих. Две недели спустя.

Предусмотрительно усадил на лавку хранитель бога Прова посланца царского, подкосились бы у него ноги от услышанного, хотя крепок он телом и закален душой. Многое он повидал, многое пережил, но такое — впервые.

«Как все это передать царю-батюшке?! Как?!»

И в самом деле, духа не хватит. Если же промолчишь, подпишешь себе смертный приговор. Ничто тогда не спасет. Ни любовь царя, ни верная служба сторожевого пса, без которого Грозному не обойтись — все забудется. Богдан даже услышал, будто наяву, грозное:

«На кол его!» — и сдавленный стон невольно вырвался из груди.

— Не страшись, оружничий, тебе смерть на роду написана не скорая. Ты сам приложишь руку к царской гибели.

Слава Богу — успокоил! Только после такого успокоения еще горше, еще страшнее.

— Что ж, спасибо за откровенность.

— Мы свободны?

— Прятки. Пока не сбудется ваше пророчество, никуда из дома этого ни шагу. Если сбудется — отпущу. И не просто отпущу на все четыре стороны, но сопровожу под надежной охраной аж за Вологду.

— Волхвам не нужна охрана. Мы, хранители богов, под их сенью.

— Верю. Скажу лишь одно: меч не слишком разборчив. От меча же спасение — меч, а не щит. А я не хочу брать греха на душу. Хотя вы и некрещенные, но все одно — люди.

— Воля твоя.

Вышел Богдан во двор, вышел за ворота, пошагал, велел стремлянному отвести коня в конюшню, пешком, предполагая принять какое-то приемлемое решение, пока волочит сопротивляющиеся ноги до царского дворца, но в голове лишь набатно стучало:

«Ты сам приложишь руку к смерти царя...»

Одолел все же назойливый набат, обрел малое спокойствие и способность думать, определяя лучший ход; варианты толпились, но ни один из них не подходил. Наконец, появилось, как он посчитал, более приемлемое:

«Промолчу, пережидая время. Скажу, не определились волхвы и колдуны. Разногласия у них серьезные. Просят еще два-три денька».

Будет повод для ежедневного посещения волхвов, для бесед с ними, особенно же с хранителем бога Прова. Вельско-го, кроме всего прочего, оказывается зацепило неизвестное для него прошлое Руси.

Грозный, выслушав оружничего, выразил явное недовольство неопределенностью доклада. Даже брови насупил сердито:

— А если в пыточную этих волхвов и колдунов? Тут же разгадают мою судьбу.

— Можно, конечно, пыточной пострадать, но будет ли от этого толк? Они же не отказываются исполнить твою, государь, волю, они пока не могут найти верный ответ. Чтоб без ошибки. Мне даже понятно, отчего: ты, государь, помазанник Всевышнего. Его одного. Однако они обещают через магию проникнуть в начертанное тебе судьбой. И что для тебя,

государь, стоит подождать каких-то несколько дней. Если же в пыточную их, они смогут пойти на лукавство.

— Пожалуй, верное твое слово. Подождем.

Вроде бы вполне согласился царь с доводами своего оружничего, но по тону (а Богдан изучил царя хорошо) голоса почувствовалось, что у царя возникло какое-то подозрение.

Вот так всегда: лихо в одиночку не ходит.

— Я, государь, каждый день буду поторапливать волхвов с колдунами. Если начнут слишком затягивать, пугну пыточной.

Он и в самом деле ходил в особняк близ Чудова монастыря не только для отвода глаз, но ради любопытства. Он хорошо знал родословную Бельских, во всех подробностях знал историю князей Бельских, хотя сам был не из главной ветви славного древа родового; знал он в какой-то мере историю своей страны, а вот прошлое Руси, единой с Киевом, вернее, во главе с Киевом, для него — глухой лес. А о проклятии рода великого князя Владимира и его потомков вовсе не слышал. Вот теперь открылась у него возможность из уст хранителя бога Прова, из уст хранителей других богов услышать не искаженное в угоду правителям прошлое Руси, прошлое славянорусов.

И первое, что его поразило: князь Рюрик, основатель славной, как ему говорили, династии, не из викингов, а варяг из венедов новгородско-псковской ветви славянорусов.

— Рюрик, прежде так именовали соколов-шестокрыльцев, да и теперь в иных местах не забыли то имя соколиное, с дружиной своей варяжил на Янтарном берегу. В давние века венеды пришли из Адрии. Они — от финикийской ветви, потому умелые торговцы и мореходы. Их главный город, Венеда, процветал, а край вольный, подвластный лишь вечаемому собранию и wybranным на нем посадникам, благоденствовал. Соседние народы звали этот край Волынью. Так именуют ту землю и поныне. Увы, богатство и вольность порождают беспечность. Не избежали этого и венеды, не смогли отстоять свое счастье мечом, когда на них напали алчные соседи. Бежали венеды берегом моря на восток. Облюбовав добрые места, они основали Псков и Новгород, Новую Руссу и другие города, а порядки завели в них, как в Волини. По законам вече. Лет через полтараста, собравшись с силой, со-

бралась часть венедов отбить свою землю на Янтарном берегу. Отбила. Но и Новгород со Псковом остались. С Янтарного берега возобновился торг, охрану которого взяли наемные дружины варяжские. Не ясно, кто такие варяги? Охранники по-теперешнему. Варяги охраняли порты, охраняли торговые суда. Они имелись во всех странах, какие вели торг морем, пока не отпала в них необходимость. Так вот, князь Рюрик, сам из венедов и дружина в основном из венедов, варяжил на Янтарном берегу, а в женах у него была дочь Новгородского князя Борзосмысла. У того не было сыновей. Вот тогда вече, пресекая распри за право княжить в Новгороде, решила звать Сокола-шестокрыльца. Своего, единокровного им венеда. Как род Рюриковичей оказался в Киеве? У Рюрика служил любимец его, Олег, не весть какого рода и племени. Из наемных. Смышлен, как оставлена о нем молва, и храбр. До безумия храбр. В дружине он был вторым после Рюрика. Когда Рюрик скончался, оставив сына Игоря, хватка Олега вылезла наружу. Алчность же его, властолюбие толкнули на кровопролитие. Он присвоил себе власть над Новгородом, затем повел дружину на грабежи в поход. Убив в Киеве князей Аскольда и Дира, посадил там сына Рюрика, чтобы, воротившись в Новгород, самому единолично править славной и богатой землей. Боги не дали свершиться коварному замыслу, наказали за убийство Киевских князей. Умертвили укусом змеи. Никто нынче не знает, где его могила. А Игорь так и остался сидеть в Киеве, красивом и богатом городе, через который шел торг всей Русской земли с Заморьем по Днепру и Русскому морю.

Долго еще рассказывал хранитель бога Прова, отвечая на вопросы о сложных, доходивших порой до враждебности, взаимоотношениях Новгорода и Киева, победителем из которых вышел Киев, и вот тогда, на Священной Горе князь Владимир возвел главную кумирню всей Русской земли. Возле нее встал во весь свой богатырский рост могучий бог Перун. Семь негасимых костров горели вокруг златоглавого кумира бога Перуна. Вот за это великий князь всей Руси Владимир прозван был Красным Солнышком.

— Выходит, не проклинали его, а преклонялись перед ним? А ты сказывал прежде, будто и он сам, и род его проклят волхвами. За что? Он же им благоволил.

— Это когда иное время наступило. История длинная. Приходи в другой раз. Нынче я устал. Да и будет загружать твою голову. Разложи все услышанное по полочкам на долгое хранение в памяти. Тебе может это сгодиться. Впрочем, мы не смогли узнать предопределенное богом Судом. Нам видится и взлет, но и падение. Зависеть будет, каким боком повернется к тебе судьба. Одно можем сказать четко: жить тебе еще долго.

Долгая жизнь — это хорошо. А еще лучше, если судьба повернулась бы не боком, пусть даже правым, а ликом лучезарным. Ради этого можно рисковать, добиваясь желаемого.

— Я постараюсь навестить тебя, хранитель Правосудного, завтра. Послушать о проклятии волхвов.

— Буду ждать. Хранитель могучего Перуна тоже.

На следующий день Вельскому не удалось попасть к волхвам: царь с утра занемог так, что не смог подняться с постели до самого обеда. Верный слуга же не отходил от него ни на час. Поднял на ноги всех лекарей, всех аптекарей и добился заметной поправки. На радостях Грозный закатил пир, где по правую руку от него сидел сын Федор, а по левую — Богдан.

Все привычно. Все как и установилось за последнее время. Но одно новшество, которое вызывало недовольство Бельского: у правой руки царевича Федора сидел Борис Годунов. До этого его обычным местом было за князем Сицким. Выходит, поднялся Годунов вдруг несколькими местами выше, вопреки стараниям его, Бельского, опорочить в глазах царя шурина царевича.

Вот тебе и лучезарный лик судьбы. Скорее — зад ее.

На следующее утро Грозному вновь стало хуже, и снова Бельский озабочен лечением царя, хотя прекрасно знает, отчего недуг и даже как с ним бороться, но больше он даже не собирался намекать царю-батюшке о виновнике болезни. Никакого толку. Однако тут же, как едва полегчало царю, Богдан с вопросом:

— Пора бы мне волхвов с колдунами проведать. Дозволь?

— Ступай. А при мне пусть побудет Борис. Передай ему мое слово.

Еще не легче. А он хотел все же спросить, несмотря на безрезультатность прежних слов и решение больше не рас-

крыть рта, у Грозного, не озадачить ли волхвов с колдунами, чтобы узнали они причину хвори и виновного в ней. Дал бы добро, сочтены были бы дни соперника. Выходит, не судьба.

Часа два провел Вельский в беседе с хранителем бога Прова, тот подробно рассказывал о всех богах славянорусских, о их обязанностях, о сыновней к ним любви, и оруженному виделась близость людей к самой природе, которую боги воплощали, но хотя хранитель Правосудного вел рассказ увлекательно, Богдана больше интересовало как и за что проклят великий князь Владимир и его потомство?

— Как за что? За то, что пограл святая святых. За то, что отказался от клятвы, какую давал волхвам, прося их поддержки при захвате Киевского стола. А вот как все это получилось, лучше поведает хранитель могучего бога Перуна.

Он вышел, чтобы привести своего собрата, Вельский осмысливал последние слова хранителя Прова, пытаясь понять их глубинный смысл, первооснову бунта волхвов. И выходило, по его пониманию, суть всего в борьбе за единоначальную власть на Русской земле, от которой волхвов отрывала христианская церковь. С прямого вопроса он и начал беседу с хранителем бога Перуна-Громовержца:

— Князья были подвластны волхвам, особенно хранителям Перуна и Прова, крестившись, они уходили из-под вашей руки, не в этом ли причина проклятия?

— В этом, — искренне признался волхв к удивлению Вельского, который предполагал, что хранитель Перуна станет влиять и выкручиваться. — Именно в этом. И в то же время не в этом. В Киеве стояла церковь, построенная бабкой Владимира. Она съездила в Царьград и там крестилась. Крестились и иные, кто желал. Их же никто не проклинал. Мы боролись с греческой церковью не мечом и огнем, не проклятиями, а убеждали, что лучше быть любящим внуком Дажьбога, ласковым сыном ласкового отца Сварога, чем рабом неведомого Господа. Кто хотел стать рабом — волявольная. Мы боролись словом, и оно было неодолимо для церковников. И вот тогда греческие священники, как они себя называли и называют, совратили великого князя, подсунув ему под бок принцессу Царьградскую. Использовали его великую любвеобильность. В ответ и он их утешил: силком, под мечами дру-

жинников своих, ему послушных, крестил Киев, а над кумиром бога Перуна надругался, после чего сбросил в Днепр, чтобы унесло его вон из Русской земли в океан-море. Но нет! Не уплыл далеко кумир Перуна, вынесли его ласковые Днепровские струи на берег, и он по сей день обитает в нашей земле, невидимый для отступников от веры отчичей и ласкающий глаз верным Дажьбогу. Придет время, найдут люди кумир Перуна и поднимут его во весь рост.

— Не думаю, чтобы одна красота заморской принцессы подвигла великого князя Владимира на столь значительный шаг!

— Конечно, нет. Главное в ином. Церковники что говорят? Власть от ихнего бога, властитель же — наместник его на земле, ему подвластной. Стало быть, он не подсуден простолудинам, даже в боярском чине, значит — единодержавен. Куда как ладно такое для властолюбца. А как весь остальной народ? Прикинь: если он раб Божий, стало быть, и раб наместника Божьего. Вот в чем суть. Быстро поняли это князья и бояре, всяк в своей вотчине почитал себя наместником Божьим, и принялись загонять в христианство кнутами да батогами, а слишком упрямым — меч да дыба. Не по доброй воле все шло, а силком. Даже волхвов изводили. Тайно. Прилюдно-то побаивались. А тайно: был человек, отмеченный богами правом хранить кого-либо из них, и нет его. Исчез. А на нет и суда нет.

Еще и еще ходил к волхвам Богдан и стал невольно замечать, что вполне разделяет их негодование в связи с насильственным крещением Руси. По желанию — одно дело, по необходимости — другое, вот уж из-под палки — вовсе не гоже. В его стране все происходило не так, но и там без насилия, как он теперь понимал, не обошлось. Его несли на копьях и мечах захватчики, прикрываясь крестоносными щитами. Впрочем, и у него на родине сопротивлялись крещению в основном простолудины, а не князья.

Прошлое, однако же, не воротишь, оно, конечно, поучительно, безусловно, интересно, но важнее день сегодняшний. Он и не выходил из головы Богдана, ибо роковой срок, предсказанный волхвами по звездам, приближался неодолимо, а Грозный все более настойчиво требовал правдивого слова волхвов и колдунов, хотя в последние несколько дней

он скорее играл в настойчивость, и это особенно пугало оружничего. Он терялся в догадках.

«Неужели узнал о предсказании?»

Не может быть. Только ему, Вельскому, открыл хранитель бога Прова истину. Впрочем, откуда такая уверенность? Но они же, волхвы, даже не намекнули, что кто-то еще бывает у них. Возможно, строго-настрого запретили говорить? Все может быть.

И еще что настораживало, не давая покоя, — ежедневное присутствие при царе Годунова. Не один он, а двое их при руке царевой. Не доверяет ему одному. Опасно и другое: о чем они могут говорить, когда остаются наедине?

Подошел канун предсказанного дня. Царь с самого утра послал своего оружничего к волхвам, строго-настрого наказав получить от них ответ, Бельский провел у них больше часа и даже упрекнул их:

— Завтра, как вы предсказали, последний день жизни Грозного, а он, можно сказать, в полном здравии. Даже менее недомогает, чем прежде.

— Завтра — это не сегодня. Грядет неотвратимое.

С недоверием к словам волхвов возвращался Богдан к царю, вновь боясь сказать ему всю правду. Государь снова встретил его любовым вопросом:

— Каково их слово?

— Не определились. Просят еще денек-другой.

— Что ж, если просят — дадим.

Сказано это со зловещим придыханием. Даже пот прошиб Вельского. Холодный пот. А царь, помолчав, попросил:

— Позови-ка постельного слугу Родиона.

Родиону Биркину, как было известно Богдану, Грозный доверял безоглядно, что было весьма удивительным с его-то вечной подозрительностью, но Бельский не придавал этому особого значения, ибо сам тоже был в любимчиках. Не озадачился и теперь. Его лишь кольнуло, что не Бориса, его он застал у царя, послал Грозный, а его, оружничего.

Однако сказано — сделано. Вот он — Родион. Пред очами твоими, царь-батюшка.

— От сего часа оставайся при мне, — повелел Грозный спальному слуге, будто ни Вельского, ни Годунова не было

рядом. — А теперь пойд и скажи, пусть баню на завтра готовят. Вернешься и — неотлучно.

Вот такой вот щелчок по носу. Стало быть, не доверяет больше своим любимцам. Обоим. И это не к добру.

День прошел ни шатко ни валко. Слушали песни, играли в шахматы и, казалось, царь ничем не озабочен. Борис всегда проигрывал, хотя по всему было видно, что именно он может и должен поставить мат, но в самый решительный момент совершал ошибочный ход, и позиция на доске круто менялась в пользу царя. Иван Васильевич радовался как ребенок. Несколько раз за день царь отсылал Богдана и Бориса исполнять мелкие поручения и оставался наедине с Родионом Биркиным, и это настораживало соперников.

Борис даже заявил решительно:

— Хватит играть в кошки-мышки, иначе доиграемся.

— Да, — согласился Богдан. — Кажется, мы на волоске.

— И мне это видится. Завтра решу все.

Хотел Бельский открыться, что именно завтрашний день, по предсказанию волхвов и колдунов, должен стать последним в жизни Грозного, но нашел лучшим все же промолчать. Сказал иное:

— Родион не помешал бы.

— Не помешает. Ума не хватит, — с ухмылкой ответил Годунов и вдруг задал вопрос: — А тебе не проще ли было уведомить царя-батюшку о дне его кончины? Пусть бы очистил душу покаянием, причастился бы и принял иночество. У него давно для этого одежда приготовлена.

— Не называли они пока что дня кончины.

— Лукавишь, оружничий. Лукавишь.

Объяснились, называется. Вот теперь разгадай, знает ли хитрован о том, что волхвы еще две недели назад называли день смерти царя или только догадывается?

«А-а, все едино. День переждем с Божьей помощью». Вечером же — еще одна зуботычина. Такая, от которой вся ночь без сна. И навязчивая мысль о побеге.

Когда он выходил из царской опочивальни, чтобы ехать домой, его перехватил подьячий Сыскного приказа.

— Дьяк, оружничий, хочет видеть тебя. Очень. Ждет тебя к себе.

Сказал и растворился, словно призрак.

Совсем забыл он о тайном дьяке в сutoлоке последних дней. Ругнул себя за это и пошagal в Сыскную избy.

Тайный дьяк встретил Богдана с поясным поклоном и извинением:

— Не серчай, оружничий, что не давал тебе ни одной вести. До сего дня не было заслуживающего твоего внимания. Но вот сегодня...

Он вздохнул, явно сочувствуя своему начальнику, и лишь после этого, словно насилуя себя, словно без всякого желания, лишь по необходимости, ибо нужда заставляет, начал докладывать.

— Пока ты, оружничий, ездил к волхвам, хотя тебе там нечего было делать, царь знает о предсказании волхвов, Ивал Васильевич послал в Можайск, где задержан, как тебе известно, посол Литвы Лев Сапега. Велено, чтобы воротился он в Москву.

Переговорил, понимая, каково оружничему узнать обо всем этом, но видя, что Бельский никак не придет в себя, решил досказать остальное, пусть все скопом огоревает.

— И еще... Грозный с неделю назад начал готовить, миную тебя, сватов в Швецию. Собрался жениться на принцессе, дочери короля Швеции. Сегодня князь Шуйский отправлен в дорогу.

Вот теперь доложено обо всем. Теперь оружничий думай да гадай, что ждет тебя завтра.

До самого до рассвета не сомкнул глаз Бельский. О чем он думал, не смог бы ответить, спроси его. В основном перед настежь открытыми очами то проходили события минувшего, то застенки, в которых пытали оговоренных либо им самим, либо дядей его, но стонал от боли и даже взывал не кто-то — сам. Разум не подчинялся ему, хотя нет-нет да всплывало пророчество хранителя бога Прова о предстоящей долгой жизни, это, однако, проскальзывало мимолетно, оттеснялось видением того, как Грозный принуждал князя Владимира Андреевича, его жену и сыновей выпить кубки с ядом.

Он даже застонал, представив, как царь самолично подаст ему кубок с ядом и повелевает: «Пей!»

И только перед рассветом Богдан одолел душевную сумятицу и принудил себя искать выход из смертельной опасно-

сти. Как ни странно, но придумал. Встал бодрый, полный надежды.

У Красного крыльца встретился с Годуновым. Вроде бы одновременно прибыли, но Бельский видел при въезде в Кремль коляску Годунова с шестеркой вороных цугом. Ни у кого такой не было, не обозначаешь.

«Это — хорошо!»

Разговор начался с ожидаемого упрека:

— Отчего, скрыв от царя, не уведомил меня о предсказании волхвов?

— А предсказаний не было. Мне, во всяком случае, они ничего не сказывали.

Годунов опешил, это заметил Вельский и возрадовался. Угадал, значит. Он, Борис Федорович, донес царю о предсказании. Но от кого он узнал? От тайного дьяка, либо сам допытался у волхвов? Но еще больше растерялся бы хитрован, если бы знал, что именно в этот самый момент хранителя бога Прова строго предупреждает воевода Вельского Хлопко, чтобы тот непременно смолчал, если его будут спрашивать, говорил ли он оружничему о дне смерти царя Ивана Васильевича. Стоял бы на своем: нет, мол, и все тут. Побоялись, дескать. Если же не исполнит этой просьбы, будет либо отравлен, либо заколот.

Уверенно повторил, уже с большей настойчивостью:

— Мне волхвы ничего не говорили. Кормили одними обещаниями. Каждый приход просили отсрочки.

По тому, как растерялся Борис Годунов, Вельский понял, что именно сам он вызнал у волхвов секрет, поэтому больше не стал обороняться, а пошел в наступление, упрекая Бориса, что тот действует во вред общему делу, пробиваясь единолично к престолу. Годунов отнекивался, но Вельский слушал его вполуха, ибо пытался определить, как тайный дьяк, оповестивший его о предательстве, как всегда — иносказательно, проведаль об этом самом предательстве. И вновь концы сходились к Тимофею.

«Меня же, мерзавец кравчий, не поставил в известность! Ну, ничего, получишь сполна за двойную игру. Пожалеешь!»

Тем временем Годунов, овладев собой, начал отвечать на выпады уверенней, теперь отмечая все обвинения в свой ад-

рес, но затем, как бы признавая правоту соперника, подвел итог спору:

— Наше спасение не в обвинении друг друга, а в смерти Грозного. Он должен сегодня умереть!

Вошли они к царю вместе. Тот встретил их ухмылкой:

— Что? Спелись?

— В каком смысле? — с искренним недоумением спросил Богдан, кланяясь царю. — Мы — родственники и дружны меж собой. Никогда этого не скрывали и не скрываем.

— Не вилай! Скажи, сегодня мне волхвы предсказали смерть, а я здоров, как никогда. Если не сбудется предсказание, я изжарю волхвов с колдунами и еще кое-кого за компанию!

— Не гневайся, государь, зряшно. Вчера я последний раз был у них, они, как мне сказано было, не определились. Попросили у меня день-другой. Я пострашал их, дескать, государь наш теряет терпение, может и в пыточную спровадить.

Пронзил Грозный взглядом оружничего, но, странное дело, явно успокоился. Гнев его сменился на благодушие.

— Ладно. Завтра начну дознаваться истины.

Именно это и хотел слышать Бельский. Если не свершится предсказание волхвов, он выкрутится, а Борис потеряет все. Возможно, даже лишится жизни. Но скорее всего будет сослан. И даже такой исход весьма желателен.

А услужливая мысль подсказывает: пойманный за руку Годунов не станет в безделии дожидаться завтрашнего дня.

После утренней молитвы и завтрака Грозный выслушивал доклады приказных дьяков, не отсылая от себя ни Богдана, ни Бориса, ни Родиона Биркина. В баню они пошли тоже все вместе, хотя прежде царь в баню брал с собой только Богдана, если тот находился в Москве.

В предбаннике ждал их хор пригожих дев в легких, почти прозрачных сарафанах, чтобы не взопрели они от тепла банного. Девы потешали царя и слуг его песнями, пока те раздевались и потом, когда вываливались из парилки, чтобы отдышаться и отпиться квасом.

Царь любил медово-клюквенный, и Борис с готовностью подавал ему всякий раз после парения этого кваса по полно-

му ковшу. А когда Бельский тоже захотел испить медово-клюквенного, Годунов, вроде бы заботясь о царе, остановил его.

— Ивану Васильевичу может не хватить.

И в самом деле, любимого Иваном Грозным кваса принесли всего один хрустальный кувшин.

«Что творит?! — недоумевал Бельский. — Великий риск!»

В то же время понимал, что иного Годунову ничего не оставалось: и в риске смертельная опасность, и в безделии — смерть.

Парили царя поочередно все трое, особенно старательно Годунов, чтобы побольше выпил царь кваса. Напарившись до полного блаженства, разомлевший, царь пожелал отдохнуть в опочивальне. Родион заботливо уложил его в постель. Грозный же попросил его:

— Подушки под спину, чтоб полусидя. Шахматы тоже подай.

Подкатали шахматный столик, первым сел за партию с царем Борис и, как всегда, проиграл.

— Садись теперь ты, — пригласил Богдана. — Обыграю и тебя, хотя ты играешь упрямей, но все едино — играчишка. Оба вы играчишки.

Последние слова со смыслом. Не с шахматным.

Расставили фигуры, разыграли масть — белые у Ивана Грозного. Ему первому ходить. Он взял пешку и — выронив ее, склонил безжизненно голову на грудь, а тело его всей тяжестью вдавилось в подушки.

— Беги за доктором Иваном! — велел, будто ему дано непрекаемое право распоряжаться, приказал Родиону Борис. — Да поживей!

Биркин вылетел из комнаты, и тут Грозный очнулся и произнес зловец:

— Вот кто травил меня, наговаривая друг на друга, а действуя заодно. Не выйдет! Я буду жить, а вам поджариваться на вертеле!

— Держи ноги! — крикнул Богдану Годунов, сам же сдвинул горло Грозному. Давил и давил, пока не почувствовал, что тело царя обмякло и стало бездвижным. Свершив же убийство, сказал вполне спокойно:

— Того кваса с зельем, что выпил он, — ткнул перстом в

удушенного, — хватило бы свалить слона, а его не умертвило. Прав оказался ты, Богдан, предупреждая меня, что организм приспосабливается к зелью. Вот теперь — все. Выйду встретить Иоганна Эйлофа.

Эйлоф оказался поблизости. Взволнованный, влетел в комнату для тайных бесед, жестом остановив не только Биркина, но и Годунова у дверей опочивальни.

— Не мешайте.

Можно было предвидеть, что сейчас из опочивальни выводит Эйлоф и Бельского, однако, Иоганн вышел сам, объявив:

— Не помешает царский духовник. Не часы, а минуты сочтены.

— Быстро зови духовника Федосея, — вновь скомандовал Годунов Родиону, и тот кинулся было исполнять приказ царского кравчего, но в комнате для стражи столкнулся с Федосием Вяткой.

— Скорей! Царь отдает Богу душу.

— Чуяло мое сердце неладное. Чуяло, — крестясь, молитвенно рек духовник царский и, подхватив полы рясы, устремился за Биркиным, но перед входом в опочивальню придержал слугу.

— Исповедь — тайна для всех.

Вскоре из опочивальни вышли все, а еще малое время спустя Федосей Вятка, приоткрыв дверь, объявил:

— Царь Иван Васильевич желает окончить исповедь и объявить завещание при оружнике и кравчем. Они станут свидетелями его духовного завещания.

Вельский и Годунов вошли, а Иоганн Эйлоф, безнадежно махнув рукой, заключил:

— Так я и предположил: мне у ложа больного делать нечего. Я уже ничем не смогу ему помочь. Я — бессилен. Не мне спорить с волей Господа.

И нарочито согбенный вышагал из комнаты, оставив Родиона Биркина одного. Некоторое время тот стоял бездвижно, но вот его осенило: «Нужно митрополита известить», и, бегом миновав комнату для стражников, которые не понимали, что происходит, но спросить ни о чем не смели, скатился вниз по ступенькам.

Когда Федосей Вятка подстриг мертвого Ивана Василье-

вича в монахи, теперь уже не грозного, безопасного, Богдан с завистью думал о кравчем:

«Все предусмотрел. Ловко приручил к себе доктора Ивана и духовника царева... загодя все подготовил...»

Через четверть часа в опочивальню вошел запыхавшийся митрополит Дионисий, но как он ни старался казаться подавленным навалившимся горем, не мог все же принять маску полного смирения и печали. Он в душе несказанно радовался, ибо знал, что Грозный готовил ему замену, его же место — в Соловках.

Увидев почившего в бозе царя облаченного в монашескую одежду, спросил для пущей важности:

— Стало быть, успели?

— Успели, — ответил духовник. — Принял царь ангельский образ с именем инока Иона.

— Слава Богу. Сняв грехи земные покаянием, отдал Господу Богу нашему душу, — молитвенно проговорил митрополит и перекрестился.

И вот тут, совершенно неожиданно для Бельского, заговорил Годунов:

— Последняя воля царя была такая: на царство венчать сына его, Федора Ивановича, мне над ним опекунствовать. Если Федор Иванович окажется без наследника, венчать по его смерти на царство Дмитрия Ивановича. Опекунство о нем возложить на оружничего Богдана Бельского. В удел царевичу и его матери Марии Нагой дать Углич. Тебе, митрополит Дионисий, объявлять духовную народу.

— Но духовная Ивана Грозного была им составлена прежде. Она под десницей Господа.

— Не отрицая ее, дополним ту духовную последней волей умершего. Мы все, кто был свидетелем последней воли, поцелуем крест. А теперь пора идти. Пора объявлять народу горестную весть.

Когда спустились вниз, на крыльцо, Богдан, улучив момент, гневно шепнул Годунову:

— Обскакал!

— Даже не думал. Ради нас с тобой все сделано.

— Ну-ну!

Вновь они подтвердили свою непримиримость. Их удел — вражда, повязанная одной веревкой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Все изменилось в одночасье, хотя вроде бы ничто не предвещало неприятностей, особенно таких крупных. Можно сказать, судьбоносных. После того, как митрополит сообщил о кончине царя и о его предсмертном духовном завещании, его последней воле (а перед крыльцом собралась почти вся родня царицы, в полном составе Боярская дума и добрая половина Государева Двора), несколько минут стояла мертвая тишина, будто бы от горя и отчаяния остановилось сердце и прервалось дыхание.

Но вот — выдох. Но не то горестный, не то вздох облегчения, и твердое слово князя Ивана Мстиславского:

— У тебя, митрополит, под Божьей опекой духовное завещание, оставленное царем. Грех великий забывать о нем.

— И то верно. По предсмертной воле мало что ясно. Я тоже за то, — поддержал Мстиславского князь Шуйский, — чтобы не обойти вниманием прежнюю духовную грамоту. Прочитаем ее на Думе, а уж после чего всяк скажет свое слово.

— Не вините меня, бояре, всуе. Я тоже за то, чтобы обнародовать царскую прежнюю духовную грамоту, которую писал он после кончины сына своего Ивана Ивановича.

— На том и остановимся, — заключил князь Мстиславский. — Теперь же соберемся на совет всей Боярской думой.

— Пригласим на Думу оружничего Богдана Бельского, кравчего Бориса Годунова, постельничего, духовника царицы и доктора Ивана, — добавил митрополит, и все с ним согласились.

Верили или нет бояре в праведность исповедей Бельского, Годунова, Феодосия Вятки и Иоганна Эйлофа, понять трудно, ибо всех смущало, что постельничего так и не впустили в опочивальню, когда царь умирал. Скорее всего, не верили. Догадывались, зная Годунова и Бельского, что не все так гладко, как они рассказывают. Однако вслух никто не высказал своего мнения и не предложил провести розыск. Если бы об этом хотя бы обмолвился царевич Федор, восседавший на своем обычном месте на малом троне, тогда иное дело, тогда развязались бы языки (чего очень опасался Бельский), но Федор Иванович помалкивал, молчали и остальные.

Дьяк начал читать завещание. Все совпадает: венчать на

царство Федора Ивановича, царице Марии Нагой с сыном Дмитрием Углич в удел. Если же у Федора Ивановича не окажется наследника, Дмитрия венчать на царство. А дальше — заковыка. О том, что Борису Годунову опекать Федора Ивановича — ни слова. Его имени не оказалось и среди тех, кому Грозный поручил править державой совместно с царем Федором. В Верховную думу, которой решать все государственные дела и определять законы вошли князь Иван Федорович Мстиславский, боярин, воевода, один из влиятельнейших членов земской Боярской думы; Никита Романович Юрьев, брат первой жены Ивана Грозного Анастасии, дядя царевича Федора Ивановича; князь Иван Тимофеевич Шуйский, воевода, прославившийся стойкой обороной Пскова; оружничий Богдан Яковлевич Бельский, как опекун царевича Дмитрия Ивановича, а вот Бориса Федоровича Годунова среди верховников не оказалось. И вот тут разгорелся спор. Пыль до потолка, правда, степенная.

Дело в том, что никто не говорил того, о чем думал. Слова каждого думца, основательно-неторопливые, сводились к одному: Борис Годунов ничем себя не проявил ни в рати, ни в делах государственных, всегда он где-то сбоку, в стороне, поэтому он станет обузой для Верховной думы. Особенно упорствовали сами верховники, кроме Бельского, который после исповеди перед Боярской думой больше не проронил ни слова, хотя, быть может, он лучше всех понимал, какая опасность грозит членам Верховной думы, окажется Годунов среди них.

Словопрение пресек наследник престола. Он поднял руку, и все замолчали.

— Годуновы при троне со времен Ивана Великого Третьего. Не новик и Борис при государе. К тому же он — мой шурин.

«Вылупился кукушонок, — с досадой подумал Богдан. — Повышвыривает всех остальных из гнезда».

А что он, Бельский, станет одним из первых вышвырнутых, он даже не подумал, не мог даже предположить, ибо повязаны они с Борисом великим злодейством или великим благом делом.

Увы, для Бориса Федоровича Годунова не было ничего святого. Он приобрел не случайно огромное влияние на Федора Ивановича, не ради сердобольства к другим, а лишь

своей корысти ради, поэтому с первых же дней начал пробиваться к полновластию, которое только внешне прикрито именем царя. И самая первая цель его — избавиться от свидетелей Ивана Грозного. По его совету доктор Иоганн Эйлоф отпущен был домой с великим вознаграждением, но в Москве был оставлен его сын. Вроде бы для службы в Государевом дворе, на самом же деле как заложник, чтобы Эйлоф, покинув Россию, не сболтнул бы чего лишнего. Сделано это было тайно, так что даже Богдан узнал об отправке доктора и о заложнике только от тайного дьяка.

Настоял Годунов и на том, чтобы венчание на царство Федора проводить после отправки царевича Дмитрия в Углич, посоветовав Федору Ивановичу сделать это с великой пышностью, и сам вызвался все организовать, определив царице и царевичу в услужение стражников, стряпчих, детей боярских и стрельцов для сбережения. И расстарался. Вышла поистине царская услуга.

Вельского не устраивало и то, что не он, опекун, собирает Двор для Марии Нагой и сына, а Годунов, не к душе и то, что ему придется сопровождать столь пышный поезд, оставив для этого Москву. Он понимал, что в Угличе ему придется задержаться на какое-то время, пока все не устроится, а за это время в Кремле может многое измениться. Прикинув все это, Вельский решил на откровенный разговор с Борисом Федоровичем.

Впрочем, откровенный ли?

— Заботит меня, как опекуна, отчего Федор Иванович не определил с царицей и царевичем ни одного из Нагих? Не пошли бы пересуды, случись что с Дмитрием! Тогда при всем желании не накинешь платка на обывательские рты. Да и не только на обывательские, но и на боярские и дворянские. Уместно ли такое?

— Ты прав. Об этом я не подумал.

Подумал. Еще как подумал. Дорога на Углич долгая, все может произойти, тогда всю вину можно возложить на опекуна.

— Я поговорю с отцом царицы, пусть он рассудит, кого из сыновей направить с царицей и царевичем.

— Согласен.

Ишь ты! Согласен! Хотя бы для приличия сказал, что,

мол, доложит Федору Ивановичу. Вознесся. Гопает, еще не прыгнув.

— Сам я не намерен ехать в Углич. Кто из Нагих поедет, тот и станет моим оком.

— Воля твоя. Но я бы на твоём месте проводил их. Побывать там тоже не грешно. Пока все не устроится. Из своих слуг дюжину оставь. Пусть они, где бы ты ни был, извещают тебя, все ли ладно идет.

Не придал всем этим советам Богдан значения. Доброе ли пожелание или с задней мыслью. И потом, кто такой Борис, чтобы повелевать им, оружничим, таким же, как и он сам, членом Верховной думы! Он поспешил к Федору Федоровичу Нагому, надеясь, что он не в городской усадьбе, а в кремлевском доме.

Да, он оказался в Кремле. Но дом был полон гостей, и Богдан предложил Федору Нагому прогуляться по саду, который тянулся вдоль кремлевской стены.

— Разговор без чужого уха.

— Не взять ли с собой сына моего, Афанасия?

— Можно, — немного подумавши, ответил Богдан. — Жду вас на крыльце.

О деле заговорил только тогда, когда убедился с полной уверенностью, что их никто не подслушает.

— Я предвижу дальнейшие действия Годунова, поэтому предлагаю решительный шаг: в Углич привезти не Дмитрия, а подмену ему.

— Но причем здесь Годунов? В духовной Грозного определено наследование престола Дмитрием при кончине царя Федора, если у него не родится сын. Детей у него не будет, тут к ворожею ходить не нужно. Годунову ли предлагать что иное?

— Верховождство. Борис Федорович вошел в царскую семью, хотя я, как оружничий, доносил царю не единожды о его коварствах. Поверьте мне на слово. Так вот, что бы я ни доносил, Годунов всегда выходил сухим из воды. Теперь вот он в Верховной боярской думе, хотя в завещании Грозного о нем ни слова. Пролез. Наступит час, как я предвижу, когда по его слову царь Федор Иванович опалит всю Верховную думу, а Годунов останется единственным его советником. Вернее, единоличным правителем. Конечная его цель

— престол. Поверьте мне, он домогается именно престола. На пути его — царевич Дмитрий. Разве не постарается он устранить это препятствие?

— Ты о многом умалчиваешь, оттого меня берет сомнение, — признался Федор Нагой. — Пойти на такой шаг, не зная всего, можно ли?

Федор Нагой, как почти все в Кремле, подозревал о насильственной смерти царя, и это подозрение подкрепляли слова Вельского, хотя и туманно, вот Нагой и хотел услышать от опекуна внука Дмитрия всю правду, какую Бельский наверняка знал. Но разве мог Богдан открыться? Ответил поэтому кратко:

— Можно. Можно и нужно.

Долго шли молча, отягощенные всяк своей думой. Прервал молчание оружничий.

— Вы хотите определить, какой резон в моих столь насильственных хлопотах? Поясню. Я по духовной — опекун Дмитрия, стало быть, отвечаю за него перед Богом. Я знаю лучше вас Годунова и предвижу его крамолу, а она мне в ущерб. Если же воцарится Дмитрий Иванович, то в благодарность за заботу о нем, он приблизит меня к трону, как приближал Грозный. Думая о царевиче Дмитрие, я не забываю и себя.

— Это я вполне понимаю, — согласился Федор Нагой, — и готов принять твоё предложение. Дай только срок подумать, как ловчее подготовить подмену в полной тайне.

— Вам этого делать не стоит. Любой ваш шаг известен тайному дьяку, а он, как я подозреваю, докладывает не только мне, своему начальнику, но и Годунову. Давно. Теперь же, думаю, станет обходить меня еще чаще. Подмены поэтому я организую сам. От вас нужно только ваше согласие. И еще точное исполнение моих рекомендаций. Точное, безоговорочное и совершенно тайное. Даже из Нагих могут знать о нашем уговоре только царица Мария, ты, Федор Федорович, и сын твой Афанасий, которому, как я понял, быть при сестре своей неотлучно. По рукам?

— По рукам.

Сам Богдан уже продумал, как произвести подмену, и теперь ему осталось все претворить в жизнь, не выезжая из Москвы. Он сразу же послал стремянного, кому верил, как самому себе, звать воеводу боевых холопов Хлопка в крем-

левский дом. В нем, как Бельский считал, утечка разговора не случится, и не ошибался.

Встретил Бельский Хлопка как обычно с почтением и повел в комнату для тайных бесед, какую устроил в своем кремлевском доме на манер царской, усадил на лавку против себя и сразу, без всяких околичностей:

— Я намереваюсь доверить тебе величайшую тайну, поручив дело державной важности. Если о нем проведают, кара одна — смерть. И тебе, и мне. Иного исхода быть не может. Готов ли ты на такое? С ответом не тороплю. Подумай. Можешь согласиться или отказаться. Твое полное право. В жизни твоей это ничего не изменит, если даже откажешься. Воеводство над боевыми холопами в любом раскладе останется за тобой. Сколько тебе нужно времени?

— Нисколько. Я согласен.

— Что ж, спасибо. Не зря я был уверен в твоём согласии. Теперь слушай. Завтра же поедешь в мое ярославское поместье, но не воеводить холопами. Все изготуе там для тайного приема годовалого или полуторагодовалого мальчика. Ни моложе, ни старше. После чего, никого не привлекая, даже не беря с собой стремянного, поезжай по селам и деревням в поисках младенца. Пригожего лицом выбери. Заплати, сколько запросят, уверив родителей, что сын их станет жить в боярской неге. На все это тебе недели две. Привезешь в усадьбу тайно, в загодя устроенное место. Дашь мне знать. Дальше жди моего слова.

— Все понял. Исполню с Божьей помощью.

Но выехать Хлопку удалось лишь через два дня, вместе с хозяином своим, ибо события развернулись столь неожиданно и столь стремительно, что Вельскому едва удалось остаться живым.

На исходе дня он поехал домой, не предчувствуя ничего недоброго, однако, только въехал в Сицев Вражек, как услышал гомон толпы. Похоже — злобный. Перевел коня с рыси на шаг, стал прислушиваться, чтобы понять, чем возбуждена толпа и где она сгрудилась. Вот уже можно разобрать слова, особенно тех, кто перекрикивал общий гомон толпы.

«В чем дело?! Мое имя слышится?! Да, похоже, возле моего особняка?!»

Вот он явственно услышал:

— Выходи, опричник, иначе разнесем ворота!

Подъехал еще ближе. Вновь услышал свое имя. Прислушался внимательней и понял причину такой злобы: несколько горлодеров, похоже, одних и тех же, кричали:

— Душегуб! Извел царя нашего батюшку!

— Теперь за бояр хочешь взяться!

— Царевича Федора отравить намерен!

Подъехать к толпе или воротиться в Кремль? Боевых холопов в усадьбе достаточно, чтобы разогнать возмущаемую по чьей-то указке чернь, но стоит ли рисковать? Да и кровь нужна ли? Впрочем, ускакать успеется. Можно, не подъезжая ближе, подождать, чем дело кончится.

Толпа тем временем все решительней требовала его, Бельского, на расправу, если дорога ему жена, дети, домочадцы.

Отворилась калитка. Кто-то, похоже, вышел. Но кто?

Хлопко. Его зычный голос:

— Тихо, вы! Послушайте меня, а не горлопаньте! Я — Хлопко, один из ближних слуг князя Вяземского. Должно, слышали обо мне, о Косолапе?

— Слышали.

— Принять бы мне смерть на дыбе, если бы не оружничий. Он спас меня. И скажу вам, лучшего барина не сыщешь по всей Руси. Никого из своих слуг пальцем не трогает, даже никакой обиды не чинит, а добра от него — не счесть.

— А кто царя извел?! — спросил один из крикунов.

— Кто бояр намеревается известить?! — поддержал другой крикун.

— Кто на царевича Федора Ивановича крамолу готовит?! Зови барина, иначе разнесем все в щепки!

— Люди добрые, не слушайте горлопанов. Скажу вам одно: мы, все слуги, не пожалеем жизни, отстаивая дом его. Не пугайте нас. Но мы не желаем крови. К тому же хозяина нет дома, он еще в Кремле. Прошу, расходитесь подобру-поздорову, не вина vsue доброго человека.

Но толпа не послушала совета Хлопко, а последовала за крикунами, призывавшими идти в Кремль. Впрочем, иного ждать не приходилось, ибо основа толпы ни с бору по сосенке. Она специально организована и направлена чьей-то рукой. Но чьей?

Не время, однако, для размышлений. Круто развернув коня, Бельский пустил его крупной рысью в Кремль. В воротах осадил и приказал воротникам:

— Затворяйте. Толпа Кремль идет громить!

Приказ оружничего — не приказ воротниковой страже. Побежал было посланник к своему начальнику, воротниковому голове, и это едва не окончилось плачевно — бунтари приближались к Красной площади. Вот они уже на ней, и Вельский повелел со всей настойчивостью:

— Затворяй ворота!

Подействовало. Заторопились воротники и едва успели. Перед самым носом толпы захлопнулись ворота. А разгневанный народ принялся тарыхтеть по ним кулаками и сапогами, крича разноголосом:

— Вельского! Вельского! Вельского!

Десятник воротников, пожав плечами, спросил удивленно:

— За что это на тебя, оружничий? Иль кому поперек пути встал?

— Должно быть, так. Ты вот что: извести воеводу своего, пусть царевичу Федору Ивановичу доложит. Его воля отступить от меня или разогнать толпу. Погожу его слова в своем доме.

Когда царевича известили о толпе у Фроловских ворот, он горестно перекрестился и промолвил со вздохом:

— Господи, вразуми их, не ведающих, что творят. — Еще раз перекрестившись, добавил: — Пойду к ним, успокою.

— Нужно ли тебе самому, государь, — остерег Годунов, хотел еще что-то добавить, но Федор Иванович прервал его.

— Не спеши величать царем, я еще не венчан на царство.

В голосе звучали явные нотки недовольства, однако Борис Годунов продолжил уверенно:

— Будешь венчан, поэтому и теперь уже — государь. И не тебе самолично кланяться черни, холопам твоим. Разве перевелись у тебя верные слуги? Я пойду, взяв с собой тех из Верховной боярской думы, кто еще не уехал из Кремля.

— Пусть будет по твоему слову.

Только князя Мстиславского удалось Годунову разыскать, и они вдвоем поднялись на надвратную церковь, чтобы со звонницы выслушать толпу и в зависимости от обосо-

ванности требований или успокоить ее обещанием, или разогнать силой.

Толпа, увидевшая Годунова, еще более возбудилась, особенно звонко заголосили крикуны, выказывая свою прыть. Иерихонскими трубами звучали их требования:

- Бельского головой!
- К ответу опричника!
- На расправу погубившего царя-батюшку!

Толпа многогласно подхватывала каждое из этих требований, часть ее с нарочитой напористостью, другая, больше, ради куража.

Князь Мстиславский поднял руку, и чернь постепенно уgomонилась. Тогда заговорил он, внятно чеканя слова:

– Оружничий Богдан Яковлевич Бельский не виновен перед государем, не виновен и перед его державой. Вы настроены извечно...

Крикуны прервали его дружными возражениями, и вот уже толпа снова требует Бельского ей на расправу, вовсе не слушая князя, хотя тот, все более повышая голос, пытался уgomонить столпившихся у Фроловских ворот. Затихла она лишь тогда, когда руку поднял Годунов.

– Слушай мое слово, слово государя нашего царевича Федора Ивановича. Оружничий и в самом деле безвинен, но волю вашу обойти вниманием государь не может и, радея за мир и тишину в стольном граде, царевич Федор Иванович, государь наш, обещает выслать Богдана Бельского из Москвы.

– Верно! Вон его из Кремля! – радостно возгласили крикуны, вроде бы довольные своей победой. А через малую паузу уже к толпе:

- По домам!
- По домам!

Вот так, никакой злобы, никакого желания расправиться с тем, кто готовил ковы против бояр и даже самого царевича.

Князь Мстиславский, подозрительно посмотрев на Бориса, спросил:

– Поддержит ли царевич твое самовольство? Бельский такой же, как мы с тобой, верховник. Его судьба в руке только государя и нас, верховников.

– Поддержит, обойдясь без мнения Верховной боярской

думы, – уверенно ответил Годунов и первым начал спускаться вниз по лестнице.

Он сразу, не найдя даже нужным идти с докладом к царевичу, пошагал в дом Богдана, что весьма озаботило князя Мстиславского.

«Наглец. Без всякой совести оделил себя правом решать за государя!»

Решительно направился князь Мстиславский к царевичу в покои, чтобы доложить о самовольстве Годунова и, попытавшись настроить Федора Ивановича против шурина, добиться отмены обещанного толпе. Увы, царевич, выслушав князя, члена Верховной думы, смиренно молвил:

– Видимо, так Богу угодно. Надоумил Годунова найти подходящее слово. А Бельский? Не в застенки же оружничего отправляют, а лишь на малое время покинуть Москву просят. Ради спокойствия.

Вот тебе и завтрашний царь-самодержец?! Не он решает, как поступать со своими слугами, тем более определенными по духовной решать государственные дела, а Годунов-выскачка, наглый хитрец.

«Всю власть захватил, коварный!» – с великой горечью подумал князь Мстиславский и приложил все силы, чтобы убедить Федора Ивановича, что не гоже ему, государю, потакать самовольству слуг.

– Ты, царевич, самодержец. Тебе одному опалать или миловать. Если каждый холоп твой станет самовольствовать, быть в твоей державе великой неурядице, а то и смуте.

– Бог даст, все пойдет тихо и смирно. Не от себя шуриной говорил, а по вразумлению Господа, которого я просил в смиренной молитве дать покой моей земле.

– Не к покою приведет самовольство...

– Ступай, князь, а я возблагодарю Господа, что вразумил Бориса Федоровича на мудрое решение. А Бельский поедет с братом моим Дмитрием в Углич. Побудет там какое-то время, а когда у Дмитрия все устроится, воротится.

Устами царевича мед бы пить. Иное говорил Борис Вельскому в его кремлевском доме:

– Придется тебе, Богдан Яковлевич, ехать воеводою в Нижний Новгород. Такова воля царевича, государя нашего. Но я советую тебе не сразу ехать в Нижний, проводи сначала

ла Марию Нагую и ее сына Дмитрия в Углич, устрой их там, вот тогда...

Не назвал Марию Нагую царицей, а сына ее Дмитрия Ивановича царевичем. Явно, не оговорился, и это о многом сказало Богдану.

До прихода Годунова Бельский гадал, кто напустил на него толпу и ради чего? Твердого ответа, однако же, не находилось. Возникла мысль, что не обошлось без Годунова, вместе с тем он подозревал в такой же мере и других, кто опален был при Грозном, считая виновным его, и вот теперь нашли способ отомстить. А таких много. По пальцам не пересчитаешь. Но как только Борис Федорович переступил порог дома и начал разговор вроде бы недоумевающий (отчего это шум-гам?), на самом же деле решительно-деловой, Бельский окончательно понял: он, коварный, науськал. Он, и никто другой.

— Ты говоришь в Нижний Новгород на воеводство? Но я же, по духовной покойного царя, член Верховной боярской думы, а нарушать волю покойного — страшный грех.

— Я говорил об этом царю Федору. Его ответ такой: никто не гонит его из Верховной думы, но ради покоя в Москве дума какое-то время обойдется без тебя.

— Пойду сам ударю челом царю.

— Не стоит усугублять. Еще дальше может заслать.

— А если Верховная дума замолвит слово? Давай соберем верховников.

— Что — верховники. Князь Мстиславский слышал мое слово от имени царевича, государя нашего, но не предложил своей защиты. И потом, если слово царское сказано, вправе ли дума, хотя и Верховная, перечить? Так и до крамолы рукой подать.

Вот в какую сторону повернул. Впрочем, в чем-то он прав, нужно подчеркнуто послушно принять временную ссылку, а потом, спустя малое время, начать хлопоты о возвращении. Через жену Годунова. Она из рода Вельских, в девичестве Мария Скуратова, его, Вельского, двоюродная сестра. Через жену Федора Ивановича, тоже близкую родственницу. Жены правителей отличаются сердобольством и могут повлиять на своих мужей.

Из любой, однако, неприятности можно извлечь выгоду.

Теперь он, не вызывая подозрения, может взять с собой столько слуг, сколько посчитает нужным, а Хлопка отправит на исполнение урока, когда они отъедут подальше от Москвы. Например, из Мытищ.

— Хорошо. Послезавтра я выезжаю. Поезд с царицей и царевичем буду ждать в Дмитрове. Во дворце покойного князя Владимира Андреевича. Условлюсь об этом с Афанасием Нагим, который поедет с сестрой своей в Углич и останется там при ней, как мой глаз.

Вот тут Борису Годунову упереться бы рогами, но он посчитал, пусть Афанасий Нагой едет, чтоб меньше было повода злобным языкам судачить. Потом, когда подоспеет время, его можно будет удалить. И не предполагал он, что совершает поистине роковую для себя ошибку.

— Заверяю тебя, — горячо пообещал Годунов. — Найду возмужавших на тебя народ и накажу. Теперь же велю сопроводить тебя домой паре десятков детей боярских. Для охраны.

Накажу. Велю. Это уже через край. И тоже не оговорка. Похоже, уверен, что любое его слово, любое действие не вызовет противодействий или просто недовольства царевича.

А как будет потом, после венчания Федора Ивановича на царство? Приструнит шурина или отдаст власть в его руки, сам же станет молить Господа, как чернец или постник о ниспослании Руси благоденствия? Впрочем, что сейчас гадать, жизнь покажет, как все повернется. К добру ли, к худу ли.

Два десятка детей боярских ждало Богдана у Фроловских ворот, якобы, для охраны. Какое кощунство! Знает же Годунов, что никто больше пальцем не тронет оружничего: игрище закончено, скоморохи разошлись. Иное сокрыто за заботливостью о безопасности — желание не выпустить ни на минуту из своего глаза соперника, боязнь ответного шага. Главное, как начинал понимать Бельский, Борис не хочет ни в коем случае его встречи ни с кем из членов Верховной думы, о чем Богдан не помышлял. А зря. Можно было бы и побороться. Но Бельский не решался идти на риск, определив бороться с Годуновым без спешки и с основательной продуманностью.

Вот так, под конвоем, и вполне внешне покорный судьбе, он подъехал к воротам своей усадьбы.

– Возвращайтесь в gridsни. Вы свободны.

– Но нам велено...

– Кем велено? Кто кроме государя может велеть обо мне?

Я просил проводить меня, теперь вы мне не нужны. У меня есть силы самому постоять за себя. Поезжайте, не сомневаясь.

В ворота он въехал, лишь сопровождаемый стреманным.

Никто из двора не спал. Обсуждали необычное происшествие, недоумевая, кому мог наступить на хвост их добрый хозяин. Настроение у всех воинственное: готовы были встать стенами на защиту своего барина, а боевые холопы так и не сняли доспехов.

Легким поклоном поблагодарил Богдан слуг и повелел им:

– Идите почивать. Все уладилось. Только ты, Хлопко, повремени.

Когда все разошлись, хозяин заговорил с воеводой боевых холопов.

– Кое-что меняется. Завтра тебе не выезжать. Послезавтра выезжаем вместе. До Мытищ – стремя в стремя, оттуда твой путь тот, о котором мы с тобой условились. Усиль на ночь охрану усадьбы.

– Все понял.

Жена тоже не спала. Вся в слезах. Кинулась в объятья мужа и зашлась в рыдании. Немного успокоившись, заговорила:

– Все передумала. Страшно. Неужели от царевича Федора идет?

– Нет. От родственничка нашего Бориса Годунова. В этом я уверен, хотя, думаю, он назначит виновных и сурово покарает их. Нам же с тобой ехать в Нижний Новгород.

– Ссылка?! О, Господи! За что?!

– Нет. На воеводство.

– Не все ли равно?!

– Не гневи судьбу. Все образуется. Нижний – не келья в Кирилло-Белозерском монастыре и не Соловки. У нас там и усадьба от города рядом, в самом городе дом не хуже этого, московского. Хочешь в нем будешь жить, хочешь в Никольском. Лишнего с собой возить нет нужды. Послезавтра выезжаем. Предусмотри лишь необходимое в пути. Но я не сразу в Нижний. Туда тебе одной ехать. Я провожу царевича Дми-

трия до Углича, а уж оттуда – на воеводство свое. Ты жди меня в Никольском. Во дворце поместья.

Окончательно успокоив жену, твердо пообещал:

– Через два-три года непременно воротимся сюда.

Забьлись они в ласках до утра, однако, напомнило оно суровой действительностью: нужно собираться в дорогу. У Богдана же еще большая головная боль – подмена царевича Дмитрия. Он отчего-то был твердо уверен, что Хлопко найдет подходящего мальчика, мамок же царевича можно будет отпустить в Москву, заменив их своими уже в поместье, куда он намеревался привезти царицу Марию Нагую с сыном, ибо оно почти на самом пути из Дмитрова в Углич; но куда упрятать самого царевича? В одно из своих имений? Рискованно. Тайный дьяк в угоду Борису наwerbует себе соглядатаев во всех его имениях. Даже в том, полутайном, близ Волоколамска. Поэтому нужно искать семью из дворян со славным прошлым, но теперь обедневших. Не открываясь им, придумать правдоподобную сказку.

Тут без помощи либо самих Нагих, либо без помощи того же Хлопка не обойтись.

«Ладно, поговорю с Хлопком в пути до Мытищ».

Сам он тоже перебирал в памяти фамилии обедневших дворян и уже определил нескольких. Обмозговывал и сказку. Все это, однако, оказалось вовсе не нужным. Когда Богдан рассказал о своей заботе Хлопку, тот даже хмыкнул.

– Чего, боярин, голову ломать? И парнишку взамен царевича сыщу, и царевича пристрою любо-дорого.

– Ты так уверен, словно легкое дело предстоит. Разве забыл о полной тайне?

– Как забудешь, если головой рискуем. Есть, однако, у меня на примете две семьи. Я уже думал о них. Лучшая из них – дворяне Отрепьевы. Славные прошлым, они, как и я, служили князю Вяземскому, земля пухом коварно убиенному. Господь Бог спас их, не оказались они, как и я, в числе казненных за верность князю, теперь же, почитай, потеряли прежний шик. Бедствуют. С великим удовольствием возьмут у меня дитя в сыновья. Если, особенно, с добрым приданым.

– Приданое – не вопрос. Что о ребенке скажешь?

– А что скажу. Вот, мол, нагулял, а мать Богу душу отдала. А я куда с ним при моей колготной жизни и службе?

— Разумно, светлая твоя голова. Так и поступим. Приданое не пожалею, а спустя малое время возьму к себе на службу. Если у них будет желание.

Гора, как говорится, с плеч. Ладность теперь видна во всем.

Гладко, однако, было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить. Вторая неделя на исходе, как Богдан жил в бывшем дворце князя Владимира, не казнясь совестью, лишь изредка вспоминая о том, как содействовал царю в коварном убийстве, но успокаивая себя, что за все перед Богом в ответе помазанник Божий. Спокойствия на душе не было по иной причине: нет вести ни от Афанасия Нагого, ни от воеводы Хлопка. Вдруг Афанасия отстранили усилиями Годунова от поездки в Углич, тогда как? Все полетит кувыркком.

Но это все же полбеда, ибо Мария Нагая согласна на подмену и с ее помощью можно решить дело успешно. Беда в том, что от Хлопка ни слуху, ни духу. Вот если с ним что случится, тогда уж точно, всему конец. Если придется везти царевича до Углича, там подменить никак не удастся. Вот и беспокоился Бельский все сильнее и сильнее.

Он уже послал вестника в свое имение, чтобы готовили царскую встречу Марии Нагой с сыном, срубили бы для них новые терема, выбрав самые уютные уголки сада, в тайне надеясь, что и о Хлопке что-либо узнает. Вот уже весть оттуда пришла, что все будет сделано красно и скоро, а вот о Хлопке — ни слова.

«Да, закавыка!»

Бельский не единожды упрекал себя за верхоглядство в подготовке столь важного шага. Послал бы не одного Хлопка, возложив всю надежду на него. Есть же у него еще верные слуги. В Нижегородские села послал бы одного. В окрестности Волоколамска еще одного. Сейчас бы не казнился.

Смуцало еще одно, пожалуй, не менее важное: слишком долго поезд находился, как он предполагал, в Лавре. Остановка там по их уговору, вроде бы ради поклонения мощам Святого Сергия недельная, на самом же деле до его, Бельского, слова. А царица с царевичем, опять же по его расчету, уже в Лавре, и если они пробудут в монастыре долго, это наверняка вызовет подозрения у Бориса. Но возникала и

иная мысль: вдруг еще не выехали из Москвы, вдруг Годунов чего-то подстроил?

Не выдержал Бельский, послал гонца для встречи с Афанасием Нагим, но тот, вернувшись, доложил:

— Царицы с сыном в Лавре еще нету. Едут со дня на день. Весть прислали, позавчера выехавши из Москвы. О времени же приезда в Лавру вести нет.

Облегченно вздохнул Богдан. Выходит, Нагие сами медлили с отъездом. Молодцы. Дают время все изготавить по уму.

И в самом деле Нагие находили самые разные причины, чтобы оттянуть день проводов, который Федор Иванович определил провести торжественно. И хотя Борис нашептывал царевичу Федору, что оттяжка с отъездом царевича Дмитрия и, стало быть, задержка венчанием на царство не в пользу наследнику престола, Федор Иванович отмахивался:

— Бог с тобой, шурин. Неделей раньше, недель позже — велика ли разница? А брата своего родного я не желаю подстегивать. Когда все изготавят к отъезду, скажут. Вот тогда я назначу срок.

— Держава без государя, ладно ли такое?

— А Верховный боярский совет для чего? А ты, мой мудрый советник?

— Все так, но с венчанием на царство следует поспешить. У Дмитрия много сторонников.

— Не гневи Господа Бога нашего зряшными подозрениями. Да и брата моего не обижай напраслиной.

— При чем здесь брат? Он от титьки еще не отвык как следует. Не о нем речь, о его сторонниках, врагах твоих!

— Все в руках Господа.

С Нагими у Годунова разговор тоже не складывался. Всякий раз они находили такие убедительные основания для задержки с выездом, что он отступал. Особенно когда Федор Нагой вспомнил о первенце Грозного Дмитрии, который скончался в пути на богомолье, и спросил прямо:

— Иль тебе того же хочется?

— Да как ты можешь?!

— Я не виню тебя ни в чем, — отпятился Федор Федорович, — но посуди сам: упущенное что-либо по недогляду слуг может к худому привести. Остудится в пути царевич, угод-

но ли такое? Да и Федор Иванович не велел сломя голову собираться. Он так и сказал: не торопитесь, все изготовьте для безопасной езды царевича Дмитрия и его матери, ничего не упустите. Как, мол, посчитаете все устроенным, известите. Иль он изменил свое мнение?

— Нет.

— Тогда чего это ты зудишь?

Отступился Борис, и Нагие выиграли более недели.

Не знал ничего этого Богдан, вот и нервничал, отсчитывая день за днем. Успокоенность от доклада вестника постепенно растерялась, и он вновь не находил себе места.

Закончились однако, все его тревожения вдруг и полностью, когда ему доложили:

— Посланник от Афанасия Нагого.

— Зови.

— Воевода Хлопко приехал. Тоже просится к тебе на слово. Кого первым звать?

— К воеводе я сам выйду. Пока займи вестника от Афанасия Нагого. Небось, не спешно.

Хлопке обрадовал несказанно. Всего лишь одним словом вернул душе спокойствие.

— Нашел.

— В имении он?

— В одной из твоих деревень. У доброй вдовушки. Ей сказал то же самое, что скажу Отрепьевым. Тем более, что получится не слишком большая выдумка.

— Низкий поклон тебе, верный друг. Пока отдыхай с дороги, потом все подробности перескажешь. Мне теперь нужно принять вестника от царицы. Тебя я позову завтра утром.

С вестником разговор короткий. Он не посвящен ни во что. Он привез сообщение о прибытии поезда в Лавру и вопрос, все ли готово в Дмитрове для остановки.

— Передай: все готово. Дневки определены здесь, в Дмитрове, затем в Дубне, в Калязине. Переправа через Нерль тоже подготовлена. После Калязина — в мое имение. Там отдохнешь на пяток. Впрочем, как пожелают царица и брат ее Афанасий Нагой. Все. Поезжай обратно.

Разговор же Богдана с Хлопком состоялся не в покоях отравленного князя Владимира, а на озере, в лодке: воевода Дмитрова пригласил на уху из свежей рыбы.

— Есть у меня отменное местечко. Теремок на берегу озера, мостки для ловли удочкой, лодки, если возникнет желание ловить не с берега. Есть сети. Можно бреднем пройтись. Как, оружничий, пожелаешь, так и станем рыбачить.

— На лодке. Возьму с собой лишь воеводу моих боевых холопов. Он мастак удить. Я тоже не прочь побаловаться удочкой.

Бельский сразу же оценил возможность поговорить с Хлопком без всякой опаски быть подслушанным. Не будет повода согладаясь и донести, что уединялся он со своим слугой-воеводой.

Выехали во второй половине дня, чтобы успеть на вечерний клев. Пара часов по ухоженной лесной дороге и — вот оно, то самое отменное место, обещанное воеводой.

Не слишком оно понравилось Вельскому. Крохотная полянка, спускающаяся со взгорка к озеру, сдавлена деревьями-великанами, оттого видится даже меньше того, что есть, и такой же хмурый, как окружающий ее бор. А вот терем украшает ее знатно. Игрушка. Бревнышко к бревнышку. Ровненькие, словно вылизанные. Маковки берестой крытые. Необычно, и радует глаз.

На резном крыльце терема — кравчий и повар. С поклоном приглашают к столу жданных гостей:

— Уха готова. Тройная. Монастырская.

Как откажешься, не обидев старательных слуг и их хозяйина? Умыв руки и ополоснув лица в озере, вошли в трапезную, где стол уже был накрыт.

Загляденье. Все от природы: моченое, соленое, маринованное. И еще рыба. Приготовленная на любой вкус. Жареная до янтарной розовости, отварная, копченая, вяленая, соленая. И — уха. Посредине стола в ведерной корчаге. Ароматный парок, казалось, пропитал каждый уголок трапезной.

— Садитесь, гости дорогие, угощайтесь Божьими дарами.

В тот вечер они так и не вышли на озеро с удочками. Чарка за чаркой, и все по важному поводу. Оглянуться не успели — ночь на дворе. Зато на рассвете отвели душу. Как ни горел желанием Богдан послушать подробный рассказ Хлопка, но шел такой клев, особенно сиги и окуни, что не до разговоров. Азарт все отодвинул на обочину.

Вот сбит первый пыл. Можно более старательно насаживать на крючок опарышей и слушать.

— Отчаялся было я. Десятка два деревень и сел объехал — пусто. Наобещал, ругаю себя, будто имел уже нужное в руках. На постоянных дворах исподволь заводил разговоры — тоже без всякого толку. А потом получилось походя, без моей наводки. Мужики, в извоз направившиеся, сокрушаются, у самовара сидючи: не ладно, мол, общество поступило, определив сиротинушку бедной старушонке и пожадничав со средствами на уход и пропитание. Дитя, мол, малое, за ним ловкий пригляд нужен, а не старушечья немощь. Другой тоже вздыхает. Дескать, пригож мальчонка, глаз не отведешь. Обещает, воротившись, взять в свою семью. Не объест, мол. Вызнал я из какого села мужички, и едва забрезжило — в седло. Не припоздниться бы, думал, не случилось бы что с мальчонком. Старуха-то, как я понял, дряхлая.

— Повела у тебя, — прервал Хлопка Бельский. — Крупная, должно.

— Вижу. Сейчас-сейчас. Есть!

Ловко подсек, и удилище согнулось дугой.

— Ого. Только не спеши, не сорвалась бы с крючка. Давай подводи под подсачик. Подводи, подводи. Вот так. Ишь ты, фунтов на пять!

— Да, увесист.

Облапив за жабры сига, Хлопка принялся вызволять крючок, сам же продолжил рассказ, словно не прерывал его.

— Прискакал. Спросил про старушку. Показали. Убогая избушка. Скособоченная. Я ей о ребенке, она — ни в какую. Опора, мол, моя на старости лет. Хотел сказать, что на ноги как следует сиротка не успеет встать, как ты Богу душу отдашь, тогда бы обидел ее и все испортил. Повел так разговор, чтобы разжалобить. Живем, дескать, с женой в полном достатке, а детишек нет и нет. Усыновить, мол, хочу. Опой же на твою старость вот это, и горсть серебра на стол. Загорелись глаза. Всю жизнь, должно быть, не видывала столько денег. Укутал я мальчика во что нашлось и — в седло. Никто не ведает, откуда я приехал и куда уехал. Вот так все легко вышло. На обратном пути в постоянных дворах не оста-

навливался, только в домах, где молодые хозяйки. Так вот и довел. Исхудал он, верно. И до того не в теле был, а за дорожку вовсе отошел. Оттого я не сразу к тебе поскакал. Подождал, пока уверенность наступит, что все в порядке с мальцом. При добром пригляде мясо на кости быстро нарастет. А пригож, пострел. Загляденье. Волосенки в завитках. Плохо одно: не узнал я, кто отец и мать. Может, нагулянный, со стыда покончившей с собой, может, родители по несчастью какому оба скончались враз.

— Не велик грех, воевода. Будут у него новые родители. И не только мать, но и мамки с няньками. В царской неге станет расти до поры до времени, да и потом не окажется он выпырунутым.

— Если прежде того не прикончат его, — пророчески изрек Хлопка, и Богдан еще раз убедился, насколько пронизателен его верный слуга.

Еще добрых полчаса тешили они себя, не выпуская из рук удочек, но клев все заметнее затухал, поклевки стали редкими и вялыми настолько, что не всякий раз удавалось подсечь рыбу — все это сбивало азарт, и вот Бельский махнул рукой.

— Довольно. Отвели душу. Сматываем удочки.

— Верно. Мелу нужно знать, — и спросил: — Мне теперь с Отрепьевыми разговоры разговаривать?

— Да. Отдохни день-другой и — в путь.

— Разве я не отдохнул? Цельный день вольность душе. Завтра утром подамся. Нечего тут глаза мозолить.

— Пожалуй, ты прав. Отказа, думаешь, не будет?

— Не должно быть. По старой дружбе не сможет отказать.

— Не скупись с приданым. Что определит, то и пообещай. Любую сумму выделю. Если земли пожелает, соглашусь и на это. Наделю в любом из моих имений. Не скаредно.

Через пару дней после отъезда Хлопка в детинец Дмитрова въехал поезд царицы с царевичем. Впереди полусотня детей боярских на буланных конях, за ними возок царевича, запряженный тройкой саврасых. Возок просторный, рассчитанный и на двух мамок; за царевичем — возок Марии Нагой, тоже довольно просторный, а между этими возками, чуть правее их, ехал верхом Афанасий Нагой с мечом на поясе; за возком царицы — сотня конных стрельцов; замыкали

поезд две дюжины пароконков, на каждой из которых вместе с возницами восседали по двое стрельцов; еще две дюжины стрельцов ехали позади обоза.

Богдан встретил царских особ поясным поклоном, а вся дворня, собранная им во дворе, склонилась до земли.

— Все готово, царица, для отдыха вашего.

— Путь от Лавры пустынный, — ответил за нее Афанасий Нагой. — Царевич не утомлен, поэтому мы здесь только переночуем.

— Воля ваша. В Дубне тоже есть приличные хоромы.

Слуги, милостиво отпущенные, потрусили исполнять каждый свой урок. Афанасий же спросил Вельского:

— Ну, как?

— Все в порядке. Поговорим позже. В полном уединении.

После ужина они пошли, чтобы проверить, как устроены караулы, есть ли резерв в полной готовности, вот тогда и рассказал Богдан Афанасию Нагому обо всем, не утаивши ни одной мелочи. Не назвал только фамилии тех, кто возьмет на воспитание царевича, и Афанасий поинтересовался:

— Родовита ли семья? Знаема ли фамилия?

— Выбор пал на двоих. С кем дело сладится, узнаем в моем поместье. Теперь же не станем опережать события. Пошли почивать. Отдых перед завтрашней дорогой лишним не станет. Бог даст, все пойдет своим чередом.

И в самом деле, все сложилось как нельзя лучше. До усадьбы Богдана доехали без осложнений. Приготовленные терема царице понравились, и она согласилась пожить здесь с недельку. Мамки, приставленные к царевичу Дмитрию из московской дворни, с радостью согласились возвратиться в дома свои, к мужьям и детям, но все едва не испортила сама Мария Нагая. Когда Богдан и Афанасий Нагой объявили ей, что на следующее утро московские мамки отправятся в обратный путь, тут же увозят и Дмитрия, подменив его другим мальчиком, кого и примут новые мамки из слуг Вельского, Мария зашлась в слезах. И попросила жалобно, глотая слезы:

— Ну, недельку еще, пока мы здесь.

— Нет. Все подготовлено на завтрашнее утро. Одни мамки уезжают, другие приходят сразу же, как ребенок проснется.

— Но могу же я проститься со своим сыном? — всхлипывая, настаивала Мария. — Я же — мать ему.

— Не можешь, если хочешь своему сыну счастья и долгой жизни на царском троне.

— Какая мать не желает счастья сыну и долголетия, но какая мать расстанется с ребенком своим, не благословив его в неведомый путь?

Никакие доводы не действовали. Мария Нагая стояла на своем. А время шло. Слишком долго оставались они наедине с царицей, и об этом наверняка станет известно Годунову: мамки, им приставленные, что совершенно ясно, все видят, все замечают. Один небрежный шаг и — печальный конец, если не трагический.

Богдан решил на крайность:

— Мое условие такое: сегодня, перед сном, ты, царица, благословишь сына на сон грядущий, как делала это всегда. Никаких лишних слов, ни даже вздоха. Завтра утром, придя к подменившему Дмитрия ребенку, поведешь себя тоже так, словно ничего не случилось. Если все это не будет исполнено, я отказываюсь иметь с вами дело. Если мать хочет скорой смерти сыну от подосланного убийцы, какого ляда мне заботиться об ином, — махнул рукой, но подумавши, отвесил низкий поклон. — Я пошел. Оставляю вас одних. Вы, брат и сестра, определяйтесь, буду ждать ответа. Скорого.

— Погоди, — остановила его царица. — Я постараюсь взять себя в руки.

— Постарайся или возьмешь?

— Возьму. Все сделаю как надо. Комар носа не подточит.

— Вот и ладно.

— Еще вот что... Наденьте на него вот этот нательный крестик. Как знак, что он мой сын. — Мария сняла нательный крестик, и Вельский увидел его необычность: вместо распятого Иисуса на нем выгравирована была Матерь Божья Мария с сыном на руках.

— Подарок царя, супруга моего. Специально заказал после рождения Дмитрия.

— Крестик будет сохранен пока у меня. Когда же придет время, Дмитрий наденет его себе на грудь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Расчет Богдана на скорое возвращение в Москву не оправдался, ссылка на воеводство затягивалась, несмотря на все усилия, какие он предпринимал. Вскоре, как он вступил в должность, у него сразу же появилась надежда на милость Федора Ивановича; прибыл вестник от Бориса Годунов и сообщил, что виновники, возмущившие против него толпу, найдены и строго наказаны. Это — Ляпуновы и Кикины. Бельский, конечно же, не поверил в то, что в самом деле наказанные виновны, и все же подумал:

«Хороший знак. Почувствовал, коварный, что туговато без меня».

Мысль весьма и весьма ошибочная. Это стало ясно Бельскому уже через две недели, когда он получил отписку от тайного дьяка. Он, расчетливый, не сжигал мосты, хотя опала — есть опала. Но знал он, долго служа в Сыске, как все быстро меняется. Так вот, тайный дьяк извещал о начале борьбы Годунова с Верховной боярской думой, даже не ожидая венчания Федора Ивановича на царство, и его успехах в этом предприятии. Все чаще князья принимают те решения, какие угодны Годунову. Случаи противодействия становятся все более редкими. Независимей всех держится Никита Романович Юрьев, но, предполагал тайный дьяк, Годунов готовит против него крамолу.

Это известие привело Богдана в уныние.

«Не вернет. Явно попер на захват единоличного правления. Для виду станет прикрываться именем слабовольного и слабоумного царя».

Однако надежда продолжала все же теплиться. Надежда на милости, какие обычно творят повенчанные на престол. А день венчания приближался, и Бельский, не дождавшись приглашения, послал пару своих слуг в Москву, чтобы они своими глазами видели все торжество да узнали бы о тех милостях, какими порадует подданных новый царь. Ждал он возвращения слуг с нетерпением и надеждой, но то, что они рассказали, на долгое время выбило Бельского из седла.

— В последний день весны, как ты, боярин, и сказывал, венчали на царство Федора Ивановича. Перед рассветом налетел на Москву ураган, загредел страшный гром, молнии

так и полосовали небо, так и полосовали, того и гляди в какой дом ударят, не миновать тогда пожара. Все позатаились, ужасаясь столь страшному знаку. Многие посчитали его роковым для Руси. Не угоден Господу Богу Федор Иванович на российском престоле, вот он и выказывает свое недовольство через грозовую бурю. Но когда гроза миновала, никого не ударив молнией, не спалив ни одного дома, только разлив по московским улицам большие лужи, люди повеселели. С восходом солнца повалили в Кремль. Мы тоже поспешили, чтобы занять удобное место, откуда все видно.

Дальше, как понял из рассказов слуг Богдан, все шло по обычаю. Венчали, как всегда, в Успенском соборе, и лишь в одном случилось изменение; митрополит Дионисий не читал духовной царя, речь держал сам Федор Иванович. Этому факту Бельский не придал никакого значения до того, как тайный дьяк прислал отписку о венчании Федора Ивановича на царство. В ней особо отмечалась именно речь царевича, и произошло подобное по воле Годунова. В духовной Ивана Грозного нет ни одного слова о Борисе Федоровиче, поэтому-то он и запретил ее читать, сам подготовил короткую, но с большим смыслом речь для Федора Ивановича и заставил выучить ее.

Тайный дьяк полностью воспроизвел ту речь: «Владыко, родитель наш, самодержец всей Руси Иван Васильевич, оставил земное царство и, приняв архангельский образ, отошел в Царство Небесное, а меня благословил державой и велел мне, согласно с древним уставом, помазаться и венчаться царским венцом, диадемой и святыми бармами. Завещание его известно боярам и народу. И так, по воле Божьей, по благословению отца моего, соверши обряд святейший, да буду царь и помазанник».

Вдумавшись в сказанное Федором Ивановичем в Успенском соборе, раскусил Богдан иезуитскую хитрость Годунова. Выходило по этому слову, будто у ложа умирающего Ивана Грозного находился самолично его сын, и он лично благословил его на царство. Не менее важно и то, что не митрополит совершает обряд по воле Господа, а Федор Иванович повелевает помазать его, тем самым дает понять, что он, царь, властен над владыкой. Следовательно, Борис и митрополита подомнет под себя.

Дальнейшее знакомство с отпиской тайного дьяка тоже

ничем не утешило Бельского. Если слуги его туманно рассказывали о милостях царских, либо по малой осведомленности, либо из желания не обидеть ненароком своего любимого господина, то тайный дьяк не утаивал ничего. Царь отпустил всех военнопленных, освободил много узников, очинил боярами князей Дмитрия Хворостинина, Андрея и Василия Ивановичей Шуйских, Никиту Трубецкого и несколько иных придворных, но главное — трех Годуновых, внучатых братьев царицы Ирины. Князю Ивану Петровичу Шуйскому пожаловал все доходы Пскова, им в свое время спасенного. Однако же все эти жалования, вместе взятые, не затмили милостей, какими Федор Иванович осыпал своего шурина, дав ему все, что подданный мог иметь при дворе самодержца: сан конюшего, одного из почтеннейших с древних времен чина, какими в Кремле никого не очиняли вот уже почти двадцать лет, титул ближнего великого боярина, наместника двух царств — Казанского и Астраханского, а в придачу ко всему еще и богатство великое, земли на берегах Москвы-реки с лесами и пчельниками, доходы от области Двинской, казенные соборы Московские, Рязанские, Тверские, Северские, сверх особого денежного жалованья.

Вельский даже скрипнул зубами. Теперь он не сможет величаться перед Годуновым своим поистине великим богатством, теперь Годунов, недавно полунищий, богаче его. А иметь не только влияние на царя, но еще и деньги — прекрасно.

Да, обскакал Бельского Борис. Лихо обскакал. Когда-то он завидовал оружнику, любимцу Грозного, владеющему многими землями, крупными поместьями, имеющему высокий чин, теперь все круто изменилось: Бельский удален от Двора, Годунов процветает. Более того, он становится все явственней единовластным правителем, царь же больше времени проводит в молитвах и поездках на богомолье в отдаленные монастыри.

Как тут не начнет грызть зависть?

А вскоре зависть Богдана стала поистине беспредельной. Это когда караван за караваном ладей, юмов, кочмар либо проходили мимо Нижнего без остановки, либо останавливались у пристаней на несколько дней, чтобы пополнить запасы продовольствия, пороха и дрови. На кораблях и судах не только ратники, но землепашцы, рудознатцы, мастеровой

люди. Путь их к Каменному Поясу и дальше в Сибирь. Цель — не только добывать Кучума²⁷ и его сподручных, но строить новые города, распаивать целинные земли. И каждый, с кем бы ни говорил Богдан, с восхищением отзывался о Борисе Федоровиче Годунове, величая его не иначе, как ближним боярином царевым, хваля его державную мудрость и хватку.

И в самом деле, в мудрости конюшему не откажешь. Не просто вал валил в Сибирь по его слову, Годунов продумал, чтобы путь этого вала был безопасен. По его велению построена Уфа и крепостицы на реках Печоре, Кети и Таре. В Tobольск был направлен новый воевода, смелый, храбрый и разумный князь Федор Лобанов-Ростовцев, и его усилиями вырастали, как грибы, города Палым, Березов, Сургут, Тара, Нарым и Кетский острог.

Ему бы, Бельскому, возглавлять все это могучее движение в сибирские просторы, но коварный соперник, похоже, забыл о нем надолго, если не навсегда.

Бести меж тем от тайного дьяка шли одна горше другой. Скончался боярин Никита Романович Юрьев, который вместе с князем Мстиславским начал было поддерживать Годунова, но то была лишь видимость, и первый боярин прознал про это.

Кто виновен в смерти боярина Юрьева, тайный дьяк умалчивал, намекнув лишь, что к этому причастна злая рука.

В Верховной боярской думе осталось лишь трое. Вернее, один Годунов против двоих. Однако он не хотел мириться даже с этим. Выкинул он и двух остальных из Верховного гнезда. Об этом Богдан узнал тоже из отписки тайного дьяка, присланной месяц спустя. Дьяк извещал, не отрицая и не утверждая, лишь как о свершившемся факте, что Годунов раскрыл заговор против себя. Князя Шуйские, Воротынские, Головины, а с ними и князь Мстиславский замыслили, пригласив на пир царского зятя, передать его в руки убийц или отравить. Расправа не замедлила: князь Мстиславский пострижен в монахи и отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь; Воротынских и Головиных заключили в темницу. Не коснулись только князя Шуйского, за которого замолвил слово перед Федором Ивановичем архиепископ, и тот не посмел ему отказать, хотя Годунов настаивал на наказании.

«Все. Единовластен, — заключил Богдан, дочитав столь грустную отписку. — Шуйский станет теперь тише воды, ниже травы, ожидая своего часа. Но и Борис не успокоится. Схлестнутся в определенное время. Пух полетит».

Но безделье в тоске по минувшему, в зависти к могуществу бывшего третьеразрядного среди дворовых вельмож скоро для оружничего окончилось: заволновалась Казань, подстрекаемая крымским ханом Ахмет-Гиреем, за нею возмущалась вся черемиса Горной и Луговой сторон, и хотя мятежники не беспокоили села и города Нижегородской земли, воевода счел нужным принять предупредительные меры, спешно укрепить гарнизоны Лыскова, Воротынца и всех портовых городов на Волге. Приготовить и сам Нижний на случай осады. Он даже свое имение подготовил к обороне.

Закончив все приготовления к отпору возможного налета мятежников, стал ждать дальнейшего развития событий, но совершенно неожиданно для себя получил приказ царя Федора усмирить мятеж на Луговой стороне. Разжевывать короткий царский приказ Борис. Он предлагал собрать под свою руку как можно большую рать и пройти с ней по городам и весям Луговой стороны, по всей огиби, расправляясь с мятежниками, не щадя ни старого, ни малого.

На первый взгляд совет как совет. Можно пройти с огнем и мечом, но к чему приведет жестокость? Бельский, взвесив все за и против, понял сколь коварен совет Бориса Федоровича, единовластного правителя. Жестокость еще больше возмутит мятежников, они еще плотнее сомкнутся с казанскими татарами, и попробуй тогда усмири их без серьезного войскового похода силами нескольких полков. Вот тогда выступит на первый план Годунов с кротким, ласковым словом, успокоит недовольных, а его, Богдана, обвинит в нерадивости или даже в злом умысле, и что дальше? Лучший исход — монастырь на Белоозере либо в Соловках.

«Нет, не дам тебе такой возможности, коварный!»

Всего неделя понадобилась воеводе, чтобы собрать в Нижний Новгород ратников, разбросанных по крепостям, и сам почти не спал, не давал покоя и подчиненным своим. Поднял на ноги к тому же всех мастеровых, чтобы готовили они корабли к походу вниз по Волге. Он уже определил свои действия, посидев не один час над чертежом огиби, но как в

свое время учили его Хворостинин с Хованским, а также дядя его, Малюта Скуратов, собрал он перед походом на совет сперва сотников, а после них — воевод. И что удивило Богдана: ни сотники, ни воеводы не предлагали мирно успокоить мятежников, однако, польза от советов получилась хорошая. Он планировал спуститься по Волге до Свияжска, чтобы отсечь Луговую сторону от Горной, затем по Свияге углубиться в мятежный край, пополняя свою рать стрельцами из крепостиц и стрелецких слобод, а сотники и воеводы предложили иное — по Свияге само собой, но еще и по Суре. На ней городки Ядрин и Шумерля очень влиятельные среди местного населения, а Алатырь к тому же — арсенальный город. Если Ядрин и Шумерлю разгромить, Алатырь же спасти от мятежников, исход похода будет предрешен.

— Два крыла — принимаю. А что касается разгрома, то этого делать не станем, — подвел Богдан итог разговора с воеводами стрельцов и детей боярских. — Пойдем с миром. С ласковым словом. Кто этого не поймет, пеняет пусть на себя. Предупредите рядовых ратников, десятников и сотников, чтоб мечей не выхватывали почем зря, не пускали бы в ход рушницы. Пушек с собой вообще не возьмем.

— Очень рискованно без пушек.

— Верно, риск велик, но и польза немалая. Будет больше веры нашему доброму слову. Главная наша цель: выяснить причину, побудившую к мятежу. А она есть. Известно же, что дыма без огня не бывает.

Больше никто не возражал. Разумным или нет посчитали воеводы решение своего начальника, но доказывать свою правоту не стали. Бог спросит с отдающего приказы. Принялись делить наличные силы. Те, кому предстоял путь по Свияге, просили побольше сотен, объясняя, что у Чебоксар придется останавливаться, а он укреплен основательно и, если по доброй воле не откроет ворот, нужно будет часть сил оставить для осады и переговоров. Если и это не подействует, предстоит штурм. Кольнуло это самое «если» Богдана: он же предупреждал мечей не вынимать из ножен, но ратники — они всегда ратники.

— Идем до Чебоксар вместе. Суда, кому путь до Свияжска, пойдут головными и у Чебоксар не остановятся. Продолжают дальше, а я останусь. Добившись переговорами сво-

его, вернусь к устью Суры. Если удастся, возьму с собой влиятельных старейшин, кто станет пособлять мне в успокоивании своих соплеменников.

— Чудно. Не по-воеводски, — хмыкнул стрелецкий голова из Лыськова. — Чудно.

— Цыплят, известно, по осени считают, — невозмутимо парировал Бельский. — Воротившись, рассудим, чудно или нет. А пока, любо иль нет, мой приказ выполнять безоговорочно. Виновных в притеснении черемисского народа, кто бы ни был, брать под стражу. Судьбу их будет решать царь Федор Иванович по моему слову, слову оружничего. Народ приводить к присяге поголовно, а знатных, по паре от города, брать, не лишая их слуг, с собой. Но не под конвой, но именно с собой, оказывая почести по их родовитости. Трапезовать с ними за одним столом. Собрав всех воедино, пошлем их в Москву, пусть там от имени народа своего присягнут царю-самодержцу, властелину всей Руси. Повторяю еще раз: кто не станет сего исполнять, будет строго наказан как мятежник. И не только моей волей. О неслухах я непременно донесу царю Федору Ивановичу. Все! На окончательные сборы — два дня.

В назначенный час корабли один за другим начали выгребать на стрежень Волги и, подняв паруса, но и не суша весел, покатались вниз длинной вереницей. Первой плыла свияжская, а главный воевода Бельский со своей сурской ратью шел вторым, держа довольно приличную дистанцию. Когда подошли к Чебоксарам, свияжцы не сбавили хода, корабли же сурской рати частью бросили якоря близ берега, частью ткнулись в пологий берег чуть повыше города, закрепившись на канатных растяжках.

Воевода, не велел воинам покидать палубу, сам с дюжиной своих боевых холопов сошел на берег. Ни у него, ни у его спутников не имелось с собой никакого оружия. Только один лук и несколько стрел.

Риск величайший. Захватят в заложники воеводу, как повернется тогда дело, одному Богу известно; Бельский, однако, смело шел на риск; он надеялся на успех, как надеялся прежде, в Карелии, — тогда он праздновал успех, за что чуть было его не казнили, теперь может повториться то же самое.

На надвратной вышке воротники из горожан, а не из воротниковой стражи.

«Что, побили? Или укрылся гарнизон в детинце?»

— Хочу говорить с воеводой! — объявил Богдан Бельский.

— Мы не выпускаем их из детинца. Решаем, что с ними делать.

Слава Богу, — вздохнул облегченно Бельский и попросил:

— Зовите тогда тех, кто сегодня правит городом. Видите, мы без оружия. Я пришел не лить кровь, а выяснить, чем вы озлоблены, а тех, кто виновен в этом, наказать принародно. Не поверите слову моему, вот моя письменная клятва.

Богдан дал знак лучнику, и тот пустил стрелу в проем надвратной сторожевой вышки.

Долго пришлось ждать Бельскому с боевыми друзьями ответа, но он не выказывал недовольства своего. Прилегал даже на траву обочь дороги, предложив спутникам последовать его примеру. Беседовали по пустякам, ожидая ответа, хотя у всех мысли тревожные. Сейчас откроются ворота, и конная ватага захватит их в плен.

Но ворота не открывались, а лишь чуть-чуть приотворились, и послышался требовательный голос:

— Входи, воевода, в город. Один.

Что ж, один — так один. Головой в омут.

Встретил его, судя по одежде, вельможа. С поклоном встретил, хотя глаза выдавали ненависть.

«Крепко озлоблены. Туго придется».

Он не ошибся. Не во дворец повели его, а на площадь, битком набившуюся горожанами. Площадь не безмолствовала. Она злобно урчала, словно цепная собака, готовая кинуться на незваного и непрошеного гостя. Неуютно Бельскому, если не сказать — страшно. Но поднимается на помост, где стоят несколько, должно быть, самых уважаемых горожан, молодых и седовласых, уверенно.

Поднялся. Ни поклона, ни приветствия. Молчат, хмуро поглядывая на пришельца. А седовласый старейшина повелевает, как своему слуге:

— Говори, что хочешь сказать.

— Не свое слово я хочу вам сказать, а слово царя всей великой Руси Федора Ивановича, подданные которого вы та-

кие же, как и я. Так вот: царь Федор Иванович шлет вам свое ласковое слово и молит Господа Бога, чтобы вы одумались и мир наступил на подвластной ему земле. Вот почему я не хотел штурмовать город, я хотел бы узнать, чем вы недовольны, что толкнуло вас на мятеж? Я хочу слушать ваше слово. Говорите вы.

Заминка. Обычная. Толпа, особенно многолюдная, подогревает сама себя, она всегда решительна и смела, выпяливаться из толпы, однако, никто не стремится. Боязно. Сразу же воцаряется робость. Толпа заговорит, но не вдруг. Для этого обязательно нужен зачинатель.

Площадь молчала. Зачинателя не находилось. Даже те, кто торчал на помосте, не осмеливались заговорить. Тогда Богдан обратился к старейшине, который повелевал ему говорить.

— Я хочу слышать твое слово, почтенный. Не опасайся меня. Я клянусь честью своей, что не обижу никого за прямое слово.

— Нас зовут к себе Казань и Крым, обещая почет и уважение. Они требовали от нас, чтобы мы порезали как баранов всех царских слуг, всех ратников, но мы не захотели этого. Мы хотим остаться под рукой русского царя, но пусть нас уважают, пусть считают нас равными с русскими, пусть не чинят злых обид.

— Разве вы не равны? Верой вас не притесняют. Подати те же, что по всем губерниям. Никого без розыска не казнят, не оковывают без вины. Торг ведете свободный, что внутри Руси, что с Баки, что с Тегераном. Так в чем же обида?

— На словах — равны, на деле все иначе. Тиуны²⁸ две шкуры сдирают как с купцов, так с ремесленников и хлебопашцев. Дворцы себе понастроили краше ханских.

— Впустите моих слуг, что за воротами остались, я пошлю их за тиунами.

— Сборщики, как и другие чиновники в детинце, укрылись со страху.

— Нашкодили, вот и трясутся от страха! Полные штаны наделали!

Хохот в толпе. Задиристый.

— Приведем на суд и оттуда. Я — оружничий. Мне царем и Богом определено дознаваться истины. Какие еще обиды?

— Чиновники взятки берут.

— Предупрежу строго. Еще?

— Насилуют стрельцы наших жен и дев!

— Можете указать насильников?

— Да. Знаем по именам и в лицо.

— Поступим так: я велю построить весь гарнизон, пострадавшие пусть укажут на обидчиков.

— Из детинца не выпустим никого из стрельцов!

— Не опасайтесь. Я дал вам письменную клятву, пущенную стрелой. К тому же стрельцы выйдут без оружия и не в доспехах. Вы же можете окружить их вооруженными мужами.

Это устроило всех. Но Богдан, опасаясь самосуда над тиунами, но особенно над насильниками, предупредил:

— Расправы не допускать. Будем судить по закону. Я и те, кого вы определите от вас, а они присягнут, что только истина для них станет законом. Жду от вас слова.

Поклялись за весь город те, кто стоял на помосте, а горожане определили их в присяжные.

С тиунами разобрались быстро. Они не стали запираяться.

— Как же, батюшка-воевода, не мздоимствовать, коль из казны денег не шлют? Вот и пособляем себе, беря малую толику.

Купцы же и ремесленники свидетельствовали не о малой толике. Называемые ими суммы выходили в два, а иной раз и в три раза выше жалования, установленного царем и Думой.

Вельский, выслушав с десятков свидетелей, предложил присяжным:

— Дома виновных не трогать, имущество же все и казну их изъять и раздать тем, кому определит совет старейшин города. Тиунов отправить в Москву на суд царю.

Присяжные, посоветовавшись, согласились с этим, но внесли существенную поправку:

— Менять тиунов не нужно. Новые придут, если жадные, еще хуже будет. Пусть эти поклянутся перед всем народом, что не станут впредь мздоимствовать. Мы не возражаем давать им на жизнь, но по доброй воле и по своим возможностям.

Тиуны рады, что так легко отделались. Главное, не лишили их жизни и должностей. А казна — дело наживное.

Тут же избрали тех, кому исполнять решение суда, приняв предложение Бельского, что для пригляда за исполнителями он приставит пару человек от себя.

С городовыми стрельцами все началось не так гладко. Стрелецкий голова наотрез отказался выстраивать, как он сказал, на позор своих подчиненных, Богдан пытался убедить его добрым словом, но без всякой на то пользы, тогда он повысил голос:

— А позор творить можно?! Твой недогляд! Тебе бы смиренно признать свою вину, а ты пытаешься потакать насильникам! Я действую не от себя, а именем государя нашего, Федора Ивановича, и упорство твое расцениваю как мятежное. Если не исполнишь воли города и моего приказа, я окоую тебя и отконвоирую в Москву, прежде того допытаюсь, как оружничий, не крамолы ли ради потакаешь ты своим подчиненным?!

Поддействовало. Велел стрелецкий голова строиться без оружия, а Бельский, взяв с собой пару старейшин, обошел все помещения, не затаился ли кто из охальников, чтобы избежать наказания. И не зря. Укрылась по закуткам добрая дюжина.

Одна за другой входили пострадавшие женщины в детинец, сгорая от стыда, но не в состоянии отказаться, не исполнить воли городского собрания. На кого они указывали пальцем, того тут же выхватывали из строя крепкотелые городские мужи, и по приказу Бельского заковывали ручными и ножными цепями.

Без малого два десятка оказались закованными, и их повели на площадь. Судить. И вот тут в общем-то мирная до этого момента площадь взметнулась всеобщим криком:

— Смерть насильникам!

— Смерть лютая!

— Повесить их! На колы их! Смерть! Смерть! Смерть!

Бельский почувствовав, что назревает самосуд, а это никак не могло его устроить, велел вооруженным мужам плотнее окольцевать окованных и, поднявшись на помост, поднял руку, требуя тишины.

Утихомиривалась площадь постепенно, отдельные голоса продолжали требовать смерти стрельцам-насильникам, но Бельский заговорил, напрягая голос свой до предела:

— Вы дали слово не чинить самосуда. Я принял эту клят-

ву, веря в вашу честь. Смирите гнев. Я предлагаю присяжным такое: всем насильникам по два года тюрьмы. В кандалах! Согласны ли вы? Ваше слово?

— Кроме темницы — батогами! — прозвучало из толпы, и она подхватила:

— Батоги!

— Батоги!

— Принимаю вашу волю!

Били на помосте. Каждому по тридцать ударов, затем, еле живых волокли в городскую тюрьму.

Народ начал было расходиться, но Богдан остановил довольных своей победой горожан.

— Я прошу вас всех присягнуть на верность царю, а двоих, самых почитаемых горожан, определить в Москву, где они от имени всех присягнут царю-батюшке в Кремле. В походе они будут моими гостями, а после возвращения, когда соберутся представители от всех городов вашей земли, я с почетом провожу их до Москвы. С почетом будут они и доставлены обратно. И еще я хочу поговорить со старейшинами. Отдельно. После присяги.

Никто из горожан даже не помыслил увильнуть от присяги, но заминка все же произошла, когда настоятель христианской церкви появился с крестом, но Бельский понял настроение солидной части горожан и поступил как прежде, в Карелии.

— Христиане — целуйте крест, мусульмане — зовите своего муллу, многобожники — волхвов.

Мулла словно ждал этих слов. Он тут же появился на площади с Кораном и встал по правую руку попа, а вот с волхвами оказалось сложнее, ибо не верил он московскому единoboжнику.

— Сегодня он добр, а завтра, по наущению церковников, снова изгонят из города.

Уговоры затягивались, и лишь вопрос пришедших за волхвом: «Что, нам крест или Коран целовать?!» подействовал. Однако волхв встал поодаль от муллы и попа. Принимал присягу, положив руку на плечо дающего клятву верности русскому царю.

Всего час, и площадь пуста. Оружничего зовут на пир, где он сможет поговорить со старейшинами.

— Лучшее, если разговор состоится до застолья, — высказал пожелание воевода, и ему пошли навстречу.

— Воля гостя — святая воля.

Бельский начал было объяснять старейшинам, для какой цели ему нужны помощники из стольного града Луговой стороны, но один из старейшин попросил:

— Не говори с нами, как с ягнятами. Скажи, сколько нужно тебе в помощь?

— Хорошо бы троих.

Старейшины, поговорив вполголоса меж собой, тут же назвали имена тех, кто поедет с русским воеводой.

— Благодарствую. Они будут моими почетными гостями.

Во время пира Богдан еще раз объяснил свою цель, подняв тост за мир и согласие, и тут же пригласил всех на завтрашнюю торжественную трапезу у воеводы городской рати, добавив:

— Возьмем с него клятву, чтобы без совета со старейшинами и уважаемыми горожанами не принимал бы никаких действий, а подчиненных держал в узде.

Приглашение было принято с почтением.

Еще два дня Бельский провел в городе в беседах с тиунами, с головой стрельцким, с сотниками и даже с десятниками, предупреждая их строго о каре за разнузданность и чванливость. Он твердил:

— Черемисы такие же подданные царя, как и вы. Они равные с вами перед царем и Богом. Не притесняйте и тех, кто не верует в Христа и Троицу, а почитает своих богов. Веротерпимость — одно из важнейших условий мира и спокойствия.

Собеседники клялись не отступать от законов, блюсти мир; заверяли, что впредь будут вести себя благоразумнее, ибо поняли, как опасен для их же собственной жизни мятежный народ, и оружничий верил, что слова их не станут расходиться с делом. Во всяком случае на год-другой хватит преподнесенного урока.

Сделав все, что намечал, Бельский с легким сердцем приказал поднимать якоря и отчаливать, и вскоре караван упрямо погреб вверх по Волге, стараясь держаться в сторонке от стрежня, где встречное течение не такое сильное.

Путь до устья Суры не велик, одолели за пару суток, а

как вошли в Суру, стало намного легче, и корабли побежали веселей.

Вот и Стрелецкая слобода близ Ядрино. В осаде. И что важно, осада не беспокоилась, увидев приближающихся ратников, и это поначалу весьма удивило Богдана, но подумавши, он понял: о том, что корабли с русской ратью появятся в Суре, ядринцев уже предупредили. Конным вестникам доскакать до Ядрино хватит одного дня, если сменить пару раз коней. А не сняли осаду со Стрелецкой слободы, чтобы не приняли бы их в Чебоксарах за отступников.

Не испугались ядринцы еще и потому, что они даже не предпринимали попытки штурмовать Слободу, хотя тын, каким она была огорожена, — не серьезное препятствие для штурмующих. Они окружили стрельцов, не имея к ним никакой злобы, по приказу сверху, и ждали, какое повеление поступит из Чебоксар. Если там примут решение перейти под руку крымского хана, примкнув к Казани, тогда, после подкрепления, можно будет идти на штурм, но если решат не отделяться от Руси, чего ради тогда лить кровь? Тогда что, мятеж — ради мятежа? Чтобы лишь обратить на себя внимание Москвы и добиться большего равноправия с русскими. Добиться большего уважения хотя и к малому, но все одно — народу. А стрельцы — добрые соседи, зла не чинят, относятся с уважением. Что же на них чужую вину переваливать?

В самом деле, стрельцы не чинили обид ядринцам, жили с ними дружно, при нужде даже помогали. Совершенно бескорыстно, и они невероятно поразились, когда в одно прекрасное утро их обложили со всех сторон, как будто Слобода их — волчье логово.

Стрелецкий голова, естественно, с вопросом:

— В чем дело?

— Нам велели, мы пришли, — прозвучал странный ответ.

— Будете штурмовать?

— Нет.

— У нас мало продовольствия. Мы не просидим долго в осаде. Вынуждены будем пойти на вылазку.

— Мы доставим все нужные продукты.

Вот такой мятеж понарошку свершился в Ядрино, что весьма повеселило Богдана, и он еще раз похвалил себя, что избрал своим оружием слово, а не меч.

Серьезная обида в Ядрино была лишь на тиунов. Старейшина так и сказал:

— Шибко озоруют. Спасу нет.

Когда же ядринцам о суде над тиунами рассказал сам главный воевода, а его слова подтвердили и старейшины из Чебоксар, никто не отказался присягать русскому царю. Без особых рассуждений избрали и тех, кому присягать царю в Кремле.

Чем глубже в огибь, тем смирней народ, тем меньше времени тратилось на выяснение причин мятежа. Да, собственно говоря, он сюда даже не докатился. В Алатыре же вообще — тишина полнейшая. Подьячий Разрядного приказа, под оком которого был арсенал, и воевода городской стражи в один голос заявили:

— Слышали, что Казань бузит, за мечи взялась татарва, но у нас тихо. Город-то населен в основном русскими. Но меры мы приняли. Стены подправили, особенно арсенальские. Он у нас что твой детинец. Провианту припасли достаточно, а огнеприпасов у нас в избытке. Выстоим, если что.

Они готовы были собрать народ для присяги государю, но не посоветовали Бельскому делать этого.

— Чего ради присягать, если они верны помазаннику Божьему? Зачем лишний раз волновать народ?

— Приму ваше слово. Подожду у вас лишь второго крыла своей рати, которая вошла в огибь по Свияге-реке.

— Слух дошел, что сеча у них случилась. Не великая, но все же.

— Плохо. Я велел словом убеждать, а не рушницами.

— Слово, оно, конечно же, весомее меча, а если невтерпез?

— Прибудут — выяснится.

Сказать-то сказал успокоительно, но думы потяжелели: неужели ослушались? А ему так не хотелось наказывать своих подчиненных, но делать это придется, окажись они виноватыми. К счастью, они не отступили ни на шаг от воли главного воеводы.

Свияжск встретил нижегородские корабли с великой радостью. Город тоже почти весь русский с довольно крупным гарнизоном, он с тревогой ждал нападения с Нагорной сто-

роны, где было очень беспокойно, где лилась русская кровь. Воевода Свияжска собирался послать от себя подмогу борющейся с мятежниками рати, но ему запретили это делать, объяснив тем, что ослабление Свияжска позволит мятежным казанцам более решительно влиять на луговых черемисов, а то и захватить столь важную крепость.

— Вот теперь, — приветствуя прибывшую рать, потирал руки воевода, — я смогу сходить на тот берег, намять бока мятежникам.

— Но мы здесь не останемся. Наш путь по Свияге, приводить к присяге мятежных луговиков.

— Да есть ли они там? Только, пожалуй, в Урмарах бузят. Но и там крови не пролили.

— Завернем туда. Успокоим.

Поднявшись по Свияге вверх, нашли подходящий берег, приторочились к нему и, оставив часть сил на кораблях, пошли колонной к Урмарам. На привале, когда остановились они на ночлег, на них напали. Рассчитывали, видно, захватить врасплох, но караулы обнаружили мятежников, тихо отступили к стану, а воеводы решили тоже, не поднимая шума, изготovitься к встрече. Пусть считают, что все идет у них ладно.

Мятежники, ничего не заподозрив, приближались к стану, а когда подкрались тихо почти вплотную, их встретил залп рушниц.

Пока обескураженные нападающие соображали, кинуться ли в атаку, смазать ли пятки, ударил еще один залп, а вслед за ним взметнулся весь стан и — в мечи нападающих.

Спаслись единицы. У кого ноги быстрые. У нижегородской же рати ни одного даже раненого. Великий вроде бы успех, но воеводы и сотники собрались на совет, решать, продолжить ли путь к Урмарам или снять с кораблей дополнительно ратников. Они предполагали, что город встретит их стрелами, а если есть рушницы и пушки, то и ими. Спорили долго, но пришли к разумному решению:

— Как бы ни встретил город, штурмовать его нельзя. Станем вести переговоры.

Готовились к одному, а вышло совсем иное. Ратников горожане встретили в полуверсте от ворот. С хлебом-солью. Сразу же передали в руки воевод пятерых подстрекателей крымского хана и Казани. Со связанными руками.

В мятежном городе, оказывается, произошел раскол после того как из Чебоксар прискакали вестники и рассказали о наказании тиунов и стрельцов-насильников. Более благоразумные горожане решили слать своих представителей бить челом русской рати о согласии присягнуть царю Федору Ивановичу, но воинственная часть, особенно горячеголовая молодежь, опьяненная обещаниями свободы под рукой Казани и Крыма, воспротивилась; и когда лазутчики донесли, что к городу приближается совсем немногочисленная рать, решили разбить ее.

Горем закончился этот необузданный шаг горячих голов, подстрекатели же ханские заговорили об обороне города, обещая скорую подмогу из Казани. Именно это оказалось последней каплей, переполнившей чашу горя и гнева — горожане возмутились тем, что подстрекатели, подбив молодых парней на опрометчивость, сами не встали в их ряды, не покинули города. И дальше может случиться то же самое: город вооружится, начнутся стычки, они тут же улепетнут. Вот и связали их, твердо решив передать на суд воеводам.

Погибших в ночном бою похоронили с честью. И горожане, и русские ратники. Лазутчиков Крыма и Казани судили всем городом и приговорили к повешению. Тут же быстро соорудили виселицы и привели приговор в исполнение, после чего все до единого присягнули царю Федору Ивановичу.

Больше никаких происшествий у второго крыла нижегородский рати не было. В Алатырь они прибыли довольные своей работой. Похвалил их и воевода.

Теперь — домой. До Шумерлей вниз по Суре, а дальше частью сил на кораблях, частью пешим порядком через Сергач и Лысково. На всякий случай. Возможно, мятежный дух проник в земли нижегородские. И вообще, он еще ни разу не выезжал, как воевода, из Нижнего Новгорода, не видел, как устроены ратники в городах, не знал, есть ли у них проблемы, какие они сами разрешить не могут, а бить челом воеводе не решаются.

Возвращение воинов в свои города (а полки Сергача и Лыскова Бельский взял с собой, чтобы сразу же оставить их в своих гарнизонах) было радостным вдвойне: все живы и здоровы, а что не менее важно — усиливается гарнизон. Что

ни говори, а мятеж казанцев держал в тревоге средневожские города: давно ли татарские набеги опустошали многострадальную землю, угоняли всех поголовно в полон, на продажу в Шемаханы.

Кровавые набеги татар здесь еще не забыли.

В самом Нижнем тоже радость. Под звон церковных колоколов входила в город рать. Улицы буквально забиты людьми, а жены, нарушая стройность шага, кидались на шею своим мужьям, благодаря Господа, что сохранил он жизнь кормильцу.

Начались пиры. Трехдневные. На этот срок воевода дал ратникам полную свободу. Сам он тоже полностью отдал себя дому и семье.

Но потехе час, а делу время. Нужно было готовить все к отправке представителей Луговых городов в Москву. Люди в основном пожилые, их не посадишь в седла, вот и пришлось спешно ладить кибитки. Чтобы были удобные и просторные; подбирать к делегатам приставов, с кем отправить отписку об усмирении Луговой земли — хлопот в общем-то полон рот. Успевай поворачиваться.

Поначалу он даже собирался сам ехать в Москву, но, взвесив все за и против, переиначил. Как-никак, а он довольно изрядно насамовольничал, более чем в Карелии, поэтому не мог надеяться лишь на ласковое слово царя, на его безоговорочную милость, а если Федор Иванович изъяснит недовольство, которое может возникнуть по слову Годунова, то лучше находиться подальше от царских очей.

Поезд с представителями городов Богдан проводил сам верст на пять за город, еще раз объяснил им, а заодно и приставам, как вести себя в Москве, где их должны встретить с почетом (он об этом просил и царя Федора Ивановича, и князя Шуйского, как члена Верховной боярской думы, и Бориса Годунова, как ближнего великого боярина, послав им специальных вестников) и еще раз пообещал едущим на присягу, что встретит их на обратном пути тоже с почестями и обеспечит всем необходимым на дорогу в свои города.

Потянулись долгие дни ожидания ответного слова царя, надежды на возможную милость Федора Ивановича, но вместе с тем дни неотступной тревоги: вдруг Борис, играя на богоязны Федора Ивановича, возбudit его недовольство, что присяга-

ли ему на верность не только на кресте и Коране, а и с участием волхвов, против коих ополчена православная церковь. Вот тогда продлится срок его изгнания еще на многие годы.

Вышло, однако, ни то, ни другое. Еще не воротились с присяги представители Луговых городов, а к воеводе прискакал вестник царев с ласковым словом Федора Ивановича, но милость его оказалась совершенно неожиданной: взять под свою руку строительство нескольких городов-крепостей по берегу Волги ниже Казани, укрепление Свияжска и других крепостей между Казанью и Нижним Новгородом.

Вельский не мог сам себе ответить, доволен ли он царским словом и царским уроком, либо разочарован. Не вернули в Москву — это плохо, но поручили великое дело — это хорошо. Не отмахнулись, стало быть, от него навсегда, не вычеркнули из памяти насовсем. Вернется он в Москву. Вернется. Вот тогда он покажет Борису свою силу.

Но пока суд да дело, нужно выбрать место для городов-крепостей, а затем приступить к их строительству.

Впрочем, срубить дома, готовить бревна для крепостных стен уже с сегодняшнего дня. Благо, лесов хватает. Выбрать лишь удобные для сплава места на притоках Оки и Камы, там и развернуть крупные заготовительные площадки.

Определив ответственных за наем и отправку плотников артелей на заготовку леса и рубку домов, назначив им малый срок для исполнения, Вельский занялся выбором мест для крепостей. Сам, без спешки, делая остановки на удобных, как ему казалось, берегах, но при тщательном изучении разочаровываясь, наконец принял самое разумное решение: не на пустом месте возводить крепости, а оставив свой выбор на крупных деревнях, которые стояли в удобных для причаливания судов местах, особенно тех, возле которых имелись добрые затоны. Наметил такие места как на Луговой, так и на Горной стороне. А воротившись, он отослал чертежи на утверждение царю. По его росписи новые крепости как бы усиливали засечную линию, построенную князем Воротынским, и продвигали ее еще дальше на юг. Он предлагал сохранить названия выбранных им деревень — Санчурек, Уржум, Цивильск и лишь новый город-крепость, которой он определил место на Кокшаге, назвать Царевым городом.

Царь Федор Иванович и Боярская дума одобрили предложенное воеводой, средства для строительства определили частью из губернских податных сборов, частью из государственной казны. Наметили из каких центральных губерний слать в новые города людишек, чтобы обживать их и благословили оружничего на великое дело, которое должно привести к окончательному усмирению Казани. Бельскому оставалось одно — засучить рукава.

И без того не дремавшая Волга оживилась несказанно. Караваны плотов из срубов и бревен для крепостных стен и заборов, артели строителей на юмах и переселенцы из центральных областей страны шли один за другим. Переселенцы выделялись особо: они везли с собой не только весь свой скарб, но и всю живность — лошадей, коров, овец, кур, гусей, уток и даже индюков. Когда проходил такой юм с несколькими семьями, окрестности оглашались разногласным гомоном.

Не меньше шло и кораблей: ладей, учанов, но особенно насадов со стрельцами и детьми боярскими, со служивым людом.

Священники спускались по Волге особняком и под доброй охраной.

Все это, что двигалось по Волге, что стучало топорами на берегах лесных рек, что пило и строгаило, — все подчинялось его, Бельского, воле, и это в какой-то мере тешило самолюбие, смягчало душевный непокой и горечь от изгнания. В своем же старании сделать все скоро и ладно он все-таки видел способ возвращения в Москву.

Вот готова и заселена одна крепость. Вельский посылает весть о первом успехе, а что в ответ? Лишь ласковое слово царя.

Второй город — тоже ласковое слово. Так и шло дальше: он город-крепость к ногам царя, он в ответ — ласковое слово. А из них корзно²⁹ не сошьешь.

Во всей, однако, круговерти Богдан не забывал о царевиче Дмитрие, помогая усыновившим его дворянам хотя и тайно, но изрядно. Все шло нормально, пока приемный отец не скончался. Осталась одинокой вдова Варвара Отрепьева, а это не давало возможности устроить Дмитрия в Москве, переведя туда приемного отца. Нужно было что-то придум-

мать, и тут вновь пришел на помощь Хлопко, который так и остался главным опекуном Дмитрия и связным между Бельским и Отрепьевыми. Он подсказал мудрый ход: передать Юрия Отрепьева на попечение дяди Смирному-Отрепьеву, который служил в Москве как выборный дворянин. Смирный преуспевал. Достиг он чина стрелецкого головы, общался в довольно высоких кругах, поэтому приемному племяннику многое дал. Но вскоре Смирного отправили головой стрелецким на Низ, и Дмитрию не было смысла ехать с ним в беспокойную Астрахань, где в любой момент могут возбудиться ногаи, а это опасно для жизни, и Богдан через Хлопка уговорил Дмитрия принять послушание в Иосифо-Волоколамском монастыре.

Выбор не случаен. Бельский сумел сменить настоятеля и поставить нового, добившись и ему архиепископского сана, и тот был весьма благодарен за это оружничему. Не раскрывая ничего, просто попросил настоятеля внимательно относиться к новому послушнику, приобщая его не только к знаниям церковных канонов и церковной истории, а и к светским наукам, особенно к истории Руси, к истории великого рода Святого Владимира, ни в коем случае не рассказывая ему о проклятии волхвов.

У Богдана возникла, как он считал, прекрасная идея: устроить Дмитрия в Чудов монастырь, передав его на попечение мудрого наставника Дионисия, кто исподволь готовил бы юношу к воцарению на престоле, чтобы на Федоре Ивановиче не прервалась династия великих русских царей.

Но это тоже требовало возвращения в Москву, ибо без личной беседы, весьма тайной, Дионисий не пойдет на такой шаг. А Бельский уже потерял надежду, понимая, что о нем все более и более забывают, как об оружничем, и воспринимает его лишь Нижегородским воеводой. Даже тайный дьяк значительно реже присылает отписки-доклады.

И вот — радость и надежда вспыхнули с новой силой: тайный дьяк прислал весьма обнадеживающую весть. Правда, до главных слов Богдан добрался не сразу — длинно, не упуская ни одной мелочи, в отписке рассказывалось о междоусобицах между крымскими ханами, которые закончились победой Казы-Гирея, и тот сразу же начал готовить большой поход, будто бы на Польшу, на самом же деле — на Москву.

Замышляет повторить успех Девлет-Гирея с одной лишь разницей: Москвы не сжигать, а обогатиться полным ее разграблением.

Тайный дьяк писал, что обо всем этом оповещен царь Федор Иванович не только Сыском, но и Посольским приказом, однако царь не придавал этой тревожной вести никакого значения, лишь на всякий случай поручил Годунову принять необходимые меры для защиты Москвы. «Разрядный приказ в связи с этим предложил поставить, — сообщал дьяк, — тебя, оружничего, первым воеводой полка Правой руки, и царь согласился с этим, велел Годунову звать тебя в Москву. Жди гонца от Бориса Федоровича, главного воеводы Большого полка».

Ждать пришлось недолго. Через пару дней прискакал гонец от Бориса и передал срочный вызов в Кремль. Бельский уже готов был к этому и тут же сел в седло, взяв с собой лишь пару путных слуг, пару стремянных и дюжину боевых холопов, коим доверял как самому себе. В пути продумывал первые шаги после получения под руку полка Правой руки, представлял себе, как поведет первый совет с сотниками, а уж после того со вторым и третьим воеводами, чтобы определить, на кого можно будет опираться не по чину его, а по разуму и ратной смекалке. Он в мыслях уже вел свой полк врукопашную, врубаясь впереди всех в ряды крымских разбойных орд; предвкушал успех и славу, увы, все его мечты рассыпались в тот самый момент, когда начался разговор с первым боярином при встрече. Тот, даже не поинтересовавшись ни здоровьем, ни делами семейными, сразу же огорчился:

— Я намерен определить при себе Воинскую думу. Из шести опытных воевод, в кои включен и ты, оружничий. Сам я не взял первое воеводство над Большим полком, назначив на это место князя Федора Ивановича Мстиславского. Даю тебе день на отдых, после чего позову на Думу. Будем впрягаться.

Какой отдых? Буря в душе, смятение в мыслях. Воеодствуя в Нижнем Новгороде и получая из Москвы вести, Богдан понимал, что Годунов набирает вес, и все же услышанное ошеломило его: я наметил..., я не взял..., я даю... — уверен, стало быть, что любое его действие царь Федор Ивано-

вич одобрит и примет без всякого сомнения. Выходит, что Федор Иванович царствует, но не правит. Правит Годунов. Он — единоличный правитель великой Руси. Он уже и ведет себя как царь. Что ему первое воеводство над Большим полком, которое подводит под его руку всю рать, он над всей ратью, над главным воеводой и воеводами остальных полков. Он повелитель, он авторитет, он — мозг. Любой успех — его успех. Если же неудача, всегда можно сыскать виновного.

Впрочем, когда еще Годунов имел во Дворе малый вес, он и тогда умел так поставить себя, чтобы не навешивали на него никакого конкретного дела, хотя старался влиять на все сколько-нибудь серьезные события. Он — один из вдохновителей опричнины, не участвовал ни в одной казни, не провел ни одного допроса в пыточной камере, его руки вроде бы чисты — такое умение дано не каждому; и вот сейчас, когда стал всевластным, это свое умение проявляет во всю мощь.

А как коварно поступил с ним, Бельским? Не дал даже полка Правой руки, как ему предложил Разрядный приказ, который, к тому же, одобрил сам царь, но ввел в состав Воинской думы. Вроде бы — великое доверие, великий почет, на самом деле превращение в ничто: в сече не отличишься, а в Думе не первый. Первый все тот же Годунов, и ничего с этим не поделаешь.

Отказаться, к чему призывает честь? Или ударить челом государю? А если Федор Иванович не осудит своего шурина, своего ближнего великого боярина, тогда что? Тогда рухнет все. Особенно затруднительна станет забота о царевиче Дмитрие. Тогда не удастся устроить его в Чудов монастырь, а в подходящее время переправить его за границу (в Литву или в Польшу) и раскрыть там настоящее его происхождение, чтобы оттуда, при поддержке царствующих домов европейских, заявить право на Российский престол. Бельский вполне понимал последствия и отказа и жалобы царю — насильственное пострижение в монахи и отправка в дальнюю обитель Божью, как поступили с Иваном Мстиславским, членом Верховной боярской думы, сына которого теперь, как бы заглаживая свою вину, чествует Годунов, очиняя его главным воеводой всей рати. А пострижение — хуже смерти: в него, Бельского, поверили Нагие, а он оставит их в самом начале пути на верную гибель, а бедняжка царевич Дмит-

рий, ни в чем не повинный, так и останется Отрепьевым на всю жизнь.

«Нет! Так поступить я не могу!»

Он вынудил себя смириться, но твердо решил покончить с Годуновым. А избавление от него видел только в одном — в смерти коварного, вполне понимая, что пересилить его иным способом он не сможет.

Был бы Борис похрабрее и менее расчетлив, можно было бы во время сечи устроить ему смертельное ранение, но Годунов не из тех, кто как князья минувших лет неслись на врага впереди своей дружины, — конюший даже не приблизится к полю боя на полет стрелы. Он — голова всему, а голову следует беречь. В этом он уверен.

«Все же найду способ. Найду! Свершу благое дело!»

Что ж, всякий по-своему понимает благое дело.

На совет Воинской думы Богдан, оповещенный заранее о времени сбора, прибыл без опоздания, даже чуточку раньше, но все уже были в сборе, и Годунов сразу же предложил:

— Приступим к делу. Для начала давайте послушаем дьяка Разрядного приказа, что мы имеем под рукой и какая возможность собрать крупную рать для встречи крымцев, после чего решим, кому что поручить.

Дьяк был предельно краток:

— Основные наши силы в Пскове и Новгороде. Сыск и Посольский приказ уведомляли Боярскую думу о коварстве Казы-Гирея, она же поверила в его сказку, будто готовит он поход на Вильну и Краков.

— Не судить Боярскую думу мы собрались, — резко осадил дьяка Годунов, — а решать, как надежней заступить путь крымцам.

— Я как раз об этом, — упрямо ответил дьяк Разрядного приказа. — На Оке обычная летняя рать. Князь Мстиславский в Серпухове, остальные воеводы — Ноготков, Трубецкой, Голицын, Хворостинин раскиданы по всему Окскому берегу малыми силами. Вот и вся рать.

— Что мы имеем под Москвой и в самой Москве?

— Стрельцов и детей боярских тысяч пять. И — царев полк.

— Значит, пятнадцать тысяч. А из Твери, из Волоколамска, из Великих Лук, из Владимира можем спешно подтянуть ратников?

— Да. Тысяч двадцать.

— Сегодня же шли гонцов, указав место сбора под Москвой. Мы, — Годунов как бы провел рукой по головам воинских думцев, — поведем рать к Серпухову. Там встретим крымцев. Вначале на переправах, а затем дадим бой, выбрав для главной сечи подходящее для нас поле. Сегодня же Разрядному приказу слать гонцов и на Оку, чтобы вся Окская рать сходилась бы к Серпухову. Со сторож тоже снять часть казаков и детей боярских, подчинив их воеводе Сторожевого полка, чтобы лазутили.

Замолчал, сделав вид, будто думает, не упустил ли чего, затем спросил думцев:

— Как, верные советники мои? Согласны?

— Согласны, — ответил за всех Бельский и добавил: — Гуляй-город не помешало бы взять с собой. Он может сослужить добрую службу, как сослужил князю Воротынскому у Молоди.

— Верное слово. Даже не один, а два или три. Верно, что не станут они лишними. Тебе, оружничий, и поручим подготовку китаев и огневого снаряда к ним.

— Ясно.

Ну, вот — есть чем заняться. Вместе с Разрядным приказом срочно нанять несколько артелей.

Но зря воодушевился Богдан, что закончится безделье, дык поведал с улыбкой:

— Какого ляда строить новые, когда у нас в Разрядном приказе есть в достатке китаи. Сколько нужно, столько и поставим. С огненным снарядом и посошными подводами.

— Прекрасно, — заключил Борис и к Бельскому: — Ты, Богдан Яковлевич, все же погляди, все ли ладно, не требуется ли какой починки.

Вот и весь совет Думы. Впрочем, о чем больше судачить? Еще не ясно, подойдет ли к Москве Казы-Гирей или все же двинется походом на Литву и Польшу? А если все же на Русь пойдет, то когда? И каким трактом? Отсюда неопределенность такая и вялость. Работал принцип: «Улита едет, когда-то будет.»

Не поспешил и Бельский с ревизией китай-городов с огневым запасом и подводами. Откладывал «на завтра». Он более был озабочен другим: как ему встретиться с Диониси-

ем в Чудовом монастыре, не вызвав ни малейшего подозрения.

Нашел все же способ. Долго беседовал с ним, не открывая всего, а лишь намеками давая понять, кого ему предлагается опекать. Мудрый старец, похоже, все понял и ответил кратко, но увесисто:

— Будет со мной в моей келье.

Довольный договоренностью поехал оружничий домой, но едва начал переодеваться в домашнее платье, как совершенно неожиданно — посыльный от Годунова.

— Ближний великий боярин кличет срочно на совет Воинской думы. Казы-Гирей подступает к Туле.

Вот тебе и — улита едет. Стремительно несется крымское разбойное войско, и встретить его под Серпуховым уже не успеется.

Все встрепенулись. На авось больше нет надежды. Разрядный приказ велел гонцам скакать к воеводам, которые ведут рати из Твери, Волоколамска, Великих Лук, Владимира, чтобы поспешали, оставив даже обозы (подтянутся позже), а доспехи приторочили бы на вьючных коней. Годунов спешно собирает Воинскую думу, которая тоже повела разговор не в полудреме.

Правда, Борис и на сей раз не изменил своей манере:

— Мое решение такое: князь Мстиславский со своими полками встретит Казы-Гирея на переправах, после чего один полк посадит в Серпухове, чтобы удерживать город и делать вылазки, дергая за хвост крымские тумены, остальные полки построятся в поле, избрав удобное для сечи место. Мы же получим больше времени для подготовки обороны Москвы. Главное, успеем укрепить китаями посад за Москвой-рекой, пустив на это все припасенные Разрядным приказом китаи-города. Установим в бойницах пушки и встретим ворогов ядрами, прежде чем выйти на рукопашку.

— Не все ладно в твоем плане, Борис Федорович, — прервал оратора Богдан. — Если так устроим оборону, не повторится ли то, что сделал с Москвой Девлет-Гирей?

Весьма недоволен Годунов, но сдерживается: коль скоро сам создал Воинскую думу, слушай советов беспрекословно.

— А что ты советуешь?

— Я предлагаю сразиться перед Москвой. Не у стен ее, а в нескольких верстах от них. Князь Воротынский, готовя разгром Девлет-Гирея год спустя после его первого успешного набега, предусматривал возможный прорыв крымских и ногайских туменов к Москве, поэтому, испросив согласия высшего церковного клира, посадил в монастырях Даниловском, Новоспасском, Симоновом крепкие гарнизоны с сильным огненным нарядом. Можно и нам сделать то же самое. К тому же установить на их каменных стенах почти весь наш огненный наряд. А поле для сечи выбрать перед этими монастырями, но так, чтобы ядра из пушек доставали бы татарские тумены.

— Что же, весьма разумно. Думаю, митрополит не откажет мне. Не станут возражать и настоятели монастырей.

— Думаю, они еще чернецов дадут нам в помощь, — встал свое слово князь Шуйский.

— Вполне, — уверенно подтвердил Годунов, словно это зависело только от его воли, и к Вельскому: — Ты, похоже, не все сказал?

— Не все. Под Серпуховым не заступать путь Казы-Гирею. Князь Мстиславский не за понюх табака положит весь Большой полк, ибо не успеют к нему подойти остальные полки Окской рати. Слать, не медля ни часа, нужно гонцов, чтобы, оставив малые заслоны и разъезды лазутчиков, шла бы вся Окская рать к Москве. Спешно. Бегом. Нам же сегодня стоит готовить места для зажитья полкам и для гуляй-городов каждому полку.

— Не в поле встречать, а упрятавшись за плахами, — хмыкнул князь Голицын. — Не по-русски такое. Мы же не зайцы, чтоб под кустами дрожать. Грудью нужно встречать врагов. Грудью!

— Эка, грудью?! — возразил князь Шуйский. — Чем берут крымцы в сече? Они до рукопашки обсыпая стрелами построенную к сече рать. Тучами стрел обсыпают, вертятся колесом на полет своих стрел перед строем, изрядно прорежая его. А китаи — добрая защита от стрел. Из них же сподручно редить крымцев пушками и рушницами. Если еще монастыри пособят ядрами, любо-дорого получится. Оружничий прав, по его слову нужно поступать.

— Думаю, никто разумному не поперечит, — заключил Го-

дунов и предложил: — Давайте определим и тех, кто и где встретит крымцев, если они прорвутся в самую Москву. Я предлагаю такой расклад: оборону царского дворца возложить на князя Ивана Глинского; Кремля — на князя Дмитрия Шуйского; Белый город — на Ногтева-Суздальского и Мусу Туренина; Китай-город — на князя Голицына; выбор места для полковых станов и установку для них китай-городов я возложу на оружничего Вельского. Мы с ним определим и место для главного стана. В нем поставим походную церковь, поместив в нее икону Божьей Матери, которая благословляла великого предка нашего, Дмитрия Донского на победу при битве с Мамаем-разбойником. Если ни у кого нет еще какого слова, беремся всяк за свое дело.

В тот же день определили место для главного стана перед Даниловским монастырем, остальным станам, почти вплотную друг к другу, между Тульской и Калужской дорогами, поставили везде китай-города и установили в бойницах пушки, которые свезли со всех концов Москвы, даже сняв со стен Кремля. Лишь малую часть огневого наряда оставили на всякий случай на кремлевских стенах и у царского дворца.

Через пару дней подошел князь Мстиславский с Большим полком и занял главный стан. Следом за ним начали подходить другие полки Окской рати, Богдан Сельский встречал их и указывал каждому полковой стан. А для сводной рати из ближних от Москвы городов он определил воевод, ополчая ее, и тоже указывал каждому полку его место. Лишь один Китай-город оставался до времени пустым. Он подготовлен был специально для царского полка. Здесь установили пока что только пушки. И когда лазутчики донесли, что Казы-Гирей, обойдя Тулу, начал переправу через Оку, под Москвой все было готово для встречи.

На Воинской думе выработали такую тактику боя: войску сидеть тихо до тех пор, пока крымцы не начнут атаку. Не огрызаться ни пушками, ни рушницами даже тогда, когда тумены начнут свое смертоносное колесо, обсыпая стрелами. Затаиться от них за китаями и ждать набатного колокола Даниловского монастыря. А он должен ударить лишь когда Казы-Гирей выпустит главные силы. Вот тогда, по удару набатного колокола — залп. Сразу из всех рушниц и

пушек. Сбить порыв, расстроить ряды, посесть ядрами и дробом передовые сотни, а уж тогда – вперед, врукопашную.

Миновало пару первых июльских дней. Ждали, что вот-вот прискачет вестник от лазутчиков-сторожей, но он прискакал только к вечеру третьего дня.

– Казы-Гирей остановился на берегу Лопасни ночевать. Передовой отряд приближается к Десне. Тумены идут и по дороге через Боровск. К Пахре приблизились.

Стало быть, завтра перед рассветом налетит.

Донесли об обстановке царю Федору Ивановичу, и тот, нарушая уже давно устоявшееся, не покинул свой дворец, не поспешил в Александровскую слободу или даже в Вологду, как делали его дед и отец, а объявил, что намерен посетить ратников, вдохновить их перед смертельным сражением.

Воеводы хотели было построить полки на поле между Коломенским и китай-городами для смотра царского, но Федор Иванович запретил это делать.

– До смотров ли в такой день? Нужно готовиться к великому сражению, а я, грешный помазанник Божий, пройду по полковым станам, спрошу о здоровье, подбодрю ласковым словом.

Он и в самом деле у каждого китай-города спешивался и проходил по ним лишь с одним телохранителем. Из военачальников сопровождал его только князь Мстиславский, готовый ответить на любой вопрос государя. Вот такой манерой царь хотел показать как свою доступность, так и храбрость.

Особенно долго и душевно он беседовал с москвичами, которые по доброй воле опоясались мечами, взяли в руки рушницы.

– Я стану молиться за вас. Я не покину дворца своего и буду воочию зрить поле боя. Бейтесь мужественно, показывая пример остальным.

Они клялись в ответ, что не пожалеют животов своих ради спасения стольного града, жен и детей, его, любезного государя, чем растрогали Федора Ивановича до слез.

– Верю в вас. Верю в воев русских. Верю, завтра вы обуздаете хана и его разбойные тумены. К вечеру встанет в общий строй вся моя дружина, весь Царский полк. Мне охрана не нужна. Если падет Москва, паду и я.

Тогда поклялся от имени всего войска главный воевода князь Мстиславский:

– Не быть Москве покоренной! Хан будет разбит! Так говорим мы, ратные твои слуги!

После обеда – тревожная весть. Высланные как боевое охранение, дети боярские во главе с князем Владимиром Бахтияровым на Пахре встретили передовой тумен крымцев, смело вступили с ними в бой, но разве могли две с половиной сотни долго удерживать переправу? Крымцы разбили отряд и гнали его до самого села Бицы.

Теперь уже не оставалось никакого сомнения, что враг на подходе.

Тут и Борис Годунов пожаловал к рати. Со свитой бояр, как государь. Шелом золотой, огнем горит на солнце. Бармицы, укрывавшие шею, тоже золотые. Паворози покрыты золотой чешуей и жемчугом. Кольчуга хоролюжная, ковки новгородской с золотой чешуей на груди. В руке клевец – знак военачальника. Но он же не взял первого воеводства над Большим полком, значит, не имеет на это права – клевец должен быть у князя Мстиславского. Но Годунову, как всегда, наплевать на все уставы. Он здесь главный, и этим все сказано.

И конь под ним белый. Словно победитель едет после рати со щитом. Гопают, еще не прыгнувши.

За свитой, через малый интервал, Царский полк. И в самом деле полный, как и обещал Федор Иванович. Очень существенная сила в общий строй – более десяти тысяч отборных воев, хорошо вооруженных, отважных и ловких в сече. Для Царского полка отдельный китай-город. К полку присоединились еще несколько тысяч добровольцев, москвичей. Также умеющих держать в руках и мечи, и боевые топоры, и шестоперы.

Препроводив полк до его китай-города, как хозяин заботливый, Борис повернул коня к главному стану, и Богдан, ехавший за ним в свите, подумал:

«Неужели он останется здесь?»

Годунов, спешившись, велел слать за первыми воеводами всех полков в свой шатер, и сам, позвав всю Воинскую думу с собой, пошагал туда, пояснив:

– Окончательно утвердим ход битвы.

Стемнело, пока собрались все первые воеводы. Внесли свечи, и начался заинтересованный разговор. Предлагалось много, и эти предложения либо принимались, либо отвергались, но обоснованно. Так разногласие возникло о сигнале для первого залпа. Воевода полка Правой руки не согласился, чтобы для всех сигналом для первого залпа послужил удар набатного колокола Даниловского монастыря.

— Не резон всех под одну гребенку. Не к каждому китай-городу подскочут крымцы на выстрел в один и тот же миг. Предлагаю иное: набат — сигнал, чтобы приготовиться. Он — как знак, что крымцы пошли в атаку. А вот для залпов в китай-городах свой должен быть сигнал. Свой набат пусть по команде воевод.

— А не повернут ли кто подальше, увидя, как секут их соплеменников ядра и дробь?

— Легко ли набравшую скорость лаву развернуть? Да и не повернут без воли ханской тумены вспять. Спины им за это попереломают.

— Что верно, то верно. Не повернут ни в жизнь.

— Принимается, — согласился Борис. — Но до набата с Даниловской колокольни никому не высываться.

— Знамо дело.

Не совсем обычно вел совещание Годунов, не высказывал свою волю ни по одному вопросу, более слушал, и когда большинство одобряло, соглашался. Да и не чинился вовсе, не якал. Когда же обсуждение тактических приемов окончилось, предложил:

— Разъедемся по полкам. Воодушевим воинов на битву. Нелегкой она будет. Смертельной. Я с Богданом Яковлевым останусь здесь. Пройдем с ним по стану.

И в самом деле, один, лишь в сопровождении оруженосца, даже не взяв с собой главного воеводу князя Мстиславского, пошагал он неспешно вдоль китаев, останавливаясь возле пушкарей, слушал их советы, давал свои:

— Главное, до удара набатного колокола не высывайте носа. Крепко укрывайтесь. Как набат услышите, запаливайте факелы, подновите порох запальный, но не пальните вдруг, ждите своего набатного барабана. Терпите до этого, не поддавайтесь азарту.

Пушкари снисходительно улыбались, не опасаясь, что

их улыбки будут увидены в темноте, отвечали же с готовностью:

— Все исполним, как повелеваешь.

Подсаживался Борис и к кострам, побеседовать в кружке душевно, Богдан же все больше помалкивал; даже к разговору не особенно прислушивался — можно сказать, костил себя почем зря, что не предусмотрел вот такой возможности свести счеты с соперником. Он даже не мог подумать, чтобы безмерно заботившийся о себе хитрован станет вот так, без охраны, ходить в темени от костра к костру, от бойницы к бойнице.

«Теперь бы в самый раз — стрелу ядовитую. Ужалить в лицо или шею. Тем более, что шелом он снял».

Ругай себя или не ругай, а возможность, какой может больше не быть, упущена.

Почти до рассвета бодрствовал Годунов, вместе со всеми прислушиваясь, не долетит ли до стана конский топот разбойных крымцев, и только когда совсем рассвело, велел Бельскому:

— Оставайся при князе Мстиславском. Твой опыт не станет обузным. Я же — к царю. Доложу о готовности к сражению, затем поднимусь на звонницу Даниловского монастыря и стану наблюдать за полем боя, чтобы при нужде исправлять оплошности воевод. В самом монастыре будет резерв. Тысячи две. В критический момент по твоей либо по просьбе князя Мстиславского пушу его в дело.

Вот теперь Годунов как Годунов. Подальше от стрел и сабель, а вроде бы не в стороне.

Казы-Гирей не пустил с ходу свои тумены в атаку на русскую рать. Если бы она стояла, изготоясь к битве в поле, тогда иное дело, а то попряталась за толстыми и высокими досками, за которыми не посечешь противника стрелами, а через них вот так просто не перескочишь. Решил осмотреться. Оставив основное войско против села Коломенского, сам со своим стягом и личной гвардией поднялся на Поклонную гору. Темников тоже взял с собой.

Стоят китай-города на вид почти пустые. Да и откуда взяться, если рассудить, много войска в Москве, если, как докладывали лазутчики, все оно в Пскове и Новгороде.

«Пусть передовые сотни, чтобы проверить, чем огрызнутся эти передвижные крепостицы, об которые обломал зу-

бы Девлет-Гирей, или ударить сразу всеми силами, быстрее решив исход битвы в свою пользу?»

И тут лашкаркаши со своим советом. Не таким, какие давал Дивей-мурза своему хану. Он не такой, как тот хитрец в ратных делах, а более лизоблюд.

— Великий хан, вели своему войску навалиться на эти дощатые огороды, поставленные ради обмана. Где князь Федор, данник твой, раб твой, мог собрать столько войска, чтобы посадить его вот в стольких огородах? Твоя сила, мой повелитель, безмерна против русских.

— Верно. Туменов храбрых у меня много.

— Если, мой хан, упустим время, к Москве могут подойти полки из Пскова и Новгорода. По моим расчетам, через два-три дня. Нам их хватит, чтобы разорить Москву, взять полон и уйти за Оку.

— Принимаю твой мудрый совет. Наметь темникам, кому какой китай-город брать. Да поможет нам Аллах. Великий. Всепобеждающий.

Темники под рукой. Определить каждому направление для удара не заняло много времени.

— Карнаи известят о начале атаки. Все тумены выступают одновременно. Чтобы увидели неверные гяуры, трусливо укрывшиеся за досками, как многотысячна наша сила. Велик Аллах!

— Велик Аллах! И Мухаммед, его пророк!

А русские ратники все жданки съели, гадая, когда же начнется атака? Недоумевали, чего ради татарва медлит? Не в их это правилах. Они атакуют сразу, без раскочки, а тут вдруг — идет время тихо-мирно. Трудно сидеть, притулившись к спицам колес подпирających китай бричек, не смея даже носа высунуть. Это строжайше запрещено. А так хочется поглядеть, что творится за китаями. Вдруг вороги татями подбираются под самые стены?

Нет. Такого не может быть. Наблюдатели не спят.

Лашкаркаши не спешит давать команду карнаям, чтоб сигналили бы они атаку, дает время темникам доскакать до своих туменов, собрать тысячников и сотников для объявления им ханской воли. Он отвел на это два часа, ибо справедливо посчитал, что спешка в атаке может повредить успеху. Вот если бы рать русская стояла стеной, как обычно, тогда

всем все ясно: передовые тысячи крутят колесо перед строем на полет стрелы, разрезая его, а следом, по команде темников: — Ур! Ур! Ур! — неудержимая лава.

И дальше все отработано. За первыми туменами следующие. Они охватывают строй с боков, рассекая его на части, и вот она — победа!

Теперь иное. Теперь нужно подумать, как ловчее одолеть высокие заплоты. Но ничего лучшего не придумаешь, как навалиться всеми силами, окружить китай-города, затем растащить китаи, отобрав для этого специальных джигитов на крепких и послушных лошадях. Они набрасывают на китаи крючки и тянут изо всех сил. Крючки для этого есть, хотя они приготовлены для стен, но пойдут вполне и для этой роли. Есть и крепкие канаты, плетенные из конских хвостов.

Русские же ратники уже сердчатъ начали на долгое безделье татар.

— Иль не решаются. Глядишь, не попрут, а поворотят морды коней в степь?

— Держи карман шире. За наживой пришли, разве оступятся, не награбив добра и не захватив полона?

— Так видят же китаи! Вон их сколько. Побоятся, что не одолеть.

— Им китаи видятся пустыми. Даже пушки упрятаны до времени. Вот и примут их за обманные.

— Оно, конечно, так, но все же...

Прервался этот вялый разговор протяжным завыванием басовитых карнаев. Подхриповатым, но далеко слышным.

— Ишь ты. Встрепенулись!

Но сиди до команды тихо, не смея даже размять ноги, распрямившись. Даже на подводы не могли взобраться, которые не только поддирают китаи, но и служат удобным местом для стрельбы рушницами из бойниц, когда же татары полезут на сами китаи, ловчее рубить, стоя на бричках, с плеча боевыми топорами, мечами, но особенно встречать пестоперами. Но готовиться к этому еще рано. Вот когда ударит набатный полковой барабан, тогда можно и поплевать на ладони. А набат утихнет лишь тогда, как им объяснили воевода и подтвердилидесятники, когда татарва, хотя и увидят оцетинившиеся стены китай-городов, остановить бешеный бег коней уже не смогут. Но прежде полкового

прозвучит колокольный набат со звонницы Даниловского монастыря.

Прошло немного времени, и тугой удар колокола разнесся по полю, как бы повиснув над китай-городами. Запаливай, значит, пушкари запальные факелы, сыпь порох на полки. Самопальники тоже готовы рушницы. Остальным — натягивать болты на самострелы, пока что не особенно шевелясь. Жди удара полкового набатного барабана.

Вот долгожданный барабанный бас. Изготавливайся, стало быть, окончательно. Чтобы по второму удару не замешкаться с залпом.

Хорошо бы еще под копыта коней триболы разбросать, смешать бы передовых в кучу неразборную, а уж по ней — залп; но воеводы не решились на такое, ибо когда из китай-городов выскочет конница рубить сбившихся в толпу татарских ратников после залпов, свои же кони могут наступать на триболы, и удар ослабнет.

Резон, конечно, в этом есть, но можно было предусмотреть проходы, обозначенные, узнаваемыми лишь для своих вежами.

Жаль, умная мысль, как часто бывает, приходит опосля. Гулко ухают один за другим полковые набаты, и тут же — залп. Один за другим. И в грозный крик «Ур! Ур! Ур!» вплелось истошное ржание раненых коней. Из скачущих в первых рядах добрая треть барахтается на земле, а дико несущуюся лаву не сдержат: кони более чем всадники охвачены неизъяснимым порывом, и даже железные удила им не власть, они даже не чувствуют раздирающего губы в кровь железа, несутся вперед, перемахивая через упавших на землю коней, и лишь тогда скачущий конь может упасть, если наткнется на пытающегося подняться подранка. Тогда куча-мала увеличивается и становится непреодолимой — новые кони на земле со сломанными шеями, с придавленными седоками.

Еще один удар набата — еще один залп; еще один удар — еще залп. А в подмогу пушкам китай-городов бьют тяжелые со стен монастырских, и ядра их, перелетая первые ряды, падают в середину атакующих, создавая и там завалы коней и всадников.

— Что ж, пора, видно, за мечи? — вроде бы сам у себя во-

прошает князь Мстиславский и сам же отвечает: — Да, в самый раз. Пока не пришли в себя крымцы.

Сигнал музыкантам, и взвизгнули игриво сопелки, весело подхватили их мелкие барабаны рассыпной дробью, необычно бодро зазвучали волынки, хоть в пляс пускайся.

И ведь верно: на смертельный пляс зовет музыка.

В один миг отворены ворота китай-города главного стана, и пошла русская конная рать лихо врубаться в смешавшиеся ряды ворога. Следом пешцы твердой поступью шагают на смертный бой.

Примеру Большого полка тут же последовали и другие полки. Сеча началась сразу перед каждым китай-городом.

Богдан поднялся на наблюдательную вышку, оглядеть поле боя. Не сплошная сеча, а разорванная на части. Напротив каждого китай-города свой обособленный бой. Но везде, похоже, преимущество русских ратников — татары не из трусливых, к тому же, ловко владеют своими кривыми саблями. Сеча, похоже, перерастает в тягучую и не остановится до самой до темноты.

«Повторить то, что я сделал под Молодью? — подумал оружничий, глядя на развевающийся ханский стяг у шатра в самом центре Поклонной горы. — Захватить знамя — половина победы!»

Он даже мысленно проскакал по самому удобному, как ему виделось, пути: в обход Новодевичьего монастыря к Щукинской пойме, оттуда и налететь неожиданно-негаданно.

Вполне исполнимо, если Годунов согласится отдать под его руку свой резерв.

Бельский даже хотел было спуститься с вышки и поспешить в Даниловский монастырь, но что-то остановило его, и он стал прикидывать, нужна ли подобная затея?

Исход удара с тыла не обязательно будет успешным. Тогда, под Молодью, он поспешил помочь дружине князя Воротынского, и за неудачу не мог отвечать головой, теперь же он сам поведет ратников. Верно, отборных храбрецов, но и ханская гвардия не менее храбра и ловка. Тогда, под Молодью, он видел, как бились гвардейцы, оберегая своего хана, и если бы Девлет-Гирей сам не струсил, еще не ясно, чем бы закончился тот дерзкий налет. Пришлось бы, вполне возможно, принять геройскую смерть.

А сейчас ему, Бельскому, только того и не хватало, чтобы сложить свою буйну головушку. Его жизнь теперь не принадлежит ему одному, но в первую очередь царевичу Дмитрию. Взявшись за великое дело, поистине державное, можно ли, нужно ли рисковать необдуманно, только лишь геройства ради. Да и что даст его подвиг, если даже окончится он удачей? Борис победу над крымцами преподнесет царю Федору Ивановичу как свою заслугу, и вся слава достанется тому, кто сохранял свою драгоценную жизнь за каменными стенами монастыря. Так нужно ли ради чужой славы рисковать своей головой? Глупо. Очень глупо. Тем более, что татары, если даже одолеют вот в этой сече, дальше Москвы не двинутся, побоясь подхода новых русских полков. А Москва — не держава. Ее заново отстроят, укрепив более надежными стенами, ее населят, и через год-другой жизнь в ней пойдет прежней чередой. Что же касается царевича Дмитрия, тут все куда как серьезней и значимей.

«Овчинка не стоит выделки».

И еще одна угодливая подсказка в оправдание малодушия: Годунов не даст ему ратников. Даже половины не даст. Не станет он своими руками открывать ему дверь к славе, но, главное, не даст потому, что никакой не резерв в Даниловском монастыре, а его личная охрана. Наподобие ханской гвардии, что на Поклонной горе.

Час от часу сеча все более распадалась на отдельные равные куски, и стало заметно как и русские, и татары заметно устали, рубились вяло, но ни одна сторона не собиралась отступать. Тут бы ввести в бой свежие силы, чтобы переломить ход сражения, но ни хан не решался отпустить от себя свою гвардию, ни Годунов свою. А специального резерва у Мстиславского не было, да и откуда ему было его взять: наскребли по сусекам все, что могли.

Но вот, когда уже закатилось солнце, открылись ворота Белого города, и несколько тысяч москвичей-добровольцев, получившие доспехи в царской Оружейной палате, вступили в сражение. Сразу же наметился перелом, хотя татары и не запаниковали, но духом они упали основательно, русские же мечебитцы взбодрились. Напор их стал более дерзким — крымские тумены редели более, чем русские полки, к тому же татары во множестве оказывались пленными. И не простые бойцы, а знатные

мурзы, сотники и даже тысячники. Едва не захватили царевича Бахты-Гирея, тяжелораненого, но телохранители, окружив плотным кольцом, вынесли его с поля боя. Однако, слух о ранении царевича стал быстро распространяться среди крымцев, и они вовсе упали духом. Вот-вот должен был наступить перелом, но солнце уже закатывалось, и татары рубились из последних сил, уповая на неумолимо приближающуюся ночь.

Она действительно спасла крымцев от разгрома, враги отошли к своим станам организованно, но уныло. Они привыкли к стремительным победам, к обогащению, которое следовало за победой, а тут такая тягучесть. Так хитро русские поставили китай-городов, а в них установили множество пушек — случись перевес на стороне атакующих, обороняющиеся укроются за высокие, из толстых досок стены и станут встречать пушками и рушницами, и полезешь на смерть, если прикажут начальники. Не подчинишься — все равно смерть. Со сломанным хребтом.

Военачальники мучались непонятным им вопросом: откуда царь Федор набрал столько полков и изрядно пушек? Они жестоко пытали специально захваченных в плен как языков детей боярских, чтобы узнать, не псковско-новгородская ли рать успела подойти к Москве, но те, корчась от боли и с трудом сдерживая истошный крик, твердили одно и то же:

— Мы ждем подхода полков из Пскова и Новгорода. С рассветом должны подойти. Крайний срок — завтра. Отсидимся за китаями, отбиваясь от штурма. Зелья, ядер и дроба у нас в достатке.

В полночь Казы-Гирей собрал темников.

— Мы не верим, что говорят под пытками пленные гяуры³⁰. Они врут. Князь Федор успел привести полки из Ливонии. Король шведский обманул, пообещав к лету осадить русские города, но не сделал этого. Еще мы думаем, князь Федор пустил в сечу не все свои силы. Держит несколько полков в Кремле. Завтра он может бросить их в бой и решить сражение в свою пользу. Нужно ли нам дожидаться этого? Мы соберемся с новой силой и придем сюда более неожиданно.

— Лучше уйти за Оку, — ответил за всех лашкаркаши. — Наши славные нукеры потеряли веру в победу...

— А ты, не умеющий водить тумены, молчи! Мы предлагали разведать китай-города, названные тобой огородами,

малыми силами, а ты, презренный, что нам ответил?! Огороды для обмана!

— Но, мой хан, да продлит Аллах годы твоего царствования, они казались пустыми, — попытался оправдаться предводительствующий всем крымским войском, согнувшись в рабском поклоне. — Не мог, как сообщали лазутчики, князь Федор, данник твой, собрать так много войска.

— Но собрал! Лазутчикам мы переломали хребты! — Зло посопев, Казы-Гирей обратил взор на темников. — А что скажете вы?

— Мы по вашей воле, великий хан.

— Наша воля такова: на рассвете уходим. Тихо. Чтобы русские не сразу это увидели, не сели бы на крупы наших коней!

Но разве можно скрыть, что снялось с места хотя и поредевшее, но все же многотысячное войско? Князь Мстиславский тут же самолично поспешил в Даниловский монастырь и, разбудив почивавшего в покоях настоятеля Годунова, доложил ему:

— Крымцы уходят.

— Я — к царю Федору Ивановичу, а ты — в погоню. Круши и круши. Пусть запомнят надолго, что прошло время безнаказанно грабить!

— Я не выведу полки из китай-городов. Не исключаю коварного замысла: вытянет нас за собой Казы-Гирей и завяжет в мешок. У него хватит для этого сил.

— Не будет никакого мешка. Я повелеваю тебе: преследуй.

— Я посоветуюсь с первыми воеводами всех полков и Воинской думой.

— А я — с радостной вестью к Федору Ивановичу. Не умолчу и о твоём упрямстве. Он, рассчитывая, скажет тебе свое слово.

Уже через четверть часа всколыхнул Москву торжественно праздничный звон вначале с колоколен кремлевских храмов, затем и всех приходских церквей. Москва одержимо в едином радостном порыве восклицала только одно слово:

— Победа!

Понеслись толпы к полковым станам, чтобы обнять победителей, угостить их хмельным медом, а князь Мстислав-

ский велел остановить ликующие толпы, объяснив им, что не пора еще для торжества, сам же продолжил совет воевод.

Короткий обмен мнениями, и единодушное решение: преследовать крымцев Сторожевым и Передовым полками. Большой, Правой илевой руки держать в кулаке, двигаться осторожно, тщательно лазутя порубежниками. Если татары станут переправляться через Оку, подключить все силы, чтобы побить разбойников как можно больше. В Степь же не идти. Там русское войско окажется в невыгодном положении и может быть разбито.

И вот когда все нужные команды уже были отданы, и полки двинулись следом за крымским войском, не давая ему возможности останавливаться для грабежа селений и малых городов, князю Мстиславскому вестник передал волю царя Федора Ивановича:

— Преследовать не только до Оки, но и в Степи. Ради окончательного разгрома разбойного войска.

— Оно не разгромлено, и мы его не сможем разгромить! — невольно вырвалось у князя Мстиславского, но он спохватился. Не для гонца такие слова. Попросил его: — погоди немного. Я отпишу государю нашему решение Воинской думы и воевод всех полков.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Утро выдалось солнечным, и ничто не мешало москвичам покидать свои дома и спешить туда, где еще несколько дней назад лилась кровь русских ратников, но более того — татар-разбойников. В те роковые часы все ужасались при мысли, что крымцы одолеют в сече, и тогда конец всему. Сегодня же — великая радость и возможность полюбоваться крестным ходом, который пройдет от самого Кремля до места, где шла сеча: там будут заложены краугольные камни фундамента церкви Богородицы и Донского монастыря. Ему определили это имя в честь святой иконы, которая была с князем Дмитрием на Куликовом поле и вот на этой битве под Москвой, благословляя воинов на победу.

До отказа заполнены были и улицы Китай-города, Белого города и Скородома, по которым пройдет крестный ход. На-

ибо более же расторопные заполнили в Кремле площадь у храма Успения, оставив лишь место для ожидаемых подвод.

Вот и они — две пароконки. Обитые сафьяном и устланные персидскими коврами, на которых покоились гладкотесанные гранитные плиты с выбитыми на них крестами и надписями: «Благодарим тебя, Господи, что даровал ты победу рабам твоим».

Кони белые. С серебряной сбруей. На дугах вместо привычных колокольцев — кресты серебряные.

Следом за подводами подвели ослицу под мягким седлом. Попона — белая, расшитая жемчужовыми крестами. Над головой не султан, а сверкающий самоцветами крест.

Толпа замерла в ожидании самого торжественного момента — выноса иконы Донской Божьей Матери. Некоторые мужи загодя сняли головные уборы, а жены принялись потуже подвязывать косынки и яркие цветастые платки.

А из храма продолжало доноситься пение псалмов.

Но вот последняя славица Господу, и по ступеням паперти начали спускаться по трое в ряд благообразные юноши с большими восковыми свечами в руках. Повозки с краеугольными плитами тронулись тихим шагом, юноши пристроились к ним, а из храма уже выходили священники с высокими хоругвями, с кадильницами, с иконами, а за ними высокий клир — иереи (более сотни) в великолепных ризах, осыпанных, как звездами, жемчугами. Вышагивали они осанисто, с гордо поднятыми головами и выпяченными увесистыми животами. За клиром — тоже в праздничных нарядах — окольные, думные бояре и дворяне, сановники Государева Двора. И вот, наконец, государь, митрополит и правитель Годунов — площадь склонила головы, насколько позволяла теснота, однако, не возгласила здравицу государю, а молча созерцала, как он пособлял митрополиту взгромоздиться в седло, как Годунов подал владыке Евангелие, окованное золотом, и тот, положив его на колено и придерживая левой рукой, правой осенил склонившийся народ.

— Благословляю вас, рабы Божьи, с победой над агарянами.

Ослицу повел за узду боярин, а царь Федор Иванович держал одной рукою длинный повод недоуздки, справа же от государя величаво вышагивал Годунов, великий боярин,

весь в бархате, шитом жемчугом и самоцветами, с массивными перстнями на пухлых пальцах.

Замыкали крестный ход настоятели приходских церквей с крестами и иконами, вместе с которыми шли еще и более низкие чины Государева Двора.

Медленно двигалась величавая процессия среди молитвенно крестившихся горожан, которых время от времени митрополит благословлял, поздравляя с великой победой. Лишь через несколько часов повозки остановились, каждая в определенном ей месте. Землемеры и зодчие уже распланировали все, а землекопы вырыли углубления для краугольных камней.

Их укладывали поочередно, сам митрополит окроплял их святой водой и возносил хвалу Господу, прося его благословить строительство обителей, а когда все закончилось, крестный ход проследовал в прежнем порядке до Успенского собора, где начался торжественный молебен во славу победы над магометанами-разбойниками.

Такие же службы справлялись во всех приходских церквях Москвы.

Но время для Господа Бога, время и для веселья души: по воле царя Федора Ивановича и великого боярина Бориса Федоровича Годунова на площадях Москвы, во всех торговых рядах были выставлены бочки с хмельной брагой, вынесены яства, а всем питейным заведениям, называемым в народе монопольками, независимо от национальности хозяина, всем харчевням и трактирам велено было кормить и поить желающих безденежно. Загудела Москва, зашлась в хмельной радости.

В Кремле тоже пир. Царский. Званный. По правую руку от царя — Борис, по левую — не главный воевода всей сражавшейся рати князь Федор Иванович Мстиславский, как бы надлежало быть, но назначенный Военной думой на возможную оборону царского дворца князь Иван Михайлович Глинский, кому в сече не удалось ударить палец о палец. И только справа от Годунова сидел князь Мстиславский, за которым размещалась вся остальная Воинская дума. Первые, вторые и третьи воеводы полков восседали на местах согласно с родовой честью.

Все ждали ласкового слова Федора Ивановича, ждали его милостей. Вот он поднял руку с кубком фряжского вина.

— Я, с благословения Господа Бога нашего, доверил великому боярину Борису Годунову заступить путь ворогам, и он оправдал царское доверие. Дарую ему русскую шубу со своего плеча с золотыми пуговицами (тут же слуги внесли шубу и накинули ее на плечи Борису), цепь свою золотую царскую, кубок Мамаев, славную добычу Куликовой битвы (слуги поставили поднос с дарами на край стола перед лицом Годунова), дарую в наследованное владение три города на Волге-реке и титул ближнего слуги.

Вот это — щедрость. Один приклад к шубе, хотя самой ей не менее тысячи рублей, чего стоит! Земли. Деньги. А ближний слуга?! Титул этот имели лишь князь Семеон Ряполовский, спасший Ивана III от шемакинской злобы, князь Иван Воротынский — за взятие Казани.

По грандиозности и значению те победы не сравнимы с нынешней битвой, да и ковали получившие заслуженные титулы победы своими руками, а не чужими, как Борис Годунов.

Ну, да простит Господь Бог заблуждение царское, если, к тому же, остальным тоже достанутся почести по их заслугам.

Увы, следующие слова царя Федора Ивановича разочаровали всех.

— Первый воевода Большого полка достоин самого серьезного наказания за неуважение великого боярина. Он не исполнил его приказа, проявив непослушание, а когда отписал мне причину, отчего не стал преследовать крымцев, не упомянул даже имени великого боярина, поименовав по титулам только меня. Иль не известно было ему, что я взвалил на плечи кравчего все заботы борьбы с Казы-Гиреем? Но сегодня я не стану никого наказывать, а вручу князю Мстиславскому, как и всем членам Воинской думы медали — золотые португальские монеты (тут же слуги поднесли португалки на подносах), первым воеводам полков — карабельники, вторым и третьим — червонцы венгерские.

Вот и вся милость. Швырнуть бы позорную награду в лицо Годунова, ибо по его слову такая вот милость, но он прикрыт царем Федором Ивановичем, а против помазанника Божьего, против самодержца разве скажешь поперек хотя бы одно слово?

Каждый, сидевший за столом, произносил монолог только мысленно.

После пира к Богдану подошел, улучив момент, князь Мстиславский. Спросил с усмешкой, в которой чувствовалось оскорбленное достоинство:

— Не вытошнит ли Годунова от всех царевых милостей?

Бельский пожал плечами. Зачем говорить слово сыну, который, несмотря на то, что Годунов насильно постриг отца в монахи, не отказался быть первым боярином в Думе и, как считал Богдан, вполне подобоострастен в отношениях с правителем.

«Не все, выходит, однозначно», — оценил вопрос Мстиславского Бельский, но все же не поддержал беседы. Князь Мстиславский, однако, не успокоился:

— Ты, как оружничий, сможешь донести на меня, но я все равно скажу свое мнение: успех сражения предопределил ты, настояв собрать полки под Москвой и укрыться за китами, а не за городскими стенами. Довольно сил приложил и я, чтобы твой план осуществить, хотя далось мне это не так уж легко. А Годунов спрятался в монастыре, изъязив из рати две тысячи лучших мечебитцев. Пусти он их в сечу на исходе дня вслед за подмогой добровольцев, тогда бы Казы-Гирей был разбит и бежал бы в панике. Вот тогда можно было бы и преследовать. Я лично просил Годунова пустить в бой свою охрану, которую он хитро поименовал резервом, но он не дал. А потом, когда крымцы снялись, велел преследовать. Рать не разбита, она не в панике, она может так огрызнуться, что ноги не унесешь, а ему наплевать на все. Вот за все это наплевательство он и огреб столько милостей! Пруд ими пруди. Но, думаю, куда ему столько добра, хворому изрядно. В могилу не унесет!

— Слова и поступки государя нам, холопам его, неподсудны, — смиренно ответил Богдан, а сам определил: «Вот товарищ в борьбе с Годуновым».

— Ну-ну, — хмыкнул князь Мстиславский, и Бельский еще более убедился, что князь вполне может стать добрым товарищем. Протянув ему руку, заверил:

— Настанет скорое время, когда мы сможем смело друг другу смотреть в глаза.

Не оговорился в порыве признательности о скором времени. Слова Мстиславского о том, что Годунов серьезно болен, осенили его. Он, как оружничий, уже разобрался в де-

лах Аптекарского приказа. Выслав из Руси Иоганна Эйлофа, но оставив сына Конрада в заложниках, который тоже был весьма сведущ в делах лечебных, Годунов все же не посмел обращаться по врачевным делам к заложнику, а вручил судьбу своего здоровья аптекарю Габриэлю, имевшему докторский диплом, но более искусного в составлении зелья, нежели врачевания. Но пока никого лучше Годунов не подыскал, смирился с тем, что есть. Тем не менее, думая о будущем, принял меры для приобретения хорошего врачевателя.

Английское купечество, с кем великий боярин заигрывал, продолжая политику Грозного, расстаралось, и в свите английского посла прибыл в Москву медик Кристофер Рихтингер. Борис Годунов сразу же зачислил его на службу в Аптекарский приказ, а вскоре даровал ему, конечно, именем царя, чин придворного доктора, чем весьма огорчил Габриэля. На этой обиде и решил сыграть Бельский и определил поговорить с Габриэлем, не откладывая в долгий ящик. Прощупать сразу же глубину его обиды, и если появится возможность — вести откровенный разговор, не уходить от него.

Непростительная ошибка. Богданом руководило скорее возмущение несправедливостью (он-то ожидал по меньшей мере боярского чина, а золотых монет у него самого — бочки), чем трезвый расчет. Он жаждал мести, завидовал Годунову, сумевшему так ловко подмять под себя слабоумного Федора Ивановича, страстно желал покончить с Борисом Федоровичем и занять его место у престола, оттого рискнул на опрометчивый шаг, не взвесив хорошенько, какие это будет иметь последствия.

Поначалу разговор вполне устроил Бельского. Да, Габриэль, считавший себя хорошим врачевателем, обойден чином и воспринимает это с великой горечью.

— Кристофер на голову ниже меня, как доктор, а царь пожаловал ему чин придворного доктора, а не мне.

Габриэль жаловался оружничему, своему начальнику, надеясь, что тот замолвит о нем слово царю, и тот одарит его чином придворного доктора, Богдан же не раскусил этой простенькой хитрости.

— Не государь очинил Кристофера Рихтингера, а Борис

Годунов. Он лишь лукаво прикрывается именем царя, решая все сам.

Габриэль промолчал, но Бельский не придавал этому значения и продолжил:

— Борис Федорович болен. Ты это хорошо знаешь. Болезнь его весьма затяжная. Но ее можно возбудить.

— Нет-нет! — воскликнул испуганно Габриэль. — Я на такое не способен! Мне не нужны чины за нарушенную клятву Гиппократата!

— Тогда забудь о нашем разговоре, — отступил Богдан, появившийся, в какую лужу сел. — Хочу сразу добавить: это — не просьба, это — строгий наказ. Не станешь им руководствоваться, лишишься жизни, оказавшись окованным в пыточной! В моих руках, известно тебе, не только Аптекарский приказ, но и сыск!

— Слово чести!

На этом они расстались, и Богдан, поразмыслив, направил свои стопы к аптекарю Конраду, упрекая себя, что зря потратил время на Габриэля.

Но только ли время?

С Конрадом разговор проще и понятней. Тому известно все про своего отца Иоганна Эйлофа, и имел он тайное желание отомстить коварному Годунову, который так жестоко отплатил верному слуге за преданность.

— Да, я готовлю зелья для великого боярина по указанию Рихтингера. Но с добавками, какие несколько не улучшают здоровье ненавистного мне.

— Я пришел просить тебя, тоже желая мести, изменить добавки, чтобы болезнь возмутилась до предела.

— Такой подмены сделать невозможно. Нужен совсем иной состав. Но я боюсь этого делать. Рихтингер очень знающий доктор. Он сразу же заметит подмену.

— Приготовь зелье и отдай его мне.

— Хорошо. К завтрашнему утру будет готово.

Из Аптекарского приказа, где прошли его разговоры с Габриэлем и Конрадом, Бельский направился к тайному дьяку, чтобы узнать о новостях из первых рук, но его перехватил ближний слуга Годунова.

— Великий боярин именем царя Федора Ивановича просит к себе тебя, оружничего.

Просит! Через слугу! Не слишком ли?! Возмущайся, однако, сколько угодно, но идти придется. За отказ по головке не погладят. Недавний пример — князь Мстиславский.

Встретил Борис соперника дружески. Сели они на одну лавку, поговорили сперва о делах домашних, о здоровье жен и детей, и лишь после этого Годунов, приняв официальный тон, сообщил то, ради чего позвал к себе оружничего:

— Через три дня — царская охота. Как продолжение торжества по случаю победы над крымцами. Федор Иванович по моему, конечно, слову определил тебя к своей руке.

Да, почет знатный. Даже на охоту с царем приглашали не каждого думного боярина, тем более к руке царской. Похоже, пытается оправдаться Борис за столь унижительную милость внесшему заметный, если не основной, вклад в победу над разбойным войском. Но это пустая примочка к зияющей душевной ране, и воспринята она Бельским не с удовлетворением и гордостью за столь высокую честь, а с еще большим возмущением:

«Не выйдет, дорогой свойственничек! Не поддамся! Через три дня не выезд на охоту, а твои похороны!»

На следующий день, сразу же после обеда, Бориса так скрутило, что хоть священника зови исповедовать и причащать.

Его действительно позвали, но он не понадобился: Кристофер распознал, каким зельем отравлен великий боярин и дал противоядие, которое отвело смерть от великого боярина, хотя не вдруг восстановило прежние силы.

Расстроен Бельский, но понимает, что сидеть сложа руки он не может, ибо с него, как начальника Аптекарского приказа, спросится. Не сейчас. Не до приказа начать розыск сейчас Федору Ивановичу — он не выходит из своей домашней церкви, бьет беспрестанно поклоны, моля Господа Бога списослать благодать на раба его, Бориса Федоровича и спасти его от преждевременной смерти. Разбирательство начнется, когда сам больной поднимется на ноги. Разбирательство и — казни. Вот Бельский и решает опередить события.

Ежедневное питье, принимаемое Годуновым, как всегда готовил Габриэль, вот с него и спрос. По приказу тайного дьяка (Бельский решил действовать через него) доставили Габриэля в пыточную, куда спустился почти следом за ним

и Богдан лично чинить допрос. Он сразу же предупредил Габриэля:

— Твоя жизнь в твоих руках.

Габриэль понял все: из него выжмут те самые показания, какие нужны коварному оружничему. Вид пыточной подавлял волю к сопротивлению. Особенно угнетал вид лавок, на которых толстый слой запекшейся крови, и очаг, где пока еще на медленном огне разогревались железные прутки разной длины и толщины; косился Габриэль и на двухвостки со свинцовыми звездочками на концах, тоже в запекшейся крови, которые пока мирно висели на стене; поглядывал на дыбу, и у него холодело сердце лишь от мысли быть вздернутым на нее; а в дальнем углу сидел подъячий Сысканого приказа за столом, покрытым красной скатертью, с заостренным пером в руке, которое время от времени макал в чернильницу, словно не терпелось ему начать запись на допросном листе — Габриэль вполне понимал, что писать подъячий станет только удобное оружничему.

Подъячий голосом, полным благожелательности и даже сочувствия, советует:

— Не заставляй, доктор Габриэль, прибегать к пытке. Выкладывай без насилия все как на духу. Спасешь этим себя от мук.

— Верное слово подъячего, — подтвердил Богдан. — Только сказанная тобой правда, только признание вины, умышленной либо по оплошности, освободит тебя от пыток.

Хитрый оружничий подал ему спасительную мысль.

— Я никогда никому не делал зла. Я давал клятву Гиппократу не вредить людям, а только лечить их. Я лишь мог ошибиться, составляя лекарство. Не по злему умыслу, а по оплошности.

— Так и запиши в допросный лист, — велел Бельский подъячему. — Габриэль признал свою вину, свершенную по оплошности, а не по злему умыслу. — Потер лоб, словно успокаивая свои мысли, огладил бороду и уж после этого спросил Габриэля: — Ты подпишешь допросный лист с твоим показанием?

— Да.

— Оплошность не карается казнью, но лишь темницей. Думаю, великий боярин, выздоровев, смилуется и вернет

тебе прежнее твое положение. Если, конечно, поверит, что сотворенное тобой не имело крамольного начала. Но я не оставлю тебя без своей опеки. Помни это всегда. Твоя жизнь в твоих руках.

Не лишнее, конечно, еще раз предупредить Габриэля, чтобы держал язык за зубами, но не лучше ли было обвинить его в злом умысле и доложить о найденном крамольнике царю Федору Ивановичу, минуя Годунова? Государь так расстроен покушением на своего любимца и незаменимого советника, что согласился бы на казнь без всякого сомнения. На это, однако, Бельский не решился. Забыл уроки, которые преподавал ему дядя и наставник Малюта Скуратов, не последовал и примеру своего врага Годунова, который всегда доводил дело до конца. Уверен был Бельский, что Габриэль не проговорится, опасаясь за свою жизнь.

Зряшная вера. Позже он поймет это. С великим сожалением. Пока же мог вздохнуть с облегчением, донести царю о проделанном розыске и получить его согласие не казнить виновного за оплошность, тем более, что великий боярин поправляется. Получив такое согласие, а он твердо был уверен, что царь смирится, навестить и самого больного.

С ним разговор иной.

— Я провел розыск. Виновный найден. Габриэль. Он уверяет, будто без вины виноват. Ошибся. Царь Федор Иванович не велел его казнить. Но у меня есть подозрение наговор. Кристофер, считаю, знал о составленном зелье, оттого так уверенно определил противоядие.

— Чего ради?

— Повысить свой авторитет как доктора. Но не только. Намерились навести на кого-нибудь подозрение в крамольном замысле. Хорошо, что я провел розыск по горячим следам, иначе все могло бы так запутаться, не продрасться через чащобу.

— Верно поступил. Верно и то, что не казнил Габриэля.

С двойным смыслом фраза. Не сказал виновного, а назвал лишь имя доктора. Но Бельский не придавал этому значения, ибо был доволен, что неудача его так ловко завершена, без всякого следа, без всякого подозрения на него, истинного виновника. Вместе с тем его голова была занята поиском новых способов соперника, и это лишило его необхо-

димой проницательности. И напрасно: Борис не поверил Бельскому, так стремительно проводшему розыск, но главное — чего ради он сразу же заручился согласием государя — именно в этом Годунов увидел умысел, однако, решил до времени ничего не предпринимать, ибо ему в общем-то была выгодна версия не о покушении, а о промашке составителя зелья. Он верил, что, когда наступит подходящее время, Габриэль расскажет всю правду. Пока же пусть сидит в оковах. Через год-другой, когда обстоятельства смогут круто измениться, начнется иной разговор, а если потребуется, то учинится и новый розыск.

И еще он решил для себя действовать стремительней по намеченному им долговременному плану. Но это — тайна даже для самых близких, не Бельскому же о ней знать. После малой паузы заговорил о делах насущных:

— Думаю, через недельку выздоровлю совсем, и тогда выедем на охоту. Царскую. Не на однодневную.

Бельского осенило: засада на охоте. Пойди разберись, кто устроил засаду, если лишь ранив великого боярина ядовитой стрелой, лучник исчезнет в чащобе?

«Позвать Хлопка? Нет, его нельзя трогать. Он — с царевичем Дмитрием».

Но разве нет у оружничего надежных, верных ему боевых холопов, которые умеют держать язык за зубами? Есть, конечно. Узнать бы только загодя, в каком месте намечена охота. Если не на один день, стало быть, не в районе Щукинской поймы.

Впрочем, к месту охоты должны уже быть посланы слуги, чтобы подготовить все нужное для удобства царя и его свиты, а тайный дьяк наверняка присовокупил к ним своего соглядатая. Встреча с тайным дьяком нужна еще и ради того, чтобы узнать, кто соглядатай, и при случае к нему обратиться, либо дать ему необходимое поручение. Этот разговор с тайным дьяком Бельский наметил через несколько дней и, не предполагая даже, поступил очень верно. За эти дни произошло то, что в общем-то Богдан ожидал давно, но все равно оно оказалось для него совершенно неожиданным. Как гром с ясного неба. И не зайдя он к тайному дьяку в намеченный день, тот вряд ли сам поспешил бы оповестить своего начальника о событии великой важности. Более того, он мог бы вообще о нем умолчать.

А случилось вот что. Борис Годунов в постельном бездельи только тем и был озабочен, как в дальнейшем уберечь себя от возможных покушений. Он подозревал несколько семей: Нагих, Шуйских, Романовых и, пожалуй, в первую очередь Бельского. Слишком споро провел он розыск и нашел виновного без вины. Странно. Очень даже странно.

Выход великий боярин видел в еще большей осторожности (это бесспорно), но не только. Он считал очень важным как можно скорее избавиться от царевича Дмитрия и его матери, которые в любой момент могут стать знаменем для недовольных им, Годуновым, князей, бояр и дворян; а нет наследника — нет повода поднимать бунт.

Исполнителей своего замысла, как он считал, найти не так уж и сложно — он многих приблизил к себе милостями, подняв их из последнерядных в перворядные в Государевом Дворе. Таких, например, как Владимир Загряжский и Никифор Чепчугов. Они согласятся на все. Но не ему же самолично просить их убить царевича. Решил привлечь себе в помощники близких родственников, кого он осыпал благодеяниями. Заговорил с ними с полной откровенностью.

— Многие недовольны моей близостью к государю, моим влиянием на него. Многим угодна моя смерть. Вам я могу открыться: не ошибка Габриэля при подготовке лекарства едва не привела к отпеванию, но злой умысел. А не станет меня, судьба тут же повернется к вам спиной. Пора пресечь род Владимиров и начать новую династию — династию Годуновых. Свершится великое, однако же, может только после того, как почует в бозе царевич Дмитрий. Нам предстоит помочь ему в этом.

Все согласились с этим, только Григорий Годунов воскликнул:

— Грех на душу! Безвинная смерть! Избавьте меня от этого!

— Хорошо — со змеиным шипом произнес Борис. — Избавим. От всего избавим. Можешь уходить. Только больше на глаза мне не попадайся. Отныне ты — не дворецкий!

Несогласный изгнан, и Годунов продолжил:

— Боярыня Василиса Волохова и сын ее, Осип обещали дать Дмитрию и матери его смертельное зелье, но у них по сей день ничего не выходит. Оправдываются, будто мать, царица вдовая и кормилица Дмитрия, Ирина Жданова

очень осторожны. Но отныне ждать долго удобного для них момента уже непозволительно. Предлагаю послать специальных людей сотворить несчастный случай. У меня на примете Загряжский и Чепчугов.

— Озадачим их, — пообещали в один голос собравшиеся на сговор. — Сегодня же получим от них согласия и, благословя, в путь.

Пообещать — проще простого, но не все обещанное исполнимо. Ни Владимир Загряжский, ни Никанор Чепчугов не согласились на столь страшное злодеяние, заявив, что готовы сами принять смерть от руки палача, нежели самим стать палачами.

Борис не слишком расстроился отказом, попросив близких своих постараться поскорее найти согласных. Со рвением они взялись исполнять волю великого родича, но успех сопровождал только окольным путем Андрею Луппе-Клешину: он представил правителю дьяка Михаила Битяговского.

— Назначаю тебя правителем всех земских дел, — заговорил не об убийстве Дмитрия напрямую, а вроде бы о повышении по заслугам, — и заведующим хозяйством вдовствующей царицы. Особый твой надзор за царевичем Дмитрием Ивановичем. Гляди в оба. Хотя, если с ним случится какое несчастье, не спрошу с тебя. Обещаю, что никто другой тоже не спросит.

— Понял. Мы с сокольничим обо всем договорились.

— Вот и ладно. Управитель мой выдаст тебе денег, сколько попросишь.

— Благодарствую. Но дозволю челом ударить.

— Слушаю.

— Дозволь, великий боярин, взять с собой сына своего, Данилу и племянша Никиту Качалова.

— Если уверен в них — бери. Не сболтнули бы чего прежде времени. Да и потом не распускали бы языка.

— Не сболтнут. Не глупые же. Тут светит жизнь припевающая, если все с понятием произойдет. Так я считаю.

— Верно считаешь. А взять если хочешь — бери. Пособники не станут лишними.

Соглашаясь, Борис хорошо знал, что произойдет с ними, когда исполнят они его волю. Следом за первыми поедут в Углич еще несколько человек и тоже с тайным заданием.

Через кого обо всем этом стало известно тайному дьяку, знал только он один. Он даже вообще не собирался докладывать о заговоре своему начальнику, не впутывая себя в это страшное дело, считая, что лучшая поза — не знал, не ведал. Тем более, что ни по каким сведениям соглядатай при Годунове не числится. Когда же Богдан вошел к нему почти сразу же после получения столь важного доноса, раскинув умом, тайный дьяк посчитал приход оружничего не случайным.

«А что если тоже пронюхал о заговоре? Вполне возможно».

Решил не играть с огнем и подал донос начальнику и очень удивился совершенному спокойствию оружничего, словно тот читал рядовую отписку о каком-либо незначительном разговоре в третьеразрядной княжеской семье.

«Все знает. Верно, что не утаил я донос».

Но и другая мысль перечила первой: раз помалкивает о мерах, какие нужно принять срочно в противодействие, стало быть, не доверяет, а это — плохо. Очень даже плохо!

А как мог Вельский довериться тайному дьяку? Ему было жаль невинного мальчика, но он взят был для жертвы и от этого никуда не денешься. Конечно, если удастся покончить с соперником раньше того, как его подосланные свершат злодейство, тогда все получит иной оборот. Тогда придется срочно принимать иные меры, пока же ничего менять не следует. Ни в коем случае не изменять того, что уже подготовлено: после убийства Дмитрия Углич возбуждается до бунта (об этом все обговорено с Афанасием Нагим), а сделать это несложно, ибо вся прислуга в основном его, оружничего, люди, кроме боярыни Волоховой и ее сына Осипа. Следом за Угличем возбудится и Москва, подогреют которую князья и бояре, противодействующие Годунову. Через своих слуг это сделают. Требование одно: вон из Кремля Бориса Годунова, убийцу царевича Дмитрия.

Конечно же, всего этого не произойдет, если удачной окажется засада на охоте. Тогда можно будет сразу же объявить настоящему Дмитрию, кто он такой, а тот, кто сейчас заменяет его, получит достойную жизнь. Но к этому тоже нужно готовиться. При любом развитии событий пора поведать послушнику Чудова монастыря о его истинном происхождении, после чего увести от греха подальше, хотя бы в Иоси-

фо-Волоколамский монастырь, а то и в свою полутайную Приозерную усадьбу.

Возможен и такой расклад: после гибели Годунова раскрыть царю все о покушении на брата и поведать ему всю правду о подмене. Однако же, на такой риск вряд ли Бельский решится. Слишком опасно. Как еще царь отнесется к подобным действиям его и Нагих, определить трудно, вернее, невозможно. Может обернуться все так: Федор Иванович вынужден будет признать своего истинного брата nasledным великим князем, а Бельского и Нагих казнить.

«Стоит ли, не подумавши подставлять свою шею под топор палача?»

Решил в конце концов посоветоваться со старцем Дионисием. У того хватит мудрости найти самый надежный и безопасный ход.

Все эти мысли, однако, не помешали Богдану выяснить то главное, ради чего он пришел к тайному дьяку. Охота намечена между Истрой и Волоколамском. Основной стан — берег Тростянского озера. Оно изобильно рыбой, в его тростниковых заливах в достатке водоплавающей дичи, которая уже собирается в стаи, поставив на крыло молодняк и готовясь к перелету на юг. В чащобах по берегам Малой Истры и Рузы множество боровой птицы, изобильно кабанов, лосей и оленей, а по протокам этих речек — выдры и бобры.

Бельский возликовал душой, считая, что ему повезло: те охотничьи угодья он знал довольно хорошо, ибо не единожды охотился в тех местах с воеводой Волоколамска. Знали их и боевые холопы, которые сопровождали его на те охоты. Теперь ему легко будет выбрать исполнителей, а соглядатай тайного дьяка, сам того не ведая, станет извещать его, Бельского, о том, в какой день и в каком месте будет Годунов определять для себя места охоты.

Что Борис Федорович не прилипнет к царю Федору Ивановичу, Бельскому было совершенно ясно.

Действовать оружничий решил без проволок. Уже вечером, как раз к вечерней молитве, посетил Чудов монастырь. Терпеливо отстояв с настоятелем долгую службу, объявил ему, что желает побывать в келье у старца Дионисия, чтобы, как он сказал настоятелю, укрепить дух в мудрой беседе со святым.

— Плох он, — со вздохом сообщил настоятель. — Почитай, на ладан дышит. Но не прекращает писать отчет души своей, как назидание потомкам. Какой день ни крошки в рот не берет, питая тело свое лишь сочивом.

«Очень не ко времени. Очень».

Если старец отдаст Богу душу, царевича Дмитрия нужно будет обязательно увозить из Чудова монастыря. Но что гадать, сейчас все станет ясным.

В самом деле, Дионисий лежал бездвижно на жестком ложе с тонким волосатым матрасом. Он казался уже умершим: лицо восковое, нос заострившийся. Но стоило Бельскому подойти поближе к умирающему, тот сел и, осенив себя, а затем и вошедшего крестным знаменем, спросил, словно не признал вошедшего:

— Оружничий?

— Да, святой отец.

— Выйди, — повелел старец послушнику Григорию, который смиренно склонивши голову, стоял под образами, прервав при появлении гостя молитву. — Оставь нас одних.

Когда послушник исполнил волю наставника своего, тот спросил, не таясь:

— Что стряслось?

— Пока не стряслось. Но злодейство грядет.

И Богдан начал пересказывать старцу все, о чем узнал у тайного дьяка, когда же излил душу, сказал откровенно:

— Пришел послушать твоего мудрого совета. Как ты скажешь, так и поступлю. Мои мысли раскорячились.

— Не мудрено.

Он долго молчал, опустив седую голову, словно не в силах держать ее прямо, наконец, вздохнувши, заговорил:

— Свою духовную исповедь я окончу через несколько дней, и тогда Господь возьмет мою грешную душу к себе на суд праведный. Без меня Григорию здесь делать нечего. Придется увести его отсюда от греха подальше.

— Ты дал ему понять, кто он есть?

— Пока только наставлял и учил, более ведя речи о роде Владимировичей, что его весьма удивляло. Я же отвечал односложно: тебе это знать необходимо. Для тебя эти знания очень важны. Придет время, поймешь все. До твоего, оруж-

ничий, слова я не решался сделать окончательного шага. Сегодня его сделаю.

— Предупреди, что после твоей кончины его ждет Иосифо-Волоколамский монастырь. На какое-то время. Пусть выходит как паломник. Один. Вроде бы по обету. Об остальном я позабочусь. На меня ему укажи. Разрешение у настоятеля на паломничество испроси ты самолично. Найди нужное для этого слово. А теперь благослови меня, святой отец.

Старец трижды осенил гостя крестным знаменем, повторяя при этом:

— Благословляю все твои благородные дела и помыслы. Да прибудет с тобой Господь Бог наш милостивый.

Не вдруг после ухода посетителя старец Дионисий заговорил с послушником Григорием, все не находя нужного подхода, чтобы не в лоб, но совершенно ясно дать понять, кто он есть на самом деле. И лишь когда ночь начала заползать в келью, предложил:

— Давай помолимся Господу Богу нашему перед тем, как поведаю я тебе великую тайну.

Едва не вырвалось у послушника: «Какую?», но смирение одержало верх. Он опустился на колени рядом с наставником своим перед образами и, успокаивая возникшее от обещания старца открыть ему какую-то тайну волнение души, зашептал истово псалом Давидов:

— Храни меня, Боже, ибо я на тебя уповаю...

Молились долго, а разговор после нее произошел короткий.

— В Угличе, изведаль я, в скором времени свершится злодеяние: будет либо отравлен, либо заколот ровесник твой царевич, Дмитрий Иванович. Но убийцы, беря страшный грех на души свои, не предполагают зряшность злодейства своего: царевич Дмитрий останется живым и здоровым.

— Каким образом?

— По воле Господа нашего Иисуса Христа.

— Но если человек убит, значит — убит. Не воскресишь мертвого, кроме как через чудо.

Старец, пропустив мимо ушей изречение послушника, продолжил, перекрестившись:

— У истинного царевича есть нательный крест не с образом распятого Христа, а с образом Девы Марии с младенцем

на руках. Она очень похожа на мать царевича, ныне вдовствующую царицу.

Послушника словно огрели обухом по голове. В глазах затуманилось, сердце замерло, сжавшись, затем заплось в бешеной скачке, готовое вырваться из груди: сколько раз он разглядывал золотой нательный крест, врученный ему настоятелем Иосифо-Волоколамского монастыря, с непонятной фразой: «По праву твой. Гляди не потеряй». И фраза настоятеля удивила тогда его, и то, что сработан он не по канону, но так искусно, что глаз не оторвешь. Иногда у него даже возникал вопрос, отчего такой дорогой крест принадлежит ему по праву? Родители – не из богатеев. Они не могли себе позволить заказать крест не канонический, за что требовали бы с них великую сумму. Да и вообще, не имея власти, трудно найти золотых дел мастера, который бы согласился на кощунство даже за приличное вознаграждение. Правда, в последнее время родители жили в полном достатке, но крест-то приобретается для младенца сразу же, как приобщат его к Святому Духу через купель иорданскую.

«Вот она – разгадка! Я – царевич! О! Господи!»

Старец тем временем продолжал:

– Но знать об этом дано лишь Господу Богу нашему, люди же грешные до поры до времени должны оставаться в полном неведении.

Вот тебе раз?! Зная, не знать!

– Мое тебе последнее слово: не выпускай пара изо рта, оставь при себе эту великую тайну. Поступай же так: проводи меня в последний путь и покинь монастырь, объявив настоятелю, что принял на себя обет посетить несколько монастырей, моля Господа, дабы принял он в рай мою душу грешную. Настоятеля еще при жизни я оповещу о твоём обете. Он не станет возражать. Первые шаги твои – в Иосифо-Волоколамский монастырь, где ты уже послушничал. Покидай Чудов монастырь без страха за свой завтрашний день, однако, не делая опрометчивого шага. Слушай во всем оружничего Богдана Вельского. Без его ведома ничего не предпринимай. Самовольство для тебя губительно. И еще раз заклиная тебя, ни с кем, кроме Богдана Вельского, ни слова ни при каких обстоятельствах. Твой ангел хранитель – Богдан Яковлевич. Все. Я утомился. Помолись на сон грядущий один.

Какая молитва?! Какой сон?! Хотя и бил он истово поклоны, что-то машинально шепча, но мысли его были ой как далеки от Бога; хотя он лег в конце концов на жесткую свою постель и даже смежил глаза, притворившись уснувшим, сам же витал в неведомом будущем, тревожно пугающем, но сладостном.

Беспокоился послушник и о том, как узнает оружничий Бельский о его выходе из Чудова монастыря. Подумывал даже, не взять ли с собой, уговорив на паломничество (одно-то страшновато), пару спутников-чернецов, но боялся, не нарушит ли он этим строгий завет наставника – не самовольством ли это станет?

Не мог даже подумать Дмитрий Иванович, пока еще послушник Чудова монастыря, что и оружничий озабочен этим же. Если бы открытое сопровождение, тогда проще-простого, но как лучше повести дело, чтобы проследить выхода царевича из Чудова монастыря, не намозолив никому глаза, а затем взять его под тайную охрану. Он уже не единожды разговаривал со своим воеводой Хлопком, пока, однако, оба они не определили верного, по их мнению, хода. Ищущий всегда найдет. Появилось у них вполне приемлемое: двух своих доверенных Хлопко переодевает в монашеские одежды, и они, встретившись будто бы случайно с послушником, доведут его до Иосифо-Волоколамского монастыря. Сам Хлопко станет сопровождать царевича поодаль, но в постоянной связи с приставами-лжемонахами.

Грешно желать скорейшей смерти человеку вообще, а сделавшему так много доброго тем более, но Бельскому хотелось управиться с отправкой в Волоколамск послушника еще до охоты – время однако шло, Борис Годунов уже поднялся с одра, подготовка к выезду шла полным ходом, а старец все еще, питая тело только сочивом, то лежал в полном бессилии, то вновь садился за свое духовное завещание по-томству. Видимо, никак не мог поставить точку.

Вот уже объявлен выезд. Завтра после заутрени. Бельскому остается одно – полностью положиться на Хлопка, обговорив с ним все самые невероятные на первый взгляд события.

– Главное, не проворонь смерти святого старца. А как его схоронят, установи постоянное наблюдение за выходом из

Чудова монастыря. Да чтоб не торчали торчками у калитки, а умеючи бдили бы. Сменяй почаще наблюдателей.

— А спутников я ему загодя вышлю. Сколько нужно будет, столько и станут ждать. В Красногорске. Либо в Тушине.

— Вот этого не делай. Переодеть приставов всегда успеешь. Не нужно, чтобы неведомые монахи мозолили глаза.

— И то — верно. Промашка могла бы случиться. Сделаю так: в пути, где-либо за Красногорском догонят. Тоже как паломники идут-де в монастырь Святого Иосифа Полоцкого.

— Да, так будет лучше. Ты тоже не иди следом ватагой. Не более десятка возьми, но пусть каждый будто сам по себе. Под своей рукой имей лишь пару человек. Как слуг своих.

— Об этом я уже подумавши.

— Ко мне никого не посылай, если не случится чего-либо неожиданного, твоему решению непосильное.

— Все, боярин, мне посильно. Беспокоить не стану.

Серьезно обсуждая план перевода послушника в Волоколамск, не думали они, что старец почит в бозе лишь после возвращения Богдана с охоты и кое-что придется менять.

Царь Федор Иванович несколько раз выезжал из Кремля на богомолье и делал это тихо, можно сказать, тайно для москвичей, объясняя ближним своим, что стремление приобщиться к Богу несовместимо с суетой житейской, мирской; но выезд на охоту не утаить, и с самого утра дорога на Тушино была забита до отказа зеваками.

А выезд и в самом деле красив. Есть на что посмотреть. Первыми — сотня детей боярских из царева полка. Один одного краше. Под каждым — буланый конь. Так и пляшет, так и просит повода. Глаз не оторвать. За ратниками — сокольников с царским дикомытом на руке. Соколятник, который выпестовал царскую птицу ловчую и которому пускать ее на дичь, справа, чуть приотстав. За первой парой — дюжины две соколятников, тоже с ловчими птицами на руках. Гордо поглядывают соколы на зевак, которые уже заходя, хотя царь еще не поравнялся с ними, благолепно склонили головы.

Вот и сам царь Федор Иванович. На караковом жеребце, сверкающий золотой сбруей и самоцветами на бархатной попоне. Не один едет, как бывало выезжал отец его Иван Грозный, — в паре с великим боярином Годуновым. Вороной

конь его, не менее царского украшенный, идет с караковым голова в голову.

Хоть бы на полкорпуса приотстал Борис Годунов для приличия, но — нет. Едет с величаво поднятой головой, сидит в седле осанисто, будто не Федор Иванович царь, а он, Годунов. Одно слово — правитель. Подмывает под себя простодушного помазанника Божьего.

За царем и правителем приглашенные на охоту князья, бояре, знать Государева Двора. Расфуфырены, словно не на охоту собрались, а на званый обед. Степенно едут, вполголоса переговариваясь между собой, вовсе не обращая внимания на теснящихся у палисадов зевак.

Замыкают выезд псары со множеством собак, среди которых особенно выделяются борзые: высоконоги, поджары — красавцы, одним словом.

Все, можно расходиться по домам. Осталось лишь проехать слугам и малому обозу, но это уже не интересно.

Что греха таить, многих москвичей грызла зависть: тешиться охотой рядом с царем — великое счастье, и никто, пожалуй, не подумал, насколько этот выезд обузен почти всем боярам, князьям и даже сановитым дворянам; они привыкли к своим охотам, по своему вкусу и желанию, здесь же ты не волен поступать как тебе хочется, а торчать при царском стремени, стараясь его ничем не обидеть. Они судили так по прежним охотам с Иваном Грозным, но они даже не предполагали, сколь скучна и утомительна для них окажется и дорога к охотничьему стану, и сама охота.

Первая остановка в Тушино. Помолиться в соборной церкви. Обедня на долгие часы. Батюшка знал склонность Федора Ивановича и расстарался донельзя.

Вечерняя молитва несколько не короче. А спозаранку — вновь церковь. Заутреня. Тоже не короткая. И дальше все в таком же роде. Не желание поскорее достичь охотничьего стана на берегу Тростянского озера, а стремление не обойти вниманием ни один монастырь, самый захудалый, ни одной церкви; и менее сотни верст, которые можно без особой спешки одолеть дня за три, огорили они к концу второй недели.

Но вот добрались все же до стана. Шатры поставлены почти у самой воды вольно раскинувшегося озера, за которым тянется тростниковое болото с чахлыми березами. А там, за

болотом – густой хмурый лес. Не лепота для глаз, зато дичи водоплавающей здесь хоть палками бей. Можно отвести душу, взбодрившись после столь утомительной дороги.

До вечерней зорьки есть еще время выбрать подходящие места по своему вкусу, увы – все поплелось следом за Федором Ивановичем в походную церковь. Вот и все. Зорька – козе под хвост.

Так и потянулись дни. Федор Иванович более молился, чем пускал своего сокола, оставшегося в наследство от отца. Настоящий соколиная. Его так и называли – Грозный. Он и в самом деле был грозен. Охотился на свой манер. Бил только лебедей, пренебрегая утками и даже гусями.

К гнездарю, по опытному глазу сокольника, определившего сразу, что в руки к нему попал ядреный соколенок и вырастет из него соколиная-дикомыт, приставлен был для ухода, выноски и натаскивания на дичь опытейший соколятник, и дикомыт не подвел. Стремительным и безжалостным был он в охоте. И бил птицу не так, как все ловчие соколы, не подныривал под намеченную добычу, чтобы взогнать ее, а уж затем, вынырнув вверх, вцепиться когтями в крылья – Грозный сразу же с руки несется стремительно к намеченной жертве и бьет ее в левое крыло, распарывая его, словно острым ножом, когда же лебедь падает на землю, он не делает над ним обычного для соколов круга, а стремительным броском падает на жертву, в мгновение ока разрывает острым клювом шею и жадно пьет горячую кровь.

У всех вызывали восхищение и восторг ловкость могучей ловчей птицы, а царь Федор Иванович зажимался, принимаясь креститься и шептать молитвы:

– Господи, прости мою душу грешную...

Более двух ударов дикомыта он не выдерживал, махал на все рукой и спешил в походную церковь на молитву. Свита вся, естественно, безропотно следовала за ним, хотя многим очень хотелось продолжить соколиную охоту.

Чтобы хоть как-то оторвать Федора Ивановича от храма, бояре услужливо подсказывали царю потешиться загонной охотой на лосей и оленей, но он всякий раз откладывал ее, отвечая однообразно:

– Успеется. Потешимся и загонном.

Вот так и томились все, кто по царскому выбору должен был находиться рядом с ним. Дай волю, и каждый нашел бы себе охоту по своему выбору: вепри, лоси, бобры, глухари – мало ли окрест дичи? Бельский даже вспомнил, как он здесь, бывало, проводил время в охотничьих забавах, дух даже захватывало. Теперь хотелось того же. Однако неотступна у него и другая мысль: отчего Борис Годунов томится вместе со всеми, более того, ни разу еще не пропустил ни одной службы, всегда стоял рядом с царем.

«Неужели заподозрил?»

Не может такого быть. И Богдан ждал, когда все же покинет великий боярин богомольный стан для настоящей охоты. Он вполне мог позволить себе охоту в собственное удовольствие.

Лишь на четвертый день соглядатай тайного дьяка известил Бельского:

– Борис Федорович послал слуг своих и ратников готовить загон. Один сам поедет. Без царя. Может, тебя, оружничий, возьмет с собой, чтобы не чахнуть тебе в скукоте? Предложи себя.

– Не могу. При царе мое место, – но все же спросил, будто бы из простого любопытства: – Место какое определено?

– В Звенигородских лесах. Кроме загонщиков, что великий боярин послал, по селам еще людишек скликают.

Вполне достаточно. Больше никаких вопросов. А что многолюдно будет, это очень даже хорошо. Облегчит боевым холопам исполнить урок. Теперь ему оставалось сказать последнее слово своим подручным и ждать из Звенигородских лесов радостную весть, строя мысленно воздушные замки.

Они и в самом деле оказались воздушными. Через день в стан не прискакал на взмыленном коне, как это должно было случиться, а совершенно неспешно приехал вестник и сообщил царю с низким поклоном:

– Твой ближний слуга, государь, великий боярин Борис Федорович отказался от загона. Свернул с полпути на Рузу, а меня, холопа твоего, государь, послал к тебе сказать, что неотложные дела принуждают его поторопиться в Москву.

Екнуло сердца у Бельского:

«Неужто предательство?!»

Не соглядатай ли тайного дьяка распознал о засаде и уведомил Бориса? Или кто из его боевых холопов переметнулся к более удачливому придворному?

Сколько угодно можно гадать, но толку от этого чуть. Может, все проще, может, и в самом деле какая-нибудь нужда призвала Годунова в Кремль?

Но это уже из присказки о соломинке и утопающем, и само собой понятно, подобная мысль не могла успокоить тревогу.

Отпустив вестника, Федор Иванович объявил свите:

— Раз великий боярин поспешил в Москву, значит, и мое место не здесь. Сейчас же выезжаем. Потешимся охотой в более подходящее время.

Всю дорогу до Москвы Богдан мучился мыслью, что же теперь ждать, когда же вернулся в свой дом и не увидел посланных в засаду, растревожилась окончательно:

«Все. Пыточная. И — казнь».

С минуты на минуту ждал стражу, но миновал день, миновал другой, никто не собирается его тянуть в пыточную. Как обычно спозаранку приезжал он в Кремль править дела, и все шло своим чередом, будто на охоте ничего необычного не случилось. Даже тайный дьяк ни словом не обмолвился, что заставило Бориса сбежать, не потешившись загоном. И вот это умолчание дьяка окончательно убедило оружничего, что Годунов был предупрежден о готовящемся на него покушении. И скорее всего, сделал это сам тайный дьяк.

Сам же великий боярин будто затаился, а по Кремлю пополз слух, что он готовит с дьяком Разрядного приказа и по рубежными начальниками чертеж новой засечной линии. Впереди той, которую создал князь Михаил Воротынский. Особенно далеко на юг выдвигается засечная линия поперек Муравского шляха, по которому чаще всего совершались набеги из Крыма.

Миновало недели две. Богдан хотя и жил в постоянной тревоге, главного своего дела не забывал. Более того, действовал теперь энергичней и спешней, стремясь успеть сделать все задуманное до того, как его арестуют. А что арестуют, он почему-то не сомневался. Самое малое — сошлют, найдя предлог. Он посланцем предупредил настоятеля Иосифо-Волоколамского монастыря, чтобы ждал тот обрат-

но послушника Григория, узнал у старца, который все еще дышал, о том, что паломничество послушнику разрешено, и выслал Хлопка в Тушино, чтобы ждал истинного Дмитрия Ивановича там, сам же постоянно следил за состоянием здоровья старца, беря на душу грех тем, что страстно желал скорейшей кончины Дионисия.

И вот — свершилось. Об этом узнал Бельский тут же и усилил наблюдение за выходом из Чудова монастыря. Он знал, что похороны пройдут на монастырском кладбище тихо, как завещал старец, и послушник в тот же день покинет свою келью.

Все прошло гладко. Хлопка встретил царевича в Тушине, когда же тот пошагал дальше, приставил к нему двух монахов, о чем немедленно ни часа, известил своего господина.

Дальше, стало быть, все пойдет ладом. Нужно теперь повидаться с Нагими (отцом и сыном), не раскрывая ничего о засаде, обговорить с ними их действия на случай, если с ним что-либо случится, рассказать им и о принятых мерах:

— В Иосифо-Волоколамский монастырь переправляю Дмитрия Ивановича. Как только в Угличе свершится злодеяние, сразу же потребуются перевести его через границу, в Ливонию, но лучше всего в Польшу. Если я к тому времени останусь жив и здоров, сам отвезу Дмитрию письмо рекомендательное, если что со мной случится, позаботьтесь вы сами и о письме к своим друзьям, какие есть у вас в Польше, и о переправке Дмитрия через рубеж. Казну я выделю вполне достаточную для безбедного существования царевича. Нужно будет дожидаться, когда скончается царь Федор Иванович, а ускорить смерть царя постарается Годунов, тут же объявить об истинном наследнике. Мастера, кто делал по заказу Грозного нательный крест, я разыскал. Возьмите его с собой, чтобы убедить поляков, что Дмитрий действительно сын Грозного и наследник престола, а убедив, просить их помощи восстановить поправное право. На это дело я завещаю половину моей казны, что хранится в Иосифо-Волоколамском монастыре. И тебе, Федор Федорович, и сыну твоему Афанасию. Кто из вас останется живым и здоровым. Получив деньги, поляки не почтут обузным столь великое дело.

— Ты так говоришь, будто тебе что-то грозит? Что?

— Все может случиться, — неопределенно ответил Богдан, не открываясь отцу с сыном полностью. Рискованно.

И еще Бельский очень хотел встретиться с Годуновым, посмотреть ему в глаза и понять все, но тот еще несколько дней провел в полном затворничестве. Но вот, наконец, начало какого-то движения, совершенно пока непонятного: дьяк Разрядного приказа передает оружнику приглашение на Боярскую думу.

«Что? Объявят на Думе о неудачной засаде и велят окопать?!»

Бойся или нет, а никуда не денешься. Идти в Думу придется. Не бежать же в Польшу! Этим он только усугубит свою вину. Да и осталось ли время для побега? Раньше нужно было думать. Раньше. Вместе с царевичем Дмитрием покинуть Москву.

«Может, все же пронесет?»

Отлегло от сердца сразу же, как заговорил царь Федор Иванович:

— Мой ближний слуга, великий боярин извещен, что крымцы готовятся повторить поход на Москву. Им не в урок пошел полный их разгром Борисом Федоровичем, проявившим себя великим воеводой. Теперь он вместе с Разрядным приказом подготовил роспись новых засечных линий, дабы еще в Поле заступать путь разбойным туменам. По его мудрому совету уже возведены города-крепости по Волге, чем окончательно усмирены казанцы. Теперь вот — новое его слово. Доведет его до вас, почтенные бояре, дьяк Разрядного приказа.

«Но с какого боку на Думу вызван я? — удивленно подумал Богдан. — Уж во всяком случае не для того, чтобы очинить в думство».

Впрочем, теперь можно спокойно и со вниманием слушать приказного дьяка, ибо вполне ясно: никакой опалы не произойдет — Годунов вновь смолчит о попытке покушения на его жизнь, посчитав эту огласку для себя невыгодной.

И тут догадка: пошлют строить засечную линию. В самое горячее место, где можно сложить голову в сече с крымцами или ногайцами.

Дьяк Разрядного приказа встал у трона Бориса Годунова, который стоял по правую руку царского. Был он спинкой

пониже, но по великолепию не отличался от государева, даже с большим количеством самоцветов в отделке, явно ожидая, когда ему повелят докладывать роспись.

А Годунов медлил, давая понять думным боярам, что именно за ним последнее слово. И только когда посчитал достаточной демонстрацию своего величия, повелел дьяку:

— Докладывай.

— Чтобы уберечься от неожиданного похода по Ногайскому шляху, засека, сторожи и крепостицы пойдут от Тетюкова на Усмань и Воронеж, где пересекут и Калмиусский шлях. Оттуда — на Старый Оскол, где заслонит Изюмский шлях. От Старого Оскола — на станицу Замковую для прикрытия Муравского шляха. Но для Муравского шляха, главного разбойного пути, этого мало. Через него пройдет еще одна засека. От Новгород-Северского, через Путивль, на Волуйки. А с правого бока Муравского шляха протянется засека от Кром до Белгорода. И этого мало. Более мощная засека с расчетом усилить казачьи станицы крепости, поставить новые сторожи и крепостицы, пройдет от станицы Каламоксской на Изюмскую, Бахмутскую, Айдарскую. Оплотом и центром этой мощной засеки, способным заступить врагам путь до подхода подмоги, станет новый город с каменным детинцем и мощной крепостной стеной и весьма крупным гарнизоном. Великий боярин предложил назвать его Царевым, государь же наш, Федор Иванович, пожелал еще добавить — Борисов. Место Цареву-Борисову на Северском Донце. Одновременно со строительством Царева-Борисова будет еще восстановлен Азов, разрушенный нами по настоянию турецкого султана. Теперь пришло время пойти наперекор Турции ради безопасности русских городов и селений, ради спокойствия на нашей земле. У меня все.

Вот теперь ясно Богдану, пошлют строить либо Царев-Борисов, либо Азов.

Он не ошибся. Царь Федор Иванович, спросив думцев, согласны ли они с предложением великого боярина и получив утвердительные ответы большинства бояр, не стал допытываться мнения промолчавших, а повелел дьяку Разрядного приказа:

— Огласи, кому какой урок.

Дьяк принялся называть имена бояр, какие кому участки засек поручаются и кто выделен им в помощники, когда

же дошел до Царева-Борисова, дьяка остановил Борис Годунов.

— Царь Федор Иванович и я, его ближний слуга, считаем самым надежным поручить строительство новой крепости оружнику Богдану Яковлевичу. Он отменно исполнил государев урок, строя города по Волге. А сколь важен Царев-Борисов в защите от крымцев, объяснять, думаю, нет никакой нужды.

— Да, такова моя воля, — поддержал Годунова царь Федор Иванович. — И пусть не вызовет ни у кого из вас, бояре, зависть столь почетное поручение не думному боярину. Местничество в столь великом деле можно не брать во внимание.

После таких царевых слов никто, понятное дело, не посмел возразить, предлагая кого-либо из думных бояр, и Борис заключил:

— Стало быть, принято, — и к дьяку: — Продолжай оглашать.

Бельский вполуха слушал дальнейшую роспись, он и радовался тому, что отделался почетной ссылкой, ибо уже окончательно заключил, что Борис знает все, и в то же время осознал, как опасна для него эта ссылка: все может случиться еще по дороге к Северскому Донцу, но скорее всего либо во время поиска места для города-крепости перехватит его засада, либо геройски погибнет он в одной из стычек с крымцами, которые непременно узнают о стройке и не дадут спокойно возводить крепость на их излюбленном для доходов пути и почти в подбрюшьях Перекопа.

«Потребую достаточно силы из стрельцов и детей боярских. Не откажет Федор Иванович. Еще соберу своих боевых холопов из всех шести вотчин и поместий, сняв по доброй половине. И еще — ни одного неосторожного шага. Ни одного!»

А к тому времени как он встретился с царем, дабы поговорить обо всем нужном для выполнения столь важного поручения, Богдан обдумал еще одну просьбу.

— Как только я начну закладку новой крепости, крымцы тут же поспешат устроить налет. Возмутятся и ногайские мурзы, кто липнет к руке крымского хана. Бью, поэтому, государь, челом, чтобы при нужде я мог бы собрать в крепости достаточную рать. Поручил бы ты, государь, Разрядному приказу расписать под мою руку воевод Белгородского,

Старого и Нового Осколов, Корочинского, а если посчитаешь возможным, то и Тульского.

— Тульского — нет. А в Белгород, Старый и Новый Осколы, в Корочи велю Разрядному приказу готовить мое слово.

— Благодарю тебя, государь. А если позволишь, есть еще одна просьба.

— Как не позволить. Важное дело — новая крепость. Получишь все, что сочтешь нужным.

— В низовьях Северского Донца лесов почти нет, поэтому бью челом, государь, дома рубить в лесах верховий Донца, затем сплавливать по реке до места. И еще рубить в лесах по берегам Оскола. По нему тоже ловок сплав.

— Будь по-твоему. Шли туда артели. Завтра же я отправлю гонца с моей волей о подчинении тебе воевод, о каких договорились, и с разрешением рубить по твоим чертежам новую крепость.

Богдан мог быть весьма доволен успешным разговором с царем, если бы он по доброй воле ехал строить новый город, но он — изгнанник. Раз, однако же, этого не избежать, нужно выжимать все, что необходимо для успешной работы и для обеспечения безопасности.

Несколько дней он провел в Разрядном приказе, верстая необходимую ему рать, и добился многого. С собой из Москвы он берет полусотню выборных дворян, более двух сотен детей боярских, отряд наемников. Их, верно, Бельский не хотел бы иметь, но дьяк настоял, и Богдан понял, что они подсунуты Борисом.

Пришлось смириться.

Зато важный успех в другом: по дороге к Северскому Донцу к нему присоединятся почти три тысячи казаков и стрельцов. В Кромах они станут его ожидать, в Корочах и Белгороде. А при нужде он снимет часть порубежников и городской рати с засек Белгородской и Корочинской, из Нового и Старого Осколов. Тоже около трех тысяч ловких и храбрых мечебитцев и стрелков.

И все это не считая двух сотен личных боевых холопов, за которыми уже посланы гонцы. Это его надежная личная охрана, личный резерв.

На сбор рати и на выход ее к месту сосредоточения — месяц. А вот артели плотников и лесорубов к месту работы уже

начали отправляться одна за другой. Пока не многолюдные. Они пополнятся мастеровыми в Осколах и Белгороде. Там же найдутся и сплавщики, хорошо знающие реки.

И вдруг в этот колготной, но все же размеренный ход подготовки к выезду на Северский Донец ворвалась страшная новость, хотя и ожидаемая, все равно много изменяющая, требующая новых срочных действий: глухой ночью в ворота его усадьбы в Белом Городе постучал Афанасий Нагой. Бельский, понявший, что не просто так среди ночи пожаловал нежданный гость, не впустил его в дом и даже не открыл ворота, а вышел к нему сам, чтобы выслушать, какое лихо привело его в Москву.

— Дмитрия зарезали. Убийц растерзали. Углич кипит возмущенный. Угличане готовы повторить самосуд над всеми подозреваемыми в соучастии к свершенному злодейству.

— Чего это ты — ко мне? Дорого нам может обойтись твой ночной приход. Спешу к Фроловским воротам и проси разбудить царя.

Афанасий Нагой обиделся.

— Иль сосунок я, ничего не смыслящий? О злодействе ты и завтра мог узнать, это правда. Меня иная нужда вынудила к тебе: Мария отравлена. Скрутило ее, спасу нет. Волосы посыпались. Есть ли у тебя зелье противоядное? Может, успеем спасти?

— Пошли, — решительно позвал Афанасия Бельский и повел его к Конраду.

Тот спросонья не сразу взял в толк, какое нужно противоядие, еще и еще спрашивал Нагого, как проявляется недуг у вдовствующей царицы и, наконец, изрек:

— Отрава не быстрая. Недели две до кончины ее. Ты успеешь доставить ей нужное питье. Оно у меня есть.

Афанасий сыпанул из калиты³¹ на стол золотые венгерки и порывисто поблагодарил Конрада:

— Дай Бог тебе многих лет жизни!

Он сам намерился было скакать в Углич, но Богдан воспротивился:

— Слугу верного шли. Денег не жалея, чтоб коней чаще менял. Бог даст, успеет. Сам же в Кремль. О встрече со мной и Конрадом — молчок.

— Само собой.

Воротившись домой, Бельский строго предупредил воротниковых стражников:

— О ночном госте — ни слова. Даже женам. Распустите язык — поедете валить лес в Оскольских лесах для Царева-Борисова, нового города! Ясно?

— Не сомневайся, боярин. Наше дело какое: спим всю ночь, если как и нынче, никто нас не потревожит.

Утром Богдан не раньше обычного приехал в Кремль. Там уже все были на ногах. Дым уже коромыслом. Срочно созывалась Дума, к царю был зван тайный дьяк для совета, кого послать проводить розыск, и это весьма огорчило и насторожило Вельского: его, оружничего, обошли вниманием. Решился поэтому на прямой разговор с Борисом.

— Разве ты забыл, кто оружничий? В чьих руках сыск? Иль чин мой снят с меня?

— Нет. Да и не осмелится царь снять то, что дано его отцом. Ты есть и останешься оружничим, но нынче у тебя столь важный государственный урок, что отрывать тебя на розыск нельзя. Это не моя воля, Богдан, а воля государя нашего, все мы холопы которого. Тем более, что в Угличе дознавать нечего. Несчастный случай. Так мне донесли, и я верю этому. Государь тоже.

Выходит, опоздал он. Годунов опередил его, и теперь в Углич поедут угодные Борису Федоровичу люди и преподнесут такой доклад, какой будет угоден великому боярину.

Доволен ли Богдан этим разговором? Вначале он даже досадовал, что его опередили, что розыск можно провести так, что вина Годунова будет полностью доказана, и царь вынужден будет удалить от себя любимца, если не казнить его, вскоре, однако, он оценил преимущество стороннего наблюдателя. Кто может сказать, что бунт в Угличе его рук дело? Если не сегодня, то завтра возбудится и Москва, и кто может ткнуть на него пальцем? А он уже направил своих людей в обжорный ряд, в охотный и в столешный пустить слух, что царевич убит по приказу правителя Годунова. Нагие тоже не дремлют. Шуйские, Романовы, Ляпуновы и все остальные, кто еще не сослан, сами по себе начнут действовать. У великого боярина мало ли противников? А уж Бельский постарается, чтобы все они узнавали друг от друга и о тайном сговоре Годунова со своими ближними, и имена направленных в

Углич убийц, а это настолько убедит обывателей, что даже сторонники великого боярина займут ряды сомневающихся. Вот тогда загудит Москва растревоженным улем.

К удовольствию Вельского, события разворачивались даже стремительней, чем он ожидал: уже к обеду начал назревать бунт.

Годунов, однако же, не был бы Годуновым, если бы не предпринял срочно ответных мер. Ему сам дьяк тайный донес, что Москва вот-вот взбунтуется, хотя он и не назвал подстрекателей. Ответил уклончиво:

— Сам по себе слух идет. Жалеют простолюдины Дмитрия Ивановича, вот и выдумывают всякую всячину по своему разумению.

Хотел Борис припугнуть тайного дьяка: «Не дознаешься, кто мутит воду, окончишь жизнь в монастыре!», но прикусил язык. Сказал совсем не то, о чем думал:

— По-моему, никакого бунта не случится. Погалдят-погалдят, на том и угомонятся.

У него возник коварный план всполошить Москву в слезах и горе, а затем милостями своими успокоить ее.

«Выкинут из дурных голов Дмитрия, когда самим станет деваться некуда!»

Царь Федор Иванович, убитый горестной вестью о гибели младшего брата, которого видел наследником, ибо Бог не давал ему сына, а рожденная дочь прожила всего ничего, выехал на богомолье в Лавру Святого Сергия, сам того не желая, развязал руки великому боярину полностью, и тот развернулся во всю свою гнусную мощь: всех, кто соучаствовал в свершении злодейского убийства, щедро наградил. Боярыне Волоховой и сыну ее дал богатые земли, Ботяговского, брошенного угличанами в яму, велел откопать и захоронить честь по чести, жену его и дочерей наградил поместьями и казной, а усмирить Углич послал изрядно стрельцов и детей боярских.

В два дня город, имевший полторы сотни церквей и более трехсот тысяч жителей, был разграблен и опустошен. Около двухсот угличан казнили, остальных сослали в Сибирь, населив ими город Пелым.

Вдовствующую царицу постригли в инокини.

Москва, однако, не утихала, хотя и доходили до нее слухи о расправе над угличанами, это даже повышало возбуж-

денность. Но особенно возмущали москвичей милости Годунова злодеям, свершившим гнусное убийство. Такой наглости они даже представить себе не могли. Ждали лишь возвращения царя-батюшки, чтобы бить ему челом, но если он не ответится, тогда — бунтовать!

А недруги Годунова ждали еще и первых арестов в Москве, чтобы ради защиты невинных поднять бунт, но Борис словно бы не ведал о всех недовольствах и намерениях, никого не притеснял, и это удивляло многих бояр — они не верили, что Годунов станет спокойно ждать беспорядков. Они ждали, какие меры начнет принимать великий боярин, против которых можно будет поднять голос протеста.

Случилось, однако же, то, чего никто не ожидал: ночью вдруг загорелся колымажный двор, да так дружно, что никто не успел даже глазом моргнуть, как огонь перекинулся на соседние дома. К утру сгорели дотла Арбатская, Никитская, Тверская, Трубы, двор посольский, слободы стрельческие, все Занеглинье. Сотни москвичей сгорели в огне заживо, тысячи лишились и крова, и всего нажитого.

Не пострадали от огня только Китай-город и Кремль.

Отчаяние охватило погорельцев. Толпы их двинулись на Троицкую дорогу, дабы с мольбой о помощи поклониться царю-батюшке, который должен возвращаться именно по этой дороге с богомолья.

Царя сколько времени ждать, а правитель, великий боярин Борис Федорович, вот он — рядом. Предстал перед убитыми горем погорельцами.

— Из казны царевой и моей лично все дома, все лавки и лабазы, каменные вместо деревянных, все церкви я построю в короткие сроки. К тому же каждый получит сегодня же из моей казны возмещение убытков. Ворочайтесь к дворам своим и ждите опросов, кто какой понес ущерб в имуществе, в соответствии с которым тут же получите мою милостыню.

— Спаси тебя Бог! — слышались слова искренней благодарности. — Век станем помнить!

Годунов доволен. Он добился своего. И вот последнее его слово:

— Обещаю, что непременно отыщу виновников пожара и казню их смертью лютой!

Рьяно взялся великий боярин за выполнение обещанного:

тут же сотни служивых по его воле начали раздавать деньги всем погорельцам, повезли полные брички с хлебом, бочки с квасом, брагой и даже с водой; что касается розыска виновных, они были уже определены — слуги Афанасия Нагого и его братьев. Их незамедлительно арестовали вместе со своими господами. Им предстояла пытка и — казнь. Но Богдан, оповещенный об аресте, поспешил к Борису. Не в кремлевские палаты, а в дом его в Китай-городе. Годунов встретил гостя сухо.

— С чем пожаловал?

— Не пожаловал, свойственник мой, а прибыл для серьезного разговора. Ты арестовал братьев Нагих и их верных слуг, зная наверняка, что они не поджигали Москвы...

— У меня иные сведения.

— Нет у тебя никаких сведений. У сыска, какой под моей рукой, есть верные сведения. Весьма нежелательные для тебя. Я остановил тайного дьяка, который готовил отписку для царя Федора Ивановича. В ней, ко всему прочему, и твоя милость тем, кто должен нести полную ответственность за гибель царевича.

— Что ты предлагаешь?

— Отпусти братьев Нагих и слуг их.

Долгое молчание. Борение ущемленной гордости царского любимца, привыкшего действовать безотчетно, не встречая такого вот прямого противодействия, и необходимости избежать вредной для него огласки многих его поступков.

Конечно, Богдан мало что выгадает, допустив огласку, но и Годунову она тоже не во благо.

«Уступлю нынче в малом. Позже сочтемся», — решил Борис Федорович и ответил кратко:

— Отпущу. Не сегодня, конечно.

— Вели не пытаться.

— Повелю.

— Что ж, и на том спасибо.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

При очередном докладе о делах сыска тайный дьяк, сказав вроде бы все, что было важно и нужно, вдруг перешел почти на шепот, хотя в комнате были они одни, а дверь в эту удаленную комнату была двойной.

— Захворал государь наш Федор Иванович. Тот же недуг, каким страдал Грозный и старший сын его, Иван Иванович.

«Что?! Последний шаг Годунова к трону?! К смене династии?!»

А вслух другое:

— Не намекнуть ли Федору Ивановичу о зелье? А то и прямо известить о полученной от соглядатая важного отписки? Как считаешь?

— Мне еще не надоело жить. И тебе, думаю, тоже. В самом деле — риск невероятный. Федор Иванович ни за что не поверит в возможность покушения на его жизнь, ибо он никого не обижает. Бога не забывает славить, жену любит, державу лелеет. Тем более не поверит, что покушается шурин — любимец и незаменимый советник, радетель за государевы заботы. Начнутся пытки. В пыточных же говорят (он то это хорошо знал, как добивался нужного слова Малюта Скуратов) то, что нужно услышать. Вернее, что велят палачам и подьячему услышать.

— Услышанное от меня намотай себе на ус, — посоветовал как подопечному, а не как начальнику тайный дьяк. — Но что такой разговор был, выкинь из головы.

Придется. И первое, что нужно предпринять: переправить спешно Дмитрия-послушника в Польшу, снабдив его письмом к князю Вишневецкому. Пусть пока у него укроется.

«Сегодня же подготовлю письмо», — решил он и, едва освободившись от служебных забот, сел за письмо, ради чего остался в своем кремлевском доме, дабы не терять лишнего времени на переезд и домашние заботы. Написав же первые строки, задумался. С кем его отправить? После измены самых преданных, как он считал, боевых холопов, мог ли он кому-либо доверить столь великую тайну. Но может случиться и перехват: Годунов верней всего следит сейчас за каждым его шагом. А попади письмо в руки, точно — всему конец. Без лишнего шума прикончит царевича, до времени даже не тронув его, Бельского. Ну а потом... Даже в груди похолодело от предвидения страшного конца.

Нет! Ничего такого не должно случиться. Нельзя рисковать. Нужно ехать в Иосифо-Волоколамский монастырь самому и там сготовить письмо. А Хлопку наказать, тоже с глазу на глаз, поспешно увезти Дмитрия за кордон, что-

бы никак не дотянулись руки Годунова до наследника престола.

«Теперь следует поспешить с отъездом на новостройку».

У него почти все уже было подготовлено, сам не особенно торопился, сейчас же тянуть время совершенно невыгодно, и уже на следующий день докладывал царю о готовности выехать к месту строительства Царева-Борисова.

— Лишь об одном, государь, челом бью: дозвожь мне малый крюк. Дело предстоит опасное, вот и думаю оставить в Иосифо-Волоколамском монастыре духовную о моей казне, которую храню там. Да и с собой хочу взять часть казны. Думаю, обузой не станет. Вдруг, государь, твоя казна припозднится, я свою в ход пущу, чтобы не простаивали артели.

— Решение твое похвальное. И предусмотрительность тоже. Только не задерживайся долго.

— В Кромах, где я должен принять под свою руку казаков, я буду раньше выборных дворян, стрельцов и детей боярских, которых, выведя из Москвы, покину. Они с обозом, я же — налегке. Возьму лишь пяток путных слуг.

Он, конечно же, лукавил; не собирался рисковать, твердо для себя установил все время держать в пути возле себя всех своих боевых холопов, но зачем об этом знать царю-батюшке.

— Поступай богоугодно, — согласился царь Федор Иванович. — Радея о державном, не забывай и о животе своем.

Понимал Богдан, получивший дозволение царя, что Борис выскажет недовольство по поводу обращения к царю, минуя его, непосредственно отвечающего за все дела, связанные со строительством засечных линий, но как бы ни досадовал великий боярин, отменить решение царя не посмеет. А это — главное.

Так и вышло. При наставительном разговоре накануне отъезда из Москвы, Годунов не удержался от упрека:

— Больше не шагай через голову. Впредь все свои шаги согласовывай только со мной. Государю докладывать буду я.

— Вопросы стройки, бесспорно, — согласно кивнул Богдан, — а личные? Есть ли нужда тебе, великий боярин, ими заниматься? Жены наши и без того обо всем извещают друг друга. Пусть они и чешут языки, что им свойственно.

Не по нраву правителю ответ, но что делать? Бельский по

сей день остается и членом Верховной думы, согласно завещанию Грозного, и оружничим. С этим нельзя не считаться. Пока, во всяком случае.

Чтобы больше не дразнить гусей, Богдан выехал из Москвы вместе со своей ратью по Калужской дороге и не покинул ее до самого Теплого Стана. Лишь там, оставив за себя воеводу выборных дворян, повернул на Рузу. Но не с пятью путными слугами, а со всеми боевыми холопами.

Если донесут Годунову, а в этом Бельский не сомневался, пусть знает, что он, оружничий, не раззява.

Вообще-то царев любимец и без этого знал, что свойственник его, хотя и делает много непродуманных и непрочитанных шагов, все же весьма осторожен, поэтому он не собирался поступать опрометчиво, а готовился нанести удар наверняка.

Бельский ехал быстро, в то же время не забывая разведывать впереди дорогу, особенно когда втягивались они в лесные массивы. Тогда он даже высылал вперед не только головной дозор, но правый и левый.

Все, однако, обошлось без происшествий, и вот до Волоколамска рукой подать. Боевых холопов Бельский отправил в свою Приозерную усадьбу, чтобы не мозолили они глаза, сам же, встретившись на коротке с воеводой Волоколамска, поспешил в монастырь.

Его здесь не ждали, ибо он не оповестил о своем приезде ни Хлопка, ни настоятеля, и весьма удивились его приезду. Но он развеял все сомнения настоятеля, заявив сразу же:

— Я — проездом. Составим духовную и — в путь.

— Иль, оружничий, считаешь, будто не рады тебе здесь?

— Знаю, рады, но урок царя Федора Ивановича не позволяет медлить.

С воеводой Хлопком разговор обстоятельней:

— Что стряслось, боярин? Не худое ли что?

— Доброго мало, воевода, хотя и поперечного чуть.

— Но без нужды крюка бы не стал делать?

— Верно. Нужда вот в чем: уводить нужно послушника в Польшу. Чем скорее, тем лучше. В твои руки я передам треть моей казны, которая здесь хранится. Что-то возьми теперь же, передав послушнику, остальное исподволь переправишь к нему позже. Без спешки, но и не затягивая вре-

мя. Еще... Я вручу тебе письмо князю Вишневецкому, ныне ясновельможному пану. Отдашь его послушнику, когда убедишься, что ему уже ничего не грозит.

— А не лучше ли вручить письмо князю мне самому, передав и послушника из рук в руки?

— Конечно, лучше. Но риск великий, поэтому невольн не хочу. Если по доброй воле, перечить не стану.

— По доброй, боярин, по доброй.

— Тогда — благословляю.

— Один совет, боярин. При тебе пусть послушник испросит дозволения на паломничество у настоятеля, чтоб если какая заковыка, ты бы, боярин, сказал свое слово. Не лишним стал бы и твой разговор с послушником. Пора, думаю, ему не намеками, а прямо сказать, кто он такой и что ему ждать впереди.

— Что касается ухода из монастыря, то покинете вы его еще при мне. Ночью. С помощью настоятеля. Я так рассчитываю. А к нему? Давай сейчас же пойдем. Вдвоем.

— Можно, конечно, и вдвоем, но лучше тебе, боярин, одному.

Келья царевича-послушника просторна. Иконостас в серебряном окладе. Горящая лампадка источала не чадный, а мягкий, даже приятный дух; и только лежанка жесткая, с волосатым матрасом. Богдан, войдя в келью, поразился изменению, произошедшему за немногие дни с юношей. Вроде бы тот же смиренный поклон, что и в келье Чудова монастыря, та же длиннополая черная и не совсем новая одежда, но лицо, но глаза — совершенно иные, спокойные, не молитвенно-тоскливые, как у всех монахов, а ясные, даже гордые. Да и поклон, если взглядеться пристальней, иной: не унижение в нем, а уважение.

«Исполнил, выходит, старец просьбу, дал понять о величии».

Низкая неказистая скамеечка справа от двери, на ней и устроились рядком царевич-послушник и его пестун.

— Я пришел для откровенного разговора, царевич Дмитрий Иванович. Я — твой холоп по сути своей, но до времени принимай меня как отца своего. Иван Грозный в духовной определил меня пестуном твоим, о чем читано вселюдно, но вышло так, что мне пришлось более думать не о воспитании

твоим, а о спасении твоей жизни. Вот и теперь речь пойдет о твоей безопасности. Тебе сегодня в ночь предстоит покинуть гостеприимный для тебя монастырь и исчезнуть из Руси. Мне бы самому проводить до князя Вишневецкого, где тебе будет покойно, но я этого сделать не смогу, поэтому вручаю тебя моему воеводе Хлопку. Без его согласия — ни шагу, ни слова. Верь ему, он верой и правдой служил покойному князю Вяземскому, едва не поплатился за это жизнью, но я подал ему руку дружбы. По моей воле он стал твоим защитником, хотя ты не знал этого, будет им и впредь, но теперь уже явно для тебя. Он переправит тебя в Польшу и доведет до имения князя Вишневецкого, ясновельможного пана, где ты получишь хорошее образование и воспитание. Князь Вишневецкий будет знать о тебе все. Но только он и ты. Для остальных твое истинное лицо — великая тайна.

— Не пойму, оружничий, отчего не войти мне открыто к моему брату, царю Федору Ивановичу, и не поведать с твоей помощью всей правды? Детей у Федора нет, он и назовет меня своим наследником, начав приобщать меня к делам государственным.

Не ожидал такого слова Богдан от царевича, но ответить убедительно для него не составило трудностей.

— Потому и опекаю тебя, окружив тайной, что не все еще ты понимаешь. Расскажу, по краткости времени, без подробностей, только суть. Свойственник мой, Борис Годунов, вошел в вашу семью не как друг, а как враг, имея целью умертвить всех вас, сесть затем на российский престол, основав новую династию. Сейчас он, пользуясь расслабленным умом твоего брата Федора Ивановича, самодержавно правит Русью. Он уже убил того, кем я подменил тебя, предвидя его коварство. За твою жизнь я отвечаю перед Богом и перед памятью отца твоего. Так вот, появись ты, царевич, открыто сейчас в Москве, тебя тут же казнят как Лжедмитрия, а заодно и меня вместе с тобой. Ты хочешь такого исхода?

— Нет. Нежелательно.

— Тогда слушай меня, слушай Хлопка, ибо он поступал и станет впредь поступать по моему слову. И еще слушай деда своего Федора Федоровича Нагого и дядю своего Афанасия. Никто из остальных Нагих не знает истины, и с ними ты ни в коем случае не откровенничай. Для них ты — сбежавший

из монастыря послушник. Об этом я предупреждаю тебя, зная, что Годунов может использовать кого-либо из твоих родственников в угоду себе. Вот все, что я хотел тебе сказать. Я и так слишком долго у тебя задержался, а что в монастыре есть уши Борисовы, я нисколько не сомневаюсь. Пока до него дойдет донос о непонятной нашей встрече, и он пошлет за тобой, чтобы под пытками выведать о сути разговора, ты должен быть уже в Польше. Тогда его рукам до тебя не дотянуться.

Письмо короткое, с припиской, что обо всех подробностях расскажет податель его, Богдан вручил воеводе Хлопку уже через пару часов и велел ночью, с соблюдением полной тайны, покинуть монастырь, договорившись обо всем с настоятелем. Вначале он предложил настоятелю поставить на ворота умеющих молчать, но настоятель с удивлением спросил:

— Зачем? Если необходимость в безгласии, послушника я провожу сам потайным ходом.

— Благодарствую. В духовной, какую оставляю я, определи — добрый вклад на помин моей души.

— Рановато о поминках думать, но за вклад обещанный от всей братии великое спасибо.

Настоятель сдержал слово. Повел глухой ночью послушника тайным ходом и даже проводил его до дороги, указав в какой стороне Волоколамск. Но это уже было лишним, ибо царевича ждали, и как только настоятель повернул обратно в потайной ход, воевода Хлопка вырос перед юношей как из-под земли.

— Низкий поклон тебе, Григорий. Без всякой опаски шагай по дороге. Знай, я — рядом. У Волоколамска встретишься с попутчиками твоими, знакомыми монахами. Мы с тобой свидимся лишь за пределами Руси. До того времени я останусь невидим, хотя знай, я все время рядом, и случись что, тут же защищу тебя и своей грудью, и силой ратной боевых холопов оружничего, которые до самого рубежа будут при руке моей. Все. С Богом.

— С Богом.

Одно дело сделано. Теперь остается лишь ждать вестей о благополучном переходе через границу и молить Господа Бога, чтобы тот не оставил бы без ока своего будущего наместника на русской земле. В монастыре же осталась мелочь:

подготовить завещание. Несколько часов подсчетов и — бумага, упрятанная в дубовую шкатулку с хитрым замком, секрет которого известен лишь настоятелю монастыря и исполняющему послушание хранителю казны.

Предвидя, однако, что ему еще при строительстве Царева-Борисова вполне возможно понадобятся деньги, он какую-то часть взял с собой и обговорил условный знак, по которому настоятель станет отпускать прибывшему за деньгами требуемую сумму. Эта часть казны осталась вне завещания.

Что касается Хлопка, в его распоряжение, тоже помимо духовной, выделена довольно внушительная сумма. Взять ее, к удивлению настоятеля, мог только лично Хлопка. Либо всю сразу, либо по частям. В любое время.

Вот теперь — в путь. В Кромы. Получивши весть, что боевые холопы ждут его в нескольких верстах от монастыря, но что и эти версты уже под охраной, Бельский сел в седло.

В Кромы Вельский прибыл без происшествий и раньше московской рати. Решил, дабы не бездельничать, провести смотр казачьих сотен, какие предназначались для охранного войска новостройки. Смотр разочаровал его. Сами казаки словно на подбор, кони у всех тоже справные, а вот одежда не у всех добротная, у иных даже в заплатах. Седла под такими всадниками тоже изъедены сырьем, оголовья и недоузки не ременные, а веревочные. Представлял казаков атаман Корела, на добром вороном жеребце, под стать хозяину могучем. Сбруя прекрасная, даже попона с ручной вышивкой по углам.

— Что ж это, атаман? Сам гоголем, а войско твое разбойное? — спросил Богдан атамана сводных сотен. — Земли всем верстано одинаково, нерадивые, стало быть, а за это положен строгий спрос.

— Э-э-э, воевода... По бумагам Разрядного и Поместного приказов все так и есть. Сколько четей пахотной земли и прелога положено, столько, мол, и получено. Только жизнь, она — жизнь и есть. Кто-то из числа московских себе малость какую пригреб, кто-то кому-то не подмазал, и заскрипели колеса. В итоге — пшик, а не земляца. Слезы одни. Кроме всего, помимо службы, государеву десятнику обрабатывать урочно, вот до своей земли руки и не доходят, у кого сынов нету. А без дохода от землицы, какого рожна справишь?

Явно крамольные речи. В кнуты бы за это атамана, но Бельский лишь покачал головой, а окончился смотр, оставил атамана для разговора.

— Перво-наперво определи, атаман, сколько потребно денег, чтобы все справить по уму захудалым. Я из своей казны тут же отсчитаю, достав деньги из переметных сум.

— Вот это — доброе слово. Слово воеводы.

— Погоди. Я не все сказал. Вели сотникам составить роспись, у кого сколько земли в наличности. Но чтоб без ошибки. Пахотной и перелога. Пособлю непременно, чтоб поверстали недостающее. Обделенных не останется.

— От всех казаков низкий поклон тебе за добрые твои намерения.

— Не мельтеши атаман. Не к лицу тебе.

Это вырвалось у Бельского неожиданно, но не случайно. Атаман показался ему уважающим себя ратником. Он был могуч телом, как и Хлопко, но если тот вроде бы свою несметную силушку, боясь расплескать ее по пустякам, таил в себе, то Корела — весь нараспашку: смотри, каков я, и завидуй. А прямой ответ о разбое в подчиненных ему сотнях еще более убедил Бельского, что атаман знает себе цену, к тому же не из трусливого десятка. Не с его натурой угодничество.

— Я, воевода, не мельтешу. Я верное слово сказал, если ты и впрямь намерился казакам пособить. И не только нам, под твою руку собранным, но и остальным. На детей боярских тоже взор кинь. С ними тоже чехарда. Как с землей, так и с жалованьем.

— Многого хочешь. Вмещаюсь по праву своему в Кромах, Короче, Осколах и Белгороде, что даны мне под руку, по остальным воеводствам ударю челом государю нашему и ближнему его слуге, Борису Годунову.

— Пустое дело — челом бить. Сколько челобитных отослано, толку никакого.

— Тогда такой уговор: что в моих силах, то сделаю. Если нужда будет, своей казны не пожалею. Но челобитную все же пошлю.

— Попытка — не пытка.

К вечеру Корела, подготовив требуемую роспись, положил ее перед воеводой. Но не по ней начал разъяснения, а спросил неожиданно:

— Есть ли у тебя, воевода, недруги в Москве?

— Как не быть. Я же — оружничий.

— Я не об опальных, кого твой дядя, Малюта Скуратов, держа и тебя при руке своей, не за понюх табака определял на казнь. Я о властвующих нынче.

— Как тебе сказать...

— Скажи, как совесть подсказывает. Либо у нас разговор откровенный, разговор мужей ратных, либо зад об зад: ты воевода всей рати, я атаман казачьих сотен, под твоей рукой. Что велишь, то и делать стану.

— Не съевши пуд соли...

— На пуд долгонько времени уйдет, а его, почитай, нет во все. Ты мне с первого твоего слова по нраву пришелся, если и я тебе приглянулся, вот тебе моя рука. И к сохе привыкшая, и к косе, и к сабле.

Богдан подал свою руку Короле, и она словно попала в тугой оцеп.

— Вот — силища. Благодать Божья великая. О недругах хочешь знать. Есть. Один Борис Годунов, великий боярин, чего стоит.

— Верно, стало быть, я подумал: отчего это татары, должно быть, касимовские, под крымцев и ногайцев разнаряженные, наемни татями прошмыгнули по Белгородской дороге. Не иначе, как по чью-то душу снаряженные. А на смотре понял: по твою, воевода, душу они.

— Теперь от меня тебе низкий поклон.

— Не мельтеши, воевода, — с мягкой улыбкой ответил Корела. — Иль не пожали мы друг дружке руки? Дозволь мне послать лазутчиков да покумекать, как ловчее их постращать.

— Разведай. А кумекать вместе станем. И не только ради того, чтобы только проучить.

— Что же, две головы — не одна.

К прибытию московской рати Корела разведал все. До двух сотен татар. Выбрали верстах в двадцати от Кром глубокий овраг с густой лущиной. Бока оврага в березовом ожерелье, а перед березами вольное поле. Издали увидят, когда колонна появится. И тебя загодя высмотрят. Из чащобы пошлют с десятков стрел, чтобы наверняка, и испарятся, улетпнув по оврагу.

— Безмозглый ратник послал столь великую засаду. Пяток бы метких и крепкоруких лучников с избытком. Куда как удачней подготовились бы они к злодейству. Перестарались, исполняя волю всесильного.

Однако это пустые слова: нужно решать, как действовать, исходя из того, что есть. Корела предложил простой ход: послать своих казаков, окружить засаду и пленить ее. Тех же, кто обнажит сабли, порубить. Выпытать у пленных, кто они такие, чью волю исполняли, и послать пыточные отписки вместе с пленными к царю Федору Ивановичу.

— Нет, — возразил Богдан. — Пленные и опросные листы — что твои челобитные, какие посылали казаки в стольный град. Останется и этот шаг без должного ответа. Правитель, как я думаю, перехватит и пленных и опросные листы, покончит и с татарами, и с конвоем, какой мы с ними пошлем.

— Тебе, воевода, видней. Я похуже знаю нравы властителей. Говори свое слово.

— Все должно произойти так, будто крымцы сделали засаду, наши лазутчики ее обнаружили. В коротком бою мы их разбили. Именно этому придадим полную огласку. А главное, пусть немцы-наемники, каких навязал мне Борис, первыми сразятся с засадой. Предлагаю сделать так: сотни четыре своих казаков и две сотни моих боевых холопов ты поведешь на засаду загодя. Обложишь ее со всех сторон. Особенно плотно прикрой выходы из оврага. Я же поведу колонну, поставив в голову наемников.

— Верно. Дозорные из казаков. Они донесут немцам о засаде, а ты ихпустишь в дело. Пусть они в рукопашке разомнутся среди густой лущины. А ты будто бы обходный маневр совершишь им в поддержку. Тебе — лыко в строку.

— Тебе тоже.

Все прошло по заранее подготовленному. Когда до оврага, пересекающего дорогу на Белгород, оставалось меньше версты, дозор казаков подскочил к начальнику передового наемного отряда. Доложил:

— В овраге — крымцы. Не сакма, а сотни за две.

Доклад оружничему, и тот приказывает:

— Ударить в лоб. Затеять сечу, казаки — в обход.

Наемники — воины исполнительные, и хотя командиры их не разделяли подобного маневра (можно повременить с

атакой, сделав что-то вроде привала, пока замкнется кольцо окружения), однако они не имели привычки советовать, если их совета не спрашивали. Рассредоточились на десятки и — к оврагу, верх которого щетинился густой лущиной. Рушницы наготове. Чтоб ответить в один миг на встречные стрелы.

Вот уже менее полусотни метров. Вот уже первые разлапистые кусты, а встречных стрел все нет и нет. И вдруг:

— Ур Ур! Ур!

Вылетают на конях и — в упор стрелами. До рушниц ли тут. Выхватывай меч, если тебя миновала стрела, и рубись.

В первые минут наемники даже попятнулись, но быстро пришли в себя, начали теснить отчего-то не очень ловких в рукопашке татар. Еще немного, и скатываются в овраг тати, а там их уже встречают казаки и боевые холопы Вельского.

Жалкая кучка остатков из пары сотен пленена. Богдан лично чинит допрос, лишь имея при себе атамана Корелу. Что они под пытками вызнали, никто не узнал. Всех пленных после допроса связали и отправили под конвоем в Москву, а десятнику, возглавившему конвой, вручили донесение царю Федору Ивановичу и его ближнему слуге, великому боярину, в котором извещали, что крымцы уже прознали про строительство новых засечных линий и Царева-Борисова, устроили первую помеху, но были разгромлены. Отличились при этом казаки атамана Корелы.

Устный наказ же десятнику был такой:

— Только царю Федору Ивановичу в руки. Больше никому. А при вручении письма добавь: просят, мол, воевода дополнительно стрельцов и детей боярских, ибо не избежать на Северском Донце крупной сечи.

Не знал Богдан, не успевший еще завести своего человека среди наемников, что в Кремль, лично Борису Годунову, отправлено еще одно донесение о засаде. В нем командир наемников излагал свое мнение о произошедшем событии. Он уверен, что о засаде Бельский знал заранее, ибо не мог в столь короткое время обойти казаками и своими боевыми холопами крымцев с тыла и с флангов, полностью перекрыв им пути отхода.

В письме не было никаких догадок и вымыслов, только факт, но для Годунова оно было весьма полезным, навело на мысль, что следует еще более тайно готовить подобные дела.

И основательней продумывать. Нужно впредь не самому все организовывать, а дать толчок для нападения крымцам. Через перебежчика, к примеру.

Меж тем и Богдан в беседе с Корелой высказал предположение, что отныне на них начнут совершать налеты крымцы, выискивая удобные моменты. Из Москвы впредь засад не будет.

— Откуда такая уверенность?

— Я знаю Годунова очень хорошо. Он больше чужими руками жар загребает, — ответил Вельский и, помолчав немного, добавил: — Теперь можно до самого Белгорода ехать без опаски. Высылать головные дозоры, конечно, будем, но только для порядка.

— Я бы не добродушничал. Продолжай ухо востро держать.

— Я от этого не отступлю. Ни на миг. Просто я понимаю и предвижу события.

— И все же не исключай боковые дозоры и лазутчиков еще вперед дозоров.

— Ладно. Принимаю твой совет.

Но правым оказался Богдан: путь до Белгорода прошел тихо и покойно. В Белгороде же ратную колонну встретили колокольный звон и восторженные толпы горожан, что весьма огорчило Вельского. Он недовольно спросил воеводу:

— Зачем трезвон?! Зачем всполошен город?! Наш успех в скрытности! Только в ней!

— Велено было, — виновато ответил белгородский воевода. — Велено непременно с почетом встретить.

— Кто ж такую глупость велел?

Воевода промолчал, Вельский же не стал проявлять настойчивость. Он, смягчая тон, спросил:

— Получен ли тобой приказ царя о подчинении мне?

— Да.

— Тогда слушай. Впредь в будущем никакого самовольства. Завтра к двенадцати часам собери воинский совет. По своему усмотрению, но чтобы не гурт был, а только надежные воеводы. Я тоже приглашу со своей стороны воеводу выборных дворян, стрелецкого голову, начальника наемников, атамана казаков и воеводу детей боярских. Станем ре-

шать, как нам взаимодействовать. Определим, сколько ратей Белгород должен держать наготове, чтобы по приказу моему присылать на помощь.

— Принято.

— Коль принято, начни совет своим словом, и если оно устроит воевод, примем его, если нет, уточним, подправим.

Совет прошел спокойно, по-деловому. Определили численность резерва, наметили порядок связи, и Вельский заключил его строгим предупреждением:

— Ради чего будет собрана резервная рать в единый кулак, знать должны лишь воеводы. Десятникам и даже сотникам оставаться в неведении до приказа моего выступать. Тайна и еще раз — тайна.

— Будто не узнают крымцы о новых засеках и сторожах? — хотя и не так смело, но все же возразил воевода Белгорода.

— Ты прав. Непременно узнают, если уже не узнали. Но чем меньше мы станем трезвонить, выворачивая истину наизнанку, тем туманней будут у них сведения, тем выгодней для нас станут их действия. Предупреждаю поэтому: кто не поймет этого, кто не сможет удержать язык за зубами, того ждет суровая расплата. Кара ратного времени.

Подобная угроза из уст оружничего весома, поэтому можно быть уверенным, что небрежение исключается, не исключен лишь умысел, поэтому после совещания Богдан продолжил беседу с белгородским воеводой наедине.

— Подбери воеводами резервной рати тех, кому доверяешь как самому себе. Крымцы, как ты говорил, непременно узнают о той силе, какая станет охранять стройку. Этого не скроешь. Могут узнать и о резервах, но пусть останутся в неведении, какая сила резервов. Не тебе, воевода, растолковывать, чего ради нужна скрытность. На малую силу малую рать пошлют, зная же о большой, великую пошлют. Тумена два, а то и три соединят.

Вернувшись в отведенный для него дом, Богдан застал там вестника от Хлопка и услышал от него лишь краткое:

— Все в порядке, боярин. Боевода Хлопка в Приозерной твоей вотчине.

Очень хотелось Вельскому выспросить хоть какие-нибудь подробности, но что мог рассказать вестник, который знал только то, о чем ему надлежало поведать боярину-воеводе.

С более спокойной душой он продолжил свои дела. Побывал у лесорубов и плотников, похвалил их слаженную работу, велел трудиться столь же споро, а через месяц начать сплав. В нужном месте их встретят и укажут, где причаливать плоты.

Дальше – Новый и Старый Осколы. Определив и там резервную рать, столь же строго предупредил о сохранении секретности в принимаемых мерах, берегом Оскола спустился до слияния его с Северским Донцом, чтобы вблизи устья Оскола найти удобное место для нового города.

Дело-то в общем не так уж сложное, место определено быстро. Разбивай ратный лагерь и жди плоты. А для временной защиты воинского стана возводи земляной вал, по верху которого пойдет стена детинца. Но вся надежда более не на вал, а на лазутчиков, которых Корела рассылал на несколько десятков верст во все стороны.

А через неделю, когда причалили первые плоты в удобном затоне и начали возводиться первые дома плотничьими артелями, Корела предупредил Бельского:

Возводи стену. Не каменную, как в Москве тебе наказали, а бревенчатую. Каменная – на долгие годы, а тебе теперь оборону держать. Я весть получил из Крыма: хан готовит на нас целый тумен.

– Разве у тебя есть там свои соглядатаи?

– Всего один глаз. Глаз побратима. В посольстве царевом оказался он. Телохранитель посла. Вот мы и не теряем друг дружку. И еще он весть дал, будто из Белгорода перебежал какой-то дворянин и о всех твоих, воевода, тайнах рассказывал нойонам ханским. Не поверили те, пытали. Так и отдал неприкаянную душу свою Богу либо дьяволу. Хан теперь готовит посольство в Москву. Требовать станет, чтоб Азов не ставили бы заново и нашу крепость перестали бы строить.

– Ну, пока посольство станет разговоры разговаривать, мы стены успеем возвести.

– Не успеем. Посольство само по себе, тумен сам по себе. Вели срочно китаи сплавлять. Приткнем их к готовой уже стене и ими прикроемся. Глядишь, до подмоги выстоим.

Дельный совет. Очень дельный. Поняли срочность заказа и артельные в Белгороде, в Осколах. Плот за плотом с добротой сколоченными китаи из внушительной толщины

плах причаливали в затоне. Их пока не ставили, продолжая спешно возводить стены, но Бельский определил каждому воеводе участки, на которых им своими силами (посохи-то нет) крепить китаи, за ними же и встречать штурмующих, когда крымцы полезут.

Месяц миновал. Добрая половина стены готова. Все чин по чину: заборолы основательные, городицы частые, бойницы удобные для рушниц и затинных пищалей. Хорошо бы еще покрупней пушки, но их обещали лишь месяца через два. Плохо, но выше головы не прыгнешь.

Из Белгорода весть: посольство ханское проследовало в Москву. Как утверждают приставы, не только с посланием от самого хана, но и от турецкого султана. Корела со своим советом:

– Что ж, пора китаи крепить и слать приказ резервам, чтоб готовы были по Донцу и Осколу в один момент скатиться. Мало будет насадов, ладей и учанов, пусть загодя юмов в достатке навяжут.

– А если не пойдут крымцы?

– Береженого Бог бережет.

Зашевелился ратный стан, готовясь к обороне. Поскакали гонцы в Белгород, в Кромы, в Корочи, в оба Оскола с приказами изготовить резервы к быстрому броску, и все же у Богдана теплилась надежда, что до возвращения ханского посольства налета не случится.

Напрасная надежда. Вот они, лазутчики на взмыленных конях. Одна группа за другой, и вскоре стало понятно, что идет не меньше тумена с намерением охватить новостройку подковой, перерезав и Северский Донец выше по течению, и Оскол до его устья. Выходит, узнали крымцы о резервной рати.

Бельский срочно зовет к себе Корелу.

– Успеешь послать своих казаков, чтоб проскочили к воеводам с предупреждением о маневре крымцев? Это очень важно.

– Еще бы не важно. Сегодня же шлю. Не проскочат на конях, на животах проползут. Самых бедовых выберу.

Через несколько дней противоположный берег Северского Донца начал заполняться черными сотнями, но почему-то они не спешили переправляться. В чем дело? Бельский собрал совет.

— Страху нагоняют, — определил воевода выборных дворян. — Глядите, сколько нас. Сомнем. Думаю, предложат без сечи сдаться.

— Вряд ли, — усомнился начальник наемников. — Скорее всего переправа их правей и левей. Пока мы будем на тот берег глядеть, они нас атакуют с боков. Где не стена, а китайские огороды.

— Слово настоящего ратника, — воскликнул Корела. — Лазутчиков нужно слать вниз по реке и вверх. Они могут под покровом ночи. Посему нам ночью не следует ловить ворон.

— На том и остановимся, — заключил Богдан. — Ночью такой порядок: половина ратников отдыхает, не снимая доспехов, половина бдит.

Меры правильные. Лазутчики без труда определили, где и сколько крымцев уже переправилось через реку, и донесли об этом воеводе, и оружничий решил повторить хитрость, примененную в сражении под Москвой: затаиться, вроде бы спят за китайцами беспечным сном. Особенно предупредил ратников, каким места определены за китайцами. Чтоб никакого шума, ибо, если крымцы полезут ночью, то уж точно не на стену, а на китаи, какие одолеть куда как проще. И еще Богдан сосредоточил за китайцами основные силы и почти весь огненный заряд.

Ночь безлунная. Хоть глаз коли. Тихая-тихая. Дозорные вслушиваются в тишину до звона в ушах, чтобы своевременно уловить мягкую конскую поступь: татары наверняка обмотают копыта войлоком, и на мягкой траве стук копыт будет еле слышным. Но — тихо. Вот, однако, то в одном, то в другом месте появляются странные шорохи. Еще напряженней глаз, еще вострей ухо. Точно, подбираются татями. Пеше. Не на конях. Не густо их. И цель уже ясна: бесшумно перемахнуть китаи, налететь на спящих с саблями, поднять панику, открыв тем самым путь для конников, которые ждут сигнала.

Ну что ж, милости просим. Крепкие объятья ждут вас.

Но конников много. По тысяче с каждого бока. Туго придется, если хоть где-либо удастся прорубить брешь. А отбита хотя бы часть стены — половина успеха в штурме.

Вот первый смельчак, взобравшийся на плечи товарища, ухватился руками за верх китаев, подтянулся, повременил,

вглядываясь в темноту, ничего не заметил подозрительного и ловко перебросил себя через стену, не звякнув даже ножами сабли. Он не успел даже пикнуть, не то, чтобы выхватить саблю, как голова его шмякнулась в примятую траву.

Несколько минут тихой возни почти по всему китай-городу, и вот — крик. Гортанный, предупреждающий: не смогли где-то справиться с татем бесшумно. Теперь жди, что предпримут конники? Кинутся с криками «ур!» на китаи или воздержатся от штурма, понявши, что они обнаружены.

Ни то, ни другое. Лавы, смешавшиеся с темнотой, выдали себя лишь глухим топотом копыт.

— Изготовиться, — тихо покатилося от ратника к ратнику. — Стрелять только в упор.

До настоящего штурма дело не дошло: атака крымцев захлебнулась перед китайцами. Неожиданности не получилось, и крымцы, оставив трупы коней и всадников, откатились в ночную темноту.

Утром — белый флаг. Татары запросили на несколько часов перемирия, чтобы похоронить убитых. Вели переговоры воевода выборных дворян и казачий атаман. Они дали слово не стрелять при условии, что уберут и побитых коней, но главное, чтобы во время перемирия не переправлялись бы через реку основные силы татарской рати.

Условия приняты. Выигран полный день. Следующий штурм по всем расчетам дня через два. Пока переправится тумен, пока обложат недостроенную крепость со всех сторон — время протянется, а оно на руку обороняющимся.

— Выдюжим до подхода подмоги, — уверен Корела. — Никаких стенобитных орудий у них нет. Расчет у них был на легкую победу.

— Выстоим сколько потребуется, — уточнил начальник наемников. — Не можем не выстоять, если хотим остаться живыми.

С ним согласились остальные воеводы. Выход один — стоять насмерть.

К Богдану делегация от артелей. Сами артельные головы.

— Воевода, раздай и нам оружие с доспехами. Встанем у стен.

— Раздам, коль по доброй воле своей вы готовы встать с ратниками плечом к плечу. Но излишков у меня не очень

много. На всех не хватит. Остальные, если готовы, топорами станут орудовать. Но пока делайте свое дело. Как требуется, я позову.

Предположение, что татары попрут на штурм через два дня, не оправдалось. Они не спешили, уверенные, что помощь подойти осажденным не сможет, реки и дороги перекрыты, а продовольствия и воды за стенами наверняка не в избытке. Голод и жажда помогут штурмующим.

Вроде бы все верно, только их расчеты оказались пагубными для них. Верней даже — роковыми.

Лишь на пятый день, наготовив достаточно лестниц и крюков с канатами, начали крымцы свой первый штурм. Крепость встретила огнем рушниц и пицалей, калеными стрелами. Взиравшихся на стены по лестницам окатывали кипятком, лестницы отталкивали баграми, а канаты перерубали топорами.

Трудней пришлось там, где китаи. Подскакивает всадник, крюк на китаи, подтянулся пару раз — и вот он. Еще миг, и перевалится он через верх, завертится волчком, отбиваясь от мечей кривой саблей. Он, конечно, погибнет, но отвлечет на себя ратников, и этим воспользуются другие — вот тебе и первая брешь. Затыкай ее потом.

Удастся ли?

Оттого и старались ратники не пропускать никого через китаи, стреляли в упор, рубили мечами, боевыми топорами, крушили аварские шеломы шестоперами.

Плечом к плечу с ратниками встали и плотницкие артели. Без команды воеводы, по собственному разумению. Они тоже ловко орудовали топорами. Им, казалось, составляло удовольствие отрубать кисти рук, ухватившиеся за верх китаев. Головы татарские они никак не решались отсекал. Непривычно. Да и грешно лишать человека, хотя и басурманина, жизни. Она лишь в руках Всевышнего.

Отбит первый штурм. С трудом, но отбит. Почти без потерь. Есть маленькая передышка. День на похороны убитых под стенами татары потратят полностью, тем более, что условия им поставлены жесткие: хоронить на противоположном берегу, иначе похоронщики будут встречены огнем при приближении к стенам.

Так и вышло. Но еще день после похорон татары отдыха-

ли, и вот — изготовились к штурму. Они явно не спешили. И напрасно.

Получив от гонцов Корелы весть, что крымцы выставили заслоны на путях к новостройке, воеводы резервной рати пошли на хитрость: по рекам пустили корабли почти пустые, посуху же, обойдя заслоны, сосредоточились у них за спинами. К счастью, дозорили крымцы лишь перед заслонами. И получилось все ловко. Особенно на Осколе, где было много лесных массивов, подступавших к самым речным берегам. Татарам это тоже вроде бы удобно, можно заслону укрыться надежно, но и русским ратникам легко подобраться к врагам почти вплотную. И вот, как только появился спускавшийся вниз караван кораблей, вроде бы без всякой опасности, татары высыпали на берег с луками, начав поливать корабли стрелами, под их же прикрытием спускались на воду лодки, запрятанные в прибрежных кустах.

Сосредоточив все свои усилия на захват кораблей, враги совсем забыли о тыле и поплатились жестоко. Ни одному крымцу не удалось даже убежать, чтобы известить темника о разгроме заслона.

Быстрая погрузка на корабли — и ударили весла о воду. Гордо покатались поспешающие на помощь товарищам боевые корабли, понимая, как важна каждая минута.

Рать подоспела в самый раз. Крымцы одержимо штурмовали и китаи, и стену, им казалось, что еще усилием победа обеспечена. Темник, чтобы усилить напор, пустил на штурм свой последний резерв, и вот тут корабли, не сразу замеченные татарами, увлеченными штурмом выстрелили.

Залп рушниц с корабельных палуб оказался столь оглушительным, что атакующие растерялись, а ратники русские уже выпрыгивали на берег и неслись в атаку. Из крепости тут же выплесталась вылазка: Бельский оставил за стенами менее трети войска на всякий случай.

Поначалу виделось, будто до выигрыша в бою — считанные минуты. Вот-вот крымцы в панике кинутся наутек или, побросав оружие, предпочтут плен смерти, но не тут-то было. Татары, привычно отмахивающиеся саблями от мечей и шестоперов, вскоре начали приходить в себя, сопротивление их стало упорней, и сеча стала перерастать в тягучую, разделившись на отдельные очаги. И вот уже все чаще ря-

дом с недругами падали на окровавленную землю казаки и дети боярские. Перелома желаемого не наступило.

Часа через два Богдан уже начал подумывать, не прервать ли рукопашную и не укрыть ли рать за стенами ради ее сохранения: татар все же было намного больше, и русские могли упасть духом — тогда неминуемый конец. Нужно упредить это.

Когда, однако, он окончательно решил прервать затянувшуюся сечу, дозоривший на угловой городице крикнул:

— Боевода! Корабли!

Да, по Северскому Донцу спешила рать Белгорода и Кром. Она тоже разбила заслон наголову, правда, с большим трудом и большими для себя потерями, и вот теперь наверняка решит исход сечи. Крымцы не смогут не дрогнуть. А хитрый белгородский воевода не повел корабли к берегу перед полем боя, а казаков Кром высадил на полверсты выше по течению, остальные же корабли скатил немного вниз, и неприятель оказался в клещах. Река перекрыта кораблями из Осколов и Короч, пути отступления вправо и влево отрезаны — куда деваться? Полезли, встречаемые рушницами и калеными болтами из самострелов, татары в воду, уповая на счастье или на благоволение Аллаха.

Мало кому удалось спастись. Целый тумен почти полностью уничтожен, лишь малая часть, сложившая оружие, пленена. Сам темник тоже. Для воеводы — великий праздник. С добрым конвоем он отправил темника и жалкие остатки тумена в Москву.

Теперь наверняка получит он боярский чин.

Увы, в ответ только ласковое слово царя Федора Ивановича. И еще сказанное по секрету, что государь совсем плох и полностью отошел от дел, все передав в руки великого боярина. Даже послов иноземных принимает он.

— Сказывают по Москве, будто хворый царь велел отлить серебряную раку для мощей митрополита Алексия и сам пошел перекладывать в нее мощи святого. Годунов ему пособлял. И тут, сказывают, Федор Иванович, глядя на Бориса Годунова, когда тот взял что-то из мощей в руку, рек: «Осылай святыню, правитель народа христианского! Управляй им и впредь с ревностью. Ты достигнешь делаемого, но все

это суета сует и миг на земле!» И еще слух идет, что в духовной Федор Иванович завещал венец царский супруге своей, Ирине.

Для Богдана Ирина на престоле — лучший расклад. Кроткая и справедливая в суждениях, тянулась к семье Вельских, а лично ему благоволила. Она не даст его в обиду, тут же воротит в Москву. Но эти радужные мысли долго в голове не задерживались, ибо оружничий весьма сомневался, что брат ее, Борис Федорович, смирится с тем, что повенчают на царство сестру.

«А не выскользнуть ли из-под руки Москвы?»

Идея заманчивая. Казаки, дети боярские, все порубежники славят его, добившегося справедливого выделения как пахотных земель, так и перелога; для переданных под его руку отмены царской десятины, весьма обременительного урока, и строго наказавшего мздоимцев. А жалованье, не делая из этого тайны, своим ратникам он платил из своей казны, если по какой-либо причине царское запаздывало, что случалось не так уж редко. Когда же Москва присылала задолжавшие деньги, не удерживал из них свое жалованье, а оставлял ратникам как дополнительное. Авторитет его рос, воеводу почитали, его слово всегда воспринималось как закон, как благо, и Богдан справедливо считал, что рать поддержит его, если он объявит себя великим князем Придонья.

Эта мысль укрепилась, когда прибыл из Москвы один из видных служивых Государева Двора Григорий Митьков, которого Бельский в свое время защитил от опалы несправедливой, а затем еще и подставил плечо.

— К тебе, оружничий. Под твою руку. Насовсем.

Первая ласточка. Выходит, в Кремле не списали его в посохи, считая, что он может защитить от опалы.

Дворянин продолжил:

— Жди, десятки дворян прибегут к тебе.

— Есть ли в этом нужда? Ирина, возложив царский венец на свою умную голову, не станет злобствовать, потакая брату. Прижмет вашему хвост, в это я верю.

— Ирина отреклась от царства. Дала обет монашества. Уйдет в Новодевичий после кончины Федора Ивановича. Смог, похоже, убедить ее коварный братец.

Вот это – новость. Пророческими оказались слова Федора Ивановича, сказанные прилюдно: «Ты достигнешь желаемого».

Первый перебежчик оказался в самом деле не последним. Особенно когда скончался государь Федор, а царица Ирина постриглась в монахини. Каждый прибывал со своей новостью.

– Годунов властвует, лицемерно отказываясь от венца, но подкупая духовенство. Заверяет, сказывают, установить в Руси чин патриарший. Честит лизоблудствующих бояр и дворян, чтобы его со старанием величали на всех перекрестках. Добивается крестного хода к себе с мольбой принять царство в свою руку. Более проводя время в келье постриженной сестры, нежели в Кремле, хотя за Кремлем следит неотступно и зорко.

Вот очередной перебежчик. С ошеломляющей новостью:

– Не пожелал я видеть, как будет венчаться на царство Годунов. Проходимец – на престоле! Разве нет достойных князей крови Владимира Великого?!

Получилось так, что нет. Всех Борис под прикрытием царского имени подмял под себя, всех унизил, возвысив лишь себя одного.

Вдруг все же в последний момент найдется достойный и сильный, способный переломить ход событий, оттеснить вероломного властолюбца?

Пустая мечта. Уже через несколько дней прибыл гонец из Москвы с повелением присягать новому самодержцу всей Руси царю Борису Федоровичу Годунову.

Вот теперь все: не видеть Богдану Москвы, как своих ушей до скончания, как говорится, века, оставаясь до лучших времен воеводой Царева-Борисова. Хорошо, если оставят под рукой Белгород, Кромы, Корочи и оба Оскола, а то и этого лишат.

Пора, выходит по всякому раскладу, заявить царевичу Дмитрию Ивановичу о себе во весь голос. Взвесив все, Бельский послал тайных гонцов к Федору Федоровичу Нагому и его сыну Афанасию, чтобы установили связь с воеводой Хлопком и начали действовать вместе по ранее обговоренному плану.

Ждал Богдан и удобного момента, чтобы откровенно по-

говорить с Корелой, привязать его к себе, открыв частично великую тайну. Несколько дней не решался он на этот разговор, опасаясь, вдруг Корела не поймет и не примет предложение. Разрешилась же эта сложность вроде бы сама собой – атаман Корела пошел на опасное откровение прежде Бельского.

Воевода собрался объехать по всей крепостной стене, которую почти закончили, чтобы своими глазами углядеть недостатки. С собой взял атамана, к дельным советам которого привык и без которых уже не мог обходиться. Имел он, однако, и тайную мысль: если позволит обстановка, располагающая к задуманности, повести задуманный разговор. Но первым заговорил Корела:

– Как же так получается: царская кровь и у вас, Бельских, у Шуйских, у Воротынских, а на престол взгромоздился невесть откуда взявшийся? Неужели нельзя было переиначить? За тебя бы, воевода, вся рать встала. Не один я так думаю. А уж казаки – даю голову наотрез, всколыхнулись бы все. За порубежных детей боярских тоже ручаюсь.

– Не осуждай меня, атаман. За всех, у кого кровь Владимировичей не могу ничего сказать, я же не думаю о престоле. Прежде думал, даже надежду лелеял, хотел подломить Годунова, но лишь до тех пор, пока не родился царевич Дмитрий.

– Отчего же не сохранил наследника? Годунов прикончил его.

– В том-то и дело, что сохранил. Наследник престола жив и здоров. Больше я тебе пока ничего не скажу. Не могу. Но поверь мне на слово: жив царевич Дмитрий Иванович, и я приму все меры, чтобы он занял по праву принадлежащий ему престол.

– Да, закавыка...

– Еще какая. Не носи обиду, что не все сказал тебе. Пока не время. Пока лишь просьба к тебе: поддержи царевича Дмитрия, когда он заявит о своем кровном праве. Годунов не отдаст захваченное без сопротивления, и Дмитрию Ивановичу не одолеть коварного без народной поддержки, но особенно поддержки ратной.

– Поддержу! Хотя не понимаю, отчего ты, воевода, скрывать-чаешься, не договаривая многого?

— Узнаешь потом, поймешь и простишь меня. Теперь о поддержке. Не здесь она нужна, в Царе-Борисове. Далекое до центра. Лишней, конечно, она здесь не будет, но не главной. Важней, если Кромы перейдут на сторону царевича Дмитрия.

— Но тогда мне там нужно быть.

— Верно. В моей воле отпустить тебя, и я это сделаю, если есть на то твое согласие. Возьми с собой всех своих казаков и исподволь готовь их против Годунова. Ты уважаем ими, они верят твоему слову. Одно прошу, о Дмитрии, пока не дойдет слух до Кром со стороны, что жив царевич, сам рта не разевай. Не рискуй жизнью. Она ой как пригодится и тебе самому, и царевичу. Впрочем, что я тебя учу, у тебя своя мудрая голова на плечах.

— Отпусти меня с казаками до присяги новому царю. Не желаю ему присягать. Казаков тоже избавлю от унижения. В Кромах скажу, что мы присягнули в Царе-Борисове.

— Хорошо. Завтрашний день на сборы, послезавтра — в путь.

Зря пошел на такую уступку Богдан. Сразу же после того, как вся рать и плотничьи артели присягнули царю Борису Федоровичу Годунову, из Царева-Борисова тайно выехал посланец начальника наемников с доносом Борису Годунову, что Вельский самовольно освободил казаков Кром от присяги на верность государю. Наемники давно искали повод подловить воеводу, ибо были весьма недовольны им. Вельский ни разу не выдавал им добавки из своей казны, и это приводило их в негодование, поэтому донос послали они с великой радостью, постарались написать в нем были и небылицы, смешав все в единую кучу.

Особенно старательно начальник наемников расписал то, что оружничий переманивает из Москвы к себе дворян, и что по этому поводу у него не единожды возникали крупные разговоры, когда он, верный слуга государев, требовал от Вельского не делать подобного, на что воевода, якобы с гордостью, отвечал: «Мне нужны слуги и советники, чтобы править землями, какие не очень-то опекает царь». Пытался будто бы он, начальник наемной рати, остановить самовольство воеводы от раздачи казенных земель служивым людям, а так же отмену царского тягла по обработке допол-

нительной десятины пахотной земли ради пополнения зерновых запасов в царских закромах, он же отвечал, что здесь правит его личная воля, а не законы Поместного приказа. Ну и, конечно, с великой красочностью был описан якобы состоявшийся спор по поводу освобождения казаков атамана Корелы от присяги государю.

Никаких бесед начальник наемников с оружничим не вел, но поступая по принципу: чем больше неправды, тем больше веры, совершенно справедливо полагал, что Годунов не пошлет бояр выяснять истину.

Трудно сказать, поверил царь доносу или нет, но он передал его тайному дьяку с наказом сохранить его. Свое мнение о доносе не высказал, из чего тайный дьяк сделал вывод, что над оружничим нависла угроза. Он хотел было уведомить Вельского об этом, но, поразмыслив, воздержался.

«Погляжу, как все обернется».

А повернулось вовсе с неожиданной даже для тайного дьяка стороны. Донос начальника наемной рати заставил государя задуматься, не ошибается ли он, держа Богдана Вельского так далеко от себя, в крае вольного казачества, и он твердо решил возвратить его в Москву, но не с почестями, как успешно построившего новую крепость, разгромив при этом целый тумен крымского хана, утвердив тем самым право Руси продолжать стройку, а как крамольника, покушающегося на цареву власть. Но доноса наемников для этого маловато. И тут Годунов вспомнил о сидящем в застенке докторе Габриэле.

Теперь он — царь-самодержец и мог позволить себе более того, что позволял как правитель.

Габриэля привели в пыточную. Не для пыток, а для утешения. Допрашивать доктора пришел сам Годунов. Однако все эти приготовления оказались вовсе ненужными. Габриэль, узнавши о воцарении Бориса Федоровича, уже вынашивал мысль открыться ему и в пыточной, не ожидая вопросов, заявил:

— Я имею желание все о моем аресте изложить на бумаге. Могу сейчас же, но лучше в другом месте.

— Хорошо. В своем доме.

Сидевший несколько лет безвинно обалдел от счастья, упал на колени и принялся целовать полы бархатного кафтана.

— Встань. Если не слушаешь в исповеди своей, верну тебе прежнюю твою должность, а то и повышу.

Тайному дьяку сразу же стало известно об освобождении Габриэля, и он определил, что теперь настало то самое время, когда необходимо предупредить оружничего. Может, успеет укрыться в Польше до лучших времен.

У Богдана, получившего весть о грозившей смертельной опасности, и в самом деле первой мыслью было бежать в Польшу, но бессонная ночь вынесла ему иной приговор. Если он сбежит, Годунов заберет в казну или себе лично все его поместья и богатства, тогда царевич Дмитрий окажется гол как сокол. Нагие не так богаты, чтобы поддержать царевича деньгами, когда он вступит в борьбу за свое законное право наследовать престол.

«Пойду на риск! Ради воцарения Дмитрия Ивановича на престоле Российском, ради воцарения справедливости и закона!»

Утром он позвал к себе Григория Митькова.

— Мне грозит арест. Вполне возможно, даже казнь. Стало быть, и тебе — опала. Вот я и предлагаю тебе сегодня же ехать в мою усадьбу под Волоколамск. Путных слуг, знающих дорогу, я приставлю к тебе. Станешь сотоварищем воеводы Хлопка. Он тоже дворянин. Служил верой и правдой князю Вяземскому и едва не погиб вместе с ним. Теперь он по моей воле, но по собственному желанию делает тайное дело. Тайное и очень опасное, но не в моих личных интересах, а в интересах державных. Если согласишься, станешь ему товарищем, если нет — воеводить тебе боевыми холопами в Приозерной до лучших времен. Такое мое слово. Решать же тебе самому.

— Я еду. Клянусь не жалеть живота своего на верной тебе службе, оружничий. Можешь на меня положиться без оглядки.

— Тогда так: поедешь в Польшу. Воевода Хлопка тебе все обкажет. Ты передашь ему мое слово: пора действовать. Большого я пока сказать тебе ничего не могу. Всею свое время.

В ту же ночь из Царева-Борисова тайно выехал гонец в Москву к Конраду, сыну Эйлофа. Бельский определил упрягать его понадежней, чтобы Годунов не достал его. В этом он видел и свое спасение.

В самый раз отправил воевода Митькова из Царева-Борисова, а следом и всех остальных, перебежавших к нему из Москвы, предложив каждому из них на выбор любое из своих имений, ибо прибывший арестовывать его стрелецкий голова с двумя десятками стрельцов, первым делом спросил:

— Где изменившие государю?

— О ком речь? У меня все холопы государевы, как и я сам. Все поверстанные по воле царя Федора Ивановича Разрядным приказом. Еще артели по договору. За них в ответе их головы. Если есть у них такие, волен оковывать их. Есть купцы, есть ремесленники, но они не изменяют государю, а заселяют города.

— Я говорю о дворянах. Их велено везти вместе с тобой в — Москву.

— А я говорю, что никаких дворян-изменников под моей рукой нет. Если не веришь слову оружничего, начинай розыск.

Поверил. Понял: опытен воевода, к тому же оповещен о предстоящем аресте. Принял он нужные меры, чтобы оказаться чистым.

Вместе с Богданом в Москву отзывались выборные дворяне, дети боярские и стрельцы, кроме тех, кто согласился остаться в городской рати крепости или поверстаться в порубежники. Таких оказалось не так уж и мало, но и в Москву решили возвратиться многие. Получилась целая ратная колонна, во главе которой под оком стрелецкого головы — оружничий. За стрельцами-конвойниками — боевые холопы Бельского, недоумевающие, отчего их господин по доброй воле везет свою голову под топор палача?

Богдан, конечно же, понимал, что ждет его в Москве, у него, однако, больше не возникало даже мысли о побеге. В тайне надеялся на лучший исход, но если ему и суждена позорная смерть, примет ее с достоинством, без колебаний положив голову на плаху.

И все же лелеял надежду выйти из воды, если уж не сухим, то живым и здоровым.

«В Москве, конечно, не оставит свойственников. Либо сошлет куда-нибудь, либо велит насильно постричь в монахи...»

Чем ближе подъезжали к Москве, тем все четче вырисовывался у Бельского план действий, тем уверенней чувство-

вал себя, удивляя этим не только конвой, но и своих боевых холопов.

Его, не пустив даже повидаться с домашними, отконвоировали сразу на Казенный двор, где оковав, отвели в подземелье. К стене все же не приковали цепью, а позволили вольно ходить по довольно просторной камере, где имелся даже топчан с матрасом, набитый сеном.

Вскоре к нему самоллично спустился глава Казенного двора.

— Худо твое дело, оружничий. Розыск вести волей Бориса Федоровича (не сказал — царя, и это усек узник) поставлен доктор Государева двора Габриэль.

— Ого!

— Да. Он очень зол на тебя за годы, проведенные здесь, вот в этой одиночке под моим окном.

— Дела-делишки...

Хотелось Богдану сказать главе Казенного двора, чтобы сказал он царю-батюшке, что до личной встречи с ним он ничего и никому говорить не станет даже под страшной пыткой, но одолел хотение, не желая подводить бывшего подчиненного или ставить его в неловкое положение отказом.

А почему, собственно говоря, бывшего? Никто не лишал его, Вельского, чина оружничего, и этим положением вполне можно воспользоваться, но в разумных пределах.

— Можешь ли постараться сделать так, чтобы обеды мне доставляли из моего дома, от моего повара? Ничего иного я принимать не буду.

— Понимаю, оружничий, твою опаску. И разделяю. Сделаю по твоей воле, но если наткнусь на помеху, готовить тебе станет мой повар.

— Хорошо.

Его не трогали долго, и он знал почему: Годунов встречал жениха своей дочери Ксении, юного датского герцога Иоанна. Счастливому отцу было не до узника — он готовил помолвку. Пышную. Которая бы затмила все бывшие царские помолвки. Увы, жених занедужил и вскорости почил в бозе, а по Москве пополз слух, будто отравили принца Ивана, как нежелательного соперника сыну Годунова Федору в наследовании престола. До Вельского все это доходило в самых подробных пересказах, он все более ободрялся.

Пришел, однако же, час, когда ввели его в пыточную. Палач ухмыляется:

— Скольких здесь по твоей воле пытали, счету нету. В твое наследование. Настал теперича твой черед испытать на себе всю сладость пыток.

— Как я понимаю, пока тебе не велено пытаться меня, иначе подручные твои уже накинудись бы на меня, стащили бы одежды и прикрутили бы вон к этой скамье.

— Догадлив. Иска — нет. Но близок час роковой для тебя и потешный для меня.

— Что ж, дай Бог тебе отвести душу свою, пытая невинного.

— И-и-и! Невинный? Почти все входят сюда невинными, а выходят все виновными с ног до головы. Не попадались мне железные.

— Я стану первым.

— Ну-ну.

Вошел Габриэль. С подъячим Казенного двора. Сияющий. Одет будто на званый царский обед собрался. Подождет, пока подъячий займет свое место за засаленным столом от потоков доходных свечей и изготавится писать допросный лист, тогда подступил к Богдану:

— Тебе предстоит, оружничий, вспомнить твой разговор со мной о зелье для ныне царствующего Бориса Федоровича!

— Ты сам назвал меня оружничим, признав тем самым мою власть над тобой. Так вот: скажи подъячему, который за столом уже заострил перо, чтоб записал мое слово: прежде чем не увижусь я с Борисом Федоровичем ни с кем ни о чем говорить не стану. Тем более, со своим подчиненным. Все. Если тебе дано право пытаться — начинай.

Скрипнул зубами Габриэль от явной пощечины. Его бы воля, повелел пытаться со всем старанием, однако, самовольничать не решился. Ответил, будто оставил за собой последнее слово:

— Заговоришь! Еще как заговоришь! — И к подъячему: — Пошли!

Грубо так, словно во всем виноват затюканный подъячий. Гордо вышагал из пыточной Габриэль, как победитель, за ним высеменил подъячий, и тут палача будто подменили.

— Ловко ты, оружничий, немца под девятое ребро!

— Ловко-то ловко, но думаю, тебе представится возможность испытать, насколько я железный.

— Не обессудь, оружничий. Служба у меня такая. Передадут тебя в мои руки, на сердобольство не рассчитывай.

Бельского препроводили в камеру и, похоже, забыли о нем. Только время от времени спускался в подземелье глава Казенного двора и рассказывал о том, что творилось наверху. А там аресты за арестами, ссылки за ссылками, чтобы заткнуть рот тем, кто обвиняет Годунова в отравлении датского герцога Иоанна, но ни одной казни.

— Отчего так?

— Он в Думе поклялся пятнадцать лет никого не казнить.

— Верен Годунов себе. Он исподтишка действует. Умерщвляет сосланных в дороге, а неволею постриженных монахами — в кельях.

— Я не слышал, оружничий, твоих слов. Если хочешь, чтобы я бывал у тебя, не все говори, о чем думаешь и что знаешь.

— Даю слово.

Ему нельзя было рвать тонкую нить, связывающую с миром, тем более, лишаться верного контролера за приготовлением для него пищи. Разве можно уповать на порядочность Годунова, который так коварно поручил Габриэлю дознание и вполне может попросить его же приготовить зелье ядовитое, и тот с великой радостью исполнит эту просьбу. А это ему совсем ни к чему, ибо вот-вот должен пойти слух, что законный наследник престола Дмитрий Иванович жив, и тогда царь вынужден будет осторожней относиться к узнику: всем известно, что он — опекун царевича по воле Грозного, и казнь его воспримется как страх перед разоблачением в злодействе.

Вот, наконец, долгожданное. Глава Казенного двора появился в камере необычно возбужденный.

— Кремль волнуется. Борис Федорович в Новодевичий поспешил к сестре своей, вдовствующей царице, на совет, а может, из страха, как бы его не сбросили с трона сразу же. Весть пришла из Польши, что жив царевич Дмитрий Иванович. У Вишневецкого князя укрывался, теперь у Мнишека объявился, у Сandomирского воеводы, близкого к королю. Король тоже вроде бы признал его законным наследником и

пообещал поддержать, если он имеет намерение вернуть себе престол Русский по праву крови.

Богдан едва сдерживает взбесившуюся радость, стремясь показать лишь свое любопытство, не более; но хитрый глава Казенного двора словно насквозь видит собеседника.

— Тебе по духовной опекать надлежало царевича Дмитрия Ивановича, и не думаю я, чтобы ты отмахнулся от завета Грозного, который держал тебя у сердца своего...

— Ты просил меня не говорить лишних слов, я обещал, теперь я прошу тебя об этом же. Иначе я откажусь от встреч с тобой.

— Ладно. Клянусь.

Разговор о Дмитрие Ивановиче не прервался, но теперь он обходил далеко стороной роль Бельского во всей этой шумихе, взбудоражившей Кремль и еще не переплеснувшейся через его стены. Но слух наверняка долго не удержится в пределах Государева Двора, он просочится через его границы и всколыхнет всю Москву. Когда же дойдет до всех старейших городов, не оставит равнодушным и их.

«Годунов поймет, что обскакал я его на воронях», — с гордостью думал Богдан, одновременно предвидя более решительные меры захватившего трон. Поэтому в конце разговора попросил главу Казенного двора:

— Смени для верности повара. Возьми моего. Из моих слуг и в помощники ему. Только ни в коем случае близко не подпускай моего кравчего.

— Сogleдатай Борисов?

Бельский промолчал, глава Казенного дома понял свою оплошность и прикусил язык.

Через несколько дней еще одна новость: Борис послал за стрелецким головой Отрепьевым-Смирным, чтобы снарядить того в Польшу для подтверждения того, что царевич Дмитрий вовсе не царевич, а племянник Смирного Григорий Отрепьев.

«Поздно. Доказательства истинного лица Дмитрия Ивановича уже давно в Польше, и никто не поверит посланцу Годунова».

Впрочем, сомнения просочились в душу: если король Сигизмунд Третий захочет ссориться с царем, то сделает вид, будто поверил словам так называемого дяди и отмахнется от

наследника престола, назвав его Лжедмитрием. Хотя вряд ли Сигизмунд так бесчестен. Он же не Баторий, не баловень судьбы, а по крови своей полноправный король, и он не отступит от своего обещания поддержать законного наследника Российского престола, лелея при этом и свою выгоду: царь, восстановивший свое право с его помощью, станет уступчивей и вернет города, принадлежавшие долгое время Польше.

Да, спокойного царствования Годунову больше не будет. Можно с полной уверенностью говорить о нависшем над ним роке.

Рок роком, но до удара его еще не так близко, а Бельский пока в его руках. И что он предпримет? Позовет ли к себе, сам ли спустится в подземелье? Но, вполне возможно, ни то, ни другое: придет убийца, и они свершат очередное черное дело. Тут надежда на главу Казенного двора, который вполне может помешать убийцам, а уж слух о попытке свершить Годуновым очередное злодеяние, распространится моментально, а это царю не на пользу. Особенно сейчас. А он не дурак, чтобы самому себе вредить. Скорее всего — сошлет.

Вывод Богдана оказался не совсем верным. Впрочем, все по порядку.

Царь Борис появился на Казенном дворе совершенно неожиданно, никого прежде не предупредив о своем намерении, но, к счастью, глава Казенного двора, уже посетив Бельского, вернулся в свой кабинет, где его и застал государь.

— Хочу видеть Богдана Яковлевича Бельского.

— Воля твоя, государь. Ключи у меня. Вот они. Я сопровожу, а если прикажешь, останусь с тобой, взяв даже стражников на всякий случай.

— Сопроводи. Но говорить с ним я стану наедине.

Не рисковал ли он? Когда они остались одни, Богдану так захотелось накинуть цепь, какой были скованы его руки, и давить, давить, пока свойственник его не испустит дух, но он великим напряжением воли сдержал себя. Особенно трудно было сдержаться Вельскому, когда коварный соперник заговорил:

— Ты хотел моей смерти, получилось же так, что твоя жизнь в моих руках.

Бельский ждал именно этих слов и давно приготовил на них ответ, теперь, подавив желание задушить недруга и немного успокоившись, ухмыльнулся презрительно.

— Вроде бы все верно, только не совсем. Ты не сможешь этого сделать, не рискуя тут же лишиться трона. Царевич Дмитрий тогда получит еще большую поддержку не только бояр и дворян, а и большей части москвичей. Не забыл ли ты и о тысячах россиян?

Замолчал, ожидая, как поведет себя Борис, но тот молчал, как в рот воды набрав, и тогда оружничий, ободренный догадливостью Годунова, продолжил:

— Да, я в исповеди перед казнью ничего не скрою. А если сыну Эйлофа, Конраду удастся бежать, а я уверен, что его уже нет в Москве, заговорит и Эйлоф. Во весь голос. На всю Европу. И тогда все царствующие дома отвернут от тебя лики свои. Вот и прикинь, выгодна ли тебе, свойственничек, казнь моя, да и смерть вообще, ибо я написал исповедь свою, она тебе недоступна, и появится сразу же, как я буду отравлен или удушен. И еще... Ты сам назвал меня опекуном царевича Дмитрия, не зная, что Грозный завещал это в духовной. Ты просто хотел удалить меня из Кремля под благовидным предлогом, ибо рассчитывал на доверчивость мою. Но я не лыком шит.

Годунов вновь не проронил ни слова. Он мог бы вовсе не брать во внимание угрозы Бельского, посчитав их пустопорожними, но один факт, имевший место, настораживал — сын Эйлофа Конрад действительно исчез. Без следа. Теперь он понял, что случилось это с участием Богдана, даже удаленного из Москвы. Он ловко обезопасил себя.

«Ничего! Ты еще почувствуешь мою руку! Мою месть!»

Он вышел, так и не выдавив из себя ни одного слова, и Бельский уверился — он спас свою жизнь.

На следующее утро его повели в пыточную. Горн не горел злоеющим пламенем, накаляя до белизны орудия пытки. Самого палача не видно. Пара медведеобразных подручных, каких прежде Богдан не видел в пыточных.

«Что задумал враг?!»

Вошел подьячий. Основательно устроился за своим столом и принялся с великим старанием очинивать перья. Навострив с особой тщательностью самое большое перо, принял позу готового писать все, что ему повелят.

Прошло еще несколько минут, и в пыточную вплыл Габриэль. С язвительной ухмылкой извинился за опоздание и достал из кармана бархатного камзола маленькие серебряные щипчики.

— Приступим, мой дорогой начальник.

Пара медведечеловеков скрутили Бельскому руки, и Габриэль, подойдя почти вплотную, принялся в упор разглядывать бороду.

— Пышна. Красива, — оценил ее будто для себя, затем Бельскому: — Мне велено выщипать твою бороду до последнего волоска, если ты и впредь станешь упорствовать, отрицая попытки уговорить меня подготовить ядовитое зелье для правителя, ныне царствующего.

— Извет. И ты знаешь это!

— Что ж, тогда терпи.

Габриэль наслаждался. Он выбирал самый приглядный волосок и не рывком вырывал его, а долго тянул, чтобы больней, но Бельский не чувствовал боли — он клокотал: какой позор! Лишил бы лучше жизни, чем оставлять без бороды.

Чуть более часа забавлялся Габриэль, после чего произнес с тяжелым вздохом:

— Притомился я. Сегодня достаточно.

Подручные отпустили руки узнику, но не отступили от него ни на шаг, готовые действовать, если вдруг оскорбленный оружничий кинется на доктора; подъячий отер о бархотку перо, которое все это время макал в чернильницу, хотя ему явно ничего не предстояло писать, и вышмыгнул из пыточной.

— Прощаюсь до завтра, — поклонился поясно Габриэль. — Завтра продолжим процедуру.

Бельский промолчал, хотя ему очень хотелось обозвать Габриэля извергом. Его и Годунова, но зачем лезть на рожон!

На следующее утро все повторилось: подъячий, очиняющий перья, подручные, глядевшие исподлобья. Извинения Габриэля за опоздание и вытягивание холеной рукой волосок за волоском из пышной бороды.

Лишь на пятый день в это позорное однообразие вплелось неожиданное — Габриэль углядел седой волос и, вытягивая его, восхищался:

— Смотри! Совсем седой! Совсем-совсем. Какая прелесть! Впрочем, очень рано сесть. Очень!

Богдан сцепил зубы.

Весь накопившийся гнев выплеснулся в последний день пыток, когда Габриэль торжественно поднял высоко над головой пинцет с последним волоском и возгласил:

— Отныне ты чист, аки агнец после весенней стрижки.

Бельский смачно плюнул ему в лицо, готовый принять побои от могучих подручных, но те не посмели поднять руку на оружничего по собственной воле. Габриэль же лишь достал батистовый платок и, отирая лицо, поспешно покинул пыточную.

Глава Казенного двора так оценил плевок Бельского:

— Достойный ответ мужа пакостнику.

Кого имел в виду глава Казенного двора, он не уточнил.

Приятны, конечно же, слова привыкшего к чужому горю и чужим страданиям человека, однако, Бельский и без того был весьма доволен собой; лишь думка о том, как отнесется к плевку Борис, все же беспокоила.

Несколько дней его не трогали. И вот — повеление:

— К государю. Без оков.

Можно подумать, примет сейчас в домашней обстановке, но нет — в малом тронном зале. Сам Годунов окружен рындами, а поодаль еще десяток стрельцов. Едва Богдан перешагнул порог, как царь строго предупредил:

— Близо не подходи!

Бельский ухмыльнулся:

«Бойтся плевка. Бойтся позора. Сам же донельзя опозорил меня!»

— Я — самодержец державы Российской решил, а Боярская дума согласилась со мной, отправить тебя в ссылку. Ты изгоняешься из Москвы без должности в свое имение.

— В какое?

— По твоему выбору.

— Хорошо.

Первое, что пришло в голову: Никольское, что под Нижним Новгородом, но остудив поспешность, пообещал Годунову:

— Я завтра извещу о своем выборе, после совета со своей семьей.

— Пусть будет так.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Все сложилось благоприятно, чего Богдан не мог ожидать. Когда сообщил, что выбирает местом ссылки Белый, он предвидел отказ, ибо Годунов мог заподозрить, что неспроста имеющий право выбора, избрал самую захудалую свою усадьбу, хотя и вотчинную. Но царь-батюшка не воспротивился, понявши это так: собирается бежать в Литву. Он махнул рукой. Из Литвы пришли Вельские, в Литву и уйдут. Сколько волка не корми, он все равно в лес смотрит. «А-а-а. Баба с воза — кобыле легче».

Удивительное верхоглядство для человека, так тщательно продумывающего каждый свой шаг. Видимо, царский трон, к которому он так стремился, начал приучать к благодушию. Мог бы поразмыслив, понять трагичность последствий судьбоносного для него разрешения.

Богдан не собирался в Литву. Он даже не думал о побеге. У него иное на уме: из Белого ловок путь на Кромы и Карачев. Даже два пути. Один — через Смоленск и Рославль, второй — через Ржев и Вязьму. Ловко будет поддерживать связь с атаманом Корелой.

Или взять Волоколамск, возле которого его Приозерная усадьба, являющаяся надежным пристанищем для всех, кого он привлек к тайному своему делу и где в монастыре хранится основная его казна. Не слишком далеко. Все, как говорится, под рукой. Усадьбы, куда более роскошнее, чем в Белом, в Ярославской земле и в Подмоскovie, тоже вроде бы удобные для связи со своими сторонниками и для руководства их действиями, но опасна близость к Москве. Случись неосторожный шаг, и Борис тут же будет уведомлен об этом. А Белый далеко. К тому же вряд ли здесь имелся соглядатай тайного дьяка или самого царя, ибо Богдан почти не посещал свою родовую вотчину, пренебрегая ею. Завести же нового шпиона будет не так-то просто, тем более, что кравчего, лазутчика тайного дьяка, он с собой не взял.

Еще одно преимущество: более легкий выход в Польшу. Отсюда лучше всего опекать царевича, посылая ему и деньги, и нужные сведения. При острой нужде можно и самому сбегать в Польшу тайно от Кремля.

Теперь Хлопко и Митьков при поездке на встречу с царе-

вичем станут получать от него указы лично, что позволит избежать кривотолков.

А тут еще одна, совершенно неожиданная удача: в Путивле усилиями Митькова образовалось тайное дворянское общество поддержки законного наследника на Русский престол. Проезжая в Польшу с казной для Дмитрия Ивановича Григорий Митьков случайно встретил своего московского друга, дьяка Сутупова, который, по сути дела, тоже бежал из Кремля, не желая служить Годунову. Сделал он это, однако же, умней Митькова — отправлен был в Путивль по верстке Разрядного приказа с казной для городской рати и иных служилых людей. А разговор в то время среди друзей был один: удержится ли Годунов, коварством захвативший престол, или займет его законный наследник Ивана Грозного. Дьяк Сутупов твердо заявил:

— Годунову не усидеть. Слишком небрежен он к ратным людям. Сужу по Путивлю. Гарнизон — пятьсот конных пищальников. Из кого они? Сотня мелкопоместных дворян, остальные же из севрюков и черкас да посадского люда. И что они имеют, служа верой и правдой государю нашему? Иным дали ту землю, какую они имели на оброке, обидев тем самым хозяев той земли. Выделено детям боярским по тридцать четей и то — перелог в Диком поле. Службу им править иль целину распахать? А десятина царская? Есть время и силы или нет их, а ее в первую очередь распаши и посеи. Собирай урожай тоже в первую очередь и — в казну до зернышка. Хоть бы два-три пудика оставили за труды. Нет. Все подчистую. А пока с десятиной управлялся, свое зерно наполовину осыпалось. Доходят до меня разговоры, что ратники надеются на приход Дмитрия Ивановича.

Григорий Митьков воздержался от каких-либо слов, решив прежде доложить Вельскому о признании дьяка Сутупова, тогда уж действовать, и когда рассказал ему о состоявшемся разговоре и подтвердил, что дьяк — надежный друг, оружничий оценил случайность как дар Божий, создающий возможность повернуть столь важный город лицом к царевичу Дмитрию.

Путивль — один из крупнейших крепостных городов Северской Украины. Крепость, можно сказать, неприступна. Стены каменные, высокие. Даже стенобитными орудиями

бреши не проделаешь. Штурмом, когда Дмитрий Иванович вступит в Русскую землю, крепости этой он не одолеет (рати крупной он собрать не сможет), а без Путивля ему не господствовать на Северщине, не иметь доброй опорной базы для дальнейшего продвижения к Москве.

— Ты вот что, воевода Григорий, возвращайся-ка обратно в Путивль, встретись с другом своим и поговори основательно. Не называя ни меня, ни Хлопка, скажи, что за твоей спиной стоят даже члены Верховной боярской думы, поверстанной еще Иваном Грозным для управления государством. Обговори, какая сумма нужна на воспомоществование особо нуждающимся. Готов к такой поездке?

— О чем спрашиваешь, оружничий? Передохну 2 день другой и — в седло.

— Велю баньку готовить. Вместе попаримся, затем — пир. О деве постельничей позабочусь.

Вот так, с парилки началось, а затем исподволь продолжилась подготовка того, что удивит и обескуражит одних, обрадует донельзя других.

Новая забота не отвлекла, однако, Бельского от того, что пока что считал главным — от постоянной связи с атаманом Королой и с теми, кого рассчитывал в дальнейшем привлечь на сторону Дмитрия Ивановича в Короче, в Цареве-Борисове. С ними пока не имел откровенного разговора, они были лишь его уполномоченными по распределению средств, какие выделял на помощь особо в них нуждающимся. Этим бывший воевода поддерживал прежнее уважение к себе среди тех, кто служил ему во время строительства новой крепости. Важнее всего, однако, не личный авторитет, а мысль, какую он насаждал вместе с помощью, что с приходом к власти законного наследника все изменится к лучшему, ибо Богом избранный государь не сможет так наплевать на отношения к своим подданным, как отосится коварством захвативший трон временщик.

Так, тоже исподволь, готовилось восстание юга Руси.

Однако вялость всех этих действий не вполне устраивала Богдана. Он хорошо понимал, что нужны какие-нибудь значительные потрясения, чтобы нелюбовь к Годунову переросла в ненависть.

Увы, оружничий пока что не мог спровоцировать такое потрясение. Не хватало ни сил, ни нужной смекалки.

Помощь пришла ему от Бога. На великое горе русскому простолюдину. Но Вельский в полной мере использовал этот гнев Божий.

Весна началась проливными дождями, которые сорвали сев овса, пшеницы и ржи, следом ударил лютый мороз, побив расцветшие деревья и ягодники, затем — засуха. Все лето без единой капельки дождя. По всей Руси. Все, что возшло вопреки каверзам весны, сгорело на корню. Осень даже в колос не успела пойти. Крупяные тоже посохли. Это было страшно, но не смертельно. В большинстве хозяйств имелись запасы необмолоченных хлеба, гречихи, проса. Скирды двух и даже трехлетней давности. У рачительных же и богатых хозяев эти запасы исчислялись множеством четырех и даже пятилетних скирд.

Голод, со всеми его несчастьями, наступил в следующем году, когда природа вновь сыграла злую шутку с Русью. Со всеми ее губерниями. И тут, усугубляя и без того бедственное положение голодного люда, особенно хлебопашцев, царь Борис начал делать опрометчивые шаги: то запретил, угождая мелкопоместным дворянам, переход оброчных к другим, более благополучным владельцам земли, то вновь отменил свой запрет, поддавшись нажиму сытого боярства, решившего еще более обогатиться на народном бедствии.

Все это озлобляло голодное крестьянство, и целые шайки их, спасая себя от голода, принялись разбойничать, но тысячи умирали молча. И тут Годунов сделал еще одну глупость, велел ежедневно раздавать в Москве милостыню всем бедным, не считая, сколько их будет. Слух о щедрости царя-батюшки быстро достиг не только Подмосковья, но и других губерний, целые толпы людей потянулись в стольный град, умирая не только в пути от слабости, но и в самой Москве. Трупы не управлялись свозить в общие могилы, специально открытые за городом, и они начинали смердеть. Возникла великая опасность вспышки чумы или холеры.

Не сотнями считала Москва покойников, а тысячами.

Поняв свою ошибку, Годунов велел больше не подавать милостыню, обрекая тем самым на голодную смерть и те тысячи, которые уже шагали из последних сил в Москву, надеясь на государеву подачку.

Грабежи после этого усилились.

Бельский, если быть честным перед собой, не радовался великому несчастью, хотя оно основательно распатало трон, на котором восседал ненавистный соперник. Он все же не был ответным негодяем, чтобы потирать от удовольствия руки, ибо столь великое бедствие даже для бессердечного не может стать предметом личного торжества, тем не менее Богдан начал с большей настойчивостью повышать свой авторитет среди ратных людей юга Руси и гарнизона Путивля. По его приказу во всех имениях начали обмолачивать многолетние скирды ржи и пшеницы, и потянулись груженные мешками с зерном длинные обозы в Царев-Борисов, в Короchi, в Новый и Старый Осколы, но более всего к атаману Короле в Кромы и в гарнизон Путивля для дьяка Сутупова и его верных товарищей, детей боярских Беззубцева и Булгакова, выделившихся в предводители умением и смекалкой.

Обозы эти не без происшествий, конечно же, не без попыток отбить у охраны все же доходили до мест назначения, но вот весть: охрана обоза из имения под Ярославлем побита полностью, зерно захвачено разбойной ватагой. Негоже, если подобное станет повторяться. И Бельский зовет воеводу Хлопка.

— Слышал о разграбленном обозе и гибели охраны?

— Еще бы. Ловкие были разбойники. Видно, слишком много было нападающих.

— Твое мнение, что можно предпринять?

— Одно скажу, боярин: фунт лиха всегда с лишком.

— Это не ответ, воевода. Что, так и станем лихом с лишком глотать?

— Ответ, боярин. Ответ. Я тоже думал — усилить, мол, охрану вдвое или втрое и ладно станет, но подумавши, передумал. Пользы от добавки никакой. Отобьют хлебушек, хоть сотнями охраняй. Голод — не тетка. Все одно — смерть. На полатах ли от слабости, в сече ли за кусок хлебушка, за мешок ржи. Да тут еще надежда остаться живым подогревает.

— Значит, безвыходно?

— Выход один: подчинить себе всю вольницу...

— Великий бунт?!

— Можно и так сказать. Только не бунт, а борьба за жизнь. Если ты, боярин, не против, я расстараюсь.

— Великий риск. Все бунты заканчиваются одинаково:

разгром и казни. Атамана лишают жизни с особой жестокостью.

— Верно. Но что такое смерть сотен ради спасения жизни сотен тысяч? К тому же, боярин, смута в центральных губерниях, особенно в Подмоскowie, если она наберет крепкую силу, отворотит Годунова от противостояния с Дмитрием Ивановичем, а тебе развяжет руки. Прикинь выгоду. Ты даже самолично сможешь сбежать в Польшу.

Вот это — очень важно. Мудр все же Хлопка. Очень мудр. И очень жалко потерять его. Впрочем, в самый критический момент его можно будет укрыть. До воцарения Дмитрия Ивановича. Он не только помилует, но и очинит.

— Доводы твои веские. Я, пожалуй, соглашусь. При одном условии — Григория Митькова с собой не уводи. Передай ему все свои тайные связи. Месяца тебе на это хватит?

— Вполне. Но как с казней, переданной в мои руки? Я же не смогу распорядиться в монастыре, чтобы Григорию выдавалась казна.

— Об этом я сам позабочусь. Но, как понимаю, тебе для начала тоже средства нужны. Оружием обзавестись. Конями.

— Лишней не станет копейка. После разживусь казнью, даже царевичу смогу пособлять, для начала же деньги необходимы. Но, думаю, из монастыря брать их не следует. На тебя тень упадет. Нужно бы так, чтобы ты не только чистым остался, но оказался в числе обиженных. Измена боевых холопов, разве не кровная обида?

— Что ж, и это — мудро. Давай поразмышляем пару дней, и тогда определимся окончательно.

Но не выдержали они двух дней. Уже на следующее утро возгорелись желанием поделиться мыслями. Особенно хотелось этого самому Бельскому.

— Возбудишь моих боевых холопов в усадьбе под Ярославлем. Пойдешь с ними, обрастая добровольцами из голодающих хлебопашцев и из гулящего люда, в Подмоскownую усадьбу. Возмутишь и там боевых холопов. Там можешь устроить свой главный стан. Сами усадьбы не слишком разорь. Места хранения казны и оружия ты знаешь. Можешь все до последнего забирать.

— Измена, стало быть, полная? Подходяще. С одним я не

согласен: ставку в имении твоём не сделаю. Найду для этого небольшое селцо в лесной глухомани. Как Приозерное твоё. Со всех сторон окружённое болотами. Кроме известной гати проложу тайную, чтоб в случае чего можно было бы по ней выскользнуть.

— Поступай, как найдёшь лучшим. Давай напоследок побанимся и потрапезуем. Прервется наша связь на многое время.

— Возможно, боярин, навсегда.

Месяца через полтора после этого разговора в Белом царю доложил дьяк Поместного приказа:

— В три дня две усадьбы оружничего Бельского, тобой опаленного, разорили его же боевые холопы. Бозглавил измену воевода боевых холопов Хлопко.

— Печально. Однако, думаю, Бог наказал Бельского. Слишком он панибратствовал с холопами, вот и получил урок.

Дьяк Поместного приказа в недоумении. Тревогу бы нужно бить. Разрядный приказ поднять на ноги, чтобы тот в самом зародыше задавил начало возможной крупной смуты. Боевые холопы — не хлебопашцы, разбойничавшие от голода, этих, если рассуждают, трудно загонять в стойло. Решился дьяк на совет:

— Не позвать ли тебе, государь, дьяка Разрядного приказа? Стрельцов бы послал на усмирение. И Вельскому вестника слать бы.

— Вельский узнает сам от своих слуг. Небось, один-другой остались верными, а усмирить? Конечно, нужно. Вели пару сотен стрельцов послать.

Разрядный приказ рассудил основательней: поверстал пять сотен пеших стрельцов, поставив головой Ивана Басманова, молодого, дерзкого и умного воеводу, за что дьяк Разрядного приказа получил выволочку.

— Что?! Устраха глаза велики?!

— Оно, может, и лишку послали, но излишек лучше, чем недостаток.

Иван Басманов сходил в обе усадьбы без всякой пользы. Допросил только дворню, пытаясь узнать, куда подевались боевые холопы, но никто ничего вразумительного сказать не мог. Или не хотел. Все в один голос причитали, жалея

казну доброго боярина, не заслужившего такой коварной измены. И вот когда Басманов вернулся в Москву, Годунов серьёзно задумался. У него возникло подозрение, не рук ли самого Вельского эта измена, и не на Москву ли направят воинственные устремления боевые холопы, якобы изменившие своему господину. Но догадку в допросный листок не впишешь, Богдана за шиворот не возьмёшь. Но меры принять необходимо.

И потянулись к Москве ратные колонны в основном из стрельцов и лишь малой частью из детей боярских, ибо по воле государя в столице должно квартировать не менее десяти тысяч ратников, для которых Москва была поделена на объезды, а объездными воеводами поставлены те, кому царь Борис полностью доверял.

Ивану Басманову предстояло поддерживать порядок в кварталах, прилегающих к Чертопольским, Арбатским, Никитским и Тверским воротам. В Белом городе исполнять службу объездного воеводы поставили князя Бабичева, но вскоре что-то не устроило государя, и Бабичева сменил князь Шаховской, Шаховского же сменил князь Щетинин — дергался Борис, мельтешил. Всю ответственность за порядок и спокойствие в столице он возложил на Боярскую думу, а сам подался в Троице-Сергиеву лавру на богомолье.

Глядишь, Господь Бог смилостивится и перестанет испытывать Россию все новыми и новыми ковами.

Несколько месяцев после этого на дорогах было удивительно тихо, если не считать обычных в то голодное время налетов малых ватаг на обозы с зерном, но вот одно за другим удручающие сообщения показали, что началась самая настоящая смута. Ощетинились Подмосковье, Владимирщина, Ярославщина, не отстали от них Вязьма, Можайск, Волоколамск, Тверь. Почти все дороги на Москву были перекрыты восставшими, и столица с великим трудом получала продовольствие.

— Что важно, — докладывал царю дьяк Разрядного приказа, — более всего разбоя на дорогах, ведущих в Польшу и Ливонию. Нет ли в этом умысла?

— Умысел во всей смуте. Нарядите стрельцов и очистите все дороги к Москве. Уничтожать смутьянов безжалостно. Жгите, вешайте, топите в речках и озерах. Сносите с лица земли села, если это пойдет на пользу.

Не случайно Годунов так смело говорил о том, что кару поручить именно стрельцам, а не иным каким-либо ратникам. Стрельцы все исполнят безропотно. Они считались самой надежной опорой государей со дня своего образования. Им платили в десятки раз больше, чем даже конным детям боярским. Кроме того, стрельцы имели свои торги, как правило, крупные, поэтому жили очень богато и им совершенно невыгодно было изменять царской власти и вставать в ряды мятежников.

— В первую очередь нужно уничтожить отряд Хлопка, ибо он угрожает самой Москве. Осилем его, пошлем в иные места стрельцов. Утихомирим смутьянов и там.

— Так и поступай.

Разрядный приказ вновь послал на Хлопка воеводу Ивана Басманова и тоже с полутысячей пеших стрельцов. На этот раз, однако, воины Хлопка от сечи не уклонились, не спрятались в лесной глухомани. И одержали победу.

Она обеспечилась тем, что Басманов пренебрег обычной тактикой борьбы с разбойными ватагами, не сделал засады, предварительно разведав, где смутьяны, не заманил отряд Хлопка в мешок, а сам оказался в мешке, поплатившись за прямолинейность: он шел открыто, предвкушая победу малой кровью.

Но боевые холопы и присоединившиеся к ним другие повстанцы, тоже не были тюфяками, к тому же выбор у них был слишком мал — победа или смерть. Они дрались храбро и умело, даже, можно сказать, с остервенением и победили, уничтожив почти всех карателей. В том числе и голову их — воеводу Ивана Басманова.

Москва, но особенно Кремль, запаниковали. Воеводу Басманова хоронят с почестями на кладбище в Троице-Сергиевой лавре, готовят новые отряды на повстанцев, Годунов объявляет осадное положение в столице и об этом тут же известили Вельского.

Что ж, не до него теперь государю, путь в Польшу открыт. Пора и царевичу вступать в пределы Руси.

Через день Богдан сел в седло. В провозатые взял лишь одного Григория Митькова. У того тайный путь давно отработан, и никаких осложнений не должно возникнуть.

Так и вышло. Через несколько дней они прибыли в име-

ние князя Адама Вишневецкого. Тот рад столь знаменитому гостю.

— Понимаю, как дорого для вас время, но я все же задержу вас на два-три дня. Попируем. Устроим охоту.

— До охоты ли и до пиров ли?

— Не скажи, Богдан Яковлевич. На пирах да на охоте будет шляхта, от нее же многое зависит. Согласится шляхта идти с будущим вашим царем, получит он ратную силу, не согласится — на кого он обопрется?

— На своих подданных. На своих ратников.

— Вроде бы ты, оружничий, — тертый калач, а речи ведешь младенческие. Не с одним же тобой пойдет он в Россию. Люди идут за сильными. Только за сильными.

— Я дам деньги на наемное войско.

— Деньги — это хорошо. Шляхта тоже не откажется от злотых. Но важнее всего, вместе со злотыми, уверенность в нужности затеянного предприятия.

— Не спорю с этим.

— Поэтому постарайся убедить шляхту, чтобы она царевича Дмитрия поддержала всей душой. Я, как родственник ему, хотя и дальний, приложу тоже все силы, используя свой авторитет, чтобы способствовать твоему успеху. А дворянина своего пошли к Мнишке. Оповестит он о твоём скором приезде и станет ждать там. К Мнишке поедem вместе. Может, примет нас по ходатайству ясновельможного пана сам король.

— Хорошо бы.

— Разве хорошо? Прекрасно! Одно меня смущает: Мнишек перетаскивает Дмитрия Ивановича в паписты, а Россия не примет на престол неправославного.

— Мне тоже доходили сведения, что папский легат соблазняет царевича Дмитрия и, признаться, я удивился, когда узнал, что ты передал Дмитрия Ивановича на попечение Мнишкеа...

— Удивляешься? Кто я? Вишневецкий, чей род не единожды переходил на службу русским царям, вот и нет мне полного доверия. Мне пришлось письмом объясняться с коронным гетманом Замойским, почему я приютил у себя неизвестного, выдающего себя за царского сына. Вот так обстоят дела. А Мнишек через своего родича имеет вход к Сигизмунду, коро-

лю нашему. Если тот поддержит, тогда – все. Вот ради этого, Богдан Яковлевич. Только ради этого. Мог бы, конечно, умыть руки, чтобы не дразнить коронного гетмана.

– В общем-то, я так и предполагал.

– Теперь, похоже, все меж нами ясно. Приглашаю на пир.

Не два дня провел Вельский в усадьбе князя Вишневецкого, а более недели. Хозяин дома посвящал его во все тонкости интриги, какая началась вокруг царевича, и это очень важно, но главное – шляхта все прибывала и прибывала, соблазняясь слухами о щедрости приехавшего из Москвы богатого и знатного гостя. Многие шляхтичи охотно записывались в легион, получая тут же полугодовую плату за службу. К исходу первой недели в списке значилось более двух сотен. Этот список, как подарок, повезли царевичу Дмитрию Ивановичу Бельский и Вишневецкий. К списку прилагался и договор, по которому шляхтичи обязались прибыть по первому зову царевича в установленное место в указанный срок.

Оружничего Вельского и князя Вишневецкого встретил самолично сандомирский воевода Юрий Мнишек на полпути от ворот до дворца, выказывая тем самым великое уважение к прибывшим гостям. Раскланялись, как и полагалось по этикету, и Мнишек повел гостей в гостиную, которая вполне могла быть наименована тронным залом сандомирского воеводы, если бы не камин у боковой стены, а вместо знамен, штандартов и гербов, какие присущи тронным залам, по всем стенам висели портреты в инкрустированных золотом рамах. Над креслом Юрия Мнишека, более похожего на трон, висел самый величественный портрет основателя рода Мнишеков, а правее его – портрет его жены, тоже родоначальницы Мнишеков. Вправо и влево, как ожерелье драгоценное – портреты многочисленных потомков, до самого последнего: сандомирского воеводы и его довольно молодой еще жены. И что выходило за рамки общего – портрет их дочери Марины, хотя и юной летами, но столь же величаво-надменной, как и все остальные, удостоенные чести висеть на стенах.

Богдан собирался было задать вопрос, отчего Дмитрий Иванович не встретил их хотя бы здесь, в гостиной, но воевода опередил его:

– Царевич занят сердечными делами, а это важнее всего на свете. Я не посмел оторвать его от коханы.

Бельскому ответ ничего не пояснил, но он воздержался от лишних вопросов, надеясь все выяснить в свое время.

Хозяин пригласил гостей подкрепиться после долгого пути и уже за столом с гордостью заявил:

– Пока ты, князь Адам, развлекал московского гостя охотой, я не сидел сложа руки. Для начала скажу одно: лишь коронный гетман Ян Замойский продолжает упорствовать, но уже не так рьяно, большинство же ясновельможных панов горит желанием помочь русскому царевичу обрести законный трон. Некоторые из них придут в мой дом, тогда мы поведем деловые разговоры, пока же станем наслаждаться яствами и питьем, какие имеем по благословенной воле Господа Бога нашего.

Обед долгий. Очень даже долгий. Богдану не терпелось повидаться с подопечным, пересказать ему, что уже сделано, что делается и что намечается делать в Руси, чтобы он вошел в нее со славой и не встретил серьезного сопротивления, но вынужден был подчинять себя обстоятельствам. Он уже начал понимать, сопоставляя полученные от Вишневецкого сведения и поведение Мнишека, что Дмитрий ведет какую-то хитрую игру.

«Ничего! Разберемся...»

Конечно, разобраться Богдан разберется, но воспротивиться хитрому ходу сандомирского воеводы не сможет. Так развернутся события.

Когда наконец обед закончился, Мнишек велел узнать волю царевича Дмитрия: готов ли он посетить гостиную или намерен встретиться с приехавшими к нему в своих апартаментах?

Ответ такой:

– Ваша дочь, ясновельможная панночка, предпочитает видеть гостей у себя, где с ней князь Дмитрий.

– Олух! Не князь, а царевич! А если князь, то – великий. Больше не делай оговорок.

– Слушаю, ясновельможный пан.

Богдан с трудом сдержался, чтобы не улыбнуться, так наивно была разыграна сцена. Вельскому хорошо известно из различных обменных грамот, как в первоначальных ва-

риантах которых величались самодержцы всей Руси — князьями Московскими. Не более того. С большим трудом добивались вписывать в текст царские титулы. Ну, ладно, там дипломатия, но здесь, если ты намерился помочь царевичу занять по закону принадлежащий ему трон, чего ж унижать? Не оговорка слуги, а специально отрететированная скомошина.

Маленькая неловкая пауза, и воевода Юрий Мнишек обратился к гостям:

— Придется идти нам. Капризам женщины подчиняются даже короли.

То что оружничий увидел, войдя в комнату Марины Мнишек, буквально ошеломило его. Марина сидела, откинувшись на спинку мягкого кресла, разомлевшая от ласк, щеки ее пылали, глаза затулила поволока, царевич же сидел у ее ног на низком пуфике и гладил стройную ножку девы, чуточку приподняв кружевной подол бархатного, шитого золотом платья. И что еще поразило Бельского, ни Марина, ни Дмитрий Иванович даже не смутились, когда к ним вошли гости — они либо ловко притворились, что не видят вошедших, либо и в самом деле витали в мире грез.

— Мариночка, дочь моя, к тебе гости, — громко проговорил Юрий Мнишек, чтобы вернуть влюбленных в мир грешный, земной, а когда она встрепенулась, то мягко отвела руку Дмитрия от своей ноги и величаво поднялась. Дмитрий последовал ее примеру. И чтобы не возникло неловкой паузы, Мнишек проговорил с гордостью:

— Ровно через неделю у них помолвка.

Ну, это уже совсем из ряда вон. Кто же примет Дмитрия Ивановича всей душой, если он в обозе своем повезет жену-папистку?!

И еще что не легло Бельскому на душу: Дмитрий Иванович без бороды и даже усов, каким он был сам, на какое-то время опозоренный. Теперь вот она отросла, не такая, конечно, как прежде, но все же — борода. А как можно мужчине уподобляться женщине, оголяя свое лицо?!

«Подскажу. Если хочет венчаться на царство, пусть не перечит русским нравам. С помолвкой тоже стоит повременить».

— Здравствуй, Дмитрий Иванович. Рад видеть тебя во

здравии, — приветствовал царевича Бельский. — Приехал я на серьезный разговор и с подарками. На разговор опекуна.

— Я буду готов к нему завтра. О времени извещу.

Больно кольнули эти слова Богдана, но что он мог ответить? Перед ним — царевич. Будущий государь, вполне понявший свое преимущество перед слугами. Преданность ему он воспринимает как должное, как верное холопство.

«Плюнуть на все и уехать в Белый?! — вспыхнула услужливо мысль. — Пусть сам как хочет барахтается!»

Но завет Ивана Грозного? Грех перед Богом не исполнить духовную царя-батюшки, который так благоволил к нему, Бельскому. Нет, не плевать на все, теща мелочную обиду, а кинуться спасать заблудшего.

Когда в назначенный для него час Богдан вошел в покои царевича, подготовившись говорить с ним резко, вплоть до угрозы оставить без попечительства, то поразился случившейся перемене. Дмитрий встретил опекуна с поклоном, усадил в кресло, специально для царевича сделанное в виде трона, и начал с извинения:

— Не обессудь, боярин, столь много делающий для меня, что высокомерно вел себя при Мнишеках. Они внушают мне, что наследник русского престола не может и не должен панибратствовать с подданными. Они сами передо мной раболепствуют.

Из всего сказанного Богдан уловил главное: боярин? Не оговорился ли, считая его боярином. Не должно быть. Он же знает, что отец его так и не очинил своего любимца боярством. Не сделал этого и царь Федор Иванович, хотя мог бы за победу в Цареве-Борисове над крымцами. Может, своеобразный намек: стану царем — награжу боярством.

Сделал, однако, Бельский вид, что не удивлен таким величанием, ответил царевичу с улыбкой:

— Видел я, как раболепствует перед тобой Марина Мнишек. Ноги твои гладит да целует.

Царевич вспыхнул. То ли от стыда, то ли от гнева. Верней всего, от гнева. И опекун решил больше не наступать на острие меча. Заговорил иным тоном:

— Князь Адам Вишневецкий, твой дальний родственник, сделал для тебя много больше, чем сандомирский воевода Юрий Мнишек. Князь Адам доложил о тебе королю, сделав

тем самым первый шаг к признанию твоего права бороться за престол. А воевода Мнишек ведет хитрую игру. Сам Юрий Мнишек хотя и дожил до преклонных лет, не добился ни великой знатности, ни особого влияния в королевском дворе. У него единственная опора — кардинал Мациевский, его родственник. Тот влиятелен. Благодаря ему Мнишек получил воеводство и должность старосты Львовского и Самборского. Под его управление переданы доходы Червонной Руси. Живи, казалось бы, и богатей, честно служа королю, но он запутался в делах, задолжал с уплатой в казну, как мне поведал князь Адам Вишневецкий, более четырех тысяч флоринов. Он едва избежал суда. Поддерживая тебя, он стремится вернуть милость короля Сигизмунда Третьего.

— Все это, боярин, я знаю. Но знаю и другое: он разыскал свидетелей, чтобы убедить короля в том, кто я есть на самом деле. Что не самозванец я. Он содействовал признанию меня краковским воеводой Зебжидовским Николаем и краковским епископом. Сегодня на моей стороне даже королевский духовник. И все это усилиями Мнишека. Разве я могу от этого отмахнуться? Он один начал серьезно бороться с противниками моей поддержки, особенно с таким настойчивым, как коронный гетман Ян Замойский и, по всему видно, одолевает его. Теперь Мнишек не одинок. Теперь с ним даже канцлер литовский Лев Сапега.

Муж пред Вельским, а не беспомощный сосунок. Мыслящий, понимающий все происходящее вокруг него, беда только в том, что знает царевич далеко не все, что ему надлежало бы знать. Его питают лишь выгодными Юрию Мнишеку сведениями.

Не перебивая, слушал рассуждения Дмитрия Ивановича Богдан, все более и более восхищаясь разумностью юноши, гибкостью ума, вместе с тем ужасаясь его доверчивости. Он полностью и, похоже, бесповоротно подпал под влияние воеводы Мнишека, под влияние папского нунция Рангони, который буквально оплел еще не искушенного в интригах царевича мягкой, но невероятно прочной паутиной.

Когда Дмитрий Иванович закончил свои рассуждения, вернее, оправдания за обиду, нанесенную опекуну, спасшему ему жизнь, Богдан, вздохнув, заговорил:

— Много толкового в твоих оценках, в твоих выводах, но,

увы, все — однобоко. Повторяю: Мнишек поддерживал и поддерживает тебя, имея цель избавиться от полного разорения и от суда над ним. Этого ты ни на минуту не упускай из вида. Продолжая вести себя, как и прежде, играй с Мнишеком по своему. Веди с ним дело так, чтобы, когда восстановишь законное право на престол, ты без труда мог бы отменить то, что для тебя в Руси невыгодно. Запомни еще одно, твердо запомни: никаких нунций, никаких папских епископов русское духовенство не примет. Ни за что. А они имеют большое влияние на власть придержащих. Они не расстанутся со своими привилегиями. Они пойдут на все. Даже на смену династии. Вот это — главное. А теперь кое-что для твоего сведения. Чтобы знал ты больше правды, чем отмеряют тебе сандомирский воевода и иже с ним. Представленные свидетели Мнишека и даже Сапеги не вполне бы убедили Сигизмунда Третьего в законности твоих прав на российский престол. Благодарю воеводу Хлопка, дворянина Григория Митькова, с которым я прибыл и которого намерен оставить при тебе как свое око, а ты не отдаляй его от себя; благодарю твоего деда по матери Федора Федоровича и твоего дядю Афанасия Нагих, отыскавших вместе со мной мастера, изготовившего для твоей матери нательный крест, сумевших переправить его в Польшу и представить королю. Нагие, Хлопко, Митьков разыскали всех пятерых братьев Хрипуновых и Истомина, служивших тебе в Угличе, а затем сосланных в Сибирь. Они общими усилиями пособили им бежать в Литву. Вот каким свидетельствам поверил Сигизмунд.

— Мне об этом никто ничего не рассказывал.

— Без выгоды Мнишеку, вот и умалчивал. Мотай на ус.

— Да, есть над чем поразмышлять.

— Конечно. Но я еще не закончил наставления. Послушай, наберись терпения, мой будущий государь. Откажись от помолвки с Мариной Мнишек. Да, она хороша собой и, как я понял, любя тебе. Но разве Россия бедна красавицами?

— Нет, боярин, с Мариной не порву. Ты сказал: хороша собой. Но это не та похвала, какой достойна Марина. Станет ли? Ты видел? Что можно найти совершенней этого творения Божьего? А очи? Они манят, они обещают блаженство на веки вечные. А какие мягкие и пышные волосы? Нет-

нет, я лучше откажусь от царства, чем от моей невесты. Да я уже подписал брачный контракт.

— Глупец. Нужен ты ей без Российской короны. Она нежна с тобой по воле отца своего, нарисовавшего ей заманчивую жизнь русской царицы, обольщенная богатейшим приданым, какое получит она от мужа-царя вместе с короной царицы. Она безмерно любит красавца-шляхтича, к которому благоволит канцлер Сапега и помолвка с которым уже приближалась, и только появление царевича, видом, воспитанностью и умением приласкать очень уступающего шляхтичу, все же расстроило решенное вроде бы дело.

Марина, верно, не вдруг уступила отцу, она сопротивлялась упрямо и довольно долго, но смутил ее брачный контракт, подписанный отцом и царевичем Дмитрием. Контракт ее ни к чему не обязывал. Помолвка помолвкой, а свадьба только после воцарения жениха на Российском престоле. А жених? В контракте так и записано: «А не женюсь — проклятво на себя даю». Эта клятва на нее очень повлияла, тем более, что к ней прилагалось головокружительное приданое. Дмитрий обязывался, став царем, выплатить Мнишкеу миллион польских золотых из Московской казны на уплату долгов и переезд в Москву, что спасет отца от разорения и позорного суда; она же сама, как царица, получит в удел Великий Новгород и Псков со всеми меньшими городами и всеми землями, им подотчетными, на вечное владение. В контракте Дмитрий недвусмысленно отказывался полностью от своих царских прав и на старейшие города и на их пятины, передавая даже суд в ее руки, соглашаясь даже с тем, что в этих землях возникнут католические монастыри и костелы.

И это было не просто клятвенное обещание в контракте, им подписанным, оно еще подтверждалось тем, что помолвка состоится только после принятия женихом католического вероисповедания.

Прочитав не единожды брачный контракт, Марина Мнишек определила так: пусть Дмитрий слишком приземист и чрезмерно широк в плечах, пусть нос его похож на стоптанный башмак, пусть подле носа большие бородавки, пусть взгляд его тяжел, а руки его, когда он гладит ее ножку, жестки, как неоструганная доска, а когда берет ручку для поцелуя, словно обхватывает обручем, пусть Дмитрий уступает

шляхтичу не только в пригожести, но и в манере держаться, в красоте речи, пусть, зато спасется отец от позорного суда, а она сама — царица российская да еще с вплетенными в ее корону двумя государствами: Новгородским и Псковским. В них найдется место для любимого шляхтича. Почетное и доходное. И он часто станет приезжать в Кремль, как ее управитель, она тоже будет нередко посещать свои вотчины, и они найдут время для любовных уединений.

Ну, а если Дмитрий не повенчается на царство, она, не нарушая никаких с ее стороны обязательств, повернется к нему спиной, и ее влекущие сейчас глаза станут холоднее льда.

Но вот так отчетливо мог все разложить по полочкам только посторонний человек, а не влюбленный до безумия, к тому же еще предвкушающий большую выгоду от помолвки для своего великого дела.

Богдан понял, что совершенно бессмысленно настаивать на своем, он лишь еще раз напомнил о главном:

— Царевич, если ты твердо решил бороться за свое кровное право, заруби себе на носу: ни наемники, ни шляхта не посадят тебя на престол, хотя я щедро снабжал тебя казной и продолжу снабжать, выделял солидную сумму для наемников и шляхты, но только поддержкой русских ратников, казаков и всего народа, всех сословий ты обретишь нужную силу и самую власть. К тебе перебежала уже пара десятков дворян, это — хороший знак. Жди теперь князей и бояр. Но если ты станешь их обижать высокомерием и пренебрежительностью к их нуждам, если наплевательски станешь относиться к обычаям и нравам русским, твое дело не будет стоить и понюшки табака. Сейчас же моими усилиями, усилиями моих помощников, каких я тебе уже называл, тебя ждет юг Руси, тебя ждет Путивль, где ты обустроишь свой главный стан, твердо встав на Северной земле, чтобы оттуда шагнуть в Москву.

— Спасибо тебе, боярин. Век не забуду, — поблагодарил Бельского Дмитрий Иванович, но не вспыхнули радостью его глаза, не вдохновилось лицо, он, по всему было видно, остался верен мысли, что только Польша и Литва смогут одолеть Годунова и восстановить справедливость. Он не доверял ни русскому боярству, ни русской рати, ни всему русскому народу.

Очень недовольный остался Богдан состоявшимся разговором. Сделал горький вывод: ускользает царевич из-под его влияния. Заметно ускользает. Еще раз возникла мысль, не плюнуть ли на все, но он вновь одолел искушение.

«Грех великий изменить завету Грозного!»

Да и не случайно повторяемое «боярин» манило. Сбудется его жгучее желание получить боярский чин, если воцарится на троне его законный хозяин. Возможен чин и слуги ближнего.

Не менее расстроил Богдана и генеральный совет, как называл его сандомирский воевода Юрий Мнишек, состоявшийся через несколько дней. Прибыли во дворец Мнишека его родственник кардинал Мациевский, краковский воевода Зебжидовский, доверенный литовского канцлера Льва Сапеги шляхтич Синявский (Бельский не знал, что именно он любим Мариной), князь Руженевский, представитель шляхтичей Львовщины, да еще избранные делегатами от шляхтичей почти всех воеводств Польши. И что поразило Бельского, царевича не позвали на этот генеральный совет.

Впрочем, его отсутствие недоумение вызвало у многих, и тогда воевода Мнишек пояснил собравшимся:

— Зачем будущему государю слышать наши споры? Я оповещу его о принятом решении. Его место сейчас рядом с Мариной. Рядом с невестой своей.

И еще он объявил, открывая генеральный совет, что папский нунций Рангони будет сам присутствовать на таинстве принятия в лоно Католической церкви Дмитрия Ивановича, и торжество это намечено на воскресенье.

— Через неделю после этого — помолвка. Брачный контракт уже подписан, — огласил он с гордостью и, сделав паузу, подчеркивая важность сказанного, продолжил уже деловым тоном: — Приступаем к суетным делам. Послушаем в первую голову шляхтича Синявского. Он прочтет нам письмо Льва Сапеги.

Письмо короткое, и уполномоченный литовского канцлера прочитал его одним духом:

— Я обязуюсь собрать на свои средства две тысячи конных ратников, содержать их впоследствии на свое жалованье и на своем довольствии при условии, что будущий русский царь примет католичество.

— Примет, как я уже имел честь объявить вам, — твердо заявил Мнишек. — Вопрос решен окончательно и бесповоротно. Пусть канцлер готовит конников.

Встал князь Руженевский.

— Я самолично встану в строй с несколькими сотнями шляхтичей. Конных.

Собравшиеся вдохновились. Один за другим поднимались выборные от шляхтичей с твердыми заверениями.

Пан Хилецкий:

— Мне наказ такой: от нашего воеводства — тысяча всадников при полном оружии.

Пан Струсь:

— Шляхта нашего воеводства составила список желающих идти с царевичем на Москву. Больше тысячи. Конные и со своим оружием.

Богдан складывал в единое все обещания, и получалась весьма внушительная рать. Будто не за престолонаследие схватка, а добрая война с Россией. Это вызвало недоумение. Как и то, что шляхтичи говорили только о том, какие выгоды получают они, когда помогут претенденту на престол: о жалованиях, о землях в Московии, о льготах на торговлю всеми товарами с малой пошлиной или вовсе без нее и ни слова о том, как примут сами россияне Дмитрия Ивановича, поддержат ли его или поднимутся против — они верили только в свою силу, верили, что только этой силой удастся царевича привести в Кремль, а за это будут они достойно награждены.

Один из шляхтичей даже предложил:

— С русским царевичем стоит заключить клятвенный договор, где записать все до самой мелочи. И пусть он подпишется прилюдно. И поклянется.

— Такой договор будет, — сразу же, не дав продолжить разговор на эту тему, заявил Мнишек. — Он уже подготовлен. Осталось прочитать его Дмитрию Ивановичу и подписать. Содержание его я не стану разглашать. Он есть и останется тайным. Одно скажу: кто пойдет с царевичем, обижен не будет. Не будет обижена и Польша.

Вот это новость так новость! Что? Дмитрий Иванович не знает о подготовленном договоре? Или не захотел о нем рассказывать? Если не захотел — весьма печально. Стало быть, он уже полностью в руках Мнишека.

«А я снова окажусь обойденным, — возмущался Бельский. — Я, главный организатор этого великого дела!»

В какой-то мере он окажется правым в этом худшем предположении. О сути договора же он так и не узнает. Ни теперь, ни после, когда Дмитрий Иванович воцарится. Бельский лишь станет удивляться, отчего в управление Мнишеку отдается смоленская земля и сам Смоленск, неприступная крепость, каменные стены которой обильно обгарены кровью русских ратников и обывателей. Ему будут непонятными и другие действия государя российского, явно не в интересах Руси, и он с разочарованием поймет, что все его старания не привели к желаемому результату.

В общем-то он понимал, что эта плата за помощь полякам, но какова ее цена, он так и не сможет оценить, сам же Дмитрий Иванович так и не обмолвится с опекуном о тайном договоре.

Новое сообщение, которое сделал краковский воевода и вовсе ввергло Богдана в уныние, совершенно выбив его из колеи.

— У меня в руках письмо низовских казаков Запорожья и Дона. Это ответ на призыв Дмитрия Ивановича поддержать его. Он, как видно из письма ответного, обещал казакам полную вольницу, если наденет на свою голову царскую корону. Они согласны принять подданство Московии и послали с заверением этого двух атаманов — Корелу и Межанова с пятью казаками...

Вот это — под самый поддых. Ничего Дмитрий Иванович не говорил о своих посланиях. Тоже мимо него? Не может быть. А Корела. Был же уговор не делать ему самовольных шагов. Отчего он нарушил этот уговор?

Николай Зебжидовский тем временем продолжал:

— Их арестовал сын киевского воеводы Януш Острожский и отправил под конвоем в Краков. Письмо же приказал начальнику стражи передать лично в руку коронному гетману Замойскому.

Все возмущенно загалдели:

— Какое он имел право?! Он никто! Он только сын воеводы!

— Он не видит, слепец, пользы для Великой Польши!

— Письмо русскому Дмитрию, а не Замойскому! Адресату и отдать.

— Я обнарудовал печальную весть эту, — переждав волну возмущения, продолжил краковский воевода, не просто ради того чтобы сказать. Мы говорим здесь о победах в Московии, но ни разу не вспомнили киевского воеводу князя Василия Острожского и его сына Януша. А я имею такие сведения: князь Януш арестовал атаманов и казаков не по собственной воле, а по приказу отца. Стало быть — законно. И еще я имею сведения, что князь Василий готовит для своего сына войско, каким будет перекрыт путь в Запорожскую Сечь.

«А Дмитрий туда и не пойдет, — с удовлетворением подумал Бельский. — Он поведет рать прямым ходом на Путивль. Войско Януша останется без дела южнее Киева».

Поднял руку кардинал Мациевский, и все примолкли. Он не встал, заговорил сидя:

— Пан Зебжидовский сказал верные вещи. Сын и отец Острожские — ярые противники похода в Россию. Они писали об этом самому королю. По большому счету они правы. Разве мы забыли бунт гетмана Косинского? Бунт атаманов Наливайко и Лободы? Если мы забыли, князя Острожские — нет. Они больше нас ведают, что Запорожская Сечь активно вооружается. Получается, они не против похода, они против последствий этого похода.

— У страха глаза велики!

— А что Сигизмунд, король наш?

— Король оставил их письмо без внимания. Но он не отпустил атаманов и казаков. Они же — послы! Зачем заедаться с казаками?!

— Думаю, отпустит. Пан Бельский, наш московский гость, будет принят королем Сигизмундом, и его усилиями они могут быть освобождены. Король подготовлен мною к этому.

«Молодец князь Вишневецкий, перебодал Мнишека, который никак не хотел моей встречи с королем».

Впрочем, предстоящая встреча с королем Сигизмундом Третьим и ожидалась Бельским, и пугала его. Вдруг Сигизмунд устроит ее торжественно, на уровне посольства, тогда ему путь в Россию заказан навсегда. Даже в своем Белом он сможет появиться только вместе с ратью царевича Дмитрия Ивановича.

Решил наедине поговорить с кардиналом Мациевским после генерального совета, поэтому, опасаясь, что тот может сразу же покинуть дворец Мнишека, попросил кардинала, не скрывая своего намерения от собравшихся:

— Я, пан кардинал, имею желание перекинуться с вами парой слов.

— Хорошо. Поговорим после совета.

Воевода Мнишек понял их желание встретиться наедине, и пока участники совета готовились к торжественному пиру, отвел оружничего и кардинала в уединенную комнату. Предупредил:

— Не слишком долго. Мы не начнем пира без вас.

— Я не останусь на торжество, — твердо заявил кардинал, — а пана Вельского непременно подождите. Мы постараемся быть предельно краткими.

Разговор и в самом деле продлился всего несколько минут. Когда Богдан высказал желание встретиться с королем тайно, канцлер даже обиделся:

— Король и его советники разве не имеют голов? — но сразу же взял себя в руки и заговорил мирно. — Лучше, пан оружничий, послушай, какое мнение у короля о походе в Россию и как влияют на него ясновельможные паны.

Основательно объяснил гостю сложную интригу, хотя почти ничего нового, кроме того, что он уже слышал от князя Вишневецкого, не уловил — борьба сторонников Дмитрия и противников идет жесткая. Противники, поначалу бравшие верх, теперь теряют позиции.

— Почему? Сигизмунд Ваза имеет надежду, посадив на московский престол Дмитрия Ивановича, с его помощью вернуть себе шведскую корону.

«Ого! Значит, война со Швецией ради Польши?!»

Но Бельский не перебил кардинала, который без паузы заговорил о средствах на содержание шляхты, собиравшейся в поход. Самый, по его утверждению, сложный вопрос.

— Если пан оружничий имеет казну для Дмитрия Ивановича, пусть скажет об этом королю нашему, Сигизмунду Третьему.

— Скажу.

— Думаю, пан оружничий сможет убедить короля отпус-

тить атаманов и казаков к Дмитрию Ивановичу и письменно упрекнуть князя Януша за самовольство?

— Я подумаю, как ловчее повлиять на короля Сигизмунда.

— Тогда мы закончим нашу тайную беседу. Пану оружничему остается ждать приглашения короля на аудиенцию.

Они учтиво раскланялись.

Долго Богдану ждать нет резона, ему следует поспешить с возвращением домой, но не сможешь же повлиять на волю короля. Настойчивость может испортить все дело. И Бельский собрался терпеливо ждать несмотря ни на что.

К счастью, за ним прислали дюжину шляхтичей уже через пару дней.

— Поспешим, пан оружничий. Нам добрый день пути. Велено не задерживаться.

— Раз велено, я готов.

А еще через день Сигизмунд принял Богдана в уютной беседке в глубине огромного сада. С королем находился только кардинал Мациевский. Сразу же заговорили о деле.

— Мне сообщили, что именно вы, пан оружничий, спасли жизнь законному наследнику престола московского, так ли это?

— Да. Я хорошо знал устремления Бориса Годунова и предвидел его коварство, а мне в духовной царь Иван Васильевич заповедовал опекать сына своего, вот я, свято исполняя царскую волю, продолжаю его опекать.

— Похвально. Верность и честь не могут не быть похвальными. Еще мне говорили, что вы готовите добрую встречу в законно принадлежащей ему державе и что снабжаете его казной, а в имении князя Вишневецкого даже выдали жалованье шляхтичам, желающим идти в поход на Москву?

— Да, я это сделал. У меня достаточно средств для поддержки царевича. Кроме жалованья шляхтичам, принятым по моему списку, я еще возьму на себя содержание отряда наемников до тысячи человек. И все равно, одной моей казны для подготовки похода маловато.

Пауза. Сигизмунд сделал вид, будто прикидывает в уме, на какую сумму ему раскошелиться, и вот его слово:

— Я тоже внесу достойный вклад. Четыре тысячи флоринов с доходов Самборских.

Более чем хитро. Вроде бы раскошелился изрядно, на самом же деле одним махом разрубил тугой узел тяжбы с должником Мнишеком. Все равно с него ничего не возьмешь, а списать на поход – выгодно: прослыл щедрым, не потратить из казны ни одного злого, одновременно спасти от суда Сандомирского воеводу, о котором печется уважаемый и очень полезный при дворе кардинал.

Вельский великим усилием воли сдержал ухмылку. Ему предстояло выволить Корелу, дразнить поэтому Сигизмунда он не имел никакого права. Он продумал убедительные фразы, играя на слове «низовские», какими именовали себя казаки, подписавшие письмо Дмитрию Ивановичу. И когда подоспело время замолвить слово за арестованных атаманов и казаков, Бельский с этого и начал:

– Коронный гетман Замойский неверно понял, какие казаки и их атаманы признали царем Дмитрия Ивановича и готовы присягнуть под его руку. Они не с низовий Днепра, они не из Запорожской Сечи, они – казаки Кром, Царева-Борисова, всего Северского Донца и низовий Дона. Об этих землях никогда у Польши с Россией не было разногласий. Я говорю это, потому что знаю Корелу. Он был моим подчиненным, когда я строил Царев-Борисов. Именно я привлек его на сторону претендента на престол. Повторяю: он из Кром и никакого отношения не имеет к Запорожской Сечи. А если юг Руси поддержит царевича Дмитрия, не легче ли ему будет с вашей помощью одолеть Бориса Годунова?

– Пан оружничий прав, – вставил кардинал Мациевский. – Я лично проводил розыск, откуда атаманы и казаки. Слова пана Бельского совпадают полностью с тем, что стало известно мне.

– Мы отпускаем арестованных, поблагодарив князя Януша Острожского и его отца за усердие. Он поступил разумно, заподозрив неладное. За это не наказывают, а поощряют.

– Я, если на то будет ваша королевская воля, заберу атаманов и казаков с собой.

– Да. Пусть они передадут свое письмо тому, для кого везли.

Король покинул беседку, Вельского вывели из сада, как и ввели – через потайную калитку.

Что дала эта встреча? Видимость поддержки. И то слава

Богу. Но самое главное ее значение – освобождение Корелы, с которым предстоял весьма серьезный разговор. Нельзя, чтобы он и впредь самовольничал. А то, что низовские казаки дали слово поддержать Дмитрия Ивановича, очень даже хорошо.

Атаманов Корелу с Межановым и их спутников отпустили в тот же день и передали из рук в руки Бельскому. Корела удивлен:

– Ты, воевода?!

– А то кто же? Прибыл спасать тебя от кола или виселицы.

– Так уж и – кол. Нас даже не пытали как следует.

– Не вмешайся бы кардинал Мациевский, да не оповести он меня, колами все бы закончилось. Ну, да ладно, не об этом сейчас речь. Едем в Самбор к сандомирскому воеводе Мнишеку. В его дворце Дмитрий Иванович. Готовится к походу. В пути обговорим, где вам лучше находиться. К своим казакам ехать, либо остаться при руке царевича.

Бельский оттягивал время серьезного разговора не случайно. Сам он определил так: Межанова с тремя казаками оставить при Дмитрии, Короле же ехать обратно в Кромы и готовить восстание, чтобы как только Дмитрий Иванович вступит на русскую землю, присягнуть ему сразу несколькими городами. Особенно важно, чтобы свершилось это в Царева-Борисове, доброй крепости. Но прежде он хотел поговорить с Корелой наедине и выслушать его мнение.

Разговор тот состоялся еще до отъезда в Самбор. Планы их оказались схожими, а казаков использовать для связи меж собой, поэтому Богдану оставалось лишь согласиться с Корелой, и все же он не удержался от упрека:

– Мы же договорились не самовольничать. Твой арест и возможная казнь дорого бы обошлись начатому делу. Помни это всегда. Береги себя ради торжества справедливости. Согласовывай каждый шаг со мной. В этом наш успех.

– Я понял, воевода. Не повторю больше ошибок.

– Дай руку.

Они как и прежде, в Царева-Борисове, крепко пожали друг другу руки, и это была их клятва верности, клятва мужской дружбы.

И уж после этого вопрос Корелы:

– Хлопко по уговору с тобой, воевода, выступил?

— Тебе могу открыться: да.

— Нужна ли ему какая помощь?

— Ни в коем случае.

— Но он может погибнуть?!

— Вполне. Но что наша жизнь? Разве мы с тобой не играем со смертью? Он сам предложил возглавить смуту, когда же я его предостерег о великой опасности, он ответил: что значит смерть нескольких сотен ради спасения десятков тысяч. Но я не упускаю его из вида, и в нужный момент протяну ему руку помощи, как протянул тебе.

— Ты верен, воевода, дружбе, за тебя можно и голову сложить!

— Не за меня. За спокойствие в Отечестве. За благополучие державы. Ну, да ладно, не станем уподобляться слезливым бабам. Наше дело — действовать. И главное, не только восстание в Низовье, но и подготовка к захвату Москвы. Я дам тебе знать, когда придет время, но ты это имей в виду. Вход в Москву Дмитрия Ивановича и станет торжеством наших устремлений. Все. Завтра с рассветом — в седла.

Царевич был обрадован и смущен, когда опекун привел к нему атаманов низовского казачества с верноподданическим письмом.

— Юг Руси! Казачество! Вот сила, на которую я обопрусь! Ты, боярин, мне говорил, — замылся царевич, ступешавшись, затем извинился. — Я не сказал тебе о своих призывных письмах не с умыслом, считая их малополезными. Как я ошибался! Слушая тебя, я тоже сомневался и о Путивле, и о Кромах. Теперь понял: сила моя в поддержке народа моего! Теперь я смело войду в пределы моей Руси, малая ли со мной будет рать или великая!

— Атаман Межанов с тремя казаками останется при тебе, государь, — сразу же сказал о своем дальнейшем плане опекун. — Ты переходишь границы своей державы, атаман Межанов шлет вестников атаману Кореле, и низовское казачество присягает тебе. Не забудь о и дворянине Григории Митькове. Ничего от него не скрывай, ибо его дело — слать вестников ко мне. Если нужно, то и с твоим словом. В моих руках все нити, связывающие всех твоих, государь, сторонников. Еще раз повторяю перед своим отъездом: не доверяй Мнишеку безоглядно. Принимай его помощь, но не привя-

зывай себя к нему путами. Помни, твоя победа в поддержке всеми сословиями твоей страны.

Понимал, что эти назидания запоздалые, что раньше следовало бы появиться в Польше, но прошлого не воротишь, а слово, сказанное при прощании, оставит все же какой-нибудь след, зацепится хоть коготком за душу.

С противоречивыми чувствами возвращался он в Белый. Вроде бы все худо-бедно устраивается с походом, но не так все ладно, как хотелось бы — слишком охомутил царевича сандомирский воевода, прельстив ко всему прочему красавицей дочерью. Одно успокаивало: повенчается на царство Дмитрий Иванович, иначе заговорит. Интересы державные возьмут верх.

А в вотчине его ждала совершенно неожиданная новость: ласковое слово царя и позволение возвратиться в Москву. В чине окольничего. Вестник от Годунова уже второй день как приехал в вотчину Бельского, и чтобы не беспокоился он, ему сказали, будто хозяин на охоте и вот-вот должен воротиться. Но умный и наблюдательный подьячий сообразил, что оружничий наверняка отлучился по каким-то своим тайным делам. Какая же охота, если псарня вся на месте, соколятники и сокольный дом. Еще более убедился в правдивости своего вывода подьячий, когда Бельский вернулся с так называемой охоты без обильной добычи, без борзых и гончих, без ловчих птиц, всего с тремя сопровождающими. Вроде бы путные слуги, но тоже не очень похоже. Отчего-то они, едва перекусив и сменив коней, поехали дальше. Куда?

Когда хозяин вотчины соизволил принять вестника из Москвы в комнате для тайных бесед, какие имелись во всех его усадьбах, подьячий подковырнул с ухмылкой:

— С добычей тебя, окольничий. С великой добычей.

— Не стоит ерничать, подьячий. И почему окольничий, а не оружничий?

— Оружничий — само по себе. Еще и — окольничий. Наш царь-батюшка велел тебе кланяться ласковым словом и звать в Москву. А чтоб ты не сомневался, одарил тебя еще одним чином. Облаготельствовал, так сказать.

С таким пренебрежением, с такой нескрываемой неприязнью произнес подьячий и «царь-батюшка», и «облагодетельствовал».

тельствова», что Богдан решил вызвать подъячего на откровенный разговор.

«Будь, что будет».

И вопрос в лоб:

— Тебе, похоже, насолил Годунов, если ты с такой неприязнью говоришь о нем.

— Тебе поболее меня насолил, — ответил вполне серьезно подъячий. — Иным другим тоже поболее моего. Да и вообще, обо мне ли речь?! — в голосе прозвучали вызывающие нотки. — Спроси, кто нынче его любит?! Только такие, как он сам. Трон под Годуновым расхлябался. Вот он и мечется. Князя Ивана Воротынского велел воротить в Москву, тебя вот и иных кое-кого из бояр, чтоб успокоить недовольных.

— А Сицких?

— Нет. Только выпустил из темниц, послав воеводить в Низовские города.

В Низовские? Хорошее подспорье. Придет время и им можно будет дать сигнал, чтобы через Корелу вышли на Дмитрия Ивановича.

— А Черкасские?

— Выпущены, кто остался в живых. В Казани они. Воевоят.

— А Романовы?

— Ты наверняка знаешь, оружничий, как Романовых, свойственников царского дома Мономаховой крови, подвел под опалу коварный. Если нет, послушай.

Конечно же, всю эту гнусную историю Вельский знал, но пусть подъячий расскажет еще раз. Глядишь, что-то новое узнается.

— Слушаю.

— У руки царской появился новый Малюта Скуратов, ловкач ковы строить. Семен Годунов. Безродный, как и сам царствующий ныне. Семен подсунил в кладовую боярина Александра Никитича мешки с какими-то кореньями. Вроде бы для отравного зелья на царствующего Бориску приготовленное. Обыск учинили. Несут те мешки к владыке Иову, зовут самого Бориса Годунова, для кого якобы яд собирались готовить, ну, а тому хитрецу коварному вроде бы ничего не остается делать, кроме как взять под стражу и Александра Романова, и всех его братьев. С женами и детьми малолетними. Ужас!

Вздыхнул тяжело, словно тот ужас с ним произошел, затем со скорбью в голосе продолжил:

— Все пять семей выслал. Мужей оковав, жен и детей раскидал на поселение или по монастырям распахал. Лишь Федора Никитича не упрятал в темницу, а постриг в монахи, определив ему Антониеву обитель. Никому из посторонних с тех пор в тот монастырь хода не было. Теперь смягчился. Федора, в монастыре Филарета, велел посвятить в архимандриты. Ивана Романова послал воеводить в Уфу, ну, а остальных его милость уже не нужна. Да, овдовевшей Марфе Никитишне позволил жить с сестрой и детьми Федора-Филорета в Клину, в вотчине Романовых. Сказывают, отрок Михаил Федорович растет зело добрым и смекалистым.

Крамольная речь. Но смело продолжает рассказывать подъячий о делах московских, не страшась доноса и пыточной. Или верит, что слушающий его так озлоблен на Годунова, что не донесет о сем разговоре, а на доброе отношение окольничего в будущем имеет надежду; или — провокация: вызов на ответную откровенность, после чего — донос царю.

Но чем больше вслушивался в явно противогодуновскую речь подъячего, тем Вельский все более понимал, что провокации не может быть.

Опасение, однако же, осталось, и он решил семью с собой в Москву не брать, хотя и оставлять ее здесь не собирался.

Жена, узнавшая, что мужа возвращают служить в Государевом Дворе, несказанно обрадовалась, велела собираться в путь и очень огорчилась, когда муж твердо заявил:

— В Москву со мной не поедете. Выбирай любое из имений. Лучше — восточнее Москвы. Борис коварен, ты это знаешь, а я не хочу подвергать вас опасности.

— Но почему восточнее? Если не ехать с тобой, останусь здесь.

— Не стоит. Тут скоро такое начнется. Опасно станет здесь. Поезжай в Никольское. Там тихо. Далеко от Москвы. Дружину боевых холопов я приставлю к вам более сотни. Будете под надежной охраной.

— Что ж, если ты велишь, поеду в Никольское.

Вот так всегда — безропотно подчиняясь воле мужа.

До самого Тушина ехали вместе, затем поезд их разделился. Семья с довольно длинным обозом в сопровождении

слуг и боевых холопов свернула на Дмитров, чтобы оттуда ехать через Владимир в Никольское, сам же Богдан с несколькими путными слугами и тремя параконками с самым необходимым в дороге, поспешил в свой Китайгородский дом. В Кремль не решился въезжать сразу, определив лучше всего прежде самому разобраться, что творится в Москве. Свериться, прав ли подьячий, говоривший о ненависти москвичей к Годунову, и не только бояр и дворян, но и простого люда.

Все подтвердилось. Москва злопыхала. Она была на грани бунта. В пересудах вспоминали все злодеяния царя, забыв обо всем, что сделал он для успокоения Руси хорошего, как умело отводил кровопролитие и на юге, и на западе, мирно решал многие спорные вопросы не мечом, а умным словом, дальновидным взглядом, и всегда в пользу Руси. Никто не вспоминал и о засечных линиях, возведенных его настойчивостью почти под самым Перекопом, чем ограждены были центральные области державы от татар-разбойников. Все хулили Годунова за то, что он поощряет наущничество и доносительство, принимая наветы слуг на своих господ за истину, карая дворян и бояр по этим наветам, даже не удосуживаясь расследовать, справедлив ли донос.

Говорили даже, будто он сам подбивал слуг, подкупая их, составлять наветы на неугодных ему дворян и бояр.

И еще узнал Богдан, что государь тяжело болен и что дни его сочтены. Он даже подумывал, не повременить ли с появлением в Кремле, однако, поразмыслив, решил не избегать встречи с Борисом. И сделал правильно.

Саму встречу нельзя назвать дельной. Пустопорожняя она. Ни единым словом Борис не обмолвился о своих делах и заботах, не попросил ни совета, ни помощи. Объявил о чине окольничего и упрекнул, отчего не привез семью в Москву. В общем все прошло так, будто Бельский заглянул на огонек между делом посудачить о пустяшном. А он ждал хотя бы слова о Хлопке, который, первым разграбив его имения, и теперь заметно беспокоит Москву. Но и о нем — молчок. Но для себя Богдан Бельский эту встречу посчитал хоть немного, но полезной. Перво-наперво — радость, что обстоятельства вынудили царя-батюшку сделать вид, будто никакой опалы не было, никакого позора ему, оружнику, не

нанесено, а это очень важно, но главное — убедился воочию, насколько болен Борис. Лицо землистое. Даже жутко на него взирать. Нос заостренный, словно царь уже покойник. Не жилец он на белом свете. Вот-вот предстоит его отпевать.

С какой радостью!

Важней всего, со смертью соперника легче станет Дмитрию бороться за престол. Федор, сын Годунова, далеко не отец, хотя тот из всех сил старался сотворить из сына себе подобного, но ничего у него не получилось. Не жестокосердный Федор и не коварный. Видимо, в мать пошел.

На правах возвращенного к своей должности Богдан направил стопы к тайному дьяку, готовя ему упрек.

— Что же это ты? Ни одной отписки в Белый не прислал?

— Не обессудь, оружничий. Царь-государь оттеснил законный сыск своим сыском, какой ни в какие ворота не влезет. Похлепце покойного Грозного, мир праху его, ломит. Не казнит, правда, зато измором давит, ядами травит. За мной в два глаза глядел. Точнее будет — в четыре. Сам он и Семен Годунов, ставший царской ищейкой.

— Оправдания всегда найдутся. Только я должен отстранить тебя от должности, поскольку сыск бездельничал и бездельничает.

— Воля твоя, оружничий. Только не сидел я сложивши руки, а труса спраздновал.

— Скорее махнул на меня рукой, как на пропащего. Мол, не воротится больше в Кремль, что с ним, опальным, якшаться?

— И это было. Каюсь. Но если забудешь грех мой, пригложусь еще я тебе не единожды.

— Ладно. На первый раз оставлю без внимания. Выкладывай все, без утайки.

— О Хлопке, наверное, в первую голову хочешь знать?

Не сказал — об изменнике, и это насторожило Бельского: знает или догадывается о правде?

— Обо всем хочу знать. Но можешь начать с бывшего моего воеводы, мне изменившего коварно.

Хитринка сверкнула в серых, почти бесцветных глазах тайного дьяка и тут же потухла, но оружничий уловил эту мимолетную искорку.

«Бестия! Все знает!»

— Стан его в Озерках. Верстах в двадцати пяти от Звенигорода, если держаться на Истру. За болотами. Предатель у него завелся. Годунов готовит охоту загонов. До тысячи стрельцов. На сей раз не только пеших, но и конных. День выхода стрельцов определен: ровно через две недели.

Много еще интересного и полезного рассказал тайный дьяк своему начальнику, тот слушал его со вниманием, но мысли невольно кружились вокруг одного — как спасти Хлопка? А спасать его нужно во что бы то ни стало.

В тот же вечер Богдан снарядил под видом убогих богомольцев двух верных слуг, чтобы шли они к Хлопку разными дорогами. Велел передать верному другу о готовящемся окружении Озерков и совет распустить за оставшиеся две недели весь отряд, самому же укрыться в Приозерной усадьбе. Туда же по одному или попарно пусть просачиваются и боевые холопы.

Бельский ждал ответа через неделю и дождался. Но он оказался не таким, на какой рассчитывал Богдан: запылали терема Семена Годунова в усадьбе близ Коломенского, затем еще и еще. Только царских сторонников. Да так стремительны были налеты, будто ратники-повстанцы Хлопка перелетали от усадьбы к усадьбе по воздуху с помощью могучих крыльев.

Нет, не крылья имели повстанцы могучие, а дух. В каждой усадьбе они меняли коней, сами же не ведали усталости.

А получилось все так: когда Хлопка, не называя имени Бельского, объявил о полученных сведениях от опекающего их высшего чиновника Государева Двора о готовящемся окружении и о совете того чиновника за оставшиеся дни рассеяться по областям русским, в ответ услышал:

— Мы не свершили своей главной мести!

Это заявил ближний слуга Федора Романова, и гул одобрения поддержал его — все боевые холопы бояр и князей, с которыми коварно расправился Годунов, примкнули в свое время к отряду Хлопка, увеличив его более чем вдвое, теперь заявили свою волю: не разбегаться, а начать более решительно и целенаправленно действовать.

— Мы не зайцы, чтобы прятаться под лапами елей.

— Да, мы погибнем. Но не здесь, в Озерках, обложенные как дикие волки, а в открытой сече, но прежде пошерстим

подручных Годунова, а затем пойдем на Москву. Смотришь, и самого изверга достанем!

— Веди нас, Хлопка! Иль ты в бега желаешь? В кусты?

— Нет. Я не оставлю вас, хотя мне очень важно остаться живым. Не ради себя. Одно скажу: каждый волен в своей судьбе. Кто имеет желание покинуть стан, пусть идет своей дорогой. Мы не осудим.

Ни одного не нашлось, кто бы покинул отряд.

О предателе среди них Хлопка промолчал. Не оттого, что забыл. Осознанно. Боясь той всеобщей подозрительности, какая хочешь или нет, а возникнет и разрушит истинное единство отряда, снизит боевой дух. Но сам он понимал, что совсем скоро сказанное здесь о мести прислужникам Годунова, а затем и о налете на Москву станет известно Кремлю, поэтому действовать нужно быстро и решительно.

В Москву, конечно, не пропустят отряд, устроят засаду, ну а погулять по поместьям и вотчинам можно успеть.

— Тогда так, други мои ратные, через час — в седла. Идем на Семена Годунова.

Все так и сложилось, как предполагал Хлопка. Разгромив более дюжины подмосковных имений сторонников Годунова, повернул отряд на самою Москву, понимая, как бурлит она, и если удастся в нее прорваться, поддержка будет добрая. На их сторону тут же переметнутся обыватели победнее, слуги опальных дворян и бояр, ставшие нищими, ибо никто не смел брать их к себе на службу. Не станут препятствовать даже дворяне и бояре из противников Годунова. Но кто при царе, тот готовится к обороне своих домов, а Разрядный приказ если еще не выслал стрельцов навстречу мятежникам, то вот-вот вышлет.

Точно. Верстах в пятнадцати от стольного града лазутчики известили: в Сухом Логу — засада.

— Тысяч до трех стрельцов. Пеших. Пищали, почитай, у каждого.

— Что ж, последний и решительный. Нас втрое меньше, но наш дух вдесятеро крепче. К тому же мы не пойдем на засаду. Пусть стрельцы идут на нас. Укрепимся вон на том холме.

Стрельцы, не предвидя такого хода от хлопковцев, дали им время окольцевать себя поваленными друг на друга де-

ревьями. Получилось хорошо. Как за крепостной стеной, хотя низкой и жидкой, но все же — помеха для атакующих.

А стрельцы в это время ожидали, когда же Хлопко со своим отрядом угодит к ним в мешок. Их лазутчики, увидя издали повстанцев, доложили, что вот-вот появится атаман, засада затаилась, но миновало несколько часов, а никто не появлялся. Поначалу стрелецкие головы рассудили, что на привал остановились, но в конце концов они сообразили, что засада обнаружена. Послали дозоры лазутчиков, а когда те доложили о возникшем своеобразном гуляй-городе на угоре, начали кусать себе локти.

Оставалось одно — штурмовать. Раз прошляпили малокровную победу, теперь неволя идти на самопалы.

Хорошо бы сейчас ударить по угору из пушек, но их нет. Не посылать же за ними.

А почему бы и нет? Полдня, и они прибудут.

Время шло. Одни укреплялись основательней, другие готовились как можно меньшей кровью взять то укрепление. И так до самой до ночи. Ночью же Хлопко сделал вылазку. Весьма удачную. Из повстанческого отряда погибла лишь дюжина, да ранено десяток, стрельцов же полегло сотни полторы, не успевших как следует проснуться. Но не менее важно — привели в негодность прибывшие к стрельцам пушки, захватив с собой весь запас зелья огненного. Лишили такими образом штурмующих их важного преимущества.

— Вот теперь поняли служаки годуновские, что не сосунки перед ними, — гордились успехом повстанцы. — Намяли бока. Намнем и еще!

Воевода Хлопко тоже рад удаче, хотя и понимал: теперь стрельцы полезут на штурм остервенело, дабы отомстить за погибших товарищей.

За новыми пушками стрелецкие головы больше не посылали. Позорным посчитали признаться в своем ротозействе, что проспали полученные, лишь попросили конную поддержку.

Ждать ее, однако, не стали. С рассветом пошли на штурм. Так называемым перекатом. Одна шеренга стреляла, вторая в это время делала рывок вперед, третья к тому моменту подготовившись к залпу, выходила перед первой. Теперь время первой для рывка. Вторая, лежа, заряжала самопалы, рубеж для залпа занимала четвертая, и вот так ру-

беж за рубежом, не давая непрерывными залпами вольно встречать штурмующих ответным огнем, стрельцы упрямо приближались к заветной цели. Потери, конечно же, несли, ибо обороняющиеся все же отвечали огнем, хотя и не таким дружным, но у них убитых было значительно больше.

Вот и рукопашная. Тут злости и отчаянности больше у обороняющихся. Они не дают стрельцам перемахнуть через сучкастые деревья, рубят сплеча, крикая, и штурм, казалось, вот-вот захлебнется, увы, к стрельцам подоспела подмога. Конная. И великая.

Еще ожесточенней рубятся повстанцы, но вода мельницы ломает. Слишком много стрельцов, и они постепенно берут верх. Часа через два сеча затихла. Весь холм усеян трупами оборонявшихся и штурмовавших. Кучка израненных повстанцев в руках у стрельцов.

Москва встретила победителей хмурым молчанием, зато Кремль — звоном колоколов. Сам государь хотел выйти на царское крыльцо, но доктора не пустили. Семен Годунов передал ласковое государево слово, объявив:

— Всем по гривне. Семьям сложивших головы в сече с бунтарями — по две. А этих, — указал на плененных повстанцев, — казнить.

Либо царь Борис на сей раз отказался от своей клятвы, либо самовольно распорядился Семен Годунов, но как бы то ни было, всех захваченных в плен казнили прилюдно на Красной площади. Вешали. Четвертовали. Колесовали.

Оружничий послал своих слуг на площадь поглядеть, нет ли среди несчастных воеводы Хлопка, и вернувшиеся сообщили:

— Его на площади нет. Значит, погиб в бою.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Первая весть из Польши, с нетерпением ожидаемая, обрадовала и вселила надежду: царевич выступил в поход. Невесту с собой не взял. Впрочем, она и не настаивала, благосклонно согласилась приехать, когда закончатся все баталии.

Богдана это вполне устраивало. Пусть хитрит панночка Марина, пусть желает подороже себя продать, это не столь важно, важно другое — католички нет в царском обозе, вер-

ней, в специальном поезде, сопровождаемом множеством слуг и доброй охраной. Не насторожит ничто православных, поэтому успех царевича более предсказуем.

Но известия из стана Дмитрия Ивановича не только обрадовали, но и добавили хлопот. Теперь нужно поворачиваться поживей, опираясь не только на обретенных прежде друзей, но и обзаводиться новыми сторонниками. И тут важно не ошибиться. Сделай самый малый неверный шаг, на сей раз царь не ограничится ссылкой. Прежде чем умереть самому, закопает его в могилу.

Десятки вариантов прокрутил в голове Богдан, и не один не выглядел без погрешностей. Тех, кому можно довериться без оглядки, Годунов не возвратил в Москву, хотя и выпустил из темниц. Очень большую роль могли бы сыграть Сицкие, которых послал государь на воеводство в Низовские города. Но к ним нужно ехать либо самому, либо послать кого-то, кто бы не был ниже их по знатности. Они капризны. Ревниво оберегают свое родовое место. Не побоялись даже заявить о своем несогласии Грозному, когда тот определил Бориса Годунова местом выше их.

Выбор посланца к Сицким невелик. В Москве таких раз два и обчелся. Самый подходящий для этой миссии – князь Иван Михайлович Воротынский. Со всеми Сицкими он на дружеской ноге, сам, продолжая дело отца, возглавлял пограничных стражей до своей опалы. Теперь урок вернулся к нему. Он вполне, не вызывая никаких подозрений, сможет побывать вроде бы с проверкой во всех Низовских городах.

А если князь согласится, можно еще и связать его с атаманом Корелой для объединения усилий.

Первый разговор – мимоходом. В Кремле. Богдан подошел к князю Воротынскому, увидев его одного.

– У меня есть серьезное к тебе слово.

Иван Воротынский пристально поглядел на Бельского, пытаясь понять, чего ради заговорил оружничий с ним, явно выждав, когда возле никого нет. Да, он тоже перенес опалу, но сыск, он и есть – сыск.

– Что за слово?

– О Дмитрии Ивановиче.

Воротынский недоуменно пожал плечами, ничего не ответив. Тогда Богдан предложил:

– Послезавтра в Шукинской пойме встретимся. Ты сам по себе выедешь на соколиную охоту, я сам по себе. Встреча случайная. А разговор уж точно без чужих ушей.

– Хорошо.

Князь Иван сдержал слово. И вот они – наедине. Вроде бы пошли прогуляться после обильного совместного ужина. Вышли на поляну близ берега поймы, чтобы никто не смог их подслушать, и Воротынский попросил:

– Ну что, говори свое слово.

– Оно длинное. Можно сказать, от сотворения.

– Тогда нам сподручней не выпаливаться на поляне. У Годунова, тебе ли не знать этого, соглядатаи за всеми дворянами и боярами, а за нами, опальными, тем более.

– Подойдем к берегу. Тростники укроют нас, мы же будем видеть, если кто попытается приблизиться.

– Добро.

Бельский не утаил от князя Ивана ничего. И о подмене рассказал, и о поездке своей в Польшу. Даже о Марине Мнишек не умолчал. Затем предложил:

– Встань со мной плечом к плечу. Пособим торжествовать закону.

– Борис – изверг рода человеческого. Я его ненавижу. Но могу ли я забыть о казни отца моего Иваном Грозным?

– Понимаю, забыть невозможно, – сочувственно согласился Богдан, будто он к той казни не приложил руку вместе с дядей Малютой Скуратовым, но не каяться же теперь. – Только помазанник Божий подсуден лишь одному Господу. И потом... Отвечает ли сын за отца? Нет. И еще. Не поддержи мы Дмитрия Ивановича, тронем великой державы завладеют безродные Годуновы, и ваш род корня Владимира Великого станет холопствовать под игмом безродных. А что Годуновы жестокосердны, нам с тобой известно хорошо.

– Ладно, скажи, каким ты намерен оделить меня местом? А я подумаю.

– Тебе сподручно поехать в Низовские города. С проверкой. Не минуешь и тех, где воеводят Сицкие. Поведешь им всю правду о Дмитрии Ивановиче, настроишь их на поддержку. А дальше – по твоей воле. В Кромах готовит мятеж, как только царевич вступит в пределы Руси, атаман Корела. Найдешь нужным, повидеешься с ним для согласования

действий. Оттуда, тоже по своему желанию, либо в Москву воротиться, либо подашься под руку Дмитрия Ивановича. Но прежде чем ехать, если решишься, обрети сторонников среди бояр и князей. Пусть и они едут встречать законного наследника. Кто не захочет к нему в стан, пусть здесь вносит свою достойную лепту. Обо мне можешь сказать только тем, кому вполне доверяешь. Пусть они со мной объединятся.

— Я подумаю. И скажу в удобное время свое слово.

— Нам больше нельзя вот так уединяться.

— Конечно. Через слуг. Не посвящая их ни во что. Нам каждое слово понятно друг другу, им — нет.

— Принимается. Пошли в стан. Долгонько мы наедине. Годунову непременно донесут о нашем уединении.

И в самом деле, на следующий же день Семен Годунов доложил царю Борису:

— Богдан Бельский и Иван Воротынский встретились на охоте. Будто случайно, ибо выезжали всяк по себе, но там соединились, затем, укрывшись в тростнике, о чем-то долго беседовали.

— О чем-то? Это — не доклад.

— Подслушать их не удалось. Но можно выпытать.

— Они вольны выезжать на охоту. Вольны встречаться с кем угодно и когда угодно. Ты так устрой, чтобы я знал не только каждый их шаг, но и каждое слово.

— А не лучше ли покончить со всеми твоими недоброжелателями? Без лишнего шума?

— Ты хочешь бунт в Москве? Воротынский и Бельский не обыватели незнаемые. Ловчей работай, а не предлагай топор рубить!

А день спустя тайный дьяк предупредил Богдана, своего начальника:

— Не шей, оружничий, белыми нитками. На незаметную ткань — незаметные нитки.

Бельский вполне оценил добрый жест тайного дьяка и через слуг предупредил князя Ивана Воротынского, что за ними установлен особый контроль.

Князь Иван не ответил, и это весьма огорчило. Зато очередная весть из Польши ободрила. Смелостью и решительностью Дмитрия Ивановича. Он мог бы воздержаться от похода, ибо ни Сапега не исполнил обещание, ни паны Хилец-

кий и Струсь. Да и сам Мнишек вдруг заколебался. Но соотношение сил было на стороне царевича Дмитрия, и он пригрозил выступить с одними казаками и пятигорцами, которых собралось под руку царевича более трех тысяч. Под рукой же воеводы Мнишека, хотя и избранного главнокомандующим армией царевича Дмитрия, чуть более тысячи: пятьсот пехотинцев и пятьсот восемьдесят гусар. Основательно поддерживали настойчивость царевича и те две сотни дворян и бояр, которые к тому времени прибегали из Руси, признав Дмитрия Ивановича законным наследником царского престола.

Итак, Дмитрий Иванович выступил, имея намерение, переправившись через Десну, начать наступление на первую приграничную крепость — Монастырский острог.

У Днепра — задержка: князь Януш Острожский угнал все суда и паромы с днепровских переправ. Что делать? Ладить плоты, займет очень много времени, потребует и не предусмотренных средств, и царевич решает обратиться к православному киевлянам с просьбой помочь ему. В Киеве давно признали Дмитрия Ивановича наследником и откликнулись на просьбу с большим желанием. В отписке дворянина Митькова так и сказано: «Для перевоза войска нашего через реку Днепр тые же мещане киевские коштом и накладом своим перевоз заготовавши».

Богдан трижды перечитал эту строку, ибо в этой бескорыстной поддержке православных киевлян он увидел знак того, как отнесется к царевичу вся православная Русь.

Через два месяца (очень медленный темп) армия Дмитрия Ивановича сосредоточилась на берегах Десны, готовая вступить в пределы Русской державы. Весть эта добежала до Москвы удивительно быстро, Бельский же, получивший очередную отписку Митькова, тут же отрядил гонца к атаману Кореле.

Он досадовал, что молчит князь Иван Воротынский, искал новых сообщников, но не очень успешно. Несколько раз пытался приблизиться к Петру Федоровичу Басманову, не открывая ему всего, как князю Воротынскому, но тот, похоже, выжидал. Не ладился разговор и с Федором Ивановичем Мстиславским. Уж кто-кто, а этот князь более всех должен был ненавидеть Бориса. Так оно и было. Князь Мстислав-

ский признался в этом Вельскому, но перекинуться на сторону Дмитрия наотрез отказался.

— Я целовал крест Борису. Как нарушу клятву?

— Но он же коварством захватил трон. Дмитрий — законный продолжатель династии Рюриковичей.

— Если даже так, хотя я имею право сомневаться, не Лжедмитрий ли рвется на престол, все равно я не в силах нарушить клятву, подтвержденную целованием креста.

Богдан даже решился на рискованный шаг и рассказал ему о подмене, им проведенной, Мстиславский вполне поверил, но все же еще раз подтвердил:

— После кончины Годунова-царя я — слуга Дмитрия Ивановича.

Вот и весь сказ. Выжидают князья бояре, боясь просчитаться. И когда Богдан уже отчаялся собрать вокруг себя крепкую основу для решительного противодействия Годунову, подал знак князь Иван Воротынский. Всего несколько слов: «Разрядный приказ посылает меня в порубежные города на Северский Донец и низовье Дона».

Воспрял духом Бельский. Поднимется Низовье, едва Дмитрий Иванович переправится через Десну.

А он уже на русской земле. Сандомирский воевода, избранный главнокомандующим, по своему, конечно, желанию, войска царевича Дмитрия, решил начать наступление очень осторожно. С перестраховкой. Он приказал атаману казаков и семиградцев Белешко идти прямоезжей дорогой к первой русской приграничной крепости Монастырскому острогу, сам углубился в лес для, якобы, обходного маневра, на самом же деле переждать в лесной чащобе, чем закончатся переговоры казаков с гарнизоном и жителями Монастырского острога. В случае явной неудачи, как он для себя решил, вернется со своими наемниками и шляхтой обратно в Польшу под предлогом неподготовленности похода.

Но первый шаг — удачен. Казаки беспрепятственно подошли к крепости, и посланный атаманом Белешко сотник, подъехав в самой стене, передал на конце пики письмо-воззвание царевича.

И хотя воеводы Лодыгин и Толочанов начали было организовывать оборону, но город и даже гарнизон не подчини-

лись им. Их связали и выдали казакам. Город изъявил желание присягнуть царевичу Дмитрию Ивановичу как государю.

Принять, однако же, присягу Дмитрий Иванович смог лишь через несколько дней, когда престарелый и слишком осторожный воевода Мнишек выкарабкался со своими ратниками из болотистых чащоб на дорогу.

Следующая крепость — Чернигов. И вновь Мнишек не спешит, хотя царевич начал раздражаться и требовать решительности. Ему донесли, что к Чернигову спешит воевода Петр Басманов, чтобы возглавить оборону крепости. И он наверняка бы опередил Мнишека, если бы сам Дмитрий Иванович не поторопился с воззванием к черниговцам. В нем он сообщил, что Монастырский острог присягнул ему как государю Русскому и просил последовать этому благородному примеру.

Чернигов взбунтовался. Особенно за Дмитрия горой стояли посадские. Воевода князь Татев заперся в детинце с верными стрельцами, готовясь дать отпор восставшему посадному люду. Те, не теряя времени, послали гонцов к атаману Белешко, который шел на Чернигов передовым отрядом, медленно, как и вся армия, но получив просьбу о помощи, он, даже не доложив Мнишеку, понесся с ратью к городу, опередив тем самым воеводу Басманова с его стрельцами.

Детинец встретил было казаков огнем рушниц, но в самом детинце нашлись те, кто готов был встретить казаков Дмитрия Ивановича хлебом и солью. Ворота открылись, и после короткой сечи с упорствующими город пал.

Воевода Петр Басманов, извещенный о падении Чернигова, повернул рать к Новгороду Северскому и, получив целую неделю времени, какую любезно предоставил ему Мнишек своей медлительностью, подготовил город к обороне. Его силами гарнизон Новгорода Северского значительно усилился за счет московских стрельцов, дворян Брянска, верных Годунову казаков Трубчевска и других ближайших селений. Теперь защищать крепость готовы были полторы тысячи ратников, и когда казаки Белешко подступили к стенам, город встретил их дружным огнем.

Ни о каких переговорах, ни о какой добровольной сдаче Новгорода Северского речи не могло пойти, и казаки реши-

ли штурмовать, не ожидая наемников и шляхтичей. Увы, полная неудача. С приличными жертвами.

Узнав, что штурм отбит, а миром город не сдастся, Мнишек остановил войско свое в поле и два дня обсуждал с наемниками и шляхтичами возможность штурма. Наконец решились осадить Новгород Северский.

Еще несколько дней проторчали у крепостных стен, готовя штурмовые лестницы. Войско Дмитрия Ивановича не имело стенобитных орудий и вообще ни одной пушки, ибо расчет был на бескровные победы, вот и пришлось полагаться только на лестницы. И вот, наконец, начался штурм. Вялый. Не стремительный бросок, чтобы быстрее преодолеть простреливаемое пространство, а так — трусцой. Как тут не встретить залпами?

Залп. Второй. Третий. Около полусотни штурмующих легли перед стенами. Наемники тут же отступили, шляхта тоже попятилась, стараясь не отстать от наемников. Отступить вынуждены были и казаки.

Обо всем забыла распоясанная вольница шляхетская: о присяге, о мечте войти с торжеством в Москву, о землях дарованных, о приличном жалованье и чинах, одно слово витало пока что вполголоса меж шляхтичами — домой. Сникли и наемники. Их никак не устраивала смерть под стенами какой-то захудалой крепостицы.

В пролом готовы кинуться, и тогда смогут показать, какие они ловкие и смелые рубаки.

Дмитрий Иванович тоже сник. Ему бы взбодрить своих ратников, вернуть им решимость и боевой дух, а он, скучившись, не выходил из своего шатра. Не вмешивался в разгоравшиеся споры между наемниками, шляхтой и казаками и престарелый воевода Мнишек, тоже, похоже, не нюхавший прежде пороха и не знавший, что же предпринять. И получалось так, что вот-вот возьмет верх мысль об отходе от города и даже возвращении домой.

Наслушавшись споривших, на свой совет собрались перебежавшие к царевичу Дмитрию дворяне из Москвы и других русских городов. Не о штурме у них речь (что они могут сделать по малочисленности своей), а о том, какие меры принять в этот критический момент, дабы не лопнуло все, как мыльный пузырь. Много предлагалось, но тут же отвер-

галось. И тогда молчавший до этого Григорий Митьков встал.

— Я скачу в Путивль. Поднять там мятеж. Предлагаю по доброй воле скакать с моим посланцем к атаману Кореле в Кромы, — дав осмыслить сказанное, спросил: — Кто со мной? Кто в Кромы?

Желающих хоть отбавляй. Митьков выбрал двоих для себя и две пары, чтобы те порознь скакали в Кромы.

— Возьмем с собой по паре заводных коней. Сейчас все решают не дни, а часы.

Отчасти он был прав. Мятеж назревал. Вот-вот шляхта и наемники плюнут на все и покинут воинский стан. Но тогда и Мнишкеку здесь нечего делать. Тогда он потеряет все, о чем мечтал, на что надеялся: дочь — царица великой державы, владычица Пскова и Новгорода со всеми их необъятными землями; свое управление Смоленском с половиной доли короля Сигизмунда — всему тогда конец, впереди полное разорение и суд, как над казнокрадом. Воевода позвал в свой шатер друзей своих, полковников Адама Жулецкого, Адама Дворжецкого и сына своего Станислава, который по воле отца командовал гусарской ротой. Вопрос один: как предотвратить мятеж?

Жулецкий и Дворжецкий жмут плечами, зато Станислав заговорил откровенно:

— Отец, мы не в силах изменить настроение наемников, пока не появятся в нашем стане стенобитные орудия. Нужно пообещать их. Допустим, через неделю. Что же касается моей роты, она не поспешит домой. Гусары слушают меня. Но даже я не удержу их, если не появятся в твоей армии, отец, стенобитные пушки.

— Объявить о стенобитных орудиях я объявлю. Пообещаю их, как ты советуешь, через неделю, а от москалей, что сучились вокруг князька Дмитрия, потребую доставить их во что бы то ни стало!

— Верно! — подал голос полковник Жулецкий. — Обещали москвиты, что все крепости по доброй воле станут открывать ворота, а встречают нас рушницами и пушками. Они нарушили договор, а не мы собираемся его нарушить.

— Не то слово, пан полковник! — с явным раздражением остановил Жулецкого Мнишек. — Ты повторяешь слова наемников, слова трусливых шляхтичей...

— Я только здесь, в этом шатре.

— Нельзя не то, чтобы говорить. Нельзя так думать. О стенобитных пушках могли бы позаботиться мы сами. А то, на Москву! На Москву! С голыми руками? С одними саблями? Храбрые, когда в руке кубок вина! Принимайте меры, паны полковники, остужайте горячие головы. Не сможете, я поставлю на ваше место других. Как поставил вас по дружбе, так и уберу. Вы поступаете не как друзья, а как недруги. Поймите, возвращение домой — это позор! Страшный позор! Идите к своим подчиненным, я иду к князю московскому.

В шатре царевича у Мнишека иная поза, другой тон, другие слова. Мнишек подобострастен перед будущим царем.

— Пришел я, государь, с докладом к вашей милости...

— О чем доклад? — спросил Дмитрий Иванович, и Мнишек отметил, что от бывшей растерянности нет и следа.

Он не знал о решении дворян из окружения царевича о том, что Дмитрию Ивановичу уже доложили о принимаемых мерах, поэтому весьма удивился. Царевич меж тем продолжил:

— О бунте наемников и шляхты? Я это знаю. И я готов сказать им — скатертью дорожка. Мне присягнул Монастырский острог, мне присягнул Чернигов, присягнут и другие города. Пока же со мной останутся мои казаки, которых не убывает, а прибывает. Заметно прибывает. Но я вправе буду признать недействительными все наши договора.

— Государь, так с людьми теми, кто так рьяно помогал и помогает вам, не поступают. Обязите своих дворян раздобыть несколько стенобитных орудий, и мы покажем, какие мы воины.

— Попробую.

Прошло, однако же, несколько дней, пушки не появлялись, о них даже перестали вести речи, и тогда вновь забузила шляхта, а ее тут же поддержали наемники. Ни главнокомандующий Мнишек, ни полковники, ни командир гусарской роты ничего не могли поделать. Наемники и шляхтичи начали сборы к отъезду домой. Обозы погружены. Вечерний пир перед дорогой и с рассветом — в путь. Но до рассвета все переменялось: прискакал вестник от дворянина Митькова к царевичу с великой радостью:

— Путивль присягнет тебе, царевич! Воеводы повязаны и

будут переданы в твои руки. Дворянин Митьков, дьяк Сутупов и их друзья держат город в руках, ожидая твоего приезда.

Пир горой. Особенно начали бахвалиться шляхтичи: знают, стало быть, силу польского воина, понимают, что устоять против этой силы не смогут, вот и сдают крепость за крепостью.

Казаки собрались было намылить шею трусливым хвалбушам, но атаман Белешко пригрозил:

— Выгоню вон из стана. Поганой метлой! Вы дело делаете, а не перечтете пустословия!

— Да мы не всерьез хотели, а остепенить. Ладно. Не станем.

Утром армия под началом Мнишека тронулась по дороге в Путивль, а уже на полпути их настигла еще одна не менее радостная весть: на сторону Дмитрия Ивановича перешел Рыльск, восстал Курск; а вскоре армию догнала еще одна радость: на сторону царевича перешли Кромы и вся Кромская волость.

Город за городом присягали царевичу. Очередь дошла и до Царева-Борисова, который Годунов считал самым верным своим оплотом, восстала Орловщина — юг Руси ускользал из царских рук.

Все это не могло не радовать оружничего, кому вести поступали отовсюду с завидной поспешностью, но он все более и более начинал осознавать, что до полной победы царевича ой как далеко. Разрядный приказ, спохватившись, начал сосредотачивать крупные ратные силы в Новгороде Северском, готовя решительное сражение с войском царевича, и этот бой может коренным образом повлиять на ход дальнейших событий. Более того, круто изменить их не в пользу претендента на престол. Тем более, что сил у Дмитрия Ивановича под рукой маловато — всего около сорока тысяч, у Басманова же и иных воевод почти шестьдесят. Вот-вот армии встанут друг против друга, а Бельский, как ни старался, изменить сложившееся положение не мог.

И тут, как говорится, сам Бог ему помог. В его кремлевский дом пожаловал подъячий из Сыска. Обращается с поклоном:

— Не обессудь, оружничий, тебя просит к себе тайный дьяк. Говорит, дело весьма спешное.

— Передай, следом за тобой иду.

Тайный дьяк встретил Богдана краткой фразой:

— Садись, оружничий. Слушай.

Как с подчиненным. Странно. Ну да ладно. Послушать можно. Судя по тому, как ведет себя, у него весьма важная новость.

Уж куда важней.

— Троих иноков послал царь в Путивль. Письмо дал им призывное, но главное — яд. Отравить Дмитрия.

Не сказал царевича или Дмитрия Ивановича. Осторожничает.

— Что предлагаешь?

— Пошли своих боевых холопов и перехвати.

— Надо ли? Пусть добираются до Путивля. Думаю, они не смогут там ничего худого сделать. Город присягнул царевичу.

— Ишь ты, — хитровато улыбнулся тайный дьяк. — Пусть, значит, добираются?

— Пусть. Не наше это дело, а цареву.

Не стал делиться Бельский своим планом, моментально у него возникшим, и, видимо, правильно поступил. Подозревал оружничий тайного дьяка в двойной игре не без основания, особенно после того, как Годунову стало известно о готовящемся на него покушении во время охоты. И глухой ночью, в полной тайне даже от остальных слуг, из конюшни двое боевых холопов вывели верховых и заводных коней. Им надлежало в укромном месте дожидаться рассвета, и как только откроются городские ворота, скакать в Путивль к дворянину Григорию Митькову.

Намного опередили иноков гонцы Богдана, и в Путивле подготовились встретить двоедушников достойно. Едва вошли в город под видом бродячих монахов, как их взяли под белы ручки к их великому изумлению.

— Вас примет сам царевич Дмитрий Иванович. Вы, видимо, пришли к нему в гости, ибо знали его в послушании, вот и побеседуйте с ним по душам, вспоминая минувшие дни.

На троне, когда их ввели в приемный зал, восседал не он сам, а шляхтич Иваницкий. Иноки, никогда не видевшие Дмитрия, тут же принялись разоблачать его:

— Мы признаем тебя. Ты послушник Григорий Чудова

монастыря. Сколько раз мы стояли рядом на молитвах.

И вот тут вошел сам Дмитрий.

— Пытать их, обыскав.

Нашли и призывное письмо к горожанам и гарнизону Путивля, нашли даже яд. А под пытками они сознались, кто их послал. Более того, выдали двух изменников в ближайшем окружении Дмитрия, коим и предстояло подсыпать яд царевичу в питье.

Изменников казнили. Иноков отправили обратно в Москву с ответным письмом. Первое — Годунову. В нем Дмитрий Иванович с отеческой заботой советовал захватившему незаконно престол мирно оставить трон и свет, заключившись в монастыре и живя во спасение своей великогрешной души, а если нет такого желания, то принять яд для него, наследника престола по родовому праву предназначавшегося.

Второе письмо — патриарху Иову. С укором в злоупотреблении церковной властью, тем более, что сам Бог благоволил ему, сыну Грозного, и смертельный грех священнослужителей идти против воли Господа Бога нашего.

Письма вручили и патриарху, и царю как раз в тот день, когда ему исполнилось пятьдесят три года, и поначалу было похоже, что оно никоим образом не повлияло на дела кремлевские, на состояние духа самого самодержца. В урочный час он, как обычно, чинил суд в Боярской думе, после чего принимал гостей в Золотой палате и обедал с ними, принимая поздравления с днем рождения. Но едва встал из-за стола, покачнулся, чуть не упав. Из носа, ушей и рта хлынула кровь, переполошив гостей. Набежали врачи-иностранцы, коих Годунов буквально носил на руках, принялись потчевать разным, но ничто не помогало. Едва государь успел принять постриг с именем Благолепа, благословить сына на российский престол и испустил дух.

По Москве пополз упорный слух, что Годунов сам умертил себя, но Богдан даже не сомневался, что это досужий вымысел. Борис очень любил власть и по собственной воле никогда бы ее не отдал.

Хоронили царя с честью. Что творилось в душах придворных, грусть или радость, оставалось тайной каждого, на миру же христианский долг исполнялся с прилежанием и показной старательностью.

Упокоили невольного тирана в храме Святого Михаила в ряду потомков Владимира Великого. И тут же, едва отпев умершего царя, присягнули царице Марии и детям ее, царю Федору и Ксении. Ничто вроде бы не предвещало грозы с ураганом, сметающим все на своем пути.

Первые шаги юного царя – приблизить к себе надежных советников. Немедленно послал он к знатнейшим и опытным боярам (князю Мстиславскому, князьям Василию и Дмитрию Шуйским) приказ оставить войска и прибыть в Москву. Вызвали и Петра Басманова, дабы ободрить его и назначить главным воеводой всего войска, выставленного против царевича Дмитрия. Не обойден вниманием оказался и Богдан. Не очинив боярством, велели заседать в Думе, надеясь на его опыт оружничего и хорошее знание обстановки.

Не только наивные, но и нелепейшие шаги. В первые же дни Бельский встретился для тайной беседы с князем Мстиславским, чтобы продолжить прежний разговор.

– Федору Борисовичу ты, князь, не присягал. Москва уже присягнула новому царю, ты же уйди от нее. Тебя призывали в советники, и это очень важно, если у тебя будут развязаны руки.

– Служить Федору, отпрыску Годуновскому, я не стану. Даю слово. Там, под Новгородом Северским, мы с Басмановым без особого труда разбили бы войско Дмитрия Ивановича, собранное с бора по сосенке. Каждый ратник храбр и даже, возможно, ловок в сече, некоторые из низовских воевод, атаманов и сотников смекалисты и имеют навык ратный, но главный воевода и его ближайшие советники – неумехи. Пустое место. Мнишек только лишь носит с гордостью чин воеводы, а ни навыка, ни ратной сметки не имеет. Да и где ему было приобрести опыт? На Сandomирском воеводстве?

– Но теперь тихого противостояния мало. Теперь пора выступать открыто.

– Но как? У меня первое воеводство берет Басманов. Его, как мне известно, Федор определил уже.

– С Басмановым я тоже говорил прежде, поговорю и теперь, но прошу, князь, и тебя не оставлять в стороне.

– Обещаю твердо. И не только сам повлияю, но и своих друзей-бояр попрошу. Мало кто примет Федора, как законного наследника. Особая у меня надежда на князя Ивана Во-

ротынского. Он славен подвигами отца и своими порубежными делами. Басманов его уважает.

– Верно. Князь Воротынский надежен. Он с нами.

Следующий разговор с Басмановым, почти такой же, как и с Мстиславским. Он видел, что князь-воевода Мстиславский затягивает решительную сечу сознательно, и не противился этому. А сейчас, если удастся не целовать крест мальчишке Федору, он готов сделать решительный шаг.

Воротившись к войску, Басманов повел хитрую игру. Дело в том, что с ним послан был для присмотра и для освящения присяги царю Федору митрополит Исидор, и противиться присяге он не стал, хотя сам увильнул, уверив Исидора, что присягнул уже в Москве. Басманов позволил войску присягнуть честь честью, когда же митрополит уехал обратно в Москву, позвал к себе воевод: князя Василия Голицына, его брата, князя Ивана и Михаила Салтыкова.

– Товарищи мои ратные, я в Москве получил твердые доказательства тому, что тот, кого клеветы Годунова называли и продолжают называть Самозванцем, есть на самом деле истинный сын Ивана Грозного. Оружничий Вельский по духовной Грозного назначен был опекуном Дмитрия, это всем хорошо известно. Так вот Богдан Яковлевич сохранил жизнь царевичу.

– Но Годунов заколол Дмитрия?!

– Нет. Царевича Бельский подменил еще по пути в Углич. С согласия царицы и ее родственников: отца Федора Федоровича и брата Афанасия.

Недоверчивое молчание. Тогда Басманов спросил:

– Неужели вы считаете короля Польши Сигизмунда Третьего полным дураком и слепцом? Разве он признал бы Дмитрия Ивановича законным наследником, если бы Вельский и Нагие не представили ему твердых доказательств? Эти доказательства есть. Но о них известит народ сам оружничий в час торжества законного права. Так он поклялся мне. Мне он привел часть этих неоспоримых доказательств, но я тоже дал слово до времени о них молчать. До полной победы царевича. Вас же прошу поверить мне на слово. Если вы готовы встать на сторону Богом избранной династии, скажите сейчас же, если имеете желание холопствовать под рукой отпрыска безродного и коварного Годунова, воля-вольная.

Принуждать не стану. Я же сегодня посылаю к Дмитрию Ивановичу дворянина Бахметьева со своим словом верности ему. Ратников призову открыто следовать за мной. По доброй воле.

— Мы — с тобой, воевода.

Утром ударили в большой набат и в полковые. Басманов выехал к войску на коне. Напрягая до предела голос, возгласил:

— Ратники, други мои, я признал царевича Дмитрия Ивановича законным наследником престола Великой Руси! Вы вместе со мной стойко бились с его войском, заблуждаясь, считая его Самозванцем. В Москве у меня открылись глаза, ибо познал я истину, а не вранье Годунова и иже с ним. Я провозглашаю Дмитрия Ивановича государем нашим.

Как раз напротив воеводы стояли рязанские дети боярские и выборные дворяне. Они дружно, в единый голос возгласили:

— Многие годы здравствовать отцу нашему, государю Дмитрию Ивановичу!

Соседние полки подхватили клич первых, и пошла волна за волной по всем стройным рядам бесчисленной рати.

Не все разобрались, чего ради радость, но горланили вместе с остальными.

Только князя Михаил Кутырев-Ростовский и Андрей Телятьевский да Иван Годунов подали голоса против, их поначалу решили повязать, но потом отпустили в Москву. Кроме Ивана Годунова, которого определили передать царю Дмитрию, как доказательство верности.

Все. Никакой сильной рати больше не противостоит войску царевича Дмитрия, и он с торжеством приближался к Москве, где у него осталось одно препятствие — Федор Годунов, которому волей или неволей, а москвичи целовали крест, и Богдан Бельский со товарищи принял меры, чтобы возбудить горожан всех сословий против Федора. И нужно сказать, вполне успешно.

Самыми, пожалуй, убедительными являлись листки, распространяемые среди обывателей, приукрашенные еще и воображением распространителей и чтецов этих самых листков.

Когда воевода Басманов привел свое войско к Дмитрию

Ивановичу не как к царевичу, а как к царю с повинной, и в доказательство верности доставил узника Ивана Годунова, государь принял Басманова милостиво. И тогда князь Голицын бил челом от имени бояр, дворян и всей рати:

— Сын Иванов! Войско вручает тебе державу Руси и ждет твоего милосердия. Обольщенные Борисом, мы долго противились нашему царю законному, ныне же, узнав истину, все единодушно тебе присягнули. Иди на престол родительский, царствуй счастливо и многие лета! Враги твои, клеветы Борисовы, в узах. Если Москва дерзнет быть строптивою, то смирим ее. Иди с нами в столицу венчаться на царство!

Вот с этой речью князя Голицына и был распространяемый по Москве листок. Его переслал Богдану Григорий Митьков, а вместе с отпиской весьма предусмотрительно и нескольких свидетелей этой речи. Вот почему москвичи более всего возбуждались, когда слушали тех, кто самолично присутствовал при этом столь волнующем и великом событии.

Но одного письменного свидетельства мало. Нужны слова самого Дмитрия Ивановича, уже провозглашенного царем. Но вот этого сделать не удалось. Богдан уже несколько раз посылал гонцов с подобной просьбой, царь откилялся, но все, кого он посылал с призывными письмами, оказывались в Казенном дворе. Скорее всего, в самой близости от Дмитрия Ивановича притулился изменник, знающий каждое дыхание своего господина.

Никак не удавалось договориться и с главой Казенного двора, чтобы тот устроил побег перехваченным посланцам. А если такое невозможно, хотя бы заполучить письма.

— Писем при них нет. Федор забирает их к себе. А посланцев Дмитрия Ивановича ежедневно, почитай, пытаются. Исчезнет один из них, меня в пыточную потянут. Семен Годунов не пощадит моих седин.

Где выход? Разоблачить предателя, что у руки царя Дмитрия, вот так, сразу, не удастся. А время упускать нет смысла. Надо спешить, пока есть почти всенародная поддержка. Значит, либо обманом миновать заслоны верных Федору ратников, либо убрать эти самые заслоны силой. Хитрость может принести удачу, если подключить Григория Митькова и пустить по его каналам, но есть великий риск: у Митькова посланцы из мужиков, пристроился он к какому-либо

обозу с зерном и, как возница, в Москве. Боярина же или дворянина, (а с призывным письмом разве пошлешь неродовитого), как ни переодевай, он так и останется вельможей. Снимут с брички за милую душу.

Выходит, лучшее из всего — сила. Она — самая надежная штука. Вполне можно привлечь казаков атамана Корелы. Они выдержали многомесячную осаду, отбили все штурмы, более того, дерзкой вылазкой Корела переманил на свою сторону многие сотни казаков, которые были в осадных войсках, и этим начисто освободился от осадного сидения. Теперь у него руки развязаны. Главное же в том, что атаман Корела стал всенародно известным своей храбростью, ратной смекалкой, и вряд ли московские стрельцы и кремлевская стража станут серьезно ему противостоять. Разбегутся с перепугу.

Однако, чтобы действовать наверняка, нужно знать силы, поддерживающие Федора не в общем количестве, как это знал Бельский, как оружничий и участник Думы, а более подробно. И он решил посоветоваться с князьями Мстиславским и Воротынским. Их совместные знания показали существующую расстановку сил: Федор Годунов все еще не так беспомощен, как видится с первого взгляда. На Оке охраняют переправы несколько тысяч дворцовых стрельцов и никак не поддаются уговору перейти на сторону царя Дмитрия. Более того, они отбили все попытки передовых отрядов, идущих на Москву, переправиться через реку.

Стало быть, нужно посланцев Дмитрия Ивановича повезти кружным путем, чтобы обойти заслоны стороной.

Но и в самую Москву проникнуть сложно. На воротах Земляного, Белого города и Китай-города стоит стража верных Федору Годунову людей из дворцовых стрельцов, на стенах же Кремля установлены пушки. Соберись толпа послушать письмо-призыв, тут же вжарят из пушек, которых вполне достаточно, и толпа моментально разбежится. Да еще в Кремле тысячи две стрельцов, детей боярских и дворян выборных, готовых царя защищать. Выскочат сотни две-три из ворот, схватят посланцев, и не сможет толпа их отбить.

Все так, но Иван Воротынский предложил именно то, о чем не единожды думал сам Богдан:

— Атамана Корелу можно подтянуть. Ему ничего не нужно будет разжевывать, он ловчее нас все сделает так, что комар носа не подточит.

— Корела или кто другой, но к Москве желательно подходить не по Калужской или Рязанской дорогам, а со стороны Ярославля. Двух зайцев можно убить: без помех подойти к Москве, остановившись, предположим, в Красном Селе, и не менее важно — перекрыть пути подвоза в город хлеба и иных продуктов. Сюда ничего не поступает, а если еще с Поволжья северо-западного не пойдет, народ легче возбудится.

— Верно. Спасибо, други. Думаю, через пару недель Корела займет Красное Село.

Чуть больше времени прошло, пока Корела с казаками двигался кружным путем, но это не имело существенного значения, ибо князь Мстиславский, как первый советник Федора, и оружничий Бельский, как глава Сыска, говорили более об успехах в борьбе, как они называли при Федоре, с Самозванцем, тем самым убаюкивая молодого Годунова. Разрядный приказ, на главного дьяка которого влиял князь Воротынский, тоже не настораживал дурными вестями. По его словам, все шло хорошо: Оку Самозванец не одолеет, ну, а если вздумает возбудиться Москва, Кремль готов к усмирению бунтарей.

Даже когда атаман Корела с казаками занял Красное Село, Федору не сразу об этом сообщили, ибо подобный доклад мог усложнить осуществление задуманного. Им теперь предстояло все сделать так, чтобы исключить любой успех. Необходима была встреча с самим атаманом Корелой, и Бельский предложил князьям Мстиславскому и Воротынскому съездить всем вместе в Красное Село для уточнения слухов, что там казаки.

Поездка оказалась весьма удачной. Атаман Корела рассказал о своих намерениях, рассчитанных на дерзкость и полную неожиданность, и все с ним согласились.

— Две просьбы к вам, князья-бояре. Первая. Не мешайте мне. Вас не должно быть на Красной площади, но хорошо бы, чтобы и стрельцов там не было, когда народ начнет собираться. Потом пусть машут кулаками, если удастся. Второе. Можете ли поспособствовать, чтобы не пролилась кровь, когда я стану брать Казенный двор?

— Постараемся, — ответил за всех Богдан. — Я сам поговорю с главой, настрою его не сопротивляться. Но и вы не троньте его.

— Мои казаки никого пальцем не тронут. А москвичи? Это уж не моя забота. Я горожан остепенять не стану. Не до того мне будет. Мне, главное, Федора взять под стражу. А прежде того дворян Пушкина и Плещеева доставить на Лобное место.

С Корелой все согласовано, теперь их забота, как отвлечь Федора Годунова, чтобы ему не вдруг стало известно о начале столь рокового для него события.

Князь Мстиславский предлагает:

— Я с самого утра займу его докладами о делах державных. О пошлинах, но более о недоимках. Затяну разговор.

— Не лучше ли собрать Думу, где мы поведаем думцам о нашей поездке в Красное Село для проверки реальности слухов? Повернем дело так, будто казаки имеют целью перерезать Ярославскую и Тверскую дороги. Попугаем крупными силами казаков. Предложим звать главу Разрядного приказа, чтобы определить ему срок подготовки ратной силы против казаков. Вот и протянется нужное время.

— Разумно, — поддержал оружничего князь Иван Вортынский. — Я с утра — в Разрядный приказ. Подготовлю дьяка, что грядет приглашение в Думу и о чем там пойдет речь.

С молитвой к Господу, посодействовал бы удаче, Мстиславский и Вельский направились к Федору Годунову со своим предложением о внеочередной Думе. Срочной. С самого утра. Предстояло так насторожить наследника, чтобы он даже не помыслил отказать совету.

Задуманное ждалось. Наговорили они семь верст до небес, и Федор согласился собрать срочную Думу, вовсе не предполагая возможного подвоха, и хотя Семен Годунов, продолжавший свое сыскное дело и при молодом царе, часом позже пытался насторожить юного родственника, но тот отмахнулся:

— Нельзя подозревать преданных слуг. Я верю Мстиславскому и Вельскому.

— Не пожалеть бы!

— Ступай, ступай. Я не желаю начинать царствование с пыток.

Дума приступила к работе как раз в тот час, когда все жители Красного Села, коих сумел уговорить Корела, дружной толпой двинулись к Земляным воротам, а казаки смешались с этой толпой. Пока воротники пытались понять, чего ради столь великой толпой — в город, их моментально скрутили и отвели в надвратную башню. На воротах встали казаки атамана.

То же самое удалось проделать и на воротах в Белый город, и на Китайгородских воротах. Путь на Красную площадь открыт. А следом за толпой беспрепятственно въезжают в город конные казаки, поспешают и спешившиеся, чтобы не особенно выделяться из толпы, а при нужде обнажить шапки.

По московским улицам тем временем понеслась весть о послании царя Дмитрия Ивановича, которое станут читать на Лобном месте дворяне Пушкин и Плещеев, и будто ливневым потоком заполнились улицы спешившими на Красную площадь взволнованными горожанами.

Выборные дворяне, кто в этот день стоял на стенах и на всех кремлевских воротах, всполошились. Воевода их — к Царскому дворцу, чтобы доложить о наводнивших Красную площадь горожанах, среди которых видны казаки, но его не допустили до Федора.

— Царь заседает в Думе.

— Но сообщение мое весьма важное.

— Никуда оно не сбежит. Велено не пускать никого. Вот Дума закончится, тогда — милости просим.

А в это время Гавриил Пушкин уже начал читать на Лобном месте:

— Вы клялись отцу моему не изменять детям и потомству его во веки веков, но взяли Годунова в цари. Не упрекаю вас: вы думали, что Борис умертвил меня в летах младенческих; не знали его лукавства и не смели противиться человеку, который уже самовластвовал в царствование Федора Ивановича — жаловал и казнил, кого хотел. Им обольщенные, вы не верили, что я, спасенный Богом, иду к вам с любовью и кротостью. Лилась драгоценная кровь лучших людей русских. Но я жалею о том без гнева: неведение и страх извиняют вас. Уже судьба решилась: города и войско мои. Дерзните ли на брань междоусобную в угоду Марии Годуновой и сыну ее?

Им не жаль Руси: они не своим, а чужим владеют. Они упитали кровью землю Северскую и хотят разорения Москвы. Вспомните, что было от Годунова вам, бояре, воеводы и все люди знаменитые: сколько опал и бесчестия несносного? А вы, дворяне и дети боярские, чего не претерпели в тягостных службах и ссылках? А вы, купцы и гости, сколько утеснений имели в торговле и какими неумеренными пошлинами отягощались? Мы же хотим вас жаловать беспримерно: бояр и всех мужей сановных честию и новыми вотчинами, дворян и людей приказных милостями, гостей и купцов льготою в непрерывном течении дней мирных и тихих...

Атаман Корела не слушал воззвание разинувши рот, а по условному сигналу сосредотачивал пеших казаков у Фроловских ворот, но чтобы не привлечь внимание воротниковой стражи, решил не дожидаться всех. Лишь с парой дюжин подступил к воротникам из выборных дворян.

— Иль оружие на пол и вон из Кремля, либо, — Корела обнажил наполовину саблю из ножен, украшенных алмазами и другими драгоценными камнями. — Я — Корела. Я слов на ветер не бросаю. Вам это хорошо известно. Выбор ваш!

Торопливо воротники побросали на пол рушницы, пики, мечи и — в толпу на Красную площадь.

— Вот так-то лучше.

Подтянулись остальные казаки. Оставив десяток на воротах, повел свой отряд пеших казаков Корела к Казенному двору. Конных он не считал еще нужным вводить в дело. Стража и там не противилась. Рада-радешенька, что отпустили живыми.

Атаман Корела к главе Казенного двора:

— Выводи посланцев царя Дмитрия Ивановича, какие имеются в застенках.

— Сейчас, сейчас. Но еще есть пленные. Казаки, дети боярские, есть лахи и литва.

— Выводи и их.

К главе Казенного двора Корела приставил десяток казаков вместе с десятником, повелев им осмотреть все закутки.

Первыми вывели бедняг-посланцев. Все из дворян. В тяжелых кандалах. Лица в кровоподтеках, в рубцах и коростах, на теле, видном сквозь изодранную одежду, следы прижигания и истязания плетью.

— Сейчас кузнецы придут. Собьют кандалы.

— Не теперь. На Красной площади. Пусть народ зрит, как злобствует прикидывающийся ягненком Федор.

— А что со мной? — робко спросил глава Казенного двора. — Нельзя же, чтобы по доброй воле я...

— Не трусь. Годуновы отцарствовали. Это говорю я, атаман Корела! Их песня спета!

В задачу Корелы не входил, согласно договоренности, захват Кремля и арест Федора со всеми родственниками и клеветами³². Его место на Казенном дворе в готовности прийти на помощь толпе, которая, как Бельский со товарищи уверяли его, непременно пойдет на штурм Кремля. А если будут иные распоряжения, исполнять их быстро и решительно.

А из Фроловских ворот выходили уже, едва волоча опухшие донельзя ноги в тяжелых кандалах, звякая ими при каждом шаге, освобожденные из застенков. Площадь моментально притихла. Пушкин прекратил читать о тех благах, какие посыплются на Русь (он делал это уже третий раз по просьбе толпы) из щедрых рук царя Дмитрия Ивановича, и только кандалное позвякивание нарушало тишину.

Вот поднялся на Лобное место первый посланный с воззванием к москвичам дворянин. Ему, первому, досталось больше всех. Истерзан. Изможден. С трудом поднял руки, окованные тяжелой цепью. Растопырил распухшие пальцы, лишённые всех ногтей.

— Глядите, люди добрые! Что творится в застенках Федора Годунова! Лучше ли он отца своего?! Не кровожадней ли?!

Площадь взвилась многоголосо:

— Долой Федора!

— Долой всех Годуновых!

Прорвался все же воевода выборных дворян на Думу. Тихо и мирно здесь. Глаголят размеренно, вовсе не тревожно.

— Да как вы можете?! Красная площадь битком! Призывы штурмовать Кремль и свергнуть государя нашего Федора Борисовича!

Федор Годунов не побледнел. Срывающимся от волнения и страха голосом велел своим советникам:

— Пойдите, успокойте.

Поднялись Мстиславский, Шуйский и Бельский, разме-

ренным шагом направили свои стопы к Фроловским воротам и еще на подходе к ним услышали, как бурлит народ на площади.

К Бельскому подошел казак — посланец Корелы.

— Мы в Казенном дворе.

— Передай атаману, чтобы за Федором имел неотступно свое око. Как только народ ворвется в Кремль, пусть возьмет его под свою охрану. Не дай Бог разойдется толпа, не удержится от самосуда. Такого нельзя допустить. Так и передай.

— Понял. Передам.

Толпа расступилась перед князьями и окольными точно так же, как малое время назад перед кандалниками. Тихо. Только удары молотка по зубилу, сбивавшему кандалы с очередного узника, рвали эту тишину, заставляя вздрагивать сердца.

Терпеливо ждала площадь, что скажут сановники, так много потерпевшие от Бориса Годунова. Молодой князь Федор Мстиславский лишился отца, оружничий Вельский претерпел самый великий позор, оставшись вовсе без бороды. Отросла она, почти как прежняя, но разве он может выкинуть из сердца неумную обиду?

Так что же они скажут?!

Опередив своих спутников-князей, Богдан первым поднялся на Лобное место. Заговорил предельно громко:

— Нас послал Федор Годунов успокоить вас. Напомнить вам о крестоцеловании ему и матери его. Я не присягал им. Я присягал сыну Ивана Грозного царю Дмитрию Ивановичу. Присягал без всякого сомнения, ибо я тот, кто опекал его с самого детства. — Богдан набрал полную грудь воздуха и заговорил еще громче: — Я клянусь своей честью, клянусь честью своих родителей, честью славного рода князей Бельских, клянусь здоровьем своих детей, что все, о чем вы сейчас услышите — сущая правда. Вы знаете: по духовной царя Ивана мне определено было опекунствовать над малолетним царевичем Дмитрием. Зная коварный нрав Бориса Годунова и его устремления захватить престол, я подменил царевича Дмитрия. С согласия его матери, царицы Марии, ее отца, Федора Федоровича Нагого и ее брата Афанасия. Больше никто не был посвящен в эту великую тайну, кроме

одного доверенного, кому было поручено осуществить подмену. Его, к сожалению, нет в живых. Вот и вышло, что Годунов зарезал не царевича, а подмененного юнца, а царевича Дмитрия я продолжал опекать, всячески поддерживая его и сейчас. Сегодня законный по роду своему наследник престола Великой Руси приближается к Москве, и дело чести каждого москвича содействовать торжеству закона и справедливости!

— На Кремль! — пронесся над площадью одинокий истощенный крик, и тут же многоголосье подхватило его:

— На Кремль!

Оружничий поднял руку, и народ на Красной площади постепенно утихомирился. Тогда Вельский вновь заговорил:

— Что мы ответим царю нашему батюшке на ласковое его слово к нам? Дадим ли клятву присягнуть ему?

— Дадим!

— Кому вы доверите готовить ответ и передать его государю?

— Тебе, окольный. Правь нами, пока не въедет в Москву государь Дмитрий Иванович, — слышались голоса в разных концах Красной площади, и Богдан спросил:

— Все ли так мыслите?

— Все! Правь нами!

— Строптивых бояр согнем в дугу!

Как переменчива толпа! После смерти Грозного они со злобными лицами требовали немедленной его смерти, теперь вот вручают бразды правления всей страной. Временно, но все же...

Впрочем, всё это заслуженно.

— Если так, внимайте моему слову. Крови не лить! Судить, миловать или казнить — право государя. Не станем покусаться на его права. Даете слово?

— Даем.

Ничего не сказал, можно или нельзя разорять дворы Годуновых, коих на Москве скопилось изрядно. Ничего не сказал и об иноземных докторам, которых так пестовал Борис за умение изготавливать, как считали москвичи, яды для неугодных — те чванились царской милостью, еще больше вызывая всеобщую ненависть: купцов, дворян, бояр, особенно

же русских лекарей, не менее иностранцев знающих свое дело, умеющих и лечить, и зелье готовить. Он точно знал, кто и куда поведет толпы москвичей, ибо он со своими сторонниками еще несколько дней назад определил, кого следует знатно наказать. На себя он брал Семена Годунова и лекаря Габриэля. Он на том тайном совете так и сказал:

— Мои слуги возбудят против них часть толпы и поведут за собой. Габриэль, конечно, достоин смерти, но давайте поклянемся, что примем все меры, чтобы кровь не пролилась.

— Но разве Семен Годунов не достоин прилюдной казни?!

— Достоин. Но пусть и его судьбу решит Дмитрий Иванович.

Не все тогда согласились на бескровье, у иных чесались руки, но большинство приняло сторону Вельского и пообещало своих слуг строго предупредить, чтобы не озоровали, слишком распоясавшись. Именно потому так уверенно говорил Бельский о бескровности при наказании ненавистных Годуновых.

Довольны ли были князя Мстиславский и Шуйские подобным поворотом событий? Скорее всего, нет. Особенно Шуйские. Но никто из них даже вида не подал. К тому же, если рассудить здраво, без оглядки на местничество, Богдан заслужил стать хотя бы временным правителем; он вполне заслужил чин великого боярина, звание слуги ближнего, то есть первого советника: он спас жизнь царевича, но не только, хотя это главное из главных — он умело провел его через тернии и в конце концов подготовил в основе своей борьбу царевича за свои права. А Москва? Она теперь готова встретить наследника престола с радостью, а разве это не заслуга в основе своей именно Вельского, ибо еще малое время назад москвичи ужасались при одном только слове Самозванец.

Пусть правит.

Первый доклад. От атамана Корелы:

— Федор Годунов, Мария Годунова-Скуратова и Ксения под стражей в старом кремлевском доме Бориса Годунова. Вся кремлевская рать разбежалась. Возбужденные толпы начали громить и грабить кремлевский дом Семена Годунова.

— Передай: пусть не вмешивается, сторожит лишь Федора Годунова, не позволив толпе ворваться к ним в дом.

— Будет передано.

Следующий доклад от воеводы боевых холопов:

— Дом Габриэля разграблен, сам он избит до бессознания. Идем громить дома других докторов-немцев.

— Что избили Габриэля — плохо. Впрочем, ладно. Что сделано, то сделано. Других не бейте.

— Постараемся сладить с толпой.

Потом еще и еще доклады. Остервенели москвичи. Разгулялась вольница. Не только Годуновых грабили, но отчего-то всех Сабуровых и Вельяминовых. К удивлению Бельского, Мстиславского и Воротынского. Они, однако, не стали препятствовать толпе. Видимо, кто-то из бояр сводит с ними свои счета.

— Продолжим Думу, — позвал за собой Богдан Мстиславского и Шуйских. — Определим, кого пошлем к государю с повинной в Тулу.

Сам он собирался опередить посольство личным вестником о событиях в Москве и предупредить об осторожности в обращении с взятыми под стражу царицей Марией, Федором и Ксенией, ибо мнение народа переменчиво, в характере русских людей жалеть опальных и низверженных.

Сумел он, однако, отправить посланника с наказом своим лишь на следующий день: посольство к царю Дмитрию Ивановичу составить оказалось не так-то легко. Перво-наперво Дума определила, что в него должны войти все сословия по праву выбора собраниями, и чтобы начать исполнять такое решение потребовался остаток дня до самого позднего вечера.

Ночь Богдан писал письмо Дмитрию Ивановичу, утром отправил с вестником и — вновь на Думу. Решать вопрос самый главный, кто представит государю посольство? И тут — началось. Каждый думный боярин непременно желал войти в состав посольства, а некоторые, не стесняясь, предлагали себя по знатности рода, как они утверждали, в руководители. Споры разгорелись нешуточные. Даже за бороды начали друг друга хватать.

Бельский не выдержал:

— Тесто сбивать мало кому хотелось, а на блин все горазды. Еще и первый блин ухватить намереваетесь! Мое слово такое: во главе посольства — князь Мстиславский. Его правая рука — князь Воротынский и думный дьяк Власьев. Они

не прятались по своим вотчинам, а действовали. Их право стать в посольстве первыми. Остальных, кого еще из думных, предлагайте вы. Решать станем поднятием руки.

Получили поддержку большинства князь Петр Шереметев и Андрей Телятевский.

Вроде бы все, можно объявлять о конце собрания, но князь Воротынский поднялся со своим словом:

— Не совсем ладно мы решили. Мое мнение такое: посольство должен возглавить Богдан Яковлевич Вельский, а на Москве останется князь Мстиславский. До возвращения посольства. В управлении он не менее опытен, чем окольный Бельский, а Богдану Яковлевичу сам Бог положил бить челом от Москвы государю нашему.

Богдану легло на душу предложенное Иваном Воротынским, и он вместо того, чтобы наотрез отказаться от столь великой чести, молвил смиренно:

— Как решат бояре.

Думные бояре — тертые калачи, моментально уловили настроение назначенного народом на Красной площади правителя и рады были избавиться от него, не думного боярина, значит, значительно ниже их по месту. Подняли руки все до единого.

Беликую ошибку допустил оружничий, можно сказать, роковую. И поймет он это совсем скоро.

Поехало невероятно громоздкое посольство только через несколько дней. Торжественно. Вместе с посольством в Тулу устремились стольники, стряпчие, дворяне, дьяки и столичные купцы, даже не избранные в посольство, а по собственному разумению и желанию. Им не отказывали, тем более, что купцы по уговору с боярами и дворянами раскопелись для приемного пира, для чего извлекали на свет божий шатры, в которых Борис Годунов потчевал дворян накануне своей коронации. Шатры эти, установленные в определенном порядке, напоминали видом крепость с величественными башнями и были весьма вместительными, а изнутри расшиты золотом.

Поначалу пир предполагалось устроить в Туле, но посольство известили, что государь переезжает в ближайшее время в Серпухов, поэтому в Серпухов заблаговременно отправили слугителей Сытного приказа и Кормового, десят-

ки поваров, не менее поварят, нужное число слуг, съестных запасов и вин заморских.

На полпути посольство остановилось, ожидая вести, что Дмитрий Иванович в Серпухове и готов принять челобитчиков из Москвы. И тут мимо них, не останавливаясь, не поведав, чего ради они спешат в стольный град, проскакал внушительный отряд детей боярских во главе с воеводой Петром Басмановым, с которым рядом скакали князья Голицын и Масальский да дьяк Сутупов.

Бельский встревожился: почему не известил царь-батюшка его, своего опекуна, о каких-то принимаемых мерах? Они же условились, что до венчания на царство Дмитрий Иванович остается опекаемым.

Не знал еще объяснения этого действия царя Дмитрия Бельский. Впрочем, он ее никогда не узнает, но первое разочарование посетило его душу, причем, вполне обоснованно. В нее фактически плюнули. Смачно. А вышло все так: царь действительно поверил не опекуну, а боярам Пушкину и Плещееву.

Прочитав отписку Вельского о том, что произошло в Москве и о посольстве к нему, уже признанному государем, Дмитрий Иванович подумал:

«Незаменимый помощник. Он останется при моей руке всю мою жизнь».

Через день, однако, пришла отписка от Пушкина и Плещеева. Их весть разнилась с вестью от Вельского во многом, особенно в поведении самого окольного, которого народ избрал правителем и внял его приказу никого не карать смертью из сторонников Годунова и даже самого Федора. Не добавили в отписке Пушкин с Плещеевым его слова о праве судить подданных только одному государю, и получалось, будто окольный воспользовался доверием москвичей и сам судил бояр и даже незаконно восседавшего на троне Федора Годунова. И уж совсем наветом звучало известие, будто Богдан Бельский навязал Думе себя в качестве главы посольства как правитель.

«Мне не нужен правитель, который решает за меня. Я — не Федор Иванович! Я стану править сам!»

Тоже роковая ошибка. Никто и никогда не правил единолично. Даже самые отъявленные диктаторы. Рядом с ними

всегда советники. Одни наущничают, другие вроде бы говорят открыто. У Дмитрия Ивановича в советниках-наущниках были иезуиты, а дворовыми воеводами при нем князь Голицын и Салтыков, близкими людьми — боярин князь Мосальский и окольничий князь Долгорукий. Они и посоветовали (иезуиты на ушко, воевода и ближние люди открыто) не оставлять в живых ни Федора, ни его матери, чтобы не возникло в будущем никаких осложнений. Вот он и послал в Москву воеводу Басманова с ратью, дабы поддержать при нужде Голицына, Мосальского и Сутупова, коим надлежало расправиться со всеми Годуновыми. И еще с патриархом Иовой.

Впрочем, воеводу Басманова с детьми боярскими можно было бы и не посылать: Москва приняла безропотно посланных государем знатных вельмож исполнять его волю. А те, не стесняясь ничем, забыв о приличии, окрыленные доверием самодержца, начали дело не столько решительно, сколько вызывающе грубо. Не беря во внимание, что патриарх Иов совершает литургию в храме Успения, они в сопровождении вооруженных детей боярских ввалились в храм и, даже не останавливаясь послушать божественное пение, даже не перекрестившись, поднимаются без боязни смертельного греха на алтарь, стаскивают оттуда Иова и принимают грубо сдирать с него священные одежды.

— Я сам! — твердо заявил Иов, отстранив грубые руки насильников.

Он снял с себя панагию³³ и положил ее к иконе Владимирской Божьей Матери, считавшейся главной иконой русской православной церкви. Писанная кистью первоапостола, она с внедрением христианства всегда находилась в стольных городах — Киеве, Владимире и, наконец, в Москве. Владимирская Божья Мать считалась символом духовной власти над Русью.

Иов, осенив себя крестным знаменем, пал перед иконой на колени.

— Пред этой святыней я был удостоен духовного сана архиерейского и многие годы хранил целостность православной веры, ныне же вижу бедствие церкви, торжество обмана и ереси. Мать Божья! Спаси православие в многострадальной Руси!

Ему подали черную ризу, и он смиренно облачился в нее. Из храма вытолкали его пинками.

Вот так царь Дмитрий отомстил патриарху за благословение иноков покуситься на его жизнь.

Следующие шаги посланцев государевых — к тому старому дому Бориса Годунова, откуда он вероломством вышел на вершину власти, вывел на эту вершину и семью свою, на славу мимолетную, конец которой — гибель.

Казаки атамана Корелы заступили путь Голицыну, Мосальскому, Молчанову, Шерефединову и троем быкоподобным стрельцам.

— По чьей воле?

— По воле государя нашего, Дмитрия Ивановича.

— Оповещен ли окольничий Бельский?

— Повторяем: по воле государя единодержца!

Позвали атамана Корелу.

Тот, выслушав князя Голицына, распорядился:

— Шагайте, казаки, за мной. Мы свое дело сделали, теперь пора домой, в Кромы.

Марию Годунову, Федора и Ксению слуги оповестили, что у входа в дом идет спор. Казаки не пускают присланных самозванцем, но те, похоже, берут верх.

Спокойно встретила вдовствующая царица Мария весть о грядущей расправе над ней и ее детьми. Перекрестившись, молвила с величайшим безразличием:

— Бог милостив. По его промыслу все происходит.

Она наверняка считала, что заточат ее и Ксению в монастыри, судьба же Федора ее страшила, но мать держала свой страх в груди, силой воли сохраняя внешнее спокойствие. Ввалилась свора. Голицын и Мосальский в один голос:

— Приступайте!

Облапили женщин и Федора стрельцы, растащили по разным комнатам. Царицу удавили сразу же, с Федором стрелец не справился, позвал на помощь остальных, и сообщая они одолели строптивца.

Одна Ксения осталась жива, но на счастье ли свое? Ей предстояло какое-то время находиться в царских покоях и только после этого принять насильный постриг.

Расправившись с семьей Бориса Годунова, Голицын, Мосальский и Сутупов принялись за всех родственников не-

удачно начавших основывать новую царскую династию в Руси. Всех оковали и отправили в темницы дальних городов Низовья и Сибири. Семена же Годунова велели страже прикончить дорогой, что и было неукоснительно исполнено. В Переславле.

Мало всего этого. Трупы матери и сына выставили на позор на Лобном месте, объявив при этом, что они сами лишили себя жизни ядом. Не удосужились убийцы при этом, хотя бы приличия ради, прикрыть следы удушения.

Ложь всегда воспринимается людьми не с восторгом, поэтому все более и более горожан начало жалеть жестоко убитых, вспоминая добро и забывая о злом, свершенном даже Борисом.

Лишь несколько дней спустя погребли удушенных в девичьем монастыре Святого Варсонофия на Сретенке, присоединив к ним и самого Бориса Годунова, тело которого извлекли из раки в Михайловском соборе и переложили в деревянный гроб.

Это перезахоронение тоже не всем москвичам легло на душу.

По собственному ли усердию посланцы Дмитрия Ивановича выставили трупы царицы Марии и Федора Годунова, перезахоронили Бориса, стараясь угодить царю-батюшке, или по приказу самого Дмитрия Ивановича, значения не имело: многие москвичи, не задумываясь, восприняли происшедшее как лицемерное злодейство. Первые семена сомнения брошены. Слишком уж разнились слова добросердечного послания царя москвичам и дела, последовавшие за этим посланием.

Увы, поздно было кусать локти. Уже подошел день приезда государем покаянного посольства.

Еще не венчанный на царство, Дмитрий Иванович принял челобитчиков из Москвы, сидя на троне с рындами по бокам. Точно как отец, Иван Васильевич.

Прием милостивый. Без колебаний принято приглашение на пир.

С одним условием:

— Пусть все, кто прибыл с вами из Москвы, будут на пиру. Без выбора. Но я вправе позвать на него и своих польских слуг.

Челобитчики покорно склонили головы, хотя с явным

неодобрением отнеслись к предложенному: как можно соединять бескомпромиссный душевный порыв верных поданных с корыстной наемной службой, которая к тому же оплачивается щедростью искренних сторонников законного наследника российского престола?

Отпуская поклонное посольство, Дмитрий Иванович объявил:

— А боярину Богдану остаться со мной.

Впервые вот так, прямо, сказано слово «боярин» прилюдно.

Значит — не оговорки были и прежде. Но почему только боярин, а не великий боярин? Неужели он, Бельский, не достоин носить этот титул?

Когда они остались одни, Дмитрий начал разговор тоном не подопечного, а самодержца:

— Ты многое сделал, чтобы мне присягнула Москва, но ты совершил ошибку, запретив расправу с Годуновыми. Мне пришлось поправлять ее.

— Это не ошибка моя, государь, но обдуманный шаг ради народного уважения к тебе. Да, насилие радует иных, но ужасает большинство. Я хорошо это знаю по себе. Я и насильничал, и подвергался насилию, и я понял: оно вызывает злобу и отвращение. Вот почему я не хотел крови, о чем писал тебе, государь, свое слово, свой совет опекуна.

— Время опекунства миновало. Я знаю, что делаю, и стану поступать, как посчитаю нужным.

— Воля твоя, государь.

Вот такая размолвка. И на пиру Богдан сидел по левую руку от Дмитрия Ивановича. По правую — Сandomирский воевода Юрий Мнишек.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Он был оскорблен до глубины души, поэтому замечал только то, что тешило обиду — Бельский видел, с каким недоумением москвичи, заполнившие улицы, по которым въезжал царский поезд, смотрели на ехавших впереди всей царской процессии ляхов, сразу же за которыми во все дудки дудели польские музыканты бравурные польские мотивчики; а наиболее смелые из москвичей даже ухмылялись в

борода, когда вслед за шляхтичами и музыкантами двигалась карета, запряженная шестеркой цугом, и восседал в ней разодетый, что тебе баба-модница, старый поляк с гордо задраным носом; только когда подъезжал сам государь на великолепном белом аргамаке, толпа склонялась, но не более как поясно — расправа над Марией-царицей и ее сыном Федором, особенно выставление их тел на позор, Москва не одобрила и теперь не падала ниц, а лишь приличия ради кланялась.

А вот ниже она склонилась, когда проезжали бояре, ехавшие в нескольких шагах за государем.

Дмитрий Иванович не видел этого. Он вообще не замечал явной холодности толпы, а ликовал душой, ибо въезжал в Москву победителем.

Большая часть торжественного царского поезда миновала мост через Москву-реку и даже Москворецкие ворота, начала втягиваться на Красную площадь, как вдруг налетел пыльный смерч, неведь откуда взявшийся. Всадники и кони, ослепленные пылью, едва противостояли вихрю и вынуждены были остановиться.

И тут, рядом с Богданом (из-за пыли он не мог разглядеть говорившего) горестно прозвучало:

— Господи! Спаси нас от бед!

А следом, тоже горестно, но более твердо прозвучало еще откровеннее:

— Худое предзнаменование. Для Дмитрия и для Руси!

Крамольные слова, достойные опалы, если даже не казни, но никто не одернул крамольников, не попугал их возможной карой. Это о многом сказало оружнику.

Смерч пронесся стремительно. Отряхивай теперь камзолы камковые и аксамитовые³⁴ со златом, протирай глаза шелковыми платами и — вперед, следом за царем.

Лобное место. Церковный клир с образами и крестами. Великий хор затянул молитвенное пение, Дмитрий Иванович спешился, чтобы приложиться к образу Владимирской Божьей Матери, хор запел громче хвалу Господу Богу, а шляхетские музыканты, будто радуясь неслучайно происходящему на Лобном месте, ударили в бубны, заиграли на трубах с такой силой, что заглушили молитвенную песню великого хора.

Благочестивые москвичи начали креститься, шепча:

— Господи, прости охальников, ибо не ведают, что творят.

А когда Дмитрий Иванович вошел в соборную Успенскую церковь, и следом за ним ввалились туда даже паписты, его сопровождавшие, многие москвичи посчитали это осквернением храма и, плюясь, начали протискиваться к Фроловским воротам, чтобы не лицезреть кощунства, творимого новым царем, ляхами и иезуитами.

Наблюдавший все это Бельский твердо решил поговорить с царем Дмитрием Ивановичем, хотя тот после пира в Серпухове, на котором определил ему место по левую руку, явно избегал встречи.

«Ничего, послушает, если хочет царствовать».

На его просьбу о времени встречи для серьезного разговора царь откликнулся сразу, да и встретил своего опекуна ласково. Почти как прежде:

— Ты вхож ко мне в любой час. Ты был, есть и останешься моим опекуном и первым советником.

Не понял Богдан хитрости Дмитрия Ивановича, поэтому откровенно высказал ему все, что посчитал нужным. Не ради своей выгоды, а ради доброго царствования законного наследника Русского престола. И о том, чтобы отказался от Марины говорил, чтобы телохранителей имел только из русских дворян, и о почтении к духовенству, особенно к святости храмов, но более настойчиво посоветовал избавиться от ляхов:

— Оплати труд шляхтичей и — вон их из Москвы. Пусть возвращаются к себе в Польшу. Сандомирского воеводу-хитреца — тоже с ними. Непременно отправь иезуитов. Если кто заупрямится — примени силу. До этого же запрети им посещать православные храмы. Иначе народ лишит тебя поддержки и уважения. Советую тебе, кроме всего прочего, поспешить с венчанием на царство. Упускать время не стоит. Время — коварная штука.

Ответ же на все советы опекуна прозвучал обескураживающий. Гордый. Достойный самодержца:

— Два пути вижу сохранить за собой престол навечно: тиранство или милость. Я хочу испытать милость. На первой же Думе я дам обет Богу не проливать кровь. Ни подданных

своих, ни иностранцев, если даже они католического вероисповедания.

Что будет?!

Нет, не задал опекун этот вопрос Дмитрию Ивановичу. Не возникло еще в тот момент у него твердого желания плюнуть на все, еще надеялся на милость наследника, после которой сможет влиять на него, оттесняя иезуитов, Мнишек и шляхтичей, принося пользу державную.

Увы, недолго питали его эти надежды. Уже на следующий день Дмитрий, еще не венчавшийся на царство, воссел в чертогах Грозного на престоле царей. Впрочем, это не вызвало ни у кого никакого возражения: все ждали милостей. И он объявил их:

— Возвращаю свободу, честь и достоинство всем моим родственникам Нагим, потерпевшим произвол от Годуновых. Но не только им. Всем, кто страдал в Борисово и Федорово время, возвращаю свободу и их достояние.

А дальше уже поименно: Михаилу Нагому пожалован чин великого конюшего; брата его и трех племянников, Ивана Николаевича Романова, двоих Шереметевых, двоих Голицыных, Долгорукого, Татеева, Куракина, Кашина и Богдана Вельского — в бояре. Кроме того, Вельского еще и в великие оружничие.

И в заключение:

— Даю обет перед Господом Богом, спасшим чудом мою жизнь и благословившим меня на царство, не проливать крови, править милостиво, чтобы остаться в памяти потомков царем, любящим подданных и правящим только согласно русского уклада, справедливости и чести.

Еще раз Богдан, как и многие другие думские бояре, почувствовал фальшь в словах государя Дмитрия Ивановича, ибо его путь к трону уже обгаден кровью. Не той, что лилась в справедливой борьбе за право и законность, а той, последней каплей, которую можно было бы и не проливать. Тем более, столь безжалостно и коварно.

А разве по справедливости и закону умыкать в свои палаты нежную красавицу Ксению, не обвенчавшись с ней, не взяв ее в жены. Разве она хуже какой-то Марины Мнишек?

Возможно Бельский и те, кто думал так же, были не совсем правы: оставлять в живых Федора Годунова и, возмож-

но, его мать, нецелесообразно, ради спокойного будущего Руси, а Ксения взята по праву победителя, но Бельский был сильно обижен на царя Дмитрия Ивановича, который совершенно не выделил своего опекуна, не сказал даже о его роли спасителя и, наконец, главного организатора и весомого финансиста успешной борьбы за престол. Великий оружничий. Эка невидаль! Он и без того оружничий, пожалованный еще самим государем Иваном Грозным.

Не тепило его и полученное боярство — воплощение давних страстных желаний. Теперь этого ему было явно мало. По заслугам он должен был бы стать по меньшей мере великим боярином, а если рассудить справедливо — ближним слугой.

«Ничего, государь! Как аукнется, так и откликнется».

Одно скрашивало обиду: государь все же взял один из его многочисленных советов. Причем, важный: объявил о роспуске шляхетского отряда и гусарской роты Станислава Мнишека, щедро с ними расплатившись. Однако и это утешение вскоре рассыпалось, ибо, как показало время, государь не добился исполнения своей воли.

Несколько раз Богдан, как оружничий, доносил царю о бесчинствах шляхтичей.

— Пируя, они не платят денег в трактире, говоря, что пусть, де, царева казна за них рассчитывается. Но это еще полбеда. Беда более в том, что они хватают зазевавшихся жен и дев себе на потеху. В Москве зреет недовольство. Обвиняют тебя, государь, в потакательстве. Изгони силой. Доверь мне этим заняться. Или поручи Басманову, Воротынскому.

— Но тогда прольется кровь.

— Если не пролить малой крови, может политься большая. Если людишки возмутятся...

— Народ мой любит меня — против меня не поднимется.

Не мог же Дмитрий сказать всей правды опекуну своему, которого хотя и держал на расстоянии от себя, но все равно признавал и его ум, и его отменное знание обстановки не только в Кремле и в Москве, но и во всей державе, но что он мог сделать шляхтичам, если сразу же после объявления о роспуске их отряда и гусарской роты, после щедрого, как он считал, вознаграждения за их ратную помощь, к нему пришла делегация от всех шляхтичей. Возглавлял ее Станислав Мнишек. Он твердо заявил:

— Мы не покинем Москвы. Мы не покинем Руси. Мы должны в качестве компенсации за нашу кровь получить имения с селами и крестьянами.

— Но я рассчитался с вами сполна. По уговору.

— Нам так не кажется. Мы стоим на своем: имения с деревнями. Хотим предупредить тебя, если ты, князь московский, задумаешь применить силу, тайный договор твой с королем Польши Сигизмундом Третьим станет тут же известен не только Кремлю, Москве и всей Руси, о нем узнает весь мир. Мы готовы к этому. И еще хотим подсказать: пора исполнить все, что определено договором. Честь имеем.

Как, скажите на милость, после такого предупреждения решиться на применение силы? Позже, когда пройдет венчание на царство, когда можно будет чувствовать себя более уверенно на троне, не так опасным станет обнародование тайного договора, пока же необходимо переждать, закрывая глаза на бесчинства шляхтичей.

В конце концов москвичи тоже не без кулаков. Намнут раз-другой бока охальникам — утихомирятся.

А что касается договоров, их нужно исполнять. И брачный, и тайный с Сигизмундом и Мнишеком. Не сразу, конечно, а по частям. Иначе не видеть в женах Марины, да и мира с Польшей не жди.

Особенно, если честно признаться, Дмитрию не хотелось отдавать Смоленск. Он вполне понимал, что все бояре и, главное, опекун Вельский, будут против, поэтому никак не решался предоставить правление над Смоленском Юрию Мнишеку, но тот тоже вынуждал, выпуская коготки из своих пухлых пальцев.

— Ты послал служивых Посольского приказа догнать и возвратить в Москву посла английской королевы, обещал купцам английским торговые льготы, какие были при отце твоём, это — похвально. Но ты не вспомнил отчего-то о льготах для купцов Польши и Литвы? Ты забыл о Смоленске и землях, ему подвластных. Если не вспомнишь, тайный договор, какой ты заключил с Польшей, станет известен послу Англии, а тот постарается оповестить о нем все царствующие дома Европы. Это величайший позор. Выбор за тобой, мой зять. И еще... Ты можешь не стать мужем дочери моей, красавицы Марины, если будешь лукавить. Зачем ей такой муж? А мне такой зять?

Повелеть бы рындам и телохранителям выпшвырнуть наглеца из Кремля и препроводить до границы с Польшей, наплевать на Марину, ибо хуже ли ее Ксения? Сейчас подневольная. А если станет женой, украсит и царский трон, и опочивальню. А договор и контракт? Бояре, князья, дворяне и простой люд вполне поймут, что подневольны те кабальные договора, и простят. Но эти мысли сквозняком пронесли в голове, Сандомирскому же воеводе он ответил твердым заверением:

— Все исполню. Дай малый срок. Возвращу мать из Выксинской пустыни, повенчаюсь на царство, и когда присягнет мне Россия на верность, тогда повелением уже самодержца я отдам тебе в управление Смоленск с землями, жениюсь на Марине, определю торговые льготы для купцов польских и литовских, оделю нескольких шляхтичей, в первую голову твоего сына, землей не скаредно. Помогу и Сигизмунду вернуть ему корону шведскую.

— Мы подождем.

Сказано это было не тоном согласия, а как предупреждение, что они, конечно, готовы подождать, но терпение их не беспредельно.

Иезуитов, которые пожаловали почти следом за Мнишеком, тоже заверил в ответ на их настойчивые требования исполнить обещанное, что все будет после возвращения матери и венчания на царство.

О матери, Марии Нагой, в иночестве Марфы, Дмитрий Иванович говорил не случайно, не ради отговорок. Он хорошо понимал, что только ее признание окончательно убедит тех, кто еще сомневается в истинности его происхождения и законного права на престол. Без матери в Москве нечего думать о венчании на царство. Но нет-нет, Дмитрия брали сомнения: прошло довольно много лет, как его оторвали от матери, подменив несчастным сиротой, и вдруг Мария не признает в нем своего сына, тогда может все рухнуть в одночасье.

Не мог он с ходу и решить, кого послать за ней. Лучше всего, конечно, Богдана, но не вызовет ли это подозрение: Вельский клялся о подмене, но если он лукавил, то может уговорить вдовствующую царицу сменить убогую келью на блеск царского дворца. Так могут рассудить маляверы.

«Нет. Лучше послать кого-либо другого. Как только придет от нее согласие».

Он уже послал государыне весть о победе с обещанием в скором времени звать к себе в Москву, если на это будет ее согласие. Знал Дмитрий и то, что великий оружничий посылал в Выксинскую пустынь Афанасия Нагого (Бельский это от царя не скрывал), собирался также, по совету Бельского, ехать отец вдовы Грозного Федор Федорович, но пятьсот верст ему, окончательно постаревшему, представлялись непосильными. Время шло, но от матери ни слова, ни весточки, царевичу приходилось ждать.

Вот, наконец, вернулся посланец от Марии Нагой — инокини Марфы, с нежным материнским словом, с радостью за сына, вернувшего себе законное право венчаться на царство, но ни слова, готова ли она разделить с ним власть, и тогда он решил послать к ней целое посольство из знатных вельмож, чтобы ударили бы они челом, прося вернуться в Москву к сыну. Выбор пал на князя Михаила Скопина-Шуйского и еще нескольких князей и бояр думных.

С трудом посольство уговорило царицу Марию-Марфу покинуть Выксинскую пустынь, чтобы вернуться в стольный град, в царский дворец.

— Верно, — соглашалась она, — царские хоромы — не убогая келья в затерянном монастыре. Страстно хочу я и припасть к груди сына своего, которого вырастила и воспитала не я, а приемная мать, неизвестная женщина, но я еще не стара годами, и меня может увлечь суэта кремлевской жизни, я же, хотя и насильственно, все же отдана Господу Богу нашему. Как быть?

— Ехать. Иного ничего не может быть.

— Я подумаю. Дайте мне немного времени. Возможно, предложу сыну приехать сюда, как повенчается на царство и присягнет ему Русь. Возможно, я соглашусь переехать поближе к сыну, но все равно в монастырь.

Эта мысль тут же была подхвачена князем Шуйским и другими послами. Действительно, что теперь мешает ей переехать из одного монастыря в другой, в котором бы сын мог навещать ее часто, не слишком отрываясь от дел державных?

Именно на этом пришли к согласию. А когда уговор состоялся, Марию Нагую словно подменили: спешила со сбо-

рами сама, торопила князя Скопина-Шуйского с выездом, согласна была даже ехать верхом либо на деревенской бричке, не ожидая, когда будет сделан для нее удобный дорожный возок, но на это вельможи не согласились, и выезд состоялся лишь через несколько дней.

Провожали инокиню-царицу все сестры во Христе, искренне плача, хваля ее доброту, смиренность и усердность в богослужении, в то же время искренне радуясь за нее, представляя, с каким трепетом прижмет она сына своего, с которым была разлучена с самых малых лет его.

Царица с низким поклоном простилась с инокинями и даже послушницами, приняла благословение настоятельницы и поцеловала нагрудный крест ее и лишь после этого, поддерживаемая князем Скопиным-Шуйским, села в крытый возок, где уже ждали ее юные монашенки, выбранные настоятельницами в путные служанки Марии-Марфе.

От дневок Мария-Марфа наотрез отказалась, и князю Скопину-Шуйскому пришлось заботиться о ежедневной смене лошадей, для чего посылал он загодя своих слуг к местам, определенным для ночевки, чтобы закупали они свежих лошадей. Ехал поезд царицы поэтому споро. Даже в Муроме, где готовились для царицы-инокини специальные палаты, чтобы отдохнула она хотя бы несколько дней, решили не останавливаться.

Москва приближалась. Уже поскакал гонец Дмитрию Ивановичу с вестью о времени прибытия поезда царицы-инокини, и тот, горя желанием поскорее встретиться с матерью, которую вовсе не знал, выехал ей навстречу в село Тайнинское, где приготовил все необходимое.

Целых два дня томился в ожидании, рвался ехать дальше, но советники удерживали его. Особенно настойчив был Бельский.

— Первая встреча должна быть при народе. Для тебя, государь, это очень важно.

Дмитрий Иванович и сам это хорошо понимал, и все же с трудом заставлял себя коротать время в бездельи.

Показался, наконец, поезд. Вот он уже рядом. Возница так остановил возок, чтобы дверца оказалась перед государем — кто-то из слуг поспешил, чтобы услужливо открыть ее, но Дмитрий Иванович остановил приткнутого слугу, сделав это сам.

И вот они друг перед другом. Мать и сын. Придворные, а также наехавшие и сбежавшиеся к месту встречи инокини Марфы и государя-сына, притихли, взволнованные, быть может, не меньше разлученных. Вот Мария нежно прикоснулась к бороздкам на лице сына своего, словно уточняя, они ли те самые, какие она любила рассматривать и даже гладить в минуты нежности, когда кормилица приносила к ней Дмитрия, затем рука столь же нежно погладила голову сына и уж после этого порывисто прижала его к своей груди и зарыдала.

Успокоившись, наконец, засияла счастьем. Будто вернулись те прежние безоблачные дни, когда был жив ее муж Иван Васильевич, и вместе они нежили своего ребенка, лаская его, одновременно забавляя и его и себя.

— Господи! — с нескрываемой радостью воскликнула Мария-Марфа. — Как отблагодарить мне тебя?!

— Я тоже возношу Господу благодарственные молитвы ежедневно за чудесное спасение от смерти его промыслом. — Да. Промысел Божий, это верно. Но твой ангел-спаситель Богдан Яковлевич. — Она отстранилась от сына и, сделав несколько шагов к стоявшему среди бояр Бельскому, низко ему поклонилась. — Моя вечная тебе благодарность, Богдан Яковлевич. Молю тебя, оставайся с сыном моим и дальше. Опекай его.

Бельский хотел сказать, что теперь это зависит не от него одного, но в этот момент подошел к ним Дмитрий и, подражая матери, поклонился своему великому оружнику, своему холопу.

Богдан Бельский склонился в пояском поклоне, не сказав того, что так ему хотелось сказать.

Гулом восторга сопровождалась эта умильная сцена.

Подали великолепную колесницу с впряженной в нее тройкой белых в яблоках красавцев, Дмитрий Иванович помог матери удобно устроиться на мягком бархатном сиденье и, обнажив голову, пошагал рядом с колесницей.

Несколько верст государь и сопровождавшие его бояре и князья шли с непокрытыми головами, и только когда осталось совсем мало пути до Скородома, Дмитрий Иванович сел на коня и ускакал в Кремль, дабы принять вдовствующую царицу в тех самых палатах, где пролетели ее счастливые дни с мужем, где родился у них сын и наследник.

Дмитрий намеревался оставить мать в тех палатах навсегда, но она воспротивилась.

— Я отдана Господу Богу.

— Насильно же.

— Какое это имеет теперь значение? Я инокиня Марфа, и мое место в монастыре, где я буду молить Всевышнего о твоём долгом и благополучном царствовании.

Никакие уговоры не действовали. Она согласилась пожить во дворце лишь до тех пор, пока не приготовят ей достойную царицы келью в Вознесенском девичьем монастыре.

И еще она не возразила против того, чтобы Русь присягла не только сыну, но и ей, как царице. Для Дмитрия Ивановича это было очень важно, тем более, что подобное не внове для Руси: целуя крест Борису Годунову, присягали и здравствующей царице. То же самое повторил и Федор Годунов — в первую очередь присягали его матери, вдове Марии Годуновой-Скуратовой, и лишь следом, как бы в приставку, ему — царю Федору.

Дмитрий Иванович собирался повторить опыт противников своих и был весьма рад, что мать не отказала.

Теперь можно назначить и день венчания на царство. Он угодил как раз на праздник бога Купалы. Случайно такое вышло или специально, Дмитрий никому не объяснил. Даже иезуитам. Русские люди, хотя уже почти поголовно крещенные, не забывали этого задорного праздника в честь бога земных плодов перед сбором хлебов. Непременно топились бани, затем всю ночь, особенно молодежь, водили хороводы на берегу речек, приносили как жертву доброму богу купальницу, но не менее привлекателен был для народа этот праздник тем, что в ту ночь не осуждались никакие вольности, и в прибрежных кустах до самого утра хихикали и взвизгивали уединившиеся парочки. Не были ревнивыми в ту ночь ни мужья, ни жены.

Москва загодя, как обычно, готовилась к этому озорному празднику, и вдруг — вся подготовка козе под хвост: венчание на царство. Выходит, забудь о Купале. Не поспешишь в Кремль по доброй воле поглазеть на венчание, принудят неволею: не быть же Кремлю в день столь величайшего события для державы полупустому.

А вечером и ночью? Бочки с медом хмельным, с брагою на всех, почитай, перекрестках, все трактиры и питейные монополюшки открыты настежь, заходи, пей и закусывай безденежно, за счет царской казны — какая уж баня, какие хороводы на берегу Москвы-реки, Неглинки, Яузы, Сходни? Молодежь если только осмелится на это.

Ладно, махнули рукой на Купалу москвичи — не последний год в жизни, а венчание на царство — красиво и важно. Да и на дармовщинку чего не погулять? Без недовольства заполнили Кремль до отказа. Радостно приветствовали они венчаемого на престол Дмитрия, желая ему многих лет жизни и спокойного царствования, но лишь до тех пор, пока вышедшего из храма помазанника Божьего, не успевшего сойти с паперти, встретил приветственной речью иезуит Николай Черниковский на языке латинском, лишь единицам россиян знакомом.

Иезуит что-то говорил, а площадь перед храмом словно сквозняком прореживалась: крестьяне и отплывавшая масса москвичи покидали Кремль, а потом у бочек с хмельным медом и брагой, в трактирах и монополюшках всю ночь напролет судачили, вовсе забыв про Купалу, о непонятной речи паписта. Безбоязненно (пьяному море по колено) выплескивали даже такие речи:

— Велел латинянин, должно быть, всю Россию в папистскую веру переманить! Губа не дура — эх какой лакомый кусок!

— А сам-то Дмитрий Иванович не папист ли случаем?

И тут вроде бы случайно оказавшийся попик со своим словом:

— Истине говорю вам: папист. Принял он католичество.

В ту ночь церковники, особенно приходские, по указке, конечно, архиерейского клира, так и сновали меж пирующими. Их понять можно: разве хочется терять духовную власть и необъятные доходы?

Многие москвичи в ту ночь и по своим убеждениям, и по слову священников позапирались в своих домах, отказавшись от щедрого царского угощения, и от хороводов на берегах речек, а молились неистово перед образами, что висят в красных углах каждого православного дома, моля Господа не позволить еретикам надругаться над верой праведной.

Но не только черные люди, купцы, ремесленники и гулящие поворотили носы от царя-батюшки, даже бояре глядели на Дмитрия Ивановича иначе. Хотя на пиру возносились велеречивые здравицы в его честь, искренности, какая была прежде, уже не было — лицемерие пролегло между царем и его боярско-княжеским окружением.

Дмитрий Иванович, однако же, не замечал ничего. Он упивался своим величием, самодержавной властью, а поляки с иезуитами все плотнее облепляли трон, и в Кремле начал праздновать победу новый уклад жизни: теперь слуги, одетые на польский манер, подавали к царскому столу даже телятину, заповедную для русского человека. Сам царь не ложился спать после обеда, как издревле веками делали все, от венценосцев до простолюдина.

Все более и более терял Дмитрий Иванович уважение бояр, дворян, всей дворни, дьяков и подьячих, но Бельский даже не пытался что-либо изменить, решительно влияя на государя. Он даже не докладывал, что был обязан делать как оружничий, о той враждебности, какая появляется у москвичей, ни слова не молвил о лицемерии боярском, ко всему он относился с полным безразличием. Но вот к нему в дом наведалься воевода Петр Басманов с серьезным упреком.

— Ты, великий оружничий, спас жизнь Дмитрия Ивановича, твоими усилиями возведен он на престол, отчего теперь ты позволяешь ему забредать все дальше и дальше в болото? Государь более слушает моих советов, чем твоих. Ты отдаляешься от него, и он это видит.

— Верно ты подметил. Я действительно отдаляюсь. Но моя ли в том вина? Я — оружничий, но кроме меня Дмитрий Иванович заимел у своей руки двух тайных секретарей, Яна и Станислава Бучинских. Выходит, он не доверяет мне, не доверяет Сыску, который создан его отцом. Он заключил какой-то тайный договор с Сигизмундом и Мнишеком, а я, его опекун, не был даже извещен об этом шаге. Разве это допустимо?! Пусть сползает в омут, пусть засасывает его болотная тряпина, я постою в стороне.

— Не тешь свою обиду, Богдан Яковлевич, подумай о державе. Иль Дмитрий Иванович не может управлять державой? Мы с тобой лучше всех знаем, что может, и не нам ли направлять его на верную стезю?

— Еще в Польше при первой встрече я понял, что Дмитрий далеко не мальчишка-несмышлениш, но муж, видящий далеко вперед и умеющий распознавать хитрость и лукавство, но...

— Я знаю, что ты скажешь: его основательно захомутали паписты, а ты предупреждал, убеждал. Но я скажу так: без должной настойчивости. Ты безоглядно веришь слухам о каком-то тайном договоре, но есть ли он? Я тоже верил Годуновым, что Дмитрий Иванович — лжецаревич. Ты нянчишь свою обиду, иезуитам же это весьма кстати. Мнишек и иным с ним тоже усладно. Не пора ли нам самим засучить рукава?

— Хорошо. Пойдем вместе. В одиночку я уже отчаялся.

Вошли они в царев дворец без задержки, стража хорошо знала, что вхожи они к царю в любое время, но перед дверью в комнату, где обычно принимал Дмитрий Иванович советников, восседая на малом троне, их остановили.

— Государь беседует.

— С кем?

— Выйдет, сами увидите.

Более получаса вынуждены были сидеть они на лавке, сложивши руки на коленях и сдерживая недовольство, чтобы, когда начнется важная беседа, не спорить горячки. Вот наконец дверь отворилась, и из нее вышел иезуит Черняковский. Холодно кивнув великому оружнику и главному воеводе, важно прошествовал на выход. По его лицу было видно, да и по походке, что он весьма доволен разговором.

Бельский и Петр Басманов вошли в приемную и встали у двери в полупоклоне.

— На разговор к тебе, государь, на серьезный, — объяснил свой приход воевода Басманов. — Решили: вдвоем сподручней и убедительней.

— Коли так считаете, садитесь. Послушаю вас.

— Ты заставляешь ждать верных тебе слуг за дверью, беседуя с врагом православия наедине. Мы бы разве стали помехой? Или нам нельзя знать, о чем ваша беседа? Разве не осудительно это для царя православной Руси?

— Но я пекусь о подданных своих, чтобы они стали настоящими людьми. Иезуиты по моему разрешению построят в

Кремле свой храм и при нем откроют училище. Второй шаг — университет. На манер английских, французских, немецких.

— Иль русские сами своей грамоте не обучены? Иль церковно-приходских школ у нас нет? Иль от отца к сыну рудознательство, плавильное дело, оружейное мастерство и иное ремесленничество не передается у нас?

— Не о пытливых и ищущих я говорю, а о спесивых вельможах, о служках и купцах, да и о простолюдинах. Скину с бояр длиннополые их кафтаны, с людишек армяки вонючие, одену в одежды изящные. Бороды тоже велю побрить.

— Неудобна одежда папистов для нашего короткого, но жаркого лета, для нашей длинной холодной зимы. Да и борода от мороза лицо бережет. Муж без бороды, что баба. Неудовольствие поднимется великое.

— Ничего, свыкнется, слюбится.

Долгая пауза, и заговорил опекун:

— Ты знаешь, государь, что мною сделано много, чтобы занял ты Богом определенный тебе престол. Ты знаешь и то, что воевода Петр Басманов, перейдя на твою сторону по моему совету, в один день изменил соотношение сил твоих и твоего противника. Делали мы это ради сына Ивана Грозного, ради величия Руси, ради блага ее и процветания. Сего дня мы видим, что вновь нужно спасать тебя, государь, да и Русь тоже. Тебя от заблуждений, Русь от иезуитов и шляхетского вероломства.

— В чем мои просчеты? — с явным неудовольствием спросил Дмитрий Иванович.

— Ты — расточителен. Виданное ли дело отливать трон из чистого золота с подвесками из алмазов? Ты устраиваешь ежедневные веселья с музыкой и плясками, не минуя даже постных дней. Ты не носишь бороды, как латынянин. Ты не почи- ваешь, как делали все венценосцы испокон века, уважая обычаи российские. Ты редко посещаешь Божьи храмы, а когда делаешь это, тебя сопровождают телохранители-паписты.

— А чего ради ты окружил себя иноземцами? — поддержал воевода Богдана. — Виданное ли дело: набрать три сотни немцев, каждого наделив поместьем и кроме того положив по полусотне рублей жалованья. Сотники над ними тоже иноземцы: французишка Мержерет, ливонец Кнутсен, шотландец Вандеман. Русским, выходит, нет доверия?

— По Москве ходят слухи, будто ты, государь, намерен от-
дать ляхам Смоленск и Россию приневолить в католичество.

— Я знаю это и уже распорядился пресекать. Завтра глав-
ные распространители этих слухов предстанут перед судом.
Велю и вам быть на том суде, — и к Богдану: — Ты, великий
оружничий, и твоя служба не только в заведовании Апте-
карского приказа, не только в том, чтобы извещать меня о
смутах, но и пресекать их, ты же проявляешь нерадивость.
Теперь о прежних твоих наставлениях. На днях я посылаю
в Краков великого секретаря и казначея Афанасия Власье-
ва для сватовства. Он повезет грамоту Сигизмунду Третьему
и письмо моей матери царицы-инокини Марии-Марфы к са-
мой Марине с благословением родительским. А музыка? А
веселье во дворце? Разве это хуже слез? Разве радость осуди-
тельна? А борода? В ней грязь и вши.

Помолчал немного, затем начал отвечать на упреки вое-
воды Басманова. Так же основательно:

— Твои слова — небыльные. Разве я ущемил тебя в чем-ли-
бо? Разве я распустил дворцовый стрелецкий полк, хотя он
более всех противостоял мне? Разве я снизил стрельцам жа-
лованье, а не повысил его? Разве я не поверстал всех каза-
ков порубежных и детей боярских в достатке земель в тех
объемах, какие были утверждены моим отцом?

Вновь пауза, затем уже слово, сразу к двоим обращенное:

— Все буду делать так, как я вижу во благо Руси необхо-
димое. Как я намерен выводить подданных своих в светлое
завтра. Не осуждать меня вам следует, а пособлять всеми си-
лами, — и добавил уже более спокойно. — Завтра суд не по
злобству моему, а для успокоения Москвы. Побудете на су-
де, поймете все сами. Пока же ступайте и занимайтесь всяк
своим делом.

Когда же великий оружничий и главный воевода поки-
нули дворец, Вельский спросил Басманова:

— Ну что, убедился? В когтях он у иезуитов и Мнишека.

— Вроде бы так, но он же во многом прав. Ратников рус-
ских он и в самом деле не обижает. А нравы его? Богу судить
помазанника своего, а не нам.

— Я остаюсь при своем мнении.

— Я тоже при своем. И не осуждаю себя, что поддержал
Дмитрия Ивановича.

— Что ж, завтра на суде послушаем.

Впрочем, если уж быть совершенно откровенным, Бель-
ский мог предположить, что не просто так решился на суд
государь, что есть у него для этого веские причины.

Впрочем, предполагать — одно, знать — совершенно дру-
гое, и Вельский без задержки пошагал в Сыск к тайному
дьяку, чтобы спросить у него, знает ли он о том, кого госу-
дарь намерен судить и что это за суд. Вельский твердо ре-
шил, если тайный дьяк знал и не оповестил сразу же, рас-
статься с ним немедленно и безоговорочно. Хватит терпеть
двойный игры.

Переступившего порог тайной избы Бельского тайный
дьяк встретил удивленно:

— Так скоро? Я только-только за тобой послал. Страшную
весть только что получил, а что с ней делать, ума не приложу.

— Выкладывай.

— Сегодня в ночь возьмут под арест трех князей Шуй-
ских: Василия и его братьев Дмитрия с Иваном за то, что
подняли они на щит в свое время Борисом Годуновым объ-
явленное — Дмитрий Иванович не Дмитрий, мол, Иванович,
а самозванец. Купец Федор Конев об этом разглагольствовал
в трактире. Его арестовали, хотели было пытать, но он без
пытки признался, будто не свои слова говорит, а князя Ва-
силия Шуйского, а ему, дескать, видней. Он, мол, самолич-
но хоронил Дмитрия Ивановича многие годы назад. Госу-
дарь определил судить их собором, избранными людьми от
всех сословий, даже от гулящих. Прежде такого не бывало —
самодержец сам творил суд и расправу.

— Да, делишки. Оттого государь просил меня и Басмано-
ва посетить суд. Ну, еще что? Не одних же братьев Шуйских
окуют?

— Вестимо, не одних. Стрелецкого голову Смирнова-От-
репьева — в Сибирь. Дворянина Петра Тургенева тоже вон из
Москвы. Из людишек служилых прознал лишь о некоем Фе-
дорове. С ними без суда расправятся. Иноков Чудова монас-
тыря почти всех по другим монастырям велено разослать.

— Еще есть что-либо припрятанное? Выкладывай начис-
тоту.

— Иезуиты добились согласия на постройку храма для па-
пистов-наемников и тех, что у руки государя в самом Крем-

ле. Им, видите ли, далеко на богомолье ездить в Немецкую слободу.

— Ведаю.

— А еще они убедили Дмитрия Ивановича поставить новую церковь, но не для службы в ней, а для потех.

— Не может быть! — вырвалось невольно у Богдана Вельского, но он тут же взял себя в руки.

— Все может быть, — буднично ответил оружничему тайный дьяк. — Все может быть.

Не думал даже великий оружничий, что государь велит именно ему возводить эту ледяную церковь, и он не найдет в себе силы отказаться от столь унижительного урока, понимая в то же время, как его послушность повлияет на отношение к нему не только духовенства, но и большинства москвичей. Да и не до подобных предположений было Вельскому, когда тайный дьяк заговорил о делах более важных:

— Дмитрий Иванович ведет переписку с Папой Римским. Через иезуитов. Обещал в последнем письме, которое удалось заполучить, обеспечить безопасный путь в Индию папским миссионерам. Через Россию они поедут. Ну это, как говорится, Бог с ним, а вот тут более серьезное: «Буду верным данному мною слову». Непонятно, какому слову? Неясно, что обещано?

«Выходит тайный договор есть. Если не письменный, то устный. И не только с Сигизмундом, но и с Папой Римским. Да, крепко завяз царь-батюшка».

Но эта мысль лишь для себя, а не для тайного дьяка. Ему же — поручение:

— Не худо бы среди иезуитов занять своего человека. С открытыми глазами куда как ладней станет упреждать их ходы.

— Я стараюсь. Пока впустую. Но Бог даст, придет удача. И вот еще из переписки, если тебе, великий оружничий, неизвестно: государь Дмитрий Иванович уговаривает Папу Римского поднять все христианские страны на Турцию, но Папа Римский хитрит: Русь, дескать, пусть начнет, отвоеует Тавриду, отрубив таким образом одну руку у султана, вот тогда, мол, поднимутся все страны. Пока же на Швецию настраивает, помочь Сигизмунду вернуть шведский престол.

— Не дай Бог нам еще одной войны! — вновь не сдержался

Бельский. — Крови и так пролито охапками. А голод скольких унес? Нет-нет.

— Ну, это уж вам с Басмановым передергивать государю удила. Мое дело дать тебе, великий оружничий, знать, что от тебя сокрыто.

«Вот бестия! Все знает. Знает, что не ладятся у меня и Басманова отношения с царем. Ну, да ладно. Бог с ним. Пусть знает».

До вечера Богдан повстречался с Петром Басмановым и рассказал, каким судом намерен Дмитрий Иванович судить князей Шуйских.

— Стало быть, казнь определена. Сам-то он обет дал не лить крови, а тут — чужими руками. Хитер! Ох, хитер!

— Иезуиты, должно быть, насоветовали. Или секретари тайные Ян и Станислав Бучинские.

Предположение воеводы Басманова оправдалось. Собор был избран так ловко, что никого, кто бы уважал Шуйских, в нем не оказалось.

Первое решение собора — пытать Василия Шуйского, дознаваясь, не имел ли он сообщников из князей, бояр и дворян. Князя Василия Шуйского увели часа на два. Вернули избитого, со следами прижигания на лице, в изодранных одеждах, но гордого от своего подвига: стоял на своем, превозмогая боль:

— Я лично хоронил отрока Дмитрия Ивановича. Я говорил это прежде еще под присягой, повторю это еще и еще. Мне не нужны сообщники.

На суде же он продолжал настаивать, что у покойного не было на лице никаких бородавок.

Ведущий собор соглашался с доводами Василия Шуйского:

— Верно. Не было. Не мог же присутствующий здесь великий оружничий найти мальчика с такими же бородавками, как у Дмитрия Ивановича. Вот их и не было. Мать же, царица Мария, по бородавкам сразу же признала сына.

Вот для чего, оказывается, государь попросил его, Богдана Бельского, быть на суде. Для ссылки на него, как свидетеля, как организатора подмены, как ангела-спасителя. Не забывает, значит.

«Хитер».

— Я доподлинно знаю, что венчанный на русский престол, на престол православной Руси принял ересь латинскую. Сын Ивана Грозного, помазанника Божьего, никогда бы на это не пошел. Захвативший престол не носит бороды, он ест телятину, он держит в своей опочивальне царевну Ксению, аки басурман в своем гареме. Он окружил себя ляхами и служителями Папы Римского. Мыслимо ли, чтобы сын Ивана Васильевича грешил так безбожно?!

Ведущий собора-суда остановил князя Василия Шуйского:

— Нам известны твои властолюбивые помыслы: оклеветать государя Дмитрия Ивановича, возбудив против него чернь, дворянство и боярство, самому захватить престол. Крамола, которая карается безусловной смертью! Как, избранные от сословий?

Минутное молчание. Ведущий собор не рискнул медлить, опасаясь возможного возражения, хотя бы единственного, после которого непременно начнется спор, он хорошо знал, какое решение нужно царю-батюшке, поэтому заключил:

— Стало быть, никто не имеет возражения. Принято. Смертная казнь. О братьях же его, князьях Дмитрие и Иване, предлагаю решить так: за то, что знали о крамоле и не донесли, — ссылка.

Тут уж никто не стал возражать.

Слава Богу, что хоть этим двоим оставили жизнь.

Когда стрельцы повели князя Василия Шуйского на Лобное место, чтобы привести приговор собора в исполнение, к Петру Басманову подошел тайный секретарь Дмитрия Ивановича Станислав Бучинский и вроде бы так, от себя лично, посоветовал:

— Думаю, угодно было бы государю Дмитрию Ивановичу, если бы ты, знатный воевода, прочитал цареву обращение к московскому люду. Вот бумага.

— Теперь же и казнь?

— Да, на Лобном месте все готово. Палачи ждут.

Едва не вырвалось у Петра Басманова: «Чего ради тогда собор собирали? Туману напустить?» Переупрямил, однако, себя. Молча взял обращение.

Действительно, на Лобном месте уже установлен высокий помост, чтобы видел согнанный на Красную площадь народ, как карается измена. На помосте новая плаха, еще ни разу

не бывшая в деле. Дубовая. Палач в красном шелковом кафтане. Двое подручных, тоже в красных армяках. Палач, опершись топором о плаху, подбоченился, взирая гордо на толпу. Да и как ему не гордиться: ему поручено исполнить волю вселенского собора, а не одного лишь самодержца.

Ввели на помост князя Василия Шуйского. Не окованного цепями, но окруженного стрельцами. Изможден. Со следами пыток. В рваной одежде, хотя и не потерявший богатого вида — аксамит, шитый золотом, он даже изодранный рьяными палачами, остается аксамитом. Искрятся на аксамите огоньками радостными самоцветы, словно шлют солнцу свою ему благодарность за ласковые лучи.

Стрельцы встали по краям помоста с обнаженными акинаками³⁵ и замерли, ожидая воеводу, который медленно, словно подчеркивая подневольность, поднимался по ступеням помоста.

Вот встал он перед князем Василием Шуйским, а глашатай прокричал:

— Слушай, народ честной, слово государя нашего. Слушай воеводу Петра Басманова, через него передает государь свое слово.

Петр Басманов, тоже напрягая свой голос, начал читать:

— Думный боярин князь Василий Иванович Шуйский изменил мне, законному государю всей Руси, коварствовал, злословил, ссорил меня с вами, добрыми подданными: называл лжецарем, хотел свергнуть с престола. Для того осужден на смерть: да умрет за измену и вероломство!

Коршуном набросились на князя подручные палача, оголили мгновенно до пояса, хотели силой склонить его голову на плаху, но он отшвырнул их от себя.

— Я сам! — затем, повысив голос, рек гордо: — Братья! Умираю за истину! За веру православную! За вас!

Гробовая тишина на долгие минуты, но вот — всхлипы. Горестные.

Князь Василий опустился на колени перед плахой и, осевив себя крестным знаменем, положил голову на плаху — палач, поплевав на руки, взял смертоносный топор, будто взвешивая, в самый ли раз он по его силушке, и тут требовательный окрик от Фроловских ворот, вынесшегося оттуда всадника:

— Стой!

Толпа мгновенно оттеснилась, давая проезд царскому служивому на коне, тот, переведя коня на рысь, подъехал к помосту и передал палачу царский указ. Тот прочитал про себя указ и крикнул:

— Князь Василий Шуйский помилован!

Красную площадь будто подменили.

Она в один миг преобразилась. Куда делось ее насупленное молчание, прерываемое глухими горестными всхлипами, толпа возликовала, теперь уже не подавляя слез радости.

Странно. Никогда Шуйские не были горячо любимы в Москве. Их скорее побаивались, чем уважали, и вот — такое ликование. Об этом Богдан и сказал Петру Басманову:

— Есть над чем задуматься. В тени был Василий Шуйский, теперь вознесен толпой народной в высоты небесные.

— Не о нем печаль-забота. Скорее милость Дмитрия Ивановича легла на душу московскому люду.

— У меня иное восприятие: не удалась игра, затеянная иезуитами и Бучинским. Великую ошибку свершил Дмитрий Иванович. Даже в том, что замахнувшись, не рубанул. Теперь князь Василий — ярый его враг. А за спиной Василия Ивановича — все Шуйские. Их много. Очень много.

— Не разделяю твоего мнения. Государь поступил верно, помиловав князя-крамольника. Не врагом он теперь станет, а благодарным слугой.

— Что же, поживем — увидим.

— Пособлять Дмитрию Ивановичу нужно, а не подглядывать, стоя в сторонке.

— Была бы польза в помощи!

Бельский был и прав, и не прав. Крутые меры к распространителям слухов и помилование князя Василия Шуйского повлияли на москвичей. Одни восхваляли человеколюбивый жест царя, другие более помалкивали, боясь ковы за смелое слово, но все до единого восхищались мужеством осужденного на казнь, вспоминая его слова: «Умираю за истину! За веру православную! За вас!»

Церковники тоже за эти слова уцепились, исподтишка смущая души верующих, понося католицизм и восхваляя православие, но все это делалось весьма осторожно и, казалось, Москва успокоилась и что теперь самое время за-

няться подготовкой к свадьбе. Можно посылать Афанасия Власьева в Краков для торжественного сватовства. Грамота Сигизмунду Третьему готова, письма царицы-инокини Марии-Марфы — тоже. Пока же казначей Власьев исполнит урок, есть время подготовить все необходимое для встречи будущей царицы великой Руси, для торжественного венчания.

С опекуном царь Дмитрий не стал советоваться, даже не известил его об отправке сватов (Бельский все узнавал от тайного дьяка и своих соглядатаев), не собирал Боярской думы, чтобы заручиться ее поддержкой, советовался только с иезуитами и ляхами, досаждая тем самым русичам, кровно обижая их и словно не замечая скрытого боярско-княжеского недовольства.

Месяца через два Дмитрий Иванович получил известие, о котором тут же узнал великий оружничий не от государя: Сигизмунд лично благословил на замужество Марину Мнишек такими словами: «Чудесно возвышенная Богом, не забудь, чем ты обязана стране своего рождения и воспитания, — стране, где остались близкие и где нашло тебя счастье необыкновенное. Питай в супруге дружество к нам и благодарность за сделанное для него мною и твоим отцом. Имей страх Божий в сердце, чти родителей и не изменяй обычаям польским».

Из этой отписки, полученной тайным дьяком, Богдан попросил даже выписать благословительную речь Польского короля Сигизмунда, дабы познакомиться с ней князей Мстиславского, Воротынского и воеводу Басманова.

Каждый из них воспринял королевскую речь на свой манер. Князь Воротынский нисколько не удивился.

— А что иное король скажет своей подданной, тем более девице? Не поведет же она себя, как муж мудрый! Впрочем, посмотрим, как она покажет себя. Если у нее есть хоть капелька ума, а не одна красота, примет она обычаи русские. Для своей же пользы, для пользы мужа своего.

Примерно то же самое сказал князь Мстиславский, прочитавши речь Сигизмунда, добавив при этом странные слова:

— Ляхи такие же славяне, как и мы. Слишком ли разнятся наши обычаи? Но если не кичиться только своими, а позаимствовать и от них лучшее, не велелепно ли будет?

Удивился Богдан и подумал с подозрительностью: говорит не то, что думает. Выходит, не будет больше меж нами откровенности. Скорее всего, он переметнулся или переметнется к князю Василию Шуйскому. Задал ради подтверждения своего открытия вопрос:

— А католичество?

— Все равно — христианство. Одна вера. Раскололась она не по каноническим устоям, а от властолюбия и высокого самомнения некоторых первоапостолов, но более их последователей — иерархов. Каждый из них возжелал стать первым. Этого же добиваются они и теперь.

— Наша церковь возбудит прихожан.

— Она уже зашевелилась основательно. Думаю, однако, все можно уладить. Не вскачь, конечно, но исподволь.

Да, играет. Говорит в угоду Дмитрию Ивановичу, чтобы не иметь к себе никакого подозрения со стороны царя.

Воевода Петр Басманов, в отличие от князей, был по-ратному сух и строг:

— Всяк выбирает для себя лучшее. Было бы благом для Руси.

Все. Больше ни слова. Вроде бы с безделицей какой познакомил его великий оружничий. А может, тоже не хотел довериться: если поддерживать государя — без оглядки, ибо помазанника Божьего вправе судить только один Бог, а если не согласен с царем, тогда либо бери меч в руки, либо, на худой конец, удаляйся в свое имение.

А вот царь Дмитрий, получивший весть из Польши, — на крыльях радости. Он спешно собирает Боярскую думу и рассылает милости. Перво-наперво он разрешает жениться всем тем князьям, кому в свое время Борис Годунов запретил обзаводиться семьями. Князю Мстиславскому он даже предложил в жены двоюродную сестру царицы-инокини Марии-Марфы. А через несколько дней, когда князь Мстиславский согласился принять это предложение, назначил Дмитрий Иванович и день свадьбы.

На Думе же государь объявил о своем прощении князьям — братьям Шуйским, разрешив вернуться им в Москву, отдал им назад все их вотчины и имения. Кроме того, князю Василию Шуйскому он разрешил тоже жениться, отменив запрет Бориса и Федора Годуновых.

Милость эта повергла в уныние Богдана. Он-то знал, что не ради сермяжной правды (доносы поступали и ему, и тайному дьяку) Василий Шуйский распускал слухи о незаконном воцарении Дмитрия — князь, встав во главе Шуйских, домогался престола, видя такую возможность в грубых ошибках молодого царя, особенно в небрежении к православию. Он вполне обоснованно предвидел, что патриарх, весь его клир, почти все настоятели монастырей, да и соборных церквей встанут на его сторону, исподтишка возбуждая люд православный. Бельский не верил, что князь Василий Шуйский утихомирится, благодарный за помилование. Он вернется в Москву, чтобы погубить государя и занять Русский трон.

Можно ли смолчать, зная об этом? Можно ли оставаться безразличным и дальше, не наставляя на правильный путь Дмитрия, который все более и более ошибался. В данном случае — нет. Да, царь, захватив престол, очень сильно обидел его, своего ангела-спасителя, своего опекуна, не приблизив его к своей правой руке, но все же он очинил его великим оружничим и боярством думным. Если же одолеет князь Василий Шуйский, тогда самое лучшее — ссылка. Вот и наперекор своему же решению отойти от всего, нацелился на решительный разговор с государем.

Когда он сказал царю о своем намерении обстоятельно поговорить с ним наедине, попросив определить для этого время, Дмитрий ответил на это доброжелательно:

— Да хоть сейчас. Давно ты, мой опекун, избегаешь меня.

Хотел Богдан сказать, что давно и ты, царь, не называл меня опекуном, но выразился мягче:

— Твоя мать, царица Мария, просила меня быть при твоей руке неотступно, я хотел ответить ей, что теперь это зависит не от меня одного, но твой поклон помешал тогда. Теперь я это же говорю тебе.

— Не обижайся. Придет время, и ты познаешь мою благодарность полной мерой. Пока же — не время. Первый серьезный шаг я сделаю сразу же после свадьбы с Мариной, на которую приглашу тебя дружкой.

Были ли эти обещания искренними, либо это очередная хитрость, дабы опекун стал совершенно откровенным, трудно сказать, но то, что посул Дмитрия подвигнул Бельского на большую откровенность, это — несомненно.

— Поручив тебя святому старцу Дионисию в Чудовом монастыре, я просил ему рассказать тебе все о междоусобицах потомков Владимира Киевского. Говорил ли он тебе о вражде между Даниловичами и иными ветвями древа Владимирова? Особенно с Шуйскими?

— Да, рассказывал.

— И, должно быть, не как небывшее, а чтобы знал ты что к чему и не попадал бы впросак. Князь Василий Шуйский — враг твой. Злейший. Это говорю я тебе и как опекун, и как глава Сыска твоего, ибо Бучинские при всем старании не смогут глубоко разобраться в происходящем, не зная нашего прошлого. Шуйский смущал народ не забавы ради, а ради притязания на трон.

— Именно за это его и осудили собором.

— А ты его помиловал, теперь вот позвал под свою руку. Отец твой подобной ошибки не свершил бы ни за что.

— Наверное, ты прав. Но я дал обет править милостиво и не нарушу его.

— Даже при угрозе твоей жизни?

— Даже. Я — не труслив. К тому же я вполне уверен, что мой народ не пойдет против меня, сына великого государя, кого боялись только неверные бояре и их слуги.

Нет. Не сложился разговор. Богдан приводил неоспоримые факты вражды Шуйских с Даниловичами, рассказывал, как держал в узде Шуйских Грозный, просил, даже умолял Дмитрия Ивановича отменить свою милость, но государь твердо стоял на своем.

— Не отменю. Верю, князь Василий Шуйский станет верным моим слугой в благодарность за мою к нему и братьям его милость. Думаю, что это послужит и для других добрым уроком. Ты, великий оружничий, убедишься в этом сам и осудишь свои заблуждения.

Покинул царские хоромы Богдан в полной уверенности, что данная промашка царя — начало конца. И для него самого в первую очередь, и для тех, кто безоговорочно его поддерживает. Ему же, Вельскому, вполне возможно удастся выкрутиться, может даже, выиграть, но судьба может обернуться не тем боком. Не даром же волхвы так и сказали: все зависит от судьбы.

Князь Василий Шуйский не заставил себя долго ждать.

Вернувшись, он на первой же Думе поклялся служить государю верой и правдой, а в невесты себе выбрал княжну Буйносову-Ростовскую, свойственницу Нагих, чем весьма угодил царю Дмитрию, и тот не преминул упрекнуть Бельского:

— Прилюдно клялся. Более того, пожелал породниться со мной. А ты — предрекал.

«Молодо-зелено! — с досадой оценил доверчивость государя опекун. — Станешь кусать локти, да поздно будет!»

Он-то уже знал, что в тот же вечер, как вернулся князь Василий Шуйский, в доме его собралось изрядно недовольных царем. Крамольные речи, можно сказать, не велись, но одна фраза из доноса настораживала: «Огляжусь, верну доверие государя, вот тогда можно будет развернуться...»

Наверняка станет плести тенеты³⁶, и попадет в них кто-то из двоих: либо царь Дмитрий, либо он сам.

«А я до времени постою в сторонке. Погляжу издали».

Может, все же ошибочное решение, а надо бы бить в колокола, взять под свое око каждый шаг враждебного царю князя, а все доносы непременно предоставлять государю. Но верх брал не разум, а горькая обида на Дмитрия Ивановича, ставшего таким неслухом.

Приближалась зима. Веселий в Кремле подбавилось. Но Марина Мнишек все не ехала, живя в Сандомире, находила все новые и новые предлоги для задержки с выездом. Дмитрий недоумевал, пытался разгадать причину, но безуспешно. Наконец Ян Бучинский подсказал ему:

— Пошли деньги на расходы для достойного въезда будущей царице.

— Но я посылал уже сто тысяч.

— Они ушли на уплату долга королю. Воевода Мнишек занял именно такую сумму у короля на ополчение шляхтичей.

— Но Сигизмунд Третий выделил из своей казны на эту цель четыреста тысяч злотых.

— Верно. Только с пошлин и налогов Сандомирского воеводства, а какие там пошлины и налоги? Воевода задолжал казне как раз четыреста тысяч.

— Мне говорили об этом, но я не поверил. Как так, дать то, чего нет в природе?

— Это — истина. Печальная, но не такая уж страшная. Что для российской казны какие-то сотни тысяч? Капля в море.

Не усохнет она, если ты пошлешь своей невесте на дорожные расходы тысяч двести золотых.

Не слишком долго думал Дмитрий Иванович. И в самом деле, казна царская несметна.

— Хорошо. Тебе везти золотые.

Ян Бучинский вернулся в январе с доброй вестью:

— Чуть-чуть спадают морозы, поезд русской царицы тронется в путь. При мне приехал в Сандомир папский нунций Рангони. Он прибудет в Москву с поездом твоей невесты.

Каким образом в окружении князя Василия Шуйского стало известно намерение Папы Римского иметь в Москве своего нунция, Богдан не мог понять. Он даже спросил тайного дьяка, не его ли рук дело, но тот сам толком ничего не знал.

— Возможно, кто-либо из Посольского приказа тайно извещает князя Василия Шуйского? Расправляет плечи князь. Ох, как расправляет.

— Дознаться бы. Впрочем, Бог с ним.

Очень удивился тайный дьяк, но все же согласно кивнул. Не нужно, так — не нужно. Баба с воза, кобыле легче.

Меж тем вскоре и по Москве пополз слух, будто царь ждет посла от Папы Римского, чтобы тот силком заменил в Руси православную веру на католическую. Кто не согласится стать латинянином, тому — смерть. Верилось во все это простолюдинам, потому что говорилось это открыто священнослужителями. Они-то врать не станут. Им врать грешно.

Но не только за стенами Кремля мусолились страшные вести, они проникали и в сам Кремль. Но здесь не ограничивались лишь пересудами меж добрыми друзьями, кого не боялись, что донесет, а начались даже громогласные выступления. Счет им открыл дьяк Тимофей Осипов. Уединившись в своем доме на несколько дней, чтобы говеть и молиться, понимая свой неминуемый конец, появился в царских палатах и перед всеми боярами, собравшимися на Думу, возгласил:

— Грех на ваши души, что вы служите врагу нашей веры, рабу греха содомского!

Его моментально схватили, поволокли в пыточную, чтобы выбить признание о сообщниках, но он молчал. Не было

на него Малюты Скуратова, да и Богдан увильнул. Ян же Бучинский, не добившись ничего, велел именем царя умертвить дерзкого крамольника. Хотя царь дал обет не проливать крови.

Об этом обете вспомнили стрельцы, узнавшие об умерщвлении дьяка Осипова, и заволновались. Некоторые стали громогласно поносить Дмитрия Ивановича в отступничество от веры православной, это тут же было государю доложено, и он позвал к себе главу московских стрельцов Григория Микулина. Высказал свое отношение к случившемуся, казалось бы, без гнева:

— Я не хочу судить ратников. Судите вы их сами и сами же решайте, как с ними поступить.

Григорий Микулин понял, что от него требуется, и, вернувшись к стрельцам, не подумал даже собрать товарищеский суд, выхватил саблю и посек дерзких крикунов, объявив их изменниками. Он получил от царя чин думного дворянина, а москвичи возненавидели его как убийцу своих ратных товарищей.

Встревоженный беспокойностью в Кремле, Дмитрий Иванович позвал к себе Вельского и Басманова.

— Я намерен успокоить свой Двор потехой. Тебе, великий оружничий, я доверяю построить в несколько дней ледяную церковь, тебе, воевода, оборонять ее с избранными тобой ратниками, имея вместо оружия снежки, я же со своими телохранителями пойду на штурм. Тоже со снежками. На потеху эту созову всех думных бояр и дворян, весь Государев Двор.

— Не церковь бы, а крепость, — посоветовал Басманов, но Дмитрий Иванович не согласился.

— Церковь потешней.

Ох, как хотелось Богдану поперечить государю, наотрез отказавшись от столь унижительного поручения, но тогда — опала. А Дмитрий Иванович обещал после свадьбы с Мариной Мнишек особые милости. Нет, он не хотел хоронить себя в каком-либо монастыре или даже в одной из своих усадеб, он хотел быть при царе.

Были бы деньги, рабочие руки всегда сыщутся. За ледяную церковь взялось несколько артелей, вовсе не интересуясь, чего ради ее ладить. Плати по уговору и своевременно, вот и — ладно. Фантазии же у артельных хоть отбавляй. Они

даже иконостас там наморозили, будто настоящий. Немного, правда, удивились, когда великий оружничий велел им возводить вокруг церкви крепостную стену. Не высокую, чтоб было можно без лестницы вскарабкаться, но чтобы с башнями и даже с заборками по верху стены. Оплату посулил щедрую, потому справились со стеной быстро, наморозив ее велелепно и прочно.

У воеводы Басманова иная забота — заготовка снежков. Возами их завозили на церковный двор за ледяную крепостную стену, а затем укладывали целыми кучами на верху стены, под заборками, чтобы под рукой были у обороняющихся.

Все готово к указанному государем сроку, о чем доложено ему без задержки.

— Молодцы, — хвалит он. — Завтра, сразу же после рассвета, штурм. Я сам встану в ряды штурмующих и поведу их. Все три сотни моей охраны. У тебя, воевода, должно быть под рукой не более сотни. Кроме снежков — ничего. Ни у штурмующих, ни у защитников.

Штурм начался, едва забрезжил рассвет. Определили время наемники на добрые полчаса, но стрельцы Петра Басманова не опростоволосились, не были застигнуты врасплох, встретили меткими снежками и вынудили штурмующих отступить. Самому Дмитрию Ивановичу тоже досталось несколько метких снежков в голову, но он не досадует, а радуется:

— Как не похвалить стрельцов. Не даром хлеб едят и жалование получают.

Иначе восприняли свое отступление наемные царские охранные сотни. Их командиры, понявшие озлобленность подчиненных, посоветовавшись меж собой накоротке, решили не морочить голову, чтобы выдумать тактику для победы, а забросать стрельцов камнями, снегом лишь облепленными. Это предложил Кнутсен.

— Угодит если кому в голову, собьет спесь.

Мержерет и Вандеман поддержали своего товарища без всякого сомнения:

— Ставить нужно русских стрельцов на свое место!

— Еще как! Они должны нас уважать!

Через час все было готово к новому штурму. Двинулись царские охранные сотни. Впереди них — сам Дмитрий Ива-

нович. Рвется вперед, несмотря на попадавшие в него снежки, даже не замечая, что оборонительный пыл на стенах спадает. Он первым, посаженный Мержеретом, оказывается на стене. Радостно возглашает:

— Победа!

Но что это: у многих стрельцов лица разбиты до крови. Одному бинтуют кисть руки льняным бинтом; стрельцы хмуры. В руках у многих камни. Они потрясают ими перед носами наемников, что вызывает у тех гнев: как могут русские недотепы так нагло вести себя с ними, наемниками?! Похоже, вот-вот начнется настоящий кулачный бой, который уже не остановишь возгласом: «Победа!»

Понял Дмитрий Иванович, что сковарничали его охранные сотни, велит сердито Мержерету:

— Уводи всех в Кремль. Да поживей!

Сам же — к стрельцам. Молчат те, насупившиеся, утирая окровавленные лица.

— Не судите строго. Я не ведал их коварства.

— Не нам судить, государь, — ответил за всех молодой, но весьма разбитной стрелец. — Тебе судить.

И все. Даже это — очень смело. Царь, однако, не одернул стрельца, но и не пообещал наказать коварно нарушивших уговор потехи. Ему, впрочем, это даже в голову не пришло. А вот воеводе Басманову он повелел, позвав с собой:

— Так устрой службу стрельцам, чтобы с моей охраной не соприкасались ни в коем случае.

— Из Москвы, что ли, всех оборонявшихся?

— Нет. Высылать не стоит. Но в Кремль им дорогу закрой.

— Хорошо, — ответил воевода, хотя, если признаться честно, ничего хорошего он в этом распоряжении не увидел: стрельцы все до одного узнают о совершенном наемниками зле и горячо поддержат ратных товарищей. Весь Кремлевский стрелецкий полк возненавидит наемников, которых и прежде не очень жаловал.

Так все и вышло. Едва сходились стрельцы и наемники, тут же возникали ссоры. Вроде бы по пустякам, но злобные, готовые перерасти в зуботычины, а то и рубку.

Дмитрию Ивановичу о каждой из них докладывали Ян и Станислав Бучинские, обвиняя в основном стрельцов и обеляя наемников, но он не очень-то верил этим докладам, по-

нимая меж тем, что, если не успокоит ратников, неуютно ему придется на золотом троне.

Не давали ему успокоения и разговоры с воеводой Петром Басмановым, который больше обвинял его личную гвардию, а не стрельцов. Да и советовал воевода неисполнимое:

— Замени, государь, весь Кремлевский стрелецкий полк. Откажись от наемников для личной охраны. Пусть тоже разъезжаются по своим странам. Выборные дворяне, уверяю тебя, государь, и казаки надежней.

Совершенно прав воевода, тут с ним не поспоришь, но как на это посмотрят иезуиты, одобрят ли Папа Римский, Сигизмунд Третий и Юрий Мнишек? Если же они отвернутся, можно ли будет усидеть на троне? Нет, на такой риск Дмитрий Иванович не смог решиться.

А зря. Россия бы сумела защитить своего государя, стань он действительно русским царем, отцом-батушкой для народа. И от Сигизмунда защитить. И от Папы Римского. Да и от боярско-княжеских домогателей престола.

Не понял всего этого Дмитрий Иванович, круто повязавшийся с католицизмом и сам его приняв. Сумели его так воспитать хитрецы-иезуиты и ляхи. Он видел полное успокоение Кремля, Москвы и всех иных старейших городов в скорой свадьбе. Празднества отвлекут от различных крамольных мыслей, а главное, после свадьбы можно будет постепенно избавиться и от докучливых иезуитов, и от разнузданных шляхтичей, возмнивших о себе Бог знает что.

Воздушные замки. Чтобы ускорить приезд Марины Мнишек, послал ей еще крупную сумму из царской казны, а отцу ее — отдельную мзду с просьбой поспешить, но получил вместо ответа Мнишека доклад тайного дьяка (Бельский теперь часто поручал докладывать государю о полученных доносах дьяку, находя для своего неучастия различные предлоги), который должен был бы вызвать гнев государя: «Не ехать меня приневоливает князь Московский, а лететь».

Тайный дьяк даже осмелился посоветовать:

— Расторгни договор с Мнишеками. Гони их.

— Ступай, — незлобно остановил непрошеного советчика Дмитрий. — Я знаю, как поступить.

Он в тот же день подготовил владенную грамоту Сандомирскому воеводе на управление Смоленском, и это подейст-

вовало: поезд будущей царицы Руси поехал спешней, и к концу апреля прибыл в Вязьму, где остановился в бывшем дворце Бориса Годунова. Передохнув всего пару дней, Марина продолжила путь, и уже первого мая, в день праздника Первых всходов, невесту государя встречали верстах в пятнадцати от столицы дворяне, дети боярские, стрельцы, казаки — все в красных кафтанах с белой перевязью на груди. Кроме войска Марину встречали толпы москвичей, поляки, немцы и даже англичане со шведами. Дмитрий Иванович тайно находился в этой толпе в одежде простолюдина.

Среди встречающих не было только духовенства. Даже самого патриарха. Церковь православная протестовала: она поставила условие Дмитрию Ивановичу, чтобы до венчания Марина Мнишек крестилась в греческое вероисповедание. Государь пошел на уступки, но не полностью. Он заверил, что Марина станет посещать православные церкви, хотя тайно будет иметь для себя католическую; примет от патриарха Игнатия Святые Тайны, станет поститься не в субботу, а в среду — патриарх согласился с этим полуобращением царицы в православие, но мало кто из клира поддержал, даже опала митрополита Гермогена и епископа Иосифа, которые наиболее ярко противились женитьбе царя русского на католичке, не испугало духовенство. Оно выказывало отрицательное отношение к предстоящей свадьбе совершенно откровенно, подбадривая себя: «Всех не осмелится сослать!»

На берегу Москвы-реки, перед въездом в город — шелковый шатер, шитый жемчугом и золотом. В него ввели Марину. Он полон бояр и князей, встречают с поклоном. С ответственной речью выступил князь Мстиславский. Ее дополнил князь Василий Шуйский по собственному почину, не предусмотренному загодя:

— Москва и Русь, царица великой державы, у твоих ног. Мы, рабы твои, рады служить тебе, не жалея животов своих!

Он хорошо понимал, что самовольничание такого рода не вызовет недовольства государя, наоборот, укрепит его доверие, а это еще более облегчит исполнение коварных замыслов.

Тем временем к шатру подъехала раззолоченная карета, украшенная серебряным орлом царского герба. Запряжена она была дюжиной ногайских лошадей, белых, в яблоках, но не обычных коричневых, а невероятно черных, причем

все лошади были схожи, как близняшки. Кроме кареты у шатра еще дюжина прекрасных верховых коней под дорожными седлами и бархатными, шитыми жемчугом попонами.

— Тебе, царица великой Руси, подарок от верных твоих подданных. Холопов твоих.

Марина в восторге. Она — горда, не скрывает ни радости, ни гордости. Она — царица!

Поезд тронулся. Впереди — три сотни гайдуков с музыкантами. Следом — три дюжины, по сотне каждая, царевых телохранителей. Следом — карета Марины, за ней карета папского нунция Рангони, а уж после нунция — кареты со слугами царицы. Замыкали въезд бояре думные и дворяне в аксамитовых кафтанах.

Во весь дух играли музыканты, с городских стен стреляли пушки, все вроде бы весело и пригоже, но молчали колокола всех церквей, от соборной до приходских. К явной досаде Дмитрия Ивановича, который ждал Марину Мнишек в Кремле.

Безмолвствовали и москвичи, подневольно заполнившие улицы. Даже боярам и князьям на этот раз не кланялись: основательно подпортил торжество гордо восседавший в своей карете папский нунций Рангони. Не принимали сердцем и душой паписта православные, каких в Москве большинство.

Бельский не был среди встречавших Марину бояр. Он известил царя, что занемог. Но не только одно нежелание встречать католичку было главной причиной самоустранения опекуна от всех дел под предлогом болезни. От своих соглядатаев, что подтвердил и тайный дьяк, Бельский получил сразу несколько отписок о тайной встрече в доме князя Василия Шуйского, подобной той, которая состоялась сразу же после возвращения князя из ссылки; но на сей раз во время пиршества уже открыто говорилось о необходимости свершить переворот. Речь велась даже об убийстве царя.

Среди заговорщиков были и те, кто в свое время поддерживал Дмитрия в борьбе за трон: князь Иван Воротынский, дьяк Сутупов, дворянин Пушкин и еще человек пять, кто тоже были яркими сторонниками возвращения трона законному владельцу. Скрыть такое от государя — смерти подобно; но если ты больной, если не выходишь из дома, а ле-

жишь в постели — какой с тебя спрос? И если заговор будет раскрыт, если князя Василия Шуйского и его сторонников постигнет неудача, в ответе один тайный дьяк.

Не вышел из дома Богдан даже на свадьбу, хотя государь посылал к нему знатного дворянина со своим пригласительным словом, передав, что очень сильно недомогает. Не выходя, однако же, из дома, не выпускал из вида ничего, что творилось в Кремле и в Москве; твердо решил дожидаться великих событий в стороне, опричь, когда же они свершатся, собирать готовые плоды самолично. Он часто в эти дни вспоминал, с каким восторгом приветствовали его москвичи на Красной площади и избрали всенародно правителем Руси, лелеял надежду, что все это повторится. С Лобного места оружничий поведает народу о коварстве князя Василия Шуйского, от которого народ отвернется.

Ежедневно Бельский получал доклады тайного дьяка, но тот начал явно хитрить, скрывая главное, зато незаменимым оказался кравчий Тимофей. Теперь он сообщал своему боярину все, что готовил для тайного дьяка. Богдан вполне понял это, и всячески поощрял его. И было за что: теперь складывалось четкое представление о происходящем в Кремле: поляки наседали на государя, действуя по принципу — «куй железо, пока горячо», стремились получить от Дмитрия как можно больше благ для себя и уступок Польше. Они даже не облакали свои притязания в дипломатические формы, не просили, но требовали.

Тайный дьяк, лично присутствовавший на приеме польских послов, даже навестил Бельского, чтобы пересказать, что там происходило:

— Поначалу гофмейстер Марины Мнишек Стадницкий пан лизнул государя нашего ласково: прадед, мол, твой был женат на дочери Витовта, а дед твой — на Глинской, и жаловалась ли Русь на соединение русской крови с литовскою? Теперь, мол, ты укрепишь дружбу между двумя великими народами, которые сходятся как в языке, так и в обычаях, равны по силе и доблести.

— Ого!

— Так вот и уравниал. Я ничего не убавляю и не добавляю. Что говорил, то — говорил. Тешили, дескать, две сильнейшие державы врагов своих враждою меж собой. Отныне, де-

скать, вражда сменится дружбой, мощь удвоится, а слава, мол, воссияет над тобой, государь.

Дальше тоже нельзя было слушать тайного дьяка без возмущения. За родичами Мнишеков — послы. Подают письмо короля Сигизмунда Третьего, в котором Дмитрий Иванович именуется не царем всей Руси, а князем Московским. Дмитрий Иванович вернул письмо послу пану Олесницкому, но отчего-то в гневе не велел покинуть послу и свите его тронный зал, а завел с ними спор. Видано ли такое?! А еще позорней — Олесницкий явно грубил, называл Дмитрия Ивановича неблагодарным, требовал скорейшего исполнения обещанного королю Сигизмунду — все бояре ждали, что государь прекратит прием посольства, но он продолжал терпеть грубости, унижая себя в глазах своего Двора, а вместе с тем всех князей и бояр, вынужденных тоже слушать грубость какого-то ляха; унижал всю страну.

В довершение всего пан Олесницкий был приглашен на трапезу, где определили ему место за одним столом с царем.

Всепозволяющий знак шляхтичам. Они окончательно распоясались. Начали даже обнажать сабли, если кто из москвичей сопротивлялся им, когда, особенно, они нападали на женщин. Полилась кровь. Как русская, так и польская. Не разучились еще москвичи стоять за себя, тем более, что на Кремль надежда слабая. Дмитрий Иванович осмелился судить одного из шляхтичей, суд приговорил его к казни, но шляхтичи освободили его, убив на Лобном месте, прилюдно, палача.

Это оказалось последней каплей, и князь Василий Шуйский, понимая настроение обывателей, решил больше не медлить. Он созвал у себя не только верных сообщников, князя Василия Голицына, боярина Ивана Куракина, иных князей и бояр, ему близких, но еще многих простых москвичей, недовольных разгулом поляков, особенно тех, чьих жен и дочерей шляхтичи опозорили. Заговорил со всеми гостями откровенно. Не таясь:

— Хотим ли мы беззакония и неудержимого разгула ляхов в столице, а затем и в иных городах и весях?! Хотим ли мы осквернения наших храмов и святых обителей?! Хотим ли видеть костелы римские на месте православных церквей?! Хотим ли мы полного разорения казны державной за

непомерную роскошь захватившего престол и его жены?! И главное, хотим ли мы видеть границу ляшскую под стенами Москвы?!

Ответ дружный:

— Время мести настало!

Но вопрос за вопросом: как стрельцы? как вооружить озлобленный московский люд? как поступить с Басмановым, который верен Дмитрию Ивановичу и может его защитить? нужно ли брать арсенал, или князя и бояре, чтобы до времени не насторожить Басманова, поделаться своими запасами оружия и доспехов?

Князь Василий Шуйский успокоил всех:

— Я приведу в Москву из своих имений боевых холопов. Сделают это и другие князья. У нас в руках будет несколько тысяч. Что касается стрельцов, после потешного штурма ледяной церкви они озлоблены и на царствующего, и на наемников, его охраняющих. Сегодня стрельцы готовятся к походу в Низовские земли, большая часть их выведена из Москвы. Думаю, вернее, уверен, что они присоединятся к нам. Вот ляхов не стоит трогать прежде времени. Покончим с лжецарем, порешим и ляхов. Всех до одного!

Богдан узнал о сборе заговорщиков все, до каждой мелочи, но не поспешил к государю, даже не известил о нем воеводу Петра Басманова. Он твердо определил: как только свершится переворот, поспешит в Кремль, а оттуда на Красную площадь вместе со всеми боярами, первым возьмет слово, и народ, как было совсем недавно, изберет его правителем. От правителя до венчания на трон — путь не так уж долог.

«Если о себе сам не позаботишься, никакой царь не возысит тебя по заслугам, не приголубит тебя».

Иначе бы повел себя Богдан, известить его либо тайный дьяк, либо кравчий, что состоялся еще один заговор князя Василия Шуйского с самыми его близкими сподвижниками, где они решили некоторых бояр, а Бельского в первую очередь, взять под стражу в момент переворота. Не арестовывать решили, не свозить в Казенный двор, а окольцовывать крепкой стражей их дома. Судьбу же их решать после убийства лжецаря, как они называли Дмитрия Ивановича, и избрания на царство достойного.

Мятежники готовились хотя и спешно, но основательно. Под их рукой оказалось около двадцати тысяч вооруженных воинов, да еще к ним присоединились стрелецкие сотни, злые на наемников за коварство, еще и за то, что царь не подлецов наказал, а их, честных служак, высылкой в Елецк. Вроде бы по ратной необходимости, но они-то понимали, для чего это делается. Их уже вывели из Москвы, разместив в специальном стане, чтобы дожидались они нового стрелецкого голову, а когда к ним приехал самолично князь Василий Шуйский, охотно откликнулись на его зов.

По Москве тем временем ползли упорные слухи, что царь намечает на конец мая потешные игры, но они для отвода глаз — их цель умертвить всех бояр и князей русских. Посекут их наемные телохранители царевы и шляхтичи, когда же покончат с боярами и князьями, примутся за всех москвичей, будут убивать мужей, насиловать жен и дев, грабить дома и православные храмы. А чтобы подобное не произошло, всем, кто не желает стать жертвой немцев и ляхов, идти, вооружившись у кого что есть, на Красную площадь к полуночи девятнадцатого мая.

Удивительное дело, в столице невероятного размера заговор, а царь Дмитрий Иванович беспечен. Он либо не знает о нем, либо не верит своим тайным секретарям, ибо ему не докладывали ни о чем ни великий оружничий, ни тайный дьяк. Спал он поэтому в ту роковую ночь в объятиях Марины, а охраняла их всего лишь полусотня телохранителей. Да еще воевода Басманов бдил в царском дворце, но почему-то без резервных сотен кремлевских стрельцов, хотя мог бы ввести в Кремль не сотни, а тысячи.

Спали по своим квартирам и ляхи. Беспечно спали.

Богдан же бодрствовал. Он послал нескольких верных слуг на Красную площадь, чтобы как только начнет собираться там народ, тут же известили бы его.

Вот и полночь. Но от слуг ни слуху, ни духу. И он даже не подумал, что их перехватили сразу же, как только они вышли за калитку: усадьбу Вельского окружили за час до назначенного срока сбора всенародного на Красной площади боевые холопы князя Василия Шуйского и даже не московские, которые знали великого оружничего и могли бы смалодушничать, а прибывшие из дальних княжеских вотчин.

Все жданки съел Богдан. Наконец послал на Красную площадь еще двоих, но и те словно в воду канули. Тогда он велел воеводе боевых холопов выяснить, в чем дело — не возвращаются слуги. А тот не прост, уже догадался, что, скорее всего, их перехватывают, и решил в этом убедиться — поднялся на маковку терема, глядит в подслеповатое окошко — ничего не видно. Но уж не успокоился, выпустил через калитку боевого холопа недюжинной силушки, к тому же и ловкого, велел ему обойти вокруг оплота усадьбы, а если что подозрительное заметит, тут же спешить обратно.

Десятка шагов тот не сделал — на него навалились, он, однако, расшвырял княжеских боевых холопов и успел юркнуть обратно в калитку.

— Худо дело, воевода. Густо холопов княжеских. Докладывай боярину спешно, может, ударим?

Отверг предложение воеводы пробиться в Кремль силой. Сник, понявший, худо дело, спета его песенка.

Полных трое суток держали оружничего под охраной в усадьбе, и Богдан не мог даже узнать, что происходит в Кремле и во всей Москве. Слышал иногда выстрелы, гвалт бушующей толпы, понимая, что переворот князю Василию Шуйскому удался, и с тревогой ждал, как поступят с ним.

Перепуганную насмерть жену успокаивал:

— Волхвы предрекли мне долгую жизнь. А если я буду жив, кто тогда посмеет тронуть вас?

Утром на четвертый день за ним прислали дворянина. Одного, без стражников Казенного двора. Обращается с поклоном:

— Тебя, великий оружничий, в Боярскую думу кличут.

— Кто? Государь?

— Да. Государь Василий Иванович Шуйский.

Сказано не с великим почтением, явно небрежно, это подстегнуло Вельского на откровенный вопрос:

— Венчан, выходит? В столь короткий срок?

— Он сам себя венчал. Верней, венчали его те, с кем он убивал царя. Да еще патриарх, забывший, что самолично венчал на царство Дмитрия. Теперь вот тебя, великий оружничий, похоже, выпроводят из Москвы.

— Поведай, о чем осведомлен, пока я одеваюсь.

Краток был дворянин: один воевода Басманов стал грудью за царя и посечен. Убит и государь. На Лобном месте тело его лежит. Сегодня решено его схоронить где-то за стеной Москвы. Ляхов изрядно побили. Наемников не тронули. Их выпустили, хорошо заплатив. Князь Василий Шуйский пообещал никого из русских князей и бояр не казнить. Разослать по своим имениям и — только.

— Поспешай, боярин. Дума ждет тебя.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«Очередное лицемерие», — с такой оценкой произошедшего на Думе вышел из царского дворца Богдан. Всякий, кто сажился на трон после Грозного, обещал клятвенно не лить крови, править по закону и справедливости, а сам тут же нарушал обещание. Вот и Василий Шуйский — не исключение. Справедливо ли опалать не нарушивших клятву крестоцелования, верой и правдой служивших Божьему помазаннику? Справедливо ли, что судьбу их решают клятвоотступники, убийцы самодержца, наместника Божьего на троне?

«Хорошенькие законы и справедливость!»

Подошел князь Григорий Шаховской, которому решением Думы определено заменять воеводу Путивля князя Бахтиярова.

— А ты, значит, в Казань воеводой?

— Да.

— И кто судит-рядит?!

Богдан промолчал. Он с князем Шаховским не был на короткой ноге, оттого считал невозможным быть откровенным. Да и не играл князь при Дворе ни при Грозном, ни при Федоре Ивановиче, ни при Борисе Годунове хоть какой-либо заметной роли, потому не сводили их вместе никакие дела. Только при Дмитрии Ивановиче приблизился Шаховской к трону, выказывая всемерную преданность. Богдан иной раз даже завидовал ему, не то чтобы идти на сближение. Он видел в нем соперника.

Не дождавшись мнения Бельского по поводу массовых ссылок, хотя и почетных, всех, кто честно служил государю, князь Шаховской продолжил вполголоса, заговорщицки:

— Как я считаю, великий оружничий, недолго Василию

царствовать. Жив Дмитрий Иванович. Не глуп же он. Зная, что готовится переворот, мог ли он спокойно почивать в своем дворце, еще и без должной охраны? Да и труп убитого видел я на Лобном месте. Отчего-то бородатый...

— Я болел, — неопределенно ответил Богдан. — Потом был заперт в своем доме боевыми холопами князя Василия.

— Предлагаю, — пропустив мимо ушей слова Бельского, продолжал князь Григорий, — если государь наш, Дмитрий Иванович, жив и здоров, поддержать его. Я — в Путивле, ты — в Казани. Северские земли, на кои ты имеешь огромное влияние, станем поднимать совместно, объединив усилия.

— Поживем — увидим, — вновь отделался неопределенным оружничий, но Шаховской оставил за собой последнее слово:

— Глядеть — хорошо, но лучше действовать. Я дам тебе знать, если что узнаю.

Князь Шаховской сдержал слово. Не сразу, а спустя несколько месяцев. Богдан, казалось, забыл о том разговоре, полностью поглощенный ознакомлением с новым воеводством, все более в дорогах из города в город, какие подчинялись Казани. Но он не только ревизовал, как большой начальник, но и помогал малым городам посильно деньгами, оружием, присылал плотников и каменщиков для подновения оборонительных сооружений, обретая тем самым уважение не только воевод городов рати, но и самих ратников. Разве до Шаховского ему? А тот, выходит, не забыл — прислал своего слугу с коротким словом:

— Государь жив.

Письмо тоже короткое: «Я начинаю действовать. Надеюсь, Казань тоже не останется в стороне, oprичь великих событий».

Бельский, прочитав письмо, попросил посыльного княжеского:

— Передай на словах: Казань не примет сторону Шуйского.

И только. Не пообещал, что поднимет рать против самоиспеченного царя. И то верно: горькая обида на Дмитрия Ивановича, не только оттолкнувшего того, кто спас ему жизнь и фактически посадил на престол, но и не понявшего Руси, попавшего под полное влияние иезуитов и польской шляхты, отвергавшего дельные советы и своего опекуна, и иных верных слуг, никак не проходила, напротив, все более

и более обострялась; отчего он не вспомнил до сего дня о своем опекуне, отчего не послал ни одной весточки?!

«Примкнуть к нему, чтобы вновь утирать плевки и сносить зуботычины? Нет, такого больше не будет. Честь выше блага кремлевского!»

Вроде бы слуга князя Шаховского и приезжал в Казань тайно только к одному воеводе, но, как оказалось, имел и другое задание: по городу поползли слухи, что сын Грозного Дмитрий Иванович вновь спасен десницей Господа; но что еще более удивило Вельского, слухи те не взбудоражили Казань, расползались медленно, словно нехотя и в основном среди ссыльных бояр, князей и дворян, каких в Казани — пруд пруди. Грозный сюда ссылал, затем Годунов, поначалу именем государя Федора Ивановича, а потом и самолично. Князь Василий Шуйский тоже внес свою добавку. Только Дмитрий Иванович никого сюда не сослал, наоборот, он всем ссыльным даровал свободу, хотя в Кремль позвал немногих, поэтому большинство прежде сосланных и обжившихся здесь основательно, приобретя даже имения, так и остались здесь. Они, в основном живя в своих имениях, время от времени съезжались в Казань, чтобы пообщаться, обменяться новостями, кто какими располагал, попить водочки.

Обычно пиры и веселья проходили на Коляду (Белбогу в помощь), на Масленицу, на праздник Первых всходов, на Купалу, на Новый год, хотя все они были крещены, но древние празднества не забывали, как и весь русский народ.

Очередной съезд должен был состояться в сентябрьские новогодние дни, но слух о спасшемся Дмитрие поторопил время. Неспешно, правда, но все же съехались все. И, ясное дело, каждый считал своим долгом навестить в первую голову воеводу. И не только навестить, но и попросить, будто сговорившись загодя, одно и то же:

— Тебе больше нас известно, что к чему. Ждем тебя на нашем съезде, поведал бы нам, деревенским.

Богдан не отказывался, ибо не собирался крамольничать, рискуя головой: кто даст гарантию, что среди вроде бы горячих сторонников законного царя нет такого, кто принял душой воцарение князя Василия Шуйского, либо просто пожелает выказать всю ему верность корысти ради?

От воеводы ждали и подробного рассказа о перевороте в Кремле, и подтверждения слухов о здравии Дмитрия, однако, Богдан разочаровал всех.

— Я недогадал. Опрichь меня прошли все события. О них я знаю столько же, сколько и вы. Лишь по рассказам.

— Но ты — воевода. Разрядный приказ обязан тебе сообщать обо всем. Какие уведомления от него?

— Пока никаких. Стало быть, рати нет и не предвидится. Только одну весть я получил как оружничий, и о свадьбе царя Василия Шуйского, после которой он охладил к делам державным, больше времени проводит с царицей.

Мосол³⁷ брошен. Мусолить его и мусолить. И в самом деле, дальше пир прошел в пересудах, особенно когда пирующие изрядно захмелели. До сальностей добираться стали. И ничего, никто не считал это крамольным.

Из всех выделялся думный дворянин Прокопий Ляпунов. Пил вроде бы наравне со всеми, но казался совершенно трезвым. К постельным делам Василия Шуйского не проявлял никакого интереса.

«Что-то имеет на уме, — определил Богдан. — И не шуточное».

Без промашки определил. Когда пирующие начали разбиваться по кучкам и жужжать друг другу осенними сонливими мухами о самом сокровенном, Ляпунов подошел к воеводе с полным бокалом хмельного меда.

— Предлагаю мировую. Без вины я оказался виноватым, но это бы беда — не беда, горше всего, что обо мне все забыли. Даже ты, воевода, сюда сосланный, не вспомнил, что из-за тебя мы, Ляпуновы, крест безвинно несем.

— Вот что, Прокопий. От мировой не откажусь, но разговор, по чьей вине ты здесь, давай перенесем на завтра. Поговорим со свежими головами. Жду тебя к обеду у себя. Поговорим перед трапезой.

Хозяин самолично встретил Ляпунова и прошел с ним в комнату для тайных бесед. Он не перестал подражать Грозному, и куда бы ни забрасывала его судьба, непременно устраивал комнату, подобно той, какая была в царском дворце.

— Садись, Прокопий, на лавку. Здесь можно не опасаться чужого уха. Начну я, хотя ты гость и твое право начать беседу, но я воспользуюсь правом хозяина. Я вчера не отказался

осушить с тобой кубок мира и дружбы ради лишь того, чтобы не возникло пьяной перебранки. Сегодня я скажу то же самое, что мог бы сказать вчера: я не виновен в твоей ссылке и всех остальных Ляпуновых. Виновен покойный Борис. Он сам натравил на меня толпу.

— Но вы же родственники. Вы оба были у руки Грозного. Он одинаково приветал вас!

— Верно. Так виделось со стороны. На самом же деле мы враждовали. И довольно сильно.

— За первенство у трона?

— Да, — подтвердил Богдан после небольшого раздумья. — Дело прошлое, можно и открыться. Но кроме ревности друг к другу было еще одно, не менее важное, вернее даже — более важное. Я видел, как очищает себе дорогу к трону Годунов. Не только приблизиться на первое место, но самому сесть на него. Я многое знал, о чем и сейчас не вправе говорить, я пытался противодействовать ему, но он оказался хитрей и расчетливей, чем я предполагал. Меня, назначенного по духовной Грозного в Верховную думу и опекуном Дмитрия, он сослал в Нижний Новгород на воеводство, спасая, якобы, от гнева народного, который сам соорудил. Не гневи, поэтому, Прокопий, Господа Бога, не возводи на меня напраслину.

— А я считал, что именно ты указал на нас, Ляпуновых.

— Я предполагал, что Борис обязательно назначит виновных, чтобы обелить себя. И обязательно тех, кого побаивается. Так и вышло. Помешать я не мог, ибо сотворил он очередное свое зло тогда, когда меня уже не было в Москве.

— Прости тогда, великий оружничий, что так долго плохо думал о тебе.

— Не за что прощать: иначе ты и не мог думать. Теперь, слава Богу, все позади, и я смело могу высказать вслух свою догадку: не одно желание узнать, виновен ли я в опале твоей и твоих родных, но что-то более важное привело тебя ко мне.

— Ты прав. Очень важно, конечно, что мы разобрались в наших отношениях. Теперь я могу открыться. Я всей душой предан Дмитрию, ибо он освободил меня от позора ссыльного, а что не позвал ко Двору, то, думаю, не по недружелюбию ко мне, но по незнанию моих способностей. Сказывают, он не был убит в день захвата трона князем Шуйским, и

вновь заявит о себе, собравшись с силой. Хотел бы от тебя, как опекуна Дмитрия, узнать, так ли это?

— Я не могу подтвердить это, не могу и опровергнуть. Мне меня все прошло. Так вышло, к великому моему сожалению.

Тут Богдан явно слукавил: не сожаление, тем более — великое, терзало его душу, а скорее осуждение своего поведения в те критические дни и часы. Но зачем исповедоваться дворянину, который почти ничем не выделялся при Дворе?

— Жаль. Я хочу переметнуться к Дмитрию Ивановичу. Вот и рассчитывал на твое знающее слово, а то и на помощь.

— Единственное, чем я смогу помочь — дать совет. Князь Григорий Шаховской сослан Василием Шуйским в Путивль воеводой. Поезжай к нему. Думаю, вернее, знаю, что он один из первых поддержит Дмитрия Ивановича, если и на сей раз над ним простер десницу свою Господь, как над помазанником.

— Тебе бы, великий оружничий, стать во главе стремящихся восстановить поправное право законного наследника престола. Тебе, а не князю Шаховскому.

— Поглядим, поживши. Пока же, советую, поезжай к князю Григорию Шаховскому, имея одну мою просьбу: дай знать, не ложны ли слухи о спасении Дмитрия Ивановича.

— Обещаю. Жив буду — не порву с тобой связи. Независимо, по думке ли моей пойдут дела, либо поперек ее.

Он сдержал обещание. Первую весть прислал восторженной: весь юг Руси поднялся за восстановление поправного права, против бесчестия князя Василия Шуйского. Князь Шаховской принял его к своей руке, слушает его советов. Много знатных при князе, есть и казаки с весьма разумными атаманами: Болотниковым и Илейкой. Особенно толков Болотников. Голова. Отмалчивается лишь атаман Корела, чего-то выжидая.

Заканчивал Ляпунов письмо просьбой князя Шаховского и своей лично повлиять на атамана Корелу, за которым пойдут не сотни, а тысячи.

Долго раздумывал Бельский, исполнять ли просьбу Шаховского и Ляпунова, но ничего определенного на ум не приходило. Помог определиться сам атаман Корела, приславший казака с письмом. Нет, он не просил совета, как вести

себя, лишь извещал, что его зовут помочь Дмитрию Ивановичу, но он не решается на это: слишком круто обидел его царь, еще даже не севший на престол, — плюнул в лицо тем, кто за него жизни не жалел. Он, однако, готов встать на сторону Дмитрия, если на то будет его, Вельского, слово.

«Но я с большим желанием встал бы за тебя, Богдан Яковлевич. Ты вполне достоин править державою», — такими строчками заканчивал он письмо.

Не стал писать ответное письмо атаману Кореле, позвал лишь казака и попросил его:

— Передай атаману: никакого совета дать не могу, пусть поступает, как подскажет ум и совесть. А насчет меня так скажи: возможно, наступит такое время, когда я позову его. И уж наверняка не обижу. Не плюну в лицо.

Богдан, как воевода, получал вести от Разрядного приказа о всех событиях, которые вновь поднимали на дыбы страну; не забывал о нем и тайный дьяк, время от времени присылавший отписки; аккуратен был и кравчий Тимофей, специально оставленный в Москве; приходили вести и от князя Шаховского, в которых он хвалился своими успехами, приписывая их не только себе, а более атаману Болотникову — Вельский, таким образом, хорошо знал и о том, что происходило в Кремле, и о кровавых битвах, приближавшихся к Москве. И вдруг — исповедь Ляпунова. Крик души. И понял из нее Богдан одно: либо на арену вышел Самозванец, либо Дмитрий Иванович изменился до неузнаваемости. Он полностью положился на поляков и наемников немцев и пренебрегает русскими верными слугами.

В конце исповеди Ляпунов извещал, что решил бить челом царю Василию Шуйскому, уповая на его милость. Если же суждена смерть, стало быть, так угодно Всевышнему. Честная смерть — краше жизни в бесчестии.

Смятение настало в душе воеводы. Ему хотелось бы узнать, по какой причине Захарий Ляпунов оставляет стан князя Шаховского и бежит в Москву, не боясь даже кары от князя Шуйского. Но тут Ляпунов напустил столько туману, что сквозь него не протиснуться. Более того, он после этого письма вовсе перестал слать Вельскому вести, хотя из отписок тайного дьяка воевода узнал, что Шуйский простил Ляпунову измену и послал воеводою в Рязань.

Кое-что прояснилось лишь спустя несколько месяцев. После того, как рать Шаховского-Болотникова была разбита, Болотникова коварно утопили, хотя Василий Шуйский обещал ему жизнь, а князя Шаховского заточили, но не надолго. Вскоре сторонники Дмитрия Ивановича вновь стали брать верх и освободили князя Шаховского. Вот тогда он прислал Богдану Вельскому письмо, которое удивило его и своим многословием, и, главное, содержанием. Похоже, князь был в ужасе и отчаянии.

«Что было до моего заточения и что увидел я после освобождения не поддается никакому описанию...»

С горечью князь Шаховской писал, что сами русские терзают страну более, чем поляки и наемники: русские — проводники, наставники и хранители ляхов; первыми они бросаются в сечу, последними из нее выходят, ляхи же смеются над безумным междоусобьем, сами стараются не лезть в гущу сечи. Россияне выводили ляхскую рать глухими болотами в тылы войска Василия Шуйского, затем первыми бросались в бой, когда же наступало время дележа добычи, ляхи без всякого стеснения забирали себе все, и никто из русских ратников и воевод не смел сказать противное слово — все вели себя, как рабы ляхов захватчиков. Позор невероятный!

Из пленных ляхи забирают себе лучших отроков и дев, отдавая их на выкуп, затем вновь отнимая, и тут не встречают никакого противодействия со стороны русских ратников. И самое мерзкое, как писал князь Шаховской, ляхи раздевали донага святых инокинь, позорили их, лишая чести, и их тоже никто не сдерживал, а иные русские даже присоединялись к ляхам и вместе с ними творили изуверство, без каких-либо последствий за гнусное любострастие. Напротив, предавали смерти твердых в добродетели, пытавшихся пристыдить развратников.

Полностью отрекался князь Шаховской в своем письме от того, за кого сражался, не жалея живота своего, за которого был окован и едва избежал казни; и что вызывало полное недоумение Богдана, князь не называл того, кто выдавал себя за спасенного Дмитрия Ивановича, ни царем, ни лжецарем. Он только утверждал, что такой единодержец, который не противодействует безобразию захватчиков-ляхов и потакает полному нравственному падению, Руси не нужен. Он умолял:

«Прибуди в мой стан, и ты станешь знаменем возрождения гибнущей отчизны. За тобой пойдет вся добропорядочная Русь, мы победим, и тебя благодарный народ изберет своим царем».

Заманчиво до сердечной истомы. Если, однако же, не поддаваться искушению, а поразмыслить, тогда становится более видным великий риск и, по раскладу сил, непреодолимый. Открыто поднять знамя борьбы за трон можно лишь после того, как не станет Дмитрия Ивановича, подлинного или мнимого, не столь важно, если есть те, кто верит в божественный промысел, спасший законного царя. Противостоять ему — безумство. Примером может служить князь Василий Шуйский, дерзким шагом забравший престол. Он так и остался в душе народной всего только князем, к тому же переступившим закон и нравственные нормы. Подавляющее большинство русских не признают в нем царя. Еще трудней придется Вельскому добиться признания народного, если он заявит о претензии на престол. Ко всему прочему, его обвинят в клятвоотступничестве (он же целовал крест Дмитрию Ивановичу, клялся люду московскому, что он действительно сын Грозного и призвал народ присягать ему без сомнения), да еще великим грешником, отступившим от духовного завещания царя Ивана. Опекун поднимает руку на опекаемого, видано ли такое?!

А поддержка атамана Корелы и князя Шаховского еще не гарантия единодушной поддержки рати, дворянства и особенно боярства.

Вот если бы князь Мстиславский предложил ему главенство и в борьбе с Василием Шуйским, и с Дмитрием Ивановичем, да еще Прокопий Ляпунов, вот тогда можно было бы и рискнуть. Но и Мстиславский, и Ляпунов помалкивали.

Ответил Шаховскому так:

«И мое сердце стонет от творящегося с Русью, но я не могу нарушить клятвы, подкрепленной крестоцелованием, не могу отступить от духовной Грозного. Я приму предложенное тобой, когда не станет Дмитрия Ивановича, явного или мнимого».

Если князь Шаховской не лишен сообразительности, то поймет, что ему нужно сделать.

События меж тем развивались стремительно и не совсем

так, как хотелось бы Вельскому. Царь Василий Шуйский предпринял весьма разумный шаг, решив попытаться присоединить к борьбе с поляками Швецию, объединившись с ней в военный союз. Предложил царю это юный князь Михаил Скопин-Шуйский, едва вышедший из отроческого возраста, его царь и отправил главой делегации. Многие думские бояре были этим весьма обижены, ибо имели больше местных прав ехать послами в Швецию, но Василий Шуйский твердо стоял на своем, разглядев, возможно, в князе Михаиле нужные для столь важного дела качества. И выбор оказался вполне удачным — князь Михаил сумел не только убедить шведов совместно противостоять полякам, но и объединившись со шведской ратью, прошел победным шагом по всему северо-западу Руси, а затем принялся готовить войско для решительного сражения, сосредотачивая его в Александровской слободе.

Но собирая силы, князь Михаил не сидел сложа руки, он разгромил все заслоны на дорогах, ведущих в Москву, взял их под свою защиту, обеспечив тем самым бесперебойную доставку в стольный град продовольствия — дороговизна пошла резко на убыль, миновала и угроза голода. Скопина-Шуйского стали славить как спасителя, а более смелые возглашали, что Руси нужен именно такой царь, молодой да ранний, разумный и храбрый.

Даже в Казани не сходило с уст многих имя князя Михаила Скопина-Шуйского — спасителя Руси. Пошел даже слух, что мир и покой Руси, по предсказанию волхвов, наступит с венчанием на царство Михаила.

Это весьма озадачивало оружничего, а тут еще тайный дьяк с очередной отпиской. Он вроде бы ночевал в душе у Богдана и знал, о чем нужно сообщать. Так вот, он писал, что слава князя Михаила не по нраву Василию Шуйскому. И хотя царь честит юного героя-воеводу, но всем известно его ревнивое отношение к князю Михаилу, его зависть. Опасаются серьезно, что царь Василий может поступить с ним коварно, пригласив в Москву на Думу, где намечается обсуждать подготовку к предстоящему решающему сражению.

Следом за тайным дьяком подал свой голос Ляпунов и тоже царапнул по больному месту. Давно молчал и не нашел ничего лучшего, как пригласить в стан князя Михаила.

Вот так: уже под руку малолетнему князю. Смелое, если не сказать наглое предложение. Выходит, ему, великому оружнику, в жилах которого течет кровь Даниловичей, способствовать торжеству Шуйских, торжеству князя Михаила, который может стать родоначальником новой династии?! Ради ли этого городил он огород столь долго и столь упорно?! Нет и нет!

И если отписка тайного дьяка породила лишь мысль действовать более решительно, а не исподволь, как до этого, то предложенное Ляпуновым окончательно убедило в необходимости основательно позаботиться о себе и одним ударом убить двух зайцев.

На следующий день в Москву поскакал его самый верный слуга из боевых холопов с тайным письмом. Напутствие такое:

— Не волынъ. Спешу, меняя коней беспрестанно.

Теперь все, как Вельский считал, зависит от событий в Москве. А они там разворачивались весьма благоприятно для Богдана: все упорней и упорней вползали в Кремль слухи, будто князь Михаил Скопин-Шуйский соблазняет народ, чтобы он провозгласил его царем, ради этого даже входит с ним в заговор. Думские бояре тоже не в стороне, наущничают, убеждая царя Василия одернуть племянника, назначив дознание. Особенно усердствовал брат царя, князь Дмитрий Шуйский, черня почем зря Михаила.

Поначалу царь Василий Шуйский не верил ни слухам, ни боярам-наушникам, ни даже своему любимому брату, но ежедневные внушения вольно или невольно действовали, и государь все подозрительней стал относиться к герою воеводе. Сам Василий даже не мыслил, что брат его, князь Дмитрий, глядит далеко вперед: шестидесятилетний царь не имеет детей и иметь не будет, и он, брат царев, сядет на трон по праву наследования. Именно эта заманчивая цель подстегивала князя Дмитрия, и он изоощрялся в обличительстве племянника, настойчиво убеждая государя расправиться с юным воеводой, возмнившим о себе, как о достойном самодержавствовать. Он, якобы, намерен сделать Александровскую слободу центром державы.

Воевода Михаил Скопин-Шуйский, узнавший, что о нем говорят в Кремле, возмутился несказанно:

— Теперь ли разногласить о власти?! Теперь ли безумствовать в зависти?! Всякая остановка в войне, любое несогласие от личных страстей может погубить отечество!

Он велел срочно седлать коней и, оставив не совсем еще устроенное войско, поспешил из Александровской слободы в Москву, твердо заявить государю, что его устремления направлены на одно — службою верною, совестью чистою по силе своей и возможности изгнать из Русской земли врагов.

Царь Василий встретил воеводу племянника с великими почестями, сразу же согласился с его просьбой созвать Боярскую думу, дабы поговорить на ней о делах истинных и о слухах ложных.

На думе князь Скопин-Шуйский начал с жаром свою оправдательную речь так:

— Клянусь честью своего великого рода, что не имею никакой иной мысли, кроме мысли о благе отечества. Все, что обо мне говорят в Кремле — небыльные слова. Видит Бог, я безгрешен.

— Успокойся, воевода, — мягко заговорил государь. — Я и Дума ни в чем тебя не обвиняем. Порукой тому мое слово: думным боярам условиться с генералом Делагарди, начальником шведских ратников, о будущих совместных действиях. Мы утверждаем твой договор, который ты подписал со шведами в Колязине и в Выборге, не снесясь со мной. Берем во внимание, что у тебя на это не было времени. А казначею я велю немедленно заплатить весь долг наемникам.

Вроде бы все по уму, но воеводе Михаилу стало ясней ясного, что он отстранен от командования войсками, им собранными и почти устроенными для решающей битвы. Думные бояре станут договариваться с генералом, а не он, воевода, надежно с Делагарди взаимодействующий.

Хотел князь Михаил возразить здесь же, на Думе, объяснив возможные пагубные последствия, но сдержался, решив поговорить с царем-дядей наедине, после Думы.

Так и сделал. Спросил царя Василия напрямик:

— Выходит, государь, ты мне больше не доверяешь? Лишаешь воеводства?

Смутился царь, не ожидавший столь смелого и откровенного вопроса, но взяв себя в руки, ответил с отеческой заботливостью:

– Ты, славный мой воевода, устал в боях, пройдя путь от Выборга до Москвы. Передохни какое-то время.

– Время ли для отдыха, государь?

– Рать не останется без пригляда. Сегодня жду тебя у себя на пиру. Твое место за моим столом по правую руку.

– Благодарствую.

А мог бы сказать, если не скрывать своих мыслей, совсем иное, но выше головы не прыгнешь.

Первый нечестный пир у государя положил начало пирам у всех бояр и князей, на которых их жены подносили гостю-герою с поклоном кубки с фряжским вином и подставляли губы для поцелуев – князь Михаил тяготился этими почестями, отказаться от них не имел возможности.

К концу апреля Михаилу Скопину-Шуйскому устроил пир брат царев, дядя героя воеводы князь Дмитрий Шуйский. Все боярство у него в гостях. Князь Михаил на почетном месте. В трапезную входит прекрасная собой, в аксамитах, в жемчугах и алмазах жена князя Дмитрия Екатерина, дочь Малюты Скуратова. Окатила взглядом своих бездонно голубых глаз гостя и с поклоном подала кубок хмельного меда.

– Испей, дорогой племянничек, сию чашу за здравие свое.

Князь Михаил с поклоном принял кубок и с великим удовольствием осушил его, затем троекратно, как и полагалось по обычаю, поцеловал красавицу Екатерину и... рухнул на пол.

О смерти великого воеводы летописец напишет так: «Успел только исполнить долг христианина и предал свою душу Богу вместе с судьбой отечества!»

И дальше все пошло именно так, на что рассчитывал Богдан, Москва онемела от ужаса, придавленная не столько горем, сколько пониманием того, к каким последствиям приведет смерть умного и смелого воеводы: все дороги к Москве вновь будут перекрыты ворогами и настанут голодные времена; но уже к вечеру придавленность эта сменилась возмущением, которое возбуждали «борцы за сермяжную правду», обвиняя громогласно в смерти великого воеводы князя Дмитрия Шуйского, брата царева, и вот уже толпы москвичей, хватая все, что попадало под руку, валят к дворцу князя Дмитрия, чтобы расправиться с убийцей.

Толпу опередили дворцовые стрельцы, разогнали ее, даже пролив кровь наиболее рьяных, что вызвало еще большее недовольство москвичей. Правда, теперь уже не открытое, а тайное, что более опасно для будущего.

А сам князь Дмитрий Шуйский, окружив себя сторонниками, повел тайную борьбу за трон, надеясь устремить гнев народа на царствующего брата, но Василий Шуйский распознал сие коварство и удалил князя Дмитрия из Москвы, назначив главным воеводой рати, собранной в Александровской слободе.

Увы, он не спас себя этими мерами. Заговор, начавшийся в кругу бояр и князей, не потерял силы, хотя и лишился вдохновителя и организатора. Не хватало лишь малого: решительности в исполнении плана, намеченного заговорщиками. Не находилось в Москве того, кто сказал бы свое веское слово:

– Пора.

Слово это прозвучало не в Москве, а в Рязани – поднял мятеж против царя Василия Прокопий Ляпунов. То, что Москва перемалывала за самоварными беседами в обывательских домах, на тайных встречах бояр, хотя и возбужденными, но пустопорожными, дворянин Ляпунов возгласил громогласно:

– В смерти, кого провидение определило как освободителя отечества, повинен захвативший царскую власть князь Василий Шуйский.

Но Ляпунов не звал вернуть на трон Дмитрия Ивановича, он твердо стоял на своем: принявший католичество и даже женившийся на католичке не может стать самодержцем Русской земли. Лозунг Ляпунова был таким: государем должен стать избранный, достойнейший из достойных. Таким он видел великого оружничего Богдана Яковлевича Бельского и сказал об этом открыто на соборе своих ближних сподвижников.

– Давайте пошлем челобитчиков в Казань, пусть они скажут ему наше слово.

Никто не возразил. Однако наиболее осторожные дали Прокопию совет:

– Посольство следует посылать тайно. И вот почему: князь Василий Шуйский еще у власти и может лишить жиз-

ни великого оружничего, но кроме князя Василия есть еще Шуйские, которые тоже зарятся на трон. Нельзя сбрасывать со счетов и Романовых, и князя Воротынского, тех, кто по праву рода вполне может заявить о себе.

— Князь Иван Воротынский даже не хочет об этом слушать.

— Выходит, ты уже говорил с ним?

— Да, на мой взгляд, из достойных остался один Вельский. Был еще воевода Петр Басманов, но он погиб, сложил голову у трона Дмитрия, его защищая. Вам известно это.

— А князь Федор Мстиславский? Он — глава Думы. Он выказал себя и как воевода.

— Не тверд в поступках. Годунов уморил отца князя Федора, а он как ни в чем не бывало принимал все почести от Годунова. Где честь?

— Не сбрасывай со счетов князя Василия Голицына.

— Не сбрасываю.

— Каждый из них, узнавши о предложенном Богдану Яковлевичу, не станет ли противостать ему ядом или иной какой расправой? Вспомни, за что тебя сослал Борис Годунов, сам же возбудив толпу против Вельского, видя в нем соперника себе. Не повторится ли подобное?

— С этим соглашусь. Стоит действовать осторожней.

Постановили так: челобитчиков слать числом семь с письмом от самого Прокопия Ляпунова. Устно же сказать и о поддержке собора. Без ответа о согласии не возвращаться.

Челобитное посольство, не въезжая в город, остановилось в нескольких верстах от него на постоялом дворе. К Бельскому послали только одного с вопросом, примет ли тайно или нет?

Ждать ответа пришлось совсем немного: воевода прислал за ними слугу, и тот повез их сразу же в хоромы, огороженные высоким оплотом. Слушать Вельский послов не стал, прежде не попотчевав и не дав отдохнуть после долгой дороги. Так и объявил:

— Утром, помолясь, поведем разговоры. За это время я прочитаю письмо Ляпунова.

Письмо было немногословным и конкретным: идея выбора государя земством, предложение встать во главе борьбы за эту идею и короткий доклад об уже достигнутом — к нему при-

мкнуло все Рязанское княжество, кроме Зарайска, где заупрямился князь Дмитрий Пожарский, тамошний воевода. Взять Зарайск силой не составит труда, тем более, что стрельцы московские, посланные князем Василием Шуйским к Шацку, где воевода самозванца (Ляпунов после ухода из ставки князя Шаховского утверждал, что Дмитрий Иванович не остался живым после переворота) князь Черкасский разбил царского воеводу князя Литвинова, полным составом перешли на его, Ляпунова, сторону и готовы выполнять все его приказы, но он, Ляпунов, не хочет лить кровь русскую в глупом упрямстве. Один Зарайск — не великая заноза в теле Рязанской земли. Ее можно даже не замечать.

Есть над чем поразмыслить. Очень заманчивое предложение! Очень! Если даже не удастся получить корону, то уж княжество Рязанское будет под его, Бельского, рукой. А разве плохо стать великим князем Рязанским? Властителем богатой земли?

Но только ли Рязань примет его? Атаман Корела поднимет казаков Низа, и те примкнут к нему, присягнув без опасения. Получится великая держава.

Однако же вот так, сразу, можно ли ехать, выказывая свое желание властвовать? Стоит отпустить челобитчиков, пообещав подумать и через неделю-другую дать ответ.

Разумно, но как оказалось неисполнимо. Утром, когда Богдан пригласил посланцев в комнату для тайных бесед, челобитчики, рассказав все о соборе, твердо заявили:

— Без согласия твоего мы не вправе покинуть Казань, да же если ты выпроводишь нас из своего дворца.

— Если говорить откровенно, — решил схитрить хозяин, — то я вполне готов принять ваше предложение, но подумайте сами, могу ли я вот так, сразу, ехать с вами? Конечно, нет. Дайте время собрать со своих имений боевых холопов, собрать ратников здесь, в Казани, которые поверят мне и пойдут за мной. А еще нужно время снести с Низом, с атаманом Корелой, с иными моими товарищами в Цареве-Борисове, в Старом и Новом Осколах, в Белгороде и Корочи. Расчет мой такой: месяц или, как крайний срок, — полтора. После чего я — в Рязани.

— Понимаем тебя, воевода и великий оружничий, однако, поедем мы из Казани вместе с тобой, — твердо заявил воз-

главлявший посольство дворянин, но, подумавши немного, поправился, — или получив письменное твое согласие и устную клятву с целованием креста. Мы без лишних свидетелей примем эту клятву. Если хочешь, вот в этой комнате.

Вот так и прижали его к стенке. Выбора нет. А услужливая мысль подсказывает:

«Что целование креста без священника? При нужде можно будет об этом забыть. А письмо? От него тоже можно будет откреститься».

— Хорошо, — твердо заявил Бельский, расстегнул косоворотку и взял в руку золотой нательный крестик. — Клянусь исполнить просьбу Ляпунова, просьбу собора земли Рязанской.

Поцеловав крестик и попросив сделать то же самое для скрепления клятвы и ради сохранения тайны всеми до одного челобитчиков, Богдан Бельский произнес как зарок:

— Теперь и у меня, и у вас пути едины.

К вечеру послы выехали из Казани. Не все вместе, а поодиночке. С собой они взяли письменное слово великого оружничего Прокопия Ляпунову.

Время действовать. Не так спешно, чтобы не возникало никакого подозрения, однако же, и не волокитить. Тем более что, как ни рассуждай, предложенное Ляпуновым и собором Рязанским вполне достойно его, великого оружничего и окольничего, имеющего к тому же в своих жилах кровь Даниловичей.

Одного за другим посылал он близких слуг в имения с повелением делить боевых холопов на равные половины. Одну оставлять дома, другую, отобранную по доброй воле, вести в имение Никольское и там ждать его слова. А вот к атаману Короле он слать гонца не спешил. Зачем прежде времени поднимать шум? Если свершится задуманное думным дворянином Ляпуновым, если определят ему, Богдану Бельскому, коснуться копьем престола Рязанского, тогда иное дело, тогда помощь Корелы очень даже понадобится. Пока же нужно исподволь склонять воевод ратей меньших городов изменить присяге Василию Шуйскому, делая это с оглядкой, очень осторожно.

Первая такая тайная беседа с воеводой Арска обнадежила. Не совсем откровенная, с намеками, но их, как показа-

лось Бельскому, воевода понял и не принял враждебно. Довольный этим Богдан воротился домой, а там ждали его сразу двое: подьячий Сыска лично от тайного дьяка и подкравчий от кравчего Тимофея. Ни у того, ни у другого не было при себе никаких писем, им велено было обсказать все подробно с глазу на глаз. Но оба посланца пока ожидали воеводу, разобрались друг с другом, поэтому не было нужды им играть меж собой в тайность и скрывать, о чем собирались они уведомлять боярина воеводу — Богдан Бельский сразу же понял это и позвал их для беседы вместе в свою уединенную комнату.

И это получилось ладно: они не перебивали друг друга, а дополняли. Начинал, как правило, подкравчий, уточнял же все детали, раскрывая тайные замыслы, подьячий: Сыску всегда известны не только события, но и движущие начала этих событий.

И что удивило Богдана, оба гостя подбирались к самому главному как бы на цыпочках. Либо они договорились меж собой, либо имели оба одинаковые наказы от пославших их. А может, считали по неопытности главным то, с чего начали разговор.

— Сигизмунд-король сам послал рать на Россию. Смелым стал после кончины великого воеводы князя Михаила Скопина-Шуйского. Возглавил польскую рать умный и хитрый воевода гетман Жолкевский. Теперь против Москвы две силы: Дмитрий Иванович с ляхом Сапегой, он сам по себе, и гетман Жолкевский со своей ратью — сам по себе.

— Не Смоленск ляхам нужен, — добавил подьячий, — ни даже земли до Угры, какие они считают своими, но сама Москва. Сигизмунд имеет намерение овладеть всей Русью, рассчитывая легко ее победить, делая ставку на наше междоусобие.

— Что же тогда Разрядный приказ не слал и не шлет мне разверстку по рати?

— Тайный дьяк сказывал мне так: по расчету главного воеводы князя Дмитрия Шуйского хватало войска, чтобы проучить Жолкевского. Да и не слишком доверяют тебе, великий оружничий. Считали, да просчитались. Вышло худо. Наша рать и польская сошлись близ села Клушина. Вернее, гетман Жолкевский, свершив по болотистым лесам обход-

ной маневр, напал на наше войско неожиданно. На рассвете. Когда еще ратники благодушно почивали. Воевода Дмитрий Шуйский и генерал Делагарди пытались устроить полки для сечи, но не успели ничего сделать — в несколько раз превосходящее войско лишь местами твердо сопротивлялось, когда же шведы и иные наемники подло изменили, переметнувшись к Жолкевскому, наша рать запаниковала. Полный разгром. Сам Дмитрий Шуйский, загубив коня в болоте, едва выбрался и пешехом добежал до Можайска. В Москву прискакал со страшной вестью.

— А тут — другая рать, Дмитрия Ивановича, — заговорил подкрavчий. — Город за городом к нему переходят. Он вошел уже в Коломенское и там остановился. Ждет, когда Москва ему челом ударит. Дозоры его на виду у москвичей.

— Ляпунов, — это подьячий вставляет свое слово, — тоже под самой Москвой, а его брат Захарий и дворянин Хомутов в Москве. За выборного царя призывают народ.

— Выходит, скоро допета будет песенка князя Василия? — будто спросил себя Богдан и сам же ответил: — Точно, Москва возбудится без всякого сомнения...

— Уже спета песенка царева. Посланцы Ляпунова о чем заговорили с Лобного места? Не самозванца, дескать, нам нужно, ибо он — папист. Ни Василия Шуйского, отравителя своего племянника, славного воеводы Михаила. Даешь царя, избранного всем миром.

— Ну, и что?

— Как что? Свергли Василия Шуйского.

— Господи, с этого и нужно было начинать.

— Не раскинешь умом, что главное, а что еще главней, — в оправдание себе ответил подьячий. — По моему разумению, главное даже не в этом. Тайный дьяк тоже так мыслит. Главное в ином: свергнув Василия, думцы не определили, кого из русских, достойных венца, просить на царство. Вышли скопом на Лобное место, и князь Федор Мстиславский предложил вроде бы не от себя лично, а от всей Думы. Да такое, что от страха мурашки по спине побежали. Звать, говорит, нужно на царство сына короля польского, Владислава. Он-де, славянин, как и мы. Поставим, говорит, условие, чтобы принял веру православную, в жены бы взял тоже из православных и кровей царских. Все у князя как по маслу:

потребуем, чтобы не менял наших обычаев древних, правосудие вел бы по нашему Судебнику, новых налогов тоже не вводил бы. В общем, по словам князя Мстиславского, не жизнь станет под рукой Владислава, а разлюли-малина. Сигизмунд своих шляхтичей уведет в Польшу, а Лжедмитрия, так князь назвал Дмитрия Ивановича, умертвим руками его же сторонников. Уговор, дескать, такой есть. Мы свергаем Василия, они решают дело с Лжедмитрием.

— Ну, и как Москва?

— Что как? Присягнула Владиславу, послав ему все условия свои. Примет он их. Кремль распахнет ему свои ворота.

— И никого против?!

— Патриарх Гермоген. Но его не слушали. И еще, как Сыску стало известно, Ляпунов не поддержал князя Мстиславского. Он на своем стоит: выбор царя всем миром. Из наших, кто достоин. А не из ляхов или иных каких иноверцев.

«Слава Богу! Значит, не забывает обо мне Ляпунов», — довольно подумал Богдан и спросил посланцев:

— Все у вас?

— У меня все, — ответил подкрavчий.

— А мне велено передать тебе главное слово тайного дьяка: спеши из Казани. К Ляпунову липнет князь Василий Голицын.

«Вот бестия! Все знает!»

Понимал, конечно, Вельский, что он не безынтересен тайному дьяку, но не до такой же степени, чтобы даже переписка была ему известна. Неуютно себя почувствовал великий оружничий, но тут же махнул рукой: на то он и тайный дьяк, чтобы все знать. А подсказка его очень даже важная. Следует ею воспользоваться и поспешить в Рязань. Можно даже не собирая рати. В Никольском же распорядиться, чтобы боевые холопы, которые туда съедутся, ждали бы его повеления ехать в Рязань.

Сам он твердо решил через несколько дней податься к Захарю Ляпунову.

Не успел, однако же, Богдан проводить подьячего и подкрavчего, как на пороге гонец Разрядного приказа.

— Дума постановила тебе, воевода, идти к Москве, собрав как можно больше рати. На мятежника Ляпунова.

— Коль велено, исполню, — заверил гонца Бельский. —

Спеши с этим словом обратно. Через неделю-другую я приведу ратников.

А про себя добавил: «К Ляпунову Прокопию».

Он даже обрадовался, что может идти во главе полка (столько он вполне мог наскрести по гарнизонам) с полным основанием, в пути же убедить второго и третьего воевод и сотников переметнуться к Ляпунову, поддержать его идею о вселенском выборе царя. И не подумал, к чему приведет отсрочка с отъездом.

Чем больше ратников съезжалось под Казань в устроенный спешно стан на Арском поле, тем упорней по городу расползались слухи, что воевода поведет рать на сына Грозного, чтобы убить его, открыв тем самым путь к престолу ляху Владиславу. Город начал волноваться, о чем воеводе ежедневно доносили.

— Клятвоотступником косят тебя, воевода. Готов ли ты поднять руку на оставленного по духовной Грозного на попечение.

— Кто главный смутьян?

— По чьей воле, трудно понять. Тут, как тебе известно, очень много бояр, да из Москвы разве сюда руки не дотянутся, если кто хочет тебе зла?

— Но исполнитель же есть?

— Дьяк Шульгин. Он исполнитель чужой воли. И все же вели его оковать.

— Пожалуй, стоит. В пыточную его. Я сам стану дознаваться.

Шульгин, однако, оказался неуловимым. Посланные для его ареста вернулись с пустыми руками.

— Слуги сказали, давно его в своем доме нету.

— Определите, где он и — в пыточную!

Началась настоящая охота. Получает воевода весть, где дьяк находится, посылает стражников, а Шульгина и след простыл. И так почти каждый день. Богдану бы, прошедшему школу Малюты Скуратова, получавшему хорошие уроки от тайного дьяка, сообразить, что за Шульгиным не один, а многие, плюнуть на все и поспешить с отъездом, но увлеченный мыслью прийти к Ляпунову с крупной ратной силой, чтобы сразу отеснить князя Голицына на задворки, а то и покончить с ним, подведя его под слу-

чайную смерть, так им владела, что больше он ни о чем не думал.

Начали съезжаться из своих имений дворяне и бояре. На Коляду. Хотя до колядования оставалась еще добрая неделя. Но не обратил внимания Богдан и на это.

И вот: гром с ясного зимнего неба — в городе появились посланцы Дмитрия Ивановича. Они ехали в Астрахань с его призывным письмом, но сделали остановку в Казани, и тут же повалил народ на площадь перед соборным храмом.

Воевода — тоже туда. А там уже толпы народа. На паперти — двое посланцев Дмитрия. За их спинами — дьяк Шульгин. Стоит, заложив руки за спину, словно все, что происходит на площади, его вовсе не касается, он здесь оказался случайно и вот теперь вынужден созерцать и слушать.

— Князь Василий Шуйский не убил Дмитрия Ивановича. Господь Бог сохранил своего помазанника и на сей раз. Сегодня у его руки князя Трубецкой, Черкасский, Бутурлин, Микулин — да разве перечтешь всех, кто остался верен истинному царю. Почти все русские города присягнули ему. Таких, как ваш, единицы. Непонятно, отчего вы упрямитесь? Хотите быть под пятой паписта-латинянина Владислава или в рабстве самого Сигизмунда?!

Богдан спешил к паперти, толпа расступалась, но без почтительного поклона. Слышались даже приглушенные реплики:

— Вот он — клятвоотступник.

Повернуться бы воеводе, поспешить не на паперть, а в свой дворец, сесть в седло, и пока толпа слушает речи, ускользнуть из города, и такая мысль у него появлялась, но он, не отдавая себе в том отчета, торопливо шагал к паперти. Возможно, вела его надежда повернуть толпу на свою сторону. Но скорее всего, рок вел его. Не иначе. Подталкивая надеждой уговорить казанцев примкнуть к Ляпунову.

С этого и начал свое слово.

— Вы знаете думного дворянина Ляпунова. Он всей душой был предан царю Дмитрию. Он даже подался к нему, поверив слухам, что тот жив, но с великим разочарованием покинул его, не признав в нем царя. Князь Шаховской тоже прислал мне письмо, полное разочарования и даже гнева. Я же не могу сказать ничего определенного. В дни, когда князь Василий

Шуйский рвался к трону, я не покидал дома своего по сильной болезни. Прежде, как опекун Дмитрия Ивановича, я знал каждый его шаг и мог клясться, что он истинный сын Грозного, теперь же я не уверен, действительно ли спасся наш государь от руки клеветников князя Василия Шуйского, поэтому призываю вас не спешить с присягой, доколе не выяснится вся правда...

Дьяк Шульгин, стоявший прежде бездвижно, резко шагнул вперед и, буквально оттолкнув плечом Богдана Вельского, заговорил трубно:

— Можно ли слушать клятвоотступника?! Ему завещано по духовной царя Ивана Васильевича опекать сына царского, Дмитрия Ивановича, а он, великий оружничий, не мог не знать о заговоре, вот и притворился больным, развязав руки убийцам. Я твердо знаю: Дмитрий Иванович волею Бога остался живым, хотя смерти его хотел и он, — длань в сторону Вельского, — лелея свою тайную мысль.

— Напраслина! — резко ответил оружничий. — Я честно исполнял обязанности пестуна, и не моя вина, что Дмитрий Иванович более приблизил к себе шляхтичей и иезуитов, но не русских дворян и бояр.

— Слышите, он признал свою враждебность к помазаннику Божьему. Он сказал: честно служил Дмитрию Ивановичу. Сомневаюсь, как сомневаюсь и в том, что он честно служил тем царям, которые были до Дмитрия Ивановича. Он изводил их. Недаром московский люд возжелал расправиться с ним.

— Но москвичи избрали меня правителем до воцарения Дмитрия Ивановича!

Дьяк Шульгин вроде бы не услышал столь резкого возражения воеводы казанского, продолжил свою речь:

— Дмитрий Иванович никогда бы не воцарился. Он бы не доехал до Москвы и был бы отравлен, как царь Иван Васильевич, как великий князь Владимир Андреевич, как Борис Годунов, как еще молодой, но уже великий воевода князь Михаил Скопин-Шуйский, — вздох полной грудью и еще громче. — Граждане казанцы, воевода Бельский не случайно сказал, что Москва избрала его правителем. Он этого домогался прежде, домогается и сейчас. К нему приезжали челобитчики от собора Рязанского и Прокопия Ляпунова, дабы дал он согласие силой захватить трон, и он согласился.

Ему предлагал это же от низовских казаков атаман Корела, он и ему не отказал. Воевода считал, что делает все тайно, но нам все известно. Он уже вел разговоры с воеводой Арска об измене присяге. Оружничий убеждает, что это ради благоденствия Руси, но если он болеет за нее, отчего отказался от предложенного Прокопием Ляпуновым еще до кончины Михаила Скопина-Шуйского влиться в рать великого воеводы? Бельский в ответ на это отравил князя Михаила, поистине возможного спасителя Руси!

— Навет!

— Нет! Ты посылал гонца в Москву накануне торжественных пиров в боярских усадьбах в честь героя. И кто, ответь мне, подал кубок князю с ядом! Берно. Твоя сродственница.

Маленькая пауза из-за шума на площади. Шульгин поднимает руку и возглашает:

— Я не закончил свое слово.

Площадь начала успокаиваться, шум перешел в злобное рычание, которое не заглушит громкого голоса, и дьяк продолжает:

— Воевода призывает не присягать ляху Владиславу и изменить Дмитрию Ивановичу. Он говорит — Руси нужен новый царь, и этим царем намеревается стать сам. Но Бельский — опричник, по горло в крови невинных жертв, им и Малютой Скуратовым обогланных. Хотим ли мы кровавого царства?! Если да, то теперь же присягайте кровопийцу! Не хотите — давайте исправим ошибку москвичей, которые не довели до конца справедливой воли! Смерть опричнику!

— Смерть опричнику! — выкрикнули в разных концах площади перед храмом приготовленные крикуны, но толпа поддержала недружно, тогда дьяк Шульгин еще раз возгласил:

— Смерть опричнику!

Вновь подхватили этот призыв только настропаленные крикуны, а площадь снова отголмчалась, и Богдан, понявший, что собравшийся народ можно настроить против самого Шульгина, шагнул вперед, чтобы сказать слово в свое оправдание, но на паперть уже вбегали дюжие молодцы. Они в один миг заткнули ему рот, заломили руки и поволокли по ступеням вверх на колокольню.

Крикуны тем временем надрывали глотки:

— Смерть опричнику!

— Смерть опричнику!

Толпа постепенно возбуждалась, и гомон ее долетел до Бельского, которого грубо волокли по ступеням вверх.

«Все! Конеч! Толпа не заступится!»

В мгновение ока пронеслась в голове вся жизнь, и несчастный сделал великое, но очень запоздалое для себя открытие: он — опричник. Но не в том понятии, какое вкладывает в это слово уже бушующая на площади толпа, а в ином, более глубинном смысле. С самых юных лет он участвовал во всех важных событиях государственных, но никогда не одаривался по заслугам. Его оттесняли более пронырливые, более разворотливые, и он оставался как бы снаружи, совершенно отстраненным от общего признания. Да, он — опричник. Такова судьба! Он хотел многого, но его желания никогда не сбывались полностью, хотя старался идти к цели с предельной устремленностью.

Ступеней десять до верха. Мысли скакнули в иное: перед глазами стонущие и кричащие от боли в пыточной, из которых он выбивает не правдивые показания, а нужные ему. У иных вырывались вместе со стоном проклятия; в мыслях же проклинали его, Бельского, все жертвы.

...Храм Божий в деревне под Александровской слободой. Кубки с ядом и — проклятия княгини Евдокии.

...Река Шексна. Мать князя Владимира княгиня Евфросиния, понявшая свой конец, шлет ему на прощание проклятие.

Да, он проклят! Не единицами. Даже не десятками, а сотнями.

Вот он на верху звонницы. Его тянут к окну. Кто-то из молодцев задевает большой колокол, тот надрывно всколыхнулся. Сердце сжалось у Бельского от колокольного стоны, и последнее, что пронеслось — слова хранителя бога Прова: «На Иване Грозном пресечется на троне род Владимировичей. Свершится проклятие волхвов». У него тоже в жилах кровь Даниловичей, значит, и ему рок не судил царствовать.

Поздно он сделал это открытие. Очень поздно. Осуждай теперь себя за опрометчивость, казись, все одно — конец неминуемый — вниз головой.

Казань присягнула не истинному или мнимому Дмитрию Ивановичу, а уже его тени. Князь ногайский Арслан, мстя за своего отца, утопленного по приказу Дмитрия Ивановича в Оке, отсек ему голову на охоте и ускакал в Тавриду.

Русь освободилась от основных смутьянов, увы, смута не вдруг утихомирилась. Еще много времени Земля Русская обильно питалась праведной и неправедной кровью.

КОММЕНТАРИИ

Ананьев Геннадий Андреевич родился в 1928 году. Окончил Алма-Атинское пограничное кавалерийское училище, служил на заставах Забайкалья и Заполярья. В 1965 году поступил в Казахский государственный университет им. С. М. Кирова, в этом же году начал журналистскую деятельность.

Член Союза писателей России с 1985 года. Автор более 10 военно-приключенческих и исторических романов, выходивших в различных издательствах. Лауреат ряда литературных премий.

Исторический роман «Опричник» – новое произведение писателя.

¹ *Чирок* – небольшая водоплавающая птица из семейства уток.

² *Аргамак* – старинное название восточных породистых верховых лошадей.

³ *Гедиминовичи* – потомки великого князя литовского Гедимина. На Руси – княжеская ветвь, вторая по знатности после Рюриковичей.

⁴ *Аланы* – (по-русски – ясы) – предки осетин, ирано-язычные племена сарматского происхождения.

⁵ *Воротники* – стража на воротах.

⁶ *Детинец* – кремль.

⁷ *Заводной* – запасной.

⁸ *Ошую* – влево.

⁹ *Бармица* – кольчужная железная сетка, прикреплявшаяся к шлему воина для защиты шеи.

¹⁰ *Шуга* – скопления губчатого рыхлого льда в водной толще или на поверхности водоема; возникает до ледостава.

¹¹ *Фряжский* – иностранный, заморский.

¹² *Ферязь* – старинная русская распашная (с завязками спереди) одежда с узкими рукавами.

¹³ *Камка* – шелковая цветная ткань с узорами.

¹⁴ *Биндюхи* – большие извозные телеги.

¹⁵ *Ганза* – торговый и политический союз северно-немецких городов в 14–16 вв.; Ганзе принадлежала торговая гегемония в Северной Европе.

¹⁶ *Одесную* – вправо.

¹⁷ *Нойоны* – представители древних монгольских аристократических родов.

¹⁸ *Камча* – плетка.

¹⁹ *Чингизиды* – потомки Чингисхана; правящие династии, основанные его сыновьями и внуками.

²⁰ *Перелог* – примитивная система земледелия: после снятия нескольких урожаев землю (перелог) оставляли без обработки на 8–15 лет для восстановления плодородия почвы.

²¹ *Чудь* – древнерусское название эстов, а также других финских племен.

²² *Охабень* – старинный русский широкий кафтан с четырехугольным отложным воротником и длинными прямыми, часто откидными рукавами.

²³ *Раньшины* – беломорские малые промысловые суда.

²⁴ *Насады* – речные суда.

²⁵ *Учаны* – речные суда.

²⁶ *Киль* – балка, проходящая посередине днища судна от носа до кормы.

²⁷ *Кучум* – (?–ок. 1598) хан Сибирского царства. В 1582–85 гг. воевал с Ермаком.

²⁸ *Тиун* – княжеский или боярский слуга, управляющий хозяйством.

²⁹ *Корзно* – княжеский плащ.

³⁰ *Гяур* – название всех немусульман у исповедующих ислам, главным образом в Средние века.

³¹ *Калита* – кожаная сумка для денег, носилась на ремне у пояса.

³² *Клеврет* – приспешник, приверженец, не брезгающий ничем, чтобы угодить своему покровителю.

³³ *Панагия* – круглая иконка с изображением Богоматери; нагрудный знак архиереев.

³⁴ *Аksamит* – бархат.

³⁵ *Ахинак* – короткий (40–60 см) меч.

³⁶ *Тенеты* – сети.

³⁷ *Мосол* – кость.